

Ж У Р Н А Л Ы

СОБРАНИЙ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1911-й годъ.

— — —
10 января 1911 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, ординарные профессеры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Таръевъ; экстраординарные профессеры—И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатные заслуженные ординарные профессеры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессеры—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь директоръ Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Н. В. Гоголя, кандидатъ богословія, *Александръ Волкинъ* защищать на коллоквиумъ представленную имъ па соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Мессія по изображенію пророка Исаи. Опытъ библейско-богословскаго и критико - экзегетическаго изслѣдовапія пророчествъ Исаи о „Лицѣ Мессіи“. Кіевъ, 1908 г.

Официальными оппонентами были экстраординарные профессора Академіи: по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи священникъ *Е. А. Воронцовъ* и по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіею древняго міра.— *Д. И. Введенскій*.

По окончаніи коллоквиума Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 175 устава духовныхъ академіи: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) по § 110 лит. в п. 7 того же устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея па утверженіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи директора Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Н. В. Гоголя, кандидата богословія, Александра Волнина въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертациі кандидата Волнина и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Академіи—священника *Е. А. Воронцова* и *Д. И. Введенскаго*.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Янв. 20. Ходатайствовать“.

26 января 1911 года.

№ 2.

Присутствовали подъ прѣдсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Акаде-

ми—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыиць, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессор П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семь имѣли сужденіе:

I.—О способѣ замѣщенія вакантной въ Академіи каѣдры исторіи *Славянскихъ церквей и Румынской*.

Справка: 1) Определеніемъ отъ 15-го сентября минувшаго 1910 года (журналъ № 13-й) Совѣтъ Академіи ходатайствовалъ предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи замѣстить вакантныя въ Академіи каѣдры: а) Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта, Священнаго Писанія Новаго Заѣта, догматическаго богословія, церковнаго права и исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени—посредствомъ *рекомендаціи*, а б) каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской—посредствомъ *конкурса*.—На помянутомъ журналѣ № 13-й послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Сент. 24. Разрѣшается замѣстить каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ конкурса, а остальные указанныя здѣсь каѣдры посредствомъ рекомендаціи“.

2) На основаніи означенной резолюціи Его Высокопреосвященства и согласно § 71 устава духовныхъ академій, Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 6-го октября 1910 года выработалъ условія конкурса на вакантную каѣдру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской и постановилъ объявить ихъ во всеобщее извѣстіе чрезъ напечатаніе въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и разсылку по высшимъ учебнымъ заведеніямъ и Правленіямъ духовныхъ семинарій.—Послѣднимъ срокомъ для представленія заявле-

ній о желаніи занять кафедру назначено было 15 декабря 1910 года.

3) Къ означенному сроку въ Совѣтъ Академіи поступило *единственное* прошеніе правщика Московской Синодальной Типографіи, магистра богословія, *Николая Серебрянскаго* слѣдующаго содержания:

„Представляя при семь curriculum vitae и пять изъ моихъ работъ, прошу Совѣтъ Академіи допустить меня къ соисканію кафедры по исторіи Славянскихъ церквей и Румынской“.

Къ прошенію были приложены слѣдующіе печатные труды г. Серебрянскаго: 1) „Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монастырства“ (магистерская диссертация, одобренная Совѣтомъ Московской Духовной Академіи, 2) „Житіе преподобнаго Евфросина Псковскаго (первоначальная редакция)“, къ изданію приготовилъ Н. Серебрянскій; 3) „Замѣтки и тексты изъ Псковскихъ памятниковъ, I—V“; 4) „Къ вопросу о возникновеніи г. Пскова. (Историко-библіографическая замѣтка)“ и 5) рукописная замѣтка подъ заглавіемъ: „Два списка княжескихъ житій въ Псковскихъ пергаменныхъ прологахъ“.

4) Устава духовныхъ академій §§ 70—71: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя Совѣтъ избираетъ достойнаго кандидата на вакантную должность. Избраніе кандидатовъ можетъ совершаться или посредствомъ рекомендаціи, или посредствомъ конкурса; Совѣтъ примѣняетъ тотъ или другой способъ съ утвержденія мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея“.—„При избраніи посредствомъ рекомендаціи каждому изъ членовъ Совѣта предоставляется указать кандидата на вакантную должность преподавателя. При избраніи посредствомъ конкурса Совѣтъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе объ открывшейся вакансіи, при чемъ публикуется и особая программа конкурса, точно указывающая требованія, которымъ должны удовлетворять желающіе занять кафедру. Въ обоихъ случаяхъ срокъ для всего дѣлопроизводства не долженъ быть выше полугода“.

Опредѣлили: Въ виду того, что къ соисканію кафедры исторіи Славянскихъ церквей и Румынской явилось только одно лицо, печатные труды котораго хотя и обвѣриваютъ въ

авторъ добросовѣстнаго работника, хорошо освѣдомленнаго въ древне-русской письменности, особенно агиографическаго характера, но не имѣютъ никакого отношенія къ предмету каѳедры,—признать конкурсъ несостоявшимся и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи избрать кандидата на помянутую каѳедру посредствомъ *рекомендаціи*.

II. О замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи *должностей лекторовъ французскаго и англійскаго языковъ*, причѣмъ были выслушаны прошенія:

а) *Священника* Московской Василіе-Кесарійской, что на Тверской, церкви, кандидата богословія, *Николая Преображенскаго*:

„Представляя при семъ требуемое академическимъ уставомъ свидѣтельство на право преподаванія за № 70 (временное), покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи предоставить мнѣ вакантную въ Академіи должность лектора англійскаго языка“.

Приложенное къ прошенію временное удостовѣреніе Испытательнаго Комитета при Управленіи Московскаго Учебнаго Округа, отъ 25 января 1911 года за № 70, гласитъ слѣдующее: „Дано сіе священнику Николаю Преображенскому для представленія въ Московскую Духовную Академію въ томъ, что онъ подвергался въ Испытательномъ при Управленіи Московскаго Учебнаго Округа Комитетѣ спеціальному испытанію на званіе учителя гимназій по предмету англійскаго языка и оказалъ отличныя познанія.—Удостоенъ этого званія Преображенскій будетъ, по дачѣ имъ установленныхъ пробныхъ уроковъ, Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа“.

б) И. д. доцента Академіи по каѳедрѣ общей гражданской исторіи, кандидата богословія, *А. К. Мишина*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи предоставить мнѣ преподаваніе французскаго или англійскаго языка. Въ Академіи я изучалъ оба названные языка и выдержалъ по нимъ экзамень. Требуемое уставомъ свидѣтельство на право преподаванія обязуюсь доставить“.

Справка: 1) Другихъ заявленій о желаніи занять вакант-

ныя въ Академіи должности лекторовъ англійскаго и французскаго языковъ, кромѣ вышеизложенныхъ, въ Совѣтъ Академіи, не смотря на двукратное помѣщеніе объявленій о томъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—не поступало.— 2) По § 69 устава духовныхъ академій: „Лекторы новыхъ языковъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на право преподаванія, по предварительномъ, въ случаѣ надобности, удостовѣреніи Совѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способности къ преподаванію“.—3) По § 110 лит. б п. I устава избраніе кандидатовъ на должности лекторовъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Избрать и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи: а) священника Московской Василіе-Кесарійской, что на Тверской, церкви *Николая Преображенскаго*—въ должности лектора англійскаго языка, а и. д. доцента Академіи по кафедрѣ общей гражданской исторіи *А. К. Мишина*—въ должности лектора французскаго языка (последняго—съ обязательствомъ представить требуемое академическимъ уставомъ свидѣтельство на право преподаванія).

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 14. По ст. 1. Разрѣшается избрать кандидата на кафедре исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ рекомендаціи. По ст. 2. Священникъ Преображенскій и и. д. доцента Академіи Мишинъ утверждаются—первый лекторомъ англійскаго языка, а второй—французскаго“.

26 января 1911 года.

№ 3.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спаскій

и М. М. Таръевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, И. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. П. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. а) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи 17-го декабря 1910 года, № 27: „1911 г. Янв. 20. По ст. III. Въ виду небезосновательнаго протеста профессора Бѣляева, выраженаго имъ и въ отдѣльномъ мнѣніи, и въ особомъ дополнителномъ письмѣ, при семъ прилагаемомъ, предлагаю Совѣту вопросъ о выдачѣ Мухановскихъ пособій подвергнуть новому обсужденію. Прочее утверждается“.

б) Особое мнѣніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи А. Д. Бѣляева по вопросу о присужденіи въ собраніи Совѣта 17-го декабря 1910 года пособій изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой, приложенное къ журналу означеннаго собранія:

„Симъ моимъ мнѣніемъ честь имѣю заявить, что я имѣю не только право, но даже преимущественное право получить Мухановское пособіе въ 1910 г., а между тѣмъ Совѣтъ Академіи не соблаговолилъ присудить его мнѣ. Основывался онъ на правилѣ, установленномъ Совѣтомъ 19 декабря 1897 (1907) г., которое воспрещаетъ присуждать преміи сверхштатнымъ преподавателямъ. А я утверждаю, что это правило не имѣетъ ни малѣйшей юридической силы. Оно не только не было утверждено высшею властію, но даже не было доложено ей. Мало того: оно не было внесено въ протоколы Совѣта. Почему? Да потому, что оно незаконно и юридически совершенно ничтожно, представляя явное и рѣзкое противорѣчіе закону, подъ каковымъ нужно разумѣть положеніе о Мухановскихъ пособіяхъ, выработанное самимъ же Совѣтомъ и утвержденное высшею властію. Въ первомъ параграфѣ этого положенія сказано, что пособія изъ процентовъ съ Мухановскаго капитала выдаются преподавателямъ штатнымъ и *сверхштатнымъ*. Совѣтъ могъ, если

онъ находилъ нужнымъ, войти съ мотивированнымъ представленіемъ къ митрополиту объ измѣненіи положенія въ томъ, что сверхштатные преподаватели не должны быть удостоиваемы Мухановскихъ пособій, и если бы это представленіе было утверждено, то это былъ бы настоящій путь закона. Нужно даже удивляться тому, что это правило доселѣ никѣмъ не было опротестовано. Впрочемъ и самъ Совѣтъ не былъ послѣдователенъ въ примѣненіи этого правила, присудивши Мухановское пособіе лектору нѣмецкаго языка В. П. Лучинину, въ то время, когда онъ уже былъ на пенсіи и служилъ въ Академіи по найму, а такая служба ниже сверхштатной.

А ко мнѣ правило отъ 19-го декабря 1897 (1907) года не можетъ быть даже и примѣнено во всей силѣ, потому что я шесть лѣтъ не получалъ Мухановскаго пособія, и въ этотъ періодъ времени штатнымъ профессоромъ я былъ почти шесть лѣтъ, а сверхштатнымъ всего два съ половиной мѣсяца. А вѣдь Мухановское пособіе, какъ служебная награда, должно быть дано за всѣ шесть лѣтъ службы, а не за послѣдніе только мѣсяцы.

Судя по преніямъ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ членахъ Совѣта нежеланіе присудить мнѣ пособіе было вызвано тѣмъ соображеніемъ, что денежно я болѣе обезпеченъ, чѣмъ нѣкоторые другіе кандидаты на получение пособія.

Противъ такого соображенія я могу сказать, что Мухановскія пособія не суть милостыня, подаваемая нуждающимся, а награда за службу. Это преміи, а не подачки. Премія за сочиненіе можетъ быть присуждена миллионеру и не присуждена голодающему писателю, и въ этомъ не будетъ никакой несправедливости. Самъ Совѣтъ всегда держался такой точки зрѣнія на Мухановскія пособія. Для выдачи ихъ онъ установилъ принципъ старшинства. Первыми получили Мухановскія пособія ординарные, т. е. наиболѣе обезпеченные профессора. Въ протоколахъ прямо писалось: получилъ пособіе такой-то профессоръ, служащій въ Академіи съ такого-то года. А если бы Мухановскія пособія были чисто благотворительныя, тогда слѣдовало бы награждать преимущественно, если только не исключительно, младшихъ профессоровъ, какъ получающихъ наименьшее жалованье. Между тѣмъ само положеніе о Мухановскихъ пособіяхъ прямо воспрещаетъ при-

суждать ихъ лицамъ, прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ. Что Совѣтъ не призналъ возможнымъ лишать Мухановскихъ пособій профессоровъ прямо богатыхъ, это видно изъ того, что въ 1897 и 1902 г.г. эти пособия были присуждены профессору В. О. Ключевскому, получавшему жалованье чуть не втрое больше оклада ординарнаго профессора Академіи. Иначе и нельзя было поступить, если Мухановскимъ пособиямъ придано значеніе не помощи бѣднякамъ, а служебныхъ наградъ. При такомъ ихъ значеніи невыдача пособия заслужившему его есть нравственный ударъ, болѣе тяжкій, чѣмъ матеріальный ущербъ. Въ данномъ случаѣ этотъ ударъ нанесенъ мнѣ и, смѣю думать, незаслуженно нанесенъ, а потому я и вынуждаюсь заявить протестъ противъ него.

Я сказалъ, что я не только имѣю право получить Мухановское пособие, но и считаю это право преимущественнымъ предъ правомъ нѣкоторыхъ другихъ кандидатовъ на пособия и получившихъ ихъ отъ Совѣта. Теперь поясню эти слова. Я долженъ былъ получить пособие еще въ прошломъ году, что видно изъ слѣдующаго нагляднаго примѣра. Въ прошломъ году пособие получилъ М. Д. Муретовъ, а я не получилъ, не смотря на то, что я имѣлъ предъ нимъ преимущество двоякаго старшинства: старшинства по службѣ въ Академіи и старшинства полученія пособия въ предъидущій разъ; я получилъ пособие въ 1904 г., а онъ въ 1905 году. Тогда къ этой несправедливости я отнесся равнодушно, рассуждая, что получить пособие годомъ раньше, годомъ позже — разница небольшая. Между тѣмъ нынѣ мнѣ пособия не присудили, не смотря на то, что должны были присудить его мнѣ еще въ прошломъ году. Помимо старшинства преимущественное право мое на полученіе пособия заключается въ томъ, что неполученіе пособия нынѣ любымъ изъ пяти членовъ корпораціи, которымъ оно присуждено, есть только отсрочка полученія до слѣдующаго года, а для меня неприсужденіе мнѣ пособия есть окончательное лишеніе его, такъ какъ въ декабрѣ 1911 года я уже не буду состоять на службѣ въ Академіи. Кстати скажу, что для соблюденія принципа старшинства нынѣ правильнѣе было безсемейнымъ присуждать изъ пяти пособій два, а не одно“.

в) Письмо на имя Его Высокопреосвященства сверх-

штатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. Д. Бяляева*:

„Въ поясненіе къ моему особому мнѣнію о присужденіи Мухановскихъ пособій въ засѣданіи Совѣта 17-го декабря считаю нужнымъ доложить Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, слѣдующее:

Ошибка, допущенная Совѣтомъ по этому дѣлу, заключается не въ томъ, что присуждено пособіе о. Евгенію Александровичу Воронцову: онъ 7 лѣтъ не получалъ пособія и вполне достоинъ получить его. Поэтому и баллотировка, предложенная не кстати г. Секретаремъ, для рѣшенія вопроса—мнѣ, или о. Евгенію дать пособіе, была совершенно не умѣстна.

Ошибка Совѣта въ томъ, что въ текущемъ году онъ присудилъ безсемейнымъ одно, а не два пособія (по правиламъ Совѣтъ каждый разъ обсуждаетъ вопросъ—дать ли семейнымъ три, а безсемейнымъ два пособія, или семейнымъ четыре, а безсемейнымъ одно пособіе). Рѣшенъ былъ этотъ вопросъ не чрезъ обсужденіе того, кто болѣе, кто менѣе достоинъ получить пособіе, а путемъ баллотировки. Что баллотировка не могла дать безпристрастнаго рѣшенія этого вопроса, это видно уже изъ того, что членовъ Совѣта семейныхъ въ засѣданіи было 9, а безсемейныхъ всего 4. Въ результатъ вышло, что экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ, не получавшій пособія всего 4 года (получилъ въ 1906 г.), получаетъ его нынѣ. Равнымъ образомъ получаетъ нынѣ пособіе и бібліотекаръ К. М. Поповъ, не получавшій его только 4 года. А я не получалъ пособія 6 лѣтъ (последній разъ получилъ въ 1904 г.) и не получаю нынѣ. Эта несправедливость увеличивается тѣмъ еще, что если Смирновъ, или Поповъ не получаютъ пособія нынѣ, они непременно получаютъ его чрезъ годъ, а для меня невыдача пособія теперь есть окончательное лишеніе его. Я имѣлъ право получить пособіе еще въ прошломъ году, и если не настаивалъ на своемъ правѣ, то только потому, что надѣялся получить его нынѣ. Неужели я меньше услужилъ академіи, нежели бібліотекаръ? Никакой купецъ приказчика, прослужившаго у него 35 лѣтъ честно и усердно, не отпуститъ безъ награды, даже сверхдолжной. Но академическій Совѣтъ разсудилъ иначе. Въ извиненіе Совѣта можно ука-

зять только то, что о годѣ предыдущаго полученія пособій профессоромъ Смирновымъ и бібліотекаремъ Поповымъ г. Секретаремъ Совѣту доложено не было. А члены Совѣта не знаютъ, и не могутъ знать, когда кто получалъ раньше пособія.

Что касается до вопроса о нуждѣ или бѣдности, то въ Академіи бѣдняковъ нѣтъ вовсе, а есть только болѣе и менѣе состоятельные люди. При равныхъ другихъ условіяхъ, конечно, нужно дать пособіе менѣе состоятельному, нежели болѣе достаточному. Но Мухановскія пособія суть пособія наградныя, за службу. Поэтому они всегда были выдаваемы членамъ академической корпораціи въ порядкѣ старшинства, при чемъ вопросъ о томъ, кто богатъ, кто бѣденъ, никогда не былъ и возбуждаемъ. Лишеніе служебной награды очень непріятно тѣмъ, что оно показываетъ невниманіе или нерасположеніе къ тому, кого лишаютъ награды, да притомъ еще несправедливо. Для меня непріятность этого дѣла усугубляется тѣмъ, что оно приключилось въ самомъ концѣ моей службы въ Академіи. По совѣсти могу сказать, что я и съ ненавидящими мира старался быть въ мирѣ, но нельзя же уступать всегда и вездѣ.

Надѣюсь на Вашъ нелицепріятный судъ“.

На означенномъ письмѣ надпись Его Высокопреосвященства: „Читано Янв. 20 дня“.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству нижеслѣдующія объясненія по поводу опротестованнаго сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ постановленія Совѣта Академіи отъ 17 декабря 1910 года относительно присужденія изъ процентовъ за 1910-й годъ съ капитала имени П. А. Мухановой пособій членамъ академической корпораціи:

а) Совѣтъ Академіи не раздѣляетъ и никогда не раздѣлялъ взгляда профессора А. Д. Бѣяева на Мухановскія пособія, какъ на *исключительно служебныя награды*, выдаваемыя по старшинству службы и аналогичныя преміямъ за ученые труды, которыя могутъ быть присуждены, безъ нарушенія справедливости, милліонеру и не присуждены голодающему писателю. Ни въ завѣщаніи жертвовательницы, ни въ дѣйствующихъ „Правилахъ“ о присужденіи пособій (ка-

ковья „Правила“ только и признаетъ нынѣ профессоръ А. Д. Бѣляевъ „закономъ“) нѣтъ и намека на подобный взглядъ. Напротивъ,—п. п. 4-й („Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, напаченные на „дополнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи, ежегодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно *не менѣе трехъ* выдается семейнымъ и *не менѣе одной*—безсемейнымъ лицамъ“) и 6-й („Въ случаѣ какихъ-либо особенно тяжелыхъ обстоятельствъ или крайней нужды пособие можетъ быть назначено или въ усиленномъ размѣрѣ (черезъ соединеніе двухъ частей въ одну) или вторично, хотя бы лицо нуждающееся уже получило пособие въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, а равно прослужившимъ и менѣе 5 лѣтъ“) „Правила“ ясно указываютъ на другой принципъ, положенный въ ихъ основу, именно—степень нужды въ пособіи того или другого члена академической корпораціи.—Какъ видно изъ изложенной въ справкѣ къ статьѣ III-й журнала собранія Совѣта 17 декабря 1910 года, № 27, исторіи примѣненія Совѣтомъ Академіи помянутыхъ „Правилъ“ за предшествующіе 15 лѣтъ (1895—1909), съ 1897-го года Совѣтъ Академіи, дѣйствительно, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній между членами академической корпораціи, рѣшилъ (не внося своего постановленія въ журналъ и не дополняя ничѣмъ дѣйствовавшихъ „Правилъ“) руководствоваться при назначеніи Мухановскихъ пособій принципомъ старшинства службы, не обходя и людей богатыхъ, но онъ при этомъ никогда не забывалъ бѣдныхъ и при каждомъ нарушеніи нормальнаго порядка жизни примѣнялъ п. 6-й „Правилъ“, назначая пособие члену корпораціи, находящемуся въ какихъ-либо особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ, не въ очередь.

б) Особенно рѣзко протестуетъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ противъ постановленія Совѣта Академіи отъ 19 ноября 1907 года относительно невыдачи Мухановскихъ пособій *сверхштатнымъ профессорамъ*, получающимъ одновременно и пенсіи, и особое вознагражденіе за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ, указывая, что постановленіе это не было внесено въ журналы Совѣта, не утверждено высшею властію и противорѣчитъ „Правиламъ“, которыя предусматриваютъ назначеніе пособій „преподавателямъ штатнымъ и сверх-

штатнымъ“. Какъ уже выяснено было въ вышеупомянутой справкѣ къ ст. III-й журнала № 27-й, Совѣтъ Академіи, внося въ 1895-мъ году въ п. I-й „Правилъ“ упоминаніе о преподавателяхъ „сверхштатныхъ“, имѣлъ въ виду *единственнаго* въ то время сверхштатнаго преподавателя Академіи—*Д. О. Голубинскаго*, читавшаго предметъ не положенный академическимъ уставомъ (естественно-научную апологетику), получавшаго жалованье (2000 р.) изъ суммъ Московской каѳедры, отъ казны же—лишь 429 рублей въ годъ пенсіи. Къ нему ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приравнены нынѣшніе сверхштатные профессора (институтъ коихъ учрежденъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 19 октября 1907 года), остающіеся, по выходѣ въ отставку, пожизненными членами Совѣта и получающіе въ годъ 3000 рублей пенсіи и 1200 рублей особаго вознагражденія за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ. Признавая таковыхъ лицъ вполне достаточно обезпеченными, Совѣтъ Академіи, въ собраніи своемъ 19 декабря 1907 года, и постановилъ: пособій изъ %%% съ капитала П. А. Мухановой имъ не назначать.—Таковое отношеніе къ сверхштатнымъ профессорамъ признавалъ вполне справедливымъ и самъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ, бывшій въ 1907-мъ году штатнымъ преподавателемъ Академіи: онъ подалъ голосъ за означенное поставленіе и въ теченіи трехъ лѣтъ не протестовалъ противъ примѣненія его къ сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи Н. А. Заозерскому.—Какъ и постановленіе 1897 года (относительно назначенія пособій „по старшинству службы“), помянутое рѣшеніе Совѣта относительно сверхштатныхъ профессоровъ не было занесено въ журналъ собранія 19 декабря 1907 года, хотя сохранило для самого Совѣта значеніе руководящаго принципа при назначеніи Мухановскихъ пособій, но почему первое изъ нихъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ считаетъ „закономъ“, на которомъ по преимуществу и основывается его протестъ противъ распредѣленія Мухановскихъ пособій въ 1910-мъ году, а второе—„незаконнымъ и юридически ничтожнымъ“—Совѣту Академіи неизвѣстно.

Относительно указанія профессора А. Д. Бѣляева, что постановленіе Совѣта отъ 19 декабря 1907 года и *не можетъ* быть примѣнено къ нему во всей силѣ, потому что онъ шесть лѣтъ не получалъ Мухановскаго пособія, и въ этотъ

періодъ времени штатнымъ профессоромъ былъ почти шесть лѣтъ, а сверхштатнымъ всего два съ половиною мѣсяца,— Совѣтъ Академіи считаетъ долгомъ замѣтить, что въ еще бѣльшей строгости означенное постановленіе примѣнено было, съ одобренія самого проф. А. Д. Бѣляева, къ заслуженному ординарному профессору Н. А. Заозерскому: послѣдній уволенъ былъ въ отставку и назначенъ сверхштатнымъ профессоромъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 ноября 1907 года, т. е. *лишь за мѣсяць* до собранія Совѣта (19-го декабря 1907 года), на которомъ ему, какъ сверхштатному, отказано было въ назначеніи Мухановскаго пособія.

Точно также не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и указаніе проф. А. Д. Бѣляева на несправедливость, яко бы допущенную по отношенію къ нему Совѣтомъ назначеніемъ въ 1909-мъ году пособія заслуженному ординарному профессору Академіи М. Д. Муретову, предъ которымъ онъ, проф. Бѣляевъ, имѣлъ преимущество двоякаго старшинства: старшинства по службѣ въ Академіи и старшинства полученія пособія въ предъидущій разъ. — Дѣйствительно, предшествующее пособие проф. Муретовъ получилъ годомъ позже проф. Бѣляева (1905—1904), но съ 1909-го года онъ, проф. М. Д. Муретовъ, перешелъ въ разрядъ и занесенъ былъ въ списокъ *семейныхъ* членовъ академической корпораціи, занявъ въ немъ *первое* мѣсто по старшинству службы, что и исполнѣ естественно, такъ какъ и по желанію жертвовательницы, и по дѣйствующимъ „Правиламъ“ семейные члены корпораціи должны получать пособія чаще, чѣмъ безсемейные, въ списокъ кѣторыхъ остался проф. А. Д. Бѣляевъ.

в) Наконецъ, вопреки утвержденіямъ проф. А. Д. Бѣляева, Совѣтъ Академіи считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что при присужденіи Мухановскихъ пособій въ собраніи 17 декабря 1910 года не было допущено никакой ошибки— ни процессуальной, ни по существу дѣла.—Какъ только поставленъ былъ на обсужденіе данный вопросъ, секретаремъ Совѣта дана была подробная справка, по спискамъ, какъ о семейныхъ, такъ и о безсемейныхъ членахъ академической корпораціи, стоящихъ па очереди полученія Мухановскихъ пособій, съ *указаніемъ годовъ предшествовающаго присужденія пособій каждому*.—Немедленно послѣ этого заявилъ о своемъ правѣ на полученіе пособія и профессоръ А. Д. Бѣляевъ,

уже исключенный изъ списка безсемейныхъ членовъ корпораціи согласно постановленію Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1907 года, высказавъ тѣ же самыя соображенія, которыя онъ впослѣдствіи изложилъ письменно въ своемъ „особомъ мнѣніи“.—Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ какимъ бы то ни было баллотировкамъ по данному вопросу, члены Совѣта были вполне освѣдомлены,—кто стоитъ на очереди получения пособія и на комъ и какъ отразится тотъ или иной результатъ голосованія.—Первый общій вопросъ, поставленный на голосованіе Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, былъ слѣдующій: *одно или два пособія назначать въ текущемъ году безсемейнымъ членамъ академической корпораціи?*—Профессоръ А. Д. Бѣляевъ утверждаетъ— 1) что до 1909 года этотъ вопросъ былъ рѣшаемъ *только* разсужденіями, безъ баллотировки, и 2) что таковая баллотировка не могла дать безпристрастнаго рѣшенія, ибо въ собраніи 19 декабря 1910 года участвовало 9 семейныхъ членовъ Совѣта и лишь 4 безсемейныхъ.—Относительно перваго утвержденія, за отсутствіемъ отмѣтокъ объ этомъ въ журналахъ Совѣта, трудно сказать что-либо определенное. Несомнѣнно одно, что баллотировка даннаго вопроса обуславливается п. 4-мъ дѣйствующихъ „Правилъ“ о Мухановскихъ пособіяхъ, по которому назначеніе 5-го пособія семейному или безсемейному члену корпораціи предоставляется *услотрѣнію Совѣта*. Вполнѣ возможно, что при единоподушномъ соглашеніи всѣхъ членовъ Совѣта относительно кандидатовъ на пособія—надобности въ баллотировкѣ иногда и не представлялось, но въ настоящемъ случаѣ дѣло обстояло иначе. Изъ отвѣтныхъ репликъ членовъ Совѣта на заявленіе профессора А. Д. Бѣляева объ его *правѣ* на полученіе пособія въ 1910-мъ году ясно видно было, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены не желаютъ отступать отъ установленнаго въ 1907-мъ году принципа относительно сверхштатныхъ профессоровъ, и единоподушія достигнуть невозможно. При такомъ положеніи дѣла единственнымъ выходомъ и было предложенное Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи открытое голосованіе, при чемъ 8-ю голосами противъ 5-ти на долю безсемейныхъ членовъ корпораціи удѣлено было одно пособіе, а семейнымъ—четыре.—Въ голосованіи принималъ участіе и профессоръ А. Д. Бѣляевъ, (какъ пода-

валь онъ, безъ всякаго протеста, голосъ по тому же вопросу и въ 1909 году) и только по выясненіи результатовъ онаго заявилъ, что онъ приложить къ журналу „особое мнѣніе“.— Относительно несправедливаго и оскорбительнаго обвиненія проф. А. Д. Бѣляевымъ семейныхъ членовъ Совѣта въ пристрастїи по данному вопросу достаточно замѣтить, что изъ 5-ти членовъ Совѣта, подавшихъ голосъ за назначеніе въ 1910-мъ году безсемейнымъ членамъ корпораціи *двухъ* пособій (при чемъ предполагалась возможность, что Совѣтъ отступить отъ установленнаго въ 1907-мъ году принципа и одно изъ пособій назначить, въ видѣ исключенія, проф. А. Д. Бѣляеву) былъ лишь *одинъ безсемейный* (самъ проф. А. Д. Бѣляевъ), а остальные *четверо* (проф. А. П. Шостьинъ, Н. А. Заозерскій, А. П. Голубцовъ и С. И. Смирновъ)—*семейныя*.

Что Совѣтъ и въ прежнее время, не смотря на преобладаніе въ его составѣ семейныхъ членовъ, относился вполнѣ безпристрастно къ безсемейнымъ членамъ академической корпораціи при распредѣленіи Мухановскихъ пособій,—свидѣтельствуется уже упомянутый въ справкѣ къ ст. III-й журнала № 27-й фактъ, что за предшествующіе 14 полныхъ лѣтъ (1896—1909) со времени поступленія въ Академію Мухановскаго капитала 5-е пособие назначалось Совѣтомъ вполнѣ равномерно: въ теченіе 7 лѣтъ (1896, 1898, 1899, 1900, 1905, 1906 и 1909)—*семейнымъ* и также въ теченіи 7 лѣтъ (1897, 1901, 1902, 1903, 1904, 1907, 1908)—*безсемейнымъ* членамъ корпораціи, хотя воля жертвовательницы давала Совѣту право и на нѣсколько иное отношеніе къ послѣднимъ.

Относительно второй баллотировки по тому же вопросу въ письмѣ профессора А. Д. Бѣляева на имя Его Высокопреосвященства сказано слѣдующее: „Ошибка, допущенная Совѣтомъ по этому дѣлу, заключается не въ томъ, что присуждено пособие о. Евгенію Александровичу Воронцову: онъ 7 лѣтъ не получалъ пособія и вполнѣ достоинъ получить его. Поэтому и баллотировка, предложенная не ксати г. Секретаремъ, для рѣшенія вопроса—мнѣ, или о. Евгенію дать пособие, была совершенно не умѣстна“.—Вторая половина этого утвержденія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, баллотировки въ собраніяхъ Совѣта Московской Духовной Академіи всегда предлагаются и вопросы

для нихъ окончательно формулируются Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Совѣта, какъ было и въ настоящемъ случаѣ; на обязанности секретаря Совѣта лежитъ лишь опросъ присутствующихъ въ собраніи членовъ Совѣта, отмѣтка въ списокѣ результатовъ голосованія и объявленіе послѣднихъ. Во-вторыхъ и самый вопросъ, поставленный на баллотировку, формулированъ былъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи иначе, чѣмъ утверждаетъ профессоръ А. Д. Бѣляевъ.—Результатомъ первой баллотировки, въ сущности, уже предпрѣшено было постановленіе Совѣта о распредѣленіи въ 1910-мъ году Мухановскихъ пособій. Разъ Совѣтъ призналъ справедливымъ, съ одной стороны, назначить въ этомъ году четыре пособія семейнымъ и одно безсемейнымъ членамъ корпораціи, и никѣмъ изъ членовъ Совѣта, съ другой, не было заявлено, что кто-либо изъ членовъ академической корпораціи, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, испытываетъ крайнюю нужду въ пособіи,—пособія должны были получить лица, занимавшія по старшинству службы и годамъ предшествующаго полученія пособій *первыя* мѣста въ спискахъ.—И дѣйствительно, вторичное перечисленіе секретаремъ Совѣта именъ таковыхъ кандидатовъ на пособія по списку *семейныхъ* (проф. М. М. Тарѣева и С. И. Смирнова, бібліотекаря К. М. Попова и проф. А. П. Орлова) и *безсемейныхъ* (проф. свящ. Е. А. Воронцова) членовъ корпораціи не встрѣтило открытыхъ возраженій ни въ комъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи.—Но въ виду уже заявленнаго профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ протеста, Преосвященный Ректоръ Академіи не удовлетворился этимъ, повидимому, единодушнымъ соглашеніемъ (въ чемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, и оказался правъ) и, для бѣльшей ясности дѣла, предложилъ провѣрить голосованіемъ,—присуждаетъ ли Совѣтъ Академіи пособие, назначенное имъ для *безсемейныхъ* членовъ корпораціи,—проф. священнику Е. А. Воронцову? Какъ отмѣчено въ журналѣ собранія Совѣта 17 декабря 1910 года, № 27,—„произведеннымъ голосованіемъ (отъ котораго заинтересованныя лица—проф. А. Д. Бѣляевъ и священникъ Е. А. Воронцовъ—воздержались) выяснилось, что *противъ* назначенія пособия священнику Е. А. Воронцову высказался только 1 членъ Совѣта Академіи (Инспекторъ—проф. А. П. Шостинъ)“.

2) Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что по всестороннемъ обсужденіи вопроса Совѣтъ, какъ показало произведенное въ настоящемъ собраніи открытое голосованіе, *единогласно* (противъ голоса одного профессора А. Д. Бѣляева) высказался за оставленіе въ силѣ своего прежняго рѣшенія относительно распредѣленія въ 1910-мъ году Мухановскихъ пособій,—вновь ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи постановленія Совѣта Академіи отъ 17-го декабря 1910 года о назначеніи изъ процентовъ за 1910-й годъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, пособій слѣдующимъ членамъ академической корпораціи: ординарному профессору Михаилу *Таръеву*, экстраординарнымъ профессорамъ—священнику Евгенію *Воронцову*, Сергѣю *Смирнову*, Анатолію *Орлову* и бібліотекарю Академіи Константину *Попову*, по равной суммѣ—200 рублей—каждому.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 15. Постановленіе Совѣта Академіи отъ 17 Декаб. 1910 г. о назначеніи Мухановскихъ пособій утверждается“.

26-го января 1911 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предѣлательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго.—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. В. Поповъ, П. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, М. М. Богословскій, Д. П. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Янв. 4. Въ Совѣтъ Московской Духовной

Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 31 декабря 1910 года за № 18620:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представлеііе Вашего Преосвященства, отъ 11 Декабря сего года № 475, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи *объ учрежденіи* при оной *второй стипендіи* имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина*. Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства, отъ 8 декабря 1909 г. за № 555, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 9—23 Января сего года № 87, учредилъ при Московской Духовной Академіи стипендію имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина* на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала въ 8000 р., возросшаго поступленіемъ на оный процентовъ до восьми тысячъ пятисотъ пятидесяти руб., и утвердилъ представленный Вашимъ Преосвященствомъ проектъ положенія о названной стипендіи. Нынѣ Ваше Преосвященство въ представленіи Святѣйшему Синоду изъясняете, что означенный капиталъ увеличился чрезъ пріобрѣтеніе на остатки отъ онаго одной облигаціи 2-го внутренняго 5% займа 1905 г. во 100 рублей и благодаря пожертвованію сыномъ *Василія Бахрушина Николаемъ Бахрушинымъ*, для учрежденія второй при Академіи стипендіи имени его отца, 21 облигаціи Россійскаго Государственнаго 5% займа 1906 г. на 3937 руб. 50 к., до суммы двѣнадцати тысячъ пятисотъ восьмидесяти семи рублей пятидесяти копѣекъ, проценты съ каковой суммы вполнѣ обезпечиваютъ содержаніе въ академическомъ общежитіи двухъ стипендіатовъ; въ виду сего Совѣтъ Академіи ходатайствуетъ *объ учрежденіи* при Академіи второй стипендіи имени *Василія Алексѣевича Бахрушина* на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о первой стипендіи того же имени. Рассмотрѣвъ изложенное, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: учредить при Московской Духовной Академіи вторую стипендію имени покойнаго почетнаго гражданина города Москвы *Василія Алексѣевича Бахрушина* на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о первой стипендіи того же имени, утвержденномъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 9—23 Января 1910 года за № 87; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 17 декабря 1910 года, № 28: „1911 г. Янв. 20. По ст. XV. Дѣйствительный студентъ Академіи Мальгиновъ утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее смотрѣно“.

б) 10 января 1911 года, № 1: „1911 г. Янв. 20. Ходатайствовать“.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.—2) Объ утвержденіи дѣйствительнаго студента Академіи Бориса *Мальгинова* въ степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ ему права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній, сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, съ провожденіемъ въ Комитетъ и кандидатакаго диплома Мальгинова.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ паставщиками Академіи лекціяхъ въ декабрь мѣсяцъ минувшаго 1910 года, изъ которой видно, что—а) по служебнымъ дѣламъ: Ректоръ Академіи Епископъ Теодоръ опустилъ 2 часовыхъ лекціи; б) по болѣзни: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь—6 лекцій (8 часовъ), экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ—4 лекціи (5 часовъ), сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—2 лекціи (3 часа), ординарные профессора А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ, экстраординарный профессоръ С. П. Смирновъ и и. д. доцента П. А. Флоренскій—по 2 часовыхъ лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Отзвы о сочиненіи и. д. доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидата богословія, священника Д. В. *Рождественскаго* подъ заглавіемъ: „Книга пророка Захаріи. — Педагогическое изслѣдованіе. — Выпускъ первый.—Введеніе.—Писатель и его время.—Анализъ со-

держанія книги“. — Сергіевъ Посадъ, 1910 г. представленномъ на соисканіе степені магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Рождественскаго состоитъ 1) изъ небольшого введенія, 2) 3 главъ, 3) выдѣленныхъ въ обширное приложение „примѣчаній“ и 4) разнородныхъ указателей. Не смотря на значительный для трактуемаго предмета объемъ, сочиненіе о. Рождественскаго не обнимаетъ всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ сферу исагогическаго изслѣдованія о книгѣ пророка Захаріи: на стр. 3 введенія о. Рождественскій, намѣчая рубрики своего изслѣдованія, говоритъ, что послѣ анализа содержанія книги пророка Захаріи, на каковомъ и останавливается „выпускъ первый“ его работы, должны быть разрѣшены вопросы, касающіеся происхожденія и судьбы книги, съ обращеніемъ особаго вниманія на затронутый западною критикою вопросъ объ единствѣ книги (разумѣются гипотезы о Девтерозахаріи). На стр. 5 того же введенія о. Рождественскій высказывается еще опредѣленнѣе о проектируемомъ содержаніи слѣдующаго выпуска его работы: за анализомъ содержанія послѣдуетъ выясненіе міросозерцанія и стилистическихъ приемовъ пророка-автора, особенностей содержанія и изложенія его книги; отмѣчены будутъ вліянія, отразившіяся на разбираемомъ памятникѣ, и выяснено отношеніе его къ Новому Завѣту. Исторія внѣшней судьбы памятника начата будетъ съ вопроса о времени и мѣстѣ его происхожденія,—насколько возможно, въ отнесеніи къ каждому отдѣлу пророческой книги, въ частности. Далѣе намѣчаются вопросы: о каноническомъ достоинствѣ, подлинности и неповрежденности книги пророка Захаріи, о важнѣйшихъ переводахъ, толкованіяхъ и вообще о литературѣ, касающейся этой книги. Какъ видно изъ изложенія плана работы о. Рождественскаго, самъ авторъ считаетъ свое представленное въ печатномъ видѣ изслѣдованіе лишь небольшою вступительною частью сложной научной богословской штудіи. Подлежащее рецензії сочиненіе распадается на 3 главы, изъ которыхъ первая занимается личностью пророка, вторая—характеристикою эпохи его жизни и дѣятельности, а третья заключительная обобщаетъ по выработап-

ной авторомъ схемѣ содержаніе книги. Рубрики въ трудѣ о Рождественскаго вполне естественны, повторяясь въ каждой Богословской энциклопедіи при трактаціи подобнаго предмета и въ большинствѣ частныхъ исагогикъ. Первая глава, равно какъ и послѣдующія, имѣетъ болѣе мелкіе параграфы, здѣсь подъ № 1 идетъ рѣчь объ имени пророка, подъ № 2—о свѣдѣніяхъ, касающихся жизни пророка и почерпаемыхъ изъ Священнаго Писанія, подъ № 3—о преданіяхъ, іудейскихъ и христіанскихъ, имѣющихъ въ виду личность и дѣятельность пророка. Вторая глава посвящена обзору исторіи Персидской мопархіи въ эпоху, соприкасающуюся съ реставраціею іудейскаго государства и культа, здѣсь говорится 1) о завоеваніяхъ Кира, его преемникахъ на Персидскомъ тронѣ, 2) объ окончаніи Вавилонскаго плѣна, о первыхъ годахъ устроенія на родинѣ (въ отечествѣ) возвратившихся плѣнниковъ, о возсозданіи Іерусалимскаго храма и въ 3) объ идеяхъ, настроеніяхъ и надеждахъ, господствовавшихъ въ іудейскомъ обществѣ даннаго періода. Въ 3 главахъ авторъ конспективно излагаетъ содержаніе книги пророка Захаріи, различая въ ней 2 части, изъ которыхъ первая обнимаетъ начальныя 8 главъ, а вторая заключительныя 6 главъ. Здѣсь у автора пересказъ текста книги пророка, съ краткими связывающими отдѣльныя группы видѣній и изреченій собственными экзегетическими экскурсами. Примѣчанія къ тексту 3 главъ изслѣдованія о Рождественскаго по мѣстамъ детальны и представляютъ научный аппаратъ работы, многіе пункты здѣсь даютъ хорошій бібліографическій справочникъ для лицъ, которыя пожелали бы самостоятельно пройти по пути, какимъ шель о Рождественскій. Въ отношеніи „указателей“ приходится сказать, что они гипертрофированы и безъ ущерба для читателя могли бы быть сокращены.

Изъ погрѣшностей работы о Рождественскаго нужно отмѣтить относительную безцѣльность его нарочитаго „введенія“ къ его исагогическому труду. На маломъ числѣ страницъ авторъ пытается разрѣшить серьезные вопросы Библейскаго экзегесиса и вообще Библиологіи и по-неволя проходитъ здѣсь воздушнымъ шагомъ, оставляя у читателя желаніе услышать о затрогиваемыхъ пунктахъ подробнѣе. Значеніе „введенія“ для наличнаго изслѣдованія о Рождествен-

саго—весьма невелико, здѣсь онъ болѣе говоритъ объ общемъ планѣ своихъ занятій, чѣмъ о представленномъ для рецензій педагогическомъ трудѣ; введеніе отгвняетъ фрагментарность изслѣдовапія, о каковой можетъ догадываться свѣдующій читатель самъ по себѣ. Во всякомъ случаѣ „введеніе“ механически пришито къ работѣ и какого-либо самостоятельнаго научнаго значенія не имѣетъ. Иное дѣло 3 главы въ изслѣдованіи о Рождественскаго, на составленіе которыхъ имъ потрачено много труда, вѣдшимъ показателемъ котораго являются весьма цѣнные „примѣчанія“. Меньшую погрѣшность составляетъ замѣчаемое по мѣстамъ въ работѣ несходство педагогическихъ принциповъ изслѣдователя съ его методомъ изложенія добытыхъ данныхъ, но относящіяся сюда вопросы удобнѣе сдѣлать предметомъ обсуждения на коллоквиумѣ, чѣмъ детально выяснять въ отзывѣ. Указываемыя погрѣшности нисколько не колеблютъ научнаго удѣльнаго вѣса труда о Рождественскаго: въ его отношеніи къ предмету изслѣдованія замѣтенъ тонкій экзегетъ аналитикъ, владѣющій солиднымъ знаніемъ еврейскаго языка, а потому можно только пожелать, чтобы, пройдя первый этапъ въ дѣлѣ литературной обработки своихъ студій, о Рождественскій *завершилъ* свое педагогическое изслѣдованіе къ чести свей кафедры и Академической науки. Степени магистра богословія о Рождественскій заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова*:

„Диссертация о Димитрія, какъ это видно изъ „выпускъ первый“ на заглавномъ листѣ и изъ заявленія автора на 5—6 стр., есть только начало предполагаемаго авторомъ обширнаго изслѣдовапія о книгѣ прор. Захаріи и представляетъ только небольшую часть введенія къ священной книгѣ. Отъ этого, по моему мнѣнію, зависятъ многія особенности диссертации.“

І. Диссертация начинается спискомъ „источниковъ и пособій“, коими „постоянно пользовался“ авторъ, такъ какъ, по его замѣчанію, „пособія, изъ которыхъ дѣлаются немногочисленныя и случайныя справки, здѣсь не помечованы“.

Однако-жь въ этомъ спискѣ есть пробѣлы: по текстологін, гебраистикѣ и экзегесу. Особаго и подробнаго указанія здѣсь, по моему мнѣнію, требуютъ опущенія изъ древне-христіанской литературы, какъ по важности ея для церковно-православной науки, такъ и по ея сравнительной скудости по данному предмету: а., греческой: 1) *Евсевія Кесарійскаго*, въ *Demonstratio Evangelica*, толкованіе Зах. 14, 16—19 и 2, 10—11 (Migne, Patr. gr. t. XXII, col. 104. 108,—2) *Теодора Мопсуестійскаго*—обширнѣйшій и постижно изложенный комментарий на всю книгу пророка Захаріи, съ вводными свѣдѣніями о писателѣ книги (Migne, Patr. gr. t. LXVI, col. 493—596),—3) *Исидора Пелусіота*, къ Зах. 5, 7, въ *Epist.* III. 33 (Migne, Patr. gr. LXXVIII, col. 753),—4) *Анастасія Синаита*, къ Зах. 4, 1—3. 6, въ *Quaest.* 49 (Migne, Patr. gr. t. LXXXIX, col. 608—609),—5) *Максима Исповѣдника*, къ Зах. 4, 2—3 и 5, 1—4, въ *Quaest.* 62 и 63 (Migne, Patr. gr. t. XC, col. 645—665) и 6) *Гезихія*, In XII prophetas minores capita, хотя и изложенныя въ видѣ 32-хъ главъ или отдѣловъ книги, но въ изложеніи ихъ содержанія заключающія и объясненіе ихъ, напр.: пророчество о Новомъ Іерусалимѣ, созданномъ Христомъ,—о призваніи язычниковъ, о пришествіи Спасителя и дѣйствіи въ Немъ семи даровъ Святаго Духа и под., съ вводными свѣдѣніями о пророкѣ Захаріи,—б., латинской: 7) *Патерія*, *Expesitio Veteris et Novi Testamenti: De testimoniis in Zachariam prophetam*: къ Зах. 1, 14 (Ангель, говорившій въ пророкѣ),—3, 1 (первосвященникъ Іисусъ),—3, 9 (семь очей на камнѣ),—5, 2,—5, 5,—4, 15 и 12, 18 (Migne, Patr. lat. t. LXXIX, 1013—1018),—8) *Юліана*, *Antikeimena*, къ Зах. 12, 10 (Migne, Patr. lat. XCVI, col. 623),—также толкованія, хотя и компилятивныя, но значенія не лишеныя: 9) *Валафрида Страбо*, *Glossa ordinaria*, по Іерониму и Григорію Великому,—10) *Наумо*, *Enarratio in Zachariam* и 11) *Руперта* тоже по Іерониму.

Изъ Теодора Мопсуестійскаго у автора приводится только одно толкованіе Зах. 1, 9 на стр. 105, но цитатъ сдѣланъ по изданію Wegner'a и съ „cf. Leitner“, а на стр. 162 и 164,—въ общихъ вопросахъ и при общемъ указаніи на Теодора,—показанъ Migne 66 т. Надо поэтому полагать, что самъ авторъ не знакомъ съ обстоятельнымъ трудомъ Теодора по подлиннику. Также на Гезихія есть только общія указанія: на псевдо-гезихіевскую рецензію сказанія о жизни

пророковъ стр. 29 и къ Bethania, и то по Гамбургеру (стр. 174), а не по подлиннику. Евсеvіѣ названъ только однажды въ связи съ Ономистикономъ его (стр. 170). И на Исидора Пелусіота сдѣлана ссылка только по общему вопросу (на стр. 166), а не на его толкованіе Зах. 5, 7. Прочіе писатели совсѣмъ не упоминаются въ книгѣ о Рождественскаго. Явленіе это тѣмъ страннѣе, что другихъ восточныхъ толкователей [Кирилла Александрійскаго, Θεодорита, Златоуста] и западныхъ [Иеронима], даже новѣйшихъ западныхъ и русскихъ писателей авторъ цитуетъ обильно,—напр., къ видѣнію афы и женщины (Зах. 5, 7) авторъ приводитъ даже Лютерово толкованіе, а Исидора Пелусіота пѣтъ (стр. 120 и прим. 71 стр. 201).

Но судя по тому, что дважды цитруется авторомъ [стр. 228 и 232] Фильдь, однажды Sabatier (стр. 21) и однажды [къ Зах. 1, 9 стр. 105] приводится толкованіе Θεодора Мопсуестійскаго,—очевидно нашъ авторъ при составленіи этого перваго и начинательнаго выпуска своего труда не ставилъ своею специальною задачею: всестороннее изученіе и подробную цитацію всѣхъ источниковъ и пособій предмета и всей его литературы, отлагая это до дальнѣйшихъ выпусковъ труда, какъ видно изъ сообщеній автора на 6 стр., что темы „о важнѣйшихъ переводахъ, толкованіяхъ и вообще литературѣ, касающейся данной книги“ составятъ предметъ слѣдующихъ выпусковъ.

II. Затѣмъ слѣдуетъ „введеніе“, состоящее изъ весьма коротенькихъ, совсѣмъ общихъ и отрывочно набросанныхъ замѣчаній, распадающееся на два отдѣла: „I) *задачи* (стр. 1—2 и прим. 10 стр. 163—164), *методъ* (стр. 2—3 и прим. 11 стр. 164—166) и *планъ* (стр. 3—6 и прим. 12—13 стр. 166) *предварительныхъ свѣдѣній вообще и о (?) книгѣ пророка Захаріи въ частности* (стр. 3—6),—и II) *авторитетъ Св. Писанія и Преданія* (стр. 6—7) и *свобода научнаго изслѣдованія*“ (стр. 7—9 и прим. 14—16 стр. 167—169).

Авторитетъ Св. Писанія и Преданія, богодухновенность и непогрѣшимость Писанія, естественная и сверхъестественная стороны въ немъ, свобода научнаго изслѣдованія Писаній, вѣра и разумъ, религія и наука:—все это вѣдь постоянные и вѣковѣчные вопросы христіанскаго богословія.

изъ коихъ нѣкоторые уже обсуждались въ раввинскихъ школахъ времяъ первохристіанства,—коихъ нѣкоторыя стороны прямо или косвенно затрогиваются уже въ рѣчахъ Христа и въ новозавѣтныхъ Писаніяхъ, составляли предметъ постоянныхъ разсужденій древне-христіанскихъ писателей въ полемикѣ съ ересями и сектами и конфессіальной полемики католичества, протестантства и православія, какъ и многочисленныхъ научно-объективныхъ изслѣдованій на всѣхъ европейскихъ языкахъ.... И.... одна-двѣ странички съ двумя-тремя коротенькими примѣчаніями тоже на двухъ-трехъ страничкахъ...

Отсюда:

или общія мѣста—въ разсужденіяхъ о задачѣ введенія (§ 1),—съ такимъ самымъ серьезнымъ образомъ изрекаемыми наставленіями, что „въ произведеніяхъ древности... мы, безъ предварительной подготовки, на каждомъ шагу встрѣчались бы съ непреодолимыми трудностями... Для чтенія и усвоенія [книгъ Св. Писанія] предварительная подготовка въ особенности необходима: для того, чтобы проложить путь къ пониманію внутренняго, нерѣдко таинственнаго, смысла книги, написанной по вдохновенію свыше, необходимо всесторонне изучить ея внѣшнюю сторону, равно какъ и исторію ея возникновенія и послѣдующую судьбу“ (§ 1—задача),—

или неясности и неопредѣленности въ разсужденіи о методѣ исагогикки (§ 2, стр. 2): „для науки введенія выработанъ *опредѣленный (?) методъ*, который можно назвать *историко-критическимъ*“;—четырьмя строками ниже: „введеніе стало разрабатываться или на основаніи Преданія, или вопреки ему, стало носить или *отрицательно-критическій* или *ортодоксально-апологетическій* характеръ; отсюда два метода: *историко-критическій* и *историко-апологетическій* (стр. 2).... Апологетическая цѣль..., то и другое *направленіе*, традиціонное и строго научное, критическое, (на стр. 169) совмѣщеніе двухъ *способовъ* изученія Писанія традиціоннаго и критическаго“. „Характеръ, методы, цѣль, направленія, способы изученія“: очевидно, авторъ обращается съ этими терминами безъ точнаго ихъ опредѣленія,—

или же неточности, недосказанности, туманности, противорѣчія, даже неутрности въ разсужденіи объ авторитетѣ

Св. Писанія и Преданія и о свободѣ научнаго изслѣдова-
нія.

На этомъ отдѣлѣ, по теологической важности затрогиваемыхъ здѣсь темъ, считаемъ нужнымъ остановиться по-
дробно.

Прежде всего страннымъ представляется, что авторъ во
всемъ этомъ отдѣлѣ говоритъ о *Преданіи*, а не о *Церкви*, и
только въ концѣ отдѣла (стр. 9) и, притомъ въ скобкахъ,
упоминаетъ „такое преданіе, въ которомъ не выраженъ опре-
дѣленно голосъ Церкви“. Уже отсюда видно, какъ неясно
и узко поле сознанія автора, гдѣ проецируется у него этотъ
вѣковѣчный и существенный въ теологій вопросъ.

Отъ этого зависятъ неясности и недоумѣнности всѣхъ
почти разсужденій автора въ этомъ отдѣлѣ.

„То и другое направленіе, говоритъ авторъ, традиціонное
и *строго* научное, критическое, не чужды крайностей“
(стр. 7).

Странно, во 1-хъ, это противоположеніе строгого научнаго,
критическаго, и традиціоннаго направленій, въ отношеніи
именно строгой научности. Развѣ преданіе Церкви, какъ ея
живое историческое самосознаніе, не есть также *строго на-
учный*, только положительный, принципъ *критики*, даже бо-
лѣе твердый и объективный, чѣмъ многіе принципы новѣй-
шей тенденціозно-отрицательной критики, мѣняющіеся чуть
не каждое десятилѣтіе, слѣдующаго модѣ и духу времени и да-
вая внушенія новѣйшей отрицательной наукѣ?

Во-2-хъ, если и „традиціонное“ и „строго-научное, крити-
ческое направленія не чужды крайностей“, то какое же на-
правленіе можетъ быть истиннымъ? Очевидно—*церковно - на-
учное*,—стало быть строгая научность и церковная традиціон-
ность, не полярности, а совмѣстности. Такимъ образомъ и
въ этомъ разсужденіи автора традиціонность берется вѣѣ,
по крайней мѣрѣ, ясной связи съ идеею церковности. Изъ
дальнѣйшихъ словъ автора видно, что подъ традиціонностью
онъ разумѣетъ „слѣдную довѣрчивость [кого? ученаго изслѣ-
дователя? или всей Церкви Соборной?] къ преданіямъ [ка-
кимъ? Соборной Церкви?].... преувеличенное представленіе
объ авторитетности частныхъ мнѣній свв. отцевъ“. Предпо-
лагается, стало быть, необходимая потребность ограниченія
и проясненія этой „*слѣдной довѣрчивости*“ и этихъ „*частныхъ*

мнѣній“ чѣмъ-то общимъ, авторитетнымъ, стоящимъ выше частныхъ мнѣній и освѣщающимъ слѣпую довѣрчивость. Однимъ словомъ, авторъ подходитъ къ идеѣ Соборной Церкви, и однакоже ничего здѣсь не говоритъ о ней.

„Безъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, нельзя приступать къ научной работѣ съ преднамѣченною цѣлью—во что бы то ни стало, обосновать и оправдать традиціонный взглядъ во всѣхъ подробностяхъ; научному изслѣдованію должно быть чуждо стремленіе получить напередъ подсказанный отвѣтъ“ [стр. 7]. Но въ прим. 14 на стр. 167 авторъ рѣшительно заявляетъ: „въ дѣйствительности безусловной [? только безусловной? А условная или „не во всѣхъ подробностяхъ“ непредвзятость возможна?!] непредвзятости нѣтъ и быть не можетъ“. А нѣсколько ниже опять словами иностранца: „наука должна... не позволять себѣ напередъ подчиняться *своимъ* [чьимъ же это? и какимъ?] субъективнымъ мнѣніямъ и данное объективно положеніе вещей не перестраивать соответственно съ своими [? опять „своими“?] индивидуальными воззрѣніями“. Но вѣдь авторъ только что сказалъ, что „въ дѣйствительности этого нѣтъ и быть не можетъ“!

Какъ же быть? Очевидно, вопросъ о предвзятости и непредвзятости вообще въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ человека и частіе—въ дѣлѣ науки,—точіе—о вѣрѣ и невѣрїи въ одно или другое уходитъ изъ библиологіи въ область общей или, по крайней мѣрѣ, теологической христіанской гносеологіи,—и нашему автору-библейсту не было надобности пускаться въ чужія специальности.

„Съ другой стороны, продолжаетъ авторъ [тамъ-же], и преданія требуютъ провѣрки и текстъ библейскихъ книгъ не гарантированъ отъ погрѣшностей, ненамѣренныхъ и намѣренныхъ. Для того, чтобы опредѣлить источникъ извѣстнаго преданія и оцѣнить его достоинства; для того, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ можемъ мы считать неповрежденнымъ текстъ данной библейской книги,—необходимо научно-критическое отношеніе къ преданіямъ и къ тексту священныхъ книгъ.... Такимъ образомъ научно-критическое изученіе не исключается существованіемъ опредѣленныхъ традиціонныхъ мнѣній, и Библия не связываетъ свободы научнаго изслѣдованія вообще“ (стр. 7). А какъ же традиція? Кто же опредѣляетъ въ библейскомъ текстѣ погрѣшности намѣренныя и нена-

мѣренія? Напримѣръ въ вопросахъ о девтеро-Исаи, девтеро-Захаріи, въ раскрашиваніи Библии цвѣтами радуги? Гдѣ граница и критеріи свободы научнаго изслѣдованія? А на стр. 168, примѣч. 15 авторъ говоритъ: „*независимо* отъ вопроса о томъ, что представляли священные автографы, вышедшіе изъ подъ пера богодухновенныхъ авторовъ; мы легко можемъ убѣдиться“ и пр. Однакожь эта независимость въ дѣйствительности невозможна, ибо здѣсь необходимо разбираться: въ содержаніи и формѣ сообщаемыхъ пророку божественныхъ откровеній, въ усвоеніи этихъ откровеній пророкомъ, въ сообщеніи ихъ пророкомъ другимъ лицамъ—устномъ или письменномъ,—въ дальнѣйшей передачѣ и храненіи пророческихъ откровеній и др. мн. И если Промыслъ допустилъ утрату священныхъ автографовъ, даже чудесно начертанныхъ Самимъ Богомъ скрижалямъ Завѣта Ветхаго, а Самъ Спаситель почелъ ненужнымъ Самолично начертать Новый Завѣтъ въ письменахъ и на мертвомъ матеріалѣ, то очевидно, что богодухновенность и непогрѣшимость не въ этой внѣшне-матеріальной или плотной сторонѣ Библии, но въ той, что, какъ „духовное, духовнѣ востязуется“ (1 Кор. 2, 13—15) и что являетъ Писаніе „Словомъ Божиимъ, живымъ и дѣйственнымъ, острѣе обоюдоостраго меча, проникающаго до раздѣленія души и духа“ (Евр. 4, 12).

Вызываютъ недоумѣніе и дальнѣйшія слова автора на той же 168 стр.: „въ списки священныхъ книгъ *не могли не вкрасться нѣкоторыя погрѣшности*. Человѣкъ, переписывающій библейскій текстъ, не становится чрезъ это непогрѣшимымъ; пергаментъ не дѣлается прочнѣе отъ того, что на немъ написаны священные слова. Дѣло храненія текста священныхъ книгъ, въ концѣ концовъ, опять таки находится въ *рукахъ простыхъ смертныхъ*; и священные памятники *могутъ подвергаться различнымъ случайностямъ, наравнѣ со всякими другими книгами*“. Если „въ рукахъ простыхъ смертныхъ“, то конечно „не могли не вкрасться нѣкоторыя [почему же только „нѣкоторыя“?] погрѣшности и священные памятники могутъ подвергаться различнымъ случайностямъ, наравнѣ со всякими другими книгами“. Но если Слово Божіе было ввѣрено сначала Церкви ветхозавѣтной [Римл. 3, 2], а потомъ новозавѣтной, то „могутъ ли священные па-

мятники подвергаться различнымъ случайностямъ, *наравнѣ со всякими другими книгами*“, вплоть до ихъ искаженія и даже утраты?

[Объ отношеніи автора къ святоотеческимъ взглядамъ на богодуховенность Писанія, на стр. 168, прим. 15—въ V' отдѣлѣ отзыва, пунктъ 4].

„Право свободно изслѣдовать все человѣческое ей [критикѣ] несомнѣнно принадлежитъ; но тамъ, гдѣ есть слѣды сверхъестественнаго воздѣйствія, она не можетъ быть высшимъ судьей..... Въ Словѣ Божіемъ не все можетъ быть доступно для научныхъ изысканій; высшій духовный смыслъ пророческаго писанія не можетъ быть открытъ при помощи однихъ только научныхъ приемовъ; здѣсь необходима вѣра, здѣсь нужна ученость богопросвѣщенная“ [стр. 8]..... Но вѣдь критика все въ Писаніи считаетъ человѣческимъ и не признаетъ ничего сверхъестественнаго. Кто же тутъ высшій судья? „Никакой исторической наукѣ, продолжаетъ авторъ словами Kittel'я, не удастся вполнѣ удовлетворительно объяснить пророчество въ Израилѣ. Всегда будетъ остатокъ, который мы не въ состояніи истолковать исторически и психологически... Содержание второй части книги прор. Захаріи [слова Bredenkamp'а], не можетъ быть объяснено только изъ историческихъ обстоятельствъ“. Но вѣдь этимъ Киттелямъ и Бреденкамцфамъ противостоятъ разные Велльгаузены, Пьюзен, Беннетты, для коихъ вся Библія есть только человѣческое писаніе, и все въ ней объяснимо изъ историческихъ, психологическихъ и вообще совершенно естественныхъ факторовъ.

„Возможность совмѣщенія критическаго отношенія къ произведеніямъ священнои письменности съ вѣрою въ откровеніе и подчиненіемъ авторитету Преданія—вытекаетъ изъ того, что критика касается, главнымъ образомъ, внѣшней стороны священнаго текста и рѣшаетъ вопросы, которые для традиціоннаго изученія Писанія не имѣютъ большой важности“ [стр. 169]. Странно! Критика именно касается внутренней стороны—сверхъестественной и рѣшаетъ такіе существенные вопросы, какъ о подлинности Пятокнижія,—о Девтеро-Исаи, Девтеро-Захаріи, о подлинности книги пророка Даниила и под.—Какую-же критику разумѣетъ авторъ?

„Дѣло критики устранять такіе *погрѣшности*, исправлять

тъ *ошибки*, которая вкралась въ текстъ священныхъ книгъ вслѣдствіе человѣческой слабости,—исправлять доступными человѣку средствами“. А кто же опредѣляетъ эти погрѣшности? Не та же ли критика? Сначала критика опредѣляетъ, потомъ устраняетъ, а въ концѣ концовъ и уничтожаетъ, конечно, богодухновенность Библии. О какой критикѣ говоритъ авторъ? О критикѣ положительной, основывающейся на вѣрѣ? Или о критикѣ отрицательной, невѣрующей?

Введеніе заканчивается совѣтомъ автора изслѣдователю Священной книги: „если онъ встрѣтится съ такими явленіями, которыя необъяснимы при посредствѣ научныхъ приемовъ, не торопиться съ отрицаніемъ неподдающагося объясненію факта [а если изслѣдователь, по его личному сознанію, не встрѣтится съ такими фактами и будетъ объяснять ихъ?!]: ему слѣдуетъ обратиться къ авторитету *церковнаго Преданія*“...—и различеніемъ между такимъ преданіемъ, которое „во имя науки слѣдуетъ отвергнуть [въ которомъ *не выраженъ опредѣленно голосъ Церкви*]“ и такимъ, которое „слѣдуетъ предпочесть шаткимъ научнымъ положеніямъ“ (9 стр.).

Только въ этихъ послѣднихъ строкахъ авторъ говоритъ „объ авторитетѣ *церковнаго преданія*“, и объ „опредѣленно выраженномъ *голосѣ Церкви*“, хотя и въ скобахъ. Между тѣмъ съ этой главнѣйшей и наисущественнѣйшей идеи „Церкви“ автору слѣдовало бы начать свои разсужденія о критикѣ, преданіи, свободѣ научнаго изслѣдованія, вѣрѣ и пр.—Безъ этого всѣ разсужденія автора ведутъ въ какой-то тупикъ и обращаются въ простое стилистическое упражненіе въ фразеологіи предмета, по схемѣ: „съ одной стороны, а съ другой, но въ общемъ ничего“, безъ постиженія его теологической глубины, трудности и важности. Такимъ характеромъ, по моему мнѣнію, отличается весь 2-й отдѣлъ введенія.

Всѣ эти придиричивыя замѣчанія свои я дѣлаю съ цѣлью уяснить, что 1) затронутые авторомъ въ введеніи къ своей диссертации вопросы,—по своему существу, важности и трудности,—таковы, что отнюдь не должны трактоваться мимоходомъ,—въ бѣглыхъ, отрывочныхъ и поверхностныхъ замѣчаніяхъ,—но должны имѣть самодовлѣющее значеніе и составлять предметъ спеціальной, обширной и весьма труд-

ной работы ученой,—2) вопросы эти не имѣютъ прямого и ближайшаго отношенія не только къ книгѣ пророка Захаріи и даже ко всему спеціальному введенію въ Ветхій Заѡѡтъ (*Introductio specialis*), но и къ, такъ называемому, общему введенію въ Ветхій Заѡѡтъ (*Introductio generalis*), относясь вмѣстѣ и къ Ветхому и Новому Заѡѡтамъ, слѣдовательно къ *Introductio generalissima* и составляя предметъ особои, по своему характеру значительно отличной отъ библиологіи, дисциплины основнаго богословія (*theologia fundamentalis*).

Быть спеціалистомъ въ такихъ двухъ, по своему характеру весьма различныхъ, дисциплинахъ, какъ библиологія, притомъ Ветхаго Заѡѡта, и Основное Богословіе,—въ настоящее время, да еще начинающему ученому, едва ли доступно.

Поэтому отъ отсутствія „введенія“, особенно всего втораго его отдѣла, диссертация о. Рождественскаго, на мой взглядъ, не только бы не уменьшила своихъ научныхъ достоинствъ, но напротивъ—значительно бы поднялась съ этой стороны.

И тѣмъ сильнѣе отбѣняется въ диссертации о. Рождественскаго эта ненужность вводныхъ разсужденій его, что въ ней нѣтъ и, судя по проспекту автора на 5—6 страницахъ, совсѣмъ не будетъ прямѣе и ближе касающихся ея изслѣдованій о еврейскомъ профетизмѣ—его религіозной, психологической, литературной, исторической и другихъ сторонахъ,—для каковаго изслѣдованія Библия и историческіе памятники даютъ обильный и плодотворный матеріалъ.

III. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ самое изслѣдованіе автора.

Предметомъ первой главы служить „личность пророка“ (стр. 10—34 и прим. 17—29, стр. 169—175): 1) имя пророка (стр. 10—13 и прим. 17—19, стр. 169—171), 2) свѣдѣнія о жизни и дѣятельности пророка, почерпаемыя изъ Священнаго Писанія (стр. 14—23 и прим. 20—26, стр. 171—173) и 3) преданія о прор. Захаріи—іудейскія (стр. 23—26 и прим. 27 стр. 173—174) и христіанскія (стр. 27—34 и прим. 28—29, стр. 174—175).

Начиная съ Библии, древне-раввинской и древне-христіанской литературы и кончая новѣйшими работами русскими

и иностранными, авторъ въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ предметъ весьма обстоятельно и всесторонне. Филологическія и критическія замѣчанія автора, какъ и его собственные выводы, отличаются полною основательностью. Все даетъ видѣть, что авторъ работалъ здѣсь въ своей области, какъ полный хозяинъ дѣла.

Только о третьемъ параграфѣ этой главы считаемъ нужнымъ замѣтить: 1) для опредѣленія научнаго значенія древнихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ различныя преданія о прорскахъ вообще и о Захаріи въ частности,—недостаточно, конечно, ссылокъ на г. Тюрнина и другихъ, спеціальнымъ изслѣдованіемъ этого предмета не занимавшихся,— 2) важнѣе было бы точно опредѣлить церковное значеніе содержащихся здѣсь преданій, именно: какія изъ нихъ, въ какихъ церковныхъ книгахъ, какими авторитетами церковными и въ какой мѣрѣ принимаются или отвергаются,—вообще съ возможною твердостью установить научное и церковное значеніе этихъ преданій,—особенно въ виду того, что доселѣ Церковь еще не высказалась опредѣленно относительно какъ этихъ, такъ и вообще внѣ-библейскихъ и внѣ-каноническихъ преданій, пока предоставляя это дѣло личнымъ мнѣніямъ изслѣдователей.

IV. Глава вторая: эпоха пророка Захаріи (стр. 35—99 и прим. 30—47, стр. 175—181) состоитъ изъ параграфовъ: 1) завоеванія Кира, его преемники на персидскомъ престолѣ (стр. 36—40 и прим. 30, стр. 175—176), 2) окончаніе плѣна Вавилонскаго и первые годы устроенія на родинѣ возвратившихся плѣнниковъ, воссозданіе храма (стр. 40—86 и прим. 31—44, стр. 176—181) и 3) идеи, настроенія и надежды, господствовавшія въ іудейскомъ обществѣ даннаго періода (стр. 86—99 и прим. 45—47, стр. 181).

Предметъ главы имѣетъ обще-историческій характеръ и въ достаточной уже мѣрѣ раскрытъ, на основаніи новѣйшихъ иностранныхъ трудовъ, въ русскихъ работахъ: *Лопова*; — „Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ“; *Поснови*; — „Іудейство (къ характеристикѣ внутренней жизни еврейскаго народа въ послѣплѣнное время)“; *Лёра* (русскій переводъ его исторіи израильскаго

народа); *Ленормана*,—Руководство къ древней исторіи Востока; *Лопухина*,—Библейская исторія; частію *Рыбинскаго*,—Очеркъ исторіи Самарянь, и *Болотова*,—Валтасаръ и Дарій. Автору, какъ позднѣйшему писателю, волей-неволей приходилось, главнымъ образомъ, только провѣрять своихъ русскихъ предшественниковъ, дѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія, частью на основаніи тѣхъ-же, частью же нѣкоторыхъ новыхъ иностранныхъ пособій. Но книга о Рождественскаго выгодно отличается здѣсь отъ своихъ предшественниковъ — сжатостью изложенія и библиографическою полнотою.

Нѣкоторое недоумѣніе вызываютъ только разсужденія автора на 90 стр.—„центральное положеніе въ ожиданіяхъ пророковъ занимаетъ *мессіанскій царь*, котораго Захарія, соотвѣтственно Іереміи 23, 5 и 33, 15, называетъ *цемах*¹⁾ и отождествляетъ съ *Зоровавелемъ*“, между тѣмъ на 98 стр. авторъ говоритъ другое: „пророкъ изображаетъ *будущее царство Мессіи* и вообще славную судьбу народа Божія, какъ имѣющія осуществиться послѣ *долгой борьбы съ язычествомъ*, послѣ неоднократныхъ паденій самого избраннаго народа“ и въ примѣчаніи 63-мъ на стр. 195: „изглаженіе грѣха земли стоитъ въ непосредственной связи съ начертаніями на томъ камнѣ, который въ предъидущемъ стихѣ названъ *Отраслю*. Это выраженіе совершенно не примѣнимо къ *Зоровавелю*, но только къ *Мессіи*, котораго онъ былъ прообразомъ и предкомъ по плоти“.

Чувствуется также нѣкоторая общность и, пожалуй, даже скудость въ изложеніи „идей, настроеній и надеждъ, господствовавшихъ въ іудейскомъ обществѣ“ эпохи пророка Захаріи (стр. 86—99),—и является невольное желаніе болѣе глубокаго проникновенія въ идео—и идеало-логическую сторону эпохи и болѣе всесторонняго освѣщенія этой ея стороны.

V. Послѣдняя третья и самая большая глава [стр. 100—152 и прим. 48—108 стр. 181—236] диссертации представляетъ: „анализъ содержанія книги пророка Захаріи“, точнѣе: краткое изъяснительное обзорѣніе содержанія книги то съ крат-

¹⁾ Ограсль, востокъ, всходъ, напр., посѣяннаго хлѣба, греч., ἀνατολή—и востокъ, восходъ солнца.

кими, то съ подробными экзегетическими примѣчаніями къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ книги. Соответственно характеру и содержанию пророческой книги, она дѣлится авторомъ на двѣ части: 1—8 и 9—14 главы [такъ называемыя Девето-Захаріею], причемъ первая часть подраздѣляется на вступительное увѣщаніе (1, 1—6), восемь видѣній (1, 8—6, 8), вѣнчаніе первосвященника Іисуса (6, 9—15) и наставленія и обѣтованія (глл. 9—11 и 12—14),—кромѣ того обѣ части подраздѣляются и на еще болѣе мелкіе отдѣлы, соответственно содержанию книги.

Надо замѣтить, что этимъ, съ обычною для автора сжатостью написаннымъ обзорѣніемъ, весьма удачно замѣняется громоздкій пословный комментарий, нерѣдко состоящій изъ многихъ страницъ растянутого и запутанно изложеннаго перифраза священнаго текста съ совершенно простымъ смысломъ и вполне понятнымъ въ хорошемъ переводѣ, безъ всякихъ комментариевъ.

Впрочемъ авторъ здѣсь—не новаторъ. Превосходный образецъ такого обзорѣнія онъ имѣлъ въ переведенной на русскій языкъ книгѣ *Фредерика Ружмонта* [почему-то передѣланнаго не всегда освѣдомленнымъ и даже грамотнымъ русскимъ переводчикомъ въ нѣмецкаго „*Фридриха Ружемонта*“ изъ французскаго Frédéric de Rougemont],—*Краткое объясненіе двѣнадцати послѣднихъ пророческихъ книгъ Вѣтхаго Завета*. Странно, что о. Рождественскій не счелъ нужнымъ пользоваться этою книгою въ подлинникъ и цитуетъ ее по русскому переводу [стр. 7]. Этотъ трудъ, при строго ортодоксальномъ направленіи, съ обычнымъ французскимъ мастерствомъ, въ сжатомъ и отчетливомъ изложеніи, содержитъ краткія вводныя свѣдѣнія о каждой книгѣ, ея дословный переводъ и краткое объяснительное обзорѣніе содержания книги съ болѣе подробными примѣчаніями къ нѣкоторымъ труднымъ мѣстамъ. Въ значительной части своихъ объясненій о. Рождественскій сходствуетъ съ Ружмонтомъ, а въ дѣленіи книги какъ на общія части, такъ и на болѣе мелкіе отдѣлы и подотдѣлы—совпадаетъ.

Но для правильнаго сужденія объ этомъ сходствѣ надо имѣть въ виду, что совпаденія въ дѣленіи содержания книги прор. Захаріи всецѣло зависятъ отъ самаго этого содержания, такъ что это дѣленіе, по необходимости, совпадаетъ не

только у о. Рождественскаго и Ружмонта, но въ общемъ— у всѣхъ, кто касался этого предмета. А совпаденія въ толкованіи зависятъ отъ единства ортодоксальнаго направленія обоихъ комментаторовъ, чѣмъ объясняется и сходство ихъ съ толкователями не только древне-христіанскими, но и съ новѣйшими русскими: *Принеемъ*, архіеп. Псковскимъ, *анонимнымъ* „обозрѣніемъ 12 малыхъ пророковъ“, *Палладіемъ*, еп. Сарапупльскимъ, свящ. *Соболевымъ*, *Силборскимъ* и свящ. *В. Образцовымъ*, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ и съ проф. *А. Глаголевымъ* [объ Ангелѣ Іеговы] и *Богородскимъ* [о подлинности второй части книги, гл. 9—14].

Впрочемъ мы имѣемъ у нашего автора и существенныя улучшенія и дополненія къ трудамъ его предшественниковъ. Таковы: о подлинности второй части книги прор. Захаріи (9—14 главы),—прим. 77—78 стр. 205—219,—о „семи очахъ на камнѣ“ (Зах. 3, 9 [изъ Зеллина въ прим. 64, стр. 196—197],—видѣнія свѣтильника и двухъ маслинъ (стр. 115—117),—объ Ангелѣ, говорившемъ съ пророкомъ—„во мнѣ“ (стр. 105—106 и прим. 51 стр. 183—184),—объ Ангелѣ Іеговы (прим. 56, стр. 186—188),—о „краеугольномъ камнѣ“ Зах. 4, 7. 10 (въ прим. 66 стр. 197—199), аналогично съ „ семью очами“ Зах. 3, 9 [также по Зеллину, прим. 86 стр. 223],—о терафимахъ въ связи съ вопросомъ о Девето-Захаріи (прим. 96 стр. 228—229),—къ трудному мѣсту Зах. 12, 10 (прим. 108 стр. 235—236),—къ Зах. 14, 20: „святыня Господу“ на конскихъ уборахъ и др. нѣкот.

Къ недостаткамъ этой главы надо отнести:

1) Отсутствие обще-идейнаго освѣщенія содержанія книги прор. Захаріи или, какъ выражается авторъ, „міросозерцанія автора“ (стр. 5),—идеологии книги,—упованій и стремленій пророка, его симпатій и антипатій,—идеаловъ, а также выясненія литературной стороны книги или, какъ выражается авторъ, „стилистическихъ пріемовъ автора, особенностей содержанія и изложенія книги“ (*ibid.*). Самъ авторъ сознаетъ надобность выясненія этихъ сторонъ книги, но откладываетъ это до будущихъ выпусковъ. Однако-жь для „анализа содержанія книги“ это необходимо теперь же, ибо безъ этого „анализъ“ у нашего автора обратился въ простое и вышнее обозрѣніе содержанія книги—по главамъ и стихамъ.

2) Почти повсюдно отсутствуетъ уясненіе *символики* пророческой и параллелизма между книгою пророка Захаріи и другими пророками, или вообще всею Библіею, а частію также и апокрифами и языческими произведеніями пророческаго или апокалипсическаго характера.

3) Безличность или объективность въ толкованіяхъ, перѣдко доходящая до полной безрезультатности. Приводя разныя мнѣнія по какому-либо вопросу, авторъ иногда оставляетъ вопросъ безъ рѣшенія, предоставляя это самому читателю. Напр. къ Зах. 12, 2 стр. 190—192 приведены, безъ всякой оцѣнки, мнѣнія Θεодорита, Кирилла Александрійскаго, Лютера, повѣйшихъ изслѣдователей—Мандельштама и Шеупе,—подобное же на стр. 114 (Кириллъ и Θεодоритъ),—то же на стр. 122 объ отношеніи пророчества восьмага видѣнія къ видѣнію Данииломъ четырехъ монархій,—прим. 50 стран. 183,—прим. 60 стр. 190,—прим. 72 на стр. 201: о Россіи,—прим. 73 стр. 201—202—о коронѣ или вѣнцахъ для первосвященника Іисуса [Зах. 6, 11, 14,—прим. 90 стр. 225—226 къ Зах. 11, 13].

4) Отсутствие цитатъ изъ общедоступныхъ первоисточниковъ [Библія, Отцы и Учители Церкви] и замѣна ихъ глухими ссылками на изслѣдованія, даже иностранныя. Таково, наприм., разсужденіе автора на стр. 168 прим. 15: „нѣкоторые изъ Отцовъ и Учителей Церкви высказываютъ, какъ будто, мысль о томъ, что въ текстѣ священныхъ книгъ все до послѣдней іоты богодухновенно и безусловно истинно; но при ближайшемъ знакомствѣ съ ихъ взглядами, такое заключеніе оказывается неосновательнымъ. [См. напр. возрѣнія на этотъ предметъ Оригена, свв. Василия Великаго и Златоуста, по соч. *Pesch*, *De inspiratione set.* См. также *Seeberg*, *Offenbarung set.* и замѣчанія проф. Рыбинскаго“. Странно и необычно въ серьезныхъ научныхъ работахъ и по важнымъ и труднымъ теологическимъ вопросамъ, когда читатель ждетъ именно этого „ближайшаго знакомства“ съ дѣломъ,—укрываться за глухими и ничего не говорящими читателю цитатами. Притомъ, Оригенъ, не говоря уже о Василии Великомъ и Златоустѣ, коихъ сочиненія переведены на русскій языкъ,—гораздо доступнѣе для провѣрки, чѣмъ *Pesch*'и и *Seeberg*'и. И если ужъ самъ авторъ не могъ явить читателю этого „ближайшаго знакомства“ съ ученіемъ Отцовъ и Учителей Цер-

кви о богодухновенности Слова Божія, то не лучше ли было ему совсѣмъ не трогать этого предмета?

Подобное же на стр. 122: „по выраженію Корниля „Египеть—Вавилонъ всегда являются *четою* враждебныхъ Іеговъ державъ“ (ор. cit. s. 185); хотя Библия доступнѣе Корниля и цитаты изъ нея здѣсь были бы необходимы.

То же на стр. 205, прим. 76: „мысль, что язычники предназначаются для вступленія въ устрояемое Богомъ царство, достигаетъ полной ясности лишь у пророковъ [Oehl. SS. 216—217]“, между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій для автора не представлялось привести хотя бы главнѣйшія изъ относящихся сюда мѣстъ пророческихъ.

То же на стр. 90: „условіемъ для обладанія этими благами въ ближайшемъ будущемъ у Захаріи, какъ и у Аггея, поставляется усердіе къ возсозданію храма (Now. 363, Тих. 126, пр. 3)“, или стр. 86: „Отсюда они дѣлали два вывода: во-первыхъ, что они не таковы, какъ отцы ихъ, своими беззаконіями навлекшіе бѣдствія плѣна (Hunt. 1, 50—51)“, хотя вмѣсто Nowack'a и Hunter'a здѣсь нужнѣе были самыя мѣста изъ пророковъ Захаріи и Аггея,—а далѣе: „во-вторыхъ, они полагали“ и проч. написано совсѣмъ безъ всякихъ ссылокъ и голословно.

VI. По образцу лучшихъ иностранныхъ изданій, диссертация заключается пятью, весьма тщательно и подробно составленными, указателями: 1) предметовъ, 2) личныхъ и собственныхъ именъ, 3) литературы иностранной и русской, 4) мѣстъ Священнаго Писанія и 5) еврейскихъ словъ и выраженій. О важности такихъ указателей говорить нѣтъ нужды. Читатели должны быть глубоко благодарны автору за этотъ кропотливый и тяжелый трудъ.

VII. Подводимъ вкратцѣ общій итогъ.

а) Диссертация имѣетъ слѣдующіе недостатки:

1) Ограниченность взятыхъ авторомъ для своей диссертации сторонъ изъ всего, самого по себѣ также не очень обширнаго, предмета и отсутствіе тѣсно и даже необходимо связанныхъ съ содержаніемъ книги изслѣдованій идеологической стороны какъ эпохи пророка Захаріи, такъ и частнѣе—книги пророка, куда надо присоединить также и опу-

щенія изъ древне-христіанской экзегетической литературы— греческой и латинской.

2) Значительное совпаденіе диссертациі о Рождественскаго съ предшествующею ей русскою литературою предмета какъ въ общихъ выводахъ и общихъ разсужденіяхъ, такъ и во многихъ частностяхъ главъ второй [эпоха пророка Захаріи] и третьей [анализъ содержанія книги пророка Захаріи съ объяснительными примѣчаніями].

3) Великое множество недоумѣній, вызываемыхъ „введеніемъ“ диссертациі, благодаря слишкомъ большой общности и даже поверхностности изложенія такого предмета, о коемъ надо: или говорить точнымъ и выработаннымъ *церковно-символьнымъ* языкомъ,—или же, за отсутствіемъ такового, совсѣмъ ничего не говорить,—или же, наконецъ, если ужъ говорить, то говорить со всею обстоятельностью и полнотою специальныхъ научныхъ трактатій.

4) Наконецъ, нѣкоторые частные недостатки, указанные нами выше, въ параграфахъ III, IV и V, 2, 3 и 4.

Но для надлежащаго сужденія о всѣхъ этихъ недостаткахъ диссертациі о Рождественскаго надо имѣть въ виду:

а) Недостатки послѣдняго, 4-го, класса, какъ частности, не имѣютъ существеннаго значенія и потому не могутъ бросать никакой тѣни на общее научное достоинство диссертациі.

б) Недостатки 3-го класса просто аннулируются тѣмъ, что все „введеніе“, въ цѣломъ объемѣ, со всѣми примѣчаніями, не имѣетъ никакой прямой и близкой связи съ книгою пророка Захаріи и относится совсѣмъ къ другой теологической дисциплинѣ—Основному Богословію. Совершенное отсутствіе этого „введенія“, какъ мы замѣтили уже, только улучшило бы диссертацию о Рождественскаго, а потому и при сужденіи о научныхъ достоинствахъ ея оно не должно быть принимаемо во вниманіе.

в) Недостатки же 1-го и 2-го классовъ суть явленія невольныя для автора, а потому и невмѣняемая ему. Недостатки 1-го класса вызваны независѣвшимъ отъ воли автора ограниченіемъ срока его работы. И это ограниченіе срока еще болѣе стѣснялось для автора тѣмъ, что до прошлаго академическаго года онъ преподавалъ гомилетику, составлялъ лекціи и читалъ проповѣди и сочиненія студенческія

по этой наукѣ. Перейдя же въ запрошломъ году на Ветхій Заветъ, онъ вынужденъ былъ составлять новыя лекціи по этому предмету, не имѣя, такимъ образомъ, возможности и этотъ „сокращенный срокъ“ всецѣло использовать для одной только магистерской диссертациі.

г) Наконецъ, и второй недостатокъ есть также невольное дѣло автора и необходимое слѣдствіе конфессіональнаго и строго православнаго направленія его диссертациі, какъ и всѣхъ вообще работъ, принадлежащихъ ученымъ Православной Русской Церкви. Въ самомъ выгодномъ положеніи находится здѣсь только *primus scribens*, за недопустимостью какихъ-либо существенныхъ разномысліи по всѣмъ наиболее важнымъ вопросамъ идейнаго характера и главнѣйшимъ сторонамъ излагаемыхъ предметовъ, оставляющій послѣдующимъ работникамъ только частности, мелкія поправки и несущественныя дополненія. И чѣмъ поэтому длиннѣе списокъ работниковъ по какому-либо вопросу, тѣмъ слабѣе должна быть оригинальность послѣдующихъ работъ. Такъ это было и въ древне-христіанской церкви—сирской, греческой и латинской, гдѣ первоначальное разнообразіе экзегетическихъ школъ и толкованій святоотеческаго періода постепенно смѣнилось компиляціями и катенами изъ нихъ— послѣдующаго періода [І. Дамаскинъ, Теофилактъ, Евѣимій Зигабинъ и др., а также катены—сирскія, греческія и латинскія]. И это—совершенно естественное, даже неизбѣжное явленіе,—въ виду единства православно-церковной истины, отсутствія въ православно-соборной и католической церквяхъ протестантскаго субъективизма и при авторитетѣ церковнаго преданія и святыхъ отцевъ въ этихъ церквяхъ.

Такимъ образомъ, съ церковно-православной точки зрѣнія это свойство диссертациі о Рождественскаго можетъ считаться даже одобрительнымъ и служить для рецензента переходомъ къ указанію ея достоинствъ.

б) А эти, съ избыткомъ покрывающія всѣ указанныя недостатки, частію несущественныя и мелкіе, частію же невольныя и необходимыя для автора,—достоинства диссертациі о Рождественскаго суть слѣдующія:

1) Чрезвычайная сжатость и отчетливость изложешя, сокращающая внѣшній объемъ книги о Рождественскаго вдвое или даже втрое, сравнительно съ тѣми размѣрами, какіе

она могла бы имѣть при растянутомъ и литературно необработаннымъ стилѣ.

2) Обширное изученіе авторомъ какъ древне-христіанской [Ефремъ Сиринъ, Кириллъ Александрійскій, Теодоритъ, Іеронимъ], такъ и новѣйшей русской и иностранной—англійской, нѣмецкой и французской—литературы предмета.

3) Незаурядно-широкіи лингвистическіи аппаратъ при составленіи авторомъ своей диссертациі. Въ оригинальномъ ветхо-завѣтно-библейскомъ языкѣ—древне-еврейскомъ и халдейскомъ, а также и въ сродномъ имъ—сирскомъ,—о. Димитрій—полный хозяинъ. Онъ является также знатокомъ языковъ классическихъ—греческаго и латинскаго,—свободно пользуется и литературою на трехъ современныхъ европейскихъ языкахъ—англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ.

4) Строгое церковно-православное направленіе работы о. Димитрія, хотя и ставящее ее въ невольную зависимость отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей работъ на русскомъ языкѣ, но за то тѣмъ болѣе увеличивающее ея цѣнность для церковно-православной богословской науки.

5) Надо имѣть въ виду и выше указанная нами, не малая по числу и весьма существенная по содержанію, дополненія въ диссертациі о. Рождественскаго къ прежнимъ трудамъ на русскомъ языкѣ, особенно въ первой и третьей главахъ, а также принадлежащее автору и только что вышедшее, полное и постижное, прекрасное толкованіе на книгу пророка Захаріи [въ бесплатномъ приложеніи къ журналу „Странникъ“ за 1910-й годъ, „Толковая Библия, томъ VII, стр. 376—427], стоящее въ тѣсной связи съ диссертацией автора и составленное съ обычными для автора сжатостью и отчетливостью.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе и другіе научно-литературные труды автора, хотя и по прежней его специальности [1) „Элементъ современности въ словахъ и бесѣдахъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Сергіевъ Посадъ. 1907“,—2) Англійскій проповѣдникъ Чарльзъ Сперджонъ. Сергіевъ Посадъ. 1908“,—3) Сатирической элементъ въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста. Сергіевъ Посадъ. 1908“,—кромѣ того переводъ Окружныхъ посланій св. Афанасія Александрійскаго], написанные въ теченіе еще очень краткаго профессорства его [съ Февраля

1907 г.],—съ полною очевидностію показывающіе въ немъ незаурядную научно-литературную работоспособность.

Все это даетъ о. Димитрію безспорное право на искомую имъ ученую степень магистра православнаго богословія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій 1910 г. § 175: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) Священникъ Д. В. Рождественскій окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1905 году со степенью кандидата богословія и правомъ при искапіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. 3) По § 110 лит. а п. 16 устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацийъ на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 175 и 176)“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *священникомъ Д. В. Рождественскимъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для означенной степени, допустить священника Д. В. Рождественскаго къ защитѣ сочиненія на коллоквиумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретоза* и экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ диссертациі, войти въ соглашеніе съ нимъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

V. Прошеніе профессора богословія при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ *протоіеря Александра Клитика:*

„Представляя при семь пятьдесятъ экземпляровъ своего сочиненія „Исторія религіи (опытъ историко-богословскаго изслѣдованія). Одесса. 1910 г.“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Академіи принять его въ качествѣ докторской диссертациі“.

Справка: 1) Воспитанникъ Московской Духовной Академіи выпуска 1884 года (нынѣ протоіерей) Александръ Клинтинъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской же Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Подлинность посланій Св. Ап. Павла къ Тимоѳею и Титу“. Кіевъ, 1888 г. и утвержденъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 11 мая 1889 года за № 1688.—2) По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академіи „распоряженіе о рассмотрѣніи диссертациі на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Докторскую диссертацию протоіерея Александра Клинтина передать для рассмотрѣнія ординарному профессору Академіи по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголеву*.

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертациі протоіерея Александра Клинтина онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священника Е. А. Воронцова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе старшаго учителя Бирюченскаго духовнаго училища, кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1896 года, *Дмитрія Цитовича*:

„Осмѣливаюсь представить на соисканіе степени магистра богословія свое сочиненіе: „Исторія Бирюченскихъ духовныхъ (приходскаго и уѣзднаго) училищъ“ (послано 2 экз. заказн. банд.) и прошу дать начинаемому мною дѣлу объ этомъ соисканіи надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Въ виду незначительности темы представленнаго преподавателемъ Бирюченскаго духовнаго училища Дмитриемъ Цитовичемъ сочиненія и маловажности содержащихся въ немъ данныхъ для исторіи русской духовной школы, — просьбу г. Цитовича о принятіи означеннаго сочиненія къ рассмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации отклонить, о чемъ и увѣдомить просителя чрезъ академическую Канцелярію.

VIII. Отношенія: а) Управленія Императорской Публич. Библіотеки, отъ 23 декабря 1910 года за № 2306, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій п. д. доцента С. П. Знаменскаго, изданія: „Corpus inscriptionum latinarum“, vol. III, pars I и supplementum 1; б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 21 декабря за № 2542, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора С. П. Смирнова, рукописи Лаврской бібліотеки за № 739 (1518)—„Обиходникъ столовый“, — каковыя изданіе и рукопись, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

предѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношеніе Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Канторы отъ 18 декабря 1910 года за № 3701:

„Непремѣнный Членъ Наблюдательнаго Совѣта при Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія протоіерей Василій Металловъ вошелъ ко мнѣ съ ходатайствомъ о выпискѣ для его занятій въ помѣщеніи Синодальной (Патріаршей) Библіотеки, срокомъ на одинъ мѣсяць, крюковыхъ рукописей Московской Духовной Академіи изъ рукописей Волоколамскихъ а) № 3, б) № 240, в) № 249, г) № 257 и д) № 262.

Вслѣдствіе этого имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать выслать помянутыя рукописи въ Синодальную Библіотеку на указанный срокъ для занятій протоіерея Металлова“.

Опредѣлили: Выслать въ Синодальную Библіотеку означенныя въ отношеніи крюковыя рукописи на испрашиваемый срокъ.

X. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 31 декабря 1910 года за № 211:

„Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣетъ честь просить Совѣтъ Московской Академіи выслать, срокомъ на два мѣсяца, для научныхъ занятій студента IV курса А. Рутковскаго, рукопись Академической библіотеки, содержащую Слѣдованную Псалтирь Митрополита Кипріяна“.

Опредѣлили: Увѣдомить Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи, что просимая рукопись академической библіотеки не можетъ быть выслана въ С.-Петербургскую Духовную Академію, такъ какъ, помимо того, что означенная рукопись требуется для занятій студента IV курса священника І. Горохова,—она никогда не высылается изъ библіотеки, какъ автографъ.

XI. Отношеніе Правленія Кіевской Духовной Семинаріи, отъ 22 декабря 1910 года за № 3102:

„Правленіе Кіевской духовной семинаріи покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать выслать въ Правленіе семинаріи на трехмѣсячный срокъ двѣ хранящіяся въ библіотекѣ Академіи рукописи №№ 40 и 41, заключающія въ себѣ творенія Св. Меодія Олимпскаго (Патарскаго) въ древнеславянскомъ переводѣ. Эти рукописи необходимы для научныхъ занятій преподавателя семинаріи Леонида Дмитрева“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Кіевской Духовной Семинаріи, что просимыя рукописи подъ №№ 40 и 41 не могутъ быть высланы, такъ какъ онѣ необходимы для занятій студента IV курса Академіи священника П. Медвѣдкова.

XII. Представленіе *библіотечной комиссіи*, отъ 24 января 1911 года за № 907:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 182 и 183 (Проф. М. Д. Муретова); 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 128 (Проф. А. А. Спасскаго); 7, 8 и 9 (Проф. М. М. Тарѣва); 5 (Проф. П. П. Соколова); 61 (Проф. Свящ.

Е. А. Воронцова); 124 и 127 (Проф. С. И. Смирнова); 121, 122 и 125 (Проф. Д. И. Введенскаго); 13 и 126 (И. д. доцента А. К. Мишина); 123 и 151 (И. д. доцента П. А. Флоренскаго); 3, 4 и 6 (И. д. доцента С. П. Знаменскаго) и 130 (Библиотекаря К. Попова)“.

Опредѣлили: Поручить библиотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической библиотекы означенныя въ заявленія г.г. преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIII. Заявление Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что г. преподавателемъ Московской Духовной Семинаріи *М. И. Струженцовымъ*, съ согласія вдовы Московскаго протоіерея *Іоанна Алексѣевича Смирнова*, отобраны изъ библиотекы почившаго о. протоіерея и препровождаются въ даръ академической библиотекѣ нѣмецкія книги по церковной исторіи, двѣ книги на японскомъ языкѣ и другія изданія, о чемъ г. Струженцовъ и сообщаетъ ему письмомъ отъ 24-го сего января.

Опредѣлили: Выразить г. преподавателю Московской Духовной Семинаріи *М. И. Струженцову* и вдовѣ почившаго о. протоіерея *І. А. Смирнова* искреннѣйшую благодарность Совѣта Академіи за жертвуемая въ фундаментальную академическую библиотеку книги.

XIV. а) Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Воинова Сергѣя* на тему: „Христіанство и современная культура въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“.

1) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева:*

„Г. Воиновъ подалъ на соисканіе ученой степени сочиненіе (237 стр.), отрицающее науку. Тѣмъ не менѣе рецензентъ нисколько не колеблется присудить ему эту степень. Во 1) сочиненіе написано на основаніи изученія науки; во 2) нужно пояснить, что г. Воиновъ отрицаетъ не фактъ научныхъ завоеваній, а положительное значеніе ихъ для достиженія идеаловъ жизни. Идеаль чловѣка—самоусовершенствованіе, возвышеніе падъ самимъ собою, а наука по мысли г. Воинова безусловно не является лѣстницею, которая могла бы поднять чловѣка хотя на маленькую ступеньку къ небу.“

Человѣкъ—образъ Божій, но вмѣстѣ съ тѣмъ согласно богооткровенному ученію человѣкъ есть существо падшее. Паденіе его состояло въ томъ, что онъ въ значительной мѣрѣ утратилъ вдохнутое въ него божественное начало, дѣлавшее его образомъ Божиимъ. Задача человѣка—подняться снова. Культурный процессъ, это—способъ поднятія, но способъ, по мнѣнію г. Воинова, неудачный. Культура должна поднять человѣка надъ природною жизнію. Это возможно двумя путями: непосредственнымъ усовершенствованіемъ человѣческаго организма или усовершенствованіемъ орудій, посредствомъ которыхъ человѣкъ подчиняетъ себѣ природу. Человѣкъ сталъ усовершенствоваться орудія и, нѣсколько эмансипировавшись отъ власти природы, онъ подпалъ власти культуры. И произведенія культуры стали служить не къ тому, чтобы поднимать человѣка, а чтобы удовлетворять его страстямъ. И даже естественная религія пошла по этому пути. Высшее дохристіанское ученіе (въ буддизмѣ, платонизмѣ, стоицизмѣ) искало высшихъ благъ и освобожденія отъ страстей, но не нашло ихъ. Христіанство дало абсолютный идеалъ, дало силы для приближенія къ нему и указало въ христіанскомъ аскетизмѣ прямой путь ведущій къ этому идеалу. Христіанское сознаніе осудило культурно-историческій путь человѣчества. Первые христіане отнеслись отрицательно къ римской культурѣ и по существу христіане иначе не могутъ относиться къ ней. Историческая христіанская церковь сплелась съ антихристіанскою культурою. Но этого не должно быть. Церковь, создавъ православно-христіанскій аскетизмъ, должна переквасить захваченные ею и вавилонизмъ, и буддизмъ, и классицизмъ.

Сочиненіе г. Воинова оригинально, прямолинейно (никакихъ уступокъ культурѣ) и представляетъ собою не только плодъ чтенія и думъ, но и плодъ глубокихъ религіозныхъ переживаній. Его недостатками являются: необработанность, недоконченность, неполнота развитія тезисовъ, цѣлая серія мелкихъ промаховъ.

Не смотря на то, что сочиненіе имѣетъ небольшой объемъ, въ немъ есть нѣчто довольно далеко отстоящее отъ темы и съ другой стороны есть такая детальная разработка кое-чего относящагося къ темѣ, чему бы лучше было отсутствовать.

Авторъ довольно много говоритъ по поводу библейскаго

повѣствованія о сотвореніи человѣка. Это не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ. Авторъ много говоритъ объ опереткѣ, какъ продуктѣ культуры. Конечно, это нѣкоторымъ образомъ относится къ его темѣ, но можно было бы написать прекрасное сочиненіе по взятому имъ вопросу, не имѣя понятія объ опереточныхъ мотивахъ.

Языкъ автора неправиленъ, порою искажаетъ мысль, его справки и цитаты не отличаются точностью, заглавія книгъ называются невѣрно (въ частности такъ поступлено имъ и съ цитируемою одною изъ книгъ рецензента).

Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ недостатковъ.

На 20 стр. неправильно излагается взглядъ Уоллеса на происхожденіе человѣка.

На 34 стр. употреблено выраженіе: „Адамъ былъ осужденъ на земледѣліе“.

На 39 стр. слово „культура“ производится отъ *collegae*.

На 112 стр. канинты называются евреями.

На 175 стр. совершенно произвольно царствованіе Менеса относится ко времени около 6000 лѣтъ назадъ.

На 178—179 стр. развивается своеобразная теорія, по которой все тѣло оказывается половымъ органомъ.

На 194 стр. всѣ цивилизованныя государства представляются признающими Божественное откровеніе за абсолютную истину. Авторъ забылъ и объ отдѣленіяхъ церкви отъ государствъ и о рационалистически-протестантскихъ взглядахъ.

Такихъ промаховъ много. Отчасти они объясняются спѣшностью писанія. Но во всякомъ случаѣ они искупаются тѣмъ духомъ жизни и религіозной любви, которыми проникнуто сочиненіе, искупаются трудомъ автора, не мало видно прочитавшаго и передумавшаго и нерѣдко горячо полемизирующаго съ писателями даже близкими ему по возрѣніямъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

2) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Въ личной религіозной психологіи христіанина вопросъ, поставленный для изслѣдованія г. Воиновымъ, рѣшается просто и прямо въ направленіи того пути, который указалъ

Спаситель въ словахъ: „ищите прежде Царствія Божія и правды его, а сія вся (т. е. потребное для земной жизни) приложатся вамъ“ (Матѣ. 6, 33). Въ исторической практикѣ христіанской жизни, въ жизни тѣхъ, кои главнымъ дѣломъ своимъ полагали спасеніе и улучшеніе Царства Божія, красной нитью проходитъ начало *отреченія* и *отказа* отъ всего того, что въ широкомъ смыслѣ слова извѣстно подъ именемъ „міра сего“. Эта же идея отреченія отъ міра, въ которомъ все есть „похоть плоти, похоть очей и гордость житейская“ (1 посл. Іоан. 2, 16), весьма рѣшительно выражена и въ Словѣ Божіемъ: какъ въ Евангеліи, такъ и въ посланіяхъ Апостольскихъ. Поэтому для человѣка, восчувствовавшего начало новой благодатной о Христѣ жизни и плѣнненнаго въ послушаніе Христу сладостью новой истинной жизни, раскрывшейся въ тайнѣ благодатнаго возрожденія, указанный вопросъ объ отношеніи христіанства къ культурѣ можно сказать совсѣмъ снимается съ очереди. Для христіанина, стоящаго въ своемъ міровоззрѣніи прочно на почвѣ христіанскаго откровеннаго ученія и ученія церковнаго и вѣрящаго въ высшую истинность и авторитетность этого ученія, этотъ вопросъ тоже рѣшается просто. Но для человѣка только еще ищущаго истины и съ этими запросами подходящаго и къ христіанству; для человѣка, желающаго научно какъ бы разрѣшить проблемы выдвинутыя христіанствомъ и его свѣтомъ освѣтить все то нажитое человѣческимъ многовѣковымъ опытомъ богатство культурныхъ пріобрѣтеній, въ которомъ сказалась и собственная воля и умъ человѣческой, рѣшеніе этого вопроса о христіанствѣ и культурѣ, особенно въ сторону обезцѣниванія послѣдней, весьма трудно. Необходимо тутъ уже горячій, отчасти какъ бы пока даже инстинктивный порывъ въ сторону христіанства, какъ высшей истины и блага, необходимо безпристрастное изученіе этихъ, такъ называемыхъ, богатствъ культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ, гдѣ сказалась гл. обр. духовная человѣческая природа; необходимо и глубокое идейное пониманіе христіанства, а главнымъ образомъ объективность и безпристрастность. Намъ неизвѣстна окончательно духовная фізіономія автора и личная его религіозная психологія въ своихъ тайникахъ, но кажется онъ подходитъ къ указанной нами послѣдней категоріи людей. Чувствуется, что вопросъ,

поставленный имъ для своего изслѣдовація, большой для него вопросъ, затрагивающій въ своемъ рѣшеніи всѣ его прежнія симпатіи, рѣшающій быть можетъ даже направленіе его личной жизни. Вотъ почему этотъ вопросъ ставится авторомъ въ широкія рамки для разсмотрѣнія, кажется, для кандидатской работы даже очень широкія, почему приходится желать, чтобы разработка этого вопроса авторомъ была продолжена. Онъ хотѣлъ захватить въ рѣшеніи этого вопроса все, что касается человѣка и его жизни, съ вопросовъ кардинальныхъ до вопросовъ простого житейскаго обихода, массу перечиталъ ученыхъ и популярныхъ изслѣдованій, критически и серьезно ихъ оцѣнилъ и далъ въ настоящей работѣ только конспективную дискурсію.

Центральную часть его сочиненія конечно составляетъ XI глава его, подъ заглавіемъ „Культурно-историческій путь человѣчества предъ судомъ христіанскаго сознанія“. Здѣсь дѣлается выводъ изъ разсужденій въ предшествующихъ главахъ и подводится окончательный итогъ оцѣнокъ всѣхъ явленій культурнаго процесса человѣческой жизни. Итогъ этотъ можно кратко формулировать словами, которыя авторъ высказываетъ на стр. 235 въ заключеніе своихъ сужденій о преступности съ точки зрѣнія истинно христіанской жизни освящать христіанской молитвой то, что служитъ нечистому угожденію плоти и плотской похоти: „Куда идти дальше, говоритъ онъ, въ этомъ прогрессѣ!“ въ прогрессѣ даже „христіанствующагося человѣчества!“ Тутъ выходъ одинъ, рѣшеніе одно и колебаній быть не можетъ: „оставьте и не участвуйте въ дѣлахъ тьмы“.

Именно этимъ послѣднимъ приглашеніемъ оставить „дѣла тьмы“, авторъ и отвѣчаетъ на вопросъ объ отношеніи христіанства и христіанина къ культурѣ. Послѣдняя во всѣхъ ея типичныхъ проявленіяхъ, древнихъ и современныхъ, въ самомъ зародышѣ своемъ и въ природѣ, есть явленіе грѣховной тьмы и съ христіанствомъ мириться никакъ не можетъ; даже попытка христіанизации ея есть въ своемъ родѣ кощунство, какимъ несомнѣнно нужно признать, напр., служеніе молебновъ въ публичныхъ домахъ и кафе-шантанахъ.

Для христіанина по автору долженъ быть одинъ выборъ: или жизнь по культурѣ, которая всѣмъ своимъ содержаніемъ и духомъ отрицаетъ Христа и Царство Его, или жить по Христу, созидая ту, культуру духа, которая обезпечена

какъ реальность и можетъ быть воплощена въ Церкви Христовой съ живущимъ въ ней Св. Духомъ. Эта основная мысль автора, цѣнная по своей рѣшительной опредѣленности и логически необходимая въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія, чувствуется у него уже и на первыхъ страницахъ его сочиненія, она руководитъ имъ въ оцѣнкѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ и явленій жизни, которыхъ онъ касался въ сочиненіи. А вопросы и въ первыхъ десяти главахъ поставлены имъ очень интересныя, напр. о первыхъ культурныхъ шагахъ человѣка по грѣхопаденіи (гл. 3), о смыслѣ этого культурнаго процесса (гл. 4), о его „подпочвѣ“ (5 гл.); о религіозномъ сознаніи первобытныхъ культурныхъ дикарей (7 гл.) о до-христіанскомъ и христіанскомъ высшемъ религіозномъ сознаніи (10 гл.) и прочее. Правда въ этихъ главахъ авторъ иногда уклоняется кажется слишкомъ въ сторону отъ прямой задачи въ рѣшеніи того или иного вопроса, напр. въ вопросѣ о грѣхопаденіи прародителей-2 гл.; иногда дѣлаетъ нѣсколько странныхъ сопоставленія и утвержденія, какъ напр. на стр. 72 „половое томленіе—суррогатъ любви небесной“ и подобныя на этой же страницѣ; или утвержденіе, что у „Евреевъ не было личнаго аскетизма“ (стр. 115); но все это можно объяснить желаніемъ автора исчерпать вопросъ не только въ основномъ, но и въ тѣхъ частностяхъ, кои могутъ интересовать любознательнаго читателя; можно объяснить еще и массой прочитаннаго имъ книжнаго матеріала, который конечно въ лицѣ авторитетныхъ ученыхъ и писателей входилъ въ сознаніе автора болѣе или менѣе властно и подчинялъ себѣ его мысль. За то есть у автора очень хорошія мѣста, особенно, гдѣ онъ выясняетъ логическія ошибки или непониманіе христіанства по существу такими мыслителями какъ Вл. Соловьевъ (стр. 128) или Л. Н. Толстой.

Въ общемъ сочиненіе производитъ весьма пріятное впечатлѣніе: оно будитъ мысль, вводитъ въ сферу христіанскаго мышленія, требуя логики и безпристрастія, и для переживающихъ личный духовный кризисъ не только интересно, но и полезно. Степени кандидата богословія оно вполне заслуживаетъ“.

б) Отзвы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Воскресенскаго Василія* на тему: Религія, какъ основа воспитанія“.

1) Инспектора Академіи — и. д. ординарнаго профессора
А. П. Шостынка:

„Первую главу своего сочиненія (стр. 1—117), имѣющую надписаніе: „Права религіи и науки на воспитаніе“, г. Воскресенскій посвящаетъ довольно подробному раскрытію и обоснованію того положенія, что „наука не въ силѣ установить для всѣхъ равно обязательной *цѣли* воспитанія“ (58), „а нѣтъ единой *цѣли* воспитанія,—нельзя дожидаться и единой *системы*“ его (59). Въ качествѣ иллюстраціи къ этому положенію онъ приводитъ и сопоставляетъ двѣ системы воспитанія, наиболѣе претендующія на полноту и такъ-называемую научность, именно — Спенсера и Гюйо. „Избираются нами теоріи воспитанія Спенсера и Гюйо,—говоритъ авторъ,—какъ теоріи лицъ, въ которыхъ педагогическій авторитетъ сочѣтался съ универсальной научностью. Къ тому же, эти выдающіеся педагоги предлагаютъ полныя системы воспитанія, а не занимаются рѣшеніемъ только частныхъ педагогическихъ вопросовъ“ (61). Сопоставивъ названныя системы и обсудивъ ихъ „въ самыхъ основныхъ и главнѣйшихъ положеніяхъ, не входя въ разсмотрѣніе частностей и деталей ихъ“, авторъ восклицаетъ: „какое полное несогласіе, доходящее въ нѣкоторыхъ пунктахъ до прямого противорѣчія и взаимнаго отрицанія, оказывается между ними!“ И далѣе: „Но съ какимъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній и взглядовъ въ области воспитательныхъ вопросовъ встрѣтились бы мы, если бы попытались обзрѣть не двѣ, а пять—десять теорій, и разобрать ихъ не въ общихъ только основахъ, но и въ частнѣйшихъ подробностяхъ?!“ (71—72).

Послѣ того авторъ привлекаетъ еще представителей новѣйшей экспериментальной педагогики и у одного изъ нихъ (Меймана) находитъ слѣдующее признаніе: „Далеко не всѣ педагогическіе вопросы могутъ быть разрѣшаемы экспериментальнымъ путемъ, такъ какъ не всѣ вопросы научной педагогики состоятъ въ изслѣдованіи фактовъ. Такъ, напр., опредѣленіе общихъ *цѣлей* воспитанія, общихъ и частныхъ *цѣлей* обученія всегда въ значительной степени зависятъ отъ такихъ фактическихъ условій, которыя мы просто должны принять, какъ данныя“ (87—88).

Конечнымъ выводомъ всѣхъ этихъ разсужденій и является тезисъ автора: „неподвѣдомствененъ наукѣ вопросъ о *цѣли*

воспитанія и можетъ онъ получить себѣ истинное рѣшеніе только въ Откровеніи“ (90).

Столь же несостоятельной оказывается затѣмъ наука и въ рѣшеніи другого основного вопроса,—о *природѣ* питомца (93 и сл.).

Отсюда естественный переходъ ко *второй* главѣ (стр. 118—377), характеризующей Евангельскую и святоотеческую педагогику въ ея противоположности современной, въ большинствѣ — социалистической и матеріалистической, педагогикѣ. Здѣсь авторъ разбираетъ и опровергаетъ различные выпады противъ центрального положенія религіи въ воспитаніи и старательно обосновываетъ ту мысль, что религія (христіанская) представляетъ собою незамѣнимый оплотъ нравственности.—Въ концѣ главы онъ вооружается противъ попытокъ замѣнить христіанскую вѣроисповѣдную религію такъ-называемой всеобщей.

Послѣдняя—*третья*—глава (стр. 377—468) имѣетъ болѣе специальное содержаніе. Въ ней авторъ, исходя изъ психологическихъ законовъ развитія представленій и чувствованій, рисуетъ желательную постановку всего религіознаго *восстанія* и *обученія* дѣтей въ школьномъ возрастѣ.

Не оригинальны, въ общемъ, сужденія нашего автора и даже не всегда можно признать ихъ строго логичными. Но слѣдуетъ поставить ему въ заслугу то, что къ существующимъ въ литературѣ пособіямъ по избранному имъ предмету онъ отнесся съ должною добросовѣстностію, трудолюбиво перечиталъ множество ихъ и постарался разобраться въ нихъ, выработавъ для себя при этомъ опредѣленные и устойчивыя воззрѣнія.

Много вредитъ впечатлѣнію необработанный стиль автора и особенно небрежность переписчика, допустившаго массу грубыхъ ошибокъ, оставшихся неисправленными.

Для степени кандидата богословія грудъ г. Воскресенскаго долженъ быть признанъ достаточнымъ“.

2) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева*:

„Въ содержаніе этого сочиненія входятъ разсужденія общія, составляющія первую, большую по объему, часть его, и разсужденія спеціальныя. Между общими разсужденіями и разсужденіями спеціальными нѣтъ никакой логической

связи. Что во второй части говорится о ходѣ религіознаго воспитанія, то могло бы быть сказано и въ этомъ случаѣ, если бы отсутствовали предварительныя общія разсужденія. Разсужденія первой части можно резюмировать въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ: религія есть религія, наука есть наука, а педагогика есть педагогика. Эти мысли слишкомъ общи, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать спеціальныя выводы. Было бы много лучше, если бы авторъ началъ спеціальными разсужденіями, и это тѣмъ болѣе для него было бы возможно, что онъ разумѣетъ опредѣленную религію. Ему нужно было бы, исходя изъ понятія христіанской религіи и изъ научныхъ представленій о дѣтскомъ возрастѣ, построить ходъ религіознаго воспитанія. Если бы онъ послѣ этого перешелъ къ разбору возраженій противъ возможности религіознаго воспитанія вообще, то его спеціальныя сужденія дали бы ему точку опоры и для общихъ сужденій. Впрочемъ этотъ планъ былъ бы лучше лишь въ томъ случаѣ, если бы спеціальныя разсужденія автора не страдали шаблонностью и отвлеченностью. Свойственная обѣмъ частямъ сочиненія бѣглость мысли, отвлеченность, невдумчивость, стоитъ въ связи съ манерой автора пользоваться пособіями. По каждому изъ затронутыхъ имъ вопросовъ онъ имѣетъ подъ руками брошюрку или журнальную статью, въ которой собраны мнѣнія всѣхъ мудрецовъ міра,—и онъ выписываетъ эти отрывочныя мнѣнія. Получается поразительный калейдоскопъ именъ и афоризмовъ. Марксъ, Энгельсъ, Массарикъ, Гофманъ, Менгеръ, Локкъ, Руссо, Кантъ, Гегель, Будда, Конфуцій, Чу-чи... и сотни другихъ именъ пестрятъ каждую страницу, выписанныя, часто въ искаженномъ видѣ, изъ: „Мысли... собранныя такимъ-то“ и т. д.

Нужно однако сознаться, что авторомъ прочитано довольно значительное количество пособій. Труда затрачено имъ не мало. Направленіе его мыслей твердое и не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Пишетъ онъ, очевидно, съ любовью къ своему предмету. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

Справка: 1) Воспитанники Московской Духовной Академіи *Воиновъ Сергій* и *Воскресенскій* Василій окончили академическій курсъ въ минувшемъ 1910-мъ году съ званіемъ дѣй-

ствительнаго студента Академіи и правомъ на получение степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій.—2) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академіи „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска минувшаго 1910 года Воинова Сергѣя и Воскресенскаго Василія удостоятъ степени кандидата богословія, о чемъ и предоставитъ на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Прошеніе бывшаго студента I курса Академіи, сербскаго уроженца, священника *Дмитрія Поповича*:

„Вслѣдствіе смерти моей дочери и тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ я долженъ былъ уѣхать на родину; и послѣдовавшей затѣмъ моей болѣзни неврастеніи (Neurasthenia grav.), продолжавшейся въ теченіе больше одного года, я не былъ въ состояніи явиться до сихъ поръ въ Московскую Духовную Академію для сдачи курсовыхъ экзаменовъ въ сентябрѣ прошлаго 1909 года. По приложенному послѣднему врачебному свидѣтельству отъ 10 сентября 1910 года я долженъ уѣхать въ Россію лишь въ концѣ мѣсяца марта 1911 года, такъ какъ я долженъ остаться до тѣхъ поръ въ Сербіи, чтобы принимать лѣкарства и лѣчебные совѣты пользующихъ меня врачей. Несчастная моя жизнь, полная горести и болѣзненныхъ страданій, заставила меня не прислать Академіи мои свидѣтельства пользовавшихся меня врачей. Несчастная моя жизнь заставила меня не выполнить мое горячее желаніе учиться въ Московской Духовной Академіи, которую горячо люблю и вслѣдствіе которой любви вотъ я потерялъ мою бѣдную дочь, которая умерла отъ скарлатины 25—IV—1909 года въ 14 лѣтъ своей жизни, не видя ее ни мертвоу. Ужасное горе сорвалось на меня и мой домъ, но всетаки моя семья горячо желаетъ и я хочу и я жажду науки, которую могу найти только въ моей дорогой матушкѣ Россіи, которую люблю больше всего. Она св. Россія—славянская мать, она принимаетъ насъ сербовъ, чтобы учиться

и воспитываться и бережетъ насъ какъ своихъ дѣтей. Я готовился сколько могъ для экзаменовъ и приготовился хорошо. Мои сочиненія—семестры—пришлю Академіи дней черезъ нѣсколько. Такъ какъ я въ настоящее время чувствую себя почти вполне здоровымъ, о чемъ прилагаю и свидѣтельства пользовавшихся меня врачей, то осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Профессорское Правленіе Московской Духовной Академіи, чтобы разрѣшить мнѣ явиться въ Академію для сдачи курсовыхъ экзаменовъ въ теченіе этого школьнаго—1910/1911 г.“.

Справка: 1) На основаніи разрѣшительнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября 1908 года за № 12051, сербскій уроженецъ священникъ *Дмитрій Поповичъ*, по сдачѣ установленныхъ пріемныхъ испытаній, принятъ былъ въ число студентовъ I курса Московской Духовной Академіи по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1908 года, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.—2) За 1908—1909 учебный годъ священникъ Поповичъ не представилъ никакихъ письменныхъ работъ, не явился къ сдачѣ переводныхъ испытаній и, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1909 года, оставленъ былъ въ I курсѣ на второй годъ.—3) По опредѣленію Правленія Академіи отъ 18 сентября 1909 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, священникъ Поповичъ, какъ неявившійся въ Академію изъ отпуска на лѣтнія каникулы и не представившій никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, считается выбывшимъ изъ числа студентовъ Академіи.—Обратное принятіе таковыхъ студентовъ въ Академію или отказъ въ пріемѣ, по тому же Синодальному опредѣленію, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.—4) По § 110 лит. б п. 7 устава духовныхъ академій „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Признавая причины неявки въ Академію сербскаго уроженца священника *Дмитрія Поповича* уважительными, — ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить священника Поповича,

съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, обратно въ списки студентовъ I курса Академіи.—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—просить Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ о возстановленіи исключеннаго уже изъ смѣты 1911 года кредита на содержаніе священника Поповича въ академическомъ общежитіи.—3) Просьбу священника Поповича о разрѣшеніи ему представить письменныя работы за I курсъ и явиться въ Академію прямо къ сдачѣ переводныхъ испытаній на II курсъ — отклонить.

XVI. Заявленіе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи допущеннаго резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 10 сентября 1910 года къ слушанію академическихъ лекцій окончившаго курсъ Холмской духовной семинаріи *Аванасія Глодовскаго*:

„Вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ я не могу пріѣхать во вѣренную Вашему Преосвященству Московскую Духовную Академію, о чемъ имѣю честь покорнѣйше увѣдомить Ваше Преосвященство“.

Опредѣлили: Окончившаго курсъ Холмской духовной семинаріи *Аванасія Глодовскаго* исключить изъ списка вольнослушателей Академіи.

XVII. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всехсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи:

1) *Митрополита Московскаго Макарія* въ 485 рублей—за лучшія печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи;

2) *Митрополита Московскаго Макарія* въ 291 рубль—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи;

3) *Епископа Курскаго Михаила* двѣ преміи, по 201 р. каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Московской Духовной Академіи по Священному Писанію“.

б) Представленіе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Книга проф. М. М. Тарѣева: „Религіозная жизнь, 1910 г.“

состоящая из трех статей: „Живыя души, Церковность и Проповѣдь“, по моему мнѣнію, заслуживаетъ преміи Высокопреосвященнаго Макарія, въ виду слѣдующихъ двухъ главныхъ достоинствъ ея:

1) Авторъ дѣлаетъ въ высшей степени важную для церковно-православной богословской науки попытку освѣтить основными началами христіанской нравственности наиболѣе значительныя и яркія проявленія христіанской жизни въ современной Россіи.

2) Авторъ дѣлаетъ это съ обычнымъ своимъ мастерствомъ,—въ изложеніи краткомъ, отчетливомъ и увлекательномъ.

Оба эти качества труда проф. Тарѣва уже имѣютъ фактическое доказательство въ третьемъ изданіи „Живыхъ душъ“ и во вторымъ изданіяхъ „Церковности“ и „Проповѣди“ (сокращенное),—что величайшая рѣдкость для русскихъ научно-богословскихъ изданій“.

в) Представленіе ординарнаго профессора Академіи А. И. Введенскаго:

„Неутомимый С. С. Глаголевъ сдѣлалъ новый вкладъ въ въ богословско-философскую науку,—своею книгою “ „По вопросамъ логики“ (Харьковъ, 1910 г., стр. 221).

Эта книга, въ шести обширныхъ главахъ,—Исходныя начала логики“, „О логическихъ выводахъ“, „Недостатки классической теоріи силлогизма“, Объ основаніяхъ и методахъ индуктивныхъ заключеній“, „Вѣра и знаніе“, „Логика Абсолютнаго Разума“,—обнимаетъ, за исключеніемъ методологіи, почти все содержаніе логики.

Извѣстно, что логика развивается крайне медленно и это по той простой причинѣ, что дѣлать въ этой области открытія и вводить новшества крайне затруднительно. Не претендуетъ на это и нашъ авторъ,—хотя попутно и отмѣчаетъ всѣ болѣе или менѣе значительныя измѣненія, сдѣланныя въ этой наукѣ за послѣднее время (наприм., въ теоріи выводныхъ процессовъ, въ методологіи вопроса о вѣрѣ и знаніи). Нѣтъ, его задача нѣсколько иная. Онъ хочетъ сказать старое по новому, упростить и иллюстрировать соотвѣтствующими поясненіями и примѣрами,—весьма въ его книгѣ обильными, особенно изъ области математики и наукъ точныхъ,—старья, но отъ долгаго употребленія какъ

бы полузастывшія и сдѣлавшіяся иногда невразумительными, логическія схемы и конструкции. И это ему, въ значительной мѣрѣ, удается. Но главное значеніе книги апологетическое. Повсюду, гдѣ открывается къ тому возможность, авторъ настойчиво и съ надлежащимъ обоснованіемъ напоминаетъ о томъ, что „Логика, эта мысль о мысли, имѣетъ въ основѣ своей мысль о Богѣ“; что „знаніемъ относительнымъ предполагается знаніе абсолютное“; что „Логика ума ограниченного предполагаетъ логику Ума абсолютнаго“ (стр. 195), и что „только два начала могутъ провести человѣка безопасно по лабиринту недоумѣній, при обсужденіи высшихъ вопросовъ знанія: вѣра въ существованіе правды и любовь къ правдѣ“ (стр. 57).

Конечно, при чтеніи книги, тамъ и здѣсь возникаютъ иногда недоумѣнія и возраженія. Лично я нахожу, наприм., скептическія прелюдіи автора къ выясненію „Логики Абсолютнаго Разума“ (въ послѣдней главѣ) чрезвычайно преувеличенными. Можно было бы указать и другія недоумѣнія,—болѣе спеціальнаго характера, по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Но при этомъ нельзя не отдать автору должнаго: его книга имѣетъ свои достоинства,—и какъ рядъ живо, а мѣстами и остроумно изложенныхъ трактатовъ по Логикѣ, и какъ умѣлое и тонкое освѣщеніе принципиальныхъ вопросовъ знанія съ апологетической точки зрѣнія.

Въ виду сказаннаго, нахожу справедливымъ рекомендовать новую книгу проф. С. С. Глаголева на имѣющуюся въ распоряженіи Совѣта Академіи на 1911 г. Макарьевскую премію“.

Справка: 1) Правиль о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ,—*a) п. п. 10—11:* „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, причемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія.—Въ этомъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ

быть, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, допущены къ соисканію преміи“.—б) п. п. 4—5: „Второй преміи (въ 291 р.) удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи.—Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протоіерея Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго“.—2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи утверждены въ 1910-мъ году въ степени магистра богословія и д. доцента (нынѣ экстраординарный профессоръ) Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священникъ Е. А. Воронцовъ*, представившій и удовлетворительно защитившій диссертацию подъ заглавіемъ: „Домасоретская и масоретская библия, какъ манускриптъ, въ связи съ исторіею древне-еврейскаго письменнаго дѣла. Выпускъ первый. Общія положенія“. Сергіевъ Посадъ, 1910 г.—Связи съ кандидатскимъ сочиненіемъ священника Е. А. Воронцова означенная диссертациія не имѣетъ.—3) Положенія о преміи Епископа Курскаго Михаила § 7: „Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ Совѣтъ, чрезъ председателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія“.

Опредѣлили: 1) Сочиненія ординарныхъ профессоровъ Академіи *С. С. Глаголева* („По вопросамъ логики“) и *М. М. Тартева* („Религіозная жизнь“) имѣть въ виду при назначеніи въ мартовскомъ собраніи Совѣта Академіи преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи.—2) Магистерскую диссертацию экстраординарнаго профессора Академіи *священника Е. А. Воронцова* допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго

Макарія за лучшія магістерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.—3) Присужденіе премій Епископа Курскаго Михаила, за отсутствіемъ предложеній о сочиненіяхъ, заслуживающихъ сихъ премій,—отложить до будущаго года.

На семь журналѣвъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 25. Студенты Воиновъ Сергѣй и Воскресенскій Василій (ст. XIV) утверждаются въ степени кандидата богословія.—Прочее смотрѣно“.

16 марта 1911 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. П. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, П. М. Громогласовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. Опрежденіе Святейшаго Синода, отъ 8—20 января 1911 года за № 93,—о *порядкѣ назначенія, перемѣщенія и увольненія тѣхъ или другихъ лицъ по духовно-учебному вѣдомству* (изъ официальной части № 5-го „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святейшемъ Синодѣ“, за 1911-ый годъ):

„Святейшій Синодъ, опредѣляемъ отъ 8—20 января 1911 года за № 93, постановилъ: установить слѣдующій порядокъ при опредѣленіи, перемѣщеніи и увольненіи тѣхъ или другихъ лицъ отъ духовно-учебной службы:

А. Въ интересахъ возвышенія духовно-учебнаго дѣла и для поощренія лучшихъ по успѣхамъ и поведенію канди-

датовъ духовныхъ академіи, освобождающіяся мѣста по духовно-учебному вѣдомству предоставляются прежде всего тѣмъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, которые въ разрядныхъ спискахъ занимаютъ высшее мѣсто и отлично рекомендуются академическими совѣтами. Для достиженія этой цѣли совѣты духовныхъ академіи, по окончаніи учебнаго года: 1) препровождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 іюля требуемые, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академіи съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ усиліяхъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 2) вмѣстѣ съ семи списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую кафедру и на какую вообще должность въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ совѣтъ академіи каждаго изъ окончившихъ курсъ духовной академіи, какъ обязанныхъ службою по духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи. На основаніи доставленныхъ совѣтами академіи свѣдѣній въ Учебномъ Комитетѣ, въ началѣ каждаго учебнаго года, издаются печатные разрядные списки окончившихъ курсъ духовныхъ академіи. Списки эти находятся у всѣхъ членовъ Учебнаго Комитета для надлежащихъ соображеній при замѣщеніи вакансій по духовно-учебному вѣдомству; списки эти рассылаются и всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, дабы и они, при опредѣленіи на службу по епархіальному вѣдомству и при опредѣленіи кандидатовъ на должности въ епархіальныя женскія училища, отдавали предпочтеніе также лучшимъ кандидатамъ духовныхъ академіи. При этомъ, во избѣжаніе одновременнаго назначенія кандидата на епархіальную и духовно-учебную службу,

епархіальныя архіереи незамедлительно сообщаютъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода о всѣхъ случаяхъ назначенія окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на епархіальную службу.

Б. Для устраненія несомнѣннаго ущерба въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи отъ частой смѣны служащихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, всѣ назначенные на духовно-учебную службу въ сихъ заведеніяхъ обязываются прослужить на своихъ мѣстахъ не менѣе двухъ лѣтъ; ранѣе этого срока они не могутъ быть перемѣщаемы на другія мѣста по духовно-учебному вѣдомству, кромѣ случаевъ крайней необходимости, при чемъ преимущество отдается тѣмъ изъ лицъ духовно-учебной службы, которыя болѣе долгое время прослужили въ занимаемыхъ ими должностяхъ и по отзывамъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета заслуживаютъ поощренія повышеніемъ ихъ по службѣ. Для правильнаго сужденія о таковыхъ достойныхъ лицахъ въ справочно-статистическомъ отдѣлѣ Учебнаго Комитета ведутся особые списки тѣхъ изъ состоящихъ на духовно-учебной службѣ, которые, на основаніи отзывовъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета, являются наиболѣе способными къ занятію административныхъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и вообще заслуживаютъ поощренія по службѣ или удостоенія награды.

В. Во избѣжаніе продолжительнаго перерыва въ классныхъ учебныхъ занятіяхъ учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, Учебный Комитетъ немедленно, по открытіи вакансій преподавателей въ сихъ заведеніяхъ или помощниковъ инспектора семинаріи, избираетъ кандидата на открывшуюся вакансію и представляетъ докладъ о томъ на утвержденіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода; по утвержденіи же доклада увѣдомляетъ подлежащихъ лицъ о состоявшемся назначеніи ихъ на духовно-учебную службу съ предложеніемъ имъ незамедлительно отправиться къ мѣсту даннаго имъ назначенія.

Г. Такъ какъ изъ представленныхъ епархіальныхъ архіереевъ о перемѣщеніи или увольненіи отъ духовно-учебной службы служащихъ въ семинаріяхъ и училищахъ лицъ за неисправность по службѣ не всегда усматривается, чтобы лицамъ этимъ дѣлались предварительно, на основаніи § 18 Уст.

дух. семинарій и § 12 Уст. дух. учил., внушенія, замѣчанія и предупрежденія и чтобы имъ предъявлялось самое обвиненіе и испрашивалось объясненіе по содержанію послѣдняго, то, въ цѣляхъ полнаго выясненія дѣла, устанавливается правиломъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда епархіальными архіереями будутъ усмотрѣны неисправности по службѣ того или другого должностного лица при семинаріи или училищѣ и сдѣланныя по этому поводу внушенія, замѣчанія и предупрежденія окажутся безуспѣшными, а равно и въ случаѣ важнаго проступка должностного лица, требующаго немедленнаго перемѣшенія или даже увольненія его отъ духовно-учебной службы, епархіальные архіереи доносили объ этомъ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ своимъ заключеніемъ и съ приложеніемъ письменнаго объясненія отъ обвиняемаго лица по содержанію предъявляемаго къ нему обвиненія.

Д. Равнымъ образомъ и члены-ревизоры Учебнаго Комитета, усмотрѣвшіе при ревизіи духовно-учебныхъ заведеній такія неисправности по службѣ или преступныя дѣянія должностныхъ лицъ, которые потребуютъ перемѣшенія или увольненія сихъ лицъ отъ духовно-учебной службы, предлагаютъ виновному лицу дать письменное объясненіе по содержанію предъявляемыхъ къ нему ревизоромъ обвиненій, каковое объясненіе и прилагается къ отчету о ревизіи.

Е. Въ измѣненіе установленнаго циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 8 апрѣля 1904 г. за № 3, порядка освобожденія отъ обязательной службы по духовному вѣдомству академическихъ воспитанниковъ, пользовавшихся синодальными стипендіями во время обученія въ академіи или семинаріи, устанавливается, согласно докладу Учебнаго Комитета отъ 28 іюля 1910 года, слѣдующій порядокъ:

Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и пользовавшихся во время обученія въ академіи или семинаріи синодальными стипендіями, кои за недостаткомъ вакансій по духовно-учебному вѣдомству пожелаютъ служить по гражданскому вѣдомству, подаютъ о томъ прошенія, оплаченныя гербовымъ сборомъ, въ Учебный Комитетъ, который по разсмотрѣніи дѣла представляетъ Святѣйшему Синоду, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, журналъ объ освобожденіи просителя отъ обязательной службы по духовному

вѣдомству подъ условіемъ уплаты имъ долга духовному вѣдомству за содержаніе въ духовной академіи и семинаріи посредствомъ 10%-ныхъ вычетовъ изъ содержанія, какое онъ будетъ получать по службѣ внѣ духовнаго вѣдомства.

Ж. Что же касается тѣхъ изъ окончившихъ курсъ духовныхъ академій, которые желаютъ пройти курсъ ученія въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не отказываются отъ духовно-учебной службы, по окончаніи курса въ сихъ заведеніяхъ, то въ случаѣ поступления отъ нихъ заявленія о томъ въ Учебный Комитетъ, они получаютъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отсрочку назначенія на духовно-учебную службу до окончанія ими курса ученія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы документы сихъ кандидатовъ. по окончаніи курса въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ или по выходѣ изъ нихъ до окончанія курса, возвращались въ Учебный Комитетъ. Объ изложенномъ, для исполненія по духовно-учебному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Опредѣлили: Определеніе Святѣйшаго Синода принять къ исполненію и руководству.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Февр. 8. Въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 8 февраля за № 1945:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленные Вашимъ Преосвященствомъ, отъ 17 января сего года за № 14, журналы собраній Совѣта Московскоѣ духовноѣ академіи, отъ 6 Октября и 17 Декабря 1910 г., объ избраніи и. д. доцента академіи по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта законоучителя 2-ой Московскоѣ мужскоѣ гимназіи, кандидата богословія, священника *Владимира Стржозова*. Приказали: По обсужденіи настоящаго дѣла Святѣйшій Синодъ, согласно постановленію Совѣта Московскоѣ духовноѣ академіи, на основаніи §§ 12 и 67, примѣч., Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить состоящаго законоучителемъ 2-ой Московскоѣ мужскоѣ гимназіи, кандидата бого-

словія, священника Владиміра Страхова, съ 16 Августа 1911 года, и. д. доцента Московской духовной академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, съ освобожденіемъ его съ того же времени отъ должности законоучителя гимназіи: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Отношеніе, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи, г. директора Московской 2-ой гимназіи, отъ 23 февраля за № 198:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 11 сего февраля за № 65 имѣю честь при семъ препроводить къ Вашему Преосвященству формулярный списокъ о службѣ законоучителя ввѣренной мнѣ гимназіи священника *о. В. Страхова* и его документы: дипломъ за № 770 и метрическое свидѣтельство за № 8992, покорнѣйше прося о полученіи препровождаемаго увѣдомить“.

Опредѣлили: 1) Объ утвержденіи священника Владиміра Страхова, съ 16 августа 1911 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, съ освобожденіемъ его съ того же времени отъ должности законоучителя Московской 2-ой гимназіи, внести въ послужной его списокъ и сообщить Правленію Академіи — для зависящихъ распоряженій.—2) Документы священника Страхова хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи, увѣдомивъ о полученіи ихъ г. директора Московской 2-ой гимназіи.

III. Сланный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Марта 4. Въ Совѣтъ Московской Академіи къ руководству и исполненію“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 марта за № 3077:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 15 Февраля сего года за № 1825, отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Товарища Министра Тайнаго Совѣтника Лыкошина, отъ 31 Января 1911 года за № 4356—400, на имя Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ коемъ изъясняя, 1) что

образованное при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ іюль 1907 г. особое междувѣдомственное Совѣщаніе по вопросамъ объ отсрочкахъ по воинской повинности для окончанія образованія, между прочимъ, постановило обязать учебныя начальства немедленно извѣщать подлежащія уѣздныя (городскія) по воинской повинности, присутствія о всѣхъ случаяхъ выбытія молодыхъ людей изъ учебныхъ заведеній какъ по окончаніи курса, такъ и ранѣе сего, на предметъ наблюденія за своевременной явкой этихъ молодыхъ людей къ исполненію воинской повинности и 2) что строгое соблюденіе изложеннаго правила учебными начальствами нынѣ пріобрѣтаетъ особо важное значеніе въ виду увольненія сравнительно большого числа студентовъ вслѣдствіе происшедшихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядковъ, проситъ сдѣлать распоряженіе о неукоснительномъ исполненіи означенныхъ правилъ начальствами высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Приказали: Выслушавъ настоящее отношеніе Тайнаго Совѣтника Лыкошина, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: увѣдомить объ изложенномъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, Ваше Преосвященство, Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и Преосвященнаго Казанскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ руководству и исполненію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академіи 26 января 1911 года:

а) за № 2: „1911 г. Февр. 14. По ст. 1. Разрѣшается избрать кандидата на кафедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ рекомендаціи. По ст. 2. Священникъ Преображенскій и и. д. доцента Академіи Мишинъ утверждаются—первымъ лекторомъ англійскаго языка, а вторымъ—французскаго“.

б) за № 3: „1911 г. Февр. 15. Постановленіе Совѣта Академіи отъ 17 Декаб. 1910 г. о назначеніи Мухановскихъ по собій утверждается“.

в) за № 4: „1911 г. Февр. 25. Студенты Воиновъ Сергѣй

и Воскресенскій Василій (ст. XIV) утверждаются въ степени кандидата богословія. Прочее смотрѣно“.

Справка: Въ ст. XV журнала за № 4 изложено было ходатайство Совѣта предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить сербскаго уроженца *священника Димитрія Поповича*, уволеннаго изъ Академіи въ 1909-мъ году за неявку изъ отпуска на лѣтнія каникулы, съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, обратно въ списки студентовъ I курса Академіи.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію, сообщить лицамъ, коихъ онѣ касаются, и Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.—2) Объ утвержденіи п. д. доцента Академіи *А. К. Мишина* въ должности лектора французскаго языка внести въ формулярный о службѣ его списокъ, а объ утвержденіи *священника* Московской Василіе-Кесарійской, на Тверской, церкви *Н. А. Преображенскаго* въ должности лектора англійскаго языка сообщить Московской Духовной Консисторіи.—3) Объ утвержденіи въ степени кандидата богословія дѣйствительныхъ студентовъ Академіи *Сергѣя Винова* и *Василія Воскресенскаго* сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, съ препровожденіемъ въ Комитетъ и кандидатскихъ дипломовъ поименованныхъ лицъ.

V. Резолюцію Его Высокопреосвященства за № 891, послѣдовавшую па представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи, отъ 2 января 1911 года, съ „Свѣдѣніями“ по хозяйственной части академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ за 19 лѣтъ его существованія и приходо-расходною смѣтою по изданію журнала и святоотеческихъ твореній на 1911-й годъ: „1911 г. Марта 2. Согласно ходатайству Совѣта Академіи, назначается субсидія академическому журналу „Богословскій Вѣстникъ“ въ 2500 рублей въ годъ, начиная съ 1-го Января 1911 года,—изъ суммъ Перервинскаго монастыря“.

Опредѣлили: 1) Просить (настоящимъ журналомъ) Его Высокопреосвященство принять выраженіе глубокой признательности Совѣта Академіи за милостивую поддержку, оказанную издательскому дѣлу Академіи, поручивъ особю

депутации, въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора Академіи*, редактора академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“—сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго* и секретаря редакціи—и. д. доцента Академіи *Ө. М. Россейкина*, лично представиться и засвидѣтельствовать Его Высокопреосвященству искреннюю благодарность Совѣта Академіи за щедрый даръ.—2) Резолюцію Его Высокопреосвященства за № 891 сообщить о. архимандриту Николаевскаго Перервинскаго монастыря Іоанникію, уполномочивъ получить отъ него субсидію на текущій 1911-ый годъ редактора академическаго журнала—профессора *Н. А. Заозерскаго*.

VI. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ январь и февраль мѣсяцахъ текущаго 1911 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ январь мѣсяцъ—а) *по болѣзни*: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ опустилъ 4 лекціи (5 часовъ), сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ—по 2 часовыхъ лекціи и и. д. доцента Н. Л. Туницкій—1 лекцію (2 часа); б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ Н. М. Громогласовъ—2 лекціи (3 часа); в) *по нахожденію въ отпускѣ*: и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—4 лекціи (5 часовъ).

2) въ февраль мѣсяцъ—сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій опустилъ 6 лекціи (7 часовъ), экстраординарный профессоръ Н. М. Громогласовъ—2 лекціи (3 часа), экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и и. д. доцента Н. Л. Туницкій—по 2 часовыхъ лекціи, исправляющіе должность доцента—священникъ Д. В. Рождественскій и В. П. Виноградовъ—по 1 часовой лекціи—*по болѣзни*.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Отзывы о сочиненіи Инспектора Тобольской духовной семинаріи—*протоіеря Димитрія Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“, представленномъ (въ рукописи) въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія:

а) Бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима* ¹⁾.

„Сочиненіе, представленное о. Димитріемъ на соисканіе ученой степени магистра богословія, весьма обширно. Оно имѣетъ ни болѣе ни менѣе, какъ (682+320) 1002 страницы „in folio“. Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Часть первая. Введеніе (1—77); гл. I-я: „вѣроученіе въ проповѣдяхъ бл. Августина“ (78—237); гл. II-я: „нравоученіе въ проповѣдяхъ бл. Августина“ (238—375); гл. III-я: „внутреннія свойства проповѣдей бл. Августина“ (376—448); гл. IV-я: „внѣшнія свойства проповѣдей бл. Августина“ (444—513); гл. V-я: „гомилетическія воззрѣнія бл. Августина“; „христіанская наука“ (513—581); гл. VI: „обзоръ содержанія сочиненія бл. Августина „De catechisandis rudibus“ (582—653); гл. VII-я: „значеніе проповѣднической дѣятельности бл. Августина“ (653—682). *Часть вторая* (приложеніе). Проповѣди бл. Августина, Епископа Иппонскаго. 23 бесѣды (по 39-му тому Миня „De diversis“). Переводъ съ латинскаго (1—320 стр.) и Предисловіе отъ переводчика (1—11 стр.).

Въ ряду богословскихъ наукъ трудно подыскать науку, которая была бы такъ бѣдна литературой, въ особенности же литературой оригинальной, какъ Гомилетика. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, творенія бл. Августина, этого величайшаго столпа западной церкви, міросозерцаніе котораго легло въ основу почти всего религіознаго міросозерцанія Запада и таковымъ почти остается даже и до дне сего, изучалось русскими богословами и не-богословами съ живымъ интересомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, между тѣмъ какъ его проповѣдническая дѣятельность оставалась все время почти въ полномъ забвеніи. Уже базируясь только на однихъ этихъ приведенныхъ точкахъ зрѣнія, можно привѣтствовать попытку челоуѣка дать въ настоящее время то, въ чемъ такъ нуж-

¹⁾ Представленъ 1-го іюня 1909 года.

дается Гомилетика, наука о проповѣдничествѣ, въ ея теоретической, научной разработкѣ, и въ ея узко-практической части—въ непосредственномъ служеніи обществу „живымъ словомъ“. Но сочиненіе автора должно быть привѣтствуемо и не только со стороны благовременности его появленія, но и съ внутренней стороны, со стороны цѣнности его содержанія.

1. Творенія бл. Августина—великое море, море опасное и мало еще детально изслѣдованное. Море это для русскаго богослова почти море „clavsum“. Чтобы переплыть это море, нужно отлично знать латинскій языкъ. Въ прежнее доброе старое время для питомца духовной школы это не было дѣломъ труднымъ. Теперь же, когда языкованіе почти всецѣло упало въ духовной школѣ и, можно даже сказать, вовсе не существуетъ, уже одна попытка плыть по морю твореній бл. Августина заставляетъ ставить это въ великую заслугу автору. Между тѣмъ автору пришлось плавать не по поверхности только водъ этого моря „clavsum“, но и спускаться въ глубины его неисчерпаемыхъ мыслей, погружаться въ глубину его сложнаго, чрезвычайно серьезнаго, высоко-философскаго и мистическаго общественнаго и государственнаго міросозерцанія, извѣстными основоположеніями котораго не только долгое время жилъ цѣлый почти Западъ, но отчасти и до сихъ поръ еще продолжаетъ жить. Ему приходилось, какъ рабочему, добывающему золото въ твердыхъ горныхъ породахъ, извлекать по незначительной частицѣ нужныя для него свѣдѣнія изъ обширнаго матеріала, закрытаго печатью таинственности отъ взора изслѣдователя. И онъ въ значительной степени справляется съ этой трудной задачей.

2. Цѣнность всякаго сочиненія зависитъ въ значительной степени отъ того, въ какой степени близости авторъ стоитъ къ изслѣдуемому имъ сочиненію: черпаетъ ли онъ матеріалъ, свои соображенія и построенія непосредственно изъ самаго первоисточника, или же черпаетъ ихъ изъ второисточниковъ; говоря иначе, цѣнность сочиненія автора измѣняется его отношеніемъ къ первоисточникамъ. Понятна совершенно цѣнность работы въ указанномъ отношеніи. Всякій второисточникъ въ силу необходимости уже несетъ въ себѣ рядомъ съ подлинными воззрѣніями автора и насло-

нія на нихъ, принадлежащія перу того или другого писателя. Нашъ авторъ всюду въ основу своихъ экскурсовъ въ область каждаго вопроса кладетъ первоисточники. Читая его трудъ, въ которомъ нижній этажъ заполненъ на каждой почти страницѣ цитатами, невольно поражаешься массой труда, затраченнаго въ данномъ случаѣ авторомъ. Только старая школа могла дать такихъ кропотливыхъ, честнѣйше-заботливыхъ, усидчивыхъ тружениковъ, какимъ выступаетъ предъ нами нашъ авторъ. Нужно каждую минуту помнить, что эти постоянныя ссылки на творенія бл. Августина, эти многочисленныя параллели дѣлаются не по русскому переводу, а по латинскому тексту. Нужно очень много потрудиться надъ своимъ сочиненіемъ, чтобы довольно свободно ориентироваться въ обширномъ лабиринтѣ твореній бл. Августина. Цитируетъ творенія бл. Августина авторъ по Миню съ нѣмецкою щепетильною точностью, указывая часто не только номеръ бесѣды, страницы сочиненія, но даже и номеръ колонны, положеніе цитируемаго мѣста на страницѣ Миневскаго изданія. По мѣстамъ авторъ указываетъ даже различія текста, отыскивая ихъ въ другихъ изданіяхъ.

3. Какъ ни безконечно важны въ каждой научной работѣ первоисточники, все же имѣютъ громадное значеніе со стороны полноты изслѣдованія и второисточники: это—отраженіе первоисточниковъ въ сознаніи другихъ, такъ сказать, въ преданіи. И съ этой стороны авторъ поражаетъ насъ обиліемъ литературы, изученной имъ при написаніи своего сочиненія. Отъ древняго времени и до послѣднихъ дней, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ, имъ собрано множество сочиненій, и не только собрано, какъ это иногда бываетъ, но и изучено тщательно. Такимъ образомъ, авторъ выступаетъ предъ нами въ полномъ научномъ вооруженіи. По крайней мѣрѣ, въ нашей литературѣ его слово по вопросу о проповѣднической дѣятельности бл. Августина является послѣднимъ словомъ.

4. Не смотря на присутствіе указанныхъ общенаучныхъ необходимыхъ аппаратовъ въ сочиненіи о. Садовскаго, оно все же можетъ быть далекимъ отъ типа настоящаго сочиненія: въ немъ можетъ не быть полноты и правильности основныхъ положеній. И съ этой стороны авторъ нашъ является почти совершенно безукоризненнымъ. Ни одинъ во-

прось (разумѣю основные, кардинальные, а не второстепенные вопросы) не оставленъ авторомъ безъ вниманія. Проповѣдническая дѣятельность бл. Августина изучена тщательно вся цѣликомъ, какъ съ чисто внѣшней стороны, такъ и съ внутренней. Изучена имъ и теоретическая разработка бл. Августиномъ вопросовъ Гомилетики. Авторъ суммировалъ въ своемъ сочиненіи все, что было сказано по этимъ вопросамъ учеными разнаго времени и что можно сказать объ этомъ въ настоящее время. И въ этомъ отношеніи, со стороны полноты изслѣдованія, сочиненіе о. Садовскаго является въ нашей литературѣ послѣднимъ словомъ. Отвѣты на поставленные авторомъ разсматриваемаго нами сочиненія вопросы даются правильные. Проповѣдническая дѣятельность великаго западнаго церковнаго витія какъ бы оживаетъ предъ нами, и снова онъ, какъ бы живой, проходитъ во всей своей чарующей прелести, привлекательности и обаяніи... Не только ученый теоретикъ-гомилетъ, но и пастырско-практикъ, читая страницы борьбы великаго западнаго витія за унижаемаго Христа и св. Церковь, найдутъ для себя не только побужденія къ подобному же служенію Христу и въ наши дни, но почерпнуть еще силу и бодрость для такой работы, и умѣніе работать въ этомъ направленіи. Наше время, какъ бы его ни порицали, не хуже времени бл. Августина. И если бл. Августинъ имѣлъ возможность бороться съ врагами Христовыми, то намъ ли не найти этихъ силъ въ настоящее время для той же борьбы.

5. Нельзя не поставить, наконецъ, автору въ заслугу его замѣчательную любовь къ богословской наукѣ, какъ бы своего рода нѣкую влюбленность въ богословскую науку, что по нынѣшнимъ временамъ стало большою рѣдкостью не только подъ часъ у тѣхъ, кто учится для „диплома“, по и у тѣхъ, кто ей призванъ служить своимъ положеніемъ. Заброшенный въ Сибирь (авторъ—Омскій Наблюдатель), находясь въ книжномъ отношеніи среди невозможныхъ условій, въ то время, когда многіе люди, сидящіе и у книжныхъ громадныхъ сокровищъ, сидятъ какъ прокаженные и больные при „Овчей Виеездѣ“ въ Іерусалимѣ, авторъ нашелъ возможнымъ довести свой трудъ до конца. Нужно удивляться этому еще и вотъ почему. Автору попался очень придирчивый рецензентъ, который заставлялъ его даже не одинъ разъ

переработывать свое сочинение, приѣзжать къ академическимъ сокровищницамъ, выписывать различныя книги изъ заграницы. И не смотря на это, авторъ покорно подчинялся всѣмъ притязаніямъ рецензента и довелъ свой трудъ до конца. По нашему мнѣнію, дѣйствительно, только величайшая любовь къ богословской наукѣ, притомъ совершенно безкорыстная, дала автору силы на 15-мъ году послѣ окончанія имъ Академіи въ далекой и холодной Сибири окончить свой трудъ.

Но пора уже сказать намъ и о недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія. Ничто, конечно, не совершенно подлунной. И на солнцѣ есть пятна. Можно ихъ найти и въ сочиненіи о. Садовскаго. И даже больше того: ихъ можно здѣсь найти очень много. Творенія бл. Августина столь обширны, столь глубоко по мѣстамъ противорѣчивы, что „уязвленіе“ нашего автора—дѣло даже и весьма не трудное. Достаточно сказать, что авторъ не написалъ о томъ-то, хотя и написалъ 1002 страницы, и конецъ: недостатокъ одинъ нашелся и т. д. Съ этой стороны нашего автора можно „уязвлять“ свободно. Но насколько это будетъ справедливо? Не будетъ ли это требованіемъ отъ автора изложенія почти всѣхъ твореній бл. Августина, и, значитъ, написанія не только новыхъ 1002 страницъ, но и еще цѣлаго необозримаго ряда такихъ комплектовъ страницъ? Въ виду этого вопросъ о недостаткахъ сочиненія о. Садовскаго съ этой скользкой почвы мы переносимъ на другую, въ область уже намѣченныхъ нами достоинствъ сочиненія о. Садовскаго, и лишь въ этой области пожелаемъ ему нѣкотораго рода дополненій и разъясненій.

А. Языкъ бл. Августина по мѣстамъ отличается темнотами. Трудно его переводить и опытному переводчику. Тѣмъ труднѣе было переводить его нашему автору. По мѣстамъ встрѣчаются и у него въ переводѣ не только темноты и не только неточности, но и прямо даже неправильности... Ихъ нужно непремѣнно исправить. Можно такія мѣста, въ особенности въ первой части сочиненія, инудѣ передать и перифрастически. Мѣста эти тщательно отмѣчены мною.

Б. Какъ ни старался авторъ по возможности собрать всю литературу о бл. Августинѣ, ему этого, конечно, не удалось. Можно сказать, что имъ довольно изучена литература нѣ-

мецкая по вопросу „Августиновѣдѣнія“. Меньше французская и почти цѣликомъ отсутствуетъ остальная западная литература. Но особенно меня поразило въ этомъ отношеніи то, что авторъ почти ничего не знаетъ о вліяніи бл. Августина на нашу отечественную гомилетическую письменность и, что всего интереснѣе, письменность даже не новаго времени (ибо люди заняты теперь совсѣмъ другимъ), а древняго. Авторъ очевидно не подозреваетъ, что въ рукописныхъ памятникахъ нашего проповѣдничества до сихъ поръ можно найти множество слѣдовъ такого вліянія бл. Августина. Этотъ матеріалъ такъ обширенъ, что одинъ онъ можетъ составить обширную диссертацию. Достаточно въ данномъ случаѣ принять во вниманіе хотя бы однѣ только проповѣди Арсенія Мацѣвича.

В. Можно въ сильной степени оспаривать сочиненіе автора съ методологической стороны, со стороны распорядка обширнаго гомилетическаго матеріала, собраннаго имъ. Но о томъ, что уже сдѣлано, нечего спорить.

Г. Языкъ автора нуждается во многихъ мѣстахъ въ тщательномъ исправленіи. Можетъ быть, латинскій авторъ своими особенностями и темнотами повліялъ на него такъ неблагоприятно.

Д. Трудъ автора, безспорно, имѣетъ большое значеніе, но въ большей части своей только теоретическое, кабинетное, научное, между тѣмъ какъ массу затраченнаго имъ труда можно было бы использовать совершенно въ другомъ направленіи. Можно было бы всю и первую часть изслѣдованія замѣнить переводомъ еще не переведенныхъ на русскій языкъ бесѣдъ бл. Августина, слабдивши переводъ, конечно, краткимъ ученымъ предисловіемъ, какъ теперь уже это нерѣдко и дѣлается. Переведенныя бесѣды дали бы возможность каждому болѣе извлечь изъ нихъ пользы и чисто въ практическомъ отношеніи и чисто въ теоретическомъ дѣлѣ изученія гомилетическихъ воззрѣній бл. Августина, чѣмъ сейчасъ, тѣмъ болѣе, что по мѣстамъ автору въ своемъ сочиненіи, пришлось почти дословно повторять то (см. V гл.), что давно извѣстно даже и въ нашей бѣдной литературѣ. Но что сдѣлано, то сдѣлано.

Всѣ промахи автора, какіе я успѣлъ замѣтить въ его сочиненіи я отмѣтилъ на поляхъ, не утаивши отъ него ни-

чего „про запасъ“ на диспутѣ. Покорнѣйше прошу его исправить ихъ всѣ по возможности.

По моему глубокому, искреннему, совершенно объективному убѣжденію, авторъ за свой ученый трудъ вполне заслуживаетъ искомой имъ степени магистра богословія“.

б) Ординарнаго профессора Академіи *М. М. Таръева*:

„Сочиненіе это было мнѣ вручено въ трехъ рукописныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ второй и третій представляютъ собою переработку перваго, произведенную авторомъ по настоянію преосвященнаго Евдокима. Разница между первымъ экземпляромъ, съ одной стороны, вторымъ и третьимъ, съ другой; очень велика—во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что узнать первоначальную рукопись не представляетъ большихъ затрудненій. Напротивъ, послѣдовательность второго и третьяго экземпляровъ опредѣлить, при отсутствіи хронологическихъ помѣтъ, довольно трудно—въ виду того обстоятельства, что отмѣченное карандашемъ перваго рецензента, скажемъ, въ рукописи В, какъ нуждающееся въ исправленіи, остается безъ измѣненія въ рукописи С, а зачеркнутое и подчеркнутое въ рукописи С остается безъ исправленія въ рукописи В. Это обстоятельство говоритъ о томъ, что появленіе третьяго экземпляра уже не было обязано вниманію автора къ рецензентскимъ указаніямъ. Разница между В и С замѣчается лишь въ одномъ пунктѣ: одна изъ рукописей имѣетъ 6 главъ, а другая 7. Однако не такъ-то легко понять, въ какомъ направленіи эволюціонировало это научное произведеніе, что было, по мнѣнію автора, его усовершенствованіемъ: добавленіе-ли одной главы, или сокращеніе сочиненія. Я рассмотрѣлъ рукопись наиболѣе полную.

Въ этомъ видѣ сочиненіе о. Садовскаго имѣетъ слѣдующее содержаніе: предисловіе, введеніе и 7 главъ. Содержаніе предисловія трудно уловимо. Лучше было-бы—зачеркнуть его, оставивъ лишь указатель литературы предмета. Литературу предмета авторъ перечисляетъ два раза: разъ въ примѣчаніи и другой разъ въ текстѣ. Достаточно одного указателя. Если бы авторъ пожелалъ сохранить болѣе полный указатель, то я рекомендовалъ бы ему—или исключить изъ него тѣ труды, именованіе которыхъ онъ заимствуетъ изъ вторыхъ рукъ, какъ въ этомъ я убѣдился изъ тщательной

провѣрки цитатъ, или же выбросить фразу: (источники и пособія), „коими мы пользовались въ всемъ изслѣдованіи“.

Далѣе авторъ даетъ во *введеніи* (стр. 1—87) свѣдѣнія о жизни блаж. Августина. Въ главахъ I (88—306) и II (307—505) предлагается обзоръ вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія проповѣдей блаж. Августина. Въ главѣ III (506—603) идетъ рѣчь о внутреннихъ свойствахъ проповѣдей блаж. Августина, а въ главѣ IV (604—697) о свойствахъ внѣшнихъ. Въ главѣ V (698—757) излагаются историко-археологическія свѣдѣнія о проповѣдничествѣ блаж. Августина. Въ главѣ VI (758—845) и VII (846—943) передаются гомилетическія воззрѣнія его по сочиненіямъ *de doctrina christiana* и *de catechisandis rudibus*. Въ заключеніи (944—973) авторъ говоритъ о значеніи блаж. Августина въ исторіи проповѣди и въ исторіи гомилетики.

Планъ этотъ, выработанный, по всей видимости, подъ руководствомъ еп. Евдокима, можно одобрить. И матеріаль, распределенный авторомъ по этому плану, можно назвать солиднымъ. О. Садовскій работаль по первоисточникамъ. Изъ проповѣдей и гомилетическихъ сочиненій блаж. Августина онъ приводитъ обильныя выдержки. Кажется, имъ былъ приложенъ къ сочиненію, въ отдѣльной тетради, переводъ проповѣдей блаж. Августина, хотя до меня это приложевіе не дошло. Все показываетъ, что авторъ поработаль не мало.

Но обильный и хорошо добытый матеріаль недостаточно обработанъ. Главы I, II, VI и VII, составляющія большую часть сочиненія, представляютъ собою рядъ обширнѣйшихъ, нерѣдко въ 20—30 страницъ, выдержекъ изъ сочиненій блаж. Августина. Каждая выдержка предваряется авторскою ремаркой въ два—три слова; въ концѣ каждой главы дѣлается имъ краткая критическая замѣтка. Но нѣтъ ни малѣйшихъ попытокъ дать анализъ обозрѣваемаго текста, систематизировать его, установить логическую связь между отдѣльными частями его, сопоставить проповѣдническія рѣчи Августина съ другими его твореніями, оцѣнить разныя пункты его ученія. Если же авторъ приложитъ къ своему изслѣдованію переводъ проповѣдническихъ трудовъ Августина, то еще меньше будетъ оправданія для такихъ бессистемныхъ и неосмысленныхъ катенъ. Главы III, IV и V составлены поверхностно, а введеніе крайне небрежно.

Особенно же слабую сторону въ сочиненіи о. Садовскаго составляетъ нелитературность изложенія и безграмотность переписки. Вотъ какъ онъ пишетъ. „Уже по самому характеру этого сочиненія отъ автора его нельзя требовать спеціальной и обстоятельной разработки взятаго нами предмета“. „И послѣ этого не все еще было устранено, препятствовавшее Августину стать полнымъ христіаниномъ. Онъ теперь сдѣлался осторожнымъ, а эта осторожность заставляла его быть осмотрительнымъ“. „Внѣшнія обстоятельства... находятъ для себя благопріятную почву и въ характерѣ находящихся въ нихъ лицъ“. См. по рук. С стр. IV, 32, 53 — 54 и по рукоп. В стр. III, 24, 40.

Въ „безграмотности“, конечно, повиненъ не самъ авторъ, а его переписчикъ. Однако, если по небрежности корректора всѣ ошибки переписчика перейдутъ въ печатный текстъ, то мы увидимъ позорную для богословской литературы книгу. Незмѣнно во всѣхъ рукописяхъ, переписанныхъ не однимъ и тѣмъ же писцомъ, мы читаемъ: опологія, философскій и т. д. Объ иностранныхъ словахъ и говорить нечего: potrol. metaphisich и т. д. Даже на заглавной страницѣ фамилія автора написана невѣрно: *Содовскаго*, тогда какъ въ остальныхъ двухъ рукописяхъ *Садовскаго*.

Итакъ, по выработанности плана и по тщательности, съ которою добытъ матеріаль, сочиненіе заслуживало бы автору степени магистра богословія; но разрѣшено къ печатанію въ качествѣ магистерской диссертациі оно можетъ быть лишь подъ условіемъ внимательной переработки его съ указанныхъ сторонъ“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию Инспектора Тобольской духовной семинаріи протоіерея Димитрія Садовскаго возвратити автору для исправленія согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отзывахъ рецензентовъ, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, за болѣе подробными руководственными указаніями обратиться къ ординарному профессору Академіи М. М. Тарѣеву.

VIII. Прошенія:

а) Законоучителя Харьковскаго I-го реальнаго училища священника *Іоанна Дмитревскаго*:

„Представляя при семъ на соисканіе степени магистра

богословія свое сочиненіе (высылаемое заказною бандеролью) на тему: „Спиритизмъ. — Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской“,—прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе.

Я окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи, со степенью кандидата—магистранта богословія, въ 1898 году“.

б) Законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи *священника Владиміра Страхова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе на тему: „Второе посланіе св. ап. Павла къ Фессалоникійцамъ. Псагогико-экзегетическое изслѣдованіе“, имѣю честь просить Ваше Преосвященство принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ магистерской диссертации. При этомъ долгомъ считаю заявить, что одной—пятой—главы, центральной въ псагогикѣ посланія, я сейчасъ не могу представить, такъ какъ рукопись ея находится въ настоящее время въ Редакціи Богословскаго Вѣстника, и эта глава имѣетъ быть напечатана въ мартовской и апрѣльской книжкахъ названнаго журнала. По напечатаніи, глава эта будетъ представлена мною въ Совѣтъ въ отдѣльныхъ оттискахъ“.

в) *Священники* Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви *Георгія Добронравова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе—„Гоненіе Ирода на христіанъ“, историческій комментарий къ XII гл. кн. Дѣяній Апостольскихъ,—почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять его въ качествѣ диссертации на соисканіе степени магистра богословія, и дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: 1) Священники Дмитревскій, Страховъ и Добронравовъ окончили курсъ въ Московской Духовной Академіи (первый—въ 1898, второй—въ 1907, третій—въ 1910 г.г.) со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія.—2) По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значатся въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣ-

томъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Магистерскія диссертациі священниковъ Владимира *Страхова* и Георгія *Доброуравова* передать для разсмотрѣнія сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, а диссертацию священника Іоанна *Дмитревскаго*—исправляющему должность доцента Академіи *П. А. Флоренскому*.

IX. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеупомянутыхъ магистерскихъ диссертаций онъ назначаетъ членовъ Совѣта—экстраординарныхъ профессоровъ Академіи: *П. П. Соколова* (дисс. свящ. Г. Дмитревскаго), священника *Е. А. Воронцова* (дисс. свящ. В. Страхова) и *Д. И. Введенскаго* (дисс. свящ. Г. Доброуравова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отношеніе Императорской Академіи Наукъ отъ 12 марта за № 683:

„Комиссія по устройству состоящей подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Выставки „Юмоносоевъ и Елизаветинское время“ имѣетъ честь обратиться къ Академіи съ просьбою сообщить, въ возможно непродолжительномъ времени, не имѣетъ ли она какихъ нибудь предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ Выставки, посвященной памяти великаго Русскаго ученаго и эпохѣ царствованія его Августѣйшей покровительницы, какъ-то: портретовъ эпохи 1740—1750 гг., официальныхъ и частныхъ документовъ и рукописей, печатныхъ изданій, предметовъ быта, искусства (живопись, скульптура, архитектура), театра и музыки, военной исторіи, торговли и промышленности, видовъ русскихъ городовъ вообще за время 1740—1750-хъ гг. и въ частности тѣхъ, которые такъ или иначе связаны съ именемъ Императрицы Елизаветы, отдѣла, посвященнаго исторіи Малороссіи, наконецъ, печатной литературы объ Императрицѣ Елизаветѣ и ея времени.

По полученіи указаній, Комиссія не преминетъ обратиться съ просьбою о высылкѣ предметовъ, которые могутъ быть интересны для Выставки“.

Опредѣлили: Поручить лицамъ, завѣдывающимъ отдѣльными частями академическаго имущества, навести подробныя и точныя справки по изложенному запросу Академіи Наукъ и о послѣдующемъ увѣдомить Комиссію по устройству Выставки „Ломоносовъ и Елизаветинское время“.

XI. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 10 февраля за № 128:

„Императорское Московское Археологическое Общество покорнѣйше просить Духовную Академію командировать въ Новгородъ къ 21 іюля текущаго года депутатовъ на XV Всероссийскій Археологическій Съѣздъ. 21-го іюля открываетъ свои дѣйствія Совѣтъ Съѣзда и производятся выборы всего Правленія Съѣзда. Заявленія о выборѣ депутатовъ покорнѣйше просятъ заблаговременно доставить Императорскому Московскому Археологическому Обществу для доставленія ему возможности сговориться съ Новгородскимъ Отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета насчетъ помѣщеній“.

Опредѣлили: 1) Депутатами отъ Академіи для участія въ засѣданіяхъ XV Археологическаго Съѣзда въ г. Новгородѣ назначить ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ литургіи и церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *А. П. Голубцова* и экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнова*, изъявившихъ на то свое согласіе.—2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Свягѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ профессорамъ *А. П. Голубцову* и *С. И. Смирнову* потребной въ пособіе на путевые расходы и содержаніе въ г. Новгородѣ суммы въ размѣрѣ *ста пятидесяти рублей (150 р.)* каждому.

XII. Представленный редакціею академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ отчетъ по изданію журнала и святоотеческихъ твореній за 1910-й годъ.

Справка: Правиль отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ н. 7-й: „Совѣтъ Академіи, по полученіи отчетовъ редакціи, избираетъ комиссію изъ трехъ лицъ для обрѣзирования прихода-расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ“.

Опредѣлили: Рассмотрѣніе отчета за 1910-й годъ и обревизованіе приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ, поручить комиссіи изъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретоза*, экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго* и и. д. доцента *А. К. Мишина*.

XIII. Прошеніе лектора англійскаго языка священника *Н. А. Преображенскаго*:

„Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи о томъ, чтобы и. д. Ректора Московскаго Университета допустилъ меня какъ лектора Академіи брать книги изъ Университетской бібліотеки безъ залага“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи просьбы священника *Н. А. Преображенскаго*.

XIV. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 22 февраля за № 542, съ увѣдомленіемъ о полученіи крюковыхъ рукописей за №№ 3, 240, 249, 257 и 262, высланныхъ Совѣтомъ Академіи для занятій протоіерея *В. Металлова*.

б) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 7 марта за № 280, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи за № 1262 (*Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Сборникъ XIV—XV в.*).

в) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 15 февраля за № 340, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской бібліотеки подъ №№ 667 (1846), 664 (404), 676 (407), 700 (551), 189 (1613), 712 (1824), 713 (1825), 739 (1872) и 798 (1908).

г) Канцеляріи Императорской Публичной Библіотеки, отъ 9 марта за № 682, съ увѣдомленіемъ о полученіи изданій, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 3 марта 1911 г. за № 90.

д) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 7 февраля за № 278, съ препровожденіемъ рукописи Лаврской бібліотеки подъ № 12 („Сборникъ“ XII—XIII в.), каковая,

немедленно по полученіи, и сдана была, для храненія и пользованія ею, въ фундаментальную академическую библиотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Представленіе *библиотечной комисіи* отъ 15 марта за № 924:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библиотечная Комиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библиотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 133, 136 и 137 (Проф. А. П. Шостыина); 60 (Проф. А. П. Голубцова); 192 (Проф. С. С. Глаголева); 21, 193 и 195 (Проф. М. М. Тарѣва); 23 и 27 (Проф. С. И. Соболевскаго); 25, 135 и 191 (Проф. М. М. Богословскаго); 22 и 194 (Проф. С. И. Смирнова); 187 и 188 (Проф. А. П. Орлова); 197 и 198 (И. д. доцента Н. Л. Туницкаго); 211 (И. д. доцента Ѡ. М. Россейкина); 24, 189 и 190 (И. д. доцента священника Д. В. Рождественскаго); 26, 29, 30 и 134 (И. д. доцента П. А. Флоренскаго) и 212 (И. д. доцента В. П. Виноградова).

Опредѣлили: Поручить библиотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической библиотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XVI. Отношенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 17 января и 15 марта 1911 года за №№ 138 и 410, при коихъ возвращены въ Совѣтъ Академіи аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента утвержденныхъ нынѣ въ степени кандидата богословія воспитанниковъ Академіи выпуска 1910 года; *Баржицкаго* Михаила, *Ковригина* Михаила, *Панова* Павла, *Ржепика* Мирона и *Мальгина* Бориса.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отзывъ экстраординарнаго профессора Академіи А. П. Орлова о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи священника *Козлова Иоанна* на тему: „Старокатолическій вопросъ въ русской богословской литературѣ“:

„Задачей своего сочиненія авторъ полагалъ „представить экстрактъ всего матеріала, имѣющагося по старокатолическому вопросу въ русской богословской литературѣ“, — „всего, что служило и служить предметомъ обсужденія русскихъ богослововъ: исторія старокатолическаго движенія, предпринятія имъ реформы въ области догматической, канонической и дисциплинарной,—отношеніе его къ тому или иному вѣроисповѣданію,—выходящія изъ-подъ пера его вождей сочиненія, наконецъ, даже внѣшній образъ жизни ихъ“ (Предисловіе. III, 1 стр.). О такомъ именно широко поставленномъ планѣ работы автора говоритъ и приложенный имъ въ концѣ своего сочиненія „указатель литературы по старокатолическому вопросу“ (1—11 стр.), поскольку рецензентъ имѣетъ основанія засвидѣтельствовать, что отмѣченныя въ „указателѣ“ монографіи и журнальныя статьи еще въ теченіе 1907½ учебнаго года были дѣйствительно въ бѣльшей или меньшей степени протудированы о. Козловымъ. Въ представленной работѣ авторъ, однако, использовалъ только часть изученнаго имъ матеріала, ограничившись характеристикой лишь главнѣйшихъ сторонъ предмета своей темы. Въ 6 главахъ своего сочиненія о. Козловъ обзрѣваетъ: 1) „исторію сношеній представителей русскаго богословія съ старокатоликами“ (1—75 стр.); 2) вопросъ о Filioque (77—113 стр.); 3) о „пресуществленіи“ (115—150); 4) о церкви (151—191); 5) о дѣйствительности старокатолической іерархіи (193—206), и 6) — о почитаніи святыхъ и ихъ реликвій (207—212). Въ „заключеніи“ (213—220) авторъ дѣлаетъ нѣсколько выводовъ относительно общаго положенія старокатолическаго вопроса въ русскомъ богословіи. Какъ видно изъ этого обзора работы о. Козлова, его сочиненіе и въ настоящемъ видѣ, охватывая всѣ наиболѣе существенные пункты старокатолическаго вопроса, потребовало отъ автора немало усидчиваго труда. Работа о. Козлова отличается отчетливостью мысли и сжатостью изложенія. Авторъ при обзорѣ русской литературы по тѣмъ или другимъ пунктамъ старокатолическаго вопроса слѣдуетъ

не только хронологическому ея развитію, но устанавливаетъ и идейныя особенности или направленія въ ихъ постановкѣ. Отсюда, сочиненіе о. Козлова, при сравнительной незначительности своего объема, даетъ достаточно полное и цѣлостное отраженіе русской богословской мысли, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такъ или иначе реагировавшей на развившееся на западѣ старокатолическое движеніе. Правда, это стремленіе автора къ сжатости изложенія нерѣдко доходить до крайности: изложеніе мѣстами отличается уже излишней схематичностью и опускаетъ немало очень цѣнныхъ и интересныхъ подробностей въ аргументаціи нашихъ богослововъ, полемизировавшихъ по старокатолическому вопросу. Возраженіе, далѣе, вызываетъ постановка темы и построеніе матеріала въ первой главѣ сочиненія о. Козлова. Если во 2—6-ой главахъ работы автора предметомъ ея является именно обзоръ русской литературы по старокатолическому вопросу, то въ 1-й главѣ своего сочиненія авторъ дѣлаетъ попытку представить уже собственно „исторію сношеній представителей русскаго богословія съ старокатоликами“ (только на основаніи данныхъ, имѣющихся въ русской литературѣ). При такой постановкѣ дѣла, эта глава сочиненія о. Козлова явилась своего рода обширнымъ введеніемъ въ кругъ вопросовъ, которымъ посвящены дальнѣйшія главы его работы, при чемъ авторъ здѣсь почти неизбежно предвосхитилъ много матеріала, лишь въ болѣе подробномъ видѣ раскрытаго на дальнѣйшихъ страницахъ его сочиненія. Думается, сочиненіе о. Козлова выиграло бы въ логической планомѣрности, если бы авторъ и въ этой главѣ выдержалъ историко-библіографическій характеръ своего сочиненія, распредѣливъ вошедшій въ нее историческій матеріалъ по извѣстнымъ рубрикамъ (напр.: а) документы или первоисточники по исторіи старокатоличества; б) монографіи, посвященныя исторіи старокатоличества въ ея цѣломъ; в) статьи, касающіяся отдѣльныхъ эпизодовъ ея и т. п.),—сдѣлавъ сильную характеристику этого матеріала, и, такимъ образомъ, прямо отвѣтивъ на основной вопросъ своей темы, формулированной авторомъ въ „предисловіи“:—что мы имѣемъ въ нашей литературѣ по тѣмъ или другимъ пунктамъ старокатолическаго вопроса. Со стороны литературности стиля сочиненіе о. Козлова за немногими исключеніями (28, 31, 51, 64, 65, 81 стр.) не вы-

зываетъ замѣчаній. Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

Справка: 1) Священникъ Іоаннъ Козловъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1908-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) По § 110 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1908 года священника Іоанна Козлова удостоить степени кандидата богословія, о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XVIII. Прошеніе бывшаго студента Академіи *Максимиліана Труфанова*, отъ 25 февраля 1911 года:

„Сознавая свою вину, состоящую въ несвоевременномъ представленіи свидѣтельства о причинѣ своей неявки въ академію, которое я думалъ представить по своему пріѣздѣ, я остаюсь при неизмѣнномъ своемъ желаніи продолжать образованіе въ Духовной Академіи до окончанія полнаго курса. А потому покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство и Члены Совѣта Академіи, простить мнѣ мою невольную ошибку и принять меня обратно въ число студентовъ IV курса ввѣренной Вамъ Духовной Академіи. При семъ прошеніи прилагаю два удостовѣренія о моей бо-лѣзни“.

Справка: 1) Изъ приложенныхъ къ прошенію удостовѣреній врача 1-го участка Царицынскаго земства и благочиннаго церкви г. Царицына видно, что студентъ Максимиліанъ *Труфановъ*, выбывшій изъ Академіи въ отпускъ на Рождественскія каникулы *16-го декабря 1910 года*, „30-го декабря 1910 года заболѣлъ легкимъ воспаленіемъ слѣпой кишки (Appendicitis), почему и не могъ явиться въ Академію къ назначенному сроку; въ настоящее время (оба удостовѣренія—отъ 7-го февраля 1911 года) студентъ этотъ находится на пути къ выздоровленію и можно ожидать скорого его воз-

вращенія въ Академію“.—2) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Правленія Академіи отъ 27 января текущаго 1911 года Максимиліанъ *Труфановъ*, какъ не явившійся въ Академію изъ отпуска на Рождественскія каникулы болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, уволенъ изъ числа студентовъ Академіи.—Обратное принятіе таковыхъ студентовъ въ Академію или отказъ въ приѣмѣ, по тому же Синодальному опредѣленію, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.—3) По § 110 лит. о п. 7 устава духовныхъ академій „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.—4) Въ собраніи 1 февраля 1902 года Совѣтъ Академіи, „въ виду неоднократно замѣчаемыхъ въ послѣднее время случаевъ недостаточно исправнаго посѣщенія студентами лекцій и регулярнаго уклоненія нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ своевременной явки въ Академію послѣ рождественскихъ, пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ подѣ предлогомъ болѣзни или семейныхъ обстоятельствъ“,—имѣлъ сужденіе о мѣрахъ къ пресѣченію этого нежелательнаго явленія, при чемъ постановлено было: „Предложить академической инспекціи въ концѣ каждаго учебнаго года доводить до свѣдѣнія Совѣта Академіи о всѣхъ студентахъ, по какимъ бы то ни было причинамъ не посѣщавшихъ лекцій въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (въ общей сложности), и затѣмъ о допущеніи такихъ лицъ къ переводнымъ и выпускнымъ испытаніямъ имѣть особое сужденіе“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить Максимиліана Труфанова обратно въ списки студентовъ IV курса Академіи, но,—въ виду его болѣе, чѣмъ двухмѣсячнаго отсутствія изъ Академіи,—лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года.

XIX. Представленный, по порученію Совѣта Академіи отъ 24 ноября 1910 года, комиссіею (подъ предсѣдательствомъ *Преосвященнаго Ректора* Академіи и въ составѣ: Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора *А. П. Шостыгина*,

ординарныхъ профессоровъ—А. П. Голубцова, А. И. Введенскаго, С. С. Глаголева и М. М. Таръева) проектъ правилъ о зачисленіи въ студенты академіи лицъ, подвергшихся повѣрочнымъ испытаніямъ:

„§ 1. Успѣшно выдержавшими должны быть считаемы лица, получившія на устныхъ испытаніяхъ въ среднемъ баллъ не ниже $3\frac{3}{4}$, на письменныхъ—не ниже $3\frac{1}{4}$ и не получившія ни на какомъ испытаніи отмѣтки ниже $2\frac{1}{2}$.

§ 2. Лица, получившія одну отмѣтку ниже $2\frac{1}{2}$ ($2+$, 2, $2--$, но не менѣе), могутъ быть зачисляемы въ студенты академіи, если имѣютъ въ общемъ по устнымъ и письменнымъ испытаніямъ средній баллъ не ниже $3\frac{3}{4}$.

§ 3. Лица, принятыя на основаніи § 2 (т. е. съ одною отмѣткою ниже $2\frac{1}{2}$), помѣщаются въ разрядномъ списокѣ послѣ принятыхъ на основаніи § 1, хотя бы и имѣли болѣе высокой средній баллъ.

§ 4. Принятымъ въ студенты по испытаніи казенныя и частныя стипендіи назначаются въ порядкѣ разряднаго списка или на основаніи специальныхъ правилъ о стипендіяхъ“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 ноября 1910 года за № 16172 Совѣтамъ духовныхъ академій поручено было составить правила о зачисленіи въ студенты академіи лицъ, подвергшихся повѣрочнымъ испытаніямъ, примѣнительно къ новому уставу духовныхъ академій, и затѣмъ таковыя правила представить въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Соглашаясь съ проектомъ правилъ, выработаннымъ комиссіею, почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство представить оный на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода съ слѣдующими необходимыми поясненіями:

По установившейся уже десятилѣтія въ Московской Духовной Академіи практикѣ, разрядной списокъ принятыхъ въ составъ I курса послѣ повѣрочныхъ испытаній составлялся *по суммѣ балловъ*, полученныхъ каждымъ испытуемымъ, при чемъ отмѣтки по сочиненіямъ считались втрое, а отмѣтки по проповѣди—вдвое противъ отмѣтокъ по устнымъ испытаніямъ, вслѣдствіе чего при четырехъ устныхъ испытаніяхъ, двухъ сочиненіяхъ и одной проповѣди число

отмѣтокъ у каждаго изъ подвергавшихся испытаніямъ равнялось 12 (6— по сочиненіямъ, 2— по проповѣди и 4— по устнымъ испытаніямъ).—Такимъ способомъ сравнительной оцѣнки Совѣтъ Академіи руководился по слѣдующимъ соображеніямъ:

Устные испытанія показываютъ, главнымъ образомъ,—по скольку испытуемымъ усвоены учебники, но не могутъ дать достаточно основаній для сужденія о способностяхъ и степени развитія испытуемаго.—Затѣмъ,—при устныхъ испытаніяхъ приходится считаться съ тѣмъ, что не всѣ отдѣлы въ учебныхъ курсахъ излагаются одинаково удовлетворительно, не всѣ отдѣлы въ семинаріяхъ проходятся съ равною обстоятельностью,—наконецъ—сами экзаменуемые не все преподаваемое имъ усвояютъ въ одинаковой мѣрѣ.—Всѣмъ этимъ обуславливается существованіе элемента случайности на устныхъ испытаніяхъ.—Общій характеръ письменныхъ темъ въ значительной мѣрѣ устраняетъ этотъ элементъ и дѣлаетъ изъ сочиненій прекрасное средство для заключенія о степени развитія, способностяхъ, порою даже о характеръ начитанности и вкусахъ писавшаго.

Признавая преимущественное значеніе за письменными работами, Совѣтъ всегда отдавалъ предпочтеніе сочиненіямъ передъ проповѣдью: первыя онъ цѣнилъ втрое, а вторую— вдвое, руководясь тѣмъ, что въ сочиненіяхъ развитіе писавшаго естественно должно гораздо болѣе выразиться, чѣмъ въ проповѣди.

Правильность такого способа оцѣнки на приѣмныхъ испытаніяхъ подтверждалась послѣдующею судьбою принятыхъ. Ихъ успѣхи въ общемъ обыкновенно отвѣчали тѣмъ представленіямъ о нихъ, которыя были составлены на приѣмной оцѣнкѣ.

XX. Разсуждали: О назначеніи изъ процентовъ съ капитала *Митрополита Московскаго Макарія* двухъ премій: а) въ 185 рублей—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи и б) въ 291 р.—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

Справка: 1) Въ собраніи Совѣта Академіи 26 января текущаго 1911 года на премію Митрополита Макарія въ 485 руб.

лей представлены были сочиненія ординарныхъ профессоръ Академіи *С. С. Глаголева* („По вопросамъ логики“) и *М. М. Таръева* („Религіозная жизнь“).—Къ соисканію преміи въ 291 рубль допущена была магистерская диссертация священника *Е. А. Воронцова* подъ заглавіемъ: „Домасоретская и масоретская Библия, какъ манускриптъ, въ связи съ исторіею древне-еврейскаго письменнаго дѣла. Выпускъ первый. Общія положенія“.—2) Правиль о присужденіи преміи Митрополита Московскаго Макарія—*а) п. 13*: „Черезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на преміи сочиненій и присужденіе самыхъ премій“; *б) п. 15*: „Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ премію“.—3) По § 110 лит. *б* п. 11 устава духовныхъ академій „присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ премій за ученые труды“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Премію изъ процентовъ съ капитала Митрополита Московскаго Макарія въ 485 рублей за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи раздѣлить на двѣ равныя части,—по 242 р. 50 к. каждая,—и назначить ихъ ординарнымъ профессорамъ Академіи *С. С. Глаголеву* и *М. М. Таръеву*.—2) Премію изъ процентовъ съ того же капита въ 291 р. за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи присудить экстраординарному профессору Академіи священнику *Е. А. Воронцову*.—3) Постановленія сіи представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXI.—*О вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXX) академическаго курса.*

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 138: „О вызовѣ содержимыхъ на синодальныя средства студентовъ Совѣтъ Академіи заблаговременно представляетъ Св. Синоду, для зависящихъ съ его стороны распоряженій, въ порядкѣ, указанномъ въ § 110, л. *б*, п. 6 устава. Вмѣстѣ съ симъ Со-

вѣтъ дѣлаеть объявленіе во всеобщее свѣдѣніе объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную, при чемъ сообщается объ условіяхъ приѣма, о документахъ, коими должны заготовиться желающіе явиться къ приѣму, о количествѣ синодальныхъ и частныхъ стипендій, на которыя могутъ рассчитывать поступающіе въ Академію.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса академіи положено по 30 казенныхъ вакансій.

Опредѣлили: 1) Представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса 20-ти лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ 10-ти казеннокоштныхъ вакансій лицамъ, имѣющимъ явиться къ повѣрочнымъ испытаніямъ.—2) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“ и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Апр. 14. По с. XVII. Дѣйствительный студентъ священникъ Козловъ утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее читано и утверждается.“

19 апрѣля 1911 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь; сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 9 марта 1911 года за № 3301:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло объ экстраординарномъ профессорѣ Московской духовной академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества *Иліи Громогласовъ*. Приказали: Обсудивъ представленный Вашимъ Преосвященствомъ, отъ 18 Ноября 1910 года за № 450, журналъ Совѣта Московской духовной академіи отъ 6—13 Октября 1910 года за № 23, о замѣщеніи кафедры церковнаго права въ названной академіи и докладную записку экстраординарнаго профессора оной Громогласова и принимая во вниманіе: 1) что произведенное въ собраніяхъ Совѣта академіи 6 и 13 Октября избраніе посредствомъ рекомендаціи кандидата для замѣщенія вакантной кафедры церковнаго права не дало вполнѣ опредѣленнаго результата и 2) что избраніе кандидатовъ для замѣщенія преподавательскихъ кафедръ въ духовныхъ академіяхъ можетъ совершаться, на основаніи § 70 академическаго устава, посредствомъ рекомендаціи или посредствомъ конкурса, Святѣйшій Синодъ, указомъ отъ 1 Декабря 1910 года за № 17146, предоставилъ Вашему Преосвященству поручить Совѣту Московской академіи избраніе достойнаго кандидата для замѣщенія кафедры церковнаго права произвести посредствомъ конкурса, въ дальнѣйшемъ же ходѣ дѣла поступить по закону. Послѣ сего ректоръ Московской духовной академіи, Преосвященный Феодоръ, въ письмѣ на имя Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 3 Декабря, объясняя, что конкурсъ на занятіе кафедры церковнаго права въ академіи, если отъ него не будетъ устраненъ профессоръ Громогласовъ, отдастъ эту весьма важную кафедру именно въ его руки, между тѣмъ назначеніе Громогласова на кафедру церковнаго права, какъ человѣка съ сомнительнымъ церковно-политическимъ настроеніемъ, будетъ прямымъ противорѣчіемъ со смысломъ новаго академическаго устава (§§ 65, 86), какимъ противорѣчіемъ является и теперешнее его пре-

бываніе въ духовной академіи, просилъ лишить профессора Громогласова права участвовать въ конкурсѣ. Святѣйшій Синодъ, не усматривая законныхъ основаній къ устраненію профессора Громогласова отъ участія въ конкурсѣ на занятіе кафедры церковнаго права, и въ то же время признавая необходимымъ, въ виду требованія §§ 65 и 86 Уст. дух. акад. и изъясненнаго заявленія Преосвященнаго ректора Московской духовной академіи о сомнительности церковно-политическаго настроенія Громогласова, имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о немъ съ этой стороны, по опредѣленію отъ 8—9—14 Декабря, отклонилъ изложенное ходатайство Преосвященнаго ректора Московской духовной академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ Вашему Преосвященству представить Святѣйшему Синоду документально обоснованныя свѣдѣнія о направленіи и образѣ мыслей Громогласова въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ, а равно отзывъ о томъ, въ какой мѣрѣ Вашимъ Преосвященствомъ раздѣляется заявленіе Преосвященнаго ректора академіи о прямомъ противорѣчій со смысломъ новаго академическаго Устава теперешняго пребыванія въ духовной академіи профессора Громогласова. Во исполненіе означеннаго порученія Ваше Преосвященство, въ представленіи Святѣйшему Синоду, отъ 25 Января сего года за № 35, изъясняете: 1) что профессоръ Громогласовъ принадлежитъ къ числу профессоровъ, примкнувшихъ къ такъ называемому освободительному движенію и въ смутное для Московской академіи время заявилъ себя несоотвѣтствующимъ профессору духовной академіи образомъ мыслей даже и внѣ стѣнъ академіи, помѣстивъ въ журналъ „Московскій Еженедѣльникъ“ за 1906 г. тенденціозную статью, содержащую въ себѣ несправедливыя нареканія на правящую церковную іерархію и обнаруживающую въ профессорѣ Громогласовѣ церковныя и политическія воззрѣнія, „чуждыя духу и направленію православныхъ духовныхъ академій“, 2) что таковыя воззрѣнія профессора Громогласова не являются „временными, наносными, но оказываются всецѣло вошедшими въ его міросозерцаніе и здѣсь окрѣпшими“, такъ какъ Громогласовъ „доселѣ продолжаетъ смотрѣть на свою публицистическую дѣятельность въ указанномъ направленіи какъ на служеніе дѣлу Божьему, въ мѣру своего пониманія и своихъ силъ“, 3) что при на-

личіи у профессора Громогласова означенныхъ церковныхъ и политическихъ возрѣній дальнѣйшее пребываніе его въ академіи на какой бы то ни было кафедрѣ: А., является противорѣчіемъ новому Высоч. утвер. 2 Апрѣля 1910 года Уст. дух. акад., въ силу коего: а) преподавателями академіи могутъ быть только лица православнаго исповѣданія, строго православнаго образа мыслей и церковнаго направленія, предпочтительно состоящія въ священномъ санѣ (§ 65), и б) преподаватели должны вести свое преподаваніе въ строго православномъ духѣ, направляя свою дѣятельность къ утвержденію въ умахъ студентовъ благоговѣнія предъ непреложной истиной Православія и готовности послужить св. Церкви, при чемъ никакія уклоненія отъ сего правила не могутъ быть терпимы (§ 86), и Б., создаетъ нежелательное положеніе для дѣятельности лицъ, отвѣтствующихъ за благосостояніе академіи и обязанныхъ пецись о ея учебно-воспитательномъ направленіи и, между прочимъ, о неуклонномъ введеніи въ жизнь академіи поваго Устава, и 4) что ректоръ Московской академіи Епископъ Θεодоръ, кромѣ признанія проф. Громогласова несоотвѣтствующимъ какъ по образу его мыслей, такъ и по направленію преподавательской дѣятельности требованіямъ, опредѣленно и точно поставленнымъ въ новомъ академическомъ уставѣ, указываетъ еще на постоянную и упорную неисправность проф. Громогласова въ отношеніи къ служебнымъ обязанностямъ: состоя съ самаго поступленія на службу въ академію сначала участникомъ-преподавателемъ, а потомъ и собственникомъ одного изъ частныхъ Московскихъ коммерческихъ училищъ, проф. Громогласовъ всегда былъ, по сообщенію ректора академіи, неисправенъ въ посѣщеніи академическихъ лекцій; ежегодно онъ опускалъ среднимъ числомъ около половины лекцій, а въ иные годы—и около двухъ третей; даже и послѣ того, какъ вслѣдствіе бывшей въ 1908 году ревизіи академіи, ему была поставлена на видъ означенная служебная небрежность и отъ него было потребовано, чтобы онъ немедленно оставилъ занятія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и болѣе серьезно относился къ преподаваемой имъ въ академіи наукъ, онъ не подчинился этому требованію и не сталъ исправнѣе; между тѣмъ совмѣщеніе проф. Громогласовымъ съ своимъ прямымъ академическимъ дѣломъ еще сторон-

нихъ занятій весьма вредно отражается на профессорской его дѣятельности. Въ виду сего Ваше Преосвященство признаете соотвѣтственнымъ „устраненіе“ профессора Громогласова изъ Московской духовной академіи. Обсудивъ изложенное и не признавая, съ своей стороны, въ виду представленныхъ Вашимъ Преосвященствомъ вышеизъясненныхъ соображеній, дальнѣйшее пребываніе профессора Громогласова на службѣ въ Московской духовной академіи полезнымъ для академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предложить экстраординарному профессору Московской академіи Пльѣ Громогласову подать прошеніе объ увольненіи отъ службы въ академіи; о чемъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій, послать указъ Вашему Преосвященству“.

На семь указѣ резолюція Его Высокопреосвященства за № 1225: „1911 г. Марта 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, коему профессоръ Громогласовъ имѣетъ представить прошеніе объ увольненіи не позже, какъ чрезъ 2 недѣли по объявленіи ему о содержаніи сего указа“.

б) Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества *И. М. Громогласова*:

„Въ виду крайне разстроеннаго моего здоровья, требующаго въ ближайшее время леченія за границей, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи меня отъ академической службы и о назначеніи мнѣ единовременнаго пособія на основаніи ст. 6 и 125 тома III кн. 2-й Св. Законовъ“.

Справка: „Увольненіе отъ службы доцентовъ и профессоръ“, по § 110 лит. в п. 2 устава духовныхъ академій, значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода, а „дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ въ Академіи“, по § 125 лит. в п. 6 прим. того же устава, — представляются Правленіемъ Академіи Епархіальному Архіерею для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольне-

ній экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества, Коллежскаго Совѣтника, *И. М. Громогласова*, согласно его прошенію, отъ службы при Академіи. 2) Дѣло объ исходатайствованіи профессору Громогласову, при выходѣ въ отставку, единовременнаго пособія—передать въ Правленіе Академіи.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *16 марта 1911 г.* № 5: „1911 г. Апр. 14. По ст. XVII. Дѣйствительный студентъ священникъ Козловъ утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее читано и утверждается“.

Справка: Въ стт. XVIII и XX означеннаго журнала на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства представлены были: а) ходатайство Совѣта Академіи о разрѣшеніи зачислить Максимилиана *Труфанова* обратно въ списки студентовъ IV курса Академіи, но,—въ виду его болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго отсутствія изъ Академіи,—лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года (ст. XVIII); б) опредѣленіе Совѣта о назначеніи премій изъ процентовъ съ капитала Митрополита Московскаго Макарія ординарнымъ профессорамъ Академіи *С. С. Глаголеву, М. М. Таръеву* и экстраординарному профессору священнику *Е. А. Воронцову* (ст. XX).

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства сообщить лицамъ, коихъ она касается, Учебному Комитету при Святейшемъ Синодѣ (относительно священника Іоанна Козлова) и Правленію Академіи—для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о проученныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *мартъ* мѣсяцѣ текущаго 1911 года, изъ которой видно, что: вольнонаемный покойный лекторъ нѣмецкаго языка *В. П. Лучининъ* (18 апрѣля с. г. скончавшійся) опустилъ 20 часовыхъ лекцій, экстраординарный профессоръ *И. М. Громогласовъ*—10 лекцій (12 часовъ), и. д. доцента и лекторъ французскаго языка *А. К. Мишинъ*—6 часовыхъ лекцій, и. д. до-

цента священникъ Д. В. Рождественскій—5 лекцій (7 часовъ), сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—4 лекціи (5 часовъ), ординарный профессоръ А. А. Спасскій и экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ—по 2 лекціи (3 часа), экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій и и. д. доцента В. П. Виноградовъ—по 1 часовой лекціи—*вслѣдствіе болѣзни*.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора Академіи:*

„Согласно § 122 устава духовныхъ академій,—„Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія, въ которомъ читается годовая отчетъ и произносятся преподавателями рѣчи, предварительно одобренныя ректоромъ“.— Въ виду сего считаю долгомъ предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ числа наставниковъ Академіи лица, на которое возложено будетъ составленіе рѣчи къ 1-му октября сего 1911 года—дню воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи и храмоваго академическаго праздника, обычно соединяемому съ торжественнымъ годичнымъ актомъ Академіи“.

Опредѣлили: Составленіе рѣчи ко дню торжественнаго собранія Академіи 1-го октября 1911 года и произнесеніе оной, по предварительномъ одобреніи Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, поручить г. экстраординарному профессору по кафедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнову*.

V. а) Отзывы о сочиненіи законоучителя 2-ой Московской мужской гимназій, кандидата богословія, священника *Владимира Страхова* подъ заглавіемъ: „Второе посланіе Св. Ап. Павла къ Фессалоникійцамъ. Введеніе и толкованіе“, представленномъ (частію въ рукописи, частію въ печатномъ видѣ) на соисканіе степени магистра богословія.

1) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова:*

„Посвященный изученію Второго Посланія Ап. Павла къ

Фессалоникійцямъ, трудъ о. Владиміра, начинаясь *введеніемъ* (стр. 1—25), содержащимъ исторію основанія Фессалоникійской церкви (стр. 1—16) и отношеніе къ ней Ап. Павла до написанія имъ втораго къ ней посланія (стр. 16—25),— распадается на *двѣ* обширныя части: *исагогическую* (стр. 26—381) и *экзегетическую* (стр. 383—614).

Часть *исагогическая* имѣетъ *шесть главъ*. *Первая* небольшая глава, озаглавленная: „анализъ содержанія посланія“, точнѣе говоря, представляетъ очень краткое и послѣдовательное обзорнѣе содержащихся въ посланіи мыслей (стр. 26—30). Въ главѣ *второй*: „цѣль и ситуація посланія“ (стр. 31—55) авторъ излагаетъ опроверженіе Апостоломъ ложнаго мнѣнія, распространявшагося среди фессалоникскихъ христіанъ, будто „день Господень“ уже насталъ или непосредственно настаеъ и успокоеніе имъ безпорядковъ въ общинѣ по поводу этого мнѣнія,—и изслѣдуетъ время и мѣсто написанія посланія, съ подробнымъ и основательнымъ опроверженіемъ предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ, что второе посланіе къ фессалоникцамъ написано ранѣе перваго. Глава *третья* (стр. 56—96): „подлинность посланія“—содержитъ обстоятельное изложеніе свидѣтельствъ о происхожденіи посланія отъ Ап. Павла—*внѣшнихъ*: Маркіона, Климента Римскаго, Варнавы, Игнатія Антиохійскаго, Ученія двѣнадцати апостоловъ, Іустина Мученика, Поликарпа Смирнскаго, Иринея, Тертуліана, Климента Александрійскаго, фрагмента Мураторія, Италійскаго и Сирскаго (пешито) переводовъ, Оригена, Евсевія, Ипполита, Моммзенова канона, Кирилла Іерусалимскаго, апостольскихъ постановленій, Лаодикійскаго собора, пасхальнаго посланія Афанасія, Григорія Назіанзина и Трулльскаго вселенскаго собора (стр. 56—68),—и *внутреннихъ*: соотвѣтствіе общаго характера посланія духу апостольскаго времени,—невозможность подлога посланія въ періодъ времени отъ смерти Апостола Павла до Маркіона,—языкъ, стиль, форма и содержаніе посланія,—закрывающіяся въ немъ личныя и историческія даты—указуютъ на Ап. Павла какъ на писателя посланія (стр. 68—96). Глава *четвертая*: „возраженія противъ подлинности посланія“ (стр. 97—167), послѣ краткой исторіи критики посланія (стр. 97—101), содержитъ подробное изложеніе и обстоятельную критику всѣхъ, существующихъ въ наукѣ, возра-

женій противъ подлинности посланія, извлекаемыхъ отрицателями изъ: а) эсхатологическаго ученія второй главы посланія (стран. 101—114) и б) литературнаго отношенія второго посланія къ первому, именно: сходство обоихъ посланій съ одной стороны—объясненіе этого сходства обстоятельствами написанія посланій и подробный разборъ гипотезъ Борнемана, Цана, Шпитты, изложеніе принимаемой авторомъ гипотезы Юлихера (стр. 114—157),—и мнимыя противорѣчія ихъ—съ другой, именно: 2 Фессал. 3, 8 по сравненію съ 1 Фессал. 2, 9 и 2 Фессал. 2, 2 сравнительно съ 1 Фессал. 3, 17 (стран. 157—167). Глава *пятая*, самая обширная и самая обстоятельная во всей диссертациі, посвящена всестороннему изслѣдованію главнѣйшаго предмета посланія—эсхатологическаго ученія второй главы посланія (стран. 169—350): авторъ здѣсь весьма обстоятельно излагаетъ и подробно разбираетъ всѣ многочисленныя, доселѣ въ наукѣ извѣстныя, толкованія главы, причемъ сначала указываетъ и характеризуетъ ихъ въ общихъ и краткихъ чертахъ, раздѣливъ ихъ на пять группъ или типовъ (стр. 169—173), а потомъ изслѣдуетъ подробно и отдѣльно каждое толкованіе, именно: а) *догматическое* (стр. 173—212), которое видитъ въ этой главѣ пророческое изображеніе исторической жизни Церкви Христовой предъ вторымъ пришествіемъ Христа и концомъ міра, при буквальномъ толкованіи священнаго текста и безъ примѣненія къ какимъ-либо опредѣленнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ,—кого держались отцы и учителя древней Церкви и позднѣйшіе православные богословы, большинство католиковъ и нѣкоторые протестанты (стр. 173—212),—причемъ авторъ весьма подробно и собственными словами авторовъ излагаетъ ученіе объ антихристѣ сначала у отцовъ латинскихъ (стр. 173—192): Иринея, Ипполита, Тертулліана, Амвросіаста, Лактанція, Августина, Иеронима,—потомъ—греческихъ (стр. 193—203): Оригена, Кирилла Иерусалимскаго, Златоуста, Теодора Мопсуестійскаго, Теодорита,—также—сирскихъ (стр. 203—207): переводовъ Пешито и Филоксена, Афраата и Ефрема Сирина,—позднѣйшихъ греческихъ: Икуменія, Теофилакта, Евѣимія Зигабина (стр. 207—208), латинскихъ: Робана Мавра, Валафрида Страбо, Седулія Скотта и др. (стр. 209),—реформатовъ: Эразма и др. (стр. 209) и повѣйшихъ, заканчивая

обозрѣніе общею характеристикою догматическаго толкованія, какъ удобопріемлемаго съ научной точки зрѣнія и соответствующаго авторитету православно-церковнаго предавія (стр. 209—212),—б) *церковно-историческое* или *полемическое* толкованіе, состоящее въ примѣненіи второй главы посланія богословами однихъ исповѣданій къ лицамъ и событіямъ другихъ исповѣданій, протестантами—къ католикамъ и папамъ и обратно, раскольниками безпоповцами къ другимъ раскольникамъ и православнымъ и др. (стр. 212—220),—в) *догматико-историческое*, примѣняющее главу къ извѣстнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ апостольской эпохи, причеиъ не отрицается и пророчество о послѣднихъ временахъ (стр. 221—247),—г) *историко-критическое*, старающееся изъяснить только смыслъ и опредѣлить источники эсхатологіи второй главы посланія, независимо и внѣ вопроса объ исполненіи предсказаній Апостола и богодуховенности Писанія (стр. 249—298) и д) стоящее съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ въ тѣсной генетической связи *традиціонно-историческое* или *миѳологическое* толкованіе, видящее въ эсхатологіи втораго посланія къ Фессалоникцамъ отраженіе общей апокалиптической традиціи объ антихриствѣ (представителѣ зла и противникѣ добра), коей корни лежали въ вавилонской миѳологіи и которая вліяла на Ап. Павла чрезъ іудейскую апокалиптику (стр. 299—307),—вся эта обширная трактація заканчивается, заслуживающею по своей основательности полного одобренія, попыткою автора рѣшить всѣ трудности эсхатологической проблемы посланія, представляемыя терминами: „отступленіе—*ἀποστασία*, тайна беззаконія—*μυστήριον τῆς ἀνομίας*, человекъ беззаконія (грѣха др. чт.)—*ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας* (*ἀμαρτίας*), удерживающій—*ὁ κατέχων* и удерживающее—*τὸ κατέχον*“, на основаніи всѣхъ данныхъ новѣйшей науки—текстологическихъ, филологическихъ и историческихъ—и согласно съ церковно-православнымъ или отеческимъ ученіемъ объ антихриствѣ, какъ о личности, коей задачею является упраздненіе Церкви Христовой и всего вообще христіанскаго въ человѣчествѣ и на мѣсто его поставить антихристіанство какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ (стр. 308—350). Въ *шестой* главѣ авторъ подвергаетъ спеціальному разсмотрѣнію „упоминаніе о храмѣ во 2 Фесс. 2, 4“, поставивъ это разсмотрѣніе въ связь съ во-

просомъ о подлинности и времени происхожденія посланія, приче́мъ, слѣдуя обычной методѣ своей, основательно опровергаетъ не принимаемыя имъ объясненія (аллегорическое и др.) и убѣдительно доказываетъ раздѣляемое имъ буквальное, т. е. видитъ въ словахъ Апостола ближайшее указаніе на существовавшій при написаніи посланія храмъ іерусалимскій, но въ отношеніи къ исполненію пророчества расширяетъ понятіе „храма Божія“, согласно древне-церковной экзегетической традиціи (стр. 351—371). Вся эта первая часть диссертациі оканчивается пятью *приложеніями* греческихъ текстовъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ и параллелей изъ перваго и втораго посланій къ Фессалоникцамъ (стр. 373—381).

Часть вторая, *экзегетическая* (261 страница) представляетъ послѣдовательное и подробное толкованіе текста посланія, раздѣленнаго соотвѣтственно главамъ посланія на три главы, и затѣмъ—на болѣе частныя отдѣлы, указанные авторомъ въ обзорѣннй содержанія посланія, въ первой главѣ предыдущей части диссертациі (стр. 26—30). Методъ толкованія у автора—обычный, общепринятый въ иностранныхъ комментаріяхъ и уже выработанный древне-христіанскими экзегетами (Оригенъ, Златоустъ, Феодоритъ, Кириллъ Александрійскій, Іеронимъ и др. мн.), именно: сначала приводится греческій подлинникъ толкуемаго отдѣленія, дается точный переводъ на русскій, указываются въ важныхъ случаяхъ и критически обсуждаются разночтенія, сообщаются разныя толкованія древнихъ и новыхъ экзегетовъ, опровергаются нераздѣляемыя авторомъ и обосновываются принимаемыя имъ, всегда согласныя съ духомъ церковно-православнаго вѣроученія.

Это краткое обзорѣнне содержанія диссертациі о. Владимира даетъ видѣть въ ней трудъ цѣльный и законченный, составленный на основаніи серьезнаго изученія литературы предмета, какъ древне-христіанской—греческой и латинской, такъ и новѣйшей иностранной, преимущественно нѣмецкой и частію англійской,—цѣнный особенно тѣмъ, что онъ удовлетворяетъ насущную потребность русской богословской науки, восполняя въ ней крайній недостатокъ научныхъ истолковательныхъ трудовъ по Новому Завѣту. Авторъ обнаружилъ незаурядное умѣнье основательно и толково разбираться въ массѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ гипотезъ и въ трудно иногда понимаемыхъ свѣжимъ умомъ

схоластическихъ тонкостяхъ разныхъ изысканныхъ интерпретацій новѣйшей протестантской науки по Священному Писанію Новаго Завѣта, представляющихъ собою печальный результатъ литературнаго перепроизводства праздныхъ и обезпеченныхъ людей, не умѣющихъ или не желающихъ найти для себя болѣе плодотворное и достойное здравомысленнаго ума дѣло и обращающихъ занятіе богословіемъ въ спортивную игру остроуміемъ. Авторъ подвергъ основательной критикѣ многочисленныя разномнѣнія по всѣмъ частнымъ вопросамъ исагогики и экзегеса посланія, частію расширилъ уже выработанные апологетическою наукою доводы противъ отрицательныхъ воззрѣній, частію же углубилъ обоснованіе положительныхъ выводовъ нѣкоторыми своими соображеніями и комбинаціями историко-экзегетическаго характера. Для всего этого о. Владиміръ обладаетъ большимъ трудолюбіемъ и надлежащею филологическою подготовкою въ управленіи сложнымъ и труднымъ аппаратомъ современнаго научнаго экзегеса и иногда, особенно въ изслѣдованіи эсхатологическаго отдѣла посланія, обнаруживаетъ задатки къ тонкому филологическому, логическому и психологическому анализу священнаго текста, безъ чего, при современномъ состояніи науки, невозможно становиться на работу по Священному Писанію Новаго Завѣта. Прибавить надо стройную системность и ясность въ построеніи разсужденій автора, при отчетливости, краткости и литературной выработкѣ языка. Наконецъ—повсюду и строго выдержанное, положительное и церковно-православное направленіе служить автору надежнымъ руководителемъ въ безконечной путаницѣ и безграничномъ произволѣ протестантскаго индивидуализма.

Впрочемъ трудъ о. Владиміра былъ бы удивительнымъ исключеніемъ не только въ русской, но и въ иностранной богословской литературѣ, если бы не имѣлъ совсѣмъ никакихъ недостатковъ. Они конечно есть, какъ по отношенію къ изученію литературы предмета, паприм. текстологии — греческой и славянской (изученіе послѣдней является не только общенаучнымъ, но и патріотическимъ долгомъ всѣхъ славянскихъ богослововъ, занимающихся толкованіемъ Библии), такъ и въ отношеніи широты и глубины изслѣдованія нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ предмета, особенно идеологической стороны его или основныхъ понятій въ ро-

ученія Ап. Павла, какъ и всего Новаго Завѣта, даже всей вообще Библии. Не совсѣмъ также точны и удачны, по нашему мнѣнiю, даваемыя авторомъ названія различныхъ группъ толкованія эсхатологiи посланiя—въ пятой главѣ первой части диссертации. Болѣе же общимъ и важнымъ недостаткомъ работы о. Владимiра является отсутствiе въ ней *спеціального* сравненiя эсхатологiи втораго посланiя къ Тессалоникцамъ съ эсхатологiею другихъ посланiй Апостола, а также евангелiя, соборныхъ посланiй, апокалипсиса, всей вообще Библии и первохристіанской литературы, равно какъ и съ общенародною, въ частности іудейскою апокалиптикою, коей изученіе можетъ быть весьма плодотворно использовано православными богословами въ цѣляхъ раскрытiя богодухновенной оригинальности и богооткровенности новозавѣтной эсхатологiи, вопреки тенденціознымъ злоупотребленiямъ ею отрицательными изслѣдователями въ противоположныхъ цѣляхъ. Этимъ недостаточно спеціальнымъ и мало углубленнымъ изученiемъ внѣхристіанской, въ частности іудейской, апокалиптики падо, кажется, объяснять нѣкоторыя неосторожно выраженныя сужденiя автора о возможности влiянiя іудейской синагогальной апокалиптики на эсхатологiю Ап. Павла (стало быть и всего Новаго Завѣта?), не долженствующiя имѣть мѣсто въ диссертации по предмету православнаго Богословія. Такъ на стр. 432 (части второй стр. 50) авторъ пишетъ: „Православный богословъ и экзегетъ не долженъ отрицать общаго происхожденiя многихъ терминовъ, мыслей и положенiй у Новаго Завѣта съ синагогою. Къ числу подобныхъ заимствованiй у ветхозавѣтной синагоги (?) и самого Ветхаго Завѣта относится, напр., ученiе о второмъ пришествiи Христа въ міръ, о мздовоздаянiи, о страшномъ судѣ и антихриствѣ“ (неужели и Самъ Христось заимствовалъ Свое ученiе у синагоги или изъ Ветхаго Завѣта?). На стран. 456 (74): „Мысль о вѣчныхъ мученiяхъ распространилась въ Новомъ Завѣтѣ не безъ влiянiя Ветхаго Завѣта,—Самъ Иисусъ Христось раздѣлялъ народное іудейское воззрѣнiе на вѣчность мученiй“. Не ясно и можетъ вызывать недоумѣнiе рассужденiе на стран. 358 (76): „Между іудейско-языческимъ и христіанскимъ воззрѣнiемъ на вѣчность мученiй, при нѣкоторомъ ихъ сходствѣ, та существенная разница, что вѣчное наказанiе понимается въ

христіанствѣ не въ смыслѣ разнообразныхъ страшныхъ мученій, какъ въ іудейской апокалиптикѣ, а въ смыслѣ удаленія отъ близости къ Господу, которая будетъ служить источникомъ блаженства“. На стран. 487 (105): „Стихъ 8 (2-й гл.) здѣсь вставленъ очень неудачно... Такимъ образомъ все изложеніе носитъ въ общемъ безпорядочный характеръ“. Неприятно звучать въ серьезной богословской работѣ выраженія, взятая изъ совершенно чуждыхъ богословію областей; „Павель и Сила считались такъ сказать лидерами новаго религіознаго движенія“ стран. 4,—и „диспозиція посланія“ стран. 29,—„ситуація посланія“ стран. 91. Неприятность этихъ погрѣшностей усиливается такими, напримѣръ, прекрасными разсужденіями автора, какъ на страницѣ 73: „Изложенными мыслями мы хотѣли обосновать, съ одной стороны, довѣріе къ преданію... а съ другой стороны, показать, насколько опасно довѣрять разнообразнымъ опытамъ замѣнить это живое преданіе противорѣчивыми гипотезами, живой голосъ Церкви, хранительницы Христовой истины, субъективными самоизмышленіями отдѣльныхъ людей“,—или на стран. 172: „Устранивъ преданіе, живой голосъ вселенской Церкви, и чрезъ это потерявъ устойчивую почву подъ ногами, представители критическаго толкованія создали множество противорѣчивыхъ гипотезъ“,—или на 212 стр.: „Догматическое толкованіе получаетъ для насъ громадное значеніе особенно потому, что, имѣя за собою сѣдую древность, оно соотвѣтствуетъ духу и буквѣ Священнаго Писанія“.

Но эти указанія частныхъ недосмотровъ и общихъ недостатковъ разсматриваемой работы мы дѣлаемъ—одни (частные недосмотры) въ качествѣ добрыхъ совѣтовъ къ улучшенію ея, а другіе (общіе недостатки)—въ качествѣ добрыхъ пожеланій по отношенію къ будущимъ работамъ начинающаго и талантливаго богослова, а отнюдь не съ цѣлью умалять достоинства труда о. Владиміра, какъ прекрасной магистерской диссертациі по Новому Завѣту“.

2) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Страхова состоитъ изъ двухъ частей—исагогической и акзегетической. Въ „введеніи“ авторъ сообща-

еть данныя касательно возникновенія Фессалоникійской христіанской общины. Для разъясненія этого вопроса ему пришлось сдѣлать экскурсъ въ исторію второго благовѣстническаго путешествія Апостола Павла, описавъ его дѣятельность въ Фессалоникѣ и общее содержаніе его мѣстной проповѣди. Первая, исагогическая, часть труда о. Страхова открывается сообщеніемъ „предварительныхъ“ свѣдѣній о второмъ посланіи Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ, затѣмъ онъ даетъ конспективный анализъ содержанія этого Апостольскаго памятника, нарочито останавливается на опредѣленіи цѣли его написанія, усматривая таковую въ желаніи Апостола устранить развившіеся неурядки въ жизни нѣкоторой части общины, вызванные усиленіемъ эсхатологическихъ чаяній („благочестивая праздность“) на основѣ вѣры, что день Господень уже наступилъ. Что касается до времени и мѣста написанія 2-го посланія къ Фессалоникійцамъ, то о. Страховъ слѣдуетъ тѣмъ ученымъ, которые полагаютъ, что это посланіе написано нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго и отослано изъ Коринѳа. Значительный научный вѣсъ въ исагогической части работы о. Страхова имѣетъ безспорно глава 3-я, гдѣ онъ разбираетъ вопросъ о подлинности посланія, тщательно анализируя внѣшнія и внутреннія свидѣтельства въ пользу признанія 2-го посланія къ Фессалоникійцамъ за подлинное посланіе Апостола Павла: авторъ приводитъ въ выдержкахъ относящіяся къ вопросу о подлинности посланія мѣста изъ церковныхъ писателей запада и востока, начиная съ древнѣйшихъ временъ, изслѣдуетъ лексиконъ изучаемаго имъ памятника, отмѣчая на языкѣ 2 посланія къ Фессалоникійцамъ сотериологическіе термины Апостола Павла и выясняя происхождение всѣхъ *ἰσχυρὰ λέγουσιν*. Послѣ подробнаго лексического анализа о. Страховъ обращается къ стилю изучаемаго имъ посланія, отмѣчаетъ цѣпвидныя схемы (нанизываніе словъ одного корня), выдвигаетъ ветхозавѣтный колоритъ рѣчи въ посланіи, отражающійся въ его растянутости, тягучести фразы, по аналогіи семитической параллелизаціи. Въ синтаксическомъ построеніи рѣчи о. Страховъ указываетъ въ посланіи гебранстическую связь предложеній, по мѣстамъ разрѣшающуюся въ асиндетоническое построеніе и въ аналогуе.

Такъ какъ возраженія западныхъ ученыхъ противъ подлинности посланія основываются главнымъ образомъ на его 2-ой главѣ, назидательно-эсхатологической, то о. Страховъ усиленно занимается критическимъ обзорѣмъ относящихся сюда гипотезъ западныхъ ученыхъ, тщательно сравниваетъ текстъ обоихъ посланій къ Фессалоникийцамъ, устанавливаетъ литературное отношеніе этихъ памятниковъ между собою, отбѣняетъ ихъ сходство, по мѣстамъ доходящее до вербализма и стереотипности цѣлой фразы, и склоняется къ объясненію происхожденія такого явленія въ духѣ гипотезы Юлихера, по которой многочисленныя соприкосновенія 2-го посланія къ Фессалоникийцамъ съ текстомъ перваго посланія къ нимъ же,—объясняются тѣмъ, что Апостоль Павелъ, желая опровергнуть ложное ученіе о второмъ пришествіи Господа Иисуса Христа, возникшее по причинѣ невѣрнаго истолкованія перваго Апостольскаго посланія въ Фессалонику, старался намѣренно воспроизвести въ своей памяти то, о чемъ уже писалъ и говорилъ мѣстной христіанской основанной имъ общинѣ. Самостоятельный очеркъ въ исагогической части работы о. Страхова составляетъ замыкающій ее критико-экзегетическій обзоръ основныхъ понятій эсхатологіи втораго посланія къ Фессалоникийцамъ, именно толкованіе понятій: *ἡ ἀνομία*—отступленіе, *τὸ μυστήριον τῆς ἀνομίας*—тайна беззаконія и *ὁ ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας*—человѣкъ беззаконія. Если авторъ и стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ многочисленныхъ предшественниковъ въ толкованіи этихъ понятій, однако оцѣниваемый, какъ катена, этотъ отдѣлъ сочиненія безусловно имѣетъ *raison d'être*. Подъотдѣлъ о храмѣ Божіемъ, въ которомъ имѣетъ возсѣсть человѣкъ беззаконія, присоединяясь къ заключительной части исагогики въ трудѣ о. Страхова, имѣетъ задачу выяснить, будетъ ли это чувственный Иерусалимскій храмъ ветхозавѣтнаго іудейства, или же рѣчь о храмѣ у Апостола имѣетъ прикровенный смыслъ. Общее впечатлѣніе отъ исагогической части рецензируемой работы—хорошее,—авторъ не обходился безъ вниманія даже детальнымъ вопросамъ, поскольку разрѣшаетъ всѣ исагогическія проблемы, связанныя съ 2 посланіемъ къ Фессалоникийцамъ,—отчетливо и вполне въ православномъ духѣ. Ориентировка автора въ весьма многочисленныхъ западныхъ ученыхъ работахъ достойна всякой похвалы.

Эта часть работы о. Страхова имѣетъ очень полезныя для читателя приложенія, напримѣръ, приложеніе первое, представляющее сводъ ветхозавѣтныхъ мѣстъ, какія могли бы считаться за литературный архетипъ для рѣчи 2 посланія къ Фессалоникійцамъ (по тексту LXX), или приложеніе третье, посвященное сопоставленію текста перваго посланія къ Фессалоникійцамъ съ текстомъ 2 таковаго же посланія. *Loci communes* обоихъ памятниковъ выступаютъ наглядно и полно въ такомъ способѣ сравненія вмѣсто приведенія лишь немногихъ образцовъ *ad hoc*.

Экзегетическая часть работы о. Страхова ведется обычнымъ путемъ: изъ главы въ главу, изъ стиха въ стихъ; ея отличительныя черты: 1) детальность экзегезиса, однако не ниспадающая до микрологіи, 2) вниманіе къ филологическому толкованію текста внѣ переоцѣнки этого экзегетическаго метода. Подобающее мѣсто отводится древне-отеческому толкованію. Частныя lapsus этой части работы о. Страхова удобнѣе выяснитъ на коллоквиумѣ, чѣмъ въ отзывѣ: они относятся на счетъ археологической и гебраистической сферъ, которыхъ онъ долженъ былъ попутно касаться, и гдѣ его сужденія по мѣстамъ отличаются диллетантизмомъ. Степени магистра богословія о. Страховъ вполне заслуживаетъ“.

б) Отзывы о сочиненіи священника Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви, кандидата богословія, *Георгія Добронразова* подъ заглавіемъ: „Гоненіе Прода Агриппы I-го на христіанъ. Историческій комментарий къ XII главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

1) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Магистерская диссертация о. Георгія представляетъ собою написанную имъ въ прошломъ академическомъ году кандидатскую работу, съ исправленіями и дополненіями по указаніямъ моего отзыва, напечатаннаго въ журналахъ Совѣта за 1910-й годъ, стран. 121—128.

Кромѣ перечисленія источниковъ и пособій въ началѣ тетради (стр. I—VII), объяснительнаго указателя текстологическихъ знаковъ и сокращеній (VIII—XI), списка исполь-

зованныхъ авторомъ славянскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ апостоловъ (XI—XXIII), коротенькихъ — введенія (стр. 1—2) и заключенія (стр. 572—576) и подробнаго оглавленія диссертациі въ концѣ тетради (стр. I—IX),— трудъ о. Георгія распадается на двѣ части: общеисторическую (стр. 3—220) и экзегетическую (стр. 221—572).

Часть общеисторическая имѣетъ три главы.

Первая озаглавлена такъ: „религіозное и политическое состояніе іудейскаго общества въ первые годы жизни христіанской Церкви“ (стр. 3—80). Трактатія объ этомъ предметѣ имѣетъ значеніе для историческаго комментарія XII главы Дѣяній Апостольскихъ въ качествѣ уясненія тѣхъ историческихъ условій, при какихъ совершились описываемыя въ толкуемомъ отдѣлѣ событія. Однакожь вмѣсто того, чтобы дать хотя бы и краткое, но болѣе или менѣе всестороннее обозрѣніе этихъ условій, авторъ предпочелъ ограничить эту весьма сложную и трудную задачу изложеніемъ только пѣкоторыхъ сторонъ ея, наиболѣе сопркосновенныхъ къ содержанію XII главы книги Дѣяній Апостольскихъ. Присемъ авторъ очень удачно и цѣлесообразно остановилъ свое вниманіе на характеристикѣ двухъ, главенствовавшихъ тогда въ Палестинѣ, направленій религіозно-нравственной и политической жизни, выразившихся въ саддукейской и фарисейской партіяхъ, какъ стоявшихъ въ ближайшей причинной связи съ гоненіемъ Ирода Агриппы I-го на христіанъ, описаннымъ въ 12-й главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ. Конечно, и этотъ предметъ, взятый самъ по себѣ для спеціального научнаго изслѣдованія, весьма сложенъ и обширенъ и потому, какъ вспомогательный для задачи труда о. Георгія, изложенъ имъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, по популярнымъ книгамъ на русскомъ языкѣ—Капефига, Лопухина, Фаррара, Гольцмана и частію Хвольсона,—безъ самостоятельнаго научнаго изученія предмета по первоисточникамъ. Однакожь къ полному оправданію автора должно служить то, что поверхностность и компилятивность такихъ предварительныхъ общихъ главъ есть, если и не неизбежная, то весьма обычная повинность не только для начинающихъ авторовъ, а даже и для такихъ извѣстностей, какъ Ренанъ, Фарраръ и др., при составленіи ими спеціальныхъ трудовъ по разнымъ частнымъ вопросамъ историческимъ.

Гораздо выше въ научномъ отношеніи стоитъ вторая глава: „царь Агриппа I“ (стр. 81—170). Краткая, но полная, живая и искусная характеристика Ирода Агриппы,—составленная по строго научнымъ иностраннымъ работамъ Деренбурга, Гамбургера, Шюрера и др., съ тщательною провѣркою ихъ по первоисточникамъ—частію въ подлинникахъ (Филонъ и Светоній), а частію въ русскихъ переводахъ (Тацитъ, Іосифъ Флавій, Мишна и др.),—служить превосходнымъ научно-историческимъ комментариемъ къ 12-й главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ, вполне и всесторонне уясняя изображаемое здѣсь отношеніе Агриппы къ христіанамъ вообще и въ частности къ апостоламъ Іакову Зеведееву и Петру,—его явно несправедливую жестокость къ темничнымъ стражамъ, послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ удаленіе изъ Іерусалима въ Кесарію, его поведеніе тамъ, а также болѣзнь и смерть.

Слѣдующая третья глава общеисторической части труда о Георгіи посвящена установу хронологической даты гоненія Агриппы на христіанъ и обзору состоянія первохристіанской церкви до этого гоненія (стр. 171—220). И объ этой главѣ приходится повторить частію то же самое, что сказано о первой. Апостольская хронологія есть совершенно специальная и самостоятельная область науки, весьма обширная и сложная, стоящая въ неразрывной связи не только съ хронологіей евангельскою, но и общебиблейскою, греко-римскою и всей вообще всемірной исторіи,—имѣющая свою особую и громадную литературу. Поэтому и здѣсь, какъ и въ первой главѣ, авторъ выпужденъ, по примѣру иностранныхъ комментаторовъ книги Дѣяній Апостольскихъ и составителей апостольской исторіи, ограничиться справедливо заслуженнымъ и доселѣ еще не утраченнымъ авторитетомъ стариннаго новозавѣтнаго хронолога Визелера, снабдивъ его новѣйшими дополненіями по Шюреру. Во второй половинѣ этой главы (стр. 200—220) дается обзоръ состоянія первохристіанской церкви до гоненія Агриппы, хотя и довольно блѣдное и весьма общее, но для специально-экзегетической задачи автора удовлетворительное, въ достаточной мѣрѣ уясняющее какъ общую историческую связь 12-й главы Дѣяній Апостольскихъ съ предшествующими главами, такъ и частныя, содержащіяся въ толкуемой главѣ, событія.

Вторую, экзегетическую, часть своего труда (стр. 221—572) о. Георгій посвящаетъ подробному истолкованію XII главы Дѣяній, раздѣливъ ее, послѣ краткаго общаго обзора ея содержанія (стр. 220—223), на слѣдующіе отдѣлы: ст. 1—4: изображеніе гоненія Ирода Агриппы I-го на христіанъ (стр. 225—274),—ст. 5—12: освобожденіе Ап. Петра изъ темницы (стр. 274—372),—ст. 13—17: встрѣча Ап. Петра въ домѣ Маріи, матери Іоанна Марка (стр. 373—458),—ст. 18—19: послѣдствія чудеснаго освобожденія Ап. Петра для его темничныхъ стражей (стр. 458—476),—ст. 20—23: послѣдствія гоненія христіанъ для самого гонителя—болѣзнь и смерть Агриппы (стр. 477—550),— и заключительный отдѣлъ ст. 24—25 (стр. 550—572).

Эта часть диссертациі представляетъ обычный, уже давно и твердо въ наукѣ установившійся, типъ послѣдовательнаго (постишнаго и пословнаго) комментарія на данную главу книги Дѣяній Апостольскихъ, со всѣмъ научно-экзегетическимъ аппаратомъ какъ древне-церковнымъ и отеческимъ, такъ и новѣйшимъ иностраннымъ—текстологическимъ, филологическимъ, историческимъ и спеціально-экзегетическимъ. Отъ этого типа уклоняются: а) довольно подробныя историческія справки объ Іаковѣ Зеведеевѣ (стр. 240—250), Іоаннѣ Маркѣ (стр. 361—371) и особенно объ Іаковѣ братѣ Господнемъ, въ связи съ общимъ вопросомъ о братьяхъ Господа (стр. 406—446),—и б) весьма обстоятельныя и основательныя экскурсы апологетическія относительно чудеснаго освобожденія Ап. Петра изъ темницы (стр. 343—355) и смерти Ирода Агриппы (стр. 508—516, 544—546),—а также по вопросу объ источникѣ XII главы Дѣяній вообще и въ частности о литературномъ отношеніи между Дѣписателемъ и Іосифомъ Флавіемъ (стр. 516—544).

Главнымъ и общимъ недостаткомъ работы о. Георгія остается ея полная зависимость отъ научныхъ пособій на иностранныхъ (нѣмецкомъ и французскомъ—Деренбургъ) и русскомъ языкахъ и ея компилятивный характеръ, — и кромѣ того поверхностность первой и третьей главъ первой части. Но въ оправданіе компилятивнаго характера работы о. Георгія къ сказанному выше мы должны присоединить и то, что такой характеръ неизбѣжно обусловливается положеніемъ даннаго предмета въ современной наукѣ, т. е. широко разработанностью его и полнотою изслѣдованія относя-

шагося къ нему уже извѣстнаго научнаго матеріала, при отсутствіи новаго, такъ что не только русскіе, но даже и иностранные современные толкователи Библии, особенно Новаго Завѣта, осуждены большею частію на неблагодарную роль компиляторовъ въ разныхъ видахъ и степеняхъ. А для русскаго православнаго богослова эта неизбѣжность усиливается еще единствомъ церковно-вѣроисповѣдныхъ началъ и авторитетомъ древнихъ святоотеческихъ* толкователей. Впрочемъ для русской богословской, въ частности экзегетической, науки, особенно когда тѣ или инныя частныя стороны ея разрабатываются еще только начинающими авторами,—сведеніе и обработка въ православномъ духѣ добытыхъ на Западѣ научныхъ результатовъ гораздо плодотворнѣе, чѣмъ разныя бесплодныя и неумѣлыя упражненія въ оригинальничаньѣ. Это—вообще. Также и особенный характеръ первой и третьей главъ первой части не должно ставить въ укоръ автору по той причинѣ, что, сами по себѣ и независимо отъ спеціальной задачи автора будучи довольно общими и даже нѣсколько поверхностными, эти главы являются вполнѣ достаточными въ качествѣ экзегетическихъ справокъ къ 12-й главѣ книги Дѣяній Апостольскихъ. Во всякомъ случаѣ содержащаяся въ этихъ главахъ историческія и хронологическія свѣдѣнія гораздо обстоятельнѣе тѣхъ, какими снабжены наилучшіе новѣйшіе комментаріи на книгу Дѣяній, напр. Вейдта, Фельтена, Кнабенбауера и др.

Частными недостатками въ диссертациі о Георгіи являются:

а) Пользованіе въ русскомъ переводѣ, а не въ подлинникѣ, Тацитомъ и Іосифомъ Флавіемъ, особенно сочиненіемъ послѣдняго „о войнѣ іудейской“ въ устарѣломъ уже переводѣ Алексѣева, сдѣланномъ притомъ не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода. При печатаніи диссертациі авторъ обязанъ провѣрить всѣ цитаты по оригиналамъ, въ частности Іосифа Флавія—по изданію Niese. То же самое авторъ долженъ сдѣлать съ цитатами изъ Тацита, Евсевія, Епифанія, Іеронима и др.

б) Въ отношеніи изученія литературы предмета трудъ о Георгіи оставляетъ мѣсто для нѣкоторыхъ пожеланій. Такъ по текстологіи автору остался неизвѣстнымъ и потому въ критикѣ текста не использованнымъ новѣйшій обширный трудъ Soden'a., по экзегесу: всѣ древне-латинскіе коммента-

торы, кромѣ Иеронима (Араторъ, Кассіодоръ, Беда) изъ новыхъ: Schneckenburger, Zeller, Overbeck, Zückler, Hilgenfeld, I. Weiss, Spitta, Holtzmann, Deissmann, Harnack,—а Schürer цитируется по 1-му изданію,—слаба археологическая сторона—устройство домовъ, тюремъ и др.,—незнакомъ автору и не использованъ капитальный трудъ Lipsius'a Die Apostelgeschichte und Apostellegenden,—полезно автору также познакомиться съ переводнымъ трудомъ проф. Глубоковского по новозавѣтной хронологіи, напечатаннымъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1910 и 1911 годы. Впрочемъ незнакомство автора съ указанными трудами существенно не отразилось на содержаніи и выводахъ диссертациі о. Георгія,—и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ они остались бы тѣми же, увеличивъ литературный фондъ ея и улучшивъ его только количественно, а не качественно.

а) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ или совсѣмъ отсутствуютъ или же показаны по второстепеннымъ пособіямъ (Капефигу, Фаррару, Гольцману и др.) цитаты изъ первоисточниковъ (напр. стр. 20, 234 и др.),—не всегда указаны заимствованія, напр. о мессіанскихъ воззрѣніяхъ Псалмовъ Соломоновыхъ (стр. 33—39 и др.). Все это авторъ долженъ исполнить при печатаніи диссертациі.

б) Укажу наконецъ еще одну частность. Характеризуя воззрѣнія фарисеевъ по раннѣйшему труду Хвольсона „о нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“ и будучи незнакомъ съ позднѣйшимъ и научнѣе изложеннымъ вторымъ изданіемъ его изслѣдованія „о днѣ совершенія Христомъ послѣдней вечери“, о. Георгій слишкомъ некритично и съ ненаучнымъ легковѣріемъ воспользовался этимъ учебнымъ евреемъ, коего всѣ построенія, часто и сами по себѣ фантастическія и не возбуждающія довѣрія, основаны на явно преувеличенномъ и тенденціозномъ пренебреженіи историчностью Новаго Завѣта и на совершенно ненаучномъ отождествленіи мидрапистскаго и талмудическаго раввинизма съ фарисеизмомъ новозавѣтной эпохи, при полномъ игнорированіи совершенной естественности и дѣйствительности вліянія христіанства на нравственно-религіозное настроеніе послѣхристіанскаго раввинизма. Всѣ фантастическія построенія ученаго еврейскаго раввина разбиваются о совершенно историческую личность Апостола Павла, этого „фарисея сына

фарисеевъ“ (Фидип. 3, 5; Дѣян. 23, 6,—26, 5), однакожь „*чрезвычайнаго гонителя Церкви Божіей*“ (Гал. 1, 13), добровольнаго преслѣдователя христіанъ, связывавшаго и заключавшаго въ тюрьмы мужчинъ и женщинъ, часто мучившаго ихъ въ синагогахъ, принуждавшаго хулить Иисуса, считавшаго своимъ долгомъ всячески противодѣйствовать имени Иисуса Назарея, подававшаго голосъ за *убійство христіанъ и гнавшаго ихъ даже до смерти* (Дѣян. 9, 2,—22, 3—4,—26, 9—11). Не говоримъ уже объ обличеніяхъ Христа (особенно Мате. 23 гл.), направленныхъ противъ всего вообще фарисеизма, какъ опредѣленной партіи и опредѣленнаго направленія, во всей цѣлокупности, а не противъ только злоупотребленій и дурныхъ исключеній. Скорѣе совсѣмъ наоборотъ: исключеніями были хорошіе фарисеи. Не даромъ поэтому талмудъ изъ перечисляемыхъ въ немъ семи или восьми типовъ фарисеевъ хорошими считаетъ только одинъ или два типа.

Всѣми этими недостатками, частію легко устранимыми при печатаніи диссертациі, частію же несущественными для нея, нисколько не затемняются слѣдующія, существенныя и общія, достоинства труда о. Георгія:

1) Для магистерской диссертациі достаточное изученіе всей главнѣйшей литературы предмета, какъ древне-церковной-греческой (особенно Златоуста и его компиляторовъ Икуменія, Теофилакта,—также греческихъ катенъ по изданію Крамера) и изъ латинской—Иеронима,—такъ и новѣйшей иностранной—текстологической (Тишендорфъ, Бляссъ), филологической (Винеръ въ обработкѣ Шмиделя и Люнемана, Бляссъ и др.), исторической (Гольцманъ, Деренбургъ, Гамбургеръ, Визелеръ, Шюреръ и др.) и специально экзегетической (Ебрардъ, Лехлеръ, Мейеръ, Вондтъ, Кнабенбауеръ, Фельтенъ, Бляссъ и др. мн. и изъ русскихъ—еп. Михайль).

2) Въ особую похвалу автору надо поставить привлеченіе имъ къ текстологической сторонѣ своего труда древне-славянскихъ чтеній по 22-мъ рукописнымъ апостоламъ (изъ нихъ Слѣпченскій, Карпинскій, Псковскій 1307 г., три апостола изъ собранія Гильфердинга и Шишаковскій—по труду еп. Амфилохія, Христинопольскій—по изданію Калужнѣнцаго, св. Алексія—по изданію митроп. Леонтія, остальные всѣ—по рукописямъ Моск. Дух. Академіи) и по 22-мъ старопечатнымъ (библиотекъ Моск. Дух. Академіи, Моск. Синод-

ской и Синодской типографіи). Списокъ этотъ конечно далеко не полонъ и случаенъ, и авторъ совсѣмъ не претендуетъ на научную критику славянскаго текста, ограничиваясь простыми указаніями разночтеній, но сама по себѣ попытка автора привлечь къ дѣлу экзегеса старославянскіе тексты заслуживаетъ полнаго одобренія. Притомъ авторъ умѣло извлекъ изъ этихъ текстовъ и нѣкоторый экзегетическій матеріаль.

3) Похвальны также полныя цитаты въ оригиналѣ изъ Филона, Светонія и др. Желательны, повторимъ, таковыя же цитаты и изъ Тацита, Юсіфа Флавія, Евсевія, Епифанія и Талмуда.

4) Основательность: съ одной стороны—въ опроверженіи отрицательно-раціоналистическихъ объясненій, описываемыхъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, чудесныхъ событій освобожденія Ап. Петра изъ темницы и смерти Агриппы, а также въ рѣшеніи вопроса о литературномъ отношеніи между Дѣеписателемъ и Юсіфомъ Флавіемъ,—а съ другой стороны—въ раскрытіи правоты церковно-православнаго экзегеса, особенно въ лицѣ его славнаго корифея—Іоанна Златоуста, коего авторитетомъ о. Георгій рѣшаетъ всѣ наиболѣ трудныя экзегетическіе вопросы, что сообщаетъ его труду строго православный характеръ.

5) Краткость, ясность и чистота русскаго языка,—литературная обработанность изложенія, его легкость и, нерѣдко, завлекательность. Благодаря этимъ качествамъ, смѣло можно предсказать, что работу о. Георгія не постигнетъ обычная участь горькая учено-богословскихъ трудовъ академическихъ, но она сдѣлается достояніемъ большого круга русскихъ образованныхъ читателей, чѣмъ послужитъ дѣлу возбужденія и развитія въ нихъ интереса къ церковно-православной богословской наукѣ.

6) Наконецъ, и независимо отъ тѣхъ или иныхъ достоинствъ и недостатковъ своихъ, трудъ о. Георгія представляется мнѣ заслуживающимъ особаго одобренія какъ образцовый и достойный подражанія опытъ соединенія общеполитическихъ научныхъ данныхъ съ постижно-дословнымъ изъясненіемъ священнаго библейскаго текста. Такой *типъ* экзегеса, по моему мнѣнію, можетъ служить наилучшею защитой исторической достовѣрности Священнаго Писанія, во очію проявляя предъ каждымъ непредубѣжденнымъ чи-

тателемъ жизненную правду и непосредственно очевидную достовѣрность Слова Божія и тѣмъ давая полную возможность всѣмъ „вѣровать не видя“ (Іоан. 20, 29).

По всѣмъ этимъ основаніямъ считаю о. Георгія вполне достойнымъ ученой степени Магистра Православнаго Божесловія“.

2) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, Д. И. Введенскаго:

„Представляющая изъ себя восполненную кандидатскую работу, магистерская диссертация священника Георгія Добронравова состоитъ изъ перечня источниковъ и пособій (стр. I—VII), указателя условныхъ знаковъ и сокращеній (VIII—XI), довольно обширнаго списка славянскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ апостоловъ (XI—XIII) и краткаго введенія. Все это предваряетъ самое изслѣдованіе, которое распадается на двѣ части. Въ первой изъ нихъ—*общественно-исторической* (1—220) авторъ въ 3-хъ главахъ даетъ общую характеристику религіознаго и политическаго состоянія іудейскаго общества „въ первые годы жизни христіанской церкви“ (I-ая глава) и въ частности и въ особенности (во второй главѣ)—личности царя Агриппы I-го. И все это помѣщается въ опредѣленную историческую перспективу, для чего и дѣлаются (въ 3-ей главѣ) соответствующія хронологическія изысканія.

Во второй экзегетической части своего труда (221—572) авторъ даетъ послѣдовательный комментарий 12-й главы книги Дѣяній.

Что касается общаго плана работы, то онъ долженъ быть признанъ безукоризненнымъ. Такъ какъ въ магистерской диссертации о. Георгія удержанъ планъ его кандидатской работы, то въ примѣненіи къ нему долженъ сохранить силу нашъ отзывъ о его кандидатскомъ сочиненіи, напечатанный въ журналахъ Совѣта за 1910-й годъ (стр. 128—129). Тема магистерской диссертации священника Добронравова обязывала автора изслѣдовать исторію гоненій Ирода на христіанъ въ связи съ религіознымъ и политическимъ состояніемъ іудейскаго общества, въ средѣ котораго возрастала юная христіанская церковь. И это сдѣлалъ авторъ, давшій

живую и обстоятельную характеристику наиболѣе типичныхъ направленій въ религіозно-нравственной и политической жизни іудеевъ времени Христа Спасителя и обратившій преимущественное вниманіе на два встрѣчныхъ теченія, созданныхъ фарисействомъ и саддукействомъ. Все это помогло автору уяснить себѣ отношеніе къ христіанству представителей этихъ сектъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на правителей Іудей.

Правда, первая глава общенсторической части работы о. Добронравова, въ которой онъ пользуется популярными трудами, напримѣръ, Фаррара, Капефига, Гольцмана и др., въ научномъ отношеніи слабѣ второй главы, гдѣ, при характеристикѣ личности Агриппы, онъ опирается на серьезные труды Derenburg'a, Schürer'a, Felten'a и на первоисточники (Филонъ, Тацитъ, Светоній, Іосифъ Флавій и др.). Въ частности, авторъ могъ бы пополнить свои свѣдѣнія о сектѣ фарисеевъ справками хотя бы изъ библейскихъ энциклопедій и, напримѣръ, при поясненіи термина „перушимъ“ (стр. 17), гдѣ онъ ограничивается Фарраромъ, дать болѣе цѣпную справку. Ему слѣдовало бы внимательнѣе повѣрить русскій переводъ Псалмовъ Соломона, съ приводимымъ имъ же самимъ греческимъ текстомъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ изъ нихъ значительныя извлеченія на цѣломъ рядѣ страницъ (стр. 32 и далѣе). Но дополнительная научная разработка затронутого авторомъ въ I-й главѣ вопроса могла бы еще болѣе повысить цѣнность его работы, но не измѣнила бы общаго рѣшенія даннаго вопроса. Къ тому же первая глава изслѣдованія о. Георгія, касающаяся крупныхъ историческихъ явленій въ религіозно-политической жизни іудеевъ времени Христа Спасителя, какъ 2-ая и 3-я главы, нужна была ему въ значеніи общей предпосылки къ конечной задачѣ его работы, а потому мы и считаемъ вполне извинительными недочеты въ этой части диссертациі.

Относительно 3-ей главы общенсторической части работы о. Добронравова нужно замѣтить, что хотя авторъ въ началѣ ея и не находитъ особыхъ затрудненій къ установкѣ хронологическихъ датъ, опредѣляющихъ время событій, о которомъ говорится въ 12-й главѣ книги Дѣяній, но чувствуется, что такія затрудненія—и очень серьезныя—имѣются. А

последнее обстоятельство побудило автора стать въ зависимость отъ западныхъ авторитетовъ (особ. Wieseler), съ помощью которыхъ онъ и разрѣшаетъ затрудненія. Но и эта зависимость вполнѣ извинительна въ сочиненіи автора, который все же сумѣлъ разобраться въ литературѣ этого вопроса и отмѣтилъ наиболѣе цѣнные указанія въ ней.

2-я экзегетическая часть диссертациі о. Георгія представляетъ изъ себя обстоятельный апологетическій комментарий 12-главы книги Дѣяній, который выгодно отличается отъ обычнаго типа экзегетическихъ работъ тѣмъ, что авторъ даетъ вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ сводку древнеславянскихъ разночтеній 12-й главы книги Дѣяній—и въ этомъ последнемъ особенность магистерской диссертациі о. Доброправова сравнительно съ его кандидатскою работою. Предлагаемый обстоятельный анализъ текста 12-й главы книги Дѣяній и сопоставляя съ нимъ, правда безъ критической оцѣнки, тексты славянскихъ рукописныхъ и старопечатныхъ апостоловъ, авторъ не превращаетъ, однако, свою экзегетическую работу въ сухую филологію, покоющуюся часто на буквѣ слова и не имѣющую въ себѣ духа жизни. Его экзегезь даетъ цѣлый рядъ яркихъ моментовъ изъ жизни юной церкви Христовой, а потому и вторая часть его работы читается съ такимъ же интересомъ, какъ и первая—общее-историческая.

И въ экзегетической части работы автора можно отмѣтить недочеты. Такъ, онъ не ознакомился, напримѣръ, съ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, имѣющими отношеніе къ его вопросу и принадлежащими такимъ извѣстнымъ авторамъ, каковы Adolf Harnack, Eduard Zeller, I. Wellhausen, H. Holtzmann. Приводя на справку взгляды нѣкоторыхъ авторовъ и полемизируя съ ними, онъ цитируетъ ихъ изъ вторыхъ рукъ (напр. взгляды Эндеманна стр. 425). Но относительно новѣйшихъ трудовъ Гарнака, Целлера, Вельхаузена, Гольтцмана, появившихся преимущественно въ позднѣйшее пятилѣтіе, нужно замѣтить, что они могли расширить только критическо-апологетическую сторону работы автора и едва-ли могли привнести въ нее что-либо существенное новое. Полемизируя-же съ взглядомъ Эндеманна, авторъ, повидимому, довѣрился авторитету русскаго ученаго проф. Лебедева, на котораго онъ и дѣлаетъ цитату.

Но при всѣхъ извинительныхъ недочетахъ, въ сочиненіи о. Георгія есть крупныя достоинства. Языкъ автора вездѣ точный и ясный. Незначительныя корректурныя поправки, отмѣченныя нами въ сочиненіи, легко могутъ быть сдѣланы имъ при печатаніи сочиненія. Авторъ всюду внимательно относится къ тѣмъ источникамъ и пособіямъ, которыми пользовался онъ. Онъ съ обстоятельностью разбираетъ раціоналистическія истолкованія интересующихъ его мѣстъ книги Дѣяній, и всюду является опытнымъ апологетомъ, повѣряющимъ свой экзегезъ святоотеческимъ авторитетомъ и справками изъ работъ наиболѣе видныхъ представителей отечественной и западной науки.

Въ цѣломъ его сочиненіе представляетъ одухотворенную и часто увлекательную работу, что даетъ основаніе надѣяться, что она будетъ интересовать не только спеціалистовъ, но и болѣе широкій кругъ читателей.

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія о. Доброправова, послѣдній долженъ быть признанъ вполне заслуживающимъ ученой степени магистра Богословія“.

Справка: По § 110 лит. а п. 17 устава духовныхъ академій „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя въ Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая сочиненія, представленныя на соисканіе степени магистра богословія законоучителемъ 2-ой Московской мужской гимназіи—священникомъ Владиміромъ *Страховымъ* и священникомъ Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви Георгіемъ *Доброправовымъ*, достаточными для сей степени,—одобритъ означенныя сочиненія къ напечатанію и допустить авторовъ ихъ къ защитѣ сочиненій на коллоквиумѣ.—2) Предоставитъ Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи каждымъ изъ магистрантовъ 65-ти экземпляровъ напечатанной диссертациі, войти съ ними въ соглашеніе относительно дней коллоквиумовъ и пригласитъ къ участію въ послѣднихъ стороннихъ лицъ.—3) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі священникомъ

Страховымъ назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*; при защитѣ диссертациі священникомъ *Добролюбовымъ*—того же профессора *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*.

VI. Докладъ н. д. доцента Академіи по кафедрѣ церковно-славянскаго языка, съ палеографіей, и исторіи русской литературы *Н. Л. Тулицкаго*:

„Во исполненіе возложеннаго на меня Совѣтомъ Академіи порученія—разсмотрѣть и оцѣнить сочиненія кандидата богословія *Николая Гальковскаго*, представленныя имъ взамятъ семестровыхъ сочиненій, не удовлетворяющихъ требованіямъ магистрантства,—имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта слѣдующее.

Всѣ сочиненія г. Гальковскаго, изъ которыхъ одни представлены въ печатномъ, а другія въ рукописномъ видѣ, по своему содержанию раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой изъ нихъ относятся труды въ области народной сербской словесности. Наибольше видное мѣсто здѣсь занимаетъ книга: „Сербскій народный эпосъ“, Сумы, 1897, XVI—247 стрр. Она представляетъ собою переводъ на русскій языкъ сербскихъ пѣсень по изданію Вука Караджича, снабженный вступительной статьей довольно значительныхъ размѣровъ, въ которой объясняются историческія основы сербскаго эпоса. Достаточной рекомендаціей этой книги можетъ служить то, что вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ она была увѣнчана Академіей Наукъ почетнымъ отзывомъ имени А. С. Пушкина. Къ области изслѣдованія сербскаго эпоса относится также цѣлый рядъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ *Филологическихъ Запискахъ*, и нѣсколько работъ солиднаго размѣра, представленныхъ въ рукописномъ видѣ. Печатныя статьи слѣдующія: „Мифологическій элементъ въ сербской народной поэзіи“ (*Фил. Зап.*, 1900, вып. IV—V); „Среча и Усудъ“ (*Фил. Зап.*, 1901, вып. I—II); „Очерки сербской народной литературы,—загробное воздаяніе“ (*Фил. Зап.*, 1902, вып. VI); „Лирическія пѣсни сербскаго народа“. Рукописныя статьи: 1) „Марко Краевичъ. Опытъ систематическаго свода сербскихъ народныхъ пѣсень о Маркѣ

Кралевичъ“; 2) „Очерки сербской народной литературы. Духовные стихи“.

Вторую группу составляют историко-литературныя сочиненія. Одни изъ нихъ относятся къ исторіи древней русской литературы. Таковы: 1) „Доисторическая Русь“; 2) „Составъ и происхожденіе Начальной лѣтописи“ (оба представлены въ рукописномъ видѣ). Другія—къ исторіи новой русской литературы: 1) „Петръ Великій въ родной поэзіи“ (Лебединъ, 1909, 77 стрр.); 2) „Максимъ Горькій—литературная характеристика“ (*Фил. Зап.*, 1904, 42 стрр.); 3) „Н. А. Некрасовъ,—чтеніе для народа“; 4) „А. П. Чеховъ“ (въ рукописи).

Не всѣ перечисленныя сочиненія г. Гальковскаго обладаютъ одинаковой степенью научной цѣнности. На первое мѣсто, какъ по научному методу и воззрѣніямъ, такъ и по обработкѣ матеріала, слѣдуетъ поставить его изслѣдованія, посвященныя сербскому эпосу. Они написаны талантливо и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Тѣми же достоинствами отличаются и характеристики новѣйшихъ русскихъ писателей, обнаруживая при этомъ въ авторѣ даръ воодушевленнаго и изящнаго изложенія. Болѣе слабыми представляются работы, посвященныя древнимъ памятникамъ русской письменности, особенно изслѣдованіе о составѣ и происхожденіи Начальной лѣтописи. Это объясняется тѣмъ, что, живя въ провинціи, авторъ не имѣлъ у себя подъ руками соотвѣтствующей научной литературы.

Въ общемъ же, по моему убѣжденію, взятыя въ цѣломъ, и рукописныя и печатныя, сочиненія г. Гальковскаго, по своему качеству и количеству, могутъ возмѣстить съ лихвою недочеты въ его студенческихъ семестровыхъ сочиненіяхъ.

Справка: 1) Г. Николай Гальковскій окончилъ курсъ ученія въ Московской Духовной Академіи въ 1895 г. со степенью кандидата богословія и правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, изложенныхъ въ § 137 академическаго устава.—2) § 137 устава духовныхъ академій (1884 года): „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія

степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соответствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе.—3) Въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса кандидатъ Николай Гальковскій не оказалъ успѣховъ, соответствующихъ степени магистра богословія, по слѣдующимъ предметамъ: Священному Писанію Новаго Завѣта, библейской исторіи, общей церковной исторіи, русской церковной исторіи, пастырскому богословію, церковному праву и метафизикѣ.—Изъ письменныхъ работъ г. Гальковскаго баллами ниже 4^{1/2} отмѣчены были: а) семестровыя сочиненія по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, метафизикѣ, патристикѣ, общей церковной исторіи, церковной археологіи и литургикѣ, русской церковной исторіи и Священному Писанію Новаго Завѣта, и б) проповѣдь за I, III и IV курсы.—4) Съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора, г. Гальковскій въ іюнѣ мѣсяцѣ 1908 года сдалъ предъ комиссіею изъ г.г. наставниковъ Академіи новыя устныя испытанія по предметамъ, перечисленнымъ въ п. 3-мъ справки, и получилъ слѣдующіе баллы: по Священному Писанію Новаго Завѣта, библейской исторіи, общей церковной исторіи, русской церковной исторіи и церковному праву—5; по пастырскому богословію и метафизикѣ—4^{1/2}.—5) Определеніемъ Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1908 года постановлено было: „Представленныя г. Гальковскимъ въ печатномъ (7) и рукописномъ (8) видѣ пятнадцать статей передать для разсмотрѣнія исправляющему должность доцента Академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы *Н. Л. Тунницкому*, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ Совѣту Академіи свой отзывъ,—могутъ ли онѣ быть признаны удовлетворяющими требованіямъ отлично-хорошихъ студенческихъ сочиненій“.

Опредѣлили: Признать кандидата богословія Николая *Гальковскаго* удовлетворительно выдержавшимъ установленныя § 137 устава духовныхъ академій (1884 года) испытанія на степень магистра богословія, поставивъ присужденіе ему сей послѣдней въ зависимость лишь отъ достоинства представленной г. Гальковскимъ магистерской диссертации, подѣ

заглавіемъ: „Борьба христіанства съ язычествомъ въ древней Руси. Историко-литературное изслѣдованіе“, и удовлетворительной защиты ея на коллоквиумѣ.

VII. Прошеніе о. законоучителя Одесской 2-й мужской гимназій, священника *Александра Введенскаго*:

„Представляя на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе: „Комментарій на IV, 1—16 кн. Бытія“, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: 1) Священникъ Александръ *Введенскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1909-мъ году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.— 2) По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученія степени и опѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію законоучителя Одесской 2-й мужской гимназій, священника Александра *Введенскаго* передать для разсмотрѣнія и. д. доцента академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго *Завѣта священнику Д. В. Рождественскому*.

VIII. Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 22 марта за №№ 3979:

„Слѣдствіе отношенія, отъ 16 Марта сего года № 110, Канцеляріи Святѣйшаго Синода имѣеть честь возвратить при семъ въ Совѣтъ Академіи *журналы собраній Совѣта* отъ 6-го Октября и 17 Декабря 1910 года, за №№ 18 и 26, приложенные къ представленію Преосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 17 Января 1911 года за № 14, объ избраніи исправляющимъ должность доцента Академіи *священнику Владиміра Страхова*“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. а) Отношеніе Правленія Императорскаго Московскаго Университета, отъ 24 марта за № 1153:

„Правленіе Университета имѣеть честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, что, вслѣдствіе отношенія отъ 17 сего марта, за № 111, по поставовленію Правленія 24 марта, разрѣшено допустить лектора англійскаго языка при Академіи, священника Московской Василіе-Кесарійской церкви, Николая Алексѣевича *Прображенскаго* къ пользова-нію книгами Университетской бібліотеки, въ виду поручительства Совѣта Академіи за цѣлость и сохранность книгъ“.

б) Отношеніе Московской Духовной Консисторіи, отъ 31 марта за № 4558:

„Московская Духовная Консисторія, вслѣдствіе отношенія отъ 17 сего Марта за № 112, имѣеть честь препроводить при семъ копію послужного списка священника Московской Василіе-Кесарійской церкви Николая *Прображенскаго*“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отношеніе Канцеляріи Государственной Думы, отъ 8 марта за № 1193:

„По распоряженію Секретаря Государственной Думы, Московская Духовная Академія включена въ число учрежденій, въ которыя будутъ высылаемы Государственною Типографіею всѣ изданія Государственной Думы, а именно: (сверхъ стенографическихъ отчетовъ засѣданій Думы): 1) „Приложенія къ стенографическимъ отчетамъ“ съ указателями, 2) „Доклады бюджетной комиссіи“, 3) „Обзоръ дѣятельности комиссій и отдѣловъ“ и 4) „Проекты законовъ, принятыя Государственною Думою въ 1 сессію 1907—1908 г.г.“ Означенныя изданія за первыя три сессіи (1907—1910 г.г.) будутъ доставлены единовременно, за текущую же и послѣдующую— по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ въ сброшюрованномъ видѣ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе Г. Директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, отъ 6 апрѣля за № 172:

„При провѣркѣ наличности бібліотеки Института выяснено, что получаемый отъ Академіи экземпляръ „Богословскаго

Вѣстника“ не полонъ. Не имѣется именно книгъ: 1895 октябрь, 1899 октябрь, 1906 декабрь, 1909 май, июль-августъ, октябрь, ноябрь, декабрь, 1910 мартъ. Въ виду того, что означенный журналъ часто требуется славянскими и русскими посѣтителеми библиотеки Института и что онъ имѣеть для насъ важное научное значеніе, имѣю честь ходатайствовать предъ Академіей о пополненіи принадлежащаго Институту экземпляра „Богословскій Вѣстникъ“ означенными книгами“.

Опредѣлили: Поручить редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ выслать въ библиотеку Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь означенныя въ отношеніи книжки журнала за прежніе годы, всего 9 книгъ.

ХII. а) Отношеніе о. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова Монастыря, отъ 11 апрѣля за № 65, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи монастырской библиотеки подъ № 30 (688).

б) Отношеніе о. Намѣстника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Игумена Феодорита, отъ 22 марта за № 47, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора С. И. Смирнова, двухъ рукописей монастырской библиотеки подъ №№ 13 и 15.

в) Отношеніе Управленія Императорской Публичной Библиотеки, отъ 24 марта за № 870, съ увѣдомленіемъ о продленіи срока пользованія рукописями Библиотеки подъ №№ 102, 90 и 1298—еще на два мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХIII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 21 марта за 682:

„Вслѣдствіе отношенія, отъ 5 сего Марта за № 95, Учебный Комитетъ имѣеть честь возвратить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента Академіи *Воинова* Сергѣя и *Воскресенскаго* Василія за №№ 343 и 344.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Архангельскаго Владиміра* на тему: „Гоголь, какъ религіозный мыслитель“.

1) И. д. доцента Академіи *Н. И. Туницкаго*:

„Содержаніе сочиненія не вполне соответствуетъ взятой авторомъ темѣ, — оно гораздо шире ея. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить свое вниманіе всецѣло на религіозной сторонѣ личности и міросозерцаніи Гоголя, авторъ даетъ цѣлостную картину всего развитія его душевной жизни, начиная съ ея зарожденія и кончая трагической смертью великаго писателя. Въ сочиненіи всего 6 главъ (510 стр.), но религіозному міросозерцанію Гоголя всецѣло посвящена лишь послѣдняя изъ нихъ. Въ остальныхъ же пяти главахъ, въ связи съ уясненіемъ религіознаго развитія его, съ излишней подробностью излагаются почти всѣ, иногда достаточно общеизвѣстные, моменты его душевныхъ переживаній и литературнаго творчества. Если отъ такой постановки дѣла сочиненіе выигрываетъ въ полнотѣ и законченности картины всей душевной жизни писателя, то оно много теряетъ въ детальномъ изображеніи ея собственно религіозной стороны.

Впрочемъ, чрезъ всѣ составныя части сочиненія проходитъ одна основная концепція автора, подсказываемая тематическимъ вопросомъ. Авторъ много и добросовѣстно поработалъ, не жалѣя своего пошатнушагося здоровья; онъ много прочиталъ и много передумалъ. Его сочиненіе запечатлѣно цѣльной и самостоятельной мыслью, изложенною послѣдовательно и систематически. Языкъ вполне литературный.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Архангельскаго вполне достаточно“.

2) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Сочиненіе, довольно большое по объему, но мало соответствующее темѣ по содержанію. Авторъ не столько изучаетъ Гоголя, какъ религіознаго мыслителя, сколько рассказываетъ его жизненную драму. Конечно, религіозное міровоззрѣніе Гоголя нельзя понять внѣ связи съ событіями его внутренней и внѣшней жизни, но г. Архангельскій останавливается на этихъ всѣхъ извѣстныхъ событіяхъ такъ

много, что почти теряет изъ виду свою главную задачу. На пространствѣ цѣлыхъ пяти главъ (1—454 стр.) онъ описываетъ дѣтство Гоголя, его Нѣжинскіе годы, его Петербургскій періодъ, его поѣздки за границу и паломничество въ Іерусалимъ, его развивающееся и слабѣющее художественное творчество, его успѣхи и неудачи, мечты и разочарованія, нравственные муки и кризисы, его рано пробудившіяся романтическія и мистическія склонности, его вѣчныя религіозныя исканія и тревоги, его постепенное превращеніе изъ художника въ богомольца, изъ сатирика—реалиста въ мистика и аскета. И только въ концѣ своей работы, въ послѣдней, шестой, главѣ (455—510 стр.) онъ даетъ характеристику того, что можно назвать религіозными идеями Гоголя,—характеристику вѣрную, живую и мѣстами даже яркую, но всетаки слишкомъ общую и неполную. Такая постановка дѣла, безъ сомнѣнія, не можетъ быть названа удовлетворительною, но она имѣетъ свое объясненіе и, можетъ быть, до извѣстной степени оправданіе. Гоголь не былъ религіознымъ мыслителемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Эта была скорѣе просто вѣрующая и страждущая душа, жадно искавшая Бога и горячо стремившаяся привести къ Нему другихъ. Религія открывалась ему не въ формѣ теоретическихъ идей, а въ формѣ практическихъ идеаловъ. Онъ не углублялся въ ея основанія, а непосредственно переживалъ ея воздѣйствія. Пока онъ попросту вѣровалъ, каялся и молился, его вѣра была глубока и искренна; но какъ скоро онъ начиналъ размышлять надъ этою вѣрой, она превращалась у него въ смутныя грезы, наивныя пророческія вѣщанія и банальныя общія мѣста. И само собою разумѣется, что вывести изъ этихъ грезъ, вѣщаній и общихъ мѣстъ что-нибудь похожее на религіозную философію—трудное дѣло. Вотъ почему авторъ уклонился отъ своей прямой задачи и вмѣсто того, чтобы изучать религіозное *міросозерцаніе* Гоголя, занялся описаніемъ его религіозной *жизни*. Однако и эту проблему г. Архангельскій разрѣшаетъ односторонне. Онъ не даетъ психологическаго анализа религіозныхъ переживаній Гоголя и не пытается уяснить ихъ при помощи тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ и аналогій, которые можно было бы найти въ исторіи человѣческаго мистицизма: онъ не пытается разобраться въ общемъ психологическомъ состоя-

ніи писателя, представляющемъ на современный взглядъ типичную и яркую картину психастеніи: онъ почти не касается вопроса объ „искренности“ Гоголя и не подчеркиваетъ тѣхъ глубокихъ противорѣчій, какими страдала эта великая, но больная и рано надломленная душа. Вообще его отношеніе къ разсматриваемой имъ психологической загадкѣ слишкомъ „литературно“. Не входя въ психологію религіозныхъ исканій Гоголя, авторъ всецѣло сосредоточивается на ихъ исторіи. И эту исторію ему удалось прослѣдить довольно обстоятельно и полно. Онъ показываетъ, что мистическое настроеніе, которое такъ ярко проявилось въ „Перепискѣ съ друзьями“ и такъ поразило современниковъ Гоголя своею кажущеюся неожиданностью, на самомъ дѣлѣ слагалось уже давно, что корни этого настроенія лежали въ наслѣдственныхъ задаткахъ писателя и въ условіяхъ его первоначальнаго воспитанія, что оно поддерживалось и развивалось всѣми дальнѣйшими событіями его жизни, что оно постоянно жило въ его душѣ, скрываясь, какъ невидимыя міру слезы, подъ видимымъ смѣхомъ. Но и въ этомъ историческомъ освѣщеніи душевной драмы Гоголя нужно отмѣтить одинъ важный пробѣлъ: много распространяясь о событіяхъ, вліявшихъ на развитіе этой драмы, авторъ мало говоритъ о людяхъ. Между прочимъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ о сношеніяхъ Гоголя съ профессоромъ нашей Академіи о. Теодоромъ Бухаревымъ, который былъ съ нимъ въ личной связи и перепискѣ. Выяснить роль этого мятежнаго и столь трагически кончившаго мистика въ трагедіи великаго писателя было бы очень интересной задачей.

Степени кандидата богословія сочиненіе г. Архангельскаго заслуживаетъ“.

Справка: 1) Владиміръ Архангельскій окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ минувшемъ 1910-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) По § 110 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1910 года Владиміра *Архангельскаго* удостоить степени кандидата богословія, о чемъ и представить на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

XV. Прошеніе бывшаго студента IV курса Академіи *Максимиліана Труфанова:*

„Измученный жизнью суровой, выпавшей на мою долю, до глубины души потрясенный послѣдними событіями, имѣющими близкое отношеніе къ обстоятельствамъ семейной жизни, разстроившій свой организмъ условіями академическаго общежитія, наконецъ, подавленный жестокою карою, наложенною на меня постановленіемъ Совѣта Духовной Академіи отъ 16-го марта 1911 года, я не могу успокоиться при той мысли, что мнѣ придется провести годъ въ такихъ условіяхъ жизни, которыя вредно отзываються на моемъ здоровьи и всякій умственный трудъ дѣлають для меня совершенно не мыслимымъ. Не могу успокоиться на томъ представленіи, что я долженъ разстаться съ товарищескою средою, съ которою я тѣсно сроднился сердцемъ и душою, привыкать къ новой средѣ и быть въ послѣдней какъ овца среди волковъ. Главное же, я не могу отказаться отъ той истины, что пропустилъ время по болѣзни. Болѣзнь же, насколько мнѣ извѣстно, есть уважительная причина, и даетъ больному человѣку право на снисходительное отношеніе къ себѣ своихъ высокихъ начальниковъ.

Пользуясь этимъ правомъ, я осмѣливаюсь снова покорнѣйше просить Васъ, Ваше Преосвященство, исходатайствовать у Совѣта Академіи смягченія моей участи и разрѣшенія о допущеніи меня къ экзаменамъ въ настоящемъ 1911 году, ибо кто можетъ утвердительно сказать, что я на тотъ годъ буду здоровъ и не заболѣю?“

Справка: 1) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Правленія Академіи отъ 27 января текущаго 1911 года, студентъ IV курса *Максимиліанъ Труфановъ*, выбывшій въ отпускъ на Рождественскія каникулы 16-го декабря 1910 года, но неявившійся изъ онаго въ Академію болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, со-

гласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, уволенъ былъ изъ числа студентовъ Академіи, при чемъ обратное принятіе его въ Академію, на основаніи того же Синодальнаго опредѣленія, поставлено было въ зависимость отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.— 2) По выслушаніи въ собраніи 16-го марта 1911 года прошенія бывшаго студента Труфанова, отъ 25 февраля 1911 года, съ приложеніемъ удостовѣреній объ его болѣзни врача 1-го участка Царицынскаго земства и благочиннаго церкви г. Царицына, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить Максимилиана Труфанова обратно въ списки студентовъ IV курса Академіи, но,—въ виду его болѣе, чѣмъ двухмѣсячнаго отсутствія изъ Академіи,—лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года“.—Только что заслушанною резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 14 апрѣля сего года (ст. II настоящаго журнала) означенное постановленіе Совѣта утверждено.

Опредѣлили: Не усматривая основаній къ измѣненію постановленія отъ 16 марта сего года относительно обратнаго зачисленія Максимилиана Труфанова въ списки студентовъ IV курса лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, тѣмъ болѣе, что онъ не посѣщаль лекцій и не участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ въ теченіи всего 2-го полугодія настоящаго учебнаго года,—просьбу Труфанова о допущеніи его нынѣ же къ сдачѣ выпускныхъ испытаній отклонить.

XVI. Прошенія:

а) Студента IV курса *Андрея Гиляревскаго*:

„Въ виду того, что я при переходѣ на второй курсъ получилъ неудовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ по предмету „Введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ“, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство допустить меня къ новымъ испытаніямъ по названному предмету со студентами I-го курса въ маѣ мѣсяцѣ сего учебнаго года“.

б) Студента I-го курса *Тихона Попова*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать въ настоящемъ, 1910—1911

учебномъ году экзаменъ по французскому языку сверхъ обязательнаго для меня экзамена по нѣмецкому языку“.

в) Студента I курса *Михаила Струмѣнскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать экзаменъ по французскому языку сверхъ обязательнаго для меня экзамена по нѣмецкому языку“.

Опредѣлили: Разрѣшить студентамъ Гиляревскому, Попову и Струмѣнскому сдать устныя испытанія по указаннымъ въ ихъ прошеніяхъ предметамъ въ маѣ мѣсяцѣ текущаго 1911 года.

XVI. Прошеніе вольнослушателя Академіи, окончившаго курсъ Егорьевской гимназіи, *Николая Бѣляева*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи допустить меня весною текущаго учебнаго года къ дополнительному испытанію по греческому языку, которое мнѣ необходимо для зачисленія моего въ число студентовъ Духовной Академіи“.

Справка: Указомъ отъ 12 октября 1910 года за № 14051 Святѣйшій Синодъ, отклонивъ возбужденное Совѣтомъ Московской Духовной Академіи ходатайство о принятіи окончившаго курсъ съ золотой медалью Егорьевской гимназіи *Николая Бѣляева*, выдержавшаго въ августѣ мѣсяцѣ 1910 года повѣрочныя при Академіи испытанія, за исключеніемъ таковаго испытанія по греческому языку, и занявшаго первое мѣсто въ разрядномъ спискѣ державшихъ означенныя испытанія, въ число студентовъ I курса Академіи,—разрѣшилъ „допустить Бѣляева къ слушанію въ текущемъ учебномъ году академическихъ лекцій, на основаніи § 150 Уст. дух. акад., разъяснивъ при этомъ, что въ 1911—12 учебномъ году Бѣляевъ можетъ быть принятъ въ число студентовъ I курса академіи по успѣшной сдачѣ повѣрочнаго испытанія лишь по греческому языку“.

Опредѣлили: Допустить вольнослушателя Академіи *Николая Бѣляева* къ сдачѣ въ маѣ мѣсяцѣ сего года повѣрочнаго, для принятія въ число студентовъ I курса Академіи, испытанія по греческому языку.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Мая 10. По ст. I. Ходатайствовать—и нынѣ же ходатайствую. По ст. XIV. Студентъ Архангельскій утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее читано и утверждается“.

3 мая 1911 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарные профессора А. П. Голубовъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска минувшаго 1910 года *Владиміръ Троицкій* прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 октября 1910 года, двѣ пробныя лекціи по *Священному Писанію Новаго Завѣта*: одну на тему по собственному выбору—„Гностицизмъ и Церковь въ отношеніи къ Новому Завѣту“, другую—по назначенію Совѣта Академіи: „Сынъ Божій и Церковь“ (толкованіе Мѣ. XVI, 13—18).

Обѣ лекціи, прочитанныя профессорскимъ стипендіатомъ Троицкимъ, Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительными, а лектора—достойнымъ избранію на должность преподавателя Академіи по 1-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, имѣющей освободиться съ начала 1911--1912 учебнаго года.

Справка: 1) По § 110 лит. в п. 2 устава духовныхъ академій „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ“ значителъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на

утвержденіе Святѣйшаго Синода.—2) По § 119 того же устава: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналъ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній, съ приложеніемъ письменныхъ отзывовъ членовъ Совѣта о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства“.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессорскаго стипендіата Московскоѣ Духовноѣ Академіи, кандидата богословія, *Владимира Троицкаго*, съ 16-го августа текушаго 1911 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по 1-ой каедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта.—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 6-го октября 1910 года. № 18,—о замѣщеніи вакантныхъ каедръ Священнаго Писанія Новаго Завѣта—приложить къ журналу настоящаго собранія,—для представленія Святѣйшему Синоду.

3 мая 1911 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарные профессора—А. П. Голубцовъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. П. Соколовъ, И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. а) Заявленіе Инспектора Тобольскоѣ духовноѣ семинаріи, *протоіеря Дмитрія Садовскаго*:

„Въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1909 года мною послана была въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи въ рукописи магистерская диссертация, подъ заглавіемъ: „Бла-

женный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Часть I.—Обзоръ проповѣдническаго служенія Блаженнаго Августина. Часть II. Приложение. Проповѣди Блаженнаго Августина. Переводъ съ латинскаго языка на русскій“.

Рукопись представлена въ двухъ переплетныхъ корешкахъ: I-я часть—въ одномъ и II-я въ другомъ. Диссертация принята къ разсмотрѣнiю въ засѣданiи Совѣта, отъ 21-го апрѣля того же 1909 года. Разсмотрѣнiе ея поручено было Преосвященному Ректору Академіи, Епископу Евдокиму, какъ профессору Гомилетики. Преосвященный Евдокимъ, разсмотрѣвъ сочиненіе, далъ о немъ очень благопріятный, даже лестный отзывъ, который заключилъ такими словами: „по моему глубокому, искреннему, совершенно объективному убѣжденію авторъ за свой ученый трудъ вполне заслуживаетъ искомой имъ степени магистра богословія“.—При дальнѣйшемъ разсмотрѣнiи сочиненія вторымъ рецензентомъ, профессоромъ Михаиломъ Михайловичемъ Тарѣевымъ, случилось недоразумѣнiе, которое неблагопріятно отозвалось на судьбѣ моей работы. Прежде всего до рецензента не дошла, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ отзывѣ, II-я часть моего труда,—гдѣ-то потерявшаяся, именно „Приложеніе. Проповѣди Блаженнаго Августина“. (Переводъ съ латинскаго языка на русскій). Что-же касается первой части, то у профессора оказались подъ руками три различныя рукописи, при чемъ рецензентъ, естественно, затруднился опредѣлить, которая-же изъ нихъ подлежитъ разсмотрѣнiю. Правда, относительно одной онъ не могъ сомнѣваться, что она не подлежитъ рецензiи. Что-же касается двухъ другихъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собою и по объему, и по содержанію, то профессоръ М. М. Тарѣевъ не зналъ, за которую нужно взяться, и разсмотрѣлъ ту, которая показалась ему болѣе полной, и въ которой дѣйствительно число главъ больше,—семь, а не шесть, какъ въ другой,—не считая предисловія и заключенія. На самомъ-же дѣлѣ, разсмотрѣнiю подлежала совсѣмъ не та рукопись, на коей остановился рецензентъ, а другая, какъ болѣе обработанная.—Самое появленіе трехъ рукописей или экземпляровъ сочиненія обусловливалось слѣдующими обстоятельствами: первоначально поданная мною, въ качествѣ диссертации, рукопись была возвращена мнѣ рецензентомъ Преосвященнымъ Евдокимомъ, съ предложе-

ніемъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Вслѣдствіе этого появилась вторая рукопись (стр. 1—973 in quarto крупнаго формата). Обѣ рукописи и вторая, и первая посланы были мною рецензенту. Къ сожалѣнію, вторая рукопись переписана была писцомъ, какъ оказалось, весьма малограмотнымъ, допустившимъ весьма многія орфографическія погрѣшности. Я, конечно, прочитывалъ рукопись, и многія неисправности исправилъ. Но много, несомнѣнно, и ускользнуло отъ моего вниманія. И хотя рукопись была отослана рецензенту, я все же опасаясь, какъ-бы неряшливая переписка и орфографическія погрѣшности, вкравшіяся въ сочиненіе благодаря малограмотности писца, не отозвались неблагоприятно на судьбѣ сочиненія, рѣшилъ представить новый экземпляръ диссертации, лучше обработанный и хорошо переписанный. Этотъ-то экземпляръ, исполненный приложеніемъ (переводъ проповѣдей Блаженнаго Августина), и представленъ былъ мной въ Совѣтъ Академіи, въ февралѣ или мартѣ 1909 года, и принятъ Совѣтомъ въ засѣданіи 21-го апрѣля того-же года.

Но еще ранѣе представленія новаго экземпляра диссертации, если не ошибаюсь, въ ноябрѣ 1908 года оффиціальнымъ прошеніемъ на имя Преосвященнаго Ректора я просилъ выслать мнѣ обратно прежній экземпляръ, намѣреваясь представить другой, болѣе обработанный. Просьба моя осталась однако неудовлетворенной, и рукопись почему-то не была выслана. Думая, что, можетъ быть, это такъ и быть должно, я не настаивалъ на своемъ, но былъ увѣренъ все-таки, что, какъ затребованная обратно, рукопись, такъ сказать, снята съ очереди.

Такъ въ Академіи получилось три рукописи моего сочиненія. Преосвященный Ректоръ Академіи, Епископъ Евдокимъ, хорошо знавшій обстоятельства дѣла, рассмотрѣлъ тотъ именно экземпляръ диссертации, который подлежалъ рассмотрѣнію. Вотъ содержаніе диссертации, какъ оно передается вкратцѣ въ отзывѣ перваго рецензента: — Часть первая. Введеніе (1—77 стр.). Гл. I-я: „вѣроученіе въ проповѣдяхъ Блаженнаго Августина“ (78—237 стр.); гл. II-я: „нравоученіе въ проповѣдяхъ Блаженнаго Августина“ (238—375); гл. III-я: „внутреннія свойства проповѣдей Блаженнаго Августина“ (376—443); гл. IV-я: „внѣшнія свойства проповѣдей Блаженнаго Августина“ (444—513); гл. V-я:

„гомилетическія воззрѣнія Блаженнаго Августина“, „христіанская наука“ (стр. 513—581): гл. VI-я: „обзоръ содержанія сочиненія Блаженнаго Августина „De catechisandis rudibus“ (582—653); гл. VII-я (заключеніе): значеніе проповѣднической дѣятельности Блаж. Августина (653—682). Часть вторая (приложеніе). Проповѣди Блаженнаго Августина, Епископа Иппонскаго. 23 бесѣды (по 39 тому Миня „De diversis“). Переводъ съ латинскаго (1—320 стр.) и предисловіе отъ переводчика (1—11 стр.).

Вторымъ рецензентомъ, профессоромъ Михаиломъ Михайловичемъ Тарѣвымъ, рассмотрѣнъ другой экземпляръ сочиненія, хуже обработанный и неряшливо въ орфографическомъ отношеніи переписанный, который именно и затребованъ былъ мною обратно и потому не подлежалъ рассмотрѣнію. Что имъ рассмотрѣна другая рукопись, это легко можно видѣть изъ самаго отъѣва. Въ отъѣвѣ профессоръ Михайлъ Михайловичъ Тарѣвъ пишетъ: „Я рассмотрѣлъ рукопись наиболѣе полную“—и далѣе: „авторъ даетъ во введеніи (стр. 1—87) свѣдѣнія о жизни Блаж. Августина. Въ главахъ I (стр. 88—306) и II (стр. 307—505) предлагается обзоръ вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія проповѣдей Блаж. Августина. Въ главѣ III (505—603) идетъ рѣчь о внутреннихъ свойствахъ проповѣдей Блаж. Августина, а въ главѣ IV (604—697) о свойствахъ внѣшнихъ. Въ главѣ V (698—757) излагаются историко-археологическія свѣдѣнія о проповѣдничествѣ Блаж. Августина. Въ главѣ VI (758—845) и VII (846—943) передаются гомилетическія воззрѣнія его по сочиненіямъ *De doctrina christiana* и *De catechisandis rudibus*. Въ заключеніи (944—973) авторъ говоритъ о значеніи Блаженнаго Августина въ исторіи проповѣди и въ исторіи гомилетики“.

Итакъ, изъ сравненія этого обзора содержанія сочиненія, помѣщеннаго въ отъѣвѣ второго рецензента, съ такимъ-же вышеприведеннымъ обзоромъ перваго рецензента, и изъ указанія страницъ отдѣльныхъ главъ въ томъ и другомъ отъѣвѣ видно, что рецензентами разсматривались разныя рукописи, причемъ первымъ рецензентомъ рассмотрѣна та именно рукопись, которая и подлежала рассмотрѣнію, болѣе обработанная и представленная мною въ Академію въ мартѣ 1909 года; вторымъ-же рассмотрѣна рукопись

другая, худшая, затребованная мною обратно, вслѣдствіе неисправной, неряшливой переписки ея.

Отсюда и разница въ отзывахъ обоихъ рецензентовъ и отсутствіе въ отзывѣ перваго указаній на тѣ недостатки, которые отмѣчаются въ отзывѣ второго, именно,—на неряшливость переписки и на неисправность рукописи въ отношеніи орфографіи русскихъ и иностранныхъ словъ, что, повидимому, и обусловливало главнымъ образомъ не совсѣмъ благопріятный для меня оборотъ дѣла. Нельзя отрицать, конечно, что могли оказаться нѣкоторыя орфографическія погрѣшности и въ другой лучшей рукописи, но такія случайныя ошибки возможны во всякой большой рукописи; бываютъ онѣ даже и въ печатныхъ произведеніяхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы ихъ не замѣтилъ, если бы онѣ были тамъ многочисленны, первый рецензентъ и, замѣтивши, не указалъ бы на это обстоятельство въ своемъ отзывѣ.

Такимъ образомъ вышло, что представленная мною и принятая къ разсмотрѣнію въ засѣданіи Совѣта, отъ 21 апрѣля 1909 года, диссертация была разсмотрѣна первымъ рецензентомъ и оказалась не разсмотрѣнной вторымъ рецензентомъ, такъ какъ вторая половина моего труда (переводъ проповѣдей Блаж. Августина) совсѣмъ не дошла до него; первая же половина, хотя и разсмотрѣна, но не въ той рукописи, которая подлежала рецензій, а въ другой, которая затребована была мной, по ея неисправности, обратно.

Недоразумѣніе произошло изъ-за того, несомнѣнно, что первый рецензентъ, Преосвященный Епископъ Евдокимъ, оставилъ службу при Академіи. Какъ-бы то ни было, но вслѣдствіе такого недоразумѣнія дѣло получило совсѣмъ не то направленіе, какое должно было-бы получить. А потому благопокорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ печатать мою магистерскую диссертацию. Осмѣливаюсь просить объ этомъ тѣмъ болѣе, что не только первый рецензентъ далъ благопріятный о сочиненіи отзывъ, но и второй, профессоръ Михаилъ Михайловичъ Тарѣевъ, на разсмотрѣніи коего была худшая рукопись, признаетъ сочиненіе заслуживающимъ для автора степени магистра богословія. Разумѣется, я обяжусь при печатаніи самымъ тщательнымъ образомъ исправить отмѣченныя рецензентами неисправности со стороны изложенія и орфографическія погрѣшности, а также,

насколько то будетъ возможно, и другіе указаные въ отзывахъ недостатки. Если-же благоугодно будетъ Совѣту Академіи, то я готовъ выслать рукопись на новое разсмотрѣніе“.

Справка: Въ собраніи Совѣта Академіи 16 марта текущаго 1911 года, по выслушаніи отзывовъ рецензентовъ (бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима* и ординарнаго профессора Академіи *М. М. Таръева*) о сочиненіи Инспектора Тобольской духовной семинаріи, протоіерея Дмитрія Садовскаго подъ заглавіемъ; „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія, постановлено было: „Магистерскую диссертацию Инспектора Тобольской духовной семинаріи—*протоіерея Дмитрія Садовскаго* возвратить автору для исправленія согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отзывахъ рецензентовъ, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, за болѣе подробными руководственными указаніями обратиться къ ординарному профессору Академіи *М. М. Таръеву*“.

б) Отзывъ по вышеизложенному заявленію о. протоіерея Садовскаго—ординарнаго профессора Академіи *М. М. Таръева*:

„Протоіерей Садовскій увѣряетъ членовъ Академическаго Совѣта, что мною рецензировавъ не третій экземпляръ его сочиненія—„болѣе обработанный“, „лучше обработанный“, какъ слѣдовало бы по ходу дѣла, а второй экземпляръ—„менѣе обработанный“, не подлежавшій моему разсмотрѣнію, и что „вслѣдствіе такого недоразумѣнія дѣло получило совѣтъ не то направленіе, какое должно было бы получить“. Между тѣмъ свою рецензію о диссертации протоіерея Садовскаго я началъ констатированіемъ того обстоятельства, что вторая и третья рукописи не имѣютъ между собой никакой разницы, которая позволила бы считать одну изъ нихъ улучшенной, болѣе обработанной. Я рѣшительно заявилъ, что „появленіе третьяго экземпляра не было обязано вниманію автора къ указаніямъ (перваго) рецензента“. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ появилась третья рукопись, ни мало не исправленная по сравненію со второй. Нынѣ о. Садовскій выясняетъ, что оный и не могъ воспользоваться рецензентскими замѣтками на второй рукописи въ цѣляхъ улучшенія третьей ру-

кописи, ибо послѣднюю рукопись онъ выслалъ вслѣдъ за второй, не получивъ обратно второй рукописи съ рецензентскими замѣтками. Мое прежнее недоумѣніе этимъ заявленіемъ автора теперь выясняется: оказывается, что онъ имѣлъ нравственную возможность представить третій экземпляръ своего сочиненія въ копию, составленную другимъ переписчикомъ, но безъ малѣйшихъ исправленій по рецензентскимъ замѣткамъ на второй рукописи. Но теперь во мнѣ возникаетъ уже новое недоумѣніе: какимъ образом о. Садовскій, подтверждая ту мысль моей рецензіи, что третья рукопись есть лишь копія второй въ ея неисправленномъ видѣ, находитъ возможнымъ называть свою рукопись „болѣе обработанною“? Это со стороны протоіерея Садовскаго пустая игра словами. Болѣе рѣзко мнѣ не хотѣлось бы выражаться.

Единственную разницу между второю и третьею рукописями я усмотрѣлъ и указалъ въ отзывѣ ту, что вторая рукопись имѣетъ главъ на одну больше, чѣмъ третья. Въ виду этого я отчетъ о планѣ и содержаніи сочиненія далъ по второй рукописи, болѣе полной, тогда какъ преосв. Евдокимъ излагалъ планъ и содержаніе сочиненія по третьей рукописи. Протоіерей Садовскій, выписывая соотвѣтствующія части изъ отзывовъ моего и преосв. Евдокима, съ торжествомъ указываетъ на расхожденіе нашихъ отзывовъ. Но въ чемъ же они расходятся, кромѣ указаннаго пункта? По отзыву преосв. Евдокима, гл. I: вѣроученіе въ проповѣдяхъ блаж. Августина; гл. II: правоученіе въ проповѣдяхъ блаж. Августина; по моему отзыву: въ главахъ I и II предлагается обзоръ вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія проповѣдей блаж. Августина. По отзыву преосвящ. Евдокима, гл. III: внутреннія свойства проповѣдей блаж. Августина, гл. IV: внѣшнія свойства проповѣдей блаж. Августина; по моему отзыву: въ главѣ III идетъ рѣчь о внутреннихъ свойствахъ проповѣдей блаж. Августина, а въ главѣ IV о свойствахъ внѣшнихъ. По первому отзыву, гл. V: гомилетическія воззрѣнія блаж. Августина, христіанская наука, глава VI: обзоръ содержанія сочиненія блаж. Августина *de catechisandis rudibus*; по второму отзыву: въ главѣ VI и VII передаются гомилетическія воззрѣнія блаж. Августина. У епископа Евдокима: гл. VII (заключеніе)—значеніе проповѣднической дѣя-

тельности блаж. Августина; у меня: въ заключеніи авторъ говоритъ о значеніи блаж. Августина въ исторіи проповѣди и въ исторіи гомилетики. И лишь V глава второй рукописи (историко - археологическія свѣдѣнія о проповѣдничествѣ блаж. Августина) не повторяется въ третьей рукописи и потому не называется въ отзывѣ преосв. Евдокима. Въ чемъ же, кромѣ того, расходятся наши отзывы? Напротивъ, не одно ли и то же содержаніе они имѣютъ въ виду? И если бы не эта V глава, которую я принялъ во вниманіе, мнѣ даже не было бы нужды отмѣчать, по какой рукописи я излагалъ содержаніе сочиненія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, указанная разница въ планѣ и содержаніи второй и третьей рукописей не могла склонить моего отзыва въ неблагопріятную сторону для о. Садовскаго, ибо я планъ и содержаніе сочиненія одобрилъ.

Я не одобрилъ въ диссертациі протоіерея Садовскаго не планъ и содержаніе, а логическую, литературную и ореографическую стороны сочиненія. Но въ этихъ отношеніяхъ я разсматривалъ, и разсматривалъ внимательно, оба экземпляра диссертациі—и второй, и третій. Мною не сдѣлано объ изложеніи диссертациі ни одного неблагопріятнаго замѣчанія, которое прилагалось бы только къ одной (второй) рукописи. Для всѣхъ приведенныхъ мною примѣровъ я цитировалъ обѣ рукописи, указывая страницы изъ той и другой. Умолчать объ этомъ было со стороны о. Садовскаго недобросовѣстно.

Какъ я, такъ и преосв. Евдокимъ читалъ не одну, а обѣ рукописи. Особенно многочисленны его критическія замѣтки на поляхъ второй рукописи. Какъ я уже сказалъ, эти замѣтки не использованы авторомъ при составленіи третьей рукописи. При новомъ исправленіи сочиненія онѣ всѣ должны быть приняты имъ во вниманіе.

Я еще разъ подтверждаю, что сочиненіе протоіерея Садовскаго въ отношеніяхъ логическомъ, литературномъ и ореографическомъ нуждается—во всѣхъ экземплярахъ—въ основательной переработкѣ“.

Опредѣлили: Изложенное въ справкѣ постановленіе Совѣта Академіи отъ 16 марта 1911 года относительно магистерской диссертациі протоіерея Садовскаго—оставить въ силѣ, о чемъ и увѣдомить автора чрезъ Канцелярію.

II. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 12 апрѣля за № 967, съ возвращеніемъ принадлежащихъ академической библіотекѣ крюковыхъ рукописей за №№ 3, 240, 249, 257 и 262, высланныхъ въ Московскую Синодальную Библіотеку для занятій протоіерея В. Металлова.

б) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 31 марта за № 371, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій профессора М. М. Богословскаго, двухъ рукописей Кирилловской библіотеки за №№ 69—1308 и 70—1309.

Справка: Означенныя въ отношеніяхъ рукописи получены и сланы въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Выработанный комиссіею, по порученію Совѣта Академіи, проектъ предложенія Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ относительно распространенія, въ удешевленныхъ изданіяхъ, святоотеческихъ твореній, переведенныхъ на русскій языкъ Московскою Духовною Академіею (прилагается къ журналу въ копии).

Опредѣлили: 1) Одобривъ выработанный комиссіею проектъ предложенія, обратиться съ таковымъ отъ имени Совѣта Академіи, по утвержденіи настоящаго журнала Его Высокопреосвященствомъ,—къ Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ.—2) Вновь почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство оказать милостивую поддержку предпринимаемому Академіею дѣлу распространенія удешевленныхъ переводовъ святоотеческихъ твореній и обратиться на предложеніе Совѣта Академіи вниманіе Его Высокопревосходительства, Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Мая 20. Смотрѣно и утверждается“.

24 мая 1911 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Акаде-

ми—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ; ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь преподаватель Калужской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, *Александръ Туберовскій* прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 октября 1910 года, двѣ пробныя лекціи *по догматическому богословію*: одну на тему по собственному выбору—„Созерцательное богословіе святыхъ“, другую—по назначенію Совѣта Академіи: „Значеніе догматовъ вѣры“.

Обѣ лекціи, прочитанныя преподавателемъ Туберовскимъ, Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительными, а лектора—достойнымъ избранія на должность преподавателя Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія, имѣющей освободиться съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года.

Справка: 1) По § 110 лит. в п. 2 устава духовныхъ академій „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ“ значитса въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.—2) По § 119 того же устава: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналъ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній, съ приложеніемъ письменныхъ отзывовъ членовъ Совѣта о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства“.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія *Александра Туберовскаго*, съ 16-го августа текущаго

1911 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія.—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 6 октября 1910 года, № 20,—о замѣщеніи вакантной кафедры догматическаго богословія,—приложить къ журналу настоящаго собранія, для представленія Свя-тѣйшему Синоду.

31 мая 1911 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго.—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спаскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидатъ богословія, священникъ *Дмитрій Рождественскій* защищалъ на коллоквиумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Книга пророка Захаріи.—Педагогическое изслѣдованіе.—Выпускъ первый.—Введение.—Писатель и его время.—Анализъ содержанія книги“.—Сергіевъ Посадъ, 1910 г.

Официальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи священникъ *Е. А. Воронцовъ*.

По окончаніи коллоквиума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно

призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: 1) По § 175 устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) По § 67 того же устава: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія“.—3) По § 110 лит. в пп. 7 и 2 устава, какъ удостоеніе степени магистра богословія“, такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ“—значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, священника *Д. В. Рождественскаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта. — 2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертации кандидата священника Рождественскаго и копию съ отзывомъ о ней экстраординарнаго профессора Академіи священника *Е. А. Воронцова* и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Іюня 16. Ходатайствовать“.

3 іюня 1911 года.

№ 11.

Присутствовали,—подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Ака-

деміи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій; ординарные профессора—А. И. Введенскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь законоучитель 2-й Московской мужской гимназіи, кандидатъ богословія, священникъ *Владиміръ Страховъ* защищалъ на коллоквиумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Второе посланіе Св. Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“.—Сергіевъ Посадъ, 1911 г.

Официальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессор Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ еврейскаго языка и археологіи священникъ *Е. А. Воронцовъ*.

По окончаніи коллоквиума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: 1) По § 175 устава духовныхъ академіи: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) По § 67 того же устава: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія“.—3) По § 110 лит. в. ии. 7 и 2 устава, какъ „удостоеніе степени магистра богословія“, такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ“—значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣст-

наго Епархіального Архіерея на утверждение Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утверженіи законоучителя 2-й Московской мужской гимназіи, кандидата богословія, священника *В. Н. Страхова* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по 2-й каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта (въ послѣдней—съ 16-го августа 1911 г.—дня назначенія его исправляющимъ означенную должность по указу Святѣйшаго Синода отъ 8 февраля сего 1911 года за № 1945).—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертациі кандидата священника Страхова и копиі отзывовъ о ней сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Іюня 16. Согласенъ ходатайствовать“.

6 іюня 1911 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ; заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь кандидатъ богословія, Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви священникъ *Георгій*

Доброправовъ защищалъ на коллоквиумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Гоненіе Ирода Агриппы I-го на христіанъ.— Историческій комментарий къ XII главѣ кн. Дѣяній Апостольскихъ“.—Сергіевъ Посадъ, 1911 г.

Официальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Д. И. Введенскій*.

По окончаніи коллоквиума Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 175 устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) По § 110 лит. в п. 7 того же устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значитса въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи кандидата богословія, священника Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви *Георгія Доброправова* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертациі кандидата священника Доброправова и копии отзывовъ о ней сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Юня 16. Согласенъ ходатайствовать“.

7 июня 1911 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго,—Испекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ; сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Мая 5. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святейшаго Синода отъ 4 мая за № 5925:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло *о замѣщеніи каведры церковнаго права въ Московской духовной академіи*. Приказали: Журналомъ Совѣта Московской духовной академіи, отъ 6 и 13 Октября 1910 г. № 23, избраны были въ качествѣ кандидатовъ для замѣщенія имѣющей освободиться съ 16 августа 1911 года каведры церковнаго права въ названной академіи — приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кандидатъ богословія Николай Кузнецовъ и экстраординарный профессоръ Московской академіи по каведрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола старообрядчества Илья Громогласовъ, получившіе оба по 8 избирательныхъ голосовъ изъ 15 участвовавшихъ въ голосованіи, съ перевѣсомъ въ пользу Кузнецова голоса Предсѣдателя. По обсужденіи означеннаго журнала, представленнаго Вашимъ Преосвященствомъ отъ 18 ноября 1910 г. за № 450, и докладной записки профессора Громогласова о допущенныхъ, по его мнѣнію, въ засѣданіяхъ Совѣта неправильно-

стях процессуального характера при обсужденіи вопроса о замѣщеніи каѳедры церковнаго права, Святѣйшій Синодъ нашелъ, что произведенное въ собраніяхъ Совѣта академіи 6 и 13 Октября избраніе, посредствомъ рекомендаціи, кандидата для замѣщенія названной каѳедры не дало вполнѣ опредѣленнаго результата, такъ какъ оба кандидата—Кузнецовъ и Громогласовъ получили одинаковое число голосовъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что избраніе кандидатовъ для замѣщенія преподавательскихъ каѳедръ въ духовныхъ академіяхъ можетъ совершаться, на основаніи § 70 академическаго устава, посредствомъ рекомендаціи или посредствомъ конкурса, Святѣйшій Синодъ, указомъ 1 Декабря 1910 года № 17146, предоставилъ Вашему Преосвященству поручить Совѣту Московской академіи избраніе достойнаго кандидата для замѣщенія каѳедры церковнаго права произвести посредствомъ конкурса, въ дальнѣйшемъ же ходѣ дѣла поступить по закону. Засимъ, вслѣдствіе представленія Вашего Преосвященства, отъ 25 Января сего года № 35, о необходимости „устраненія профессора Громогласова изъ Московской духовной академіи“, какъ несоотвѣтствующаго по образу мыслей и по направленію преподавательской дѣятельности требованіямъ Уст. дух. акад. и неисправнаго по службѣ, Святѣйшій Синодъ 28 Февраля—9 Марта сего года опредѣлилъ: предложить профессору Громогласову подать прошеніе объ увольненіи отъ службы въ академіи. Нынѣ, въ представленіи Святѣйшему Синоду, отъ 13 Апрѣля сего года № 136, Ваше Преосвященство, изъясняя, что послѣ означеннаго опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 28 Февраля—9 Марта сего года, кандидатура профессора Громогласова на каѳедру церковнаго права въ Московской академіи отпадаетъ сама собою и выборы Совѣта оной, отъ 6—13 Октября 1910 г., становятся по результатамъ вполнѣ опредѣленными въ пользу Кузнецова, который и по своему церковно-политическому міровоззрѣнію и по научной компетентности является вполнѣ достойнымъ кандидатомъ для замѣщенія названной каѳедры, и что конкурсъ на занятіе этой каѳедры нынѣ не представляется необходимымъ, ходатайствуете объ утвержденіи приватъ-доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея Николая Кузнецова, согласно избранію Совѣта Московской духовной академіи, въ должности пре-

подавателя оной по кафедрѣ церковнаго права, въ качествѣ и. д. доцента. По обсужденіи изложеннаго, Святѣйшій Синодъ, на основаніи § 12 и примѣч. къ § 67 Уст. дух. акад., опредѣляетъ: согласно настоящему ходатайству Вашего Преосвященства въ должности преподавателя Московской духовной академіи по имѣющей освободиться 16 Августа 1911 г. кафедрѣ церковнаго права утвердить, съ означеннаго срока, привать доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея, кандидата богословія *Николая Кузнецова* въ качествѣ и. д. доцента; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ¹⁾.

б) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что указъ Святѣйшаго Синода, отъ 1 декабря 1910 за № 17146, о порученіи Совѣту Академіи замѣстить кафедре церковнаго права посредствомъ *конкурса*,—въ Академіи полученъ не былъ¹⁾.

Опредѣлили: Объ утвержденіи привать-доцента Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея, кандидата богословія, *Н. Д. Кузнецова*, съ 16 августа 1911 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по кафедрѣ церковнаго права внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Мая 20. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 мая за № 6514:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 10 Мая сего года за № 184, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ увольненіи экстраординарнаго профессора оной, коллежскаго совѣтника *Ильи Громогласова*, согласно его прошенію, отъ службы въ академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ, на основаніи § 12 Уст. дух. акад., опредѣляетъ: уволить экстраординарнаго профессора названной академіи, коллежскаго совѣтника *Илью Громогласова*, согласно его прошенію, отъ

¹⁾ По поводу означеннаго заявленія Его Высокопреосвященствомъ при разсмотрѣніи журнала, отмѣчено: „Онъ не сданъ по распоряженію Св. Синода“.

службы въ академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Увѣдомить Коллежскаго Совѣтника *И. М. Громогласова* о послѣдовавшемъ увольненіи его, согласно прошенію, отъ службы при Академіи и выдать ему установленный аттестатъ о службѣ.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Мая 20. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 мая за № 6561:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 21 Января сего года № 23, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи директора Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Гоголя, кандидата богословія *Александра Волнина* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ „Мессія по изображенію пророка Исаи. Опытъ библейско-богословскаго и критико-экзегетическаго изслѣдованія пророчествъ Исаи о Лицѣ Мессіи“ и 2) представленіе Преосвященнаго Тульскаго, отъ 23 Апрѣля сего года № 1570, съ отзывомъ о названномъ сочиненіи. Приказали: Разсмотрѣвъ означенныя представленія Вашего Преосвященства и Преосвященнаго Тульскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: директора Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Гоголя, кандидата богословія *Александра Волнина*, на основаніи § 13 Высоч. утв. 2 Апрѣля 1910 г. Уст. дух. акад., утвердить въ степени магистра богословія за вышепомянутое сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Изготовить для г. директора Велико-Сорочинской учительской семинаріи имени Н. В. Гоголя *Александра Волнина* установленный дипломъ на степень магистра богословія и выслать его по принадлежности.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Мая 24. Въ Совѣтъ Московской Духовной

Академіи—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23 мая за № 6764:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 5 Апрѣля сего года за № 124, о назначеніи путевого пособия профессорамъ Московской духовной академіи Александру *Голубцову* и Сергію *Смирнову*, командируемымъ въ г. Новгородъ на XV Археологическій Съѣздъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: назначить, по состоянію средствъ духовно-учебнаго капитала, путевое пособие *только одному лицу*, которое будетъ командировано Совѣтомъ академіи на Археологическій Съѣздъ, въ размѣрѣ ста пятидесяти р. изъ прогоннаго кредита по духовно-учебному капиталу (§ 8 ст. 1 специальной смѣты Святѣйшаго Синода), съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ командированія на тотъ же Съѣздъ большаго числа представителей, на путевое пособие имъ были изысканы мѣстныя средства; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Въ виду особо важнаго значенія работъ предстоящаго XV Археологическаго Съѣзда въ г. Новгородѣ не только въ археологическомъ, но и въ церковно-историческомъ отношеніи, командировать на означенный Съѣздъ, въ качествѣ делегатовъ отъ Академіи, ординарнаго профессора по кафедрѣ литургіки и церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *А. П. Голубцова* и экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнова*, съ выдачею профессору *Голубцову* назначеннаго Святѣйшимъ Синодомъ путевого пособия въ размѣрѣ 150 рублей.—2) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о назначеніи изъ суммъ Московской кафедры путевого пособия и второму делегату — профессору *Смирнову*, въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Его Высокопреосвященству.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ подписью: 1911 г. Мая 24. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 мая за № 6859:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе вольнослушателя Московской духовной академіи священника *Теодора Делекторскаго*, имѣющаго жену, на имя Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, о разрѣшеніи, ему, Делекторскому, въ началѣ будущаго учебнаго года, по выдержаніи приѣмныхъ испытаній, поступить въ число студентовъ Московской духовной академіи. Приказали: Принимая во вниманіе, что по § 142 Уст. Дух. Акад. лица изъ бѣлаго духовенства, имѣющія женъ, могутъ быть принимаемы въ студенты лишь Кіевской и Казанской духовныхъ академій, и не усматривая въ настоящемъ прошеніи священника Делекторскаго достаточныхъ основаній къ изъятію изъ установленнаго порядка по сему дѣлу, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: означенное прошеніе священника Делекторскаго оставить безъ послѣдствій; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить вольнослушателю Академіи священнику Теодору Делекторскому.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 19 апрѣля, № 6: „1911 г. Мая 10. По ст. I. Ходатайствовать—и нынѣ же ходатайствую. По ст. XIV. Студентъ Архангельскій утверждается въ степени кандидата богословія. Прочее читано и утверждается“.

б) 3 мая, № 8: „1911 г. Мая 20. Смотрѣно и утверждается“.

Опредѣлили. Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VII. Заявленіе *Преосвященнаго Ректора Академіи:*

„Предлагая при семъ на разсмотрѣніе Совѣта Академіи представленныя мнѣ г.г. профессорами и преподавателями Академіи, согласно § 84 академическаго устава, *отчеты о преподаваніи* въ 1910—1911-мъ учебномъ году, считаю долгомъ заявить, что, какъ видно изъ помянутыхъ отчетовъ,—преподаваніе велось вполне согласно съ программами, представленными г.г. профессорами и преподавателями Академіи въ началѣ учебнаго года и утвержденными опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 31 августа 1910 года“.

Опредѣлили: Отчеты о преподаваніи внести въ свое время въ

„Отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи за 1910—1911 учебный годъ“, представляемый Святейшему Синоду.

VIII. Отношеніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 1 іюня за № 46:

„Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, заслушавъ въ засѣданіи своемъ 25 сего мая докладъ о трудахъ почившаго *Василія Осиповича Ключевскаго*,—поставило сообщить Совѣту Московской Духовной Академіи, что оно вмѣстѣ со всей образованной Россіей скорбитъ по поводу кончины незабвеннаго русскаго историка и выражаетъ искреннее соболѣзнованіе Академіи, потерявшей нынѣ своего знаменитаго профессора“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Представленный библиотечною комиссіею проектъ „*Правила о порядкѣ приобрѣтенія въ библиотеку книгъ и журналовъ и пользованія ими*“:

§ 1.

„Записки преподавателей Академіи о выпискѣ книгъ и журналовъ на отдѣльныхъ листкахъ съ собственноручною подписью ихъ представляются посредствомъ библиотекаря въ библиотечную комиссію и, по рассмотрѣніи ихъ въ теченіи перваго мѣсяца, доводятся до свѣдѣнія Совѣта; по утвержденіи Совѣтомъ (о чемъ Секретаремъ Совѣта должна быть дѣлаема надпись на запискахъ) немедленно удовлетворяются библиотекаремъ. *Примѣчаніе.* Въ случаѣ продолжительнаго хронологическаго разстоянія между Совѣтами и крайней надобности въ книгахъ требуемыхъ преподавателями Академіи изданія разрѣшаются къ выпискѣ одной комиссіей, на утвержденіе же Совѣта представляются въ ближайшее засѣданіе его.

§ 2.

Изданія и рукописи, полученныя изъ библиотеки преподавателями Академіи на домъ, представляются ими въ библиотеку къ концу каждаго учебнаго года.

§ 3.

Энциклопедическіе словари и другія подобнаго рода справочныя изданія хранятся въ библиотекѣ. Студентамъ дозволяется пользоваться ими только въ зданіи библиотеки. Пре-

подаватели же Академіи могутъ брать ихъ на домъ отъ закрытія бібліотеки до открытія ея.—*Примѣчаніе.* Въ случаѣ крайней надобности допускаются исключенія изъ этого правила съ разрѣшенія предсѣдателя бібліотечной комиссіи.

§ 4.

Всѣ бібліографическія изданія и журнальная литература, получаемая въ бібліотеку, должны оставаться въ помѣщеніи бібліотеки въ теченіи мѣсяца, дабы каждый изъ преподавателей могъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ.

§ 5.

Записки представляются вышеуказаннымъ порядкомъ (§ 1), начиная съ января мѣсяца и кончая 15 ноября. Къ послѣднему сроку бібліотекаръ вноситъ въ комиссію отчетъ объ израсходованныхъ суммахъ и имѣющемся въ наличности остаткѣ. Къ этому же хронологическому термину приурочиваются и заявленія преподавателей Академіи о выпискѣ цѣнныхъ изданій или о недостаточности ассигнованной на ихъ кафедры суммы. Комиссіа разсматриваетъ эти заявленія и представляетъ свои соображенія Совѣту.

§ 6.

Всякое изданіе, цѣна котораго превышаетъ 25 рублей, считается цѣннымъ.

§ 7.

Въ видахъ большей сохранности и цѣлости книгъ выдача ихъ студентамъ ограничивается слѣдующими правилами:

а) отпускъ книгъ уѣзжающимъ на лѣтнее время студентамъ 1-го и 2-го курсовъ воспрещается;

б) студентамъ 3-го курса дозволяется отпускъ книгъ (не болѣе пяти) по рекомендаціи преподавателей, у которыхъ этими студентами взяты темы для кандидатскихъ работъ; отвѣтственность за цѣлость и сохранность книгъ, увезенныхъ студентами, обязываются нести преподаватели;

в) существенная порча книги или утрата ея влечетъ за собой взысканіе каталожной цѣны утраченной или попорченной книги или замѣну ея книгой того же содержанія и достоинства;

г) оканчивающіе курсъ студенты обязуются сдавать книги въ бібліотеку не позднее 15 іюня; освобождающіе ихъ документы (или билеты на отъѣздъ) они могутъ получать не

иначе, какъ по представленіи Инспектору Академіи квитанціи отъ бібліотекаря о сдачѣ ими всѣхъ книгъ;

д) остающіеся въ Посадѣ на лѣтнія каникулы студенты къ 15 іюня обязываются сдать всѣ находящіяся у нихъ книги и затѣмъ пользуются книгами академической бібліотеки на обычныхъ условіяхъ.

§ 8.

Профессора, вышедшіе въ отставку и имѣющіе мѣстожи-тельство въ Сергіевскомъ Посадѣ или Москвѣ, пользуются правомъ брать себѣ на квартиры книги изъ академической бібліотеки при соблюденіи слѣдующихъ условій:

- а) не имѣть на рукахъ болѣе 50 книгъ;
- б) получать пенсію только черезъ Правленіе Академіи;
- в) если для немедленной выдачи книгъ встрѣчается какое либо препятствіе со стороны Академіи (Ректора, предсѣдателя бібліотечной комиссіи и бібліотекаря), то выдача временно задерживается;

г) въ случаѣ столкновенія требованій,—преимущество въ немедленной выдачѣ книгъ отдается преподавателямъ Академіи, состоящимъ на дѣйствительной службѣ.

§ 9.

Вольнослушатели во время прохожденія ими академическаго курса ученія могутъ пользоваться бібліотечными книгами въ зданіи бібліотеки; выносъ же книгъ на домъ обусловливается внесеніемъ денежнаго залога, соотвѣтственнаго стоимости книгъ.

§ 10.

Вопросы, касающіеся изданія систематическаго каталога бібліотеки, обсуждаются въ бібліотечной комиссіи и передаются на разрѣшеніе Совѣта Академіи.

§ 11.

Списокъ учреждений и учебныхъ заведеній, съ которыми производится обмѣнъ академическими изданіями и диссертациями, ведется бібліотечной комиссіей.

Справка: По § 110 лит. а п. 19 устава духовныхъ академій „составленіе правилъ о порядкѣ приобрѣтенія книгъ и періодическихъ изданій и пользованія ими и рукописями“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ

Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Соглашаясь съ представленнымъ библіотечною комиссіею проектомъ, — вышеизложенныя „Правила о порядкѣ приобрѣтенія въ библіотеку книгъ и журналовъ и пользованія ими“ утвердить къ исполненію, о чемъ и поставить въ извѣстность какъ г.г. членовъ академической корпораціи, такъ и студентовъ Академіи.

Х. Отношенія:

а) Оренбургской Духовной Консисторіи, отъ 13 мая за № 5655, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи дѣлъ Консисторіи за №№ 71/3, 529/23 и 826/46.

б) Канцеляріи Императорской Публичной Библіотеки, отъ 10 мая за № 1193 съ увѣдомленіемъ о полученіи книги, возвращенной Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 22 апрѣля за № 185.

в) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 30 апрѣля и 2 іюня за №№ 1110 и 1349, съ препровожденіемъ изданій: 1) Plotini E. D. Creuzer 3 т.; 2) Angelo Majus Bibliotheca nova patrum. t. II—для научныхъ занятій проф. А. А. Спасскаго на трехмѣсячный срокъ; 3) Thomas Specht, Die Lehre von der Kirche nach dem hl. Augustin и 4) Erwin Preuschen, Tertullians Schriften...—для научныхъ занятій В. А. Троицкаго на мѣсячный срокъ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Представленіе *библіотечной комиссіи* отъ 4 іюня за № 944:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Комиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 138 (Профессора А. П. Шостыина), 181 (Профессора М. Д. Муретова), 141 (Профессора А. И. Введенскаго), 208 и 210 (Профессора С. С. Глаголева), 206 и 1103 (Профессора А. А. Спасскаго), 196, 205 и 1083 (Профессора М. М. Тарѣева), 28 и 303 (Профессора С. И. Соболевскаго), 1131, 1132, 1133 и 1134 (Профессора И. В. Полова), 301 (Профессора С. И. Смирнова), 63, 64, 65

и 66 (Профессора священника Е. А. Воронцова), 146 и 304 (Профессора Д. И. Введенскаго), 139 и 305 (Профессора А. П. Орлова), 144, 201, 203 и 204 (И. д. доцента и лектора французскаго языка А. К. Мишина), 148 и 1081 (И. д. доцента Н. Л. Туницкаго), 302 (И. д. доцента священника Д. В. Рождественскаго), 140 и 147 (И. д. доцента С. П. Знаменскаго), 150, 152 и 153 (И. д. доцента священника П. А. Флоренскаго), 209 (И. д. доцента В. П. Виноградова) и 143 (Лектора англійскаго языка священника Н. А. Преображенскаго).

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической бібліотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

ХИ. а) Отношеніе Правленія Ужицкой гимназіи (въ Сербіи), отъ 5 мая за № 216:

„Правленіе Ужицкой гимназіи просить Ваше Преосвященство выслать на трехмѣсячный срокъ кандидатское сочиненіе *Любомира Раича*, кончившаго курсъ Академіи въ 1907 году и состоявшаго преподавателемъ гимназіи въ городѣ Ужицѣ“.

б) Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1910 года *Александра Горскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить выдать мнѣ изъ Академической бібліотеки на мѣсячный срокъ мое кандидатское сочиненіе, необходимое мнѣ для научныхъ занятій.“

Справка: Въ собраніи 30 апрѣля 1897 года Совѣтомъ Академіи постановлено было: „На будущее время выдачу и высылку кандидатскихъ сочиненій ихъ авторамъ прекратить, предоставивъ послѣднимъ для снятія копій съ сочиненій являться въ Академію лично.“

Опредѣлили: Изложенное въ справкѣ постановленіе Совѣта Академіи отъ 30 апрѣля 1897 г. сообщить Правленію Ужицкой гимназіи и профессорскому стипендіату Академіи А. Горскому.

XIII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 24 мая за № 1282:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 26 Апрѣля с. г. за № 193 и въ дополненіе къ отношенію отъ 7 Мая с. г. за № 1149, Учебный Комитетъ имѣетъ честь возвратить при семъ въ Совѣтъ Московской духовной Академіи аттестатъ на званіе дѣйствительнаго студента названной Академіи *священника Іоанна Козлова*, за № 486, препровожденный въ Комитетъ Ставропольской духовной Консисторіей, при отношеніи отъ 18 мая с. г. за № 15353“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. а) Отзвы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Вышеславова Димитрія* на тему: „Церковныя историки Сократъ и Созомень по ихъ сравнительной цѣнности для изученія церковно-историческихъ событій IV и первой половины V вѣка“.

1) Ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*:

„Главное затрудненіе, какъ создалъ для себя самъ г. Вышеславовъ и которое не только затруднило, но и сдѣлало невозможнымъ для него полное осуществленіе преднамѣченнаго имъ плана, состоитъ въ томъ, что онъ произвольно расширилъ задачи всего сочиненія. Прямой смыслъ темы требовалъ отъ него „сравнительной оцѣнки историческихъ извѣстій Сократа и Созомена для изученія церковно-историческихъ событій IV и половины V вѣка“, и исходнымъ пунктомъ его работы должны были служить обзоръ сужденій современной науки о взаимоотношеніи Сократа и Созомена и критическій разборъ ихъ,—исходный пунктъ, къ обсужденію котораго онъ приступаетъ только съ 150 страницъ своего сочиненія. Все же предыдущее прямого отношенія къ темѣ не имѣетъ, хотя сюда входятъ такіе важныя отдѣлы, какъ біографія Сократа и Созомена. Положивъ массу трудовъ и времени на обработку этихъ двухъ частей, хотя и стоящихъ внѣ прямого отношенія къ темѣ, но не лишенныхъ научнаго значенія, онъ отнялъ у себя всякую возможность представить законченный и всесторонне обработанный трудъ. Но это не значитъ того, что онъ представилъ что-нибудь

ничтожное и малозначительное. Напротивъ, начиная съ второй главы (254 стр.), гдѣ авторъ собственно и приступаетъ къ изученію избранной имъ темы, его работа идетъ самостоятельнымъ путемъ, блещетъ разнообразіемъ фактовъ и оригинальныхъ наблюденій и развивается по строго научному методу. Онъ изучилъ обоихъ историковъ во всѣхъ ихъ деталяхъ, также хорошо въ частностяхъ и мелочахъ, какъ и въ общихъ руководящихъ идеяхъ. Вопросъ объ источникахъ, какими пользовались оба историка, о распредѣленіи излагаемаго въ нихъ историческаго матеріала и причинахъ, вызвавшихъ его,—все это здѣсь изслѣдовано во всей точности и съ привлеченіемъ всѣхъ, имѣющихся въ наукѣ изслѣдованій и научныхъ пособій. Зависимость Созомена отъ Сократа, давно уже отмѣченная наукой, въ сочиненіи Вышеславова раскрыта съ такою картинною яркостью, какого она не достигала ни у одного изъ его предшественниковъ по изученію этого вопроса. Во всѣхъ этихъ пунктахъ авторъ идетъ по проторенному пути, хотя ни мало и не теряетъ своей самостоятельности. Но важно то, что его основная задача лежитъ въ другой области—въ настойчивомъ стремленіи доказать самобытность исторіи Созомена и его преимущественное предъ Сократомъ значеніе для изученія церковно-историческихъ явленій IV и половины V вѣка,—тезисъ, стоящій въ значительномъ противорѣчьи съ общепризнаннымъ теперь результатомъ въ церковно-исторической наукѣ, и тотъ сравнительный матеріалъ, который еще удалось собрать г. Вышеславу на стр. 314—339, показываетъ, что выставленный имъ основной тезисъ касательно историческаго значенія Созомена не такъ безнадеженъ въ отношеніи къ аргументаціи, какъ это кажется на первый взглядъ. Предлежащее сейчасъ сочиненіе Вышеславова требуетъ въ дальнѣйшемъ существенной переработки, которая должна состоять въ сокращеніи матеріала, въ исключеніи излишнихъ, не требуемыхъ прямо темой отдѣловъ (біографія Сократа и Созомена) и въ детальной и всесторонней обработкѣ намѣченнаго имъ плана, и тогда оно могло бы составить хорошую магистерскую диссертацию, и если бы даже тотъ основной тезисъ, который оно поставляетъ своей cardinalной цѣлью, оказался несостоятельнымъ, то и тогда оно по оригинальности замысла и всесторонности обработки

имѣло бы свою научную цѣнность. Но и въ своемъ теперешнемъ еще несовершенномъ видѣ сочиненіе, по своимъ достоинствамъ, вполне достаточно для того, что присудить автору степень кандидата богословія“.

2) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Во введеніи къ своему сочиненію г. Вышеславовъ даетъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о церковной историографіи вообще и о взаимномъ отношеніи Сократа и Созомена по литературѣ, относящейся къ этому предмету. Въ первомъ отдѣлѣ главной части работы сообщаются біографическія свѣдѣнія о Сократѣ и Созоменѣ, а во второй подробно разсматривается вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ этихъ авторовъ и выясняется степень зависимости Созомена отъ Сократа. На этомъ обрывается сочиненіе г. Вышеславова. На стр. 343—346 онъ набросалъ лишь краткій и схематичный планъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Изъ него видно, какъ широко и научно понялъ онъ свою задачу, но въ то же время становится яснымъ, что къ ея осуществленію, въ строгомъ смыслѣ, онъ не успѣлъ еще и приступить, а ограничился лишь вступленіемъ къ своему критическому труду. Такая неполнота, въ виду очень широкаго замысла автора, въ нѣкоторой степени является извинительной, хотя и не можетъ не возбуждать въ рецензентѣ естественнаго сожалѣнія.

Переходя къ оцѣнкѣ той части труда, которая представлена авторомъ въ законченной обработкѣ, нужно сказать, что она обнаруживаетъ въ немъ и трудоспособность, и интересъ къ вопросу, и хорошее знакомство съ источниками и литературой предмета. На каждой почти страницѣ мы встрѣчаемъ рядъ детальныхъ сопоставленій двухъ разсматриваемыхъ памятниковъ, по каждому почти вопросу приводятся разнообразныя мнѣнія изслѣдователей, критически взвѣшиваются и провѣряются. Отсюда все изложеніе приобретаетъ характеръ документальности и строгой обоснованности. Заслуживаетъ особаго одобренія сжатость изложенія и связанная съ ней содержательность труда. При наличности этихъ достоинствъ главной части сочиненія довольно странной представляется сравнительная неудовлетворительность введенія. Здѣсь мы находимъ и неосновательныя замѣчанія

и самый языкъ не отличается ни правильностью, ни гибкостью.

Въ общемъ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе и даетъ автору право на получение степени кандидата богословія“.

б) Отзвымы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Теплова Василя* на тему: „Древне-русская женщина и отношеніе къ ней церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе г. Теплова написано по такому плану. Послѣ предисловія, въ которомъ устанавливается точка зрѣнія на вопросъ, въ I главѣ авторъ описываетъ формы брака у русскихъ славянъ, во II говоритъ о семейномъ положеніи древне-русской женщины, въ III объ ея имущественномъ положеніи и правоспособности, въ IV объ образованіи, ея вліяніи на общество и о воззрѣніяхъ на женщину, въ V о волшебствѣ женщины, въ VI объ отношеніи церкви къ женщинѣ, въ VII о причинахъ отрицательныхъ взглядовъ на нее.

Сочиненіе г. Теплова не лишено нѣкоторыхъ недостатковъ. У автора замѣтна тенденція нѣсколько идеализировать положеніе древне-русской женщины, а для этого ему приходится иногда дѣлать натяжки, напр. въ IV главѣ объ образованности женщины; встрѣчаются мелкіе ошибки и недосмотры (стр. 26, 40, 51, 54 сн. 58, 181, 197). Но недочеты съ излишкомъ искупаются выдающимися достоинствами труда. Очень хорошо знакомый съ литературою по женскому вопросу, авторъ не только прочелъ ее, но и основательно усвоилъ. Съ большимъ усердіемъ онъ собралъ показанія разнообразныхъ источниковъ древней письменности, рисующія положеніе женщины. То и другое дало ему возможность широко поставить изученіе предмета, тонко разобраться въ показаніяхъ источниковъ, высказать если не всегда безспорную, то постоянно продуманную и прочувствованную свою мысль по тому или иному частному предмету, сказать свое сужденіе. Наиболѣе удачными надо признать разсужденія о томъ, почему третій бракъ со временемъ церковь начала дозволять (64), о терминѣ „княжее“ и явленіи, которое за нимъ скрыто (79—80), о словахъ „о злыхъ женахъ“ (208). Все это сообщаетъ большой интересъ сочиненію, которое

читается до конца съ неослабнымъ вниманіемъ. Изложеніе сжатое, почти всегда точное, нерѣдко художественное.

По всему сказанному сочиненіе г. Теплова надо признать выдающейся кандидатской работой“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе представляетъ собою въ точномъ смыслѣ слова научно-историческую монографію.

Слѣдующія положительныя свойства его производятъ на рецензента впечатлѣніе удовлетворенности:

а) Очень широкая начитанность автора, о чемъ ясно свидѣтельствуеетъ цитация, составляющая нижній этажъ сочиненія.

б) Глубокая вдумчивость автора въ изучаемый матеріаль, обнаруживающаяся тонкимъ анализомъ текста первоисточниковъ и критическимъ отношеніемъ къ готовымъ изслѣдованіямъ по данному предмету.

в) Послѣдовательное связанное изложеніе отдѣльныхъ частей и тщательная обработка рѣчи, ясной, точной, сжатой и мѣстами положительно-изящной.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

Справка: 1) Воспитанники Московской Духовной Академіи *Вышеславоѡ* Дмитрій и *Теплоѡ* Василій окончили академическій курсъ въ минувшемъ 1910-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на получение степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ *Вышеславоѡ* Дмитрій имѣетъ балль $4\frac{1}{2}$.—3) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска 1910 года *Вышеславоѡ* Дмитрія и *Теплоѡ* Василя удостоить степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ *Вышеславоѡ* права при исканіи степени магистра не дер-

жать новыхъ устныхъ испытаній,—о чемъ и представить на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

XV. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Апр. 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—прошеніе на имя Его Высокопреосвященства бывшего студента IV курса Академіи *Максимиліана Труфанова*.

„Вычеркнутый по Совѣту Академіи изъ списка студентовъ настоящаго 66 го оканчивающаго курса, я, Ваше Высокопреосвященство, никакъ не могу успокоиться и примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣ придется провести еще годъ въ условіяхъ академическаго общежитія, которыя вредно отзывались и отзываются на моемъ и безъ того слабомъ организмѣ и при которыхъ всякій умственный трудъ дѣлается для меня совершенно невозможнымъ. Только желая избѣжать этихъ неблагоприятныхъ для меня условій и для успѣшности кандидатской работы, я 15 декабря 1910 года удалился въ тихія и уединенныя царицынскія кельи. И удалился на законномъ основаніи, а не сбѣжалъ, какъ это въ свое время сообщалось въ московскихъ газетахъ и притомъ безъ уважительной причины. На самомъ же дѣлѣ, отъѣзжая 15 декабря изъ Академіи, я, въ виду того, что лично Преосвященнаго Ректора нельзя было видѣть, оставилъ въ квартирѣ Его прошеніе о двухмѣсячномъ отпускѣ и удостовѣреніе академическаго врача о болѣзни, но послѣднее въ силу какихъ-то совершенно непонятныхъ для меня причинъ не было вручено Преосвященному Θεодору. Между тѣмъ я въ теченіи одного мѣсяца спокойно ожидалъ какой-либо резолюціи, не предполагая того, что мои ожиданія, понятно почему, должны оказаться тщетными. По истеченіи довольно продолжительнаго времени, не получая изъ Правленія Академіи никакого увѣдомленія на мое прошеніе отъ 15 Декабря 1910 года, я взялъ отъ царицынскаго врача и царицынскаго благочиннаго удостовѣренія о болѣзни, которыя предполагалъ представить Правленію Академіи лично, по своемъ возвращеніи въ стѣны Академіи послѣ болѣзни, что раньше въ жизни Академіи бывало нерѣдко. Въ это время до меня частнымъ образомъ дошли слухи о состояв-

шемся постановленіи Правленія Академіи о моемъ увольненіи. Я поспѣшилъ отпратьвить удостовѣренія по почтѣ, но было уже поздно. Когда же снова представилъ свои удостовѣренія въ Совѣтъ отъ 16-го Марта 1911 года, Совѣтъ Академіи, не справившись съ врачами, призналъ, по причинамъ только Ему одному и Богу извѣстнымъ, мои удостовѣренія фиктивными, не заслуживающими вниманія, и безпощадно рѣшилъ меня выбросить изъ списка студентовъ настоящаго IV-го курса, оторвавши меня навсегда отъ моихъ товарищей, съ которыми я въ теченіи четырехъ лѣтъ свыкъся настолько, что имѣлъ одно сердце и одну душу.—Измученный и подавленный отъ Рождества и до Святой Пасхи преслѣдовавшими меня неудачами, я покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Высокопреосвященство, принять близко всѣ вышеизложенныя обстоятельства къ своему Святительскому сердцу и проявить Свою Архипастырскую милость въ ходатайствѣ и заступленіи предъ Совѣтомъ ввѣренной Вамъ Академіи о смягченіи постигшей меня кары. Я-же еще разъ повторяю, что въ преступленіи, допущенномъ мною, виновать не столько я лично, сколько несчастное стеченіе обстоятельствъ. Я былъ увѣренъ и вполне спокоенъ за свою участь потому, что отсутствовалъ по болѣзни. А болѣзнь, насколько и мнѣ извѣстно, и уставомъ Духовной Академіи признается уважительной причиной и не можетъ служить препятствіемъ къ допущенію меня къ экзаменамъ, хотя и было упущено много времени. Кто можетъ поручиться, что я на тотъ годъ не заболѣю“.

Справка: 1) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Правленія Академіи отъ 27 января текущаго 1911 года, студентъ IV курса Максимиліанъ *Труфановъ*, выбывшій въ отпускъ на Рождественскія каникулы 16-го декабря 1910 года, но неявившійся изъ онаго въ Академію болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій никакихъ свѣдѣній о причинѣ своей неявки, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738, уволенъ былъ изъ числа студентовъ Академіи, при чемъ обратное принятіе его въ Академію, на основаніи того же Синодальнаго опредѣленія, поставлено было въ зависимость отъ усмотрѣнія Совѣта Академіи.—

2) По выслушаніи въ собраніи 16-го марта 1911 года про-

шенія бывшего студента Труфанова, отъ 25 февраля 1911 г., съ приложеніемъ удостовѣреній объ его болѣзни врача 1-го участка Царицынскаго земства и благочиннаго церквей г. Царицына, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить Максимилиана Труфанова обратно въ списки студентовъ IV курса Академіи, но,—въ виду его болѣе, чѣмъ двухмѣсячнаго отсутствія изъ Академіи,—лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года“, каковое постановленіе и утверждено было резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 14 апрѣля 1911 года.—3) Въ собраніи Совѣта Академіи 19 апрѣля с. г. заслушано было новое прошеніе Труфанова, на имя Преосвященнаго Ректора Академіи, объ исходатайствованіи ему у Совѣта Академіи смягченія его участи и допущенія къ выпускнымъ испытаніямъ въ текущемъ 1911-мъ году, при чемъ Совѣтомъ постановлено было: „Не усматривая основаній къ измѣненію постановленія отъ 16 марта сего года относительно обратнаго зачисленія Максимилиана Труфанова въ списки студентовъ IV курса лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года, тѣмъ болѣе, что онъ не посѣщалъ лекцій и не участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ въ теченіи всего 2-го полугодія настоящаго учебнаго года,—просьбу Труфанова о допущеніи его нынѣ же къ сдачѣ выпускныхъ испытаній отклонить“. Заслушанною въ настоящемъ собраніи резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 10 мая сего года (ст. VI сего журнала)—журналь собранія Совѣта 19 апрѣля 1911 года, за № 6,—утвержденъ.—4) По выслушаніи настоящаго прошенія бывшего студента IV курса Академіи Максимилиана Труфанова на имя Его Высокопреосвященства, Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи заявлено было, вопреки утвержденіямъ Труфанова, что онъ, Преосвященный Ректоръ, возвратился въ Сергіевскій Посаль изъ служебной поѣздки въ С.-Петербургъ вечеромъ 14-го декабря 1910 года, т. е. почти за два дня до выбытія Труфанова изъ Академіи; прошенія, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства, ни отъ самого Труфанова, ни отъ келейника не получалъ, не нашелъ ихъ и впослѣдствіи въ своихъ бумагахъ и вообще считаетъ поступокъ студента Труфанова, бывшего изъ Академіи въ продолжительный отпущъ, не

принявъ всѣхъ доступныхъ ему мѣръ къ полученію надлежащаго на то разрѣшенія,—непорядкомъ и нарушеніемъ правилъ академической дисциплины.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи и нынѣ не усматриваетъ основаній къ отмѣнѣ своего двукратнаго постановленія, утвержденаго Его Высокопреосвященствомъ,—о принятіи Максимиліана Труфанова въ число студентовъ IV курса Академіи лишь съ начала будущаго 1911—1912 учебнаго года.—2) Въ виду того, что М. Труфановъ, какъ видно изъ заявленія Преосвященнаго Ректора, позволилъ себѣ въ прошеніи, поданномъ Его Высокопреосвященству, представить фактъ своей самовольной отлучки въ отпускъ въ ложномъ освѣщеніи, и обращая вниманіе на самый тонъ прошенія, содержащаго въ себѣ по отношенію къ Совѣту Академіи выраженія, неприличныя въ устахъ студента,—передать означенный поступокъ Труфанова на разсмотрѣніе Правленія Академіи въ дисциплинарномъ отношеніи.

XVI. Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что воспитанникъ Егорьевской гимназіи *Николай Бѣляевъ*, по указу Святѣйшаго Синода отъ 12 октября 1910 года за № 14051 имѣющій быть принятымъ въ число студентовъ I курса Академіи по успѣшной сдачѣ повѣрочнаго испытанія лишь по греческому языку и постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 19 апрѣля с. г. допущенный къ сдачѣ означеннаго испытанія до лѣтнихъ каникулъ, успѣшно выдержалъ оное и получилъ балль 4.

Справка: По § 110 лит. б п. 7 устава духовныхъ академій „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять воспитанника Егорьевской гимназіи, вольнослушателя Академіи Николая *Бѣляева* въ число студентовъ I курса Академіи, съ назначеніемъ ему на 1911—1912 учебный годъ *казенной* стипендіи.

XVII. Прошеніе окончившаго курсъ юридическихъ наукъ, съ дипломомъ I-ой степени, въ университетскомъ отдѣленіи Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, отставнаго Титулярнаго Совѣтника, *Николая Дабича*.

„Прилагая при семъ: 1) дипломъ Испытательной Юридической Коммисіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, выданный 16 сентября 1900 года, за № 21,272; 2) метрическое о моемъ рожденіи и крещеніи свидѣтельство Полтавской Духовной Консисторіи отъ 9 февраля 1887 года, за № 1117; 3) свидѣтельство Полтавскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія отъ 5 ноября 1901 года, за № 1284; 4) свидѣтельство Харьковскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія отъ 12 іюня 1906 года, за № 150; 5) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку, выданное Полтавскимъ уѣзднымъ по воинской повинности Присутствіемъ 12 Августа 1894 года, за № 1120; 6) увольнительный билетъ по воинской повинности; 7) копию указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 28 февраля 1911 года, за № 2935, о расторгненіи моего брака; 8) копию рѣшенія С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 25/27 января 1911 года, за № 81, о расторгненіи моего брака; 9) аттестатъ о моей службѣ, выданный Государственною Канцеляріею 3 іюня 1911 года, за № 1640 и 10) выписку изъ приказа Г. Государственнаго Секретаря отъ 27 мая 1911 года, за № 8, объ увольненіи меня отъ службы,—честь имѣю почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство о принятіи меня въ число студентовъ I-го курса Московской Духовной Академіи, безъ провѣрочныхъ испытаній, своекоштнымъ“.

Справка: Устава духовныхъ Академій § 141, *примѣчаніе:* „Лица, окончившія съ успѣхомъ полный курсъ наукъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, принимаются въ Академію безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштными, при желаніи же получить какую либо стипендію подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ наравнѣ съ прочими“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять окончившаго полный университетскій курсъ съ дипломомъ I-ой степени, отставнаго Титулярнаго Совѣтника, *Николая Дабича* въ число

своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи безъ повѣрочныхъ испытаній.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Іюня 21. По ст. XVI и XVII. Вольнослушателя Академіи Николая Бѣляева и отставного Титулярнаго Совѣтника Николая Дабича разрѣшается принять въ число студентовъ на изложенныхъ условіяхъ. Прочее читано и утверждается“.

7 іюня 1911 года.

№ 14.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ; сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табель балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученнымъ за истекшій 1910—1911 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) *Изъ 57 студентовъ I курса:* а) студентъ *Покровскій Сергѣй*, рекомендованный къ поступленію въ Академію Правленіемъ Калужской духовной семинарии, но въ теченіи вакаціоннаго времени минувшаго 1910 года заболѣвший нервнымъ разстройствомъ и потому зачисленный, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 августа 1910 года, въ списки казенно-

коштныхъ студентовъ I курса лишь подь условіемъ признанія его академическимъ врачомъ, по явкѣ въ Академію, способнымъ къ продолженію академическаго образованія,— въ теченіе всего 1910—1911 учебнаго года въ Академію не являлся; б) студентъ *Рудичъ* Василій, также рекомендованный Правленіемъ Подольской духовной семинаріи, заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ въ концѣ перваго полугодія 1910—1911 учебнаго года, и потому представилъ изъ письменныхъ работъ лишь одно третное сочиненіе и проповѣдь, а устныхъ испытаній не держалъ вовсе; в) студентъ *Мешерскій* Константинъ не держалъ устнаго испытанія по нѣмецкому языку (какое и просить отложить на послѣканикулярное время) и, кромѣ того, на одномъ третномъ сочиненіи (по церковно-славянскому языку) получилъ баллъ 2+; г) студентъ *Постниковъ* Сергѣй получилъ на третномъ сочиненіи по церковно-славянскому языку баллъ 2. д) Поведеніе тридцати семи студентовъ I курса за 1910—1911 учебный годъ отмѣчено балломъ 5, четырнадцати—балломъ 5— и пяти—балломъ 4^{1/2} (студентъ *Покровский* Сергѣй, проведеній весь годъ внѣ Академіи, балла по поведенію не имѣеть).

2) Изъ 56 студентовъ II курса—а) студентъ *Ивановъ* Петръ не держалъ, по болѣзни, устныхъ испытаній по Священному Писанію Новаго Завѣта, исторіи русской церкви и исторіи философіи, каковыя и просить отложить на послѣканикулярное время.—б) Поведеніе тридцати шести студентовъ II курса за 1910—1911 учебный годъ отмѣчено балломъ 5, двѣнадцати—балломъ 5— и восьми—балломъ 4^{1/2}.

3) Изъ 71 студентовъ III курса: а) не держали устныхъ испытаній студенты—*Ильинскій* Николай (по Священному Писанію Новаго Завѣта, исторіи древней церкви и исторіи русской церкви), *Максимовъ* Александръ (по исторіи древней церкви) и *Телятьевъ* Валеріанъ (по исторіи древней церкви).—Всѣми поименованными студентами представлены въ Совѣтъ Академіи прошенія о разрѣшеніи имъ сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ.—б) Поведеніе сорока семи студентовъ III курса за 1910—1911 учебный годъ отмѣчено балломъ 5, четырнадцати—балломъ 5—, восьми—балломъ 4^{1/2} и двухъ—балломъ 4+.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій 1910 года—

а) § 162: „По окончаніи переходныхъ испытаній составляется списокъ студентовъ каждаго курса по ихъ успѣхамъ и дѣлается постановленіе о переводѣ студентовъ въ слѣдующіе курсы“.

б) § 163: „При составленіи порядковаго списка принимаются во вниманіе не только устные отвѣты студентовъ на экзаменахъ, достоинство третнихъ сочиненій, проповѣдей и поведеніе, но и успѣхи въ практическихъ занятіяхъ и на репетиціяхъ, которые отмѣчены въ годичномъ спискѣ преподавателя“.

в) § 164: „Достоинство устныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ и письменныхъ работъ отмѣчается баллами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно, 1—слабо“.

г) § 165: „Студенты, оказавшіе въ теченіе года успѣхи по устнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ и по письменнымъ работамъ не ниже удовлетворительныхъ, переводятся на слѣдующіе курсы. Одинъ неудовлетворительный баллъ (2) на устномъ отвѣтѣ или на письменной работѣ не препятствуетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, если въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ онъ будетъ имѣть не менѣе 4. При двухъ и болѣе неудовлетворительныхъ и слабыхъ баллахъ (2 и 1) студентъ подлежитъ увольненію изъ Академіи или оставляется, по усмотрѣнію Совѣта, на повторительный курсъ, съ лишеніемъ стипендіи, буде такая была назначена; оставленіе студента на второй годъ въ томъ же курсѣ допускается только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи“.

д) § 166: „Въ случаѣ болѣзни, студентъ можетъ быть оставленъ по усмотрѣнію Совѣта Академіи на второй годъ въ томъ же курсѣ безъ лишенія стипендіи, но тоже только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи“.

Въ виду нѣкоторыхъ затрудненій, возникшихъ при примѣненіи къ студентамъ, получившимъ на устныхъ испытаніяхъ или на письменныхъ работахъ не вполне удовлетворительныя баллы, требовацій § 165-го академическаго устава,—вопросъ этотъ подвергнутъ былъ особому обсужденію, послѣ котораго открытымъ голосованіемъ постановлено было: баллъ 2⁺ при-

числить къ неудовлетворительнымъ, а баллы $2\frac{1}{2}$ —къ удовлетворительнымъ балламъ.

2) Студенты I курса *Мещерскій* Константинъ и *Постниковъ* Сергѣй, получившіе неудовлетворительныя баллы на третнихъ сочиненіяхъ по церковно-славянскому языку,—въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ имѣютъ *меньше 4*.

3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

4) По § 110 лит. а. пп. 15—16 устава духовныхъ академій „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значатся въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ на просмотръ мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство устныхъ отвѣтовъ студентовъ I, II и III курсовъ Академіи на экзаменахъ, успѣхи ихъ въ практическихъ занятіяхъ, достоинство третнихъ сочиненій и проповѣди и поведеніе,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *во II-й курсъ*—студентовъ I курса: 1) Садковского Георгія, 2) Плотникова Александра, 3) Соколова Михаила (Москов.), 4) Струмѣнскаго Михаила, 5) Волкова Бориса, 6) Подлужкаго Ивана, 7) Попова Тихона, 8) Виноградова Николая, 9) Козырева Сергѣя, 10) Яреценко Александра, 11) Залѣскаго Сергѣя, 12) Смоленскаго Алексѣя, 13) Орлова Василія, 14) Оглоблина Аркадія, 15) Лобова Гавріила, 16) Паргачевскаго Алексѣя, 17) Лебедева Александра, 18) Четыркина Ивана, 19) Цуйманова Александра, 20) Синева Николая, 21) Руберовскаго Михаила, 22) Сергіевскаго Николая, 23) Иванова Александра, 24) Богоявленскаго Николая, 25) Соболева Василія, 26) Устинова Павла, 27) Лебедева Николая, 28) Соколова Михаила (Виѣ.), 29) Авраменко Михаила, 30) Скворцова Константина, 31) Дьякова Святослава, 32) Глаголева Николая, 33) Голобородько Михаила, 34) Добрава Георгія, 35) Введенскаго Пантелеимона, 36) Бѣляева Тихона, 37) Ва-

силевскаго Ивана, 38) Тихомірова Александра, 39) Берникова Сергѣя, 40) Зыкова Вячеслава, 41) Пятикрестовскаго Сергѣя, 42) Вознесенскаго Александра, 43) Ярошевича Евгенія, 44) Левковскаго Александра, 45) Лилеева Константина, 46) Кузнецова Павла, 47) Лобанова Василя, 48) Іеромон. Іоанна (Маргіева), 49) Нечаева Тихона, 50) Величкина Алексѣя, 51) Тихомирова Константина, 52) Ключарева Василя, и 53) Крылова Дмитрія.

б) въ III курсѣ—студентовъ II курса: 1) Андреева Θεодора, 2) Свящ. Чернова Іоанна, 3) Архангельскаго Алексѣя, 4) Кряжимскаго Александра, 4) Никольскаго Николая, 6) Кочанова Николая, 7) Ремезова Александра. 8) Свящ. Прозорова Николая, 9) Романова Александра, 10) Бойкова Николая, 11) Веселова Ивана, 12) Свящ. Вышеславова Михаила, 13) Свящ. Сокольскаго Павла, 14) Мальгина Павла, 15) Курсина Анатоля, 16) Гражданскаго Тихона, 17) Скворцова Сергѣя, 18) Сидоренкова Алексѣя, 19) Виноградова Сергѣя, 20) Виноградова Павла, 21) Свящ. Соколова Іоанна, 22) Зыкова Ивана, 23) Соколова Николая, 24) Лебедева Николая, 25) Шишковскаго Алексѣя, 26) Свящ. Полякова Іоанна, 27) Пылаева Владиміра, 28) Левкоева Владиміра, 29) Аболенскаго Александра, 30) Троицкаго Анатоля, 31) Часоводова Ивана, 32) Благовѣщенскаго Викторина, 33) Полунина Михаила, 34) Тихомірова Александра, 35) Шмелева Василя, 36) Олесевича Сергѣя, 37) Корневскаго Анатоля, 38) Милонидова Ивана, 39) Іюнина Александра, 40) Бондарева Θεодота, 41) Рождественскаго Сергѣя, 42) Канделаки Мелхиседека, 43) Веселовскаго Александра, 44) Августова Дмитрія, 45) Свящ. Черникова Николая, 46) Сперанскаго Василя, 47) Лисняка Діонисія, 48) Яснева Петра, 49) Введенскаго Александра, 50) Годеновскаго Василя, 51) Зедгенизева Василя, 52) Богдановича Ивана, 53) Миртова Владиміра, 54) Глинскаго Ивана, 55) Семенова Андрея.

в) въ IV курсѣ—студентовъ III курса: 1) Ремова Николая, 2) Мигулина Александра, 3) Голованенко Сергѣя, 4) Муратова Василя, 5) Свящ. Безсонова Николая, 6) Грацинскаго Ивана, 7) Свящ. Смирнова Порфирія, 8) Свящ. Соколова Алексѣя, 9) Богоявленскаго Сергѣя, 10) Свящ. Иванова Александра, 11) Курганскаго Михаила, 12) Чайкина Георгія, 13) Носова

Константина, 14) Свящ. Коновалова Юсифа, 15) Свящ. Ефремова Михаила, 16) Руднева Николая, 17) Свящ. Лукьянова Михаила, 18) Сахарова Сергѣя, 19) Яхонтова Дмитрія, 20) Орлова Василия, 21) Левкоева Николая, 22) Реутова Валентина, 23) Рязановскаго Θεодора, 24) Свящ. Добровольскаго Василя, 25) Хотовицкаго Александра, 26) Свящ. Архангельскаго Леонида, 27) Никольскаго Василия, 28) Свящ. Андреевскаго Александра, 29) Брянцева Леонида, 30) Писова Стефана, 31) Свящ. Лебедева Константина, 32) Степанова Андрея, 33) Успенскаго Ивана, 34) Даниловскаго Александра, 35) Епифановича Григорія, 36) Свящ. Овсянникова Григорія, 37) Алексѣева Павла, 38) Троицкаго Виктора, 39) Успенскаго Александра, 40) Соболева Владиміра, 41) Прилуцкаго Сергѣя, 42) Сперанскаго Михаила, 43) Титова Алексѣя, 44) Тихомирова Павла, 45) Свящ. Владимірскаго Алексѣя, 46) Изюмова Ивана, 47) Свящ. Ильинскаго Михаила, 48) Перехвальскаго Валентина, 49) Маркова Владиміра, 50) Новгородскаго Павла, 51) Соловьѣва Ивана, 52) Свящ. Надеждина Александра, 53) Свящ. Авдашкевича Петра, 54) Уметскаго Петра, 55) Виноградова Михаила, 56) Ивановскаго Семена, 57) Петропавловскаго Василия, 58) Свящ. Люстрицкаго Михаила, 59) Любимова Θεодора, 60) Иванова Константина, 61) Чернышева Ивана, 62) Рязановскаго Сергѣя, 63) Свящ. Михальчука Евстафія, 64) Мацкевича Юсифа, 65) Прокоповича Бориса, 66) Введенскаго Ивана, 67) Іером. Серафима (Іовановича) и 68) Вершинскаго Николая.

2) Студентовъ І курса *Покровскаго Сергѣя* и *Рудича* Василия оставить въ І курсѣ на второй годъ по болѣзни, съ лишеніемъ ихъ *каземныхъ* стипендій, которыя должны перейти къ слѣдующему курсу (LXX), имѣющему образоваться въ августѣ мѣсяцѣ сего 1911 года.

3) Студентовъ того же І курса *Мещерскаго Константина* и *Постникова Сергѣя* оставить въ І курсѣ на второй годъ по неуспѣшности.

4) Студентамъ: ІІ курса—*Иванову* Петру и ІІІ курса—*Ильинскому* Николаю, *Маѣсимову* Александру и *Телятьеву* Валеріану разрѣшить сдать устный испытанія по вышеупомянутымъ предметамъ послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1911 года,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Востхвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣннн вѣдомости оказалось, что изъ 55 студентовъ IV курса—1) 31 студентъ (изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ кандидатскія сочиненія) имѣютъ, въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ баллъ не менѣе 4¹/₂, 18—не менѣе 4 и 1—не менѣе 3; 2) пять студентовъ: *Вавресюкъ* Иванъ, *Давидовичъ* Владиміръ, *Покровскій* Александръ, *Скворцовъ* Владиміръ и *Шумъ* Андрей—не представили кандидатскихъ сочиненій; 3) поведеніе сорока четырехъ студентовъ IV курса за 1910—1911 учебный годъ отмѣчено балломъ 5, девяти—балломъ 5—и двухъ—балломъ 4¹/₂.

б) Отзвы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 50-ти студентовъ IV (LXVI) курса:

1) О сочиненіи студента *іеромонаха* *Феофила* (*Богоявленскаго*) на тему: „Ученіе аскетовъ о царствіи Божіемъ“.

а) Ректора Академіи *Епископа* *Феодора*:

„Святоотеческая, аскетическая письменность даетъ богатѣйшій матеріалъ для раскрытія даннаго темой вопроса. Основную точку зрѣнія на этотъ предметъ отцовъ-аскетовъ автору удалось уловить и выразить въ томъ основномъ положеніи, что Царство Божіе въ приложеніи къ человѣку не есть что-либо внѣшнее, а есть особый міръ его внутренней жизни, зиждущійся на благодатныхъ началахъ новой во Христѣ жизни и проявляющійся въ переживаніи имъ богообщенія на основѣ нравственнаго совершенства или святости. (1-я глава сочиненія). Какъ проявленіе въ исторической жизни человѣчества Царство Божіе есть Христова Церковь на землѣ (2 гл. сочиненія), имѣющая продолженіе своей жизни и на небѣ—въ Царствѣ Славы (3 гл.).

Вотъ основныя положенія святоотеческой мысли по вопросу о Царствѣ Божіемъ, которыя высказываетъ авторъ и которыя по нашему мнѣнію дѣлали для него задачу работы вполне опредѣленной, ясной и плановѣрной. Требовалось

всѣ эти три основныя положенія раскрыты на основѣ святоотеческой мысли въ строго опредѣленныхъ, точныхъ и послѣдовательно идущихъ частныхъ положеніяхъ. Справедливость требуетъ сказать, что автору не удалось это сдѣлать вполне удовлетворительно. Намъ прежде всего кажется, что ему не слѣдовало гнаться особенно за выписками подлинныхъ словъ того или иного святого отца для подтвержденія каждаго своего положенія. Можно было, усвоивъ общую святоотеческую мысль по извѣстному пункту, выразить ее сжато и кратко своими даже словами или же словами св. отца, но наиболѣе характерными, а остальное помѣтить указаніемъ просто цифровой цитатой. Помимо утомительности для чтенія сочиненіе получаетъ и очень расплывчатый характеръ. Выдержки составляютъ пожалуй не менѣе $\frac{4}{5}$ всего сочиненія. Характерна еще для работы автора какая то разбросанность мыслей въ раскрытіи имъ основныхъ положеній. Авторъ буквально скачетъ съ предмета на предметъ и чисто механически набираетъ все, что косвеннымъ или прямымъ образомъ относится къ главному положенію извѣстной главы его сочиненія. Это начинается прямо съ Введенія къ сочиненію. Трудно даже опредѣленно сказать, о чемъ авторъ говоритъ во Введеніи: по мѣстамъ оно даже совершенно не относится къ темѣ и довольно безсвязно. Здѣсь авторъ касается очень многихъ вопросовъ: и значенія въ подвижничествѣ разнаго рода добродѣтелей, и значенія для пастыря аскетическихъ твореній, и видовъ борьбы, есть у него только мимоходомъ и упоминаніе о значеніи аскетической литературы для выясненія идеи Царства Божія, о чемъ бы собственно и долженъ главнымъ образомъ во Введеніи говорить авторъ, но объ этомъ онъ только кратко говоритъ на стр. 26—27 соч. и сейчасъ же переходитъ къ сравненію аскетизма съ медициной (стр. 29). Трудно понять какъ все это относится къ темѣ, какъ предварительное слово къ существу изслѣдованія; а вѣдь это Введеніе занимаетъ цѣлыхъ 41 стр.

То же самое отсутствіе опредѣленной связи и послѣдовательности въ частныхъ положеніяхъ, необходимыхъ для раскрытія главнаго, наблюдается и въ 1-й и 2-ой гл. соч. Въ 1-й гл. есть даже немножко непонятное и странное положеніе: „какъ на свѣтъ человѣкъ рождается, говорить авторъ

въ опредѣленное время, такъ и возрожденіе его (разумѣется духовное) должно начаться въ опредѣленное время“ (стр. 44). Что авторъ этимъ хочетъ сказать,—дальше онъ не поясняетъ. Первая глава сочиненія по матеріалу обнимаетъ всю область аскетики, правда въ разбросанномъ видѣ. Авторъ, опредѣливъ Царство Божіе какъ внутреннее состояніе человѣка, выдержками изъ св. отцовъ и очень многочисленными изъясняетъ на протяженіи 200 стр.,—какъ создается въ человѣкѣ доброе настроеніе, въ чемъ подвигъ и какое значеніе имѣютъ разныя добродѣтели для нравственнаго совершенства, особенно смиреніе и любовь. При этомъ авторъ не столько *выясняетъ*, почему то или другое,—напримѣръ подвигъ,—необходимо для Царства Божія, а просто *утверждаетъ* и свое утвержденное положеніе подкрѣпляетъ цитатами изъ св. отцовъ. Вотъ почему чрезъ сочиненіе и не проходитъ то внутреннее объединеніе и связь, которая дается только уразумѣніемъ со стороны автора и выясненіемъ внутренней связи и зависимости частнаго отъ главнаго. Во 2-й главѣ авторъ говоритъ о Церкви болѣе по Вл. Соловьеву, Тарѣеву, Мартенсену, чѣмъ по св. отцамъ аскетамъ, при этомъ очень мало раскрыта мысль, что Церковь и Царство Божіе тождественны. Говорится собственно опять объ условіяхъ вступленія въ Царство Божіе—Церковь и въ большинствѣ повторяется то же, что и въ 1-й главѣ, только подъ другимъ словомъ Церкви, а не Царства Божія. Особенно здѣсь много говорится о покаяніи (297—340 стр.) и напрасно рѣчь объ этомъ не отнесена къ 1-ой главѣ, такъ какъ вѣдь покаяніемъ и начинается во внутреннемъ мірѣ человѣка то измѣненіе которое устрояетъ въ немъ Царство Божіе. Таковъ общій характеръ работы о. Теофила.

Мы не думаемъ отказать ему въ усердіи, которое видно изъ массы прочитаннаго имъ матеріала, опредѣленно подчеркнута, какъ главное достоинство работы, что сущность вопроса понята и рѣшена правильно.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Инспектора Академіи—профессора А. П. Шостыгина:

„Длинный перечень источниковъ и пособій, а главнымъ образомъ—множество цитатъ и буквальныхъ выписокъ изъ разныхъ твореній св. отцовъ-подвижниковъ, съ достаточною

убѣдительно говорить о томъ, что авторъ усердно поработалъ надъ данною ему темою.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы собранный имъ въ изобиліи матеріалъ былъ представленъ всегда въ строгомъ порядкѣ и безъ излишнихъ повтореній.

Иногда встрѣчаются въ сочиненіи и очень досадныя обмолвки (въ родѣ того, что Тертуліанъ называется *Св. Отцомъ* — стр. 31), и не совсѣмъ русскіе обороты рѣчи (напр.: „изучая по св. отцамъ о Царствіи Божіемъ, намъ пришлось обратить вниманіе“ — стр. 39).

Для степени кандидата богословія трудъ о. Теофила долженъ быть признанъ достаточнымъ“.

2) О сочиненіи студента священника *Борисова Василія* на тему: „Святитель Іоасафъ Горленко какъ пастырь“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Поскольку можно судить изъ предисловія къ настоящему сочиненію авторъ его поставилъ своей задачей сдѣлать какъ бы опытъ новаго типа жизнеописаній святыхъ угодниковъ Божіихъ. Онъ совершенно отрицательно относится къ тѣмъ методамъ и приѣмамъ, которые въ данныхъ случаяхъ практиковались прежде. „Мы составляемъ себѣ, говоритъ авторъ, представленіе о святомъ болѣе или менѣе субъективно и всегда хотимъ отмѣтить тѣ особенныя его достоинства, за которыя по нашему мнѣнію Господь, его прославилъ. Думается, что такое описаніе жизни святыхъ всегда недостаточно вѣрно и не всегда можетъ возстановлять намъ личность святого... Мы имѣемъ соблазнъ каждую отмѣченную Богомъ личность цѣнить цѣной рубрикъ и параграфовъ нашей науки „нравственнаго богословія“, и получается тогда, что мы регистрируемъ святого въ нашу вѣдомость, стараемся открыть въ немъ тѣ достоинства, которыя требуются наукой...“ и т. д. (XV стр.). Допускаемъ, что это мнѣніе автора о существовавшихъ и существующихъ приѣмахъ къ построенію историческихъ жизнеописаній святыхъ зародилось у автора на какихъ нибудь солидныхъ данныхъ, имъ правда не указанныхъ, но все-же не можетъ не назвать его слишкомъ общимъ и смѣлымъ. Вѣрнѣе всего авторъ хочетъ приписать себѣ нѣчто новое и какъ бы заранѣе наклеить марку высшаго достоинства на свою работу, прокладываящую какъ бы

новья пути научной разработки подобныхъ вопросовъ. А вотъ методъ и приемы самого автора, которыя онъ предположилъ примѣнить къ своему труду, какъ нѣчто болѣе совершенное. „Приступая къ описанію того, что сохранила людская память и мертвыя рукописи и книги о святителѣ Іоасафѣ, гов. авторъ, мы воздержимся отъ самомнѣнія, что мы поймемъ и можемъ понять его душу... мы только скромно попробуемъ глянуть на то, что можемъ видѣть въ исторической ночи, попробуемъ начертать больше вѣжливый его силуэтъ, разглядѣть по вѣшнему виду того, кто былъ храмомъ Св. Духа“ (XVI стр.). И скажемъ откровенно, что авторъ остался вполнѣ вѣренъ себѣ: онъ кажется даже и не дѣлалъ попытки понять душу Святителя, а все и смотрѣлъ въ историческую ночь, которая для него дѣйствительно темна и осталась бы темна, если бы на нее не пролили свѣта тѣ многочисленныя произведенія нашихъ ученыхъ изслѣдователей о эпохѣ жизни Св. Іоасафа въ ея церковной и политической сторонѣ, и особенно огромный матеріалъ о личности Свят. Іоасафа, который собранъ и изданъ кн. Жеваховымъ. Мы и оцѣниваемъ и можемъ оцѣнивать трудъ автора только съ этой исключительно точки зрѣнія собраннаго имъ историческаго матеріала, построенія, того историческаго фона и перспективы, на которыхъ появляется и дѣйствуетъ среди другихъ дѣятелей церковныхъ и личность Св. Іоасафа. Къ личности Святителя Іоасафа и его біографіи, выразимся такъ, стянуто все, относящееся въ этотъ періодъ къ государственной и церковной жизни. Но развѣ *Св. Іоасафъ центральная фигура этой эпохи въ ея политической и церковной сферѣ, развѣ онъ на все это имѣлъ вліяніе и со всемъ этимъ связанъ особенно какъ нибудь, а не такъ же, какъ и всякій другой его современникъ?* Всякій фактъ изъ жизни Святителя Іоасафа даетъ автору поводъ пускаться въ историческія церковно-политическія экскурсіи, а не касаться его постольку, поскольку онъ могъ выяснять личность Святителя въ ея типичности и опредѣленности ея облика. Личность-то Святителя сама по себѣ и осталась у автора не раскрытой: что въ ней главное, характерное, особенное и основное. Вѣдь и тема требовала создать или возсоздать образъ Св. Іоасафа какъ Пастыря. Это автору не удалось въ достаточной мѣрѣ именно благодаря принятому имъ методу

и старанію прояснить темноту исторической ночи, которая темнѣе или свѣтлѣе конечно въ зависимости отъ освѣдомленности каждаго въ прошломъ нашей русской жизни. Авторъ предположилъ, что всѣ такъ же видятъ въ этой исторической дали, какъ и онъ, т. е. плохо. Методъ автора можетъ быть примѣненъ рѣшительно ко всякому человѣку, даже и не извѣстному, и можетъ получиться солидное изслѣдованіе. Вѣдь можно даже о самомъ авторѣ сочиненія написать громадный трудъ, перетряхивая и подтягивая всю современную ему исторію государственной и церковной жизни. Святитель Іоасафъ фигура и личность не общественная и государственная, а скромная личность пастыря Христова, личность великая *въ своемъ родѣ*, въ своемъ духѣ и типѣ и это гл. обр. нужно было ставить задачей труда.

Къ чему напр. авторъ, говоря о происхожденіи и воспитаніи Св. Іоасафа (1 гл.), подробно говоритъ о Малороссіи, о событіяхъ военныхъ; о Кіевскихъ митрополитахъ, о преемникахъ патріарха Адріана, о разныхъ распоряженіяхъ по церковнымъ дѣламъ, напр. объ изгнаніи іезуитовъ, о подготовкѣ къ секуляризаціи церк. имущества; подробно говоритъ не только о ректорахъ Кіевской Академіи, гдѣ учился Св. Іоасафъ, но трактуетъ подробно о методахъ богословствованія; перечисляетъ родословное древо Свят. Іоасафа: его бабки, дѣда, отца, матери; много говоритъ о консисторіяхъ и ихъ устройствѣ; а, напр. о годѣ рожденія Св. Іоасафа прямо не говоритъ. И все здѣсь является не случайнымъ предметомъ рѣчи, попутнымъ и взятымъ въ такой постановкѣ, что является необходимымъ для освѣщенія личности Св. Іоасафа, а просто грузомъ, которымъ авторъ думаетъ придать вѣсъ своей работѣ и который перетягиваетъ и затушевываетъ главное въ его работѣ.

Все это характерное въ самомъ началѣ его работы въ I-й главѣ, присуще и всей дальнѣйшей его работѣ въ остальныхъ VII главахъ. Авторъ, указывая мѣста служенія Св. Іоасафа, говоритъ и о томъ, что связано съ этимъ мѣстомъ или что можно вспомнить по поводу этого мѣста изъ исторіи церк. и госуд. жизни независимо отъ того былъ-ли даже здѣсь Св. Іоасафъ. Напр. авторъ очень подробно говоритъ о Лубенскомъ Межигорскомъ монастырѣ, гдѣ служилъ Святи-

тель; но матеріаль такой, что его можно приводить и въ томъ случаѣ, если-бы кто сталъ писать біографію келейника или повара Св. Іоасафа. Автору присуць отчасти поэтическій талантъ, посему онъ увлекается описаніемъ малороссійскихъ степей.

Самое важное для выясненія личности Св. Іоасафа это конечно служеніе его въ Бѣлгородѣ въ санѣ Епископа (V гл.). Но и здѣсь больше у автора свѣдѣнія объ епархіи, ея составѣ, населеніи, колонизаціи, громадныя—цѣлыми страницами—выдержки изъ соч. проф. Знаменскаго по вопросу о выборномъ на Руси духовенствѣ (10 страницъ), о Харьковскомъ Коллегіумѣ.

Въ VI гл. сочиненія цѣликомъ приведены сочиненіе Св. Іоасафа: „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертными“ и его проповѣдь на 25-ю недѣлю (одна проповѣдь съ 375—385 стр.).

Въ VII гл. сочиненія цѣликомъ указы Св. Іоасафа, иногда довольно большіе.

Искупаютъ всѣ эти недочеты автора нѣсколько 7-я часть 5-й гл., гдѣ авторъ, говоря о духовномъ подвижничествѣ Св. Іоасафа, все-же нѣсколько рисуетъ намъ личность Святителя и дѣлаетъ ее понятной и живой въ ея духовномъ обликѣ. А вѣдь въ сочиненіи автора есть случаи, которые давали ему возможность ярче обрисовать духовный обликъ Святителя.

На стр. 235 указывается отношеніе Св. Іоасафа къ лютеранству, о коемъ онъ говоритъ не иначе какъ „проклятый матеріализмъ“. Почему бы не указать въ Святителѣ ярко выраженный типъ православія; или яркій типъ „народолюбца“ въ христіански-идеальномъ смыслѣ этого слова. Едва-ли Св. Іоасафъ такъ относился къ идеямъ Дух. Регламента, какъ представляетъ авторъ (259 стр.). А что касается суровости Св. Іоасафа, такъ соблазняющей многихъ, то автору нужно было выводить ее изъ нравственнаго облика Святителя и въ его гармоніи искать объясненія этой суровости и примиренія съ ней, а не въ современномъ характерѣ жизни и уровнѣ развитія русскихъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Последнее конечно легче, и авторъ беретъ на себя только трудъ цѣлыми страницами выписывать относящееся сюда изъ соч. Ключевскаго и Филиппова (соч. „О наказаніяхъ по законод. Петра В. въ связи съ реформою“). Неужели-же Св. Іоасафъ дѣйствовалъ

только по формальному праву (см. стр. 415), а не по моральному гл. образомъ?

Скажемъ прямо, что авторъ увлекся методомъ своей работы и ступеваль личность Святителя, утопилъ ее въ массѣ внѣшняго матеріала.

Нужно ему отдать должное: онъ весьма добросовѣстно собралъ этотъ матеріалъ, проштудировалъ массу пособій и всякому читателю даетъ возможность обстоятельно познакомиться съ эпохой, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Св. Іоасафъ и съ жизнью и дѣятельностью самого Святителя, поскольку она проявилась въ его дѣятельности и оставшихся послѣ него официальныхъ бумагахъ административнаго характера по преимуществу и отчасти пастырски-учительнаго.

Степени кандидата богословія авторъ настоящаго сочиненія заслуживаетъ“.

б) Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостына*:

„О Бѣлгородскомъ святителѣ Іоасафѣ Горленко имѣется уже довольно обширная литература: собраны и изданы многочисленные матеріалы и документы, имѣющіе важное значеніе для біографіи и характеристики святителя,—есть немало и специальныхъ очерковъ жизни и дѣятельности его (въ духовныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ). Все это о. Борисовъ перечиталъ и изучилъ очень внимательно, при чемъ различныя событія въ жизни свят. Іоасафа старался понять и объяснить непременно въ связи съ событіями современной ему русской исторіи. Оттого сочиненіе его вышло велико по внѣшнимъ размѣрамъ (стр. XVIII+455 in folio), и въ самомъ содержаніи своемъ изобилуетъ множествомъ подробностей, не всегда имѣющихъ прямое отношеніе къ личности святителя Іоасафа.

Такихъ экскурсовъ обще-историческаго характера особенно много встрѣчается въ первыхъ четырехъ главахъ сочиненія, содержащихъ біографію св. Іоасафа до возведенія его въ санъ епископа Бѣлгородскаго.

Наиболѣе содержательной и интересной частью сочиненія представляются послѣднія четыре главы, изображающія жизнь и архипастырскую дѣятельность святителя въ Бѣлгородской епархіи, обрисовывающія его какъ проповѣдника и адми-

нистратора и заканчивающіяся общей характеристикой его личности.

Для степени кандидата богословія трудъ о. Борисова долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ“.

3) О сочиненіи студента *Венустова Александра* на тему: „Старчество въ древнихъ русскихъ монастыряхъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Для отвѣта на поставленный вопросъ авторъ задался цѣлью собрать возможно обильный матеріаль и перечиталъ почти все древне-русскія житія подвижниковъ не только изданныя, но и въ рукописяхъ академической и лаврской бібліотекъ. Добытый такимъ образомъ матеріаль расположенъ по монастырямъ въ хронологическомъ и топографическомъ порядкѣ. Выводы и обобщенія изъ данныхъ, приведенныхъ въ главной части труда, сдѣланы въ концѣ сочиненія. Они слѣдующіе. Въ русскихъ монастыряхъ старчество не было такимъ общимъ и распространеннымъ явленіемъ, какъ на востокѣ. Очень рѣдки указанія на исповѣдь помысловъ старцамъ. Съ паденіемъ монашескихъ нравовъ старчество естественно падаетъ. Ко времени Нила Сорскаго старческой путь былъ многимъ ненавистенъ. Въ XVI стол. старчество существовало какъ случайное, отрывочное, наносное явленіе, притомъ не въ формѣ строго организованной: не встрѣчаемъ вѣрности разъ избранному старцу, сожительства старца и ученика въ одной кельѣ, свободы выбора старца ученикомъ, безусловнаго владычества надъ душою послушника, и замѣстительства на судъ правды Божіей по отношенію къ послушнику, вообще не встрѣчаемъ возвышеннаго представленія о служеніи старца.

Нельзя не похвалить автора за самоотверженный трудъ въ изученіи житійной литературы и за собраніе ряда данныхъ по вопросу, совершенно незатронутому въ литературѣ. Но противъ его плана можно возразить: извѣстія о старцествѣ, расположенныя по монастырямъ, а не подобранныя по смыслу сообщаемыхъ свѣдѣній много теряютъ въ своей выразительности. Наиболѣе яркія данныя въ этомъ родѣ, напр. преданіе нѣкоего старца ученикомъ своимъ, напечатанное г. Серебрянскимъ—памятникъ появившійся въ Павло-

Обнорскомъ монастырѣ, или предписанія преп. Нила Сорскаго въ изложеніи г. Венустова получаютъ очень блѣдный и частный видъ. Поэтому, не отрицая значенія за такимъ хронологическимъ и топографическимъ обзоромъ (который можно бы сдѣлать короче), мы считали бы прямо необходимымъ связанный трактатъ о разныхъ сторонахъ старческаго института въ монастыряхъ древней Руси.

Помимо этого надо указать и слѣдующіе пробѣлы. Авторъ порой толкуетъ въ своемъ спеціальному смыслѣ общій терминъ „старець“ (—монахъ стр. 222—23), относится безъ всякой критики къ показаніямъ житій, давно уже критически разобраннымъ (Антонія Римлянина, Аврамія Ростовскаго), считаетъ какъ будто подлиннымъ уставъ Варлаама Хутынскаго, приводимый у Герберштейна.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Венустова, обнаруживающее рѣдкое трудолюбіе автора и содержащее цѣнныя данныя по изученному вопросу, надо признать вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Въ началѣ своего сочиненія г. Венустовъ перечисляетъ свои источники и пособія. Изъ этого перечня видно, что имъ использована не только литература, предмета, но и всѣ важнѣйшіе первоисточники, главнымъ образомъ житія русскихъ святыхъ, какъ изданныя такъ и сохранившіяся въ рукописныхъ сборникахъ. Самое изложеніе добытыхъ матеріаловъ убѣждаетъ въ томъ, что авторъ дѣйствительно и съ большой тщательностью изучилъ всѣ перечисленные имъ источники и пособія. Это требовало отъ него большого трудолюбія и усидчивости. Обильный матеріалъ, добытый путемъ анализа источниковъ, авторъ излагаетъ въ цѣломъ рядѣ трактатовъ объ отдѣльныхъ монастыряхъ. Въ этомъ лежитъ главный недостатокъ сочиненія, такъ какъ при подобномъ способѣ изложенія собранные авторомъ факты разсѣиваются и не даютъ общей картины старчества на Руси. Впрочемъ этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени уравновѣшивается заключительной главой, въ которой авторъ обобщаетъ все изложенное ранѣе. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

4) О сочиненіи студента священника *Виноградова Николая* на тему: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“.

а) И. д. доцента Академіи священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Держась обычнаго плана, о. Николай Виноградовъ въ первой (исагогической) части своего изслѣдованія трактуетъ объ имени и личности пр. Аггея, о социальномъ-политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи іудеевъ въ годы непосредственно слѣдующіе за окончаніемъ Вавилонскаго плѣна, о содержаніи и цѣли написанія книги, объ особенностяхъ ея изложенія, подлинности и каноническомъ достоинствѣ. Во второй (экзегетической) части онъ комментируетъ книгу пр. Аггея, раздѣливъ первую главу на два, а вторую на три отдѣла. Истолкованіе каждаго отдѣла предваряется краткимъ вступленіемъ; затѣмъ авторъ выписываетъ одинъ или два стиха пророческой книги по Синодальному переводу и обстоятельно изъясняетъ ихъ, опираясь на святоотеческіе и позднѣйшіе авторитетные комментаріи, нерѣдко вступая въ полемику съ представителями отрицательно-критическаго направленія; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дается грамматическое истолкованіе отдѣльныхъ словъ и выраженій подлинника и приводятся параллельно соотвѣтствующія выраженія важнѣйшихъ переводовъ.

Въ своей работѣ авторъ обнаружилъ близкое знакомство съ библейскимъ текстомъ вообще: имъ обильно приводятся параллели къ книгѣ пр. Аггея изъ всѣхъ библейскихъ книгъ; при выясненіи смысла того или другого подлиннаго выраженія онъ также дѣлаетъ многочисленныя ссылки на другія священныя книги, въ которыхъ употреблено данное выраженіе. При написаніи сочиненія использовано огромное количество пособій: комментаріи святоотеческіе и позднѣйшіе на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; а для первой части—большое число пособій историческаго содержанія. Конечно, можно въ этомъ отношеніи указать и пробѣлы: авторъ не использовалъ, напр., толкованій на пр. Аггея *Феодора Мопсуестійскаго*, *Кальвина* и другихъ извѣстныхъ западныхъ комментаторовъ, преимущественно прежняго времени; совсѣмъ не обращался онъ и къ англійскимъ комментаторамъ малыхъ пророковъ, каковы: *Pusey, Smith, Farrar*.

gar, Eiselen, Perowne, Maclaren и др. Но обстоятельнаго изученія западной литературы по любому вопросу библиологиче- ского въ теченіе одного года и при условіи выполненія других студенческихъ обязанностей нельзя и требовать.

Въ своихъ сужденіяхъ авторъ всюду основателенъ и послѣдователенъ, всюду стремится исчерпать вопросъ до конца. Къ пособіямъ относится критически; хотя, необходимо замѣтить, иногда, безъ особой нужды, полемизируетъ съ отрицателями тамъ, гдѣ можно бы ихъ сужденія оставить безъ возраженій (см. стр. 117 и слѣд., стр. 121). Разборъ подлинныхъ выраженій дается обстоятельный—при пособіи авторитетныхъ лексическихъ и грамматическихъ руководствъ и библейской симфоніи. Изрѣдка, впрочемъ, авторъ отступаетъ отъ этого порядка и, напр. на стр. 152—153, выясняя значеніе словъ: רַב־שׁוֹרֵר и רַב־רִי , довольствуется ссылками на комментаторовъ (ср. стр. 365—366).

О. Виноградовъ добросовѣстно изучилъ обширный матеріалъ, бывший у него подъ руками, и тщательно его обработалъ; а по чистотѣ и правильности языка рецензируемое сочиненіе, въ ряду кандидатскихъ работъ, представляетъ, безъ сомнѣнія, явленіе не частое.

Признавая высокое достоинство сочиненія о. Виноградова, рецензентъ не можетъ, однако, обойти молчаніемъ и его недостатковъ—по большей части, впрочемъ, несущественныхъ. Въ сочиненіи немало обширныхъ выписокъ изъ пособій (стр. 5—7, 156—157, 244—245, 280—282 и др.); въ немъ вообще велико количество цитатъ, иногда совершенно лиш- нихъ; автору чаще слѣдовало бы говорить отъ себя и сво- ими словами. Нерѣдко онъ, безъ всякой нужды, заимству- етъ цитаты изъ вторыхъ рукъ, безъ провѣрки (стр. 42—44, 54, 156—157, 289 и др.). Далѣе: въ разсматриваемомъ сочи- неніи не замѣчается соответствія между основнымъ текстомъ и примѣчаніями; есть страницы, гдѣ для текста не остается ни одной строки. Напр., о Зоровавелѣ и Шешбацарѣ умѣст- нѣе было бы подробно трактовать въ особомъ приложеніи, а не въ такомъ несоразмѣрно обширномъ примѣчаніи, зани- мающемъ около 11 страницъ (52—62, см. также стр. 114—120); или же слѣдовало, значительно сокративъ, помѣстить его въ текстъ. Наоборотъ, свѣдѣніямъ о мѣсяцахъ еврейскаго года мѣсто не въ текстъ, а въ примѣчаніи (стр. 174).

Въ сочиненіи есть замѣчанія, безъ которыхъ удобно было бы обойтись; съ другой стороны, не достаетъ разъясненій тамъ, гдѣ они необходимы. Есть въ сочиненіи положенія недостаточно обоснованныя, заявленія голословныя, утвержденія ошибочныя. На стр. 201 авторъ считаетъ нужнымъ объяснить, со ссылкой на еврейскую грамматику, что такое *constructio ad sensum*; между тѣмъ, согласованіе по смыслу свойственно и европейскимъ языкамъ и извѣстно всякому, изучившему элементарную русскую грамматику. Въ примѣчаніи на стр. 204 онъ рассуждаетъ: „Д предъ הוּ—не членъ, а вопросительная частица“... Это замѣчаніе совершенно излишне, потому что членъ предъ הוּ имѣлъ бы иную вокализацию. Еврейскія выраженія: הוּ-הוּ (стр. 195), הוּ הוּ הוּ (стр. 207), הוּ הוּ и др. (стр. 211) требовали болѣе обстоятельнаго разъясненія, на основаніи лексическихъ и грамматическихъ пособій. Возражая французскому изслѣдователю книги пр. Агея André, доказывающему неподлинность Агг. 2, 10—19 на основаніи, между прочимъ, различія въ словоупотребленіи въ этомъ отдѣлѣ и въ остальныхъ частяхъ книги, о. Виноградовъ беретъ только два примѣра, при чемъ по поводу одного лишь упрекаетъ André за то, что онъ приводитъ этотъ же примѣръ въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія; второй примѣръ касается собственно не столько языка пророческой книги, сколько ея содержанія; объ остальныхъ одиннадцати случаяхъ, приведенныхъ у André, авторъ только замѣчаетъ: „не болѣе удачны и другіе примѣры“: между тѣмъ эти примѣры показываютъ, что „одни и тѣ же предметы носятъ разныя названія у Агея и автора фрагмента“; здѣсь необходимо подробный разборъ приведенныхъ примѣровъ, и совершенно недостаточно голословнаго заявленія (стр. 155—156 и 137—138). На стр. 95 авторъ ссылается на Зах. 11, 3 для доказательства того, что „общество страдало отъ нападенія дикихъ звѣрей“: изъ текста этого совсѣмъ не видно. Также неудачна ссылка на Зах. 7, 5—6 на стр. 115. На стр. 161 о. Виноградовъ приводитъ рассужденіе г. Тюрина: „рѣчи всѣхъ пророковъ, какія бы бѣдствія ни предвѣщались послѣдними *избранному народу*, далеко не представляютъ изъ себя чего-либо подобнаго тому свитку Іезекииля, на которомъ было написано только „рыданіе, стонъ и горе“ (2, 10); напротивъ, пророкамъ было свойственно умѣ-

рять печальное радостнымъ и дѣйствовать на умы слушателей не только страхомъ грядущихъ золь и несчастій, но и возбужденіемъ надежды на лучшее будущее“. Нашъ авторъ находитъ позволительнымъ „сомнѣваться въ томъ, что обѣщаніе будущихъ благъ было обычнымъ заключеніемъ обличительныхъ пророческихъ рѣчей“ и, въ качествѣ примѣровъ, подтверждающихъ основательность его сомнѣнія, ссылается „на рѣчи Іезекіиля: „князю Тирскому“ (28 гл.), фараону (29—30 гл.)“. „Эти рѣчи вовсе лишены какого-либо славнаго обѣщанія“, замѣчаетъ онъ (стр. 161 и прим.). На стр. 197 פַּרְוֹתָו переведено чрезъ „къ дому“; по замѣчанію на стр. 184, לְשׂוֹאֵלָיו значитъ „испрошенный у Бога“. Наконецъ, продолжительность работъ по возсозданію храма опредѣляется невѣрно—въ три съ половиною года (стр. 389).

Со стороны изложенія, сочиненіе, какъ замѣчено выше, вообще не страдаетъ обычными недостатками кандидатскихъ работъ: непослѣдовательностью въ развитіи мыслей, повтореніями, недомолвками, противорѣчіями, грубостью языка, обиліемъ иностранныхъ словъ, погрѣшностями противъ орфографіи. Но нѣкоторыя частности можно поставить на видъ автору и въ данномъ отношеніи. На стр. 129 слову „лингвистика“ придано неподходящее значеніе; на стр. 151 вм. выраженія: „основаніемъ для признанія неподлинности“ слѣдовало употребить: „для отрицанія единства“; такъ какъ оспаривается принадлежность пр. Аггею только небольшого отдѣла книги его имени. Лат. dictio, по мнѣнію о. Виноградова, въ нѣм. (Diction) и русск. (дикція) имѣетъ тождественное значеніе (стр. 128); а поручителемъ называется тотъ, кто *даетъ* порученіе (стр. 244, 246). Неудобныя выраженія встрѣчаемъ на стр. 125, 273, 340, 351, 364.

Знаніе языковъ: еврейскаго, классическихъ, нѣмецкаго и французскаго авторъ обнаружилъ вполне достаточное. Однако, нѣкоторыя мелочи даютъ право подозрѣвать, что онъ не съ давняго времени и не постоянно имѣетъ дѣло съ книгами на иностранныхъ языкахъ. Во французскомъ онъ безразлично употребляетъ accent aigu и accent grave (пишетъ, напр., иногда: Andrè, Aggeè); то же нужно сказать относительно нѣмецкихъ твердыхъ и смягченныхъ (Umlaute) гласныхъ: Kohler вм. Köhler (стр. 356, 385), Dienstverhältnisse (стр. 244), Ausdrück (стр. 222). У него встрѣчаемъ: zu den

Ende (стр. 127), ἀγγελους (стр. 246). per manu (стр. 173), πω, ηω (стр. 229), πωπω (стр. 287), ρωρ (стр. 353). Указывая на эти мелкіе недочеты, необходимо признать, что грубых промаховъ въ этомъ отношеніи въ сочиненіи не замѣчено: отъ этого автора спасли основательное изученіе предмета, постоянная внимательность и осторожность.

Въ еврейской графיקѣ авторъ не имѣетъ надлежащей опытности.

Всѣ изложенные недочеты несущественны и легко устранимы; имѣя же въ виду выдающіяся достоинства сочиненія, рецензентъ не только признаетъ о. Виноградова вполне достойнымъ искомой степени, но и долгомъ считаетъ рекомендовать его трудъ особому вниманію Совѣта“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тартева*:

„Скромная по приемамъ, добросовѣстная—въ мѣру авторскихъ силъ—по исполненію и литературная по изложенію, кандидатская работа свящ. Н. Виноградова можетъ быть признана соотвѣтствующею своему назначенію“.

5) О сочиненіи студента *Владиславлева Владимира* на тему: „Бесѣда Господа о хлѣбѣ жизни (Іоан. VI глава)“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Занятое послѣдовательнымъ толкованіемъ шестой главы евангелія Іоанна, сочиненіе г. Владиславлева есть плодъ внимательнаго изученія и широкаго использованія всѣхъ главнѣйшихъ, относящихся къ предмету, пособій, какъ древнеотеческихъ: Оригенъ, Ефремъ Сиринъ, Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Августинъ, Іеронимъ, Ноннъ, Максимъ Исповѣдникъ, Исидоръ Пелусіотъ, Зигабенъ, Теофилактъ, Катены,—такъ и новѣйшихъ,—иностранныхъ — по текстологіи: Тишендорфъ, филологіи: грамматики Винера и Блясса, лексиконы Гримма и Ширлитуга,—по іудейскимъ воззрѣніямъ: Ветштейнъ, Ляйтфутъ, Вюнше, Веберъ, Шюреръ, Гамбургеръ и др.,—спеціально по экзегесу: Люкке, Генгстенбергъ, Лютардтъ, Ольсгаузенъ—Ебрардъ, Штирль, Небе, Кнабенбауеръ, Гольтумоннъ, Мейеръ—Вейссъ, Кейль, Годэ,—общей новозавѣтной исторіи: Неандеръ, Вейссъ. Нёсенъ, Ебрардъ и др.,—новозавѣтной теологіи: Кремеръ (Библейско-богословскій сло-

варь къ Новому Завѣту) и др.,—и русскихъ: Михайль, Властовъ, Тренчъ, Матвѣевскій, Гладковъ, Горскій, Гейки, Эдершемъ, Фарраръ, Прессансе, Смирновъ и др. Весь этотъ обширный и разнообразный матеріалъ авторъ весьма умѣло примѣнилъ къ всестороннему истолкованію данной главы въ строго православномъ духѣ. И такъ какъ глава имѣетъ преимущественно богословско-таинственное содержаніе, какъ и все вообще евангеліе Іоанна, то вниманіе автора исключительно сосредоточено на выясненіи какъ внутренно-психологической и логической связи раскрываемыхъ здѣсь идей, такъ и еще болѣе на всестороннемъ выясненіи самыхъ этихъ богословскихъ понятій—истины, жизни, воскресенія, таинственнаго питанія вѣрующихъ Небеснымъ Хлѣбомъ Жизни и др. Эта сторона бесѣды Господа нерѣдко у автора очень удачно и ярко освѣщается изъ контраста съ іудейско-раввинскими теологическими воззрѣніями и нравственно-религіозными идеалами. Большую помощь оказываютъ здѣсь автору и новѣйшія иностранныя и инославныя работы филологическія по Новому Завѣту. Но главное достоинство и вѣсь этимъ разсужденіямъ автора даютъ обильныя и превосходныя выдержки изъ Августина, Златоуста и особенно Кирилла Александрійскаго, коихъ глубокомысленныя изъясненія таинственно-созерцательной и нравственно-религіозной стороны Іоаннова Евангелія стоятъ на неизмѣримой высотѣ надъ всѣми новѣйшими работами какъ иностранныхъ такъ и русскихъ богослововъ. Недостатки труда г. Владиславлева: чрезмѣрное обиліе выдержекъ изъ иностранныхъ пособій, главнымъ образомъ изъ Годз,—недостаточная выясненность нѣкоторыхъ понятій—вѣры, вѣка, Сына Человѣческаго и др.—неумѣренное увлеченіе Августиномъ (стр. 249—261),—слабость выясненія вопроса объ избраніи Спасителемъ Іуды предателя въ число двѣнадцати апостоловъ,—большіихъ подробностей можно пожелать о личности Ап. Петра и его исповѣданіи,—невѣрно утвержденіе, будто іудеи боготворили Моисея (стр. 140—142),—и наконецъ нецѣлостности въ стилѣ: употребленіе имени Іисусъ отзывается иностранщиною,—„жизнеобильное богатство“ (стр. 426),—„трагическимъ замѣчаніемъ Евангелистъ Іоаннъ заключаетъ свое повѣствованіе о кризисѣ вѣры въ Галилеѣ, какой произвела рѣчь Христа, произнесенная въ синагогальномъ собраніи въ Капернаумѣ“

(изъ Годѣ), и другія, помѣченныя мною на тетради. Но всѣ эти, частныя и легко исправимыя, недостатки труда г. Владиславлева не препятствуютъ ему быть не только вполне достойнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ, но и, по исправленіи и дополненіи, дать, въ качествѣ магистерской диссертации, потребный и серьезный вкладъ въ русскую богословско-экзегетическую литературу по Новому Завету“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Обширное изслѣдованіе г. Владиславлева, представляющее изъ себя послѣдовательное истолкованіе 6-й главы евангелія Іоанна, должно быть отнесено къ разряду обстоятельныхъ кандидатскихъ работъ. Предпосылаемый его работѣ общій перечень святоотеческихъ твореній, русской и иностранной литературы свидѣтельствуетъ объ авторѣ, какъ о серьезномъ работникѣ, который съ похвальнымъ усердіемъ изучалъ литературу своего вопроса.

Такъ какъ всестороннее истолкованіе 6-й главы евангелія Іоанна обязывало автора, въ цѣляхъ раскрытія ея богатаго богословско-мистическаго содержанія, выяснять съ особою тщательностію богословскія понятія, напримѣръ, воскресенія, жизни, питанія небеснымъ хлѣбомъ, то авторъ вынужденъ былъ обратить вниманіе не только на идейное содержаніе 6-й главы, но также на текстологию и филологию ея, безъ чего невозможно было уяснить и подлинную сущность его вопроса. Это и сдѣлалъ авторъ, не только знакомившійся съ нужными ему—и, нужно замѣтить, лучшими—пособіями, но и изучавшій ихъ. При этомъ въ сочиненіи автора обращаетъ вниманіе рецензента то обстоятельство, что онъ, какъ православный экзегетъ, въ своихъ сужденіяхъ почти всегда опирается на святоотеческій авторитетъ и особенно на глубокія сужденія Кирилла Александрійскаго и св. Златоуста.

Правда, знакомство автора съ иностранными учеными дѣлаетъ его невольнымъ данникомъ ихъ. Онъ усваиваетъ, иногда, ихъ, не всегда точную, терминологию и обороты рѣчи. Но этотъ недостатокъ, извинительный въ первой обстоятельной и серьезной работѣ, будетъ исправленъ имъ, несомнѣнно, если онъ приложитъ усердіе къ дополнительной разработкѣ своего изслѣдованія, которое, при послѣднемъ условіи, мо-

жетъ дать ему право и на получение слѣдующей ученой степени.

Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

6) О сочиненіи студента *Гиляревскаго Андрея* на тему: „Русская церковь XVI столѣтія въ изображеніи барона Герберштейна“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Свою задачу авторъ представляетъ такимъ образомъ: привести церковно-историческія свѣдѣнія, содержащіяся въ Запискахъ Герберштейна, и разобрать ихъ чрезъ сопоставленіе съ русскими памятниками той эпохи—частіе: установить степень достовѣрности данныхъ Герберштейна о русской церкви на основаніи русскихъ письменныхъ памятниковъ, съ другой стороны на основаніи нѣкоторыхъ сообщений иностранца опредѣлить степень достовѣрности извѣстій, находящихся въ нашихъ памятникахъ; объяснить происхождение нѣкоторыхъ недостовѣрныхъ данныхъ въ „Запискахъ о Московитскихъ дѣлахъ“. Для отчетливости въ оцѣнкѣ извѣстій Герберштейна авторъ сопоставляетъ ихъ съ данными, которыя имѣются о русской церкви у его предшественниковъ—иностранцевъ, писавшихъ о Россіи.

Свое обозрѣніе авторъ ведетъ въ такомъ порядкѣ: 1) Чинъ вѣнчанія на царство Димитрія, внука Іоанна III въ описаніи Герберштейна. 2) Извѣстія Герберштейна о нашей высшей церковной іерархіи, бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ. 3) Памятники древне-русской письменности, переведенные Герберштейномъ на латинскій и нѣмецкій языки. 4) Извѣстія о частномъ богослуженіи въ русской церкви; совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ, праздники, посты. 5) Данныя въ Запискахъ Герберштейна о религіозно-нравственномъ состояніи общества въ XVI в.

Сочиненіе г. Гиляревскаго даетъ довольно обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Любопытныя извѣстія, сообщенныя барономъ Герберштейномъ о русской церкви въ княженіе Василя III, разобраны детально и сопоставлены съ русскими памятниками того времени, съ которыми авторъ знакомился то непосредственно, то при помощи научной литературы. Тщательно разобраны и сопоставлены тексты древне-

русскихъ памятниковъ, приводимыхъ барономъ Герберштейномъ: Посланіе митроп. Іоанна II, его Правило, Вопросаніе Кирика. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ обычнаго недостатка начинающихъ ученыхъ нашей школы—скудости познаній внѣ узкой сферы своего вопроса, и потому дѣлаетъ рядъ промаховъ или прямыхъ ошибокъ. Онъ не знаетъ случаевъ вступленія во второй бракъ вдовыхъ священниковъ (96), тогда какъ примѣры извѣстны (Іовъ псковскій, противникъ преп. Евфросина); какъ особенность въ положеніи новгородскаго епископа отмѣчаетъ то, что у него былъ свой судъ (стр. 89); думаетъ, что уставъ Владимира дѣйствовалъ въ продолженіе 7—вѣкового періода, т. е. относитъ его происхожденіе къ концу X—нач. XI вв. (214) и под. Авторъ просмотрѣлъ указаніе проф. Бенешевича на новыи греческій списокъ, Правила митр. Іоанна II (Рус. И. Б. VI-2 стр. 322, счетъ 2-ой) и ведетъ свои сужденія о греческомъ подлинникѣ Правила лишь по тѣмъ выводамъ, какіе сдѣлалъ покойный Павловъ (см. 157, 159, 182).

Замѣчанія г. Гиляревскаго о показаніяхъ Герберштейна въ общемъ дѣльны и содержательны. Но изрѣдка встрѣчаются ряды фразъ, ничего не говорящихъ по существу, напр. о почитаніи русскими святителя Николая (263). Бываютъ случаи, когда, передавъ извѣстіе иностранца, г. Гиляревскій только скользитъ по немъ, не углубляясь и не давая отчета въ значеніи сообщеннаго наблюденія, напр. упомянувъ о преимуществахъ новгородскихъ и псковскихъ правовъ сравнительно съ московскими въ нач. XVI в. (стр. 334), авторъ не потрудился выяснитъ причину этой разницы изъ общихъ политическихъ условій, которыми воспитываются нравы.

Языкъ автора въ общемъ правильный и точный, но встрѣчаются иногда не совсѣмъ складныя выраженія: Свѣдѣнія Фабра... не даютъ свѣдѣній (стр. 45); русскіе были полны самомнѣній и превозношеній (стр. 283); Герберштейнъ „обладалъ проницательностью... хотя и не могъ похвалиться вѣрнымъ чутьемъ условій“ (294).

Однако отмѣченные промахи немногочисленны, и работу г. Гиляревскаго надо признать совершенно удовлетворительной для степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *А. Ш. Орлова*:

„Задачу своего сочинения г. Гиляревский полагает „въ томъ, чтобы привести“ заключающіяся въ трактатъ барона Герберштейна: *Regim moscoviticarum commentarii* „церковно-историческія свѣдѣнія и разобрать ихъ черезъ сопоставленіе съ русскими памятниками той эпохи“ (XIX стр.). Авторъ справляется со своей задачей съ достаточнымъ успѣхомъ. Его работа производитъ впечатлѣніе безпретензіозно, но добросовѣстно и аккуратно написаннаго очерка. Раздѣливъ заключающійся въ трактатъ Герберштейна церковно-историческій матеріалъ на 5 главъ, авторъ ко всѣмъ сообщеніямъ Герберштейна даетъ сжатый, но документально-обоснованный комментарий Съ нѣкоторыми частными сужденіями автора, впрочемъ, согласиться трудно. Напр., авторъ, не подтверждая своего сужденія никакими историческими свѣдѣтельствами, высказываетъ, будто причиной нерадиваго отношенія русскихъ престолюдиновъ 16 в. къ исповѣди, по сравненію съ лицами высшихъ круговъ тогдашняго общества, было ихъ убѣжденіе, что „для послѣднихъ частая исповѣдь и постъ, очевидно, обязательны, такъ какъ ихъ привольная жизнь создаетъ гораздо болѣе поводовъ ко грѣху“ (стр. 247). Не прощели отмѣченное явленіе объяснить различіемъ въ общемъ уровнѣ религіозно-церковной культуры въ высшихъ и низшихъ классахъ русскаго общества 16 вѣка? Съ вишней стороны работа г. Гиляревскаго хотя не блещетъ литературной отдѣлкой, но въ общемъ написана слогомъ яснымъ; неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко (стр. XIII, 58, 111, 137—8, 143, 177, 283, 285, 298, 303). Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

7) О сочиненіи студента *Гиацинтова Василія* на тему: „Субъектъ трансцендентальный и субъектъ эмпирический“.

а) И. д. доцента священника *П. А. Флоренскаго*:

„Какая проблема дала ближайшимъ образомъ толчекъ къ развитію ученія о двойственности?“—спрашиваетъ себя въ „Заключеніи“ своего сочиненія г. Гиацинтовъ, осозная идею и планъ всей своей работы. На поставленный себѣ вопросъ оный отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Какъ и всегда въ исторіи философствующей мысли такимъ толчкомъ явилась

проблема аксіологическая, т. е. о смыслѣ и цѣнности жизни,—о достойномъ существованіи, о благѣ. Это съ несомнѣнностью мы видѣли въ главѣ о Спинозѣ. Уже самый вопросъ, какое существованіе достойно человѣка, можетъ удовлетворить основнымъ его запросамъ, показываетъ, что эмпирическая наличность признается недостаточной. И слѣдовательно, если вообще аксіологическая проблема допускаетъ положительное рѣшеніе, то тѣмъ самымъ мы вынуждаемся а priori утверждать существованіе чего-то сверхъ-эмпирическаго, и, притомъ, признаемъ себя неразрывно связаннымъ съ нимъ. Иными словами, ученіе о двойственности человѣческой природы, ученіе о томъ что въ насъ помимо эмпирической поверхности есть еще какая-то глубина,—беря это ученіе въ наиболѣе общей формѣ,—есть непремѣнная предпосылка аксіологіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ столь же неизбѣжнымъ является уясненіе связи между эмпирическимъ и сверхъ-эмпирическимъ въ нашей природѣ и объ откровеніи сверхъ-эмпирическаго въ эмпирическомъ. Вѣдь если бы таковой связи не было, то терялась бы для насъ всякая аксіологическая цѣнность сверхъ-эмпирическаго; а если-бы не было вышеуказаннаго раскрытія сверхъ-эмпирическаго въ эмпирическомъ, то о первомъ мы ничего бы не знали и не могли бы говорить“ (стр. 203-204). Такимъ образомъ, понятіе двойственности метафизической природы человѣка есть точка равно принадлежащая и философіи и религіи. Въ интересахъ апологетики, въ интересахъ философствующей религіозной мысли уяснить себѣ, что говорить, или, по крайней мѣрѣ, чего не можетъ сказать о двойственности человѣка философія. Этотъ тонкій и сложный вопросъ можетъ ждать своего разрѣшенія на одномъ изъ *двухъ* путей: или отъ отвлеченнаго систематическаго обслѣдованія интересующаго насъ понятія, или же—отъ конкретнаго историческаго разсмотрѣнія имѣющихся уже попытокъ отвѣтить на него. Первый путь—прямой, но и рискованный; второй—, хотя и окольный, однако болѣе безопасный. Предпочитая осторожную медлительность смѣлому риску г. Гиацинтовъ избираетъ путь историческій. „Главная задача нашей работы состояла въ томъ,—говоритъ онъ въ „заключеніи“—, чтобы выдѣливъ изъ общаго движенія философской мысли проблему о двойственности человѣческой природы, разсмотрѣть,

такъ сказать, нѣкоторые пункты въ ходѣ этой проблемы. Не имѣя возможности прослѣдить исторію этого ученія, мы сочли наиболѣе цѣлесообразнымъ остановиться вниманіемъ на типичнѣйшихъ и характернѣйшихъ точкахъ зрѣнія, такъ чтобы идея двойственности была разсмотрѣна по возможности подъ различными углами. Эту задачу мы и старались выполнить, останавливая свое вниманіе на философскихъ системахъ: Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга, Гелленбаха, дю-Преля и отчасти на ученыхъ трудахъ Джемса—„Многообразіе религіознаго опыта“ и Вейнингера—„Поль и характеръ“, каковыя системы и труды, по нашему убѣжденію, ставятъ проблему о двойственности человѣческой природы если не на первое, то далеко не на послѣднее мѣсто“ (стр. 201-202). Этотъ обширный и богатый матеріалъ распределенъ на *семь* главъ, суммируемыхъ заключеніемъ. Но, т. к. *термины* „субъектъ“, „трансцендентальный“ и „эмпирический“ въ разныя эпохи и у разныхъ авторовъ получали разное значеніе, и т. к., съ другой стороны, *идеи* связывающіяся съ этими терминами въ разбираемомъ сочиненіи, въ свою очередь назывались въ разныя эпохи и у разныхъ авторовъ по разному, то естественно ждать отъ автора попытки установить тотъ или другой смыслъ этихъ терминовъ,—естественно какъ-нибудь закрѣпить заранѣе, о чѣмъ именно придется говорить въ своей работѣ, ибо это „нѣчто“, опредѣленно чувствуемое всякимъ, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ для себя обще-признаннаго и всегда себѣ равнаго термина. Итакъ, г. Гиацинтовъ предпосылаетъ своему изложенію предварительную *первую* главу (стр. 9-21), въ которой даетъ цѣлый экскурсъ о терминахъ входящихъ въ заголовокъ темы. Тутъ прежде всего весьма обстоятельно уясняется терминъ „субъектъ“ чрезъ соотвѣтственное уясненіе среднихъ и почти синонимичныхъ терминовъ „я“, „личность“ и „субстанція“ и чрезъ взаимное разграниченіе объемовъ всѣхъ ихъ. Затѣмъ, разобравъ сочетаніе терминовъ „трансцендентальный субъектъ“, авторъ обсуждаетъ различіе терминовъ „трансцендентальный“ и „трансцендентный“ и, наконецъ, дѣлаетъ нѣкоторую формальную постановку проблемъ двойственности субъекта. Слѣдующая, *вторая* (стр. 21-47) глава посвящена *Спинозѣ*. Тутъ устанавливается что,—вопреки ходячимъ мнѣніямъ о системѣ Спинозы, и вопреки обманчи-

вой его терминологии—, можно и должно видѣть въ его идеяхъ на природу человѣка зачатки позднѣйшей теоріи двойственности. Субстанція—это субъектъ субстанціональный или, пользуясь позднѣйшей терминологіей,—субъектъ трансцендентальный, а модусъ-субъектъ, такъ сказать, „модусальный“ или эмпирической. Взаимоотношеніе того и другого, опредѣляемое метафизически и переживаемое въ состояніи „интеллектуальной любви къ Богу“ ясно обнаруживаетъ именно такой, анерологическій смыслъ Спинозовской доктрины. „Начинаемъ мы,—говоритъ г. Гиацинтовъ—, свое обслѣдованіе проблемы о двойственности субъекта съ философіи Спинозы не потому, чтобы эта проблема, какъ такая, затрогивалась имъ въ какомъ-либо изъ его философскихъ трудовъ. Нѣтъ. Специальной постановки этой проблемы и разрѣшенія, ея мы у Спинозы не найдемъ. Однако, все его философское міросозерцаніе, взятое въ цѣломъ, мало будетъ говорить и, какъ намъ кажется, будетъ неправильно понято, если совершенно отказаться отъ мысли о двойственности субъекта. Мало того, внимательно взглядываясь въ строеніе Спинозовой системы, мы видимъ, что вся она есть не что иное, какъ развитіе идеи о двойственности человеческого существа“ (стр. 22). Далѣе авторъ отмѣчаетъ что amor Dei intellectualis,—эта точка касанія двухъ субъектовъ—, исторически была зародышемъ всей системы, породила ее, какъ зерно изъ себя растеніе. Въ этомъ переживаніи человѣкъ обрѣтаетъ вѣчную сторону своего существа и, вмѣстѣ съ нею, свою высшую духовную свободу. Такимъ образомъ получается углубленное и своеобразное пониманіе Спинозы Понятія свободы и субстанціональности человѣка, которые считаются чуждыми Спинозѣ, обнаруживаются въ его системѣ, но въ примѣненіи къ субъекту, называемому нами трансцендентальнымъ.

Въ слѣдующей, *третьей* (стр. 42-47) главѣ обсуждается система *Лейбница*. Опять таки дѣлая оговорку, что хотя „у Лейбница, какъ и у Спинозы, специальной постановки этой проблемы (т. е. проблемы двойственности) нѣтъ, но она, такъ сказать, сквозитъ всюду, а особенно тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о человеческой монадѣ и ея жизни, каковая одна только и интересуетъ насъ“, г. Гиацинтовъ выражаетъ убѣжденіе, что центральнымъ пунктомъ системы Лейбница „съ

когого проблема двойственности субъекта открывается во всей полнотѣ“, является „бессознательное въ человѣческой монадѣ“. Отсюда же видно, что Лейбницъ подходит къ рѣшенію интересующей насъ проблемы не съ онтологической, какъ Спиноза, а съ психологической точки зрѣнія. Въ чемъ же именно двойственность?—Въ томъ, что человѣкъ, какимъ онъ данъ себѣ эмпирически, есть вовсе не все, что есть въ немъ. Изъ полноты бытія „субъектъ монады“ въ сознаниі открывається лишь одинъ метафизическій моментъ ея, „субъектъ моментъ-монада“, все же прочее остается бессознательнымъ. „Малыя представленія“, не достигающія сознанія, тѣмъ не менѣе образуютъ основу духовной жизни, и изъ бессознательнаго, какъ изъ зерна, развиваются „плоды духа“.

Слѣдующая, *четвертая* (стр. 68-99) глава содержитъ въ себѣ *Кантовское* ученіе о двойственности. Коснувшись Кантовской терминологии, нашъ авторъ говоритъ затѣмъ о познаниі по Канту, о томъ, что мы познаемъ феномены, а не ноумены, о понятіяхъ закона и причинности. Далѣе уясняется, что есть человѣкъ, по Канту, какъ часть феноменальнаго міра, т. е. какъ субъектъ эмпирической, и что есть субъектъ трансцендентальный, или, что почти то же, что есть характеръ эмпирической и что—интеллигибельный. Наконецъ, обсудивъ взаимоотношеніе ихъ, авторъ естественно приводится къ разъясненію Кантовскаго пониманія свободы.

Въ главѣ *пятой* (стр. 100-122) обсуждается ученіе о двойственности у *Шеллинга*. Авторъ указываетъ, что непримиримое двойство субъекта трансцендентальнаго и субъекта эмпирическаго, внесенное въ философію Кантомъ, дѣлало для него непослѣдовательностью признаніе субъекта трансцендентальнаго, или же требовало перехода отъ критицизма къ свободной метафизикѣ. Это и было выполнено Шеллингомъ при помощи понятія объ „интеллектуальной интуиціи“, какъ органѣ метафизическаго познания. Далѣе говорится о двойственности бытія абсолютнаго, т. е. о „Богѣ, какъ существующемъ“ и о „природѣ Бога, какъ основаніи Его существованія“, и, чрезъ обсужденіе возникновенія міра и появленія человѣка, по Шеллингу, изложеніе приводится къ раскрытію ученія о двойственности принциповъ въ тваряхъ. Въ человѣкѣ—начало умопостигаемое и начало эмпири-

ческое,—два существа. Въ заключеніи къ этой главѣ авторъ указываетъ, что Шеллингъ, доразвивъ Кантовское рѣшеніе проблемы двойственности и разъяснивъ нѣкоторые темные пункты и неясности у Канта, въ существенномъ не расходится съ Кантомъ и даже вноситъ не особенно много новыхъ идей.

Глава *шестая* (стр. 123-156) посвящена *Гелленбаху*. Предварительно даются указанія о двойственности человѣческаго существа въ философіи *Шепенгауэра* и *Гартмана*. Затѣмъ говорится о Гелленбаховскомъ понятіи о душѣ, какъ началѣ жизни, являющемся центральнымъ пунктомъ всей его философіи, объ отношеніи Гелленбаха къ материалистамъ, монистамъ и къ естествознанію, изъ критики которыхъ получается у Гелленбаха, его теорія „сочетанія *xu*“, какъ мета-организма. Наконецъ, излагается ученіе о душѣ и о двойственности субъектовъ.

Глава *седьмая* (стр. 159-180) занимается теоріей *дю-Преля* и, наконецъ, въ *восьмой* главѣ (стр. 181-201) мы находимъ краткія очерки ученій *Мейерса*, *В. Джемса* и *О. Вейнгера*.

Въ „*Заключеніи*“ г. Гацинтовъ пытается еще разъ, на почвѣ уже сдѣланнаго изложенія, осознать идейную связь отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи интересующаго его вопроса. „Мы видѣли уже,—говоритъ онъ—, что Спиноза раскрылъ ученіе о двойственности—въ весьма общей формѣ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ пунктовъ его ученія, оно можетъ быть принято безъ возраженій, благодаря своей крайней общности. Задачею дальнѣйшаго развитія ученія о двойственности было расчлененіе и конкретное толкованіе этихъ широкихъ схемъ. При этомъ понятно, что *x'омъ*, подлежащимъ обслѣдованію, была, такъ сказать, та половина нашего существа, которая не дана намъ эмпирически — Психическое переживаніе, какъ слѣдующее по степени общности за онтологической сферой Спинозы—вотъ почва для изслѣдованія Лейбница. У него область трансцендентальнаго расчленяется на множественность отдѣльныхъ монадъ, истолковываемыхъ какъ психическія индивидуальности. — Далѣе, психическое истолкованіе монадъ должно быть связано съ областью *нормъ*. Нормативный моментъ—вотъ что вноситъ Кантъ (несомнѣнный преемникъ Лейбница, какъ бы онъ отъ того ни отрещивался) въ тран-

сцендентальную сторону нашего существа. Но хотя до сихъ поръ еще преобладаетъ интересъ къ теоретическимъ, познавательнымъ, функціямъ трансцендентальнаго субъекта (въ этомъ сказывается еще непрекратившееся вліяніе спинозовскаго интеллектуализма), однако, уже у Канта отмѣчается, что въ сферѣ нормъ главнѣйшее—область нравственности. Этотъ нравственный моментъ со всею настойчивостью вносятъ въ понятіе трансцендентальнаго субъекта Фихте и Шеллингъ. Но, свобода—принципъ нравственности — была бы отрицательной свободой, если бы она не была свободой творческою. Уразумѣть трансцендентальный субъектъ, какъ начало творческое, — такова задача послѣ-идеалистической философіи, указанная и частично облѣдованная уже Шеллингомъ. Шопенгауэръ и Гартманъ разсматриваютъ этотъ творческій моментъ. Отсюда является необходимость установить конкретную связь изученія трансцендентальнаго субъекта съ науками, изучающими продукты жизненнаго творчества. Это дѣлаетъ Гелленбахъ. Его работу продолжаетъ и углубляетъ дю-Прель, сосредоточивающій свое вниманіе на такъ сказать, наиболѣе непосредственныхъ вторженіяхъ трансцендентальнаго въ эмпирическое. Этимъ область трансцендентальнаго, только обрисованная у Спинозы, пополняется красками, дѣлается почти осязаемою. Понять, что она не однородна, что въ ней есть слои болѣе и меньшей значительности, предлежало дю-Прелю въ его позднѣйшихъ работахъ, но со всею тщательностью было выполнено Мейерсомъ на основаніи обширнаго наблюдательнаго и экспериментальнаго матеріала. Мейерсъ, при томъ, не оставляетъ отчасти безъ вниманія и явленій повседневнои жизни, объясняя ихъ теоріей сублиминальнаго сознанія. Однако, интересъ его вращается по преимуществу въ области наиболѣе яркихъ и потому, естественно, необыкновенныхъ и рѣдкихъ случаяхъ. Преемнику Мейерса Джемсу выпало примѣнить эту теорію сублиминальнаго сознанія къ объясненію болѣе знакомыхъ всѣмъ и доступныхъ для наблюденія процессовъ, къ области религіозной, гдѣ роль трансцендентальнаго наиболѣе существенна. Понятно, что обращаясь къ явленіямъ повседневымъ, Джемсъ могъ для практическихъ цѣлей ослабить слишкомъ опредѣленные пункты теоріи Мейерса, и, вмѣстѣ, съ тѣмъ, могъ опростить ее, чѣмъ и

достигъ быстрого популяризированія. Наконецъ, попыткою объяснить двойственностью человѣческаго существа явленія сексуальности и съ нею связанныя и наоборотъ—примѣнить сексуальныя категоріи къ новому освѣщенію понятія двойственности человѣческаго существа дѣлаетъ Вейнигеръ“ (стр. 204-209).

Таково содержаніе разбираемаго сочиненія. Но прежде чѣмъ переходить къ самому разбору, мы должны отмѣтить новизну и, если угодно, необыкновенность самой темы его. Нѣтъ ни одного ни русскаго, ни, насколько намъ извѣстно, иностраннаго сочиненія, гдѣ бы излагалась исторія двойственности. Авторъ былъ не только безъ образца въ *цѣломъ* сочиненіи, но даже отдѣльныя части его сочиненія должны были быть проработаны самостоятельно. Онъ всегда работаетъ по перво-источникамъ (какіе только находитъ въ русскомъ переводѣ), а не удовлетворяется изложеніями изъ вторыхъ рукъ. Однако, по изученіи перво-источника онъ изучаетъ и литературу по каждому изъ разсматриваемыхъ имъ писателей; эта литература приводится въ концѣ каждой главы. Само собою понятно, что изучить внимательно такое количество мыслителей и, уразумѣвъ суть дѣла, сумѣть извлечь изъ каждой системы мысли требуемое ему ученіе о двойственности, опуская все остальное,—такъ сказать, отпрепарировать у каждого мыслителя и выдѣлить принадлежащее ему и разросшееся по всей системѣ пониманіе двойственности—, это дѣло требовавшее и труда и вдумчивости. Легко понять также, что затруднительность излагать обособленное отъ системы ученіе о двойственности усугубляется необходимостью каждый разъ приводить его къ извѣстной однородности въ терминологіи съ другими ученіями; вѣдь *безъ* такого приведенія къ одному знаменателю отдѣльные авторы оставались бы несравнимыми между собою, и вмѣсто *сочиненія* о двойственности получилась бы философская *аналогія* по разнымъ, случайно собраннымъ вопросамъ, за которою надо было бы еще усмотрѣть единство.

Нужно воздать справедливую похвалу точности, сжатости и удачной расчлененности въ изложеніи отдѣльныхъ мыслителей: оно—дѣловито; авторъ скупъ на слова и потому, несмотря на сравнительно-незначительное мѣсто, удѣленное каждому изъ философовъ, у него вездѣ сказано все суще-

ственное. При этомъ изложеніе не страдаетъ легко закрадывающимся при подобныхъ условіяхъ схематизмомъ, выдающимъ всякую живую конкретность и индивидуальность: благодаря удачному выбору выразительныхъ цитатъ читателю обрисовывается писательская манера и личныя особенности мышленія разбираемаго философа. Но это—достоинство отдѣльныхъ главъ; важнѣйшее же достоинство рецензентъ видить въ архитектурнѣ *цѣлаго* сочиненія, въ пропорциональности частей, въ единствѣ замысла, связующаго ученія, на первый взглядъ столь разнородныя. *Двойственность субъекта*, какъ достояніе не философова, а философіи, и не отдѣльныхъ и случайныхъ звеньевъ историческаго процесса, а всей исторіи—это не варіація на избитую тему, а историко-философское *открытіе*,—мысль не имѣвшая доселѣ никакого конкретнаго осуществленія и даже отвлеченно не высказывавшаяся. Честь первой попытки сдѣлать это открытіе достояніемъ исторіи философіи, перевести это общее пожеланіе въ науку принадлежитъ г. Гіацинтову.

Выполнить эту работу безукоризненно—весьма нелегко; выполнить же ее безукоризненно въ годъ и, притомъ, не имѣя за плечами годовъ философской предварительной подготовки—не только не легко, но и невозможно. Рецензентъ полагаетъ, что, принимая во вниманіе бывшія условія работы, онъ долженъ быть доволенъ сдѣланнымъ, ибо сдѣлано приблизительно все то, что можно было сдѣлать. Это „приблизительно“ относится и къ формѣ и къ содержанію. Что касается до формы, то во всемъ сочиненіи чувствуется нѣкоторая неуклюжесть стиля, не то чтобы прямыя погрѣшности, а скорѣе связанность походки у человѣка, который долго сидѣлъ или стоялъ неподвижно. *Требовать* иного стиля было бы несправедливостью, ибо трудность и отвлеченность предмета хоть кого сдѣлають неуклюжимъ. Когда чувствуешь, что каждый союзъ можетъ оказаться грубымъ промахомъ и противъ воли автора контрабандно протащить за собою утвержденія недопустимыя,—тогда поневолѣ будешь подозрительнымъ къ себѣ самому; а подозрительность и грація—„двѣ вещи несовмѣстныя“.—Даже гораціево *saepe verum stultum* въ подобныхъ случаяхъ мало помогаетъ. Тутъ единственное средство—внимательно перечестъ свое сочиненіе, забросить его куда-нибудь подальше,—чтобы не было

искушенія заглянуть въ него—,и писать все заново, а тамъ. въ случаѣ несовершенства,—еще и еще заново. Есть, конечно, у г. Гиацинтова и болѣе осязательные недостатки—описки, нѣкоторыя неправильности выраженія и т. п.,—но ихъ немного, да къ тому же это—мелочи.

Что касается до содержанія, то и тутъ скорѣе приходится вставлять *desiderata*,—выполненія которыхъ рецензентъ и не рѣшался *требовать*—, нежели нетерпимыя упущенія. Главное *desideratum*—это отсутствіе ученія о двойственности *Фихте*, преимущественно Фихте-старшаго, хотя не мѣшало бы рассмотреть и ученіе Фихте-младшаго. Недостатокъ этотъ, думается, объясняется главнымъ образомъ недостаточно свободнымъ владѣніемъ нѣмецкаго языка. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе и *Шеллингъ*, представленный у г. Гиацинтова преимущественно его „Исслѣдованіями о свободѣ“; къ сожалѣнію Шеллингъ періода натур-философскаго и Шеллингъ періода теософскаго отсутствуютъ. Однако это—*только* сожалѣніе, не болѣе, ибо о всемъ Шеллингѣ и вообще-то доселѣ *нѣтъ* удовлетворительной монографіи, а ученіе о двойственности у Шеллинга смѣло могло бы быть предложено отдѣльно, въ качествѣ темы для сочиненія на степень кандидата.

Можно было бы посѣтовать еще на краткость параграфовъ, обсуждающихъ ученія Шопенгауэра и Гартмана; можно было бы отмѣтить также отсутствіе Канта мистическаго и т. д. и т. д., но, повторяю, безпредѣльнымъ человѣческимъ требованіямъ полагается естественный предѣлъ различными условіями: *ars longa, vita brevis est*. Какъ *desideratum* еще болѣе отдаленный укажу еще на желательность выясненія, въ какой связи стоятъ разбираемыя ученія съ ученіями мистиковъ Возрожденія и Средневѣковья и, чрезъ нихъ, а также и непосредственно,—съ ученіями Древности. Тутъ—богатѣйшая жатва для открытій и углубленій.

Не буду касаться нѣкоторыхъ мелкихъ дефектовъ въ изложеніи г. Гиацинтова: это было бы слишкомъ долго и почти безцѣльно,—теперь, когда сочиненіе написано. Но если бы онъ задумалъ передѣлывать свое сочиненіе въ магистерскую диссертацию, то тогда эти указанія удобнѣе всего было бы выслушать ему непосредственно отъ рецензента. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе г. Гиацинтова для полученія степени кандидата богословія вполне удовлетворительно“

б) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:

„Г. Гацинтовъ въ своемъ сочиненіи (209 стр.) изслѣдуетъ фактъ двойственности души. Съ одной стороны душою называется совокупность душевныхъ состояній постоянно мѣняющихся. Это, такъ сказать, душа феноменальная. Съ другой стороны за этимъ непрерывно мѣняющимся содержаніемъ предполагается нѣкоторая неизмѣнная основа. Это, такъ сказать, душа субстанціональная.

Г. Гацинтовъ разсматриваетъ ученіе о двойственности души въ новой философіи. Онъ излагаетъ теоріи Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга, показываетъ, какъ мѣнялась терминологія по изслѣдуемому вопросу (самъ онъ пользуется терминологіей Канта), отмѣчаетъ различія и даже оттѣнки различій во взглядахъ названныхъ философовъ. Послѣ Шеллинга авторъ круто поворачиваетъ въ сторону новѣйшихъ философовъ далеко не перваго разряда, трактовавшихъ изслѣдуемую проблему инымъ методомъ, чѣмъ какимъ изслѣдовала ее обычная метафизика, и призвавшихъ на помощь для рѣшенія вопроса мистицизмъ, оккультизмъ, спиритизмъ. Г. Гацинтовъ говоритъ о Гелленбахѣ, дю-Прелѣ, Джемсѣ, Вейнингерѣ.

Излагаемая имъ ученія авторъ пытается представить въ исторической связи и преемственности.

Сочиненіе въ общемъ написано просто, ясно и читается съ интересомъ, но по мѣстамъ имѣются тяжелыя выраженія, кое-гдѣ страдаетъ грамматика.

Недостаткомъ сочиненія является то, что пропущенъ цѣлый рядъ мыслителей давшихъ серьезныя трактаты о душѣ. Этотъ недостатокъ можетъ находить свое оправданіе въ недостаткѣ времени, но не вполне: послѣшеллинговская плеяда избранныхъ авторомъ философовъ съ пользою могла быть замѣнена иными именами и дѣлами.

Авторъ совершенно не подозреваетъ, что для трактуемаго имъ вопроса дають громадный матеріалъ религіозныя ученія о душѣ („ху“ Гелленбаха можно сблизить съ „кгу“ египетской религіозной психологіи).

Но авторъ сдѣлалъ то, что можно сдѣлать въ годъ. Работа его и полезная и хорошая.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

8) О сочиненіи студента священника *Горохова Иакова* на тему: „Книжные и литературные труды митрополита Кипріяна“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Задачу своего сочиненія о Гороховъ понялъ очень широко. Онъ не ограничилъ ее однимъ только разсмотрѣніемъ подлинныхъ или предполагаемыхъ автографовъ митр. Кипріяна и его литературныхъ произведеній, но задумалъ представить въ цѣлостномъ видѣ всю его писательскую и книжно-исправительную дѣятельность, выяснить ея корни, размѣры и развитие, опредѣлить ея значеніе, даже по возможности представить ее въ связи съ живымъ образомъ митр. Кипріяна. Отсюда—обширные размѣры сочиненія (124 листа малаго формата + 44 фотографическихъ снимка съ рукописей). Но столь широкое пониманіе темы заставило автора слишкомъ бѣгло разсмотрѣть одинъ изъ существенныхъ вопросовъ его труда: онъ подробно изображаетъ историческую перспективу жизни и дѣятельности Кипріяна и разбираетъ биографическіе вопросы, касающіеся его, но онъ не даетъ исчерпывающаго изслѣдованія самостоятельныхъ литературныхъ произведеній Кипріяна, ограничиваясь только простымъ перечисленіемъ ихъ и отрывочными замѣчаніями о нихъ.

Авторъ совершенно справедливо ставитъ Кипріяна въ самомъ центрѣ того движенія въ сферѣ книжнаго дѣла на Руси въ 14—15 столѣтіяхъ, которое отразило на себѣ сильное вліяніе южно-славянскои орфографической традиціи. На Кипріяна онъ смотритъ, какъ на послѣдователя Евфимія Тырновскаго,—и вполне основательно объясняетъ тѣ историческія обстоятельства, которыя привели Кипріяна къ мысли о реформѣ книгъ и письма. Далѣе съ большою тщательностью, путемъ объединенія всѣхъ возможныхъ данныхъ, онъ устанавливаетъ направленіе и размѣры трудовъ Кипріяна и его помощниковъ по переводу и перепискѣ книгъ. Собранныя данныя представляютъ, дѣйствительно, цѣльную и въ общемъ исторически вѣрную картину дѣятельности Кипріяна. Но нѣкоторыя частныя мысли и наблюденія автора остаются мало обоснованными или возбуждаютъ сомнѣніе и недоумѣніе. Напримѣръ: а) выраженіе книжная „справа“, которымъ пользуется авторъ, имѣетъ у него значеніе

расплывчатое и крайне измѣнчивое; б) подѣ „церковнымъ правиломъ правымъ“ въ Посланіи Кипріяна къ псковскому духовенству ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть, какъ думаетъ авторъ (166 стр.), *διὰ τῆς* Филовея; в) едва ли можно согласиться съ нимъ, что исправленіе книгъ вводилось и распространялось Кипріяномъ, какъ частнымъ лицомъ, а не какъ іерархомъ русской церкви; г) авторъ не приводитъ вѣскихъ данныхъ въ пользу своей оригинальной мысли о томъ, что писцы Киприановой школы группировались въ Троицкой Лаврѣ.

Наибольшую цѣнность сочиненія представляютъ собою послѣднія три главы его, которыя посвящены подробному описанію рукописей Московской Духовной Академіи, ечитающихся автографами Кипріяна: Лѣствицы, Псалтири и Сочиненія Діонисія Ареопагита. Въ палеографическомъ отношеніи эти рукописи описаны съ чрезвычайной тщательностью и исчерпывающей полнотой, при чемъ въ особенную заслугу автору здѣсь нужно поставить примѣненіе къ изученію всѣхъ деталей письма точнѣйшаго сравнительнаго метода. Окончательный выводъ, къ которому, на основаніи анализа письма, приходитъ авторъ, состоитъ въ томъ, что Ареопагитикъ не принадлежитъ перу Кипріяна, тогда какъ Лѣствица и Псалтирь—труды его письма. Сличеніе Псалтири съ Лѣствицей, со стороны приемовъ письма, сдѣлано настолько мастерски и детально, что, на нашъ взглядъ, послѣ работы о. Горохова всякое сомнѣніе въ принадлежности перу Кипріяна Псалтири должно исчезнуть. Къ сожалѣнію, и въ описаніе указанныхъ рукописей вкралось нѣкоторое количество погрѣшностей, въ родѣ того, что въ словѣ *тоуждь* усматривается переходъ звука *ч* въ *т*, или въ словѣ *оцѣщеніе*—замѣна *ч* черезъ *ц* и т. п. Впрочемъ, такія недоразумѣнія извинительны для студента, начинающаго научно работать въ спеціальной области языка и палеографіи.

Въ общемъ сочиненіе о. Горохова представляетъ собой прекрасную студенческую работу, основанную на огромномъ, добросовѣстномъ и умѣломъ трудѣ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ тонкому критическому анализу, остроуміе, способность усѣбно разбираться въ запутанныхъ вопросахъ и искреннее увлеченіе предметомъ своего труда, не смотря на его спеціальныи характеръ и сухость.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. П. Голубцова:

„Автору нужно было привести въ полную извѣстность и научно обследовать труды названнаго святителя. Задача сама по себѣ уже сложная и весьма нелегкая для выполнения. Въмѣсто того, чтобы сократить и облегчить себѣ работу, о. Іаковъ еще болѣе осложняетъ ее. Въ двухъ первыхъ главахъ онъ даетъ обширныя свѣдѣнія о средѣ, въ которой въ разное время митрополиту Кипріану приходилось вращаться, и въ особенности о богатой событіями его жизни. Кипріановой біографіей занимались первоклассные наши ученые: А. В. Горскій, Е. Е. Голубинскій и др. О. Гороховъ не просто передаетъ добытые ими результаты, но старается ихъ провѣрить и сказать отъ себя что-либо новое. Его усилій разобраться въ рѣшеніи нѣкоторыхъ запутанныхъ вопросовъ, хотя бы, на примѣръ, вопроса о происхожденіи или національности Кипріана нельзя не принять во вниманіе, но инья его догадки и въ числѣ ихъ попытку поправить Горскаго въ опредѣленіи года прибытія святителя на московскую митрополию слѣдуетъ признать за простое съ его стороны недоразумѣніе. Темъ сочиненія ближайшимъ образомъ отданы авторомъ остальныхъ четыре пространныхъ главы, въ которыхъ содержатся „анализъ свѣдѣній о книжно-исправительной дѣятельности митр. Кипріана и подробнѣйшее палеографическое описаніе“ небезызвѣстныхъ ученому міру рукописей Московской Духовной Академіи (№№ 152, 142 и 144)—Лѣствицы и Псалтири „Кипріанова письма“ и твореній Діонисія Ареопагита, доселѣ приписывавшихся нѣкоторыми его же перу. О. Гороховъ не нашелъ пока возможнымъ разбирать литургическихъ произведеній м. Кипріана“ (стр. 128). Это, повидимому, и не требовалось темой: но поточнѣе знать, что сдѣлано по этой части другими, ему хотя бы про себя весьма не мѣшало бы. Онъ не только тогда не принялъ бы „Молитвенника“ Кипріанова за „какой-либо сборникъ или канонникъ“ (стр. 135) и не отождествилъ бы его „Церковнаго правила“ съ его „Уставомъ божественныя службы“ или *Λειτουργίῳ* патр. Филовея (стр. 165—167; см. 157); но и получилъ бы довольно прочную для себя опору въ рѣчахъ объ исправительно-переводческой дѣятельности митр.

Кипріяна, надежный критерій для сужденія о приемахъ, которыхъ держался послѣдній въ своихъ переложеніяхъ съ греческаго. Теперь же ему оставалось обосновываться въ данномъ отношеніи: а) преимущественно на „томъ пристрастномъ, по его собственному сознанию (стрр. 146, 158, 148, 153, 155) отзывѣ Нила Курлятевыхъ объ исправленіи Кипріяномъ Псалтири; б) на *довольно случайныхъ* замѣткахъ о томъ же на рукописяхъ нашихъ позднѣйшихъ *книжниковъ* и в) на довольно общихъ и мало говорящихъ по разсматриваемому вопросу показаніяхъ самого святителя и панегирически настроенныхъ къ нему нѣкоторыхъ его современниковъ. Насколько могутъ быть состоятельны основанія второго рода и какихъ тщательныхъ справокъ требуютъ они отъ изслѣдователя прежде, чѣмъ онъ станетъ опираться на нихъ, попытаемся показать это на примѣрахъ, на тѣхъ самыхъ *припискахъ*, которыя въ качествѣ аргументовъ привлекаетъ и нашъ авторъ. Доказывая, вслѣдъ за архим. Амфилохіемъ, тенденціозную поправку свидѣтельства Нила Курлятевыхъ о митр. Кипріянѣ, что онъ „по гречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ“, о. Іаковъ ссылается на жившаго въ XV вѣкѣ переписчика, который, списывая свою Псалтирь съ *Кипріяновой*, „отмѣтилъ *вѣрность перевода*“ послѣдней въ такого рода припискѣ: „Жалтыр Денисья Лупина, письмо Пищулино, *переводъ добръ*“ (Рукоп. Волокол. м., а нынѣ Моск. Епарх. библ. № 159). Кто были и когда собственно жили Діонисій Лупа и пиसेць Иванъ Пищуля, откуда видно, что оригиналомъ для послѣдняго служила Кипріянова именно Псалтирь и къѣмъ въ дѣйствительности сдѣланъ отзывъ,—этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ нашъ авторъ не разсматриваетъ. Продолжая доказывать правильность и авторитетность Кипріянова перевода Псалтири въ представленіи древне-русскихъ книжниковъ, онъ приводитъ потомъ изъ другой Волоколамской рукописи (нынѣ нашей 6-ки № 57—152) такого рода еще приписку: „Псалтыря Кипріяновъ перевод, а писмо Герасима Замытского, а по келіамъ ея не дають, а держать ея на свидѣтельство“. Помимо раскрываемой мысли, онъ видитъ здѣсь не только „прямое указаніе на подлинную Кипріянову Псалтирь, но и *перифразъ* имѣющей въ ней слѣдующей помѣты: „Псалтырь митрополичья Кипріянова писма; безъ игуменсково благосло-

веніа не давати ея никому *иныхъ* монастырей постриженником“. Герасимъ Замыцкій — постриженникъ (но не игумень, какъ утверждаетъ о. Гороховъ) Волоколамскаго монастыря, нѣкоторое время былъ архимандритомъ Московскаго Симона (1520—1526) и умеръ на покоѣ въ Іосифовой же обители. Отнесшись вдумчивѣе только къ этимъ голымъ біографическимъ даннымъ, о. Іаковъ, быть можетъ, иначе взглянулъ бы на обѣ приписки и ихъ взаимное отношеніе и задался бы мыслію: какимъ способомъ постриженникъ одной обители могъ списывать книги съ добрыхъ и дорогихъ „переводовъ“ другой, мало доступныхъ для пользованія даже своихъ иноковъ? А давши себѣ трудъ ознакомиться нѣсколько съ приписками на рукописяхъ Волоколамскаго и Троицкаго монастырей и древнѣйшими описями (XVI—XVII вв.) ихъ книгохранилищъ, онъ навѣрное отъ нѣкоторыхъ своихъ выводовъ отказался бы, иные измѣнилъ. Онъ узналъ бы, напримѣръ, что въ монастырскихъ книгохранилищахъ были книги *списочныя и правленыя*, державшіяся для „*справнаго свидѣтельства*“, по кельямъ безъ разбора не дававшіяся, были переводы добрые и плохіе, уяснилъ бы себѣ лучше самый терминъ „переводъ“. Приписки въ рукописяхъ, которыя приходилось изучать нашему автору, имѣютъ очень большое, я бы сказалъ, прямо *рѣшающее* значеніе въ темахъ, подобныхъ его темъ, и присмотрѣться къ нимъ слѣдовало пристальнѣе и всестороннѣе съ историко-библіографической, палеографической и другихъ точекъ зрѣнія. Болѣе внимательно изучивъ постановку книжнаго дѣла въ древней Руси, о. Іаковъ съ болѣею увѣренностію сталъ бы говорить тамъ, гдѣ теперь у него замѣтны колебанія, ставятся вопросы, высказываются предположенія, а главное на самый объемъ книжно-литературной дѣятельности м. Кипріяна и вообще его просвѣтительныхъ заслугъ посматрѣлъ бы болѣе осмотрительнымъ и менѣе роскошнымъ взглядомъ. Южно-славянское вліяніе въ нашей письменности и реформа орфографіи (юсовое письмо) насаждены у насъ трудами, конечно, не одного названнаго святителя. Его сотрудниковъ о. Іаковъ ищетъ среди иноковъ Троице-Сергіева и Серпуховскаго Высоцкаго монастырей, въ Константинополѣ, среди русскихъ писцовъ „по вольному найму“. Не отрицая возможности подобнаго сотрудничества, естествен-

нѣ бы, намъ кажется, искать „выучениковъ“ митр. Кипріана да еще такихъ, „которыхъ, по утверженію нашего автора, митрополитъ, вѣроятно, училъ самой манерѣ писать буквы, ставить титла, употреблять лигатуры и вязи и орнаментировать кивоварью начальныя буквы“, прежде всего не въ иногородныхъ монастыряхъ, и не на лѣтней митрополичьей дачѣ въ Голенищевѣ, а ближе всего въ Москвѣ и на митрополичьемъ именно дворѣ. Въ этомъ отношеніи занесенное Татищевымъ въ свою Исторію Россійскую свидѣтельство о данномъ митр. Кипріаномъ Спасскому (=Спаса на Бору) архимандриту Игнатію порученіи докончить его книжно-литературныя труды получаетъ нѣкоторое значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ митрополичій и потомъ патриаршій дворъ XVI—XVII столл. съ довольно разнообразными учрежденіями при немъ, начиная съ приказовъ и кончая иконописной мастерской и своего рода „правильной палатой“, лишь повторялъ только въ большемъ масштабѣ черты раннѣйшей на этотъ счетъ организаціи.—Центральномъ пунктомъ изученія о. Іакова были рукописи нашей Академической бібліотеки №№ 152, 142 и 144, въ частности—рѣшеніе вопроса, принадлежатъ ли онѣ перу митроп. Кипріана? Всѣ три рукописи проштудированы имъ съ рѣдкимъ стараніемъ, описаны съ замѣчательною полнотою и отчетливостію и демонстрированы въ текстѣ сочиненія и въ особомъ приложеніи къ нему множествомъ снимковъ, стоившихъ автору большого труда и не маленькихъ матеріальныхъ затратъ. Въ сужденіяхъ автора о палеографическихъ, лексическихъ и морфологическихъ особенностяхъ изученныхъ имъ памятниковъ сказывается основательное знакомство его съ избранною специальностію. Въ этомъ обширнѣйшемъ отдѣлѣ автору пришлось трудиться совершенно самостоятельно, поднимать, что называется, цѣлину, и отъ посѣянныхъ имъ здѣсь сѣмянъ есть полная надежда ожидать хорошихъ плодовъ“.

9) О сочиненіи студента *Дубчука Владиміра* на тему: „Описаніе рукописей Московской Духовной Академіи, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о расколѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Дубчука состоитъ изъ „предисловія“ (I—XXXV), описанія шестидесяти одной рукописи (1—358), кри-

тико-библіографическихъ „примѣчаній“ къ описаннымъ рукописямъ (01—0107 стр.), и краткаго „заключенія“ (I—III). Въ предисловіи авторъ даетъ общую характеристику раскольническихъ рукописей, какъ источника для исторіи раскола—говоритъ о главнѣйшихъ изданіяхъ ихъ и, наконецъ, сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія—изъ какихъ поступленій сложилось собраніе раскольническихъ рукописей въ нашей академической бібліотекѣ. Въ описаніи самыхъ рукописей авторъ слѣдуетъ обычнымъ приемамъ такого рода работъ: отмѣчаетъ время написанія рукописи, характеръ письма, число листовъ, размѣръ бумаги (въ сантиметрахъ), опредѣляетъ личность автора и писца, а иногда и исторію рукописи,—даетъ, наконецъ, довольно полныя свѣдѣнія о составныхъ частяхъ той или другой рукописи, выписывая обыкновенно не только общее заглавіе ея, но и заглавія частныхъ статей, равно какъ и ихъ начальныя тексты. Описанныя авторомъ рукописи распадаются на книги богослужебнаго содержанія,—историко-полемиическія (каковы, напр., Виноградъ Россійскій, Поморскіе отвѣты, Исторія о бѣгствующемъ священствѣ и т. п.),—и назидательно-агіологическаго характера (различнаго рода „сборники“, прологи и святцы). Изъ довольно обширныхъ „примѣчаній“ г. Дубчукъ даетъ бібліографическія справки,—въ какихъ древлехранилищахъ имѣются еще экземпляры описываемыхъ имъ рукописныхъ памятниковъ, или какія существуютъ печатныя ихъ изданія,—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и детально показываетъ тѣ варианты, какими отличаются описываемыя имъ рукописи отъ соответствующихъ печатныхъ изданій. Относительно нѣкоторыхъ же рукописей,—какъ, напр., анонимаго раскольническаго трактата: „Шить вѣры“,—авторъ дѣлаетъ самостоятельныя опыты опредѣлить личность автора, мѣсто и время написанія памятника.—Какъ работа чисто бібліографическая, сочиненіе г. Дубчука не представляетъ благодарнаго поля для критическихъ замѣчаній. Изъ недостатковъ сочиненія отмѣчу нѣсколько мелочей. Во-1-хъ, для читателя представляется неяснымъ, на какомъ основаніи авторъ включаетъ въ свое „описаніе“ такіе памятники, какъ нѣкоторыя рукописи богослужебнаго содержанія, относящіяся къ 16-му вѣку. Вѣдь если всю рукописную церковно-богослужебную древне-русскую письменность трактовать, какъ имѣющую

болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ вопросу о старообрядческомъ расколѣ, то, конечно, количество подлежащихъ обзорѣнію г. Дубчука рукописей не исчерпывалось отмѣченными у него нѣсколькими экземплярами (№ 1, 3, 4). То обстоятельство, что отмѣченныя г. Дубчукомъ рукописи, по его заявленію, несутъ на себѣ слѣды несомнѣннаго употребленія при раскольническомъ богослуженіи, конечно, не является достаточнымъ основаніемъ,—чтобы относить ихъ къ категоріи памятниковъ, „заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о расколѣ“. Во-2-хъ, библиографическій указатель печатныхъ описаній и изданій рукописей не отличается у г. Дубчука безусловной полнотой. Такъ, напр., въ числѣ изданій Стоглава не отмѣченъ экземпляръ Стоглава, обследованный архим. Евдокимомъ. Въ 3-хъ, есть въ сочиненіи г. Дубчука неудачныя и неточныя выраженія (стр. VI, VIII, 2, 156, 160, 167, 015, 051, 084 и др.). Между прочимъ, различія между отдѣльными списками тѣхъ или другихъ памятниковъ, состоящія нерѣдко въ цѣломъ рядѣ слововыраженій, у автора почему-то всюду опредѣляются, какъ „ореографическія“ разности. Отмѣченные мелкіе дефекты работы г. Дубчука, однако, съ избыткомъ покрываются количествомъ того усидчиваго труда, какой былъ затраченъ авторомъ при ея выполненіи. Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Таржева*:

„Авторъ, повидимому, потратилъ не мало труда на свою механическую работу. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

10) О сочиненіи студента *Житникова Сергѣя* на тему „Южно-славянскіе покаянные номоканоны“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Рукописные покаянные номоканоны, какъ древне-русскіе, такъ и южно-славянскіе, далеко не изучены. А такъ какъ между тѣми и другими есть несомнѣнное сродство, то изученіе ихъ должно вестись параллельно. Такъ это и сдѣлалъ г. Житниковъ. Онъ взялъ для изученія изъ южно-славянскихъ слѣдующія главныя рукописи: болгарскій номоканонъ XIV в. Имп. Пуб. Б-ки Q II, № 90, слѣдованную Псалтирь XV ст. съ добавочными каноническими статьями той-же

удается все-таки въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ достаточною убѣдительностью показать, что эти правила образовались путемъ извѣстныхъ наслоеній, что одни изъ нихъ имѣютъ основное значеніе, а другія являются позднѣйшими вставками и дополненіями. Вопросъ, разсматриваемый авторомъ, еще мало изслѣдованъ, и вся его работа основана на рукописномъ матеріалѣ, далеко не легкомъ для изученія. Степени кандидата богословія г. Житниковъ вполне заслуживаетъ“.

11) О сочиненіи студента *Ильинскаго Владиміра* на тему: „Природа человѣка по русскимъ народнымъ воззрѣніямъ“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Выборъ темы, предложенной г. Ильинскому, опредѣлялся слѣдующими соображеніями:

Какъ для церковнаго дѣятеля, такъ и для историка мысли одинаково необходимо узнать и понять народное жизнепониманіе въ его цѣломъ. Если перваго не можетъ не занимать, къ кому идутъ тѣ, кого онъ учитъ, то втораго, по справедливости, должно интересовать, отъ когò произошли тѣ, у кого онъ учится. Народное міросозерцаніе, какъ глина, для воздѣйствій пастыря, и народное міросозерцаніе какъ лоно, рождающее мыслителей, для историка—вотъ *общій* предметъ размышленій и для дѣятеля жизни и для созерцателя ея. Безъ знанія этой среды народный пастырь бросалъ бы сѣмена ученія на каменистую почву, а ученый вырывалъ бы ростки мысли изъ родной имъ земли. Изучить и понять эту мыслительную среду, какъ *стройное, цѣльное и въ себѣ довлѣющее жизнепониманіе*,—не какъ фантастическій сбродъ капризныхъ ассоціацій недоразвитаго „люда“, не какъ поэтическую аллегорію банальныхъ истинъ и не какъ запутанную ткань сплетающихся „вліяній“,—вотъ трудъ стоящій на очереди и требующій вниманія къ себѣ.

Но чтобы опредѣлить, съ чегò начинать это изученіе, необходимо уяснить себѣ, къ какому типу относится народное жизнепониманіе. Отвлеченно говоря, каждая изъ трехъ проблемъ онтологіи, — „Богъ“ „міръ“ и „человѣкъ“—, можетъ быть принята за *главную*, и, сообразно тому или иному выбору, возникаетъ одинъ изъ *трехъ* типовъ жизнепониманія:

еоцентризмъ, какъ жизнепониманіе откровенно-богословское, церковное, имѣющее въ основѣ опытъ благодатный; *космоцентризмъ*, какъ жизнепониманіе эмпирически-научное, интеллигентское, имѣющее въ основѣ опытъ чувственный, и, наконецъ, *анеропоцентризмъ*,—пониманіе оккультно-метафизическое, философское, корнемъ своимъ имѣющее опытъ магическій. И, хотя рѣдко то или иное жизнепониманіе бываетъ на практикѣ вполне безпримѣснымъ отъ другихъ, но можно, все же, съ большою степенью опредѣленности утверждать, что „народъ“, поскольку онъ не просвѣщенъ церковностью или не развращенъ интеллигентщиной, имѣетъ своею родною стихіей жизнепониманіе именно послѣдняго, „философскаго“ типа. А если—такъ, то въ этомъ анеропоцентрическомъ жизнепониманіи проблема „человѣка“ занимаетъ мѣсто первое, и рѣшеніе ея предопредѣляетъ отвѣты на прочіе вопросы, возникающіе въ умѣ народномъ.

Свое разслѣдованіе того пониманія, котораго держится русскій народъ на природу человѣка, г. Ильинскій раздѣляетъ на *пять* главъ и небольшое заключеніе. Въ *главѣ первой* дается „общая характеристика народнаго міросозерцанія“ (стр. 2-20). Эта характеристика весьма точно выражается эпитафюмъ—стихомъ Баратынскаго: „Съ природой одною онъ жизнью дышалъ“. „Вся природа, по русскому народному представленію,—говоритъ авторъ,—является сплошь проникнутой началомъ взаимной симпатіи и любви. Всѣ элементы ея, не исключая и человѣка, суггестивны, родственны другъ другу. Отъ края до края, вдоль и поперекъ, подобно телеграфнымъ и телефоннымъ проволокамъ, идутъ и взаимно перекрещиваются сочувственные токи природы. Достаточно гдѣ-либо, хотя въ самомъ отдаленномъ уголкѣ этого великаго царства, раздаться тревожному звуку—и, какъ въ сложномъ музыкальномъ ящикѣ, со всѣхъ сторонъ раздадутся созвучные аккорды. Точь въ точь, какъ въ сказкѣ «Иванъ царевичъ и Сѣрый волкъ»: строго на строго наказывалъ Сѣрый волкъ Ивану царевичу—взявъ коня изъ конюшни, не брать золотой уздечки. Но Иванъ царевичъ не послушался своего покровителя и, захвативъ коня, хотѣлъ снять и уздечку, висѣвшую на стѣнѣ. Но лишь только онъ дотронулся до нея, какъ «вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всей конюшнѣ, потому что къ той уздѣ были струны при-

ведены». Все живо и все разумно въ природѣ,—вся она по образу человѣка, и самъ человѣкъ—лишь часть ея.—Таково содержаніе *первой главы*. *Вторая глава* (стр. 21-70) разсматриваетъ „представленія народа о душѣ“. Она дѣлится на пять отдѣловъ. Сперва даются „общія замѣчанія“, въ которыхъ душа человѣческая характеризуется какъ существо самостоятельное и независимое отъ тѣла; изслѣдуется мѣсто-пробыванія ея, ея природа, „матеріальная и вещественная“, и тождество ея съ душою прочихъ тварей и со стихіями,—что видно изъ доступности для души „воплощаться“ въ разныя формы. Затѣмъ идетъ подробное разсмотрѣніе разныхъ видоизмѣненій души,—стихійныхъ (душа—огонь, звѣзда; душа—дыханіе, вѣтеръ, дымъ и парь), зооморфическихъ (душа—крылатое существо; душа—животное), растительныхъ (душа—растеніе, дерево, цвѣтокъ) и анеропоморфныхъ (душа—русалка, малютка-эльфъ, тѣнь).—*Третья глава* (стр. 71-129) раскрываетъ „представленія народа о внутреннемъ мірѣ человѣка и о нѣкоторыхъ проявленіяхъ духовной стороны его существа—въ частности“. Сперва дается „общая характеристика этихъ представлений“; внутренняя жизнь человѣка характеризуется, именая, „конкретизмомъ“—во-первыхъ и „детерминизмомъ“—во-вторыхъ. „Конкретизмъ“ заключается въ истолкованіи внутреннихъ процессовъ какъ процессовъ внѣшнихъ,—черезъ уподобленіе ихъ явленіямъ внѣшней природы; „детерминизмъ“ „заключается въ томъ, что эти переживанія мыслятся не какъ произведеніе свободнаго человѣческаго духа, могущаго, по собственной инициативѣ, возбуждать въ себѣ тѣ или иныя чувства и настроенія мысли и желанія,—но какъ неизбѣжный результатъ воздѣйствія разнаго рода внѣшнихъ причинъ и факторовъ“. Затѣмъ, въ частности разсматриваются въ рядѣ параграфовъ наиболѣе значительныя явленія внутренней жизни: любовь, тоска - кручина, слово и мысль, наука и мудрость.—Въ слѣдующей, *четвертой главѣ*, излагаются „представленія народа о тѣлѣ человѣка“ (стр. 130-188). Сперва вообще разсматривается „составъ тѣлесной природы человѣка“ и характеризуется „механическое представленіе о тѣлѣ“; затѣмъ идетъ рѣчь о „рожденіи человѣка“ и, наконецъ, о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ тѣла,—о „глазахъ“, о „волосахъ“, о „крови“ и о „болѣзняхъ“ (т. к. болѣзни—не состоянія тѣла, и именно составныя части его).—

Пятая глава, послѣдняя, удѣлена „представленіямъ народа о смерти и посмертномъ существованіи“ (стр. 189-209), и въ ней мы находимъ параграфы о „смерти“, о „посмертномъ существованіи“ и о „мѣствъ загробнаго существованія“. Наконецъ, въ „*Заключеніи*“ (стр. 210-219) г. Ильинскій пытается вкратцѣ уяснить отношеніе народныхъ воззрѣній къ Библейскимъ и связь поэзіи съ жизнепониманіемъ народнымъ.

Таковъ планъ. Но, чтобы судить о его достоинствахъ, необходимо держать въ умѣ своеобразность того матеріала, который излагается по нему. Вѣдь можно составить планъ стройный и изящный до изученія предмета; но при всей своей логичности онъ легко можетъ оказаться прокрустовымъ ложемъ для излагаемыхъ взглядовъ, ибо дѣленія его выражаютъ не естественныя расчлененія излагаемаго, а привычки и требованія ума излагающаго. Съ другой стороны, составляя планъ уже по изученіи предмета, сообразный съ его естественными очертаніями, можно пойти въ разрѣзъ привычнымъ для читателя дѣленіямъ понятій. Предпочитая стѣсненіе читателя стѣсненію предмета, г. Ильинскій пошелъ вторымъ изъ указанныхъ путей, и, съ точки зрѣнія народныхъ взглядовъ, его планъ нельзя не признать удачнымъ. Преимущество сдѣланнаго выбора обнаруживается спервоначала же, т. к. обильный матеріалъ располагается по, страннымъ на первый взглядъ, рубрикамъ естественно и сжато.

Источниками г. Ильинскаго служили собранія сказокъ, пѣсенъ, пословицъ, заговоровъ, причитаній и отчасти апокрифовъ, — ибо, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ, и они стали достояніемъ народнымъ. Затѣмъ, авторомъ внимательно изучены труды Аванасьева, Харузина, Шеппинга, Сумцова, Ветухова, Веселовскаго и др. Хотя пожаловаться на недостатокъ литературы въ данномъ случаѣ было бы несправедливостью, но все же слѣдуетъ отмѣтить въ приводимомъ г. Ильинскимъ перечнѣ отсутствіе трудовъ врача *В. Ф. Демича* по народной медицинѣ, собранія этнографическихъ матеріаловъ *П. В. Шейна*, сказокъ—*Ончукова* и рѣшительное умолчаніе этнографическихъ журналовъ.

Въ общемъ, изложеніе народныхъ воззрѣній сдѣлано достаточно полно и отчетливо; принимая же во вниманіе, что

работа г. Ильинскаго—первый опытъ въ своемъ родѣ, должно привѣтствовать ее, какъ цѣнное систематизированное собраніе отдѣльныхъ, разбросанныхъ по многимъ источникамъ черточекъ народной этнопологіи. Изложеніе въ общемъ ведется со стремленіемъ проникнуть въ душу народную и съ пониманіемъ, если не метафизическихъ, то поэтическихъ преимуществъ народныхъ воззрѣній предъ интеллигентскими. Самый тонъ работы—воодушевленный; читается она безъ труда и даже съ интересомъ. Самые недостатки ея чаще всего объясняются изъ трудности противостоятъ гипнотизирующему воздействию генераловъ отъ фольклора, каковъ напримѣръ А. Н. Аванасьевъ, свои громадныя познанія и свой талантъ употребившихъ на тенденціозную защиту недостойныхъ ихъ и поверхностныхъ теорій. Читая сочиненіе г. Ильинскаго, нерѣдко говоришь себѣ: „Какъ было бы хорошо, если бы онъ ограничился одними только сборниками сырыхъ матеріаловъ и не связывалъ бы себя съ сюзеренами въ тяжелыхъ латахъ, но на ногахъ безсильныхъ!“

Эти дурныя вліянія литературы начинаются уже съ произвольнаго терминопотребленія, кстати сказать, такъ часто встрѣчающагося у историковъ литературы и фольклористовъ,—насилій надъ языкомъ тѣмъ болѣе досадныхъ, что ничто не нудило автора ставить мнимый *терминъ* тамъ, гдѣ можно было бы обойтись обычнымъ *словомъ*.

Такъ, г. Ильинскій многократно (стр. 4, 5, 29, 43, 45, 46, 53, 58, 61, 66 и т. д.) говоритъ объ „*инкарнаціи*“ души, доходя даже до *contradictio in terminis*: „зооморфная инкарнація души“—(стр. 58). Огонь, звѣзда, цвѣтокъ, птица, русалка и т. д.—все это, по настойчивому заявленію автора, „инкарнаціи“, „воплощенія“ души. Но, по его же объясненіямъ, совершенно справедливымъ, для народа нѣтъ рѣзкой границы между духомъ и веществомъ. Огонь, звѣзда и т. д.—это, по народному пониманію, *не* инкарнаціи души, а *виды* души, способы явленія ея, и если ужъ надо говорить иностранное слово, то мы сказали бы: это—„матеріализація“ души или „манифестація“ ея въ видѣ огня и т. д., это, какъ выражается случайно въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ, „морфизація души въ мышь“ (стр. 56-7).—По легендѣ, одинъ старецъ, войдя ночью въ хату, увидѣлъ въ одной изъ комнатъ, что „двигадюки кусаютца“, и оказалось, что въ этой комнатѣ жили

несогласные супруги (стр. 54-55). Но малорусская легенда вовсе не хочет сказать, что души ихъ „воплотились“ въ гадюкъ, а просто—, что онѣ явились во образѣ гадюкъ. Даже русалки—и онѣ „воплощеніе“ душъ, по словамъ г. Ильинскаго (стр. 66). Но вѣдь и безъ *изученія* фольклора,—а, м. б., именно *безъ* изученія его—всякому ясно, что не душа живетъ въ русалкѣ, а что сама русалка—это и есть душа,—не вселившаяся, а явившаяся.

Другое понятіе, которымъ злоупотребляетъ г. Ильинскій,—это понятіе „матеріальности“. Онъ забываетъ, что глаголемая „матеріальность“ есть противоположеніе „духовности“ (въ *психологическомъ*, не въ аскетическомъ смыслѣ), и что поэтому не можетъ быть понятія о матеріальности тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о духовности. Вотъ почему безсодержательны утвержденія его вродѣ: „природа души матеріальна“ (стр. 26), „слово—матеріально“ (стр. 107) и т. д. Народъ не различаетъ понятій „матеріальность“ и „духовность“: для него все имѣетъ свойства и духовныя и матеріальныя, и, если ужъ разсуждать въ научныхъ терминахъ, то надо бы характеризовать душу не матеріалистически, а монистически.

Точно также неоснователенъ и персонализмъ, приписываемый г. Ильинскимъ народнымъ воззрѣніямъ. Чтобы сказать: „Все лично“ (стр. 15), надо доказать, что у народа есть понятіе о чистой вещиности, и что своимъ сужденіемъ „Все лично“ народъ устраняетъ возможность сужденія: „Есть чистая вещь“. Но, поскольку нѣтъ понятій о вещи, постольку не можетъ быть понятій и о личности. Да и самое-то понятіе о личности, созданное христіанствомъ, рѣшительно чуждо магическому жизнепониманію народа, какъ чуждо оно и произрастающей на немъ философіи.

Ошибка подобнаго же рода въ утвержденіи г. Ильинскаго, что „народъ смерти не знаетъ“ (стр. 5). Конечно, народъ не противопоставляетъ живого—безжизненному, да и самое-то слово „безжизненный“, въ его научномъ значеніи, исключается народнымъ языкомъ. Но смерть извѣстна народу, доказательствомъ чего служитъ хотя бы существованіе въ его языкѣ слова „смерть“. Но если, такимъ образомъ, нѣтъ противоположенія „живой“ и „безжизненный“, а г. Ильинскій говоритъ повидимому о „безжизненномъ“, то народъ именно

не знаетъ безжизненнаго,—не знаетъ, а не отрицаетъ его существованія.

Еще ошибка того же типа—утвержденіе о „механическомъ характерѣ народныхъ представленій о тѣлѣ“ (стр. 134). *Механическое* прогивополагается *органическому*; у народа же нѣтъ ни того, ни другого понятія, и его воззрѣнія не характеризуются ни тѣмъ, ни другимъ признакомъ. Скорѣе всего, народное представленіе о тѣлѣ—какъ о симбіозѣ, о колоніи, о содружествѣ органовъ и частей,—во всякомъ случаѣ не какъ о механизмѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что каждый членъ тѣла одаренъ самодѣятельностью и можетъ отказаться отъ своей обычной работы, а остальные, какъ-нибудь, обходятся сами по себѣ, ясно доказываетъ, что тѣло—не механизмъ, ибо механизмъ, по изытіи части, вовсе перестаетъ дѣйствовать, а части его лишены какой бы-то ни было самостоятельности.

Еще болѣе неудачнымъ должно признать терминъ „суггестивный“, заимствованный г. Ильинскимъ едва ли не у одного изъ Веселовскихъ. Непонятно, къ чему понадобилось ученымъ авторамъ вводить этотъ даже въ психологіи малоупотребительный терминъ въ какомъ-то расплывчатомъ значеніи, для обозначенія внутренней связи природы и человека (см. стр. 20).

„Принципъ similia similibus...“ въ народномъ пониманіи г. Ильинскій передаетъ слѣдующей фразой: „Придумываютъ какой-либо *суррогатъ* больного мѣста и, *оперируя* съ нимъ, рассчитываютъ оказать воздѣйствіе на его *дѣйствительный эквивалентъ*“ (стр. 181). Недоумѣваю, можно ли „замѣстителя“ больного члена назвать „суррогатомъ“, а самый членъ—„дѣйствительнымъ эквивалентомъ его“, т. е. суррогата. Если и впрямь суррогаты бываютъ не только кофе съ чаемъ, но и рукъ, глазъ, сердца и т. п., то, конечно, не символъ и не часть органа, употребляемая въ магіи, есть „суррогатъ“ его, а какая-нибудь искусственная рука, или стеклянный глазъ, или резиновое сердце, буде таковое появится въ продажѣ, вставляемые вмѣсто настоящихъ. Но еще болѣе странно говорить объ „эквивалентѣ суррогата“ въ смыслѣ настоящаго органа, ибо эквивалентомъ суррогата можетъ быть лишь другой суррогатъ, но никакъ не органъ, который выходилъ бы „эквивалентъ своего эквивалента“.

Рецензентъ понимаетъ, что за всѣми этими столь поспѣшными выраженіями содержится смыслъ не столь непріемлемый; но если даже *русскія, народныя* воззрѣнія мы станемъ излагать газетнымъ эсперанто, то чтѣ станется съ русскимъ языкомъ. Однако, смѣю думать, что эти выраженія, навѣянные больною литературою на здоровую голову г. Ильинскаго и воспринятія имъ отъ излишней довѣрчивости, тамъ, въ этой литературѣ, вовсе *не* случайны. Люди говорятъ какимъ-то не то жаргономъ, не то космополитическимъ воляпюкомъ потому, что у нихъ нѣтъ ни чутья, ни любви къ русскому языку. Но, мало того. Самое примѣненіе къ народному жизнепониманію терминовъ и понятій интеллигентской „науки“, ему вовсе не свойственныхъ, самый судъ надъ русской общиною по законамъ интернаціональнаго умственнаго кагала убѣждаетъ съ безспорностью, что за подсудимымъ не признается самобытности. Народъ, при такихъ условіяхъ, неизбежно долженъ оказаться „смѣшивающимъ“ то-то и то-то „не знающимъ“ того-то и того-то и т. д., однимъ словомъ, его духовная жизнь тогда не можетъ не оказаться лишь „рудиментомъ“ интеллигентской, лишь нисшей ступенью на пути къ интеллигентщинѣ. Но чтобы не говорить этого сразу, обыкновенно дѣлаютъ сперва поспѣвъ мнимо-ученныхъ словъ, которыя затѣмъ неизбежно должны дать въ умахъ ядовитую жатву.

Сказанное здѣсь я не отношу къ г. Ильинскому,—я его лишь предостерегаю. Но и у него, не смотря на его сочувственное отношеніе къ народной жизни, тамъ и сямъ срываются высокомѣрные отзѣвы о томъ, что народъ „не доросъ“, „не умѣетъ“ и т. п.

Наиболѣе существенный вредъ отъ этого—упрощенное толкованіе души народной, выражающееся въ натуралистическомъ объясненіи онтологическихъ взглядовъ народа. Народныя воззрѣнія основаны на непосредственной, природной мистикѣ; тутъ, въ глубинѣ мистическихъ погруженій въ естество вещей, на лонѣ матери-природы открывается таинственное сродство явленій и существъ, внѣшне разнородныхъ. Производное ли познающаго разума, или данное онтологіи—но есть какое-то столь же странное, сколь и несомнѣнное соотвѣтствіе вещей и существъ,—есть естественная символика бытія. Для разсудочника-интеллигента, не знающаго міровъ иныхъ, все выравнивается въ плоскости раз-

судка. И такого же разсудочника интеллигентъ хочетъ видѣть въ народѣ. Отсюда-то и возникаютъ подмѣны простыхъ и само собою понятныхъ сужденій народа, выражающихъ непосредственное воспріятіе, сложными силлогизмами, предполагающими громоздкія разсудочныя теоріи, къ тому же крайне поверхностныя. „Глаза жгутъ“—это понятно всякому. Но интеллигентъ полагаетъ, что яснымъ это можетъ стать только благодаря его помощи,—когда онъ „установитъ“, будто народъ считаетъ глаза причастными свѣту, а, стало быть, и теплу, ибо не бываетъ свѣта безъ тепла; тепло же—отъ огня, а огонь—жжетъ; ergo, и глаза жгутъ. Но на дѣлѣ бываетъ въ народной душѣ совсѣмъ не такъ. Въ основѣ сужденій лежатъ переживанія, и, въ сущности, *всѣ* или *почти всѣ сужденія суть „сужденія воспріятія“*. Глаза родственны огню, погумучто они жгутъ, а не—жгутъ потому, что родственны. Да и откуда бы иначе могли вѣстаться рѣчи о сродствѣ глазъ съ огнемъ? Метафора—это вывѣтрившаяся истина онтологіи, а не онтологія—взятая всерьезъ метафора. Между тѣмъ, на мнимомъ подмѣнѣ народомъ реальностей и конкретныхъ переживаній отвлеченными, неизвѣстно откуда берущимися понятіями и теоріями основано большинство научныхъ „объясненій“ народнаго жизнепониманія. Если бы интеллигентъ на минуту отрѣшился отъ своего „культурнаго“ высокомерія и своей разсудочной гордыни и, лишь на минуту, пересталъ бы считать всѣхъ, не принадлежащихъ къ „своимъ“, къ кружку своихъ единомышленниковъ, идіотами и кретинами,—которые могутъ удовлетвориться самымъ наиповерхностнѣйшимъ объясненіемъ,—то тогда бы онъ повялъ безуміе навязывать цѣлому народу, цѣлымъ народамъ глухія теоріи, чтобы потомъ, опровергнувъ ихъ и показавъ ихъ нелѣпность, еще болѣе утвердиться въ своей разсудочной отрѣзанности отъ всего живого.

Къ сожалѣнію, не вполне избавился отъ гипноза интеллигентщины и г. Ильинскій. То становясь на приблизительно правильную точку зрѣнія описанія, то усваивая себѣ высокомерный тонъ и дѣлая заявленія о томъ, что „народъ еще не доросъ“, „народъ не умѣетъ анализировать“, что его жизнепониманіе „рудиментарно“ и т. п., онъ неизбѣжно начинаетъ хромать на оба колѣна.

Приведенный выше примѣръ „глазъ“ выхваченъ рецензентомъ наудачу; подобныхъ объясненій можно было бы при-

влечъ и еще немало. Въ оправданіе г. Ильинскому можно сказать лишь то, что „не онъ одинъ,—всѣ такъ же разсуждаютъ“. Вѣдь видѣть въ художественныхъ народныхъ произведеніяхъ, въ символахъ, съ удивительнымъ единообразіемъ повторяющихся изъ вѣка въ вѣкъ и отъ народа къ народу, не болѣе какъ выраженіе самыхъ плоскихъ истинъ,—одно время стало необходимою принадлежностью „научности“; при этомъ изслѣдователи не задавали себѣ вопроса ни о томъ, откуда берется это единообразіе символики, ни о томъ, какой интересъ народу заниматься, и упорно заниматься, въ сложномъ видѣ, тѣмъ, что всякому извѣстно въ видѣ болѣе простомъ и болѣе обыкновенномъ.

По слѣдамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, г. Ильинскій рѣшительно проводитъ чрезъ все сочиненіе ту мысль, что народъ понимаетъ природу „какъ себя“, по образцу своей внутренней жизни. Но когда заходитъ рѣчь о томъ, какъ же народъ понимаетъ себя, свои внутренніе процессы, то изслѣдованіемъ обнаруживается съ настойчивостью не меньшею, что себя онъ понимаетъ „какъ природу“, по образцу тѣхъ процессовъ, которые наблюдаетъ въ природѣ. И на этомъ и г.г. изслѣдователи, и г. Ильинскій успокоиваются, даже не замѣчая, что если народъ „понимаетъ природу, какъ себя, и себя, какъ природу“, то *или* тутъ въ изслѣдованіи—*идетъ per idem, или же*—весьма интересная и многозначительная *антиномія*. Но, хотя г. Ильинскій и не даетъ себѣ труда поставить въ данномъ мѣстѣ критическое NB, однако читатель невольно спрашиваетъ себя: „Да что же это? грубый ли логическій промахъ, или антиномія первостепенной важности?“ Со своей стороны рецензентъ осмѣливается высказаться именно за *антиномію*, и тогда встаетъ новый вопросъ: „Гдѣ корни этой антиноміи?“ Не содержатся ли они въ тѣхъ мистическихъ переживаніяхъ, гдѣ нѣтъ ни „себя“, ни „природы“ въ ихъ раздѣльности, а есть просто бытіе, которое потомъ расщепляется на два параллельныхъ ряда переживаній,—на рядъ переживаній субъективныхъ и на рядъ переживаній объективныхъ. Тогда понятно было бы, почему должно быть, при всей разнородности этихъ рядовъ, ихъ символическое взаимное соотвѣтствіе и почему переживанія внутреннія находятъ себѣ символическое выраженіе во внѣ, а внѣшнія—внутри. Такимъ образомъ дѣлалась бы понятной и без-

спорная наличность того, что можно назвать „естественной символикой“, т. е. такого символическаго словаря *человѣчества*, который вытекаетъ изъ природы бытія и которому надо учиться не въ школахъ и не въ книгахъ, а на лонѣ природы и въ тиши келліи.

Не желая затягивать рецензію, мы ограничимся сказаннымъ и оставимъ безъ упоминанія другіе промахи, болѣе частнаго характера, касающіеся неправильности изложенія того или другаго факта и неточности того или иного выраженія. Скажемъ только о странномъ впечатлѣніи, которое не можетъ не произвести на читателя „Заключеніе“. Вопросы затрогиваемые имъ слишкомъ важны, сложны и трудны, чтобы можно было отдѣлываться отъ нихъ нѣсколькими страницами: писать же о нихъ основательно—это значило бы написать сочиненіе въ нѣсколько разъ превосходящее и по объему и по степени трудности все написанное г. Ильинскимъ до „Заключенія“. Тема „Заключенія“ есть тема диссертации, и потому лучше всего было бы вовсе его опустить.

Но, не смотря на указанные здѣсь недочеты и недостатки, общіе г. Ильинскому съ большинствомъ авторовъ по народо-вѣдѣнію, рецензентъ признаетъ, что г. Ильинскій собралъ большой матеріалъ, продумалъ его, въ общемъ, глубже, чѣмъ онъ продуманъ во многихъ аналогичныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, и далъ изложеніе читающееся съ интересомъ. Желательно было бы, чтобы работа его не залеживалась въ академическомъ архивѣ, а, пройдя чрезъ очистительный огонь критики автора, вышла въ свѣтъ по надлежащей переработкѣ.

Степени кандидата г. Ильинскій вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Сравнительно небольшое по объему (стр. 219) сочиненіе г. Ильинскаго написано самостоятельно, съ достаточнымъ знаніемъ русскаго фольклора (литература указана на стр. 220—222) и съ несомнѣннымъ интересомъ къ предмету. Свой подвижный и иногда едва уловимый матеріалъ (сказки, народныя стихи, пословицы и поговорки и т. д.) авторъ оформилъ довольно удачно и систематизировалъ по рубрикамъ, въ основу которыхъ положенъ ясный планъ. Онъ даетъ сначала общую характеристику народнаго міросозерцанія (гл. I):

потомъ выясняетъ представленія народа о душѣ (гл. II), о внутренней сторонѣ душевной жизни и ея проявленіяхъ (гл. III), о тѣлѣ человѣка (гл. IV), о болѣзняхъ, смерти и посмертномъ его существованіи (гл. V) и, наконецъ, — въ краткомъ заключеніи (стр. 210—219), — пытается освѣтить народныя воззрѣнія съ христіанско-богословской точки зрѣнія.

Основной тезисъ автора, — „человѣкъ и природа суггестивны другъ другу“ (стр. 20), — выступаетъ въ изслѣдованіи довольно отчетливо и *въ этомъ смыслѣ*, то-есть *со стороны феноменологии вопроса*, сочиненіе можетъ быть признано достигающимъ своей цѣли. Но за вопросами феноменологии возникаютъ болѣе глубокіе вопросы. Почему, — спрашивается, — народъ стоитъ подъ властью такого стойкаго убѣжденія, въ этой „суггестивности“ природы и человѣка? Есть ли что-нибудь и чтѣ именно есть, въ объективномъ порядкѣ, въ жизни самой природы, что внушало бы ему это убѣжденіе, и отъ чего зависѣло то обстоятельство, что народный фольклоръ всегда отливался въ такую согласную схему, съ одинаковыми, въ общемъ, мотивами? Только ли субъективное здѣсь творчество, обусловленное законами народной психологии, или также и выраженіе объективнаго строя вещей и отношеній, — поэзія-ли только, или вмѣстѣ и истина? Надъ этими важными и интересными вопросами авторъ, къ сожалѣнію, въ своемъ трудѣ не останавливается и *съ этой точки зрѣнія* его сочиненіе оставляетъ многого желать.

Еще большаго оставляетъ оно желать съ точки зрѣнія христіанско-богословской. Правда, въ заключеніи, — къ сожалѣнію уже черезчуръ краткомъ, — авторъ говоритъ кое-что въ разъясненіе этого вопроса: говоритъ о творческомъ могуществѣ слова, о ненормальности и неестественности смерти и т. д., изъ чего, по его разъясненіямъ, должно слѣдовать „сходство до тожества“ идей, понятій и сужденій, выразившихся въ народномъ творествѣ, съ идеями христіанскими. Но, во-первыхъ, эти замѣчанія слишкомъ кратки и поверхностны, а иногда и недостаточно продуманны. Во-вторыхъ, слѣдуетъ съ сожалѣніемъ отмѣтить, что самое важное мѣсто изъ Новаго Завѣта, которое автору непременно слѣдовало бы имѣть въ виду при обсужденіи его темы, — мы разумѣемъ Римл. VIII, 19—22, — онъ совсѣмъ оставилъ безъ вниманія. И, хотя у него есть замѣчаніе, — по обычаю очень бѣглое и

поверхностное, къ тому же и неточное,—что „какъ христіанское ученіе, такъ и народное міросозерцаніе одинаково (?) ставятъ идеаломъ (!) міровой жизни сліяніе всѣхъ элементовъ въ едино, всеобщую гармонію и синтезъ“ (стр. 212), но этотъ важный для его сочиненія тезисъ остался у него совершенно не раскрытымъ и не обоснованнымъ. По мнѣнію рецензента, это—очень существенный недостатокъ сочиненія.

Однако-же, для полученія степени кандидата сочиненіе г. Ильинскаго, какъ трудъ, выполненный въ феноменологической части тщательно, все же можетъ быть признано достаточнымъ“.

12) О сочиненіи студента *Каширевинова Владимира* на тему: „Ученіе пророковъ о внѣшней природѣ, о человѣкѣ и объ общественномъ бытѣ въ Мессіанское время“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Каширевинова имѣетъ дѣло съ однимъ изъ важныхъ вопросовъ ветхозавѣтной священной письменности. именно съ вопросомъ объ описаніяхъ Мессіанскаго царства у пророковъ. Планъ сочиненія предначертанъ въ самой темѣ, содержащей 3 тезиса, а поэтому и въ сочиненіи 3 основныхъ отдѣла, дополняемыхъ предисловіемъ и заключеніемъ. Послѣ небольшой вступительной части, посвященной (общему) эскизу ветхозавѣтной амартологии, авторъ послѣдовательно говоритъ: 1) о внѣшней природѣ въ Мессіанское время по даннымъ пророческихъ книгъ, касаясь неорганической и органической природы, 2) о человѣкѣ со стороны его физической жизни, душевныхъ и духовныхъ свойствъ во времена Мессіанскаго царствованія (въ духѣ обще-библейской антропологии) и въ 3) объ общественномъ бытѣ въ то же время, причемъ упоминаетъ и о сообщеніяхъ въ пророческихъ книгахъ относительно Іерусалима Мессіанскихъ временъ и о воззрѣніяхъ языческаго міра на Мессіанскую монархію. Источникомъ для автора прежде всего служила сама ветхозавѣтная Библия и только ради противоположенія іудейской внѣ-библейской апокалиптики ветхозавѣтнымъ пророчесственнымъ описаніямъ авторъ приводитъ данныя іудейской Мессіологии

изъ такихъ книгъ, какъ псалмы Соломона, Сивиллины книги книга Эноха, Малое Бытіе (кн. Юбилеевъ), сирекій апокалипсисъ Варуха, латинскій апокалипсисъ Еадры, завѣщаніе 12 патріарховъ (памятники іудео-христіанскіе) и т. п. Сочиненіе имѣло своею задачею выборку (отборъ) и схематическое соединеніе Библейскихъ пророчесственныхъ мѣстъ, освѣщающихъ съ разныхъ сторонъ Мессіанское царство, а потому оно представляетъ по мѣстамъ мозаику изъ Библейскихъ выписокъ (sentences—catena); авторъ описываетъ Мессіанскія времена языкомъ Библейскаго подлинника, и заслуга его въ полнотѣ представленія предмета рѣчи. У разныхъ пророковъ имѣются параллельныя мѣста, а потому писавшему приходилось выбирать т. с. классически сказанное о томъ или другомъ явленіи въ Мессіанскую эпоху. Сочиненіе г. Каширенинова помимо прямого текстуально-эвдегетического содержанія косвенно преслѣдуетъ и апологетическую задачу устранить приписаніе пророкамъ грубо-чувственныхъ воззрѣній на Мессіанское царствованіе, что заставляло бы видѣть въ нихъ предшественниковъ христіанскихъ хиліастовъ. Заслугу автора составляетъ и то, что онъ привлекъ въ поле своего зрѣнія древне-языческія, по преимуществу греко-римскія концепціи золотого вѣка, какъ культурно-историческую параллель къ фантастической мессіологии іудейской апокалиптики, носящей по мѣстамъ не религіозно-этический, но легендарно-матеріалистическій характеръ. Авторъ знакомъ съ ожиданіями реставраціи золотого вѣка у древнихъ индусовъ (аватары Вишну), у древнихъ персовъ (данная о Сосіошѣ или Саошіангѣ и Кайомортѣ), у древнихъ египтянъ (соеическій періодъ); много вниманія г. Каширениновъ уделяетъ чаяніямъ земнаго безоблачнаго счастья у орфиковъ, у Гезіода, особенно въ получившей широкую извѣстность 4 эклогѣ Virgilія, давшей ему въ средневѣковой схоластикѣ право на мѣсто среди ветхозавѣтныхъ пророковъ. Изложеніе всѣхъ тематическихъ вопросовъ у автора согрѣто религіознымъ чувствомъ, заставляющимъ его по мѣстамъ писать какъ вдохновеннаго пророческими описаніями лирика. Но вообще въ авторѣ замѣтенъ человекъ религіозно-вдумчивый, тщательно взвѣшивающій свои слова, проникнутый мыслью о важности и отвѣтственности экзегесиса столь много говорящихъ Библейскихъ мѣстъ. Въ сочиненіи нѣтъ,

разумѣтся, оригинальности въ смыслѣ новыхъ выводовъ, нѣтъ смѣлыхъ новыхъ комбинацій, но продуманное старое въ изложеніи автора облекается въ уборъ свѣжаго и глубокаго религіознаго чувства.

Изъ недостатковъ въ сочиненіи рецензентъ можетъ указать: 1) на отсутствіе текстуально-критическаго изученія Библейскаго подлинника съ выясненіемъ Мессіологической терминологіи пророковъ, 2) на наклонъ автора къ неологизмамъ или къ новому употребленію выраженій, ставящихся терминологически, на примѣръ, онъ говоритъ объ *единосушій* мужа и жены, о *пророкахъ* въ смыслѣ предсказателей и т. п., 3) на внесеніе въ текстъ матеріала, которому мѣсто подъ строкою, благодаря чему авторъ, какъ писатель, скрывается по мѣстамъ за выписками изъ подлинника Библии, 4) на отсутствіе точныхъ ссылокъ на сочиненія, служившія автору вторыми пособіями, 5) на смѣшанность рубрикъ въ изложеніи, на примѣръ, о климатическихъ явленіяхъ въ Мессіанское время сказано не на мѣстѣ, 6) на спорадически лишь обнаруживаемое и притомъ слабое знакомство съ патристическою экзегетикою, на примѣръ съ толкованіями бл. Иеронима, бл. Августина и т. п. Однако эти частные lapsus въ работѣ г. Каширенинова не препятствуютъ ей быть признанной вполне удовлетворительнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе—очень хорошее. Недостатокъ его лишь тотъ, что въ немъ много лишняго, не относящагося прямо къ темѣ: такъ, все введеніе (стр. 1—32) совершенно не нужно. Взявъ темой ученіе *пророковъ*, авторъ однако ссылается и на языческихъ греческихъ и латинскихъ писателей, и на апокрифы, и на Талмудъ; если говорить о нихъ, то развѣ въ примѣчаніяхъ. Если выбросить все не относящееся къ темѣ, сочиненіе, мнѣ кажется, выиграло бы“.

13) О сочиненіи студента священника *Колесниченко Александра* на тему: „Ученіе первыхъ расколуучителей о Церкви и таинствахъ. (Изложеніе и разборъ)“.

а) И. д. доцента священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Сочиненіе о. Колесниченко начинается введеніемъ. (Первыя страницы введенія, трактующія о значеніи Церкви для

всѣхъ христіанъ, можно было бы опустить безъ всякаго ущерба для дѣла). Во введеніи поименованы расколоучители, въ сочиненіяхъ которыхъ излагаются взгляды на Церковь и таинства, данъ обзоръ литературы о первыхъ расколоучителяхъ, указана задача сочиненія, намѣчены планъ и методъ. Самое изслѣдованіе раздѣляется на двѣ части. Въ первой части, подраздѣляющейся на главы, излагается ученіе первыхъ расколоучителей о Церкви вообще, о Церкви Восточной и Западной, о Русской Церкви до Никона, объ истинной Церкви въ Россіи со времени патріаршества Никона и о Церкви Никоніанской. Во второй части изложено ученіе первыхъ расколоучителей объ іерархіи и таинствахъ, безъ раздѣленія на главы. Въ такъ называемой заключительной главѣ содержится разборъ ученія первыхъ расколоучителей о Церкви и таинствахъ. Эта глава сравнительно очень не велика (267 — 295 стр.) и представляетъ собственно не разборъ ученія первыхъ расколоучителей о Церкви и таинствахъ, а повтореніе того, что говорено объ этомъ въ двухъ частяхъ изслѣдованія, параллельно съ изложеніемъ ученія расколоучителей.

Авторъ далъ подробный перечень трудовъ первыхъ расколоучителей, относящихся къ данной темѣ; равно какъ представилъ обстоятельный обзоръ литературы о первыхъ расколоучителяхъ и ихъ взглядахъ на Церковь и таинства. Матеріалъ, использованный имъ при написаніи рецензируемаго сочиненія, очень обширенъ. Изученіе этого матеріала было не поверхностное: видна самостоятельная обработка и критическое отношеніе къ бывшимъ у автора подъ руками пособіямъ. Изложеніе связанное и послѣдовательное: авторъ всюду строго слѣдуетъ принятому плану. Въ стилѣ автора особенныхъ дефектовъ не замѣчается.

Въ первой главѣ первой части (изложеніе ученія первыхъ расколоучителей о Церкви вообще) читающаго утомляетъ чрезвычайная монотонность, обусловливаемая, впрочемъ, самымъ характеромъ темы и матеріаломъ, подлежащимъ обработкѣ. Лучше было бы не излагать въ отдѣльности ученіе cadaго расколоучителя, а только отмѣтить характерныя особенности cadaго изъ нихъ. Заключение этой главы, по которому ученіе первыхъ расколоучителей о Церкви въ общемъ ничѣмъ не отличается отъ православнаго, показываетъ, что объемъ :

этой главы (стр. 46—87) могъ быть сокращенъ до немногихъ страницъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи уже не встрѣчаемъ такой монотонности и однообразія.

При стройности и послѣдовательности въ развитіи мыслей, въ рецензируемомъ сочиненіи встрѣчаются по мѣстамъ замѣчанія совершенно излишнія и недостаточно обоснованныя: въ немъ не рѣдки повторенія, есть случаи трудно примиримыхъ противорѣчій. На стр. 45 авторъ разсуждаетъ: „въ заключеніи каждой главы... придется отмѣтить не только сходство ихъ (расколоучителей) воззрѣній, но и то, насколько они разошлись въ томъ или другомъ пунктѣ ученія;... разность въ пунктахъ ихъ ученія будетъ свидѣтельствовать о неправильности въ ихъ ученіи, ибо истина едина, и правильное ученіе должно всѣми раздѣляться согласно“. Автору, повидимому, этотъ аргументъ кажется очень сильнымъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія послѣдователя любого раскольническаго толка, любой рационалистической секты, православіе—не болѣе, какъ уклонившаяся отъ пути истины секта. И каждая раскольническая или сектантская община (или ея основатель и представитель) утверждаетъ, что въ ней именно царитъ согласіе и единомысліе; тогда какъ всѣ, находящіеся внѣ ея, никакъ не могутъ придти къ соглашенію. Слѣдовало-бы опровергать лжеучителей на томъ основаніи, что они часто противорѣчатъ сами себѣ, что они отступаютъ отъ признаваемыхъ ими за истину положеній. На стр. 117—118 о Колесниченко усматриваетъ сбивчивость и противорѣчіе въ рѣшеніи соловецкими иноками „вопроса о времени, до котораго Россія славилась своимъ благочестіемъ и правой вѣрой“. Строго говоря, никакого противорѣчія нѣтъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ иноки говорятъ о новыхъ книгахъ, въ другомъ—о патриаршествѣ Никона, въ третьемъ—о царствованіи Федора Ивановича. Разсужденія на стр. 220, въ прим. на стр. 272, на стр. 292—293 необходимо признать излишними. Таково же замѣчаніе на стр. 37—38. На стр. 38 и 44, 38 и 45, 242 и 247 встрѣчаемся съ ненужными повтореніями, а на стр. 29 и 287, 37 и 42—съ противорѣчіями. На стр. 150—151 авторъ сообщаетъ, что, по ученію дьякона Федора, „еретичество никоніанской церкви состоитъ... въ *внесеніи* слова „истиннаго“ въ символъ вѣры“ (по ср. стр. 175 и 253). На стр. 247 встрѣчаемся съ оригинальнымъ спо-

собомъ воспроизведенія цитать. „Архіереи убо намѣстницы верховныхъ двюнадесять Апостоль; іереи же и діякони намѣстницы сѣдмидесять Апостоль; вси же между собою братія, единого Владыки рабы“—такъ пишетъ расколоучитель. протопопъ Иванъ Нероновъ, не получившій систематическаго образованія (Матер. для ист. раск., т. I, стр. 175—176). „Архіереи суть намѣстники верховныхъ 12 апостоловъ, іереи и діаконы намѣстники 70 апостоловъ; всѣ же между собой братья, рабы *одной* владыки“—такъ воспроизводитъ слова расколоучителя православный пастырь, ищущій ученой богословской степени. Неудобныя выраженія встрѣчаемъ на слѣдующихъ страницахъ: 7, 8, 50, 87, 136, 142, 146, 163, 176, 227 и др., а грамматическія ошибки (или описки)—на стр. 4, 10, 13, 61, 188, 205 и др.

Довольно странно заявленіе 2-го прим. на стр. 241: „библиографическая замѣтка объ авторѣ Аврааміева сборника (112—150 стр.) не помѣщена въ подстрочникѣ *по недоразумѣнію переписчицы*“. О. Александръ забываетъ, что за погрѣшности переписчицы отвѣчаетъ онъ же. Неизвѣстно для чего авторъ, когда излагаетъ ученіе расколоучителей объ отступленіи Русской Церкви отъ православія, о паденіи вѣры при Никонѣ и пр., всюду послѣ словъ „отступленіе“, „паденіе“ ставитъ въ скобкахъ прилаг. „мнимый“ въ соотвѣтствующей формѣ (стр. 134, 136, 142, 156, 157, 162, 178, 260). Повидимому, онъ спѣшитъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ сочувствіи взглядамъ расколоучителей на Русскую Церковь. Напрасная предосторожность!

Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора А. П. Орлова:

„Ученіе первыхъ расколоучителей о церкви и таинствахъ авторъ излагаетъ почти исключительно на основаніи извѣстныхъ „Матеріаловъ“ проф. Субботина. Во „введеніи“ къ своей работѣ о. Колесниченко указываетъ и имѣвшуюся въ его рукахъ вспомогательную церковно-историческую литературу вопроса, но въ своемъ сочиненіи пользуется ею очень мало, хотя умѣлое привлеченіе къ дѣлу этой литературы въ нѣкоторой степени оживило бы сочиненіе автора, отличающееся крайне—конспективнымъ характеромъ. Сухости сочиненія о. Колесниченко много способствуетъ также стремле-

ніе автора къ излишней схематизаціи: отмѣтивъ иногда на 2—3 страницахъ тотъ или другой пунктъ въ ученіи о церкви у каждаго въ отдѣльности расколоучителя, авторъ всякій разъ въ особомъ резюмѣ дѣлаетъ заключительные выводы изъ изложеннаго отдѣла; заканчивая же такого рода обзоръ расколоучительскихъ воззрѣній по извѣстному вопросу, авторъ находитъ нужнымъ дѣлать еще и общее резюмѣ, обыкновенно въ тавтологическихъ выраженіяхъ повторяя уже не разъ сказанное выше. Такія повторенія мѣстами дѣлають чтеніе работы о Колесниченко утомительнымъ. Стилистическія шероховатости въ сочиненіи автора встрѣчаются (стр. 79, 84, 87, 104, 205 и др.). Кандидатской степени авторъ достоинъ“.

14). О сочиненіи студента *Кочетова Сергѣя* на тему: „Огласительныя и тайноводственные поученія Кирилла Іерусалимскаго въ славяно-русской письменности“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туникаго*:

„Сочиненіе посвящено преимущественно древнему тексту ц.-славянскаго перевода поученій Кирилла Іерусалимскаго, при чемъ въ общихъ чертахъ, путемъ тщательнаго приведенія въ извѣстность всѣхъ списковъ памятника, очерчена и дальнѣйшая исторія этого перевода въ русской и южно-славянской письменности. Въ основу своего изслѣдованія авторъ полагаетъ знаменитый синодальный списокъ XI—XII в. (№ 478), представляющій собою цѣнный матеріалъ для филолога и однако до сихъ поръ еще обстоятельно никѣмъ не изученный. Методологическіе приемы, которыми пользуется авторъ, подсказаны ему образцовыми научными трудами, посвященными аналогичнымъ переводнымъ памятникамъ, въ особенности же—древнимъ ц.-славянскимъ текстамъ Св. Писанія. Онъ даетъ подробное палеографическое описаніе рукописи Синод. библ. (6—75 стр.), характеризуетъ ее со стороны фонетическихъ и морфологическихъ особенностей (108—189), перечисляетъ другіе списки поученій Кирилла (76—106), изслѣдуетъ греческій оригиналъ ихъ (190—275), подвергаетъ тщательному разбору древній ц.-славянскій переводъ съ обращеніемъ особеннаго вниманія на синтаксисъ и лексику его (276—379), наконецъ, анализируетъ выдержки изъ Св. Писанія, попавшія въ текстъ (380—393).

Разсматриваемое въ дѣломъ, сочиненіе г. Кочетова отличается нѣкоторыми выдающимися достоинствами. Главнѣйшее изъ нихъ заключается въ чрезвычайно успѣшномъ примѣненіи къ изслѣдованію памятника сравнительнаго метода. Авторъ разсматриваетъ синодальный списокъ не въ отдѣльности, но въ тѣсной связи съ другими древними памятниками ц.-славянскаго языка разныхъ изводовъ, систематически привлекая къ дѣлу ихъ показанія и умѣло вводя въ районъ соответствующихъ сравненій всѣ факты правописанія и языка разбираемаго памятника. Разумѣется, для такой постановки вопроса онъ долженъ обладать широкой освѣдомленностью въ области древнихъ памятниковъ, ихъ изданій и изслѣдованій объ нихъ, и авторъ такую освѣдомленностью дѣйствительно обладаетъ. Его начитанность въ этой сферѣ кажется прямо изумительною. Общее количество памятниковъ, съ которыми познакомился авторъ, настолько значительно, что индивидуальныя черты письма и языка синодальной рукописи на ихъ фонѣ выступаютъ со всей рельефностью.

Другимъ достоинствомъ сочиненія нужно признать точность изслѣдованія памятника и пристокающую отсюда основательность всѣхъ наблюденій надъ фактами правописанія и языка.

Съ особенной плодотворностью разработаны авторомъ лексическій матеріалъ и выяснено отношеніе славянскаго текста къ греческому оригиналу. Наблюденіями г. Кочетова восполняются тѣ свѣдѣнія о лексикѣ литературныхъ произведеній эпохи Симеона, которыя въ настоящее время существуютъ въ наукѣ.

Но чѣмъ выше методологическая сторона сочиненія и чѣмъ интереснѣе сгруппированный имъ матеріалъ, тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что авторъ избѣгаетъ строить выводы болѣе общаго значенія и даже какъ будто боится ставить новые вопросы. Правда, ему слѣдуетъ поставить въ заслугу то, что въ изслѣдованіи языковыхъ явленій онъ всегда выступаетъ трезвымъ реалистомъ, чуждымъ произвольныхъ построеній. Но крайности этого реализма иногда мѣшаютъ ему оторваться отъ фактовъ языка въ сферу болѣе смѣлыхъ заключеній, какія онъ могъ бы сдѣлать, на основаніи имѣю-

щихся у него данныхъ, относительно литературныхъ кружковъ Симеоновской эпохи.

Остановимся въ частности на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ сочиненія.

Исслѣдованіе греческаго оригинала твореній Кирилла Иерусалимскаго отличается большой тщательностью и, безъ сомнѣнія, потребовало отъ автора большого труда. Основной выводъ, что древне-славянскій текстъ отражаетъ греческій оригиналъ болѣе исправнаго вида, чѣмъ существующія изданія его, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но въ изложеніи этого отдѣла у автора наблюдается одна странность: онъ разсматриваетъ отдѣльные греческіе кодексы, классифицируетъ ихъ и производитъ оцѣнку, не посвящая вездѣ читателя въ тѣ изданія ихъ, какими онъ самъ пользуется. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто г. Кочетовъ имѣетъ дѣло съ подлинными кодексами, а не съ изданіями ихъ, хотя онъ и предостерегаетъ читателя отъ этого недоразумѣнія. Можно различно относиться къ такому приему. Но на нашъ взглядъ, между кодексомъ и изслѣдователемъ, который пользуется имъ не въ подлинномъ видѣ, а въ изданіи, стоитъ настолько отвѣтственный посредникъ, въ лицѣ издателя, что для самого г. Кочетова было бы выгоднѣе сложить всю отвѣтственность за точность передачи греческаго текста на тѣхъ ученыхъ, изданіями которыхъ онъ пользуется.

Характеристика славянскаго перевода со стороны синтаксиса, въ общемъ не лишенная интересныхъ подробностей, обнаруживаетъ, однако, что автору не пришлось познакомиться съ трудами по синтаксису Миклошича и др. Отсюда не всѣ его наблюденія нашли себѣ достаточно опредѣленную формулировку. Такъ, замѣна винит. пад. родительнымъ, подмѣченная имъ, находитъ себѣ мѣсто въ ц.-славянскомъ языкѣ тогда, когда дополненіе зависитъ отъ неопред. наклоненія, причастія или суфина.

Наконецъ, касаясь изложенія, въ общемъ весьма хорошаго, нельзя не выразить удивленія по поводу слишкомъ частнаго употребленія выраженій: „безъ сомнѣнія„ и „безусловно“; буквально портящихъ въ остальномъ правильный языкъ автора.

Авторъ обладаетъ всѣми данными, чтобы расширить и исправить свое сочиненіе въ указанныхъ отношеніяхъ. Но

и въ наличномъ видѣ оно представляетъ собою настолько серьезную научную монографію, что я могу смѣло привѣтствовать въ лицѣ автора талантливаго и трудолюбиваго специалиста - филолога и богослова,—вполнѣ заслуживающаго кандидатской степени и особаго вниманія со стороны Совѣта Академіи“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа—отличная. Авторъ изслѣдуетъ выбранный имъ памятникъ всесторонне: тутъ мы находимъ и подробное палеографическое описаніе его, и изслѣдованіе языка его въ разныхъ отношеніяхъ. Мало того, авторъ считаетъ необходимымъ обратиться и къ греческому тексту твореній Кирилла, рассмотреть его исторію, „опредѣлить отношенія существующихъ текстовъ между собою и отыскать тотъ текстъ или семью его, съ котораго былъ сдѣланъ славянскій переводъ“ (стр. 195). Работа эта—не компиляція: автору пришлось имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ и самостоятельно изслѣдовать его. Литературу предмета, прямо или косвенно касающуюся его темы, онъ, повидимому, изучилъ тоже хорошо; но, къ сожалѣнію, онъ чрезвычайно скупъ на ссылки, такъ что не всегда можно сразу различить, что принадлежитъ ему самому и что онъ заимствуетъ у другихъ. Это—одинъ изъ его недостатковъ. Другой его недостатокъ, бросающійся въ глаза, это—чрезвычайно частое употребленіе выраженія „безъ сомнѣнія“ и другихъ подобныхъ, хотя вмѣсто этого иногда, можетъ быть, было бы лучше иначе доказать свое мнѣніе. Вѣроятно, найдутся и другіе недостатки—въ конечныхъ выводахъ изслѣдованія, о которыхъ я, какъ не специалистъ въ этой области, судить не могу; но съ общей точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ эту работу, съ точки зрѣнія метода изслѣдованія, она мнѣ представляется, какъ я сказалъ, отличной“.

15) О сочиненіи студента священника *Кудржинскаго Антонія* на тему: „Расколоучитель Спиридонъ Потемкинъ“.

а) И. д. доцента *А. К. Мишина*:

„Сочиненіе о. Кудржинскаго состоитъ изъ предисловія, шести главъ изслѣдованія и приложений.“

Въ предисловіи авторъ говоритъ о значеніи Спиридона

Потемкина въ исторіи русскаго раскола, указываетъ задачи своей работы, знакомить съ источниками и литературой предмета и даетъ полный перечень сочиненій расколотчителя съ подробными заглавіями, начальными и конечными словами каждаго изъ нихъ.

Первая глава изслѣдованія трактуетъ о причинахъ происхожденія раскола на Руси и изображаетъ ту духовную атмосферу, въ которой выросъ и дѣйствовалъ старецъ Спиридонъ. Вторая содержитъ біографію Потемкина. Третья посвящена анализу его словъ. Четвертая предлагаетъ систематическій обзоръ его ученія. Пятая уясняетъ степень вліянія Потемкина на его послѣдователей. Шестая говоритъ объ источникѣ увѣренности Потемкина и его учениковъ въ близости антихристова пришествія.

Въ приложеніяхъ помѣщены копіи съ житій ¹⁾ и словъ ²⁾ расколотчителя.

Первую главу изслѣдованія надо признать вполне удовлетворительной. Опираясь на солидные труды по исторіи раскола, о. Кудржинскій удачно вскрываетъ факторы, вызвавшіе отпаденіе въ XVII в. отъ православной церкви множества русскихъ людей, и вводитъ читателя въ пониманіе той среды, какая создала и поддерживала Спиридона Потемкина.

Вторая глава составлена исключительно на основаніи жи-

¹⁾ Здѣсь мы находимъ: 1) біографію изъ „Винограда Россійскаго“, сличенную съ біографіей, опубликованной въ „Разсказахъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи“ Есипова (т. II, стр. 169. Издан. Кожанчикова 1863 г.); 2) біографію, помѣщенную въ описаніи рукописей и каталоговъ старопечатныхъ книгъ бібліотеки А. И. Хлудова (Москва, 1872. листъ 141; $\frac{71}{651}$); 3) біографію, приложенную къ рукописи Московской духовной академіи подъ № $\frac{1}{33}$ (по каталогу бібліотеки) и 59 (по подвижному каталогу), сличенную съ житіемъ Потемкина, напечатаннымъ въ VI томѣ „Матеріаловъ по исторіи раскола“ Субботина.

²⁾ Въ основу текста сочиненій Спиридона Потемкина о. Кудржинскій положилъ рукопись Московской духовной академіи за № 59, въ которой нѣтъ второй половины 7-го слова, всего 8-го и 9-го. Эта рукопись сравнена съ рукописью той же бібліотеки за № 66, гдѣ не хватаетъ всего 9-го и почти всего 8-го слова, и съ рукописью Императорской Публичной Библіотеки q 1, № 486, содержащей въ полномъ видѣ все 9 словъ Потемкина.

тій. Этотъ источникъ использованъ о. Кудржинскимъ полно и умѣло. Однако нельзя не пожалѣть, что онъ оставилъ въ сторонѣ сочиненія самого Потемкина. Отсюда онъ могъ бы извлечь рядъ цѣнныхъ данныхъ для характеристики автора въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Обратиться къ собственнымъ трудамъ Потемкина для него было тѣмъ обязательнѣе, что показанія житій скудны и могутъ получить вполне правильное истолкованіе лишь при сопоставленіи съ текстомъ словъ. Недостаточность житійныхъ свидѣтельствъ о. Кудржинскій отчасти восполнилъ собственными догадками, но эти послѣднія не всегда удачны. Такъ, трудно признать состоятельными его разсужденія объ ученыхъ диспутахъ Спиридоны съ католиками въ Варшавѣ (стр. 31—32).

Слѣдующая глава значительно слабѣе. вмѣсто обѣщаннаго авторомъ анализа мы находимъ здѣсь послѣдовательный пересказъ каждаго слова, иногда краткій, нерѣдко подробный, доходящій до буквального повторенія цѣлыхъ страницъ оригинала. Языкъ автора, не вполне удовлетворительный и въ другихъ главахъ, въ настоящей прямо неудаченъ. Она написана длинными, тяжелыми фразами, которыя по мѣстамъ грамматически неправильны (стр. 50, 59, 61, 65, 73, 76, 105, 110, 127, 134 и др.), страдаютъ недостаткомъ ясности и удобовразумительности (стр. 80, 83, 92, 95, 106, 112, 125 и др.). Къ недочетамъ третьей главы слѣдуетъ также отнести отсутствіе цитатъ и сплошное, безъ красныхъ строкъ и выдѣленія собственныхъ замѣчаній автора, письмо.

Содержаніе четвертой главы изложено въ 9 рубрикахъ: I) о противоборствѣ сатаны Богу; II) о церкви; III) о таинствахъ и молитвѣ; IV) о крестномъ знаменіи; V) о Св. Духѣ; VI) о книжномъ исправленіи; VII) о римской прелести; VIII) объ аллилуйи; IX) о послѣднихъ предтечахъ антихристовыхъ и о самомъ антихристѣ. Число рубрикъ однако не лишне было бы увеличить. Особенно желательно видѣть въ настоящей главѣ обстоятельное изложеніе мыслей Потемкина объ ересяхъ, какія онъ нашелъ въ исправленномъ текстѣ церковныхъ книгъ. Не можетъ быть одобренъ и усвоенный о. Кудржинскимъ способъ передачи взглядовъ Потемкина. Онъ ограничивается пересказомъ въ сжатомъ видѣ и собственными словами наиболѣе существеннаго въ ученіи старца

между тѣмъ если гдѣ и слѣдовало говорить особенно подробно и преимущественно языкомъ источниковъ, то именно здѣсь. Въ результатѣ глава получилась гораздо блѣднѣе, чѣмъ можно было ожидать при правильномъ отношеніи автора къ дѣлу. Необходимо упрекнуть здѣсь о. Кудржинскаго и въ неумѣлой цитациі. Невѣрныя указанія на источники и пособия попадаютъ и въ другихъ отдѣлахъ его работы, но сравнительно рѣдко. Въ четвертой же главѣ почти треть ссылокъ на слова Потемкина или имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ дѣлу или не имѣетъ ровно никакого.

Въ пятой главѣ авторъ пользуется вообще правильными приемами изслѣдованія и приходитъ къ цѣннымъ въ научномъ отношеніи выводамъ. Тѣмъ не менѣе онъ не всегда осмотрителенъ. Напримѣръ, доказывая зависимость Аввакума отъ Спиридона ссылками на параллельныя мѣста въ сочиненіяхъ обоихъ расколоучителей, онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ буквальныя выдержки изъ библіи и обороты обыденной рѣчи, т. е. пользуется данными весьма ненадежнаго характера. Разсужденія его о литературной дѣятельности Данила костромскаго (стр. 162—163) и инока Исаи (стр. 170) представляются не совсѣмъ умѣстными. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ интересахъ полноты и обстоятельности о. Кудржинскому не мѣшало бы указать хоть въ общихъ чертахъ значеніе Спиридона Потемкина въ судьбахъ расколахъ за предѣлами XVII-го вѣка. Уже одинъ фактъ существованія рукописей XVIII и XIX вв. со словами Потемкина давалъ автору точку опоры для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ выводовъ.

Шестая глава и по содержанію и по изложенію удовлетворительна; но ради стройности изслѣдованія ее лучше было бы помѣстить раньше, послѣ четвертой или третьей главы.

Въ приложеніяхъ о. Кудржинскій даетъ цѣнные матеріалы. Благодаря его сочиненію, бібліотека Московской духовной академіи будетъ, наконецъ, обладать полнымъ текстомъ словъ одного изъ выдающихся расколоучителей XVII-го вѣка. Къ сожалѣнію, форма, въ которой эти матеріалы предлагаются вниманію читателя, не соответствуетъ ихъ цѣнности. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить разночтенія подъ текстомъ, о. Кудржинскій отмѣчаетъ ихъ надъ строками; въ

разстановкѣ знаковъ препинанія онъ, не слѣдуетъ ни рукописямъ, ни современной русской грамматикѣ; листы рукописей онъ неправильно называетъ страницами, отмѣчаетъ „страницы“ лишь одного манускрипта, а, начиная съ полонины 7-го слова, не дѣлаетъ даже и такихъ указаній.

Своимъ сочиненіемъ о Кудржинскій затронулъ почти неразработанную область. Если о происхожденіи русскаго раскола написанъ рядъ серьезныхъ изслѣдованій, то о Спиридонѣ Потемкинѣ, не смотря на выдающуюся роль этой личности въ судьбахъ раскола, до сихъ поръ ничего еще не сказано. О Кудржинскому принадлежитъ, такимъ образомъ, честь совершенно самостоятельнаго изученія первоисточниковъ. Этимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, объясняется значительное количество промаховъ въ его работѣ: идти по проторенной дорогѣ вѣдь гораздо удобнѣе, чѣмъ пролагать собственную тропу; оно же дѣлаетъ многіе изъ указанныхъ выше промаховъ извинительными.

Обширные размѣры сочиненія (XX+180+VI+122 стран. большого формата), хорошій планъ, удачное во многихъ пунктахъ его выполненіе, почти полная независимость автора отъ пособій: все это, вмѣстѣ взятое, даетъ о. Кудржинскому несомнѣнное право на степень кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„О. Кудржинскій ставитъ своею задачей дать „литературную біографію“ одного изъ первыхъ и наименѣе извѣстныхъ расколоучителей, архимандрита Спиридона Потемкина. Съ этою цѣлью онъ описываетъ жизнь Потемкина въ связи съ историческою обстановкой, подготовившей русской расколъ, даетъ „анализъ“ его сочиненій, излагаетъ его ученіе, рассматриваетъ его вліяніе на современниковъ и пытается разобраться въ тѣхъ настроеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла его проповѣдь объ антихристѣ. Въ видѣ приложенія къ своей работѣ онъ помѣщаетъ три редакціи житія этого старца и воспроизводитъ по тремъ рукописямъ 9 его словъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ планъ былъ выполненъ авторомъ вездѣ удовлетворительно. Излагая біографію Спиридона Потемкина и дѣлая характеристику его личности, о. Кудржинскій не использовалъ того біографическаго матеріала, какой онъ могъ бы найти въ его проповѣдяхъ; то,

что онъ называетъ „анализомъ“ словъ Потемкина, представляетъ собою скорѣе пересказъ ихъ содержанія и буквальное воспроизведеніе ихъ текста; „систематическое изложеніе“ ученія расколоучителя не вполнѣ систематично и недостаточно документально; соображенія о вліяніи Потемкина на Аввакума, Данила Костромского, Лазаря, дьякона Θεодора и др. не всегда убѣдительны и нерѣдко имѣютъ даже характеръ произвольныхъ предположеній. Наконецъ, ко всему этому нужно прибавить, что авторъ пишетъ очень тяжелымъ, неяснымъ и мѣстами даже грамматически неправильнымъ языкомъ. Однако, всѣ эти недостатки въ значительной степени искупаются тѣмъ, что сочиненіе о. Кудржинскаго представляетъ собою самостоятельный трудъ, написанный на основаніи неизданнаго рукописнаго матеріала. Авторъ имѣлъ дѣло съ писателемъ, еще почти не изслѣдованнымъ, и ему нужно поставить въ серьезную заслугу то обстоятельство, что онъ собралъ и внимательно рассмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе документы, относящіеся къ жизни и литературной дѣятельности этого расколоучителя.

Степени кандидата богословія сочиненіе заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента *Купріянова Николая* на тему: „Противораскольническая полемика второй половины XVII вѣка“.

а) И. д. доцента *Θ. М. Россейкина*:

„Предложенная г. Купріянову тема допускала какъ широкое, такъ и болѣе узкое пониманіе. Подъ понятіе полемической противораскольнической литературы могли быть подведены не только сочиненія съ опредѣленно выраженнымъ полемическимъ характеромъ, но и всѣ тѣ, которыя, не вступая въ прямыя пренія съ расколоучителями, содержали однако матеріалъ, пригодный для полемики, или излагали фактическую сторону книжнаго исправленія въ освѣщеніи, явно неблагопріятномъ расколу. Таковы „Скрижалъ“ и „Предисловія“ къ Служебникамъ. Всѣ подобныя сочиненія и изданія г. Купріяновъ оставляетъ въ сторонѣ и ограничивается изслѣдованіемъ литературы, полемической въ строгомъ смыслѣ. Но и послѣдняя дѣлается предметомъ изученія далеко не въ полномъ объемѣ; авторъ привлекаетъ только

„главнѣйшіе и въ собственномъ смыслѣ полемическіе труды противъ раскола за вторую половину XVII в., при томъ написанные не ранѣе эпохи собора 1666—1667 г., эпохи окончательнаго осужденія раскола русскою церковью“. Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что авторомъ разсмотрѣны два сочиненія: „Жезлъ Правленія“ Симеона Полоцкаго и „Увѣтъ Духовный“, изданный отъ лица патріарха Іоакима— „памятники наиболѣе важныя какъ по своему характеру, такъ и потому, что они были изданы отъ лица высшей духовной власти“.

Ограничивъ свою тему изученіемъ указанныхъ памятниковъ, г. Купріяновъ дѣлитъ свое небольшое (IV+170) сочиненіе на три главы. Первая глава посвящена „Жезлу Правленія“; вторая— „Увѣту“; въ третьей, дополнительной, „кратко перечисляются болѣе мелкіе полемическіе труды,—сначала изданные патр. Іоакимомъ, потомъ—извѣстные съ именами другихъ лицъ, а въ самомъ концѣ кратко разобраны посланіе Игнатія (Тобольскаго) и трудъ Крижанича“ („Опроверженіе соловецкой челобитной“).

Сознавая, что интересующіе его памятники достаточно хорошо изучены въ литературѣ по расколовѣдѣнію, и не желая повторяться, г. Купріяновъ ищетъ поля для самостоятельной работы. На его счастье, остается мало выясненнымъ вопросъ объ отношеніи „Жезла Правленія“—его первой части—къ полемическому труду Паисія Лигарида. Хотя зависимость „Жезла“ отъ „Отраженія“ Лигарида была отмѣчена уже раньше, но никто не принималъ на себя труда выяснить ее ближе. Сдѣлать это авторъ и поставилъ себѣ задачей въ своей первой главѣ. Тогда, чтобы выдержать однообразіе въ постановкѣ темы, ему пришлось и по отношенію къ „Увѣту“ продѣлать аналогичную, но уже не новую работу, т. е. вскрыть зависимость „Увѣта“ отъ „Жезла Правленія“. Указанная постановка сдѣлала сочиненіе г. Купріянова, можетъ быть, не вполне соответствующимъ темѣ, но она освободила его отъ необходимости повторять, хотя бы въ первой главѣ, продѣланную раньше его работу и, не входя въ подробный анализъ содержанія памятниковъ, остановиться лишь на нѣкоторыхъ нужныхъ ему ихъ сторонахъ.

При разработкѣ темы г. Купріянову приходилось держаться двухъ приемовъ.

Тамъ, гдѣ дѣло касалось вопросовъ, достаточно хорошо обследованныхъ, онъ ограничивается выборомъ и изложениемъ наиболѣе принятыхъ и обоснованныхъ мнѣній, причемъ добросовѣстно отмѣчаетъ, откуда они имъ заимствованы. При надежности выбранныхъ руководителей, сужденія автора обычно правильны; но зато онъ слѣдуетъ имъ безпрекословно и тогда, когда для вопроса открывается возможность и не такого рѣшенія, какое у нихъ принято. Напримеръ авторъ повторяетъ обычное мнѣние, что Симеонъ Полоцкій написалъ „Жезль Правленія“; книгу въ 250 страницъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца (съ 18 мая по 13 юля 1666 г.); однако есть мнѣние, что Симеонъ потратилъ времени больше, начавъ свою работу раньше соборныхъ засѣданій (Н. Θ. Каптеревъ). Г. Купріяновъ съ нимъ не считается.

Въ самостоятельной части своего сочиненія (главнымъ образомъ стр. 33—67 и отчасти 105—128) авторъ имѣетъ дѣло только съ источниками и разбирается въ нихъ уже самостоятельно. Больше всего онъ потрудился надъ сопоставленіемъ первой части „Жезла“ съ „Отраженіями“ Паисія. Хотя въ своемъ предисловіи г. Купріяновъ сдѣлалъ странное предупрежденіе, что сопоставленіе между обоими полемистами могло быть произведено только по вопросамъ особенной важности—о зачатіи и пресуществленіи, а въ остальномъ книга Паисія по своей, въ полемическомъ отношеніи, безсодержательности не могла быть никоимъ образомъ сравниваема съ „Жезломъ“ Симеона,—однако, въ противорѣчьи съ предисловіемъ, но основательно по существу, сумѣлъ отыскать достаточно много (17) пунктовъ зависимости „Жезла“ отъ „Отраженій“. На вопросахъ же о непорочномъ зачатіи и времени пресуществленія авторъ остановился подробнѣе не потому, что здѣсь ярче сказалась зависимость Симеона отъ Лигарида, а потому, что по указаннымъ вопросамъ оба автора не имѣли отчетливыхъ православныхъ мнѣній, склоняясь отчасти къ латинству, что особенно нужно сказать о взглядахъ Полоцкаго по вопросу о пресуществленіи. Такъ какъ планъ изложенія у Паисія и Симеона, опредѣлявшійся послѣдовательностью обличеній челобитной Никиты, одинъ и тотъ-же, то сопоставленіе этихъ авторовъ не представляло непосильной работы и она выполнена г. Купріяновымъ удовлетворительно. Едва-ли только

слѣдовало излагать обличенія Никиты въ такомъ неудачномъ сокращеніи, которое дѣлаетъ ихъ совершенно непонятными (стр. 65—66) и вынуждаетъ читателя открывать подлинный текстъ челобитной. Что касается второй части „Жезла“, посвященной опроверженію челобитной Лазаря и написанной Полоцкимъ самостоятельно, то нашъ авторъ не сказалъ о ней ни слова.—Въ отдѣлѣ объ „Увѣтѣ Духовномъ“ (стр. 105—128) работа сопоставленія была продѣлана авторомъ уже въ зависимости отъ имѣющейся въ наличности литературы, при чемъ разобраны лишь наиболѣе важные пункты полемики съ раскольниками. Разсматривать содержаніе всего памятника г. Купріяновъ отказался, такъ какъ это „было-бы скучно“.

Свою главную задачу—выясненіе взаимной зависимости памятниковъ—авторъ дополняетъ ихъ оцѣнкой. Въ оцѣнкѣ полемическихъ сочиненій желательно имѣть отвѣтъ на два вопроса: 1) насколько цѣлесообразенъ былъ памятникъ во время своего появленія, — вопросъ, подраздѣляющійся на нѣсколько частныхъ, напр., по существу-ли затрагивалъ онъ спорные пункты и былъ-ли убѣдителенъ,—былъ-ли онъ объективенъ и былъ-ли понятенъ тѣмъ, для кого предназначался; 2) какое значеніе онъ можетъ имѣть въ наше время? Въ своей оцѣнкѣ г. Купріяновъ на одни вопросы отвѣтилъ лишь частично, другіе вовсе обошелъ. Основательность „возобличеній“ „Жезла“ имъ не уяснена, объективность „Увѣта“, за исключеніемъ его историческаго предисловія, не опредѣлена, о доступности памятниковъ сказано мало. Ярче всего охарактеризована рѣзкость и бранчивость тона, конечно потому, что памятники, особенно „Жезль“, давали для этого самый благодарный матеріалъ. Что касается возможнаго значенія памятниковъ въ наше время, то этотъ вопросъ авторомъ вовсе обойденъ, если не считать его немногихъ случайныхъ замѣчаній.

Одинъ разъ на протяженіи всего сочиненія г. Купріяновъ обратился къ греческому языку—и рѣшительно неудачно (стр. 122). Авторъ „Увѣта“, искореняя „безумство и злобу“ раскольниковъ, читающихъ въ символѣ „нѣсть конца“ вмѣсто „не будетъ“, пишетъ: „искуеніи людіе грамматики греческія.. вѣдятъ яко греческое оуѣсте знаменуеть словенскимъ діалектомъ: не будетъ, а не нѣсть“. Правильно транскриби-

рованное въ „Увѣтъ“ греческое слово г. Купріяновъ возвращаетъ къ первобытному виду, давая ему невозможное написаніе: *оѡх ѣоте* (вм. *оѡх ѣотаи*). Мы не думаемъ по этому приѣму судить объ искусствѣ автора въ греческой грамматикѣ но все-же желательно видѣть къ послѣдней побольше уваженія.

Не лишне замѣтить, что сочиненіе Лигарида сохранилось въ черновой рукописи, принадлежащей перу Полоцкаго, переводившаго „Отраженія“ съ латинскаго языка на русскій. Хотя эта любопытная рукопись хранится въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи (№ 68), авторъ не поинтересовался посмотрѣть ее.

Степени кандидата богословія г. Купріяновъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Сочиненіе г. Купріянова состоитъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ опредѣляетъ задачи и планъ своей работы, и трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ говорится о полемическомъ трактатѣ (или, вѣрнѣе, памфлетѣ) Симеона Полоцкаго „Жезлъ Правленія“, о времени и обстоятельствахъ его изданія, о его источникахъ и объ его общемъ характерѣ и цѣнности. Во второй главѣ разсматривается другой близкій по времени памятникъ противораскольнической литературы, изданный патріархомъ Іоакимомъ „Увѣтъ духовный“, рѣшается вопросъ о его авторѣ, указывается его содержаніе, опредѣляется его отношеніе къ „Жезлу Правленія“ и дѣлается общая его оцѣнка. Наконецъ, въ третьей главѣ кратко обзрѣваются остальные, болѣе мелкіе полемическіе труды второй половины XVII вѣка, частью изданные тѣмъ-же патріархомъ Іоакимомъ, частью извѣстные съ именами другихъ лицъ, и нѣсколько подробнѣе разбираются посланія митроп. Тобольскаго Игнатія и „Обличеніе Соловецкой челобитной“ Юрія Крижанича. Изъ этого обзора содержанія работы видно, что г. Купріяновъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, собственно говоря, только на двухъ главныхъ памятникахъ противораскольнической полемики второй половины XVII в., на „Жезлъ“ и „Увѣтъ“; всѣ остальные или оставляются имъ безъ разсмотрѣнія („Скрижалъ“ и „Предисловія“ къ Службникамъ) или разсматриваются очень кратко („перечисляются“, какъ выражается самъ авторъ). Но и эти два труда

изслѣдуются имъ далеко не въ полномъ объемѣ. Въ „Жезлѣ Правленія“ г. Купріяновъ останавливается только на томъ, что совпадаетъ въ немъ съ „Отраженіями“ Паисія Лигарида, т. е. на первой части, направленной противъ челобитной Никиты; вторую часть, заключающую опроверженіе челобитной Лазаря, онъ не разсматриваетъ. Равнымъ образомъ и при сопоставленіи „Увѣта“ съ „Жезломъ“ онъ касается только тѣхъ вопросовъ, которые въ то время служили главнымъ предметомъ полемики съ раскольниками. Такую слишкомъ узкую постановку задачи г. Купріяновъ оправдываетъ тѣмъ, что все это уже сдѣлано другими (см. напр. стр. 68). Оправданіе немножко своеобразное, такъ какъ сдѣланное другими едва-ли избавляло автора отъ обязанности сдѣлать кое-что свое. Впрочемъ, это свое у г. Купріянова есть. Это именно выясненіе отношенія „Жезла Правленія“ къ „Отраженіямъ“ Лигарида. Хотя зависимость перваго изъ этихъ памятниковъ отъ второго уже давно была извѣстна, но подробнаго сравненія ихъ еще никѣмъ не было сдѣлано, и предпринимая эту работу г. Купріяновъ дѣйствительно даетъ нѣчто новое. Путемъ текстуальныхъ сопоставленій онъ показываетъ, что первая часть труда Симеона Полоцкаго представляетъ собой лишь извлеченіе изъ книги Паисія. При этихъ сопоставленіяхъ авторъ по преимуществу останавливается на тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ эти полемисты противъ раскола сами уклонились отъ православія, именно на вопросахъ о непорочномъ зачатіи Пресв. Богородицы и о времени пресуществленія Св. Даровъ. Эта часть работы г. Купріянова имѣетъ извѣстное научное значеніе.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

17) О сочиненіи студента священника *Лаврова Тихона* на тему: „Обозрѣніе законодательства и административныхъ мѣропріятій Св. Синода въ царствованіе государей Александра II и Александра III“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ предисловія, вводной главы и нѣсколькихъ отдѣловъ. Въ концѣ прило-

женъ подробный списокъ источниковъ, изъ которыхъ авторъ черпалъ матеріалъ для сочиненія.

Довольно обширную сферу законодательства и административныхъ мѣропріятій Св. Синода за избранную авторомъ эпоху онъ—какъ видно изъ предисловія—намѣренъ былъ свести къ слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: отдѣлъ 1-й: законодательство и мѣропріятія по духовно-учебной части; отд. 2-й—по устройству быта приходскаго духовенства; отд. 3-й—по устройству церковно-приходскихъ школъ; отд. 4-й—по устройству миссій.

Однакоже выполнить сполна этого плана автору не удалось, хотя достаточный матеріалъ для всѣхъ отдѣловъ былъ уже собранъ. По стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ пришлось оставить послѣдній—миссіонерскій отдѣлъ (стр. 2 предисловія).

Въ качествѣ введенія къ предназначеннымъ отдѣламъ авторъ предпосылаетъ общій взглядъ на состояніе русской церкви ко времени восшествія на престолъ Государя Александра II-го. Необходимость такого введенія авторъ совершенно правильно объясняетъ тѣмъ, что общая картина состоянія церкви въ то или другое время даетъ возможность имѣть цѣлостное представленіе о томъ, гдѣ и въ чемъ проявлялись болѣе или менѣе слабыя стороны церковно-общественной жизни, на улучшеніе которыхъ будетъ направлена—какъ это естественно ожидать—дѣятельность органа высшаго церковнаго управленія—Св. Синода (стр. 1—2).

Этими слабыми сторонами—по мнѣнію автора—были слѣдующія: а) мало образованное, мало учительное духовенство, живущее въ бѣдныхъ, а иногда безвыходныхъ матеріальныхъ условіяхъ, б) паства, мало просвѣщенная свѣтомъ христіанскаго ученія: нѣкая часть ея содержитъ христіанское инославное ученіе; часть—заражена расколомъ, сектантствомъ, а есть и такіе русскіе подданные, которые сидятъ во тьмѣ язычества (стр. 16). На улучшеніе этихъ слабыхъ сторонъ церковно-общественнаго строя русской жизни и направлены были заботы Св. Синода. Отсюда естественно возникаютъ слѣдующіе главные отдѣлы изслѣдованія: 1) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ учрежденіяхъ имѣющихъ главною задачею подготовленіе просвѣщенныхъ пастырей церкви; 2) объ улучшеніи правового и матеріальнаго быта.

духовенства и 3) мѣры къ образованію и просвѣщенію народа въ духѣ вѣры и церкви (церковно-приходскія школы).

Первый изъ этихъ отдѣловъ разбивается на слѣдующія частныя рубрики: I) *Духовно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Александра II-го*: а) количество духовно-учебныхъ заведеній въ 1855 году и характеристика ихъ состояній (стр. 20—31); б) Уставы духовныхъ семинарій и училищъ въ 1867 году (стр. 32—44); в) женскія училища духовнаго вѣдомства (45—47); г) реформа духовныхъ академій 1869 г. (48—68); д) общій взглядъ на реформы духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе Императора Александра II-го (68—74).

II) *Духовно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Александра III-го*: а) Уставъ духовныхъ академій 1884 г.; б) Уставъ духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ (75—103).

Дальнѣйшіе отдѣлы объ устройствѣ быта духовенства и просвѣщеніи народа авторъ располагаетъ по царствованіямъ Императоровъ Александра II-го и Александра III-го, а именно въ такомъ порядкѣ:

I) Приходское духовенство въ царствованіе Императора Александра II-го: а) улучшение правовыхъ отношеній духовенства (стр. 104—124); б) улучшение матеріальнаго положенія бѣлаго духовенства (стр. 125—141); в) пенсіи и пособія духовенству (141—143); г) исторія духовно-учебной реформы (144—160).

II) Царствованіе Императора Александра III-го: а) мѣропріятія Св. Синода по отношенію къ приходскому духовенству (стр. 161—173).

Дѣятельность Св. Синода по народному образованію: а) въ царствованіе Императора Александра II-го (стр. 174—191); въ царствованіе Императора Александра III-го (стр. 192—240); заключеніе (стр. 241—254).

Таковъ планъ разсматриваемаго сочиненія. Планъ—весьма удачный. Авторъ дѣйствительно выбралъ изъ огромной массы законодательной дѣятельности Св. Синода за разсматриваемую эпоху наиболѣе важные моменты и изложилъ ихъ въ послѣдовательномъ и довольно сжатомъ видѣ. Для выработки этого плана онъ—по собственному признанію—воспользовался отчетами Оберъ-Прокурора Св. Синода, просмотрѣнными имъ сполна.

Къ достоинствамъ сочиненія автора слѣдуетъ отнести, да-

лѣе, обширную начитанность автора не только въ области сырого матеріала (подлинныхъ уставовъ и отдѣльныхъ указовъ Св. Синода), но и литературнаго освѣщенія его, даваемого въ отдѣльныхъ монографіяхъ и статьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ, перечень которыхъ приложенъ въ концѣ сочиненія.

Методъ изложеній—историко-критическій: авторъ не ограничивается только положительнымъ обзорѣніемъ законодательныхъ мѣръ Св. Синода, но и даетъ ихъ критическую оцѣнку, при чемъ весьма удачно пользуется готовымъ освѣщеніемъ ихъ, оставляя какъ бы въ сторонѣ свое личное мнѣніе. Языкъ сочиненія правильный, чистый, дѣловой, такъ что оно читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, не смотря на кажущуюся сухость предмета. Единственный недостатокъ сочиненія—неоконченность—искупается, по моему мнѣнію, наличными достоинствами сочиненія.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Главное достоинство сочиненія о. Лаврова— краткость. Обзорѣвая законодательство и административныя мѣропріятія Св. Синода въ два царствованія, авторъ сумѣлъ не растеряться въ подробностяхъ и мелочахъ огромнаго матеріала, имъ изученнаго, выбрать изъ него только самое существенное и рассказать, что надо, точно, немногословно и связно. Главнымъ недостаткомъ работы является отсутствіе болѣе детальныхъ параллелей между ходомъ церковной внутренней политики и общей, вслѣдствіе чего о. Лаврову пороку представляется въ мѣропріятіяхъ высшей церковной власти нѣкоторая случайность и бессистемность (58 стр.), на самомъ дѣлѣ съяснимыя съ указанной болѣе общей точки зрѣнія.

Въ общемъ же сочиненіе о. Тихона Лаврова надо признать обстоятельной и интересной кандидатской работой“.

18) О сочиненіи студента *Лебедева Александра* на тему: „Юрій Федоровичъ Самаринъ, какъ церковный писатель и дѣятель по освобожденію крестьянъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Лебедева соотвѣтственно своему заглавію распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой изъ нихъ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію богословскіе взгляды Самарина, поскольку они выражались въ работахъ, относящихся къ его молодымъ годамъ. Здѣсь мы находимъ анализъ сдѣланнаго Самаринымъ опредѣленія понятія церкви, изложеніе его взглядовъ на возможность богословія, какъ науки, ученіе его объ отношеніи церкви къ государству, мысли объ отношеніи къ православной церкви католицизма и протестантизма. Въ заключеніи этой части г. Лебедевъ обстоятельно и убѣдительно путемъ сравненія текстовъ выясняетъ влияние на Самарина А. С. Хомякова. Для избранной темы выясненіе богословскаго міровоззрѣнія Ю. Самарина надо признать вполне достаточнымъ; но нельзя не пожалѣть, что авторомъ не сдѣлано болѣе обстоятельной оцѣнки значенія диссертациі Самарина „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“ въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Вторая часть посвящена Ю. Самарину, какъ дѣятелю по освобожденію крестьянъ. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за участіемъ Самарина въ реформѣ 19 февраля 1861 г. Первые страницы этой части повѣствуютъ о подготовкѣ Самарина къ крестьянскому вопросу: служебной и публицистической. Впервые Самаринъ соприкоснулся съ крестьянскимъ дѣломъ на службѣ въ Лифляндскомъ комитетѣ, а затѣмъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ Бибииковѣ, занятомъ тогда введеніемъ „инвентарей“ въ имѣніяхъ юго-западнаго края. Выйдя изъ службы въ отставку, Самаринъ занимается публицистическою дѣятельностью, изучаетъ крестьянскій вопросъ, пишетъ рядъ записокъ и статей по освобожденію крестьянъ, всей душой отдается захватившей его мысли. Авторъ разбираетъ записки Самарина (1853—56 г.г.), особенно подробно останавливается на первой изъ нихъ и отчетливо выясняетъ двѣ главныя идеи, къ которымъ пришелъ Самаринъ и которыя онъ затѣмъ горячо отстаивалъ на практикѣ, именно: 1) необходимость освобожденія крестьянъ съ землею въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ они фактически ею пользовались предъ освобожденіемъ; 2) необходимость сохраненія общины, въ кото-

рой Самаринъ, какъ славянофилъ, видѣлъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояннй русскаго народа и которую онъ считалъ спасительнымъ началомъ и преимуществомъ Россіи передъ Западомъ. Въ двухъ другихъ отдѣлахъ второй части г. Лебедевъ характеризуетъ практическую работу Самарина по подготовкѣ крестьянской реформы: а) въ губернскомъ самарскомъ комитетѣ, в) въ Редакціонныхъ комиссіяхъ. И въ комитетѣ, и затѣмъ въ комиссіяхъ Самаринъ отстаивалъ свои основныя идеи о землѣ и общинѣ. Но значеніе его дѣятельности не ограничивалось только отважною борьбою за эти идеи; авторъ характеризуетъ Самарина, какъ упорнаго, неутомимаго работника, выносившаго на своихъ плечахъ всю тяжесть будничнаго, черноваго, подготовительнаго труда по разработкѣ деталей реформы.

Идеи Самарина изложены и разобраны въ сочиненіи г. Лебедева ясно и отчетливо и характеръ его нарисованъ живо. Намъ кажется все же, что не слѣдовало ограничиваться такимъ изолированнымъ изображеніемъ Самарина, говоря о дѣятельности его въ крестьянской реформѣ. Характеристика каждаго человѣка, если онъ не отшельникъ отъ міра, а тѣмъ болѣе общественнаго дѣятеля, будетъ всегда не полна, если не показать его связей съ окружающею его, по крайней мѣрѣ, ближайшею средою, отношеній его къ друзьямъ и врагамъ. Можетъ быть изображеніе Самарина слѣдовало окружить болѣе широкимъ общественнымъ фономъ, и тогда оно выиграло бы, какъ выигрываетъ портретъ отъ удачнаго фона. Но впрочемъ въ защиту автора надо сказать, что тема имъ взятая для работы не изъ легкихъ; широкое изученіе крестьянской реформы, знакомство съ ея дѣятелями требовало, разумѣется, болѣе времени, чѣмъ сколько его находилось въ распоряженіи автора. Того труда, который имъ положенъ на изученіе выдающагося религіознаго мыслителя и одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, и тѣхъ результатовъ, которые авторомъ достигнуты, я считаю вполне достаточнымъ для присужденія г. Лебедеву искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Небольшая по размѣрамъ, но содержательная и живо написанная работа г. Лебедева слагается изъ двухъ частей.

Въ первой изъ нихъ онъ даетъ краткій очеркъ духовнаго развитія Ю. Ѳ. Самарина и разсматриваетъ его, какъ церковнаго писателя. Авторъ послѣдовательно излагаетъ мысли Самарина о церкви, о богословіи, какъ наукѣ, о церковной проповѣди, объ отношеніи церкви и государства; о католицизмѣ и протестантизмѣ въ ихъ существенныхъ особенностяхъ и въ ихъ отношеніяхъ къ православію. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ общую оцѣнку богословскихъ взглядовъ этого писателя, показывая при помощи нѣсколькихъ любопытныхъ сопоставленій его зависимость отъ Хомякова. Во второй части г. Лебедевъ изучаетъ дѣятельность Самарина по освобожденію крестьянъ. Сначала авторъ говоритъ о подготовительномъ періодѣ этой дѣятельности, о занятіяхъ Ю. Ѳ-ча въ Лифляндскомъ комитетѣ, о его службѣ въ Юго-западномъ краѣ и о публицистической разработкѣ крестьянскаго вопроса въ его извѣстной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи и переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“ и въ другихъ статьяхъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ непосредственное участіе Самарина въ крестьянской реформѣ, описывая его сложную работу въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ и въ С.-Петербургскихъ Редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ этому практическому дѣятелю славянофильства приходилось цѣною упорной борьбы и тяжелыхъ усилій проводить въ жизнь тѣ идеи о надѣленіи крестьянъ землей и о сохраненіи общины, которыя онъ ранѣе защищалъ въ вышеупомянутыхъ запискахъ.

Какъ студенческая работа, сочиненіе г. Лебедева конечно страдаетъ значительными недостатками и пробѣлами. Въ первой части авторъ почему-то мало говоритъ объ одномъ изъ главныхъ церковно-историческихъ трудовъ Ю. Ѳ. Самарина, магистерской диссертациі „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“. Во второй части онъ не достаточно широко освѣщаетъ отношенія Самарина къ другимъ дѣятелямъ крестьянской реформы и не останавливается на общей оцѣнкѣ его значенія въ исторіи русской культуры и общественности. Сравненіе освободительныхъ стремленій и земскихъ идеаловъ этого дѣятеля съ крѣпостническими вождедѣніями эпигоновъ славянофильства и съ ожесточенною борьбой противъ общины, предпринятою ихъ преемниками, современными націоналистами, могло бы послужить темой для интересныхъ

размышлений. Встрѣчаются въ сочиненія и мелкія ошибки, недоразумѣнія и недосмотры (напр., авторъ почему-то называетъ Николая Тургенева декабристомъ). Тѣмъ не менѣе главную свою задачу г. Лебедевъ выполнилъ удовлетворительно. И богословскіе взгляды Самарина, и его дѣятельность, и его привлекательная личность очерчены имъ достаточно выпукло и ясно. Съ сочиненіями Самарина авторъ знакомъ хорошо; извѣстны ему и важнѣйшіе труды по исторіи крестьянской реформы.

Степени кандидата богословія сочиненіе заслуживаетъ“.

19) О сочиненіи студента священника *Лебедева Димитрія* на тему: „Отношеніе древней церкви Феодора Стратилата къ Успенскому собору въ г. Костромѣ (въ связи съ Повѣстью о Феодоровской иконѣ Божіей Матери и топографіей города)“.

а) Ординарнаго профессора *А. П. Голубцова*:

„Въ небольшомъ предисловіицѣ о. Лебедевъ говоритъ о своихъ пособіяхъ и источникахъ и старается мимоходомъ опредѣлить методъ и общіе результаты своего труда. Последній открывається „Краткимъ очеркомъ начальнаго періода г. Костромы (до княженія Ярослава Всеволодовича)“ и состоитъ изъ пяти слѣдующихъ главъ: I) „Древняя топографія г. Костромы и древній соборный храмъ св. Феодора Стратилата; II) Повѣсть о Феодоровской иконѣ Божіей Матери (въ разныхъ ея редакціяхъ); III) Свидѣтельства повѣсти и иконографическихъ памятниковъ о древнемъ храмѣ св. Феодора Стратилата, въ связи съ топографіей г. Костромы; IV) Первоначальная исторія Успенскаго собора до XVII в. и отношеніе къ нему за это время храма св. Феодора Стратилата; V) Успенскій соборъ и храмъ св. Феодора Стратилата въ XVII—XIX стол., въ связи съ топографіей гор. Костромы за то же время“, и четырехъ приложеній. Легко видѣть, что эти оглавленія отдѣловъ сочиненія находятся въ соотвѣтствіи съ темой, но только въ формулировкѣ нашимъ авторомъ они приближены къ ней; въ дѣйствительности же содержаніе отдѣловъ не покрывается приведенными заголовками: оно гораздо шире. Не упуская изъ вниманія данной темы, авторъ имѣетъ въ виду про себя, повидимому, еще

свою. Онъ пишетъ не о древнѣйшей только церкви Гор Костромы въ честь Θεодора Стратилата и Успенскомъ соборѣ ея и ихъ взаимномъ отношеніи, основываясь преимущественно на Повѣсти о Θεодоровской иконѣ Богоматери и исходя изъ топографіи города; онъ пытается объять и какъ бы попутно изложить всю исторію послѣдняго, старается хотя кратко разсказать о всѣхъ важнѣйшихъ достопримѣчательностяхъ и событіяхъ изъ церковной и даже гражданской жизни родного города за многовѣковое его существованіе... Разумѣется, такое расширеніе и даже двойственность задачи не могли благопріятно отразиться на качествахъ труда о. Димитрія. Располагая небольшимъ временемъ— нѣсколькими мѣсяцами, онъ вынужденъ былъ по общей исторіи города пользоваться своими предшественниками по работѣ, быть эклектикомъ въ своихъ рѣчахъ и изысканіяхъ. По возможности онъ ихъ провѣрялъ, но нельзя сказать, чтобы вездѣ и всегда. Случалось, что онъ повторялъ ихъ безъ провѣрки, съ ихъ ошибками, хотя бы, напримѣръ, въ рѣчахъ о дачѣ „подъ праздничные святые воды и подъ протопца (Костромского) зъ братьею до Москвы по ямомъ подводъ безъ найму и безъ прогоновъ“, какъ о *безпримѣрной* якобы привилегіи въ то время на Руси (стр. 215; сл. прот. Островскаго стр. 131, 205); занимался вслѣдъ за ними опроверженіемъ того, что требовало не разбора, а лишь правильнаго чтенія рукописной Повѣсти о Θεодоровской иконѣ, ясно относящей „лѣто 6747-е“ не къ явленію послѣдней, а къ нашествію Батыя (стр. 95—96; ср. Островскаго стр. VII, XI—XII). Еще досаднѣе, что нѣкоторыя документальныя данныя о. прот. Островскаго, вѣроятно, по недосмотру переданы нашимъ авторомъ превратно; такъ „колокольница на паперти рубленая“ *деревянной* церкви трехъ московскихъ святителей отнесена имъ къ каменному Троицкому собору (стр. 224—225; сл. Островскаго стр. 188).—Въ довольно значительной части своего сочиненія, а именно въ рѣшеніи специальнаго, ему предложеннаго вопроса, о. Димитрій выступаетъ и какъ самостоятельный относительно писатель, пускающій въ дѣло сравнительно мало извѣстный еще рукописный матеріалъ. Здѣсь приходится прежде всего отмѣтить его, такъ сказать, новоначалность въ ученomъ изслѣдованіи, незнакомство съ строго-научными приѣмами послѣдняго.

Начну съ приложеніи къ его сочиненію. Помѣщенная среди нихъ „Выписка изъ межовой книги г. Костромы 1755 года“, какъ не имѣющая прямого отношенія къ темѣ сочиненія, могла быть безъ всякаго ущерба совершенно опущена, какъ могла быть совершенно оставлена и „Выпись съ Костромскихъ писцовыхъ книгъ“... 7137—7138 г.г. Не было смысла давать послѣднюю въ перефрастическомъ по мѣстамъ изложеніи о. прот. Діева послѣ того, какъ означенныя писцовыя книги въ частяхъ, относящихся до вопроса, занимающаго автора, были уже неоднократно и болѣе исправно изданы о. прот. Островскимъ, И. В. Баженовымъ и друг. Неопытность о. Димитрія, неумѣнье именно обращаться съ рукописнымъ матеріаломъ особенно наглядно сказались въ его первомъ приложеніи. Здѣсь помѣщена имъ Повѣсть о Феодоровской иконѣ Богоматери въ двухъ редакціяхъ: кратчайшей—проложной и болѣе пространной Милютинской. Въмѣсто того, чтобы *дать эту послѣднюю по ея оригиналу*—извѣстной Синодальной рукописи (№ 808, лл. 764—771) *съ вариантами подъ нею изъ другихъ списковъ*, онъ разомъ копируетъ повѣсть съ двухъ изъ нихъ: Импер. Публичн. библ. № 1140 (изъ собр. Титова, конца XVII—нач. XVIII в.) и Синодальнаго и придерживается скорѣе перваго, чѣмъ втораго. Благодаря этой устарѣлой и антинаучной манерѣ, получился у о. Димитрія въ первомъ приложеніи не внушающій къ себѣ довѣрія текстъ. Сличая его съ Милютинскою Четью-Минеею, видишь, какъ онъ неточенъ, а въ концѣ и даже прямо урѣзанъ. Повѣсть о Феодоровской иконѣ Богоматери въ послѣдней оканчивается такъ: „И егда освятиша храмъ во имя (Успенія) пречистыя Богородицы, и оттоле нача именоватися сия многочудесная икона Феодоровская, иже и до днесь именуема посему, еже пренесена отъ древнея соборныя церкви великомученика Феодора внутрь града, в созданную во имя Ея соборную церковь. *И о семъ дозды слово*“. Отмѣченное у насъ курсивомъ о. Димитрій совсѣмъ отбросилъ и не привелъ не изъ тенденціи, лучше думать, а просто какъ непонятную, ничего ему не говорившую фразу и этимъ оскотленіемъ текста памятника, самъ того не подозрѣвая, лишилъ себя надежнаго ключа къ правильному рѣшенію важнѣйшаго въ его сочиненіи вопроса о происхожденіи и взаимоотношеніи различныхъ редакцій Повѣсти: проложной, Милютинской и самой

обширнѣйшей изъ нихъ, именно: „Слова о чудеси и о явленіи пр. Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго Ея чудотворнаго образа, нарицаемаыя Θεодоровскія, како явился на Костромѣ градѣ“ (Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Импер. Археолог. Инстит., вып. XXI, стр. 208). Внимательно, построчно сличивъ Милютинскую повѣсть съ поименованнымъ „Словомъ о чудеси и о явленіи“ Θεодоровской иконы, о. Димитрій не только установилъ бы текстуальную зависимость между ними, но и уяснилъ бы себѣ наглядно не всегда удачную писательскую манеру свящ. Іоанна Милютина—*предположеннаго нами составителя первой* и въ игнорированной фразѣ: „*И о семъ дозды Слово*“. быть можетъ, увидаль бы съ его стороны *прямое указаніе на ближайшій его источникъ*, т. е. именно ссылку на „Слово о чудеси и явленіи“... Тогда и хронологическая преемственность появления на свѣтъ редакцій Повѣсти получилась бы какъ разъ обратная той, какую онъ старался установить во второй главѣ своего сочиненія: древнѣйшая, по его утверженію, проложная оказалась бы позднѣйшею, изготовленною, быть можетъ, при изданіи на Москвѣ мартовской книги Пролога въ 1662 году. Тщательнѣйшее изученіе разныхъ версій Повѣсти, къ чему о. Димитрія обязывала уже самая формулировка нашей темы, побудило бы его къ болѣе основательному пересмотру вопроса и о прежней нарочитой службѣ на праздникъ явленія Θεодоровской иконы Богоматери и авторѣ ея. Строго-критически отнесшись къ аргументаціи и выводамъ своего предшественника по разработкѣ названной службы, о. В. А. Соколова (Костр. Старина, вып. 5 стрр. 231—241), а главное—сравнивши послѣднюю съ обширнымъ сказаніемъ о Θεодоровской иконѣ не со стороны только содержанія, но и текстуально, онъ навѣрное открылъ бы общность литературной манеры и ихъ составителей. Не прибѣгая вслѣдъ за предшественникомъ къ натянутымъ объясненіямъ явныхъ анахронизмовъ службы (какъ то: „*Владычице... укрѣпи славящаго тя царя нашего; Днесь свѣтло красуется градъ Кострома и вся Россійская страна*“), онъ призналъ бы въ слагателѣ ея не книжника времени княженія на Руси Ивана III-го, а научно уже образованнаго челоуѣка, замѣтно тронутаго модой риємоплетства, появившейся столѣтіями двумя позднѣе на Москвѣ („*Аерь зарю испуцаеть*“, „*паче*

илектра и сапфира сіяючи“, „Да каплють облаци вси сла-
дость, небеса да възвѣщаютъ намъ радость“, „Явися бо боже-
ственная икона твоя, Владычице, На мѣстѣ пустынноѣ на
сосновѣ деревѣ стоящи, Яко многосвѣтлое солнце свѣтомъ зе-
лимъ сіяючи, И лучи милости повсюду испущаючи“...). Съ
отнесеніемъ составленія службы изъ XV въ XVII вѣкъ
отпадаетъ и мнѣніе автора о томъ, что она была, „первымъ
по времени письменнымъ памятникомъ о св. иконѣ и са-
мымъ важнымъ источникомъ для повѣсти о явленіи и чуде-
сахъ ея“ (стр. 56), какъ становится совершенно понятнымъ,
почему празднество въ честь Теодоровской иконы продол-
жается правиться по древней-общей, такъ сказать, службѣ,
потому книжниками XVII в. и переписываемой.

По настоятельно выраженному нами желанію къ рѣшенію
вопроса темы привлеченъ былъ впервые о. Димитріемъ
иконографическій матеріалъ. Имъ описано нѣсколько ста-
ринныхъ иконъ (три Костромскихъ и одна Ярославская)
Теодоровской Богоматери съ такъ называемыми *дьяньми*,
въ которыхъ изображены исторія явленія и чудотворенія
Костромской святыни. Въ этомъ отдѣлѣ ощутительно даютъ
себя знать недостаточная освѣдомленность автора въ спе-
ціальной литературѣ по древне-русской иконописи и про-
исходящія отсюда неувѣренность его въ опредѣленіи времени
написанія иконъ, неумѣнье разбираться въ *палатномъ* на
нихъ письмѣ, неотчетливость описанія изображеннаго и ску-
дость научныхъ выводовъ изъ иконописныхъ данныхъ. Число
рассмотрѣнныхъ иконъ къ тому же весьма ограничено, а
надписи на нихъ, которыя своими палеографическими осо-
бенностями и самымъ своимъ содержаніемъ могли бы руко-
водить нашего автора въ сужденіяхъ о возрастѣ иконъ,
неудовлетворительно изучены и почти не скопированы имъ.

Въ рѣшеніи конечнаго вопроса своей темы, какъ и въ
представленіи древней топографіи Костромы съ ея двумя
последовательно смѣнившимися средоточіями церковно-
гражданской жизни, авторъ не внесъ чего-либо новаго, до
него печатно и публично другими учеными не высказывав-
шагося, а нѣкоторыя попытки его сказать нѣчто оригиналь-
ное нельзя признать вполне удачными, тѣмъ болѣе твердо
обоснованными. Онъ не пролилъ свѣта въ топографію древ-
нѣйшаго города чрезъ изученіе названій его улицъ, путемъ

изслѣдованія расположенія церквей и монастырей. На основаніи извѣстія лѣтописи о томъ, что въ 1416 году „быль заложень (послѣ пожара 1413 г.) городъ Кострома“ (П. С. Р. Л. XIII, 88; XI, 231) и позднѣйшаго сообщенія нѣкоего мѣщанина Тычинкина о „заложени каменной Костромы“ 13 мая 1415 года, о. Димитрій относитъ „первое основаніе каменнаго (Костромскаго) Успенскаго собора къ 1415—1416 г.г. Частное сообщеніе по такъ называемой Галичской лѣтописи, разумѣется, прежде всего нужно было провѣрить, а всю аргументацію автора въ защиту этой даты нельзя признать вполне убѣдительной. Путемъ аналогій или сравненія Костромскаго Успенскаго собора съ нѣкоторыми московскими да вдобавокъ еще позднѣйшими храмами, путемъ разсмотрѣнія размѣровъ и качества кирпича и кладки, по настоящее время недостаточно еще изученныхъ, рискованно рѣшительно датировать тотъ или другой памятникъ нашего стариннаго церковнаго строительства. Невольно спрашиваешь себя, почему о. Димитрій считаетъ заложенымъ въ 1415—16 г.г. Успенскій непремѣнно соборъ, а не рядомъ съ нимъ стоявшій Троицкій, къ 30-мъ годамъ XVII в. уже развалившійся? Предположеніе автора, что Троицкій соборъ первоначально былъ деревяннымъ, опровергается писцовыми книгами, которыя онъ имѣетъ въ виду (Островскій, стр. 188), и основано на произвольной съ его стороны подмѣнѣ каменной церкви Троицы деревянною церковью московскихъ святителей. Краткая рѣчь автора о посадскихъ соборахъ, безъ знанія относящейся къ нимъ литературы, ничего въ сущности по данному вопросу не разъясняетъ. Совершенно необъяснимымъ остается у нашего автора и то, почему Успенскій соборъ, построенный въ новомъ „городѣ“ княземъ Василиемъ Димитріевичемъ, вплоть до первой четверти XVII в. остается не только въ тѣни, но и въ полной неизвѣстности. Много въ сочиненіи и частныхъ недостатковъ и промаховъ. Описаніе иконы Божіей Матери Θεодоровской сдѣлано не совсѣмъ у мѣста и довольно поверхностно, безъ сопоставленія съ древнѣйшими копіями ея, до нѣкоторой степени уже приведенными въ извѣстность (Иконописный Сборникъ, вып. IV, стр. 54—63. СПб. 1910). Здѣсь же авторъ нашелъ бы несравненно лучшій, чѣмъ приложенъ у него, и снимокъ съ иконы безъ оклада. Для правильнаго пони-

манія грамоты Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго, отъ 1 августа 1665 года (Островск. стр. 193), автору слѣдовало бы вообще ознакомиться съ храмозданными грамотами того времени, и тогда отъ упоминанія грамоты о паперти онъ уже не сдѣлалъ бы заключенія къ существованію въ то время „галлерей, окружающихъ соборъ“ (стр. 231—2). О. Дмитрій не разъ, вслѣдъ за другими, утверждаетъ, что придѣлъ великомуч. Θεодора Стратилата первоначально находился „въ лѣвомъ предолтаріи Успенскаго собора“. Онъ могъ находиться только въ диаконикѣ, т. е. съ правой стороны алтаря—тамъ, гдѣ онъ обычно тогда устроился въ соборныхъ, монастырскихъ и другихъ сравнительно большихъ церквахъ. Расказавъ о построеніи въ 1770—1 году каменной церкви въ честь Θεодоровской пресв. Богородицы (т. наз. Богоотцовской) „на мѣстѣ бывшей соборной церкви Θεодора Стратилата“, авторъ заключаетъ свою рѣчь: „Такъ кончилась въ 1768—1771 г.г. исторія древняго соборнаго храма“... Ему, какъ и другимъ изслѣдователямъ, остался неизвѣстнымъ хранящійся и по настоящее время въ Богоотцовской церкви антиминсѣ, „священнодѣйствованный пресвященнымъ Сіміономъ Костромскимъ и Галицкимъ 1774 г. инд. 7, мѣа іуліа въ 27 день, во храмъ великомуч. Θεодора Стратилата“. Годъ на антиминсѣ недостаточно ясенъ, но думаемъ, что антиминсѣ освященъ во всякомъ разѣ не Симономъ Тодорскимъ (съ 31 марта 1745 г.), а Симономъ Лаговымъ (съ 6 сент. 1769 г. по 31 марта 1778).—Не безупречно сочиненіе и съ внѣшней стороны: изрѣдка въ немъ встрѣчаются погрѣшности противъ орѳографіи, есть шероховатости въ стилѣ, не мало повтореній и еще больше отклоненій въ сторону. Послѣдній недостатокъ самъ авторъ сознавалъ, рекомендуя рецензенту не читать цѣлаго ряда страницъ (204—212). Онъ ввелъ въ сочиненіе лишнія рѣчи несомнѣнно въ виду другой предположенной имъ задачи. Это самое обстоятельство навело и насъ на мысль остановиться въ отзывѣ нѣсколько дольше на недочетахъ сочиненія, бросившихся въ глаза при чтеніи его, чтобы своевременнымъ предупреденіемъ побудить автора внимательно—осторожнѣе относиться къ чужимъ печатнымъ, а тѣмъ болѣе вдумчиво къ своимъ учено-литературнымъ трудамъ. Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ работа о. Дмитрія въ общемъ

производить хорошее впечатлѣніе. Онъ старательно изучалъ относившуюся къ его темѣ печатную литературу, бывалъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ съ цѣлю отысканія новыхъ матеріаловъ по его вопросу, знакомился не по книгамъ только, но и самолично съ памятниками нашего церковнаго зодчества и отчасти иконописи XVI—XVII в.в. и представилъ въ общемъ очень хорошее сочиненіе. Степени кандидата богословія онъ, разумѣется, заслуживаетъ, вполнѣ“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Надъ составленіемъ своего сочиненія свящ. Лебедевъ не мало поработалъ и отнесся къ избранной темѣ съ видимою любовью. Онъ хорошо ознакомился съ существующей литературой по археологіи и исторіи г. Костромы, длинный списокъ которой приводитъ во вступленіи къ своей работѣ. Источникомъ для него служили матеріалы печатные и рукописные, а также памятники иконографическаго и археологическаго характера. Для ознакомленія съ рукописями и для изученія памятниковъ старины на мѣстахъ авторъ предпринималъ поѣздки въ С.-Петербургъ, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Москву. Сочиненіе снабжено приложеніями, содержащими выписки изъ рукописей, многочисленныя рисунки и планы. Все это нужно поставить въ безспорную заслугу автору. Къ числу недостатковъ сочиненія относится прежде всего произвольное расширеніе темы, особенно замѣтное въ началѣ и въ концѣ сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ не столько о топографіи Костромы и ея храмахъ во имя св. Θεодора Стратилата и Успенія Божіей Матери, сколько пересказывается исторія города вообще. Наоборотъ, въ изслѣдованіи топографіи города можно было бы пожелать большей полноты. Главнымъ письменнымъ источникомъ для свящ. Лебедева служила Повѣсть о Теодоровской иконѣ Божіей Матери. Естественно было бы ожидать, что вниманіе изслѣдователя направится главнымъ образомъ на изученіе этого важнаго для него памятника, но представленный авторомъ анализъ различныхъ редакцій повѣсти и трактатъ объ ихъ взаимномъ отношеніи далеко не является послѣднимъ словомъ въ этой области. Мнѣніе автора объ отношеніи повѣсти къ службѣ и разныхъ редакцій повѣсти между собой не представляется

убѣдительно. Въ изложеніи сочиненія замѣчается не мало повтореній и вообще ему не хватаетъ послѣдней редакціи.

Не смотря на эти недостатки сочиненіе свящ. Лебедева можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ и достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

20) О сочиненіи студента *Малышева Николая* на тему: „Догматическое ученіе Ареопагитикъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Задача автора не отличалась сложностью. Ему достаточно было протрудиться рядъ небольшихъ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, извлечь отсюда съ возможною полнотою весь соотвѣтствующій темѣ матеріалъ, принять во вниманіе отношеніе Ареопагитикъ къ неоплатонизму и изложить все это въ систематическомъ порядкѣ. Правда, чтеніе подлиннаго текста Ареопагитикъ требуетъ значительнаго напряженія, но оно облегчается наличностью русскаго перевода для всѣхъ сочиненій, называемыхъ этимъ собирательнымъ именемъ, за исключеніемъ одного, хотя и самаго обширнаго (Объ именахъ Божіихъ). Но и для этого сочиненія имѣются переводы латинскій и нѣмецкій, вполне достаточные для того, чтобы облегчить работу начинающему автору.

Выполненіе этой задачи г. Малышевымъ представляется удовлетворительнымъ и достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія. Памятникъ, предложенный для изученія, внимательно прочтенъ имъ и содержаніе его понято правильно. Ознакомился авторъ и съ главнѣйшими пособіями, относящимися къ Ареопагитикамъ. Въ самомъ изложеніи догматики Ареопагитикъ не усматривается ошибокъ или искаженія мыслей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ работа автора далека отъ совершенства. Ея главнѣйшимъ недостаткомъ служитъ неполнота и схематичность въ передачѣ догматическихъ идей памятника. Богатое догматическое содержаніе Ареопагитикъ далеко не исчерпано авторомъ. Такъ оригинальное ученіе объ ангелахъ излагается всего на 9 стр. крупнаго письма, а ученіе о церкви, которому составитель Ареопагитикъ посвятилъ довольно обширное сочиненіе О Церковной Іерархіи, г. Малышеву

удалось помѣстить всего на семи страницахъ. Естественно, что при такой краткости и схематичности изложенія остаются не отмѣченными не только детали, но и крупныя положенія, очень характерныя для сочиненій, приписанныхъ св. Діонисію Ареопагиту.

Значительный интересъ представляетъ вопросъ объ отношеніи догматическаго ученія Ареопагитикъ къ неоплатонизму. Предметъ этотъ давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Поэтому г. Малышеву не было необходимости самостоятельно собирать сырой матеріалъ, вужный для отвѣта на вопросъ объ отношеніи Ареопагитикъ къ неоплатонизму. Ему достаточно было использовать тѣ параллели, которыя уже отмѣчены другими изслѣдователями, провѣрить ихъ, критически взвѣсить и принять во вниманіе при систематическомъ изложеніи догматическаго содержанія изучаемаго памятника. При этомъ автору было естественно всего обратиться къ той работѣ, въ которой мы находимъ самое детальное сопоставленіе какъ внѣшнихъ, литературныхъ особенностей памятника, такъ и содержащейся въ немъ доктрины съ неоплатонизмомъ въ его формѣ и содержаніи. Такова именно работа Коха *Pseudo—Dionysius Areopagita in seinem Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterienwesen*. Mainz. 1900. Но какъ разъ именно этой книгой авторъ и не сумѣлъ воспользоваться. Въмѣсто этого цѣлыхъ 119 страницъ т. е. почти половину своей небольшой работы онъ заполняетъ изложеніемъ всей исторіи неоплатонизма, начиная Плотининомъ и кончая учениками Прокла. Естественно, что большая часть изложеннаго съ такою подробностью матеріала не имѣетъ никакого отношенія къ Ареопагитикамъ и является совершенно излишнимъ балластомъ. Степени кандидата богословія, какъ было сказано, авторъ заслуживаетъ“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бяляева:

„Сообщивши во введеніи (1—21 стр.) краткія библиографическія свѣдѣнія объ Ареопагитикахъ, т. е., о сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ Св. Діонисія Ареопагита, и упомянувши главнѣйшія изслѣдованія о нихъ, г. Малышевъ; въ виду несомнѣнной, по его взгляду, зависимости Ареопа-

гитикъ отъ неоплатонической философіи и особенно отъ философіи Прокла, этого послѣдняго представителя неоплатонизма, въ ученіи котораго неоплатонизмъ проявился въ послѣдней стадіи своего развитія, излагаетъ систему неоплатонизма кратко (21—57 стр.) и философію Прокла подробно (57—142 стр.). Это первая часть его сочиненія, занимающая цѣлую половину его. Во второй половинѣ сочиненія, съ 142 по 289 страницу, изложено догматическое ученіе Ареопагитикъ. „Мы кончили, говоритъ г. Малышевъ, на предпослѣдней страницѣ своего сочиненія, изложеніе догматическаго ученія Ареопагитикъ“. Въ частности онъ изложилъ ученіе Ареопагитикъ о познаніи, о богопознаніи, о Богѣ, о Христвѣ, о мірѣ, объ ангелахъ, о церкви, о таинствахъ, о чловѣкѣ и его загробной участи. Наиболѣе обширно изложено ученіе о познаніи и богопознаніи. При изложеніи неоплатонической философіи г. Малышевъ всего болѣе пользовался Исторіей греческой философіи Целлера, а ученіе Ареопагитикъ изложено имъ, повидимому, по самымъ сочиненіямъ, частію подлиннымъ, содержащимся въ 3-мъ томѣ греческой серіи Патрологіи Миня, частію по переводамъ ихъ на русскій языкъ. Кромѣ того, какъ при изложеніи ученія неоплатониковъ и Ареопагитикъ, такъ и въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ о разныхъ пунктахъ ученія этихъ послѣднихъ и объ отношеніи этого ученія къ неоплатонизму онъ руководствовался сочиненіями и статьями трехъ-четырехъ нѣмецкихъ и одного французскаго ученаго.

Изложеніе Ареопагитикъ сопровождается критическими замѣчаніями, но эти послѣднія бѣглы и какъ бы случайны. Даже въ рѣшеніи главнаго, первостепенной важности, вопроса о томъ, дѣйствительно-ли Ареопагитики написаны не Діонисіемъ Ареопагитомъ, а появились въ концѣ 5-го или въ началѣ 6-го вѣка, какъ полагаютъ ученые, и вслѣдъ за ними Малышевъ, и были написаны хотя и христіаниномъ, но не отрѣшившимся отъ неоплатонической закваски, замѣтенъ тотъ пробѣлъ, что г. Малышевъ не счелъ нужнымъ не только изложить и опровергнуть мнѣніе о томъ, что Ареопагитики были написаны Діонисіемъ Ареопагитомъ, но даже и упомянуть имена приверженцевъ этого взгляда. А между тѣмъ къ этому взгляду склонялся выдающійся знатокъ не только печатной, но и рукописной греческой богословской.

частнѣе церковно-богослужебной, патристической, церковно-исторической и библиологической, литературы, епископъ Порфирій (Успенскій). Уже одно то обстоятельство, что онъ исколесилъ православный Востокъ вдоль и поперекъ, прожилъ тамъ десятки лѣтъ и читалъ и изучалъ греческія рукописи въ тамошнихъ монастыряхъ, даетъ ему огромное преимущество въ знаніи православнаго Востока и его древней литературы предъ нѣмецкими учеными, изъ которыхъ многіе на Востокъ совсѣмъ даже и не были. Но г. Малышевъ только одинъ разъ сослался на сочиненіе епископа Порфирія, и или совершенно не знаетъ, какого взгляда держался Порфирій на Ареопагитики, или не призналъ нужнымъ изложить и опровергнуть его взглядъ. То и другое одинаково не извинительно. Вообще критики въ сочиненіи г. Малышева мало. Но зато онъ хорошо ознакомился съ содержаніемъ Ареопагитикъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ и подробныхъ, а не глухихъ, цитатъ изъ 3-го тома Патрологіи Миня, которыми испещрены поля бѣльшей части его сочиненія. Такой трудъ нельзя не признать значительнымъ. Кромѣ того, ему пришлось, хотя и изъ вторыхъ рукъ, знакомиться съ системой неоплатонизма и изложить ее, а потомъ сопоставлять по пунктамъ ученіе Ареопагитикъ съ неоплатонической философіей для подтвержденія сходства между ними. Можетъ быть не было настоящей надобности излагать особо и нарочито ученіе неоплатониковъ, а потомъ опять указывать на пункты, сходные въ немъ съ ученіемъ Ареопагитикъ; можетъ быть лучше было бы изложить, напр., ученіе Ареопагитикъ о познаніи и богопознаніи и сейчасъ же привести сходное съ нимъ ученіе неоплатониковъ. Но г. Малышевъ усложнилъ свой трудъ, вѣроятно, съ цѣлію нагляднѣе показать сходство ученія Ареопагитикъ съ неоплатонизмомъ.

Въ сочиненіи г. Малышева есть выраженія, которыя показываютъ, что иногда онъ относился къ прочитанному какъ-то механически, не давая себѣ яснаго отчета. Такъ на страницѣ 53-й русская рѣчь заканчивается нѣмецкими словами *u. s. w.*; на страницѣ 55 Макарій названъ Магнетъ. Неужели онъ не догадался, что по русски слѣдовало бы сказать „Великій?“ Есть выраженія, которыя хотя и вошли въ употребленіе, но которыхъ слѣдовало бы избѣгать ради

соблюдения чистоты русского языка, какъ, напр., штудироваль (55 стр.) игнорируетъ (146 стр.). Но такія и подобныя имъ выраженія составляютъ въ сочиненіи исключеніе. По изложенію и языку сочиненіе хорошее. Для присужденія автору его степени кандидата оно вполне удовлетворительно“.

21) О сочиненіи студента священника *Медвѣдкова Пантелеимона* на тему: „Ученіе о воскресеніи мертвыхъ въ доникейскій періодъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе свящ. Медвѣдкова написано по вполне естественному плану и въ существенныхъ чертахъ исчерпываетъ тему. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію ученія о воскресеніи мертвыхъ въ христіанской литературѣ, онъ вводитъ двѣ предварительныхъ главы, въ которыхъ даетъ очеркъ греко-римскихъ и іудейскихъ представленій о послѣдней судьбѣ человѣка, объясняющій въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣкоторыя особенности въ ученіи о воскресеніи церковныхъ писателей доникейскаго періода. Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ содержится изложеніе ученія о воскресеніи мертвыхъ мужей апостольскихъ, апологетовъ, противогностическихъ писателей и александрийцевъ. Такимъ образомъ, въ общемъ содержаніи сочиненія можно отмѣтить лишь два пробѣла: во-первыхъ, гностическія представленія о воскресеніи, во многомъ объясняющія ученіе антигностическихъ писателей, затронуты слишкомъ поверхностно, во-вторыхъ, свое изслѣдованіе авторъ заканчиваетъ Оригеномъ, а не Меѳодіемъ Олимпійскимъ, и вслѣдствіе этого его сочиненію не хватаетъ естественнаго завершенія. Впрочемъ эта неполнота извиняется подробностью въ изложеніи тѣхъ сторонъ темы, которыя получили свое мѣсто въ сочиненіи. Какъ показываютъ примѣчанія и самое содержаніе сочиненія, авторъ хорошо ознакомился съ источниками. Главнѣйшіе памятники святоотеческой литературы имъ внимательно прочтены. Не довольствуясь ихъ русскимъ переводомъ, авторъ нерѣдко обращается къ подлиннымъ текстамъ. Въ достаточной мѣрѣ исчерпана также и литература предмета, хотя нельзя не пожалѣть, что иностранная литература видимо затрудняетъ

автора. Къ числу достоинствъ работы нужно отнести тотъ интересъ и одушевленіе, съ которыми авторъ занимался своимъ предметомъ. Всюду онъ стремится осмыслить факты, разбить ихъ на группы по сходству содержанія, выяснитъ ихъ связь между собою и дать имъ рационально-богословское оправданіе. Но въ этомъ же лежатъ и многочисленныя частныя недочеты труда, указывающіе на недостаточную дисциплину пера и мысли. Перомъ авторъ владѣетъ хорошо, но можетъ быть именно вслѣдствіе этого отчасти злоупотребляетъ имъ, отчасти же мало работаетъ надъ своимъ стилемъ. Сочиненію его прежде всего не достаетъ послѣдней редакціи. Въ немъ встрѣчается не мало фразъ непонятныхъ, неправильно построенныхъ, написанныхъ сгоряча и наскоро и потомъ не исправленныхъ. Такое же неприятное впечатлѣніе производитъ замѣчаемое по мѣстамъ многословіе и повтореніе ранѣе сказаннаго. Большой контроль нуженъ былъ и для мысли. Понятія, съ которыми имѣетъ дѣло авторъ, не всегда выступаютъ съ точно опредѣленнымъ содержаніемъ и не всегда сохраняютъ одно и то же значеніе на протяженіи всей работы. Сюда относится напр. характеристика „матеріалистическаго и спиритуалистическаго направленія“ въ ученіи о воскресеніи мертвыхъ. Мысль автора въ этой характеристикѣ и не совсѣмъ ясна и по существу неправильна. Матеріализма въ воззрѣніяхъ церковныхъ писателей вовсе не было, а спиритуализмъ вообще былъ чуждъ мысли древнихъ и есть произведеніе новѣйшей философіи. Если бы авторъ строже различалъ понятія, то онъ скорѣе назвалъ бы два направленія, о которыхъ идетъ рѣчь, реалистическимъ и идеалистическимъ. Сверхъ того и самыя особенности того и другого направленія не выяснены въ достаточной мѣрѣ. Такою же неотчетливостью и колебаніемъ отличается у автора понятіе тожества умершихъ и имѣющихъ воскреснуть тѣлъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросается въ глаза невнимательное отношеніе автора къ тексту памятниковъ. Въ этихъ случаяхъ онъ не столько анализируетъ ихъ, сколько беретъ исходной точкой для своихъ собственныхъ размышленій, такъ что иногда трудно бываетъ установить, гдѣ кончаются данныя памятника и гдѣ начинаются домыслы самого автора. По мѣстамъ мы находимъ въ сочиненіи излишнія подробности. Такъ въ немъ излагается почти вся

догматическая система св. Иринея, хотя было бы совершенно достаточно остановиться на одной лишь его эсхатологии. Всѣ эти недостатки сочиненія отличаются впрочемъ частичнымъ характеромъ и не препятствуютъ признать сочиненіе свящ. Медвѣдкова очень хорошимъ, а автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарпева*:

„Сочиненіе—довольно обширное. Работалъ авторъ по первоисточникамъ. Съ его интерпретаціями евангельскаго ученія можно спорить. Послѣдній выводъ его—„исторія ученія о воскресеніи мертвыхъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанской эры представляетъ собою борьбу двухъ концепцій, матеріалистической и спиритуалистической, и послѣдовательную смѣну ихъ“—едва-ли удовлетворитъ тѣхъ, которые представляютъ себѣ вѣрованія христіанства твердо установившимися съ первыхъ дней его существованія. Но послѣднее слово принадлежитъ тѣмъ памятникамъ, съ которыми авторъ имѣлъ дѣло и которыя онъ изучилъ добросовѣстно. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

22) О сочиненіи студента *священника Миловскаго Николая* на тему: „Ветхозавѣтное ученіе о примиреніи съ Богомъ въ его отраженіи на богослужебныхъ дѣйствіяхъ ветхозавѣтнаго культа“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе отца Миловскаго состоитъ изъ небольшого введенія, 4 главъ и послѣсловія. Въ введеніи авторъ даетъ общій эскизъ Библейской амартологии, пользуясь главнымъ образомъ типичнымъ мѣстомъ ветхозавѣтной Библии: Быт. VI, 3, 5 и 7, причемъ при толкованіи имѣетъ въ виду текстъ еврейскаго подлинника. Въ первой главѣ своего сочиненія о. Миловскій излагаетъ взгляды западныхъ богослововъ на очистительное дѣйствіе ветхозавѣтныхъ жертвъ, останавливаясь на теоріяхъ Гофманна (по его работѣ *Der Schriftbeweis*), Ричля (по *Rechtfertigung und Versöhnung*), Рима (по *Der Begriff der Sühne im alten Testament*) и Шмоллера (по *Das Wesen der Sühne in der alttestamentlichen Opfertora*); во второй главѣ

авторъ детально изучаетъ смыслъ глагола кафаръ и его дериваціи по даннымъ Библейской лексики и по Библейскимъ конкордаціямъ масоретскаго текста и перевода LXX. Библейская статистика формъ здѣсь представлена полно, а отсюда на почвѣ эмпирическаго словотолкованія выводы автора приобрѣтаютъ достаточную убѣдительность. Необходимость филологическаго изученія корня кафаръ и его производныхъ открывается уже изъ одного того обстоятельства, что дериваціи глагола весьма расходятся на первый взглядъ по значенію, когда, напримѣръ, кафаръ, какъ имя, обозначаетъ селеніе, коферъ—смола или выкупъ, а кефиръ—молодаго льва. Исходя изъ правильной предпосылки, что первоначальнымъ значеніемъ еврейскихъ корней является ихъ матеріалистическій смыслъ, авторъ въ своемъ изслѣдованіи переходитъ отъ грубо чувственнаго значенія кафаръ, какъ указанія на покрытіе чѣмъ-либо вещественнаго предмета, къ его метафорическому употребленію въ сотеріологическихъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ писаній и вообще въ области Библейской этики. Въ 3-ей главѣ сочиненія о. Миловскій собственно даетъ опытъ разрѣшенія тематическаго вопроса объ отраженіи ветхозавѣтныхъ богословскихъ идей на дѣйствіяхъ культа скинии и храма. Для этой центральной главы въ сочиненіи написанное авторомъ до нея нужно признать отдѣломъ служебнымъ, пропедевтическимъ. Третья глава открывается у автора сообщеніемъ данныхъ изъ общей терминологіи жертвеннаго обряда—бійя, семиха, шехита, зерика, кетира. По образцу изслѣдованій въ области жертвеннаго обряда авторъ много говоритъ объ очистительномъ дѣйствіи крови, являющейся какъ *anima purgativa*, какъ сѣдалище жизненной силы. Сообразно четырехчастному дѣленію ветхозавѣтныхъ жертвъ писавшему приходилось послѣдовательно говорить объ очистительномъ (экспіативномъ) дѣйствіи жертвы всесожженія, жертвы мирной, жертвы за грѣхъ и жертвы за вину. Насколько ясно опредѣляется въ жертвенномъ законѣ различіе всесожженія (жертвы вознесенія—оля) отъ жертвы мирной, настолько тѣсно роднятся хатат и ашам, жертвы за грѣхъ и за проступокъ, а потому автору пришлось начать съ дифференціаціи этихъ смежныхъ видовъ ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній. Въ виду различенія ветхозавѣтныхъ жертвъ по матеріалу автору нужно было от-

дѣльно описывать кровавыя и безкровныя приношенія, причѣмъ къ послѣднимъ имъ отнесены помимо мнѣхи, хлѣбнаго приношенія, и несехъ, возліяніе вина, еще помазаніе елеемъ, воскуреніе «иміама въ святилищѣ и денежный корбанъ—кесефъ гаккиппуримъ. Эскурсомъ въ область ритуала дня очищенія авторъ замыкаетъ эту важную главу въ сочиненіи. 4 глава посвящена выясненію взгляда агіографическихъ писателей и пророковъ на очистительное значеніе жертвенныхъ обрядовъ, съ обращеніемъ особаго вниманія на псалмы и пророческія книги Исаи и Іезекиіля. Авторъ устанавливаетъ измѣненіе въ воззрѣніи на происхождение и сущность грѣха, каковой изъ понятія „грѣшное дѣло“ становится символомъ грѣховной *настроенности*, хотя бы и лишенной волевыхъ проявленій вовнѣ. Благодаря этому значеніе обряда ступшевывается, блѣднѣетъ, однако у пророка Іезекиіля находится не мало указаній и на необходимость точнаго соблюденія обрядовыхъ установленій при условіи неуклонной выработки нравственно-подходящихъ настроеній. Такова общая схема работы о. Миловскаго. Правильный методъ, сознание безусловной важности еврейскаго языка для рѣшенія ветхозавѣтныхъ бібліологическихъ проблемъ составляютъ достоинство рецензируемаго сочиненія, авторъ вѣрно цѣнитъ значеніе рабочихъ филологическихъ гипотезъ и положеній, склоненъ заниматься по подлинному тексту съ словаремъ и конкорданціею. Синтезъ данныхъ ветхозавѣтнаго богословія и ветхозавѣтной литургіологіи данъ въ вполнѣ удовлетворительной формѣ, и всѣ научные этапы пройдены писавшимъ твердо и съ пользою.

Изъ недостатковъ въ сочиненіи можно отмѣтить: 1) нѣкоторую повторяемость матеріала, обсуждаемаго въ первой главѣ, во 2 главѣ, когда идутъ тѣ же имена Гофманна, Ричля, Рима и Шмоллера. Во второй главѣ вмѣсто повторительнаго изложенія данныхъ еврейскихъ словарей лучше было бы привести посильныя справки изъ глоссаріевъ языковъ, сродныхъ еврейскому, на примѣръ сирскаго и арабскаго. Нѣкоторыя данныя изъ ассиро-вавилонскаго вокабулярія приводятся авторомъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ третьей главѣ нѣсколько фактическихъ неточностей, такъ напрасно авторъ полагаетъ, что помимо исповѣданія грѣховъ при возложеніи рукъ на жертвенное животное ветхозавѣтныи культъ

не зналъ никакихъ молитвъ, напомнимъ молитву при принесеніи первыхъ плодовъ; неточно присоединеніе къ отдѣльнымъ актамъ жертвоприношенія еще охля, какъ обозначеніе акта потребленія жертвеннаго мяса помимо его сожженія (т. е. части священниковъ и мірянъ, послѣднее при жертвѣ мирной); терминъ „апликація“ крови хотя и точенъ, но въ нашемъ языкѣ представляетъ неологизмъ. Предполагаемая авторомъ крестообразная тенуфа (стр. 144) не подтверждается библейскими и раввинистическими данными; выраженіе „антропоморфизмъ“ при рѣчи о реяхъ ниhoaхъ—обоняніи Іеговою жертвеннаго запаха удобнѣе замѣнить чрезъ „антропатизмъ“ (стр. 148). Требуяъ поясненія выраженія: конкретные грѣхи (т. е. дѣйствительные, совершенные, стр. 149); вербальное самопожертвованіе стр. 190 (т. е. только на словахъ); неудобно выраженіе „кулинарное“ искусство стр. 193. Выраженіе „субституція“ при рѣчи о замѣнѣ смерти грѣшника смертью животнаго или о замѣнѣ кроваваго жертвоприношенія безкровнымъ хотя и точно, но лучше было бы передавать его описательно, равно выраженіе „суррогатъ“ при рѣчи о взаимномъ отношеніи минхи и кровавой жертвы (стр. 199). Рѣчь автора о возліяніи сикера на жертвенникѣ не имѣетъ въ свое подтвержденіе библейскихъ и талмудическихъ данныхъ. Слишкомъ тяжеловѣсно сказано о помазаніи, какъ знаменующемъ *restitutio in integrum*, равно болѣе чѣмъ условно приписаніе реченію „Азавель“ значенія признака мѣста въ пустынь, куда изгонялся второй козель въ обрядности дня очищенія. Большую пользу для выводовъ автора могло бы принести изученіе талмудическихъ и мидрашическихъ взглядовъ на жертвоприношенія ветхозавѣтнаго культа, особенно знакомство съ литургіею дня очищенія и постныхъ дней въ синагогѣ по мазору. Осторожное пользованіе патристическими данными позволило автору отдѣлить новозавѣтную точку зрѣнія на жертвенные акты ветхозавѣтнаго культа отъ воззрѣній самихъ священныхъ писателей еврейской древности. Степени кандидата богословія о. Миловскій вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Въ краткомъ введеніи (1—14 стр.) своего сочиненія о Миловскій указываетъ на важность филологическаго анализа

глагола רָצַח съ производными отъ него словами въ цѣляхъ выясненія ветхозавѣтной идеи примиренія. Въ 1-й главѣ (стр. 15—92) онъ даетъ критическій обзоръ взглядовъ Hofmann'a, Ritschl'я и Schmoller'a на значеніе רָצַח . Во 2-ой главѣ (стр. 93—130), въ цѣляхъ выясненія положительнаго смысла רָצַח въ его дериваціями, авторъ, на основаніи библейскихъ словарей и конкорданцій, даетъ филологическія справки по вопросу о значеніи רָצַח . 3-я и 4-я главы (стр. 131—336) выясняютъ идею примиренія по ритуальному законодательству Моисея и по учительнымъ и пророческимъ книгамъ. Въ заключеніе сочиненія предлагаются общіе положительные выводы.

Представляя изъ себя кропотливую работу, сочиненіе о Миловскаго обнаруживаетъ въ авторѣ большой навыкъ разбираться въ тонкостяхъ еврейскаго языка. Библейско-историческая наука и археологія особенно нуждаются въ работникахъ, которые могли бы прикасаться къ оригинальному тексту священныѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ пониманіемъ ихъ языка въ цѣляхъ установленія первоначальнаго смысла и значенія еврейской терминологіи. О. Миловскій и является такимъ работникомъ.

Конечно его трудъ не свободенъ отъ недостатковъ, общихъ почти всѣмъ курсовымъ сочиненіямъ. Одинъ изъ главныхъ недочетовъ его работы состоитъ въ недостаточномъ изученіи литературы его вопроса. Его критическая часть работы (гл. 1-я) ограничивается обзоромъ, главнымъ образомъ, взглядовъ на идею примиренія только трехъ представителей западной науки (Hofmann'a, Ritschl'я и Schmoller'a). Онъ почти совсѣмъ не касается цѣнныхъ журнальныхъ статей, хотя бы германскихъ богослововъ, которые, какъ намъ извѣстно, нередко затрогивали въ послѣднее время его вопросъ. Его филологія слова רָצַח базируется главнымъ образомъ на лексиконахъ Stade и Gesenius'a и на конкордаціяхъ Fuerstion Nath'я и Redpath'я, тогда какъ у насъ имѣются и новѣйшіе лексиконы, наиримѣръ König'a, и прекрасные комментаріи, которые могли быть весьма полезны автору. Почти обойдена имъ и святоотеческая литература, которая помогла-бы автору разсмотрѣть ветхозавѣтную идею примиренія во свѣтъ Новаго Завѣта, чего не сдѣлалъ авторъ.

Но указанные недостатки извиняются, однако, тѣмъ, что

о. Миловскій все же обследовалъ взгляды на ветхозавѣтную идею примиренія наиболѣе видныхъ представителей богословской науки и обследовалъ ихъ не какъ диллетантъ въ области еврейской филологіи, но какъ работникъ, хорошо понимающій задачу своей работы и вполнѣ соизмѣрившій съ нею свои силы, которыхъ у него было достаточно для успѣшнаго завершения дѣла. Послѣднее обстоятельство восполнило тѣ недочеты, которые были бы особенно замѣтны у другого, недостаточно знающаго еврейскій языкъ, библеиста, если бы онъ не ознакомился съ лучшими библейскими словарями. Почти не касаясь святоотеческой литературы, авторъ, какъ православный апологетъ-богословъ, всегда обосновываетъ свои сужденія на твердомъ основаніи—на словѣ Божіемъ.

Въ виду сказаннаго, считаемъ сочиненіе о. Миловскаго вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

23) О сочиненіи студента іеромонаха *Николая (Могилевскаго)* на тему: „Ученіе аскетовъ о страстяхъ“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Уже въ своемъ краткомъ введеніи къ сочиненію авторъ весьма опредѣленно поставилъ рамки для своей работы и заранѣе предсказалъ тотъ ея основной характеръ и направленіе, котораго дѣйствительно и присущи его работѣ. „Мы не задаемся научными цѣлями, говоритъ авторъ (стр. 5), задача наша проще и конкретнѣе,—поучиться въ цѣляхъ назиданія у св. отцовъ-аскетовъ столь жизненному вопросу“, т. е. вопросу о страстяхъ. Этотъ уголъ зрѣнія дѣйствительно характеренъ для всей его работы, какъ онъ и самъ говоритъ. Онъ предвидитъ и обвиненіе въ ненаучности работы и по его откровенному заявленію не боится этого упрека въ ненаучности. Поэтому и рецензенту сочиненія напрасно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ этого сочиненія именно съ научной точки зрѣнія. Авторъ остался вполнѣ вѣренъ своему заявленію и далъ въ сочиненіи дѣйствительно назидательное чтеніе для всякаго, кто хотѣлъ бы поучиться у св. отцовъ дѣлу борьбы со страстями и содѣванію своего спасенія. Конечно, слѣдовало-бы автору помнить, что вѣдь онъ пишетъ не популярную и изъ любви къ искусству пред-

принятую брошюру, а все-же *научную кандидатскую работу* и съ опредѣленной цѣлю.

Собственно и труда большого не составило-бы ввести тотъ научный элементъ въ работу, который придалъ бы ей совершенно иной характеръ, разумѣя, въ данномъ случаѣ, хотя бы краткое сопоставленіе съ выводами и данными научной психологіи и философіи. Это было-бы даже интересно въ цѣляхъ прямого возвеличенія св. отцовъ-аскетовъ, которые, говоря откровенно, превзошли глубиной и меткостью своего психологическаго анализа многихъ почтенныхъ новѣйшихъ ученыхъ изъ этой области. Правда здѣсь являлось дѣломъ труднымъ то, чего у автора нѣтъ въ сочиненіи—разумѣемъ болѣе или менѣе глубокой внутренней анализъ самой природы человѣка и въ частности тѣхъ ея проявленій, которыя называются грѣхомъ, страстью, порокомъ. Отклонивъ отъ себя всякую научную задачу въ своемъ изслѣдованіи, авторъ естественно не считалъ нужнымъ и въ раскрытіи ученія о страстяхъ измѣнить сколько нибудь принятый имъ и конечно весьма удобный въ цѣляхъ назиданія методъ изслѣдованія—чисто описательный, сводный по характеру и механической по существу. Но, какъ говорятъ, на *нѣтъ* и суда *нѣтъ*; вотъ почему и намъ приходится говорить о сочиненіи съ той точки зрѣнія только, поскольку оно является выполненіемъ поставленной авторомъ задачи.

Для назидательнаго чтенія оно очень хорошо и полезно. Авторъ трудился весьма добросовѣстно: перечиталъ массу святоотеческихъ твореній (почему-то только не о всѣхъ онъ упомянулъ въ перечнѣ источниковъ); сопоставилъ ихъ и группировалъ по внутренней связи и достаточно ярко и выпукло изобразилъ ихъ словами всю страстную жизнь грѣховнаго человѣка. Самый процессъ образованія страсти—процессъ внутренней, тайный для взора, видимый только уже въ послѣднемъ актѣ *грѣха* какъ дѣла,—природу ихъ и основу въ душѣ человѣка, взаимное соотношеніе и сродство—все это у автора достаточно полно и ясно. Вторая половина сочиненія очень обстоятельно излагаетъ приѣмъ борьбы со страстями и вводитъ читателя въ интимную сторону жизни подвижника, хорошо объясняя даже и незнакому съ подвигомъ и борьбой, причину, и основаніе, и смыслъ тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сторонъ и явленій подвижниче-

ской жизни, которыя сами по себѣ могутъ казаться не понятными, а на фонѣ раскрытія природы страстей и задачи борьбы съ ними для улучшенія спасенія должны восприниматься какъ не только вполне нормальныя, но и необходимыя. Повторяемъ: добросовѣстность автора въ предѣлахъ поставленной имъ задачи труда несомнѣнное достоинство его работы, при ясности и литературной обработкѣ рѣчи. Намъ показалось только, что у автора сравнительно мало выяснена „почва“ образованія страстей въ природѣ человѣческой души. Нужно было по существу дѣла выяснить то „растляніе души“ которое произвелъ въ человѣкѣ „грѣхъ“; тогда понятно бы было и то, почему „помысль“ можетъ вызвать образованіе страстей. У автора хорошо изображенъ, хотя и не полно до конца, процессъ развитія изъ „помысла“ страсти, но вѣдь нужно объяснить, въ чемъ та злая сила или матерія, которая оплодотворяетъ помысль и ведетъ его къ превращенію въ страсть. Худая земля нашей души, какъ слѣдствіе грѣхопаденія, у автора не обследована и не подвергнута анализу; повторяемъ: процессъ развитія страсти указанъ, а природа ея и источникъ начало обследованы не достаточно. И въ самомъ описаніи процесса „страсти“ у автора есть недочеты. Нужно-бы различать яснѣе процессъ развитія грѣха, какъ отдѣльнаго грѣховнаго акта, и образованіе страсти, какъ уже грѣховнаго навыка (см. стр. 30 и сл.). Затѣмъ у автора „плѣненіе“ какъ бы не входитъ въ процессъ образованія страстей, а оно есть уже страсть—окрѣпшая. Авторъ здѣсь вообще не достаточно продумалъ тонкости психологическаго процесса и смѣшиваетъ процессъ развитія всякаго грѣха и образованіе страсти.

Вотъ почему у него и получилось такое неточное для разграниченія понятій страсти и грѣха утвержденіе на стр. 110-й, что „страсть переходитъ въ грѣхъ, а грѣхъ дѣлается страстью“ (см. и слѣд. слова на этой же страницѣ). Можетъ показаться для читателя еще страннымъ и то, что авторъ понятіе о страсти даетъ не въ первыхъ главахъ своего труда, а только уже со 106 стр. (всего сочиненіе имѣетъ 200 стр.), т. е. съ половины, такъ что доселѣ авторъ говорилъ о страсти какъ о чемъ то искомомъ и невѣдомомъ. Почему такъ поступилъ авторъ,—непонятно. Впрочемъ опредѣленіе понятія страсти по существу дано правильно.

Всѣ эти недостатки не умаляютъ достоинствъ сочиненія, какъ весьма назидательнаго и интереснаго чтенія и для удостоенія автора степени кандидата богословія вполне достаточнаго“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Николая предваряется небольшимъ введениемъ, гдѣ авторъ опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія въ передачѣ и систематизаціи мыслей подвижниковъ о страстяхъ и о борьбѣ съ ними. Авторъ затрогиваетъ здѣсь вопросъ о простотѣ разсужденій отцовъ въ отличіе отъ сложныхъ построеній психологической науки, однако, не смотря на такую простоту, сочиненія христіанскихъ аскетовъ бесспорно содержатъ элементы той науки, какую можно было бы назвать специфически христіанскою психологіею, а поэтому и работа о. Николая имѣетъ полное основаніе считаться серіею объединенныхъ серьезныхъ научныхъ этюдовъ: 1) о происхожденіи страсти, 2) о видахъ страстей съ анализомъ каждой частной страсти и 3) о борьбѣ съ отдѣльными страстями. Все сочиненіе показываетъ въ писавшемъ человѣка, внимательно изучившаго творенія аскетовъ, этихъ, по его выраженію, „піонеровъ духовной жизни“ (послѣсловіе). О. Николай видѣлъ въ своей темѣ по-преимуществу вопросъ „моральный“ (послѣсловіе), но онъ написалъ не просто назидательное разсужденіе, а бесспорно цѣнный психологическій очеркъ. Отмѣтивъ исходный пунктъ христіанской психологіи *κατ' ἐξοχήν* въ ученіи о грѣхѣ, о разстройствѣ потребностей, силъ и способностей человѣка, т. е. о ненормальности извѣстныхъ намъ опытно человѣческихъ состояній, авторъ послѣдовательно проходитъ путь изученія возникновенія, развитія и укорененія въ падшей природѣ человѣка страстныхъ состояній. Сообразно восточной аскетической системѣ авторъ говоритъ о 8 главныхъ страстяхъ, группируя ихъ въ плотскія (2) и душевныя (6). Въ отдѣлѣ о борьбѣ со страстями авторъ пытается подойти къ постановкѣ вопроса о взаимоотношеніи вѣли человѣка и благодати Божіей и настойчиво отмѣчаетъ внутренній характеръ борьбы. Въ заключительныхъ словахъ о безстрастїи о. Николай собственно говоритъ о сверхъопытномъ состояніи,

являющемся на дѣлѣ скорѣе потенціею въ земныхъ условіяхъ жизни. Недостаткомъ сочиненія нужно признать отсутствіе исторической перспективы: для дифференцірованія возрѣвній аскетовъ—писателей полезно было бы сказать, какъ думали о страстяхъ человѣка писатели не аскеты и даже не христіане, конечно классической и церковной древности, какіе способы борьбы они предлагали и т. п., но въ предѣлахъ учебнаго года о. Николай сдѣлалъ возможное и вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

24) О сочиненіи студента *Мурашева Алексѣя* на тему: „Космологія отцовъ и учителей церкви первыхъ четырехъ вѣковъ въ отношеніи къ греческой философіи“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Первыя четыре главы сочиненія г. Мурашева представляютъ собою подготовительную часть работы. Въ нихъ излагается философская космологія Платона, Аристотеля, стоиковъ, Филона Александрійскаго. Автору нельзя поставить въ вину того обстоятельства, что онъ излагаетъ ученіе перечисленныхъ мыслителей по курсу Целлера (*Geschichte der Philosophie der Griechen*) какъ потому, что его главной задачей было изученіе не философской, а патристической космологіи, такъ и потому, что высокія достоинства и полнота труда Целлера позволяютъ даже очень извѣстнымъ изслѣдователямъ патристической литературы въ своихъ справкахъ изъ области исторіи греческой философіи довольствоваться этимъ замѣчательнымъ курсомъ, не обращая къ первоисточникамъ. Къ тому же справедливость требуетъ сказать, что г. Мурашеву не совсѣмъ чуждо и знакомство съ философскими первоисточниками по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ они имѣютъ болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ изученнымъ имъ патристическимъ текстамъ. Такъ напр. имъ протудировано сочиненіе Филона *De officio mundi*.

Въ главной части сочиненія излагается космологія апологетовъ, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Оригена, Василия Великаго, Григорія Нисскаго. Этотъ перечень главъ сразу даетъ замѣтить въ сочиненіи г. Мурашева два пробѣла: во-первыхъ отсутствіе космологіи гностиковъ и св. Иринея, во-вторыхъ опущеніе западныхъ писателей—Амбро-

сія Медіоланскаго и бл. Августина. Хотя гностицизмъ является необходимымъ звеномъ въ развитіи христіанской мысли, но его опущеніе находитъ для себя оправданіе въ буквальномъ смыслѣ темы, ставящей вопросъ лишь о космологіи отцовъ и учителей церкви, равно какъ и въ томъ, что изслѣдованіе космологіи гностицизма въ его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ до крайности усложнило бы работу автора. Отсутствіе же трактатовъ о космологіи Амвросія Медіоланскаго и бл. Августина объясняется тѣмъ, что при обширности представленнаго труда (494 стр.) авторъ не имѣлъ достаточно времени для его окончательнаго завершенія.

Сочиненіе г. Мурашева не свободно отъ недостатковъ. Не касаясь недочетовъ частнаго характера, ошибочныхъ замѣчаній, неточныхъ выраженій, остановимся лишь на болѣе важномъ. Весьма досаднымъ является прежде всего тотъ фактъ, что авторъ взялъ всѣ матеріалы для изложенія космологіи апологетовъ изъ книги Müller'a „Geschichte der Kosmologie in der griechischen Kirche bis auf Origenes. Halle 1860. Между тѣмъ вовсе не представляло большой трудности ознакомиться съ ученіемъ апологетовъ по ихъ собственнымъ немногочисленнымъ и необширнымъ сочиненіямъ.

Космологію авторъ понимаетъ широко. Онъ включаетъ въ нее и понятіе о Богѣ, поскольку оно стоитъ въ связи съ ученіемъ о твореніи міра, и идею Логоса, какъ творческой силы Божіей. Но давъ такую широкую постановку вопросу, слѣдовало остаться вѣрнымъ ей на протяженіи всего сочиненія. Между тѣмъ у автора мы этого не замѣчаемъ. Уже въ главѣ, посвященной Тертуллиану, онъ не касается ни понятія о Богѣ, ни идеи Логоса. При изложеніи же ученія Василія Великаго и Григорія Нисскаго ограничивается исключительно ихъ шестодневами, хотя устраненіе изъ богословскаго мышленія IV в. идеи Логоса какъ посредника, столь выдвинутой авторомъ при изложеніи ученія предшественниковъ писателей, и измѣнившееся вслѣдствіе этого представленіе о характерѣ творческаго отношенія къ міру Лицъ Св. Троицы требовало, согласно намѣренію самого автора, гораздо большаго вниманія.

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ сочиненіе г. Мурашева отличается большими достоинствами. Философскій и патристическій матеріалы использованы имъ въ достаточной мѣрѣ.

Философскія теоріи и ученіе церковныхъ писателей изложены въ общемъ правильно, отчетливо, языкомъ легкимъ, гибкимъ и выразительнымъ. Не оставлены безъ вниманія и важнѣйшіе труды изъ литературы предмета. Въ качествѣ особенно цѣнной черты нужно отмѣтить стремленіе автора внести прагматизмъ въ изложеніе фактовъ, изобразить все развитіе космологіи, начавшееся на почвѣ философіи и продолжавшееся въ богословскихъ системахъ христіанскихъ мыслителей, какъ движеніе отъ метафизическаго дуализма древней философіи къ религіозно-этическому монизму, составляющему сущность христіанскаго вѣроученія. Эта мысль проведена авторомъ довольно послѣдовательно, безъ крайностей и натяжекъ.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Обширное сочиненіе А. Мурашева (494 стр.) состоитъ изъ неравномѣрныхъ по своимъ научнымъ достоинствамъ частей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ почти буквально слѣдуетъ своимъ пособіямъ, въ другихъ пользуется второстепенными пособіями, не провѣряя ихъ источниками. Такъ стр. 181—230 почти буквально взяты изъ Müller'a „Geschichte d. Kosmologie in der griechische Kirche bis auf Origenes (Halle, 1860, 113—160) и хотя авторъ вездѣ цитируетъ свое пособие, но это отнюдь не избавляетъ его отъ упрека въ буквальной зависимости, такъ какъ иногда не только самый строй фразы остается неизмѣннымъ, но даже такіе общедоступные на подлинномъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ писатели, какъ Іустинъ, Таціанъ, Теофилъ и пр. цитируется по Müller'у и лишь въ тѣхъ извлеченіяхъ, какія благоугодно было сдѣлать послѣдному. На отдѣлъ о Филонѣ сильное вліяніе оказали труды профессора М. Муретова, глава объ Оригенѣ составлена подъ давленіемъ изслѣдованія проф. В. Болотова объ Оригенѣ. Но это лишь немногія темныя пятна, хотя и рѣзко выдающіяся на свѣтломъ и вообще блестящемъ фонѣ сочиненія Мурашева. Целлера „Исторію философіи“ онъ изучилъ всесторонне, и на основаніи ея составилъ главы о космологическихъ системахъ Платона, Аристотеля, стоицизма и отчасти Филона; но зачѣмъ тутъ попалъ Аристотель, рецензенту это

не понятно, такъ какъ въ замѣткахъ его объ отношеніи отцовъ и учителей церкви Аристотель почти не встрѣчается. Отдѣлы о Климентѣ Александрійскомъ, о космологіи Василя Великаго и Григорія Нисскаго составляютъ лучшія части его сочиненія, но и въ послѣднихъ двухъ пунктахъ трудно усмотрѣть какое либо опредѣленное и точно установленное „отношеніе ихъ къ греческой философіи“. Разсматриваемое же въ общемъ, сочиненіе студ. Мурашева даетъ цѣльную и законченную исторію космологіи отцовъ и писателей первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства и по мѣстамъ достаточно ясно устанавливаетъ и отношеніе ихъ къ греческой философіи. Степени кандидата богословія авторъ его вполне заслуживаетъ“.

25) О сочиненіи студента *іеродіакона Симеона (Нарбекова)* на тему: „Вліяніе эллинизма на іудеевъ послѣднѣннаго періода“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Небольшое по объему, сочиненіе студента іеродіакона Симеова (Нарбекова) предваряется обстоятельнымъ перечнемъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ при написаніи своего сочиненія, и введеніемъ, гдѣ говорится о религіозно-нравственномъ и политическомъ состояніи іудеевъ разсвѣнія ко времени наиболѣе замѣтнаго вліянія на іудеевъ эллинизма. Въ слѣдующей, затѣмъ, 1-й главѣ авторъ выясняетъ сущность эллинизма вообще и въ частности—эллинизма палестинскаго и эллинизма іудеевъ разсвѣнія, при чемъ въ исторіи палестинскаго эллинизма о. Симеонъ указываетъ четыре послѣдовательныхъ періода. Во второй и послѣдней главѣ авторъ останавливаетъ свое вниманіе на различныхъ сторонахъ жизни іудеевъ (на общественно-политической, бытовой и культурной—въ широкомъ значеніи этого слова), на которыхъ наиболѣе замѣтно отразилось вліяніе эллинизма.

Обративъ свое преимущественное вниманіе на палестинскій эллинизмъ, авторъ оставилъ почти безъ разсмотрѣнія исторію вліянія эллинизма на александрійскихъ іудеевъ. Между тѣмъ исторія александрійскаго эллинизма представляетъ много интереснаго для библеиста-историка при характеристикѣ общаго религіозно-нравственнаго и политическаго

состоянія іудеевъ послѣднѣшняго періода. И въ этомъ заключается главный недостатокъ работы о. Симеона. Но въ извиненіе автора нужно сказать, что одностороннее освѣщеніе его вопроса до извѣстной степени искупается его детальною разработкою исторіи палестинскаго эллинизма, гдѣ онъ все-же попутно касается нѣкоторыхъ фактовъ, проливающихся, правда, слабый свѣтъ и на исторію александрійскаго эллинизма. И если поверхностный экскурсъ автора въ исторію александрійскаго эллинизма далеко не можетъ восполнять основного недочета его работы, то въ сочиненіи о. Симеона рецензентъ можетъ отмѣтить другія крупныя достоинства.

Авторъ въ своей работѣ старается быть самостоятельнымъ. Это въ особенности нужно сказать о первой главѣ его работы. При написаніи ея онъ всюду имѣетъ въ виду первоисточники и лучшія пособія. Изъ числа послѣднихъ можно указать на капитальный трудъ Schürer'a. Къ числу первыхъ нужно отнести Іосифа Флавія, котораго онъ изучалъ не только по русскому переводу Генкеля, но и по изданію Niese. Это—особенность, которую съ чувствомъ удовлетворенія можно отмѣчать и въ работахъ на высшія ученія богословскія степени.

Кромѣ сего, тема, взятая авторомъ для кандидатскаго сочиненія, требовала отъ него знанія общей исторіи. И въ этомъ отношеніи авторъ является достаточно подготовленнымъ къ научной разработкѣ его вопроса. Онъ хорошо знакомъ съ общими курсами исторіи.

Въ заслугу автору должно быть поставлено и то, что кромѣ историческихъ фактовъ, говорящихъ о вліяніи греческой культуры на іудеевъ разсѣянія, онъ отмѣчаетъ вліяніе эллинизма и на языкъ іудеевъ. А эта сторона дѣла часто упускается изъ виду въ работахъ, по характеру своему общихъ съ работою о. Симеона. Для обоснованія факта вліянія одного народа на другой часто довольствуются общими историческими справками, не вдаваясь въ анализъ самаго языка.

Въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе автора безупречно.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе о. Симеона вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія и присоединяемъ къ сему пожеланіе, чтобы онъ приложилъ усердіе къ дѣлу восполненія его*.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о Симеона предваряется введеніемъ, гдѣ онъ разсматриваетъ внѣшнюю исторію образованія іудейской общины при Езрѣ и Нееміи. Помимо рѣчи о реставраціи іудейства мы находимъ здѣсь краткія сообщенія и объ эллинской діаспорѣ, т. е. объ образованіи іудейскихъ колоній внѣ Палестины. Благодаря увеличенію числа іудеевъ разъясненія самая исторія послѣдствѣннаго іудейства допускаетъ двухчастное подраздѣленіе: на исторію Палестинскихъ евреевъ и на исторію эллинистовъ, по центральнымъ пунктамъ исторической жизни на исторію Іерусалима и на исторію Александріи. Авторъ, ограниченный временемъ, успѣлъ обработать только исторію эллинизма въ Палестинѣ, причемъ дѣлитъ ее на четыре періода: 1) отъ Александра Македонскаго до Антиоха Епифана, 2) періодъ насильственной эллинизации евреевъ при Антиохѣ Епифанѣ, 3) періодъ скрытой эллинизации при Маккавеяхъ и 4) на періодъ языческихъ вліяній при господствѣ Рима. Генезисъ и послѣдовательный ростъ эллинизма въ Палестинѣ представляются писавшимъ полно и отчетливо, отмѣчается появленіе слабыхъ формъ эллинизации въ еврейскомъ быту и постепенное проникновеніе ихъ въ сферу религіозно-культурной жизни. По Маккавейскимъ книгамъ и „Древностямъ“ Іосифа Флавія авторъ даетъ цѣлостное представленіе о Палестинскихъ вольныхъ и подневольныхъ эллинистахъ, точнѣе этнофилахъ, приверженцахъ языческой культуры и рабахъ язычествующихъ деспотовъ. Однако не одинъ внѣшній бытъ, съ появленіемъ герусіи и архонтовъ у евреевъ, не одна религіозно-культурная сторона жизни іудейскаго племени, съ попыткою романофильствующаго Ирода Великаго перестроить храмъ на языческой образецъ, но и религіозная литература еврейства послѣдствѣннаго времени испытали вліяніе языческихъ идей, т. е. эллинизировались. Авторъ устанавливаетъ такія вліянія въ книгѣ Іисуса, сына Сирахова, въ Маккавейскихъ книгахъ, особенно въ концепціяхъ іудейской апокалиптики; тишичнымъ выраженіемъ такой своеобразной литературы онъ считаетъ книгу Еноха. Эллинизмъ сказывался въ возрѣніяхъ нѣкоторой части евреевъ безъ различія ихъ сектантской партійности,

на суддукяхъ, іудейской аристократіи двора и храма, и на отшельникахъ—ессеяхъ. Аргументація автора вполне достаточна; онъ удѣлилъ долю вниманія талмуду, собственно мишиѣ въ переводѣ Переферковича; вѣроятно по недостатку времени онъ не занимался гемарою и мидрашемъ, важное значеніе которыхъ ему открывалось изъ капитальнаго изслѣдованія Шюрера, могло бы еще открыться изъ работы Деренбурга по исторіи іудеевъ въ Палестинѣ послѣ возвращенія изъ плѣна. Недостаткомъ работы о Симеона помимо фрагментарности изслѣдованія нужно признать отсутствіе у писавшаго точнаго представленія о томъ, что такое эллинизмъ въ своей сущности, что заставляло его часто говорить по поводу эллинизма, а не о самомъ процессѣ эллинизации по его внутренней природѣ. Эллинизмъ въ эпоху господства Рима на первый взглядъ нѣчто странное, кажущееся историко-культурное nonsens, если не расширить представленія о вліяніи греческихъ идей при великомъ завоевателѣ востока Александрѣ Македонскомъ и діадохахъ до широкой концепціи общихъ вліяній язычества на іудейство въ послѣплѣнныя времена. Вліяніе греческаго языка на еврейское нарѣчіе, отразившееся и въ талмудѣ, удобнѣе было бы прослѣдить по работамъ Іоеля и особенно Краусса. Сказанное ни мало не колеблетъ солиднаго научнаго удѣльнаго вѣса работы о Симеона, и онъ безспорно заслуживаетъ кандидатской степени“.

26) О сочиненіи студента *священника Невскаго Петра* на тему: „Церковно-политическіе дѣятели Смутаго времени“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Наступившія и наступающія трексотлѣтнія годовщины великихъ событій Смутаго времени вызываютъ въ наши дни усиленное вниманіе къ дѣятелямъ и фактамъ той эпохи. Вотъ почему работа о Невскаго появляется вполне своевременно. Церковь въ трудныя годы, пережитыя Русью, не была безучастной зрительницей постигавшихъ русскій народъ несчастій; сама борясь съ грозившими ей опасностями со стороны католицизма, она выступила на помощь разрушавшемуся государству. Авторъ и поставилъ свою задачей изображеніе дѣятельности выдающихся представителей цер-

кви, направленной на возстановленіе и упроченіе поколебавшагося порядка и единства русской земли. „Великія бѣдствія смутной эпохи“, пишетъ авторъ въ предисловіи, „явившись пробнымъ камнемъ для русскаго народа, обнаружили въ немъ великую мѣшь. Отсюда вполне понятно, какъ велико должно быть значеніе тѣхъ людей, которые возбудили эту силу народа къ дѣйствию, которые прекратили въ народѣ рознь и вражду, своимъ нравственнымъ вліяніемъ заставили его соединиться и идти на спасеніе отечества и вѣры“.

Къ числу такихъ дѣятелей авторъ относитъ патріарховъ: Іова, Филарета и Гермогена; характеристикѣ каждаго изъ нихъ онъ посвящаетъ особую главу. Отдѣльная большая глава отведена изображенію участія въ событіяхъ Троицкой Лавры и въ частности двухъ ея знаменитыхъ иноковъ: Авраамія Палицына и архимандрита Діонисія. Попутно наряду съ указанными лицами авторъ привлекаетъ къ изслѣдованію дѣятельность патріарха Игнатія и религіозныя убѣжденія Лжедмитрія I. Эти двѣ послѣднія характеристики нѣсколько идутъ въ разрѣзъ съ намѣченной въ предисловіи задачей. Авторъ ставитъ цѣлью сочиненія разсмотрѣніе дѣятельности церковныхъ іерарховъ, направленной на спасеніе государства. Въ главахъ объ Игнатіи и Лжедмитріи ему приходится говорить уже не о томъ, а приходится разбирать вопросъ о вредѣ, причиненномъ ими самой церкви. Но интересъ, внушаемый читателю этими главами, быстро заставляетъ его примириться съ этимъ нарушеніемъ единства.

Смутное время оставило послѣ себя цѣлую литературу памятниковъ, которые могутъ служить историческими источниками для изученія этой эпохи. Но самое обиліе источниковъ является немаловажной причиной трудности уясненія событій Смуты и участія въ этихъ событіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что памятники, повѣствующіе о смутѣ—произведенія не только лѣтописнаго, но и публицистическаго и даже памфлетическаго характера—не ограничиваются строго, безпристрастною передачей фактовъ, но и отражаютъ на себѣ взгляды и пристрастія ихъ авторовъ, тѣхъ группъ и партій, къ которымъ послѣдніе принадлежали. Вотъ почему среди этихъ памятниковъ такая разноголосица; вотъ почему при ихъ обиліи все же въ исторіи Смуты такъ много

неяснаго. Такимъ характеромъ источниковъ объясняются и тѣ крупныя противорѣчія, которыми полны взгляды историковъ, касавшихся событій того времени.

Все это создавало большія препятствія на пути нашего автора къ намѣченной имъ цѣли. Къ чести для него надо сказать, что онъ удачно справился съ ними. Именно лучшей стороною его работы является критика. Критическій методъ и значительный критическій талантъ, которымъ обладаетъ авторъ, благополучно проводятъ его черезъ лабиринтъ свидѣтельствъ, памятниковъ и мнѣній историковъ. Ни одного показанія, ни одного взгляда онъ не принимаетъ на вѣру; все подвергаетъ внимательному разбору и пересмотру. Таковы напр. разборъ вопроса о намѣреніи Лжедмитрія I ввести католицизмъ въ Россіи (118—122), объ участіи семьи Романовыхъ въ замыслахъ противъ Бориса Годунова (166—169), о личности патріарха Гермогена (322—334), которую такъ называемое „Иное сказаніе“ изображаетъ противорѣчиво съ другими памятниками, о троицкихъ грамотахъ (335—342). Разбирая противоположныя возрѣнія историковъ, авторъ всегда дѣлаетъ сознательный, основанный на самостоятельномъ знакомствѣ съ предметомъ выборъ и умѣетъ занять независимую позицію, не смотря на авторитетъ разбираемаго историка. См. напр. 151—возраженія С. М. Соловьеву, 324—самостоятельное отношеніе къ проф. Платонову, 352—360—мнѣніе о троицкихъ грамотахъ.

Другую сильною стороною работы надо признать живость изображенія интересующихъ автора лицъ, его способность возстановлять ту обстановку, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать, воскрешать ихъ мысли, взгляды и чувства, вызываемые этой обстановкой. Одно изъ услевій этой живости изображенія заключается въ прекрасномъ, сжатомъ, точномъ языкѣ, которымъ работа написана, другое—въ томъ тепломъ чувствѣ, которымъ она какъ бы согрѣта. Иногда теплота тона напрасно, по нашему мнѣнію, повышается даже до горячности, проявляющейся въ излишней рѣзкости выраженій (392 — „злодѣйства поляковъ“; 431 — „подлый обманъ“). Но это рѣдкія исключенія. Не можемъ мы совершенно согласиться съ положеніемъ автора (469—470), что „народъ не могъ свободно подчиниться и повиноваться Годуновымъ, потому что они на самомъ дѣлѣ не были избран-

никами всей земли; Борисъ занялъ престоль только какъ представитель самой значительной и вліятельной боярской партіи“. Полагаемъ, что для доказательства этой мысли слѣдовало бы автору остановиться на значеніи земскаго собора 1598 г., чего онъ не дѣлаетъ.

Указанныя достоинства работы, начитанность въ источникахъ и литературѣ, критическій талантъ и прекрасная внѣшняя форма даютъ о. Невскому полное право на получение искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. И. Соколова*:

„О. П. Невскій избралъ предметомъ своего изслѣдованія дѣятельность Церкви въ одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ русской исторіи, въ эпоху смутнаго времени. Среди всеобщей разрухи, наступившей въ эту тяжелую годину, Церковь одна сохранила сознаніе гражданскаго долга и сумѣла выдвинуть дѣятелей, поднявшихъ народъ на спасеніе отечества и вѣры. Исторіи этихъ дѣятелей авторъ и посвящаетъ свою работу. Давъ во вступленіи общую характеристику смутнаго времени и указавъ на заслугу русской церкви предъ русскимъ государствомъ въ эти годы, о. Невскій дѣлитъ свое сочиненіе на шесть главъ. Въ первой изъ нихъ онъ описываетъ дѣятельность и личность патріарха Іова; во второй и третьей говоритъ о преемникѣ Іова, Игнатіи, и въ связи съ нимъ о личности и религіозныхъ убѣжденіяхъ Лжедмитрія; въ четвертой и пятой изображаетъ великихъ борцовъ за православіе и русскую государственность, Филарета Никитича и патріарха Гермогена; наконецъ, шестую главу посвящаетъ церковно-политической дѣятельности Троицкой Лавры въ лицѣ двухъ знаменитыхъ ея представителей, келаря Авраамія Палицына и архимандрита Діонисія. Въ заключеніи къ своей работѣ авторъ опредѣляетъ задачи этихъ выдающихся дѣятелей и выясняетъ ихъ историческую роль.

Если мы вспомнимъ сложное соотношеніе силъ, вызвавшихъ событія смутнаго времени, если мы представимъ себѣ обиліе и противорѣчивость документовъ объ этой эпохѣ, если, наконецъ, мы будемъ имѣть въ виду рѣзкія разногласія въ мнѣніяхъ ея историковъ, то для насъ будетъ ясно, съ какою трудною задачей имѣлъ дѣло о. Невскій. И можно

сказать, что эту задачу онъ разрѣшилъ блистательно. Онъ очертилъ дѣятельность и характеры изображаемыхъ имъ лицъ сжато, ярко и полно; онъ сумѣлъ выяснитъ ихъ истинныя намѣренія и прослѣдить подлинныя мотивы ихъ поступковъ; онъ описалъ ихъ стремленія, мысли и переживанія въ связи съ тѣми событіями, въ потокѣ которыхъ они находились, и съ той исторической обстановкой, въ которой они дѣйствовали. И все это сдѣлано имъ не по чужимъ работамъ, а на основаніи самостоятельнаго изученія подлинныхъ документовъ. Его отношеніе къ своимъ источникамъ и пособіямъ совершенно научное. Онъ довѣряется свидѣтельствамъ памятниковъ и сказаніямъ современниковъ съ большою осторожностью, подвергаетъ ихъ критическому разбору, внимательно оцѣниваетъ основанныя на нихъ ходячія мнѣнія и старается установить истинный характеръ лицъ, событий и дѣйствій посредствомъ тщательнаго сопоставленія фактовъ. Такъ же относится онъ и къ сужденіямъ историковъ. Если нужно отмѣтить недостатки въ сочиненіи о Невскаго, то самымъ главнымъ изъ нихъ является нѣкоторое несоотвѣтствие содержанія работы ея задачамъ. Авторъ хотѣлъ изобразить тѣхъ церковныхъ дѣятелей смутнаго времени, которые вызвали своимъ нравственнымъ вліяніемъ объединеніе народныхъ силъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ и тѣмъ спасли погибавшее государство. Между тѣмъ онъ отводитъ цѣлую главу патриарху Игнатію, который самъ былъ послушнымъ орудіемъ самозванца. Тѣмъ болѣе было нецѣлесообразно посвящать особую главу Лжедмитрію и его отношеніямъ къ католицизму и православію: эта большая глава является въ сочиненіи совершенно инороднымъ тѣломъ. Конечно, изучая смутное время, авторъ не могъ не коснуться этихъ лицъ; но въ виду его особенной задачи ему было достаточно сказать о нихъ въ связи съ другими лицами и событіями. Не смотря на большую начитанность автора, специалистъ, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ въ его знаніяхъ нѣкоторые недочеты. Такъ, наприм., онъ не пользовался французскими работами неутомимаго, хотя конечно и не всегда безпристрастнаго, изслѣдователя смутнаго времени, о Пирлинга. Но всѣ такого рода недочеты не измѣняютъ того общаго благопріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ его дис-

сертация. Это цѣнная работа, и степени кандидата богословія авторъ вполне достоинъ“.

27) О сочиненіи студента священника *Никольскаго Александра* на тему: „Процессъ духовнаго христіанскаго совершенствованія по изображенію Епископа Теофана“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Въ сочиненіи Преосв. Теофана: „Что потребно покаившемуся“ есть между прочимъ слѣдующее весьма характерное мѣсто: „нѣтъ, говоритъ Святитель, христіанской жизни не подвижнической, не трудовой и кто отказывается отъ подвига, тотъ отступаетъ отъ истинной христіанской жизни“. Вотъ основная точка зрѣнія Е. Теофана на христіанскую нравственную жизнь, раскрываемая имъ почти во всѣхъ его нравственно-аскетическихъ сочиненіяхъ, его письмахъ и даже болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованіяхъ экзегетическаго и обще-богословскаго характера. Автору настоящаго сочиненія и требовалось, познакомившись основательно съ многочисленными трудами Преосвященнаго, собрать все относящееся къ уясненію процесса нравственной жизни человѣка, какъ подвига и подвига не внѣшняго конечно только, а и внутренняго. Матеріалъ въ сочиненіяхъ Еп. Теофана данъ для этого весьма обильный; нужно было только систематизировать его и такъ расположить, чтобы вся жизнь человѣка христіанина, спасающагося, вложилась какъ бы въ рамки, охарактеризовалась болѣе или менѣе выпукло и рельефно въ основныхъ моментахъ своихъ и то, что характерно для этой жизни въ извѣстный моментъ, было особенно подчеркнуто и раскрыто. Авторъ такъ кажется и понималъ задачу своего труда и въ извѣстной степени выполнилъ ее, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ даже при краткости выразительно. Планъ сочиненія его таковъ, что, выполняя его надлежащимъ образомъ, дѣйствительно можно дать основательное раскрытіе процесса нравственной жизни человѣка со стороны и внѣшнихъ, и внутреннихъ переживаній человѣка на этомъ пути. Авторъ видимо усердно старался выполнить этотъ планъ по возможности въ полномъ его масштабѣ и нужно сказать, что сдѣлалъ это не безъ успѣха. Въ достоинство его работы нужно поставить уже и

то, что онъ по разбросанному матеріалу въ многочисленныхъ трудахъ Преосвященнаго *возсоздалъ живой процессъ спасающейся человѣческой личности*, не сходя, какъ это можно было, на почву общихъ христіанскихъ разсужденій. Конечно есть у автора и недочеты вполне понятные и извинительные, если имѣть въ виду, что задача его работы по существу дѣла очень тонкая и сложная. И у самого Преосв. Теофана вѣдь нѣтъ систематически послѣдовательнаго раскрытія процесса жизни спасающейся личности, о переживаніяхъ говорится, но какъ органически раскрывающійся процессъ, эти переживанія въ своемъ многообразіи и развитіи не раскрываются. Говорится о томъ: *что нужно для этой жизни, что бываетъ*, но учесть это все законмѣрное спѣвление въ связи явной внутренней, наглядно показать ростъ личности это очень трудно. Авторъ сознавалъ это и напередъ говорить о трудности работы въ этомъ именно отношеніи.

Мы должны указать слѣдующіе недочеты въ сочиненіи.

Начало первой главы мало соотвѣтствуетъ самому заглавію ея. У автора 1-ая глава имѣетъ цѣлію изобразить „общія богословскія воззрѣнія Е. Теофана, какъ основаніе его взглядовъ на христ. совершенствованіе“, а на самомъ дѣлѣ она содержитъ вовсе не эти общія богословскія воззрѣнія Святителя. Ее лучше бы и вѣрнѣе озаглавить такъ: „общіе принципы, положенные въ основу всѣхъ твореній Е. Теофана“, такъ какъ въ этой главѣ у автора содержатся просто общія разсужденія о характерѣ и цѣли христіанской жизни по взгляду Е. Теофана. Эта глава просто предисловіе или конспектъ къ слѣдующему болѣе подробному изъясненію взглядовъ Святителя на нрав. христ. жизнь. Въ этой главѣ не достаточно понятны слова автора о благодати: „обитающей въ глубинѣ существа человѣка Духъ Святой и составляетъ „*основаніе*“ благодати, а общеніе человѣка со Св. Духомъ и есть „*сущность благодати*“ (стр. 26); не указано достаточно ясно и то, о какой *вѣрѣ* авторъ говоритъ на стр. 27 и слѣд., такъ какъ вѣдь у Е. Теофана, какъ и вообще у св. отцовъ, понятіе вѣры въ приложеніи къ разнымъ моментамъ жизни человѣка спасающагося не одинаково. Это кажется и самъ авторъ понимаетъ хорошо, насколько можно судить по содержанію 2-й главы его сочиненія.

Въ частности въ этой-же 2-й главѣ, въ которой у него

говорится объ обращеніи къ Богу, недостаточно раскрытъ моментъ обращенія грѣшника къ Богу, именно съ психологической стороны. Авторъ видимо затруднялся рѣшительно сказать, *въ чемъ этотъ моментъ учитывается*, и потому у него получается какъ будто нѣсколько моментовъ обращенія и рѣшимости, все болѣе и болѣе интенсивной. Если онъ хотѣлъ изобразить процессъ созрѣванія этой рѣшимости и ея окончательнаго разрѣшенія, то это ему вполне не удалось сдѣлать.

Глава 3-я у автора раздѣляется на 3 отдѣла и это дѣленіе вполне естественно, такъ какъ общій вопросъ о подвигѣ (3 гл.) или трудничествѣ естественно въ его раскрытіи распадается на тѣ частные пункты, которые устанавливаетъ авторъ: 1) трудничество съ положительной стороны; 2) съ отрицательной и 3) тѣлесные подвиги. Намъ бы казалось гораздо проще первые два отдѣла объединить просто подъ однимъ заглавіемъ: трудничество или подвигъ со стороны внутренней жизни спасающагося. Различеніе въ подвигѣ духовномъ, о которомъ въ сущности авторъ и говоритъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ 3-й гл., отрицательнаго момента или стороны и положительнаго неудобно; эти моменты только развѣ отвлеченно—логически различимы, а не реально въ жизни подвижника, и борьбу со страстями, напр., едва-ли удобно относить, какъ это дѣлаетъ авторъ, къ моменту только отрицательному. И по существу здѣсь у автора есть недочеты: у него положительное дѣланіе опредѣляется однимъ словомъ „самопринужденіе“ и только чисто описательно указываются тѣ настроенія или добродѣтели, въ коихъ выражается это положительное дѣланіе—самопринужденіе: храненіе духа ревности, укрѣпленіе въ самособранности, памятованіе истинъ откровенія и пр., безъ уясненія психологической стороны этихъ явленій и ихъ внутренней связи. На стр. 164 странное мнѣніе о „помыслѣ“ и опредѣленіе его невѣрное: „подъ помысломъ, гов. авторъ, въ широкомъ смыслѣ разумѣются всѣ акты, предшествующіе рѣшимости, составляющіе размышленіе и склоненіе свободы“... опредѣленіе пожалуй не только не ясное, но и безграмотное и совсѣмъ не въ духѣ и пониманіи Е. Теофана, который въ данномъ случаѣ стоитъ на почвѣ святоотеческаго ученія, какъ и самъ авторъ отмѣчаетъ.

Хорошо въ этой части сочиненія автора, то что онъ отмѣтилъ в. хорошую и существенную мысль у Пр. Теофана объ индивидуализмѣ подвига и полной интимности внутренней дух. жизни человѣка. (См. стр. 166).

Въ отдѣлѣ третьемъ 3-й гл., говорящемъ о тѣлесныхъ подвигахъ и внѣшней жизни подвижника, у автора есть нѣчто относящееся прямѣе къ первымъ двумъ отдѣламъ 3-й гл.: онъ говорить о покаяніи, а это прямѣе относится къ духовному дѣланію.

Едва ли вѣрно понялъ авторъ и мысль Пр. Теофана, который будто-бы утверждаетъ „что въ періодъ очищенія Богъ не даетъ вкусить себя“. Безъ этого вкушенія Бога и подвигъ невозможенъ, такъ какъ вкушеніе блага богообщенія, того, что называется благодатнымъ утѣшеніемъ и помощью, есть необходимое основаніе и условіе самого подвига и борьбы за чистоту души. Пр. Теофанъ понималъ конечно богообщеніе уже *иное*; такъ, какъ это и св. отцы говорятъ, какъ бы *боговселеніе* и уже въ чистомъ сердцѣ человѣка, что дѣйствительно нужно различать отъ того вкушенія Бога, которое дается подвизающемуся и въ періодъ его трудничества. Авторъ этого не отмѣтилъ достаточно.

Извиненіемъ автору во всѣхъ указанныхъ недочетахъ его сочиненія можетъ служить вообще своеобразность аскетическаго матеріала и трудность уясненія его, такъ какъ приходится чужой личный опытъ проводить чрезъ свое сознаніе и уразумѣніе. Недостатокъ же личнаго опыта всегда и скажется дефектами въ раскрытіи продуктовъ чужаго интимнаго опыта жизни. Сочиненія Пр. Теофана представляютъ обширное море сами по себѣ, чтобы можно было легко и съ полнымъ успѣхомъ переплыть его. Авторъ все же добросовѣстно отнесся къ работѣ и выполнилъ первый у насъ опытъ систематизаціи аскетическихъ взглядовъ нашего выдающагося отечественнаго подвижника—святителя очень хорошо.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Инспектора Академіи профессора А. П. Шостына:

„Вмѣсто предисловія“ авторъ говорить объ особыхъ трудностяхъ своей работы, заключающихся въ характерѣ и языкѣ сочиненій преосв. Теофана, а также начертываетъ планъ ея (стр. I—X). По этому плану „*введеніе*“ къ изслѣдованію слу-

жать краткія біографическія свѣдѣнія о жизни преосвященнаго Теофана (стр 1—15), самое же изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ главъ. Изъ нихъ *первая* трактуетъ объ „общихъ богословскихъ воззрѣніяхъ преосв. Теофана, какъ основаніи его взглядовъ на духовное христіанское совершенствованіе“ (стр. 15—66); *вторая* глава изображаетъ „начало духовнаго христіанскаго совершенствованія,—обращеніе человѣка къ Богу“ (стр. 67—97), пробужденіе его—подъ такимъ или инымъ воздѣйствіемъ призывающей Божіей благодати—отъ грѣховнаго сна безпечности и мірской суеты и слѣдующій затѣмъ „болѣзненный переломъ воли“ грѣшника. *Третья* глава (стр. 97—206), имѣетъ надписаніе: „необходимость трудничества или подвига при духовномъ христіанскомъ совершенствованіи послѣ обращенія“ и заключаетъ въ себѣ три отдѣла: а) о положительномъ дѣланіи или самопринужденіи (храненіе духа ревности и упражненіе силъ въ добрѣ), б) объ отрицательныхъ подвигахъ самопротівленія (борьба со страстями и похотями) и с) о тѣлесныхъ подвигахъ.

Въ послѣдней—*четвертой*—главѣ (стр. 207—229) говорится о высшемъ предѣлѣ христіанскаго совершенствованія; о достиженіи безстрастія и живого Богообщенія. Далѣе, въ „*заключеніи*“ (стр. 229—242) дается общая характеристика преосв. Теофана, какъ богослова-правоучителя. Наконецъ, въ особомъ „*приложеніи*“ (243—249) мы находимъ перечень источниковъ и пособій, какими пользовался авторъ при составленіи сочиненія.

Съ формальной стороны планъ этотъ, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ. Напр., вся первая глава, трактующая объ общихъ богословскихъ воззрѣніяхъ преосвященнаго Теофана, въ сущности является *введеніемъ* къ изслѣдованію и т. о. въ сочиненіи оказывается, строго говоря, *два введенія*, кромѣ *предисловія*. Это, разумѣется, не можетъ быть признано удачнымъ и стоитъ въ противорѣчій съ намѣреніемъ автора „распредѣлить *весь* собранный матеріаль на *три* главы (стр. VII);—вмѣсто трехъ главъ въ сочиненіи оказалось ихъ четыре.

Но если въ формальномъ отношеніи сочиненіе о. Никольскаго подлежитъ упреку, то рассматриваемое со стороны своего содержанія оно заслуживаетъ одобренія. Подлежавшій изученію автора матеріаль собранъ и изученъ полно и вни-

мательно, изложенъ языкомъ яснымъ и довольно точнымъ, по мѣстамъ съ замѣтнымъ одушевленіемъ.

Для степени кандидата богословія трудъ о. Никольскаго, безъ сомнѣнія, достаточенъ“.

28) О сочиненіи студента священника *Новикова Константина* на тему: „Ветхозавѣтное пророчество въ отличіе отъ языческихъ оракуловъ и мантики“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Ветхозавѣтное пророчество, какъ исключительное явленіе въ исторіи Израиля, всегда привлекало къ себѣ вниманіе представителей рационализма, которые и рѣшали вопросъ о ветхозавѣтномъ пророчествѣ съ точки зрѣнія эволюціи. Пророчество, согласно распространенному теперь на западѣ взгляду, уходитъ, будто-бы, своими корнями въ язычество и является лишь только разновидностью языческой мантики. Этимъ опредѣляется общій апологетическій характеръ работы православнаго библеиста-богослова, при выясненіи сущности пророчества. Такой же характеръ придалъ своей работѣ и студентъ о. Новиковъ. Послѣ краткой вводной главы (стр. 1—10), въ которой говорится о задачѣ изслѣдованія, авторъ во 2-й главѣ (стр. 11—64) обстоятельно критикуетъ эволюціонныя гипотезы по вопросу о пророчествѣ. Въ 3-й главѣ (стр. 65—137) авторъ останавливаетъ свое вниманіе на ветхозавѣтныхъ пророческихъ школахъ въ связи съ ветхозавѣтнымъ пророчествомъ. Въ 4-й главѣ (стр. 138—215) „историческія основы библейскаго профетизма“, заголовокъ который не совсѣмъ точно опредѣляетъ содержаніе ея, выясняется сущность ветхозавѣтнаго пророчества и дается филологическій анализъ терминовъ „nabi“ и „roeh“. 1—4 главы являются у автора естественными и необходимыми предпосылками для 5-й (стр. 215—279) заключительной главы, уясняющей принципиальное отличіе ветхозавѣтнаго пророчества отъ оракуловъ и мантики.

Разсматриваемое въ подробностяхъ, сочиненіе о. Новикова не свободно отъ недостатковъ. Такъ, разбирая эволюціонныя гипотезы (стр. 11—64), авторъ не руководится хронологическою послѣдовательностью, въ которой появились эти гипотезы. Онъ дѣлаетъ, напримѣръ, сначала критическія замѣ-

чанія по поводу взглядовъ Сендерленда, Маубаум'а, Велльгаузена и послѣ Stade. При этомъ сужденія Маубаум'а онъ излагаетъ по цитации изъ вторыхъ рукъ.

Далѣе, сдѣлавъ во 2-й главѣ оцѣнку эволюціонныхъ гипотезъ по вопросу о сущности ветхозавѣтнаго пророчества, авторъ, подавленный, очевидно, обиліемъ сужденій западныхъ богослововъ по вопросу о пророчествѣ, превратилъ и 3-ю и 4-ю главу въ сводъ критическихъ замѣчаній, среди которыхъ недостаточно отчетливо проступаетъ положительная сторона его работы.

Касаясь вопроса о сущности ветхозавѣтнаго пророчества, о. Новиковъ понималъ, что для обоснованія его сужденій на ряду съ данными Библии для него имѣютъ большую цѣнность и святоотеческія сужденія по этому вопросу. И онъ цитируетъ отцовъ и учителей Церкви, напр. Кирилла Александрійскаго, Тертуллиана, Августина. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что эта цитация сдѣлана не по святоотеческимъ твореніямъ, а заимствована имъ изъ имѣвшихся у него подъ руками пособій. Вообще цитация автора заставляетъ желать болѣе тщательнаго отношенія къ ней въ смыслѣ указанія на оригиналы твореній отцовъ Церкви и на подлинныя сочиненія представителей богословской науки.

Но, не свободное отъ недостатковъ, сочиненіе о. Новикова имѣетъ и свои достоинства. Хотя авторъ и не обслѣдовалъ всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ трудовъ представителей западной науки по вопросу о пророчествѣ, однако онъ видимо интересовался своей работой и въ этомъ отношеніи. Кромѣ энциклопедій Paulys'a и Gerzog'a, онъ хорошо ознакомился по оригиналамъ съ новѣйшими работами Cornill'я (*Der isr. Prophetismus*, 1909), Evers'a (*Isr. Prophetentum*, 1908), Grezzmann'a (*Die alteste geschichts. Schreibung und Proph. isr.* 1910). О русской библейско-исторической и богословской литературѣ нужно сказать, что авторъ внимательно разыскивалъ и обстоятельно изучалъ ее. Какъ православный библеистъ, авторъ является всюду убѣжденнымъ апологетомъ. Удѣливъ, быть можетъ излишнее, вниманіе разбору отрицательныхъ взглядовъ на сущность ветхозавѣтнаго пророчества, авторъ все же умѣло разбирается въ нихъ, всюду руководясь данными слова Божія. Его заключительная глава о пророчествѣ въ отличіе отъ оракуловъ и мантики обнаруживаетъ въ немъ

человѣка, который съ похвальнымъ усердіемъ изучалъ литературу, относящуюся къ этому основному вопросу его общей работы. Языкъ автора, за немногими исключеніями, правильный.

Сказанное о достоинствахъ сочиненія о. Новикова даетъ намъ основаніе признать его работу заслуживающей степени кандидата богословія“.

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе о. Новикова (279 стр.) написано по русскимъ пособіямъ. Правда, онъ цитируетъ и нѣмецкія, но что онъ цитируетъ, давно возвѣщено на русскомъ языкѣ. Вызываетъ недоумѣнія только транскрипція автора: нѣмецкія существительныя онъ пишетъ даже и въ заглавіяхъ съ маленькой буквы, да и буквы порою оказываются не тѣ, что надо. Въ перечнѣ его пособій мы находимъ: *Geschichte des wolkes Jsraels*. Относительно самого перечня должно сказать, что въ немъ указывается много книгъ дающихъ очень мало для его темы и не приводится обширная прямо на его тему отвѣчающая журнальная литература.

Сочиненіе представляетъ собою болѣе переработку стараго, чѣмъ сообщеніе новаго. Но отъ автора, разумѣется, никто и не вправѣ былъ ждать новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ сужденій, но пора бы—и жаль, что авторъ не направилъ на это свои силы,—дисциплинировать языкъ при разсужденіи о взаимоотношеніи богооткровеннаго и языческаго. Богооткровенное есть истинное, но носители откровенія, какъ и создатели естественныхъ религій, были людьми. Пророкъ Іона ослушался воли Божіей. Между тѣмъ у нашего автора теорія діаметральнаго различія между пророками и языческими прорицателями проводится съ необыкновенною легкостью. Безконечно высокій нравственный характеръ, ясность сознанія при воспріятіи откровеній утверждаются у пророковъ, въ язычествѣ и неморальность и неизбѣжный экстазъ при прорицаніяхъ. Съ одной стороны это невѣрно относительно язычниковъ, а съ другой состояніе духа пророковъ при видѣніяхъ несомнѣнно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является экстатическимъ.

Этими недостатками сочиненія однако не могутъ закрываться его положительныя и свѣтлыя стороны. Строго пра-

вославная точка зрѣнія, убѣжденный тонъ, ясность изложенія, начитанность, даже внѣшняя чистота сочиненія привлекають къ себѣ. Авторъ, видно, достаточно поработалъ за годъ и многому научился.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

29) О сочиненіи студента *Орлова Алексыя* на тему: „Ученіе о вѣрѣ въ XI главѣ посланія къ Евреямъ“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Во *введеніи* (стр. I—XXXVIII) сообщаются краткія свѣдѣнія объ іудео—христианахъ апостольскаго вѣка, какъ адресатахъ посланія къ Евреямъ (§ 1 стр. I—XIV) и о сотериологиче- тогдашняго іудейскаго богословія, примѣнительно къ коей кратко обозрѣвается все содержаніе посланія (§ 2 стр. XV—XXXVIII). Самое изслѣдованіе данной темы, соотвѣтственно содержанию XI главы посланія къ Евреямъ, естественно расчленяется на шесть главъ. Глава *первая* (стихи 1—3, стран. 1—118, §§ 3—5) сначала раскрываетъ, съ общей религіозно-психологической точки зрѣнія, сущность и основаніе вѣры, какъ *ἐπιζομένην ἰδίοις* и *προσκήτων ἐλεγχος οὐ βλεπομένην* (§ 3, стихъ 1, стр. 1—62), а затѣмъ даетъ историческое (§ 4, стихъ 2, стр. 62—73) и метафизическое, какъ выражается авторъ, или богословское обоснованіе вѣры (§ 5, стихъ 3, стр. 73—118). Слѣдующія четыре главы данное выше общее богословское опредѣленіе вѣры уясняютъ и доказываютъ на примѣрахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, въ порядкѣ историческомъ, именно: во *второй* главѣ (стр. 119—186) раскрывается вѣра допотопныхъ патріарховъ—Авеля (§ 6, ст. 4, стр. 119—140), Еноха (§ 7, ст. 5—6, стр. 140—155) и Ноя (§ 8, ст. 7, стр. 156—186),—въ *третьей*—вѣра праотцевъ народа еврейскаго—Авраама съ Саррою, Исаака, Іакова и Іосифа (§§ 9—11, ст. 8—22, стр. 186—307),—въ *четвертой*—вѣра Моисея и всего народа Божія (§§ 12—14, ст. 23—31, стр. 308—398),—въ *пятой*—вѣра въ послѣдующія ветхозавѣтныя времена (§§ 15—16, ст. 32—38, стр. 399—465). Глава *шестая* посвящена истолкованію послѣднихъ двухъ стиховъ (39—40) главы, въ коихъ богодухновенный писатель обобщаетъ признаки вѣры ветхозавѣт-

ныхъ праведниковъ и указываетъ отношеніе этихъ послѣднихъ къ вѣрѣ новозавѣтнаго человѣчества (§§ 17—18, стр. 466—517). Въ *заключеніи* (§ 19, стр. 519—565) авторъ кратко касается вопроса объ отношеніи пистеологіи данной главы посланія къ Евреямъ къ пистеологіи другихъ посланій Ап. Павла, преимущественно къ Римлянамъ, и, вопреки мнѣнію многихъ новѣйшихъ иностранныхъ богослововъ, раскрываетъ полную возможность усвоить содержаніе и изложеніе XI главы посланія къ Евреямъ Апостолу Павлу.

Изъ этого обзорѣнія работы автора видимъ, что она, благодаря конечно характеру самой XI главы посланія къ Евреямъ, отличается стройностью въ планѣ, послѣдовательностью въ изложеніи и законченностью въ раскрытіи предмета: Строго держась теченія мыслей данной главы, отдѣливъ въ ней начало (ст. 1—3) и заключеніе (ст. 39—40), какъ обще-богословскую часть разсужденія, и затѣмъ послѣдовавъ хронологическому порядку обзорѣнія ветхозавѣтной исторіи по лицамъ праведниковъ, наиболѣе ярко и типично отразившихъ въ себѣ нравственно-религіозную сторону вѣры, авторъ точно выдержалъ планъ главы и тѣмъ далъ своей работѣ строго логическій характеръ. Въ этомъ—главное и общее достоинство ея.

Въ качествѣ втораго, болѣе уже самостоятельнаго и общеметодологическаго, такъ сказать, достоинства работы г. Орлова могу указать на то, что въ грудѣ разнобразнаго и обширнаго критико-экзегетическаго матеріала авторъ не теряетъ въ частностяхъ специальныхъ экскурсовъ, но умѣетъ всегда твердо держаться главной мысли богодухновеннаго писателя и по окончаніи частныхъ экзегетическихъ изслѣдованій сопровождаетъ ихъ общими разъясненіями понятія вѣры и ея нравственно-религіозной сущности въ истолкованномъ отдѣлѣ, чѣмъ придаетъ своему изложенію большую ясность, и отчетливость, какъ то на стр. 172—186, 294 дал. 393 дал.

Для своей работы авторъ тщательно изучилъ и умѣло использовалъ *почти всю* древне-христіанскую экзегетическую литературу предмета на языкахъ—греческомъ: Катены Крамера (Северіанъ и др.), Теодоръ Мопсуестійскій, Кирилль Александрійскій, Икуменій,—латинскомъ: Евхерій, Примазіи, Лукулентъ, Алульфъ, Страбо, Балдуинъ,—на русскомъ: Ефремъ Сиринъ, Златоустъ, Теодоритъ и Теофилактъ,—и главнѣйшія изъ новыхъ истолковательныхъ пособій на языкахъ—нѣмец-

комъ: Курцъ, Деличъ, Кейль, Блекъ, Люнеманъ, Визенталь, Мейеръ—Вейссъ,—и русскомъ: Теофанъ, Никаноръ, Иринеи и др. нѣк. Сюда же надо присоединить и пособія общаго характера на языкѣ нѣмецкомъ: словари Ширлица и Кремера, грамматики Винера и Блясса и іудейско—раввинскую теософію по Веберу, и на латинскомъ языкѣ параллели къ Новому Завѣту изъ іудейско-раввинской литературы по Ляйтфугу и Ветштейну.

Въ частныхъ критико-экзегетическихъ изслѣдованіяхъ авторъ обнаруживаетъ умѣнье пользоваться не только греческимъ языкомъ, но и еврейскимъ, при разборѣ гипотетической реставраціи еврейскаго оригинала посланія Бизенталемъ, — даетъ прекрасныя толкованія трудныхъ мѣстъ главы, каковы: *ἑλιζομένης ὑπόστασις* и *προκύβητος ἑλεγχος* *ὁὐ ἀλλομένης* ст. 1, стр. 1 дал.,—жертва Авеля ст. 4, стр. 119 дал.,—*ἐν λαοῦ καὶ λῆ* ст. 19, стр. 260 дал.,—Іаковъ поклонился (молился, опираясь) на верхъ жезла своего ст. 21, стр. 286 дал.,—поношеніе Христа ст. 26, стр. 333 дал.

Направленіе работы строго-православное,—разсужденія и доказательства вездѣ обстоятельныя и основательныя,—изложеніе краткое, ясное, литературно обработанное.

Въ сочиненіи есть конечно и недостатки. Общіе: раскрытіе нравственно-религіозной стороны вѣры и пистеологіи Библейской, особенно Ап. Павла въ другихъ его посланіяхъ, далеко отъ полноты и всесторонности,—также совсѣмъ отсутствуетъ общій нравственно-религіозный параллелизмъ. Частныя: авторъ почему-то не пользуется Іоанномъ Дамаскинскимъ и Евеиміемъ Зигабеномъ въ подлинникѣ и древне-христіанскими мистиками—Макаріемъ Египетскимъ, Исаакомъ Сиринскимъ и др.,—греческіе классики, Филонъ, іудейско-раввинская литература цитуются по второстепеннымъ пособіямъ, безъ провѣрки въ оригиналахъ,—имѣются дефекты по текстологіи и филологіи,—переводы на русскій языкъ текста изслѣдуемой главы, предлагаемые авторомъ, не всегда отличаются точностью,—совсѣмъ не затронутъ вопросъ о безсмертіи Еноха съ богословско-догматической точки зрѣнія, т. е. въ отношеніи къ христіанскому ученію объ избавленіи людей отъ смерти Спасителемъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ и имѣющимъ воскресить умершихъ людей при второмъ Своемъ пришествіи на землю,—не выяснена, данная въ

39—40 стихахъ, органическо-мистическая связь ветхозавѣтныхъ людей съ новозавѣтными и достиженіе совершенства чрезъ полученіе обѣтованія или осуществленіе вѣры ветхозавѣтнаго человѣчества въ единеніи и зависимости отъ человѣчества новозавѣтнаго.

Но эти, частные и легко устранимые, недостатки не мешаютъ работѣ г. Орлова быть не только вполне удовлетворительнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ, но и, — въ исправленномъ, дополненномъ и печатномъ видѣ, — составить весьма нужный и дѣльный вкладъ въ русскую богословско-экзегетическую литературу въ качествѣ магистерской диссертациі“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Блясса:

„Во введеніи (1—XXXVIII стр.) г. Орловъ даетъ краткое изображеніе іудейства апостольскаго времени; затѣмъ въ шести главахъ изслѣдованія истолковываетъ XI-ю главу Посланія къ Евреямъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, стихъ за стихомъ, слово за словомъ (1—517 с.); а въ заключеніи (519—565) сравниваетъ изъясненное ученіе о вѣрѣ съ ученіемъ о ней, содержащимся въ другихъ посланіяхъ апостола Павла. При исполненіи своего труда онъ пользовался многими и разнообразными пособіями, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ теперешніе ученые толкователи Священнаго Писанія. Изъ филологическихъ пособій ему оказывали помощь при изъясненіи смысла словъ и характера оборотовъ рѣчи греческаго языка Новаго Завѣта библейскіе словари Кремера и Ширлица и грамматики Винера и Блясса. Но, какъ это и само собой понятно, главными пособіями для него были толкованія на Посланіе къ Евреямъ богослововъ древнихъ Востока и Запада и новыхъ и новѣйшихъ—иностранныхъ и русскихъ, а также нѣкоторыхъ и средневѣковыхъ—западныхъ. Имена всѣхъ таковыхъ толкователей онъ перечислилъ въ самомъ же началѣ своего сочиненія, причѣмъ бросается въ глаза слѣдующая неисправность и неполнота въ составленіи этого перечня: между тѣмъ какъ при именахъ нѣмецкихъ и русскихъ толкователей помѣщены полныя заглавія и ихъ сочиненій, при именахъ древнихъ и средневѣковыхъ толковниковъ указаны только

томы либо патрологии Миня, либо полного собрания ихъ сочиненій, безъ обозначенія заглавій ихъ трудовъ. Изъ русскихъ толкователей Посланія къ Евреямъ онъ указалъ трехъ: Арх. Ириней, Епископа Никанора и Братолубова. Всего болѣе, кромѣ древнихъ толкователей, онъ руководствовался толкованіями на Посланіе къ Евреямъ нѣмецкихъ протестантскихъ богослововъ, а именно Делича (слѣдовало бы прибавить и имя его Францъ въ отличіе отъ здравствующаго и теперь библіолога Фридриха Делича), Блэка, Вейсса (слѣдовало бы присоединить имя его Бернардъ, такъ какъ есть и другіе богословы протестантскіе съ этой фамиліей), Кейля, Люнемана, Бизенталя, Курца, а не Кюрца, какъ его неправильно называетъ г. Орловъ. Курцъ нѣкогда былъ профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ и извѣстенъ какъ церковный и библейскій историкъ, но не какъ экзегетъ. Для ознакомленія съ іудейскимъ богословіемъ г. Орлову оказали помощь сочиненіе англійскаго ориенталиста 17-го вѣка Ляйтфута подъ заглавіемъ: *Horae hebraicae et talmudicae*, и книга Вебера подъ заглавіемъ: *Jüdische Theologie auf Grund des Talmud und verwandten Schriften*. При написаніи заключительной главы сочиненія онъ воспользовался книгой Рима: *Der Lehrbegriff des Hebräerbriefes*. Нельзя не подивиться, что онъ совершенно не обратилъ вниманія на толкованія изъясненной имъ главы католическихъ ученыхъ новѣйшаго времени. Не благоразумнѣе ли было вмѣсто того, чтобы знакомиться съ восемью комментаріями протестантскихъ ученыхъ, избрать изъ нихъ лучшихъ пять, и три комментарія католическихъ ученыхъ. Количество труда было бы такое же, но качество сочиненія повысилось бы уже по причинѣ разнообразія взглядовъ на вѣру, и пріемовъ изъясненія. Но избранныя имъ пособія на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ онъ изучилъ большею частью тщательно, выбранный изъ нихъ матеріалъ объяснилъ,— конечно, при помощи самихъ же пособій, и въ результатѣ получилось подробное и разностороннее изъясненіе XI-й главы Посланія къ Евреямъ, изъясненіе какъ грамматическое и филологическое, такъ и догматико-нравственное. Написаніе сочиненій, посвященныхъ послѣдовательному истолкованію библейскаго текста, облегчается тѣмъ, что не надобно вырабатывать планъ и не приходится читать лишнее, какъ это

бываетъ при выполненіи трудовъ систематическихъ. Но всетаки г. Орлову привелось много потрудиться какъ для ознакомленія съ матеріаломъ, такъ и для оцѣнки его и детальной обработки.

Изложено сочиненіе толково и языкъ его хорошъ, за немногими неудачными выраженіями какъ, напр., „адресатъ Посланія“ (I стр.) „ипостазированные сущности“ (XVI стр.), „постулируется“ (119 стр.). Не знаемъ, признать-ли опиской, или ошибкой слова на 350 стр.: „бѣгство Моисея въ Мидію“. Мадіамская страна—не Мидія.

Для присужденія г. Орлову степени кандидата сочиненіе его вполне достаточно“.

30) О сочиненіи студента *священника Орлова Сергія* на тему: „Первородство у древнихъ евреевъ по даннымъ Библии и мишны“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Орлова состоитъ изъ введенія и двухъ частей: въ первой части разсматривается первородство по его прерогативамъ въ періодъ патриархальный, во второй—первородство въ подзаконный періодъ, включая данныя талмуда по этому вопросу. Какъ видно, работа о. Орлова представляетъ специальную библейско-археологическую монографію; благодаря рѣзкой очертанности темы, сочиненіе о. Орлова, можно сказать, исчерпываетъ Библейско-талмудическія данныя, давая вполне ясное изображеніе правъ и обязанностей перваго мальчика въ семьѣ, приобретаемыхъ имъ при рожденіи и осуществляемыхъ по мѣрѣ его возрастанія и вступленія въ зрѣлость (pubertas, matucitas). Для составленія этой работы о. Орлову пришлось собирать подходящій матеріалъ не крупницамъ въ Библейско-богословскихъ предметныхъ словаряхъ и энциклопедіяхъ, но преимуществу на нѣмецкомъ языкѣ (Herzog, Richm, Winer, Schenkel и др.). Подходящій матеріалъ въ русской библейско-богословской литературѣ былъ извлеченъ о. Орловымъ главнымъ образомъ изъ журнальныхъ статей, повсюду съ самою точною цитациею года и тома изданія. Списокъ многочисленныхъ пособій автора поставленъ имъ въ главѣ предисловія.

Первородство въ его прерогативахъ у древнихъ евреевъ—явленіе весьма важное, если сопоставить юридическую іпоріа перворожденныхъ у народовъ классическаго міра: уже одно наименованіе первороднаго—бехоръ בְּחֹרֹת отъ глагольнаго корня бахаръ, выдѣлять—выдѣлялъ (сравни страдательное причастіе бахуръ) показываетъ на особое положеніе первороднаго въ древне-еврейской семьѣ: если въ primogenitus, *πρωτότοκος*: только отмѣчается числовой порядокъ рожденія, то въ еврейскомъ бехоръ уже выдѣляется особое качество рожденнаго, какъ психо-физически лучшаго среди дальнѣйшихъ братьевъ и сестеръ. Первородныя животныя (бекоротъ) и первосозрѣвшіе плоды (бикуримъ) приносились Богу, какъ лучшій даръ. Первые плоды маслины назывались у евреевъ мелса מַלְאָחַ—полнота, eo ipso первородный представлялся изводящимъ изъ родителей ихъ лучшія физическія и моральныя силы, почему и является „вънцомъ брака“, что находитъ отраженіе и въ его преимущественномъ положеніи въ семьѣ: Рувимъ, первенецъ мой, говоритъ Іаковъ,—ты крѣпость моя и начатокъ силы моей, верхъ достоинства и верхъ могущества (Быт. 49, 3). Въ предисловіи къ своей работѣ о Орловъ точнѣе опредѣляетъ то понятіе первородства, съ явленіями и слѣдствіями котораго будетъ имѣть дѣло: первороднымъ можетъ быть и первый сынъ матери, разверзающей ложесна, и первый сынъ отца въ полигамическомъ бракѣ, гдѣ каждая жена можетъ имѣть своего первенца, гдѣ слѣдовательно физическихъ первенцевъ не одинъ. Авторъ заявляетъ, что будетъ изучать главнымъ образомъ первородство по отцу, лишь отчасти касаясь первородства по матери. Въ отдѣлѣ о первородствѣ въ періодъ патриархальный интересенъ экскурсъ въ область выясненія, какое положеніе занимали первородные въ сферѣ культа. Давно уже высказывалось мнѣніе, что первородные замѣняли жертвосовершителей, позднѣйшихъ ааронидовъ, но уже примѣръ жертвоприношенія Каина и Авеля, совершеннаго одновременно, противъ этого предположенія. Кто были юноши, совершавшіе жертвозакланіе при заключеніи завѣта, также не опредѣляется въ Библии, а потому *janua patet* для всякихъ гипотезъ. О. Орловъ вполне правильно считаетъ, что первородные могли приносить жертвы, но не были обязательными и исключительными литургами патриархальной эпохи. Въ

виду относительной блѣдности контуровъ жизни патриарховъ отдѣлъ о первородныхъ въ дозаконный періодъ не отличается богатствомъ фактическаго и теоретическаго содержания, иное дѣло часть II сочиненія, трактующая о первородствѣ въ подзаконный періодъ. Богатая казуистика талмуда, отражающая библейско-номическія положенія, даетъ о Орлову возможность детально освѣтить интересующій его вопросъ, особенно относительно имущественныхъ правъ первороднаго и его соціального значенія (старѣйшинства и интронизации). Въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія о Орловъ дѣлаетъ опытъ опредѣленія, какое значеніе имѣетъ ветхозавѣтное законодательство касательно первородныхъ въ ветхозавѣтной типикѣ и символикѣ, и какъ оно отражается въ стихирахъ и тропаряхъ службы на Срѣтеніе Господне.

Изъ недостатковъ сочиненія можно указать: 1) на излишній гомилетическій пафосъ, по мѣстамъ дающій красивыя сочетанія и фразы, но бесполезный въ научно-богословскомъ трудѣ; 2) на отсутствіе въ списокѣ пособій Библейскихъ конкорданцій. Однако эти недостатки—чисто внѣшніе, со стороны же содержанія работа о Орлова производитъ самое выгодное впечатлѣніе, какъ по проявленному имъ усердію въ изученіи ветхозавѣтной Библии, такъ и по солидности въ аргументаціи устанавливаемыхъ положеній. Рецензентъ рекомендовалъ бы автору продолжить его работу: 1) чрезъ привлеченіе этнографическаго матеріала, 2) чрезъ текстуально-критическое изученіе мѣстъ Библейскаго подлинника, 3) чрезъ введеніе въ поле зрѣнія раввинистическихъ истолковательныхъ трудовъ, особенно толкованія Маймонида и Бартеноры на талмудическій трактатъ Бекоротъ, отчасти на мишну Арахинъ. Разсматриваемое, какъ кандидатское разсужденіе, сочиненіе о Орлова болѣе чѣмъ удовлетворительно и заставляетъ отмѣтить его прекрасную подготовку къ преподаванію Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе о Орлова состоитъ изъ двухъ частей, распадающихся, въ свою очередь, на 10 главъ (4—въ первой и 6—во второй). Работа предваряется спискомъ литературы, которая такъ или иначе помогла автору ориентироваться въ

его вопросъ, краткимъ предисловіемъ, выясняющимъ общую задачу труда и введеніемъ, гдѣ дѣлаются предварительныя замѣчанія по вопросу о первородствѣ у древнихъ народовъ въ его отношеніи къ воззрѣніямъ израильтянъ на первородство. Въ заключеніе авторъ даетъ общее резюме своего изслѣдованія, которое, въ частностяхъ, уясняетъ первородство въ его идеѣ и въ практическомъ осуществленіи въ періодъ патриархальный и подзаконный.

Написанное въ цѣломъ живымъ языкомъ, иногда, правда, съ излишнимъ паѳосомъ, говорящимъ, однако, объ особой любви автора къ предмету его изслѣдованія, сочиненіе о. Орлова имѣетъ особую цѣнность, какъ работа, для выполненія которой авторъ внимательнѣе изучилъ данныя Библии. Это особенно нужно сказать о второй части работы о. Орлова, для обоснованія которой онъ съ наибольшою тщательностью изучилъ богатый, сравнительно, матеріалъ, имѣющійся въ Библии и умѣло сопоставилъ его съ казуистикой талмуда по вопросу о первородствѣ.

Правда, недостаточное знакомство автора съ экзегетическими трудами невыгодно отразилось на текстуально-критической части его работы. Но это—недостатокъ, который извиняется отчасти тѣмъ, что всюду замѣтное усердіе автора было обращено, главнымъ образомъ, на нелегкій подборъ данныхъ Библии, относящихся къ его вопросу, при чемъ текстуально - критическое изученіе интересовавшихъ его мѣстъ изъ Библии отошло у него на задній планъ. Можно указать автору и на нѣкоторые недочеты въ цитациі. Такъ, онъ указываетъ въ спискѣ пособій Талмудъ и Коранъ, безъ точнаго обозначенія года и мѣста этихъ изданій, при чемъ Коранъ въ его изслѣдованіи является до нѣкоторой степени случайнымъ пособіемъ въ ряду другихъ, близко касавшихся вопроса автора, пособій.

Но отмѣченные нами, сравнительно незначительные, недочеты работы о. Сергія, говорящей въ общемъ о вдумчивомъ и серьезномъ изученіи имъ Библии, не могутъ, конечно, препятствовать полученію имъ степени кандидата богословія. Его трудъ даетъ ему полное право на это“.

31) О сочиненіи студента *Павловскаго Ивана* на тему: „Соборное духовенство въ древней Руси“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе написано по слѣдующему плану. Послѣ краткаго предисловія въ I гл. излагается исторія соборнаго духовенства или „клироса“ въ восточной церкви и въ древнерусской, во II-ой о составѣ соборнаго духовенства, въ III объ участи соборянъ въ епархіальномъ управленіи и судѣ и въ IV о средствахъ содержанія соборнаго духовенства.

Вопросъ о соборномъ духовенствѣ мало разработанъ въ нашей научной литературѣ. Не мало трудовъ по исторіи бѣлаго духовенства, въ которыхъ авторы не обходятъ и духовенство соборное; имѣются монографіи о разныхъ соборахъ каедральныхъ и некаедральныхъ и въ этихъ трудахъ общаются попутно свѣдѣнія объ ихъ духовенствѣ, но спеціальной работы не имѣется. Ближайшей задачей г. Павловскаго было, поэтому, собрать имѣющіяся въ литературѣ и въ изданныхъ доступныхъ ему источникахъ данныя и сгруппировать ихъ. Эту свою задачу авторъ исполнилъ вполне добросовѣстно: прочелъ и использовалъ цѣлый рядъ „актовъ“ и „матеріаловъ“. Но на дальнѣйшую обработку добытаго матеріала, по собственному сознанію г. Павловскаго, у него не хватило времени: всѣ вопросы затронуты лишь въ предѣлахъ, которые подсказывались текстомъ свидѣтельствъ: поставить явленія въ болѣе широкія рамки и отдаленную перспективу, связавъ исторію соборянъ съ исторіей древнерусскаго епархіальнаго управленія и исторіей бѣлаго духовенства въ древней Руси автору не удалось: ему не хватило времени для ознакомленія съ этими обширными отдѣлами исторіи нашей церкви. Сочиненіе осталось незаконченно, но нѣкоторымъ извиненіемъ автора служить то, что онъ понимаетъ этотъ недочетъ своей работы (предисл. VIII—IX).

Помимо этого есть частныя промахи. Авторъ смѣшиваетъ епископскихъ слугъ и холоповъ (стр. 51), ссылается на уставъ Владимира какъ подлинный актъ (151), тогда какъ выше высказалъ сомнѣніе въ принадлежности его крестителю Руси: порядокъ юго-западной церкви, гдѣ въ XV стол. духовникъ изъ соборянъ принималъ исповѣдь ставленника, чтобы свидѣтельствовать о его достоинствѣ, едва ли правильно рас-

пространяется на всю церковь русскую, такъ какъ въ великорусской церкви о достоинствѣ ставленниковъ свидѣльствовали ихъ личные духовники, которые для этого являлись къ владыкѣ; Иванъ III называется царемъ (235). Въ отдѣлѣ о доходахъ соборнаго духовенства слѣдовало бы матеріаль заключить въ таблицу (подобную той, какую авторъ далъ въ главѣ о составѣ духовенства), а то цифры, приводимыя имъ изъ источниковъ, не имѣютъ наглядности.

Но всѣ эти недочеты въ значительной степени извиняются неразработанностью темы и ея сложностью, стройностью плана, добросовѣстнымъ отношеніемъ автора къ черновой работѣ накопленія данныхъ по вопросу и яснымъ сознаниемъ своей научной задачи, не осуществленной во всемъ объемѣ отчасти по недостатку времени.

Поэтому сочиненіе г. Павловскаго вполне заслуживаетъ автору степень кандидата богословія“.

б). Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе представляетъ весьма усердный трудъ автора по собиранію матеріала для разработки темы, разсѣяннаго по самымъ разнообразнымъ историческимъ и юридическимъ источникамъ, перечень которыхъ и представленъ въ началѣ сочиненія.

Собранный тщательно матеріаль систематически расположенъ по главамъ, рисующимъ предъ читателемъ въ отчетливой и живой картинѣ всѣ важнѣйшія стороны быта соборнаго духовенства разныхъ вѣковъ и разныхъ частей Руси, начиная со времени принятія русскими христіанства и по XVII вѣкѣ, а именно: составъ соборнаго духовенства, участіе его въ епархіальной администраціи и судѣ; средства содержанія, подсудность; права и повинности.

Методъ изложенія—историко-критическій. Въ положительномъ изложеніи фактовъ авторъ всюду стремится быть документально основательнымъ и сохраняетъ должную умѣренность въ обобщеніяхъ.

Единственная, мною замѣченная, слабая сторона въ сочиненіи—недостаточное знакомство автора съ епархіальнымъ устройствомъ греческой церкви, гдѣ свѣдѣнія автора, повидимому, исчерпываются тѣмъ, что даетъ въ своей исторіи

Е. Е. Голубинскій. Но въ своей спеціальной области—источникахъ исторіи русской церкви авторъ, на мой взглядъ, безукоризненъ. Тщательное изученіе первоисточниковъ сказалось на самомъ изложеніи, отличающемся живостію и новизною въ раскрытіи малоразработаннаго предмета.

Признаю сочиненіе вполнѣ удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

32) О сочиненіи студента *Парія Андрея* на тему: „Обозрѣніе законодательства и литературы по устройству приходоѡвъ за XVIII и XIX вв.“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія (стр. 1—52), двухъ отдѣловъ (53—279 и 280—347) и эпилога (348—388).

Во введеніи предлагается краткій историческій очеркъ устройства древнерусскаго прихода, какъ сплоченной религіозно-земской организаціи, центромъ которой служилъ приходскій храмъ—строеіе приходскихъ людей. По собственному заявленію автора характеристика древнерусскаго прихода дѣлается имъ въ освѣщеніи, даваемомъ извѣстнымъ нашимъ писателемъ А. А. Папковымъ и сдѣлана авторомъ въ интересахъ формальной стройности сочиненія. Дѣло въ томъ, что XVIII и XIX вѣка для историка русскаго церковнаго прихода представляются періодомъ постепеннаго упадка прихода, или, точнѣе, совершеннаго видоизмѣненія того строя, который онъ имѣлъ въ древней Руси, а посему автору казалось неудобнымъ начинать изслѣдованіе раскрытіемъ измѣненія строя приходскаго, не указавъ предварительно, каковъ былъ самый этотъ строй.

Затѣмъ авторъ указываетъ общія причины упадка приходскаго строя,—усиленіе крѣпостнаго права и крайній недостатокъ грамотныхъ людей въ составѣ прихожанъ,—и планъ сочиненія.

Первый отдѣлъ, слѣдующій далѣе, представляетъ собою постепенное дѣйствіе этихъ причинъ на разложеніе приходскаго общиннаго строя. Авторъ постепенно съ хронологическою послѣдовательностію отмѣчаетъ законодательныя и административныя мѣропріятія духовнаго и свѣтскаго прави-

тельства по преобразованію приходскаго устройства по отдѣльнымъ царствованіямъ, а именно: Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, Екатерины II-ой, Павла и Александра I-го, Николая I-го, Александра II и Александра III-го.

Отдѣлъ второй посвященъ обзорѣнію исторіи образованія и устройства приходовъ христіанъ инославныхъ исповѣданій (280—312) въ разныхъ частяхъ Россіи и описанію устройства православныхъ приходовъ въ Финляндіи (313—343).

Въ видѣ эпилога слѣдуетъ затѣмъ сжатое изложеніе мнѣній, высказанныхъ по устройству православнаго прихода въ Предсоборномъ Присутствіи, и нормальнаго проекта приходскаго устройства, выработаннаго Присутствіемъ.

Таковъ планъ и общее содержаніе сочиненія А. Парія.

Сочиненіе представляетъ собою довольно полное раскрытіе данной темы. Авторъ въ надлежащей мѣрѣ изучилъ церковно-юридическій матеріалъ и ознакомился съ историческимъ освѣщеніемъ его подъ руководствомъ специальныхъ историческихъ изслѣдованій Папкова, Богословскаго и Верюжскаго. Авторъ хорошо расположилъ и матеріалъ, имъ собранный, представивъ въ параллели съ одной стороны постепенный процессъ упадка православнаго прихода, съ другой—распространенія и роста приходовъ инославныхъ исповѣданій. Указавъ за тѣмъ на удовлетворительное устройство православныхъ приходовъ въ Финляндіи, авторъ пришелъ къ естественному выводу о необходимости возстановленія и оживленія общиннаго устройства православныхъ приходовъ—что было привѣтствовано и Предсоборнымъ Присутствіемъ.

Это—хорошія стороны сочиненія А. Парія. Къ сожалѣнію, сочиненію недостаетъ надлежащей литературной обработки: авторъ не далъ себѣ труда позаботиться о красотѣ въ построеніи періодовъ, иногда встрѣчаются неудачные эпитеты, напр. „скорпіоновыя мѣры“ (стр. 68), „реализовать въ дѣйствительности“ (стр. 227) и т. п.

Но вообще сочиненіе для кандидатской степени удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Авторъ составлялъ свое сочиненіе уже по готовымъ русскимъ изслѣдованіямъ, и ему предстояла, поэтому, самая

простая задача использовать въ своихъ цѣляхъ этотъ предложавшій ему въ обработанномъ видѣ матеріаль. Свою задачу студентъ Парій исполнилъ съ должной полнотой и добросовѣстностію, и потому степени кандидата заслуживаетъ“.

зз) О сочиненіи студента *іеромонаха Варлаама (Пикалова)* на тему: „Человѣческая жизнь по изображенію преп. Макарія Великаго“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Авторъ хорошо изучилъ сочиненія преп. Макарія В. по русскому ихъ переводу и изданію нашей Академіи (1904 г.). Все прочее въ смыслѣ литературы и пособій по изученію этого отца, какъ можно судить по крайней мѣрѣ по самому сочиненію о. Варлаама, оставлено имъ въ сторонѣ и безъ вниманія. Вотъ почему напрасно стали-бы искать въ сочиненіи того ученаго аппарата въ видѣ цитатъ, ссылокъ, сопоставленій съ подлинниками и проч., который обычно присущъ всѣмъ почти кандидатскимъ и магистерскимъ сочиненіямъ. Это правда чувствуется, а не указывается. Авторъ проще и прямѣе понялъ задачу своей работы и подошелъ къ ней прямо, принявъ книжку твореній святого отца въ ея объемъ и содержаніи безъ всякихъ сомнѣній и предположеній о томъ, все ли здѣсь есть, что осталось отъ преп. Макарія В. и такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ, какъ дано въ этой книжкѣ. Повторяемъ: полное отсутствіе научно-литературнаго и критическаго элемента въ сочиненіи, — вотъ основная особенность сочиненія о. Варлаама сравнительно даже съ обычными кандидатскими работами. Недостатокъ это или просто своеобразная постановка дѣла, это конечно зависитъ отъ того, съ какими требованіями подходить къ работѣ и подъ какимъ угломъ ее оцѣнивать и измѣрять. Достоинство самой работы, взятой въ томъ масштабѣ, который авторъ самъ опредѣлилъ въ предисловіи, намъ кажется, окупаетъ этотъ указанный недочетъ. Жизнь человѣческая рисуется авторомъ въ изображеніи ея св. отцомъ очень опредѣленно, послѣдовательно и ярко. Въ шести отдѣлахъ сочиненія, которые почему-то у автора не указаны въ оглавленіи, всѣ стадии и моменты человѣческой жизни раскрыты въ стро-

гомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Состояніе до грѣхопаденія, и послѣ грѣхопаденія, жизненное содержаніе человѣка на этихъ двухъ какъ бы полюсахъ его бытія, самый процессъ жизни человѣческой въ ея грѣховныхъ проявленіяхъ и въ борьбѣ за спасеніе, содержаніе нравственнаго совершенства личности человѣка облагодатствованной,—все здѣсь сжато, но вполне опредѣленно выяснено и указано. Авторъ видимо не рискуетъ перелагать мысли преп. отца своими словами и формулировкой, а большею частію приводитъ подлинныя слова преподобнаго. На долю его самого остается планъ сочиненія, умѣнье наполнить рамки и рубрики своей работы подходящимъ содержаніемъ и соблюсти логику мыслей.

Все это достигнуто авторомъ. Стиль работы портитъ нѣсколько употребленіе философскихъ терминовъ, вродѣ „метафизической,“ которые на ряду съ славянской и русской рѣчью простого святоотеческаго стиля нѣсколько рѣжутъ слухъ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе это содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе мыслей преп. Макарія о человѣческой жизни,—по большей части его же собственными словами, искусно собранными изъ разныхъ мѣстъ его твореній. Сочиненіе—очень хорошее, дающее ясное представленіе о міровоззрѣніи преподобнаго, но читается не особенно легко.

Оцѣниваю его балломъ 5“.

34) О сочиненіи студента *Плѣшанова Павла* на тему: „Вопросъ о двухъчастномъ и трехъчастномъ составѣ природы человѣка“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Д. Бьялева*:

„Кромѣ краткихъ введенія и заключенія сочиненіе г. Плѣшанова распадается на три части. Въ первой части изложены: „библейскія основанія трихотоміи“ (гл. 1, стр. 19—41) и „ученіе святыхъ отцовъ и учителей Церкви о трехъчастномъ составѣ природы человѣка“ (гл. 2, стр. 41—62). Во второй части раскрыты: „ученіе Библии о двухъчастности природы человѣка“ (гл. 1, стр. 67—102), „патристическое ученіе“

о двухчастномъ составѣ человѣческой природы“ и „ученіе о томъ же предметѣ православной русской догматики“ (глав. 2, стр. 103—140).

Часть третья, обнимающая двѣ трети всего сочиненія, содержитъ критическій разборъ ученій о двухчастномъ и трехчастномъ составѣ человѣческой природы, а именно, въ главѣ первой данъ „анализъ терминовъ, употребляемыхъ Библией для обозначенія внутренняго, невидимаго существа человѣка“ и показана „ошибочность пониманія этихъ терминовъ трихотомистами“ (143—247 стр.). Во второй главѣ раскрыта „несостоятельность трихотомистическихъ ссылокъ на патристическое ученіе“ (247—290 стр.); въ третьей главѣ опровергнуто „ученіе о трехчастномъ составѣ природы человѣка древнихъ христіанскихъ еретиковъ, греческой философіи и религіи древняго востока“ (291—308 стр.); въ четвертой главѣ показано „согласіе дихотомистическаго ученія о составѣ природы человѣка съ данными современной психологіи“ (309—412 стр.).

Разсмотрѣніе библейскаго ученія о духовномъ началѣ въ человѣческой природѣ приводитъ автора сочиненія къ выводу, что различныя наименованія въ Библии этого начала не свидѣтельствуютъ о двухсоставности или многосоставности этого начала, что душа въ человѣкѣ, называемая и духомъ, есть одна сущность. Равнымъ образомъ и изслѣдованіе святоотеческаго ученія о составѣ человѣческой природы побуждаетъ автора заявить, что даже тѣ отцы и учителя Церкви, которыхъ иные богословы считаютъ трихотомистами, на самомъ дѣлѣ таковыми не были, потому что въ ихъ сочиненіяхъ можно найти изреченія, въ которыхъ они духовную часть человѣческой природы признавали единой и простой, а не двойственной сущностію.

Главное достоинство сочиненія въ томъ, что оно представляетъ разностороннее изслѣдованіе предмета. Разсмотрѣно и освѣщено библейское, святоотеческое и философско-психологическое ученіе о предметѣ. Но глубина изслѣдованія меньше его широты. Предметъ сложенъ, темень и труденъ, да и мало разработанъ, какъ богословами, такъ и свѣтскими учеными, не смотря на то, что онъ входитъ въ область и философіи, и психологіи, и медицины, и біологіи, и антропологіи. Не удивительно, что автору сочиненія не удалось

достаточно освѣтить разныя немаловажныя частности предмета и разрѣшить кое-какія недоумѣнія. Напр., въ психологическомъ отдѣлѣ своего сочиненія, въ послѣдней главѣ его онъ настойчиво, рѣшительно утверждаетъ, что при душевныхъ болѣзняхъ можетъ раздвоиться и дробиться личность человѣка, но его я всегда при этомъ остается одно и то же. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, въ чемъ же состоитъ различіе личности отъ я человѣка. Г. Плѣшановъ этого вопроса даже и не ставитъ, какъ будто само собой понятно, что личность и я не тождественны, и какъ будто всѣ знаютъ, чѣмъ я отличается отъ личности.

Въ библейскомъ отдѣлѣ сочиненія г. Плѣшановъ съ нѣтяжкой примѣняетъ къ своему взгляду изреченіе изъ посланія къ Ефессянамъ, 4 гл. 23 ст., и неправильно его изъясняетъ. Въ этомъ изреченіи духъ есть подчиненное понятіе, умъ—главное понятіе, а не на оборотъ, какъ думаетъ авторъ сочиненія.

Впрочемъ темнота и неразработанность предмета въ значительной мѣрѣ извиняють недостатки изслѣдованія его у г. Плѣшанова.

Мысли въ сочиненіи изложены послѣдовательно и, за немногими исключеніями (напр., на 307 стр.), точно, безъ излишняго многословія.

Языкъ сочиненія тоже хорошій, если не считать попадающихся тамъ и сямъ такихъ иностранныхъ словъ, которыя хотя, къ сожалѣнію, уже вошли въ составъ нашего устнаго и письменнаго языка, но безъ которыхъ вполне можно обойтись и которыя только портятъ чистоту нашей родной рѣчи, таковы, напр., игнорируемъ (245 стр.), кардинальный (383 с.), констатированіе (326 с.), парируя (374 с.), плюсь вмѣсто и (289 с.). На 28-й стр. неправильно сказано Павловское вмѣсто Павлово. А вообще какъ изложеніе, такъ и стиль сочиненія хороши.

Сочиненіе вполне достаточно для присужденія его автору степени кандидата богословія“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора М. Д. Муретова:

„Кромѣ общаго и краткаго введенія о предметѣ темы (стр. 3—9), сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой

дается общее изложение учения трихотомистовъ (стр. 11—18) и приводятся библейскія мѣста (глава первая, стр. 19—41) и изреченія святыхъ отцевъ и учителей Церкви (глава вторая, стр. 41—62), что служатъ основаніемъ для защитниковъ трехсоставности природы человѣка,—во *второй*, послѣ общаго изложения учения дихотомистовъ (стр. 63—67), приводятся библейскія изреченія (глава первая, стр. 67—102) и обще-патристическое и русское православно-догматическое учение (глава вторая, стр. 103—140) о двухсоставности природы человѣка,—въ *третьей* части доказывається несостоятельность трихотомистовъ въ толкованіи библейскихъ (глава первая, стр. 143—247) и патристическихъ (глава вторая, стр. 247—290) мѣстъ, изъясняемыхъ авторомъ примѣнительно къ теоріи двухсоставности человѣческой природы,—указывается на связь этого учения съ ученіями древнехристіанскихъ еретиковъ, греческихъ философовъ и религіи древняго востока (глава третья, стр. 291—308),—и раскрывается согласіе учения о двухсоставности природы человѣческой съ данными современной психологіи (глава четвертая, стр. 309—412),—сочиненіе заканчивается изложеніемъ основныхъ тезисовъ (стр. 413—414) и оглавленіемъ (стр. 415—417).

Не касаясь нѣкоторыхъ частныхъ (напримѣръ на 22-й страницѣ авторъ пишетъ такіе цитаты: 1 Mos. 1 Sam. 1 Kön. Ies. Luc.,—какъ будто авторъ не знаетъ о существованіи русской и славянскои Библии!), укажу слѣдующіе общіе недостатки сочиненія: 1) критическая оцѣнка трихотомистической и дихотомистической теорій неудачно отдѣлена отъ изложения ихъ, что заставило автора повторяться въ первыхъ двухъ главахъ третьей части, тогда какъ этого легко было избѣжать, если бы оцѣнка теорій была соединена съ ихъ изложеніемъ,—2) не съ достаточною полнотою уяснена какъ обще-философская такъ и библейско-богословская основа различія въ человѣкѣ духа, души и тѣла, въ связи съ библейскимъ ученіемъ о грѣхѣ и плоти,—3) остается совершенно неяснымъ, къ трихотомистической и дихотомистической теоріямъ какое отношеніе имѣетъ длинный экскурсъ въ область психологическихъ соображеній о недѣлимости и единствѣ человѣческаго я при возможности для него многообразія личныхъ формъ сознанія,—4) патристическое учение

исчерпано не полно,— 5) наконецъ нѣкоторая неполнота замѣчается и въ толкованіи библейскихъ мѣстъ.

Впрочемъ общій предметъ темы, какъ видно изъ обзорѣнія содержанія сочиненія, изученъ авторомъ обстоятельно и полно, частію по первоисточникамъ (Библия и патристическая литература), частію по новѣйшимъ иностраннымъ и русскимъ изслѣдованіямъ, прямо или косвенно относящимся къ данному вопросу,— и изложенъ просто и толково,— почему за свою работу г. Плѣшановъ вполне заслуживаетъ ученой степени кандидата богословія“.

35) О сочиненіи студента *Протасова Николая* на тему: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Дѣяній XXV—XXVI главы)“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Сочиненіе состоитъ изъ *предисловія* (стр. 1—3) о характерѣ и условіяхъ работы автора, *перечисленія источниковъ и пособій* ея съ объясненіемъ принятыхъ въ новозавѣтной текстологіи сиглъ (стр. 4—8), *введенія* съ краткими и общими свѣдѣніями объ административно-политическомъ положеніи тогдашней Палестины (стр. 9—36) и слѣдующихъ *пяти главъ* постишнаго толкованія XXV—XXVI главъ книги Дѣяній Апостольскихъ и носящихъ такія заглавія: *первая*—Фестъ въ Иерусалимѣ (XXV, 1—5 стр. 37—105), *вторая*—судъ надъ Апостоломъ Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ (XXV, 6—12 стр. 106—184), *третья*—характеристика Фестомъ дѣла Ап. Павла Агриппѣ и Вереникѣ (XXV, 13—22 стр. 185—246), *четвертая*—рѣчь Феста къ собравшимся у него послушать Ап. Павла (XXV, 23—27 и XXVI, 1 стр. 247—275) и обширнѣйшая *пятая* глава, толкующая рѣчь Ап. Павла предъ Фестомъ и Агриппою о христіанствѣ, какъ исполненіи всѣхъ истинныхъ надеждъ Израиля и данныхъ ему Богомъ обѣтованій, причемъ толкуемый текстъ раздѣленъ авторомъ на приступъ (XXVI, 2—3 стр. 275—285) и слѣдующія четыре части: 1) христіанство—надежда Израиля и исполненіе ветхозавѣтныхъ обѣтованій (XXVI, 4—8 стр. 286—324), 2) Павелъ ученикъ и апостоль Христа (XXVI, 9—18 стр. 325—453), 3) проповѣдь Ап. Павла между язычниками и

іудеями (XXVI, 19—23 стр. 453—522) и 4) окончаніе рѣчи и ея результатъ (XXVI, 24—32 стр. 522—588),—и, въ концѣ сочиненія приложенный, собственный переводъ авторомъ истолкованнаго отдѣла на русскій языкъ (589—605).

Для своего сочиненія авторъ изучилъ какъ древне-церковную экзегетическую литературу предмета — греческую: Златоустъ, Икуменій, Теофілактъ и Катены, и латинскую: Араторъ, Кассіодоръ и Беда,—такъ и новѣйшія научныя работы на нѣмецкомъ языкѣ—по текстологіи: Тишендорфъ, Нестле, Бляссъ,—по филологіи: грамматика Винера и Блясса, симфонія Брудера, словарь Ширлица,—по исторіи, археологіи и юриспруденціи, кромѣ первоисточника—Іосифа Флавія: Моммзенъ, Гиршфельдъ, Шюреръ—главнымъ образомъ, Каутскій, Фридендеръ, протестантская реальная энциклопедія Герцога и Плитта, словарь Винера, Гольцманъ, Іельски, Невандеръ, Веберъ (іудейская теологія), Нёленъ, Лангенталь, Визелеръ, Кёнигъ,—на русскомъ: Ренавъ, Фарраръ, Волковъ-Филипповъ (словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ), прот. Смирновъ, проф. Богдашевскій, проф. Глубоковскій,—по экзегесу: Беттге, Бляссъ, Фельтенъ, Гольцманнъ, Кванденбауеръ, Лянге-Лехлеръ, Мейеръ, Мейеръ-Вендтъ, Ольсгаузенъ-Ебрардъ, Штиръ, Библейско-богословскій словарь къ Новому Завѣту Кремера и на русскомъ—Барсовъ (Сборникъ истолковательныхъ статей на книгу Дѣяній).

Столь обширный и разносторонній матеріалъ могъ быть изученъ авторомъ въ сравнительно небольшой срокъ (авторъ притомъ серьезно болѣлъ въ теченіе этого срока—операция по случаю аппендицита) только благодаря прекрасному знанію имъ нѣмецкаго и классическихъ языковъ и необычайному трудолюбію. Использованъ авторомъ этотъ матеріалъ весьма широко и умѣло, что особенно надо отмѣтить по отношенію къ древне-церковнымъ комментаріямъ—греческимъ и латинскимъ, нерѣдко надѣлявшимъ автора превосходными экзегетическими наблюденіями и замѣчаніями, по своей научной значимости нисколько не уступающими и новѣйшимъ ученымъ комментаторамъ иностраннымъ.

На основаніи всего этого матеріала научнаго авторъ даетъ весьма обстоятельное толкованіе указанныхъ главъ книги Дѣяній:—*текстологическое*, указуя всѣ важнѣйшія различія со всестороннею и умѣлою оцѣнкою ихъ сравнительнаго

достоинства научнаго, — *филологическое*, основанное на изученіи какъ классическаго греческаго языка, такъ и особенностей діалекта *κοινή* и новозавѣтнаго грецитета, отличающееся во многихъ мѣстахъ тонкою наблюдательностью и удачно освѣщающее многія трудности толкуемаго отдѣла, особенно на стр. 94 и дал. *δυσκολός* 25, 5, — стр. 120 дал. синтаксическій строй 25, 7—9, стр. 128—129 *ἵμαςτον* 25, 8, — стр. 228 дал. *δεδιδασκωσις* 25, 19, — стр. 312 сл. *τί ἀλλοτῶν* 26, 8 и др., — *историко-археологическое*, особенно по римскому праву, напр., *jus gladii, jus revocandi domum et Romam appellandi*, по Моммзену стр. 153—170, — перерывъ рѣчи Ап. Павла Фестомъ, удачно объясняемый авторомъ на основаніи уясненія воззрѣній тогдашнихъ образованныхъ римлянъ на іудеевъ и ихъ религію стр. 526 дал., — политическое положеніе тогдашней Палестины, права римскихъ чиновниковъ въ ней, правомочія іерусалимскаго синедріона и іудейскихъ царей и др. мн., — на основаніи изученія трудовъ Моммзена, Шюрера, Гиршфельда и др. — наконецъ и *идейно-богословское*, въ раскрытіи отношенія Ветхаго Завѣта къ лицу Христа Спасителя и въ уясненіи христіанскаго ученія о воскресеніи Его сравнительно съ іудейско-месіанскими воззрѣніями.

Изложеніе отличается ясностью и стройностью. Авторъ владѣеть искусствомъ поддерживать въ читателѣ неослабный интересъ на протяженіи всей обширной работы своей, благодаря любопытнымъ справкамъ и объяснительнымъ параллелямъ изъ римскаго права (по Моммзену и др.), іудейской теологіи (по Веберу), исторіи народа іудейскаго (по Шюреру) и др. и умѣнью не отвлекаться въ постороннія детали и утомительные справочные экскурсы по предметамъ побочнымъ и прямой связи съ темою не имѣющимъ.

Впрочемъ работа г. Протасова не лишена и недостатковъ. Въ ней, къ сожалѣнію, остались неиспользованными много важныхъ научныхъ пособій, весьма близко ея касающихся — по текстологіи: Траджелисъ, Весткоттъ-Гортъ, Соденъ, — со всѣмъ отсутствуетъ критика славянскаго текста, — по филологіи: грамматики Винеръ—Люнемана и Винеръ—Шмиделя и лексиконъ Шлейсснера, Гримма-Тэйера, работы Дейссмана, Гарнака, параллели къ новому завѣту классическія и раввинскія Ветштейна, Ляйтфута др., — изъ русскихъ отсутствуютъ: Ивнокентій, Горскій, Михайль, Николинъ, — Юсифъ

Флавій цитується по устарѣлому русскому переводу, сдѣланному съ латинскаго текста,—Филонъ—по Шюреру и даже Визелеру,—неумѣстно цитуются Фарраръ, Ренавъ, Ширлицъ (стр. 61. 67), зачѣмъ то дается одинъ изъ возможныхъ англійскихъ переводовъ греческаго *ἀδικῶ*, притомъ не изъ удачныхъ (стр. 149). Предварительныя и общеисторическія свѣдѣнія слишкомъ коротки и даже поверхностны, о синадріонѣ даны свѣдѣнія неполныя и сбивчивыя (стр. 62 дал.). Въ изложеніи встрѣчаются неумѣренныя длинноты (авторъ не любитъ точекъ и очень рѣдко ихъ ставитъ) и вычурности, на примѣръ: синадріонъ пользовался правомъ юрисдикціи *для черченія* (?) распоряженій (стр. 32),—если прокуратура *vite en besogne* (!?) поразитъ докладомъ (стр. 60),—резюмируемъ кратко возможную психологическую почву этихъ словъ прокуратора (стр. 88),—несмотря на фонъ дѣла Павла какъ религіознаго преступника (стр. 117) и под. Наконецъ приложенный въ концѣ сочиненія, сдѣланный авторомъ, собственный переводъ истолкованныхъ главъ показываетъ неопытнаго и неумѣлаго переводчика, интерпретацію свою и перифразъ смѣшивающаго съ точнымъ переводомъ.

Но всѣ эти, частныя и легко устранимыя, недостатки работы г. Протасова не препятствуютъ ей быть не только вполне удовлетворительнымъ и даже заслуживающимъ особаго одобренія кандидатскимъ сочиненіемъ, но и, по исправленіи и дополненіи, въ качествѣ магистерской диссертации составить полезный вкладъ въ русскую научно-экзегетическую литературу по Новому Завѣту“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Довольно обширное сочиненіе представляетъ собою полное, тщательно обработанное экзегетическое изслѣдованіе Дѣяній главъ XXV и XXVI. Сочиненіе отличается выдающею эрудиціею, свидѣтельствующею какъ о трудолюбіи автора, такъ и о свободномъ владѣніи иностранными языками.

Съ глубиною изученія предмета авторъ соединяетъ способность къ детальному анализу и осторожность въ обобщеніяхъ.

Изложеніе логически послѣдовательное; языкъ ясный и

точный, такъ что сочиненіе читается съ живымъ интересомъ даже и читателемъ—неспециалистомъ.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

36) О сочиненіи студента *іеродіакона Игнатія (Садковскаго)* на тему: „Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ и его аскетическое міросозерцаніе“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Обширное сочиненіе о. Игнатія (700 страницъ) по нашему мнѣнію заслуживаетъ особеннаго вниманія и весьма желательно, чтобы авторъ постарался не скрыть его въ библиотечномъ архивѣ и вынесъ его на поле нашей скудной богословской аскетической литературы. И сама по себѣ личность святителя Игнатія, и его сочиненія, столь глубокая по содержанію и въ то же время столь мало извѣстныя нашему обществу, наконецъ приближающееся пятидесятилѣтіе со дня его смерти († 1867 г. 30 Апр.),—все это должно побуждать всякаго огечественнаго богослова воздать должное выдающемуся іерарху Русской Церкви. И въ трудѣ о. Игнатія мы съ радостью привѣтствуемъ первую серьезную попытку вынести изъ-подъ спуда забвенія великую христіанскую личность и ея духовное богатство въ общее пользованіе. Что удалось преимущественно хорошо сдѣлать о. Игнатію,—это возсоздать живой духовный обликъ святителя Игнатія. Чрезвычайно тонко и умѣло авторъ использовалъ всѣ данныя, касающіяся біографіи святителя, къ тому, чтобы предъ читателемъ развертывалась не внѣшняя повѣсть его жизни, чрезвычайно разнообразной по мѣсту служенія, а тотъ внутренній процессъ и духовный ростъ, какой неизмѣнно совершался въ личности и жизни этого святителя, гдѣ бы онъ ни былъ и какія бы условія жизни ни испытывалъ. Скажемъ прямо: въ той части сочиненія о. Игнатія, которую можно назвать біографіей святителя (1—79 стр. гл. 1—7 и предисл.), авторъ заявилъ себя и художникомъ духовнымъ и поэтомъ, сумѣвшимъ въ рамкахъ обыденной жизни и въ мелочахъ ея какъ бы въ мозаикѣ изобразить съ необыкновенной живостью духовный обликъ и живую личность святителя. Даль, скажемъ, почувствовать какъ бы духовный ароматъ жизни этой

личности. Собственно и въ дальнѣйшихъ главахъ (8—11) сочиненія о. Игнатія предпочтительно имѣетъ дѣло съ живымъ личнымъ настроеніемъ Пр. Игнатія и съ тѣми его переживаніями духовными, которыя отразились и выразились въ его (Е. Игнатія) сочиненіяхъ. Отсюда психологическій анализъ присущъ сочиненію автора, какъ особенно характерный для него признакъ. Въ этомъ несомнѣнное достоинство сочиненія, такъ какъ подходить къ аскетикѣ и къ аскетическимъ сочиненіямъ безъ этого анализа было-бы большой ошибкой для всякаго изслѣдователя. Конечно авторъ по новосте дѣла и по обилію матеріала, который ему приходилось изучать и перечитывать, не всегда удачно справлялся съ своей задачей и часто въ изложеніи аскетическаго міровоззрѣнія Пр. Игнатія, что требовалось темой, смѣшивалъ основные элементы личнаго *подвижническаго настроенія* Пр. Игнатія съ основными, какъ думаетъ авторъ, *идеями аскетическаго міровоззрѣнія* по изложенію Пр. Игнатія. Въ этомъ отношеніи, напр., грѣшитъ 8 гл. сочиненія. Говоря преимущественно о томъ, какъ росло и слагалось аскетическое настроеніе Пр. Игнатія, какъ слагалось самое его аскетическое міровоззрѣніе и система, авторъ недостаточно раскрываетъ это міровоззрѣніе и систему въ чисто теоретическомъ смыслѣ, указывая въ то же время много очень цѣнныхъ элементовъ, кои и могли быть положены имъ въ основу раскрытія этой системы: см. стр. 104, 107—109.

Не говоримъ уже о томъ, что авторъ чуждъ всякой исторической перспективы въ своемъ изслѣдованіи о Пр. Игнатіи. Личность Пр. Игнатія и его аскетическія идеи берутся только сами по себѣ, безъ всякаго соотношенія и связи съ предшествующими или современными ему представителями духовной жизни и богословской мысли въ Россіи, каковы, напр., М. Филаретъ, Е. Теофанъ, Иннокентій Херс. и другіе. Не указывается соотношенія идей Е. Игнатія съ идеями и запросами современности или идеями святоотеческими. А между тѣмъ на *этомъ* долгъ автору указываетъ самъ Пр. Игнатій, когда въ предисловіи къ 1-му тому своихъ писаній говоритъ: „написаны они (т. е. сочиненія) въ разныя времена и по разнымъ причинамъ, преимущественно *по поводу возникшихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и боголюбивыхъ мірянъ*“... а изданы эти сочиненія, по словамъ самого Е. Игна-

тія, „какъ отчетъ по согляданію монашеской жизни, какою она является въ *Святомъ Преданіи Православной Церкви и какою Промыслъ Божій привелъ созерцать ее въ нѣкоторыхъ живыхъ представителяхъ ея*“ (Соч. Е. Игнатія т. 1, стр. 81—82).

Вотъ, думается, программа для будущей дальнѣйшей работы автора объ Е. Игнатіи, если онъ пожелаетъ ее дѣлать; расширить рамки своего труда и личность и міровоззрѣніе Еп. Игнатія ввести въ тѣ историческія рамки, которыя указаны самимъ Еп. Игнатіемъ въ приведенныхъ выше его словахъ.

Желательно еще, чтобы авторъ избѣгалъ пристрастія къ иностраннымъ словамъ и своеобразной богословской терминологіи, которая портитъ впечатлѣніе и рѣжетъ слухъ. Лучше также, если онъ уничтожитъ дробность главъ и сократитъ тѣ выдержки, которыя дѣлаются имъ изъ сочиненій Пр. Игнатія. Признавая сочиненіе о. Игнатія вполне достойнымъ степени кандидата богословія, желаю ему энергіи на продолженіе этого труда“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Обширный (VIII+712) трудъ студента іеродіакона Игнатія состоитъ изъ предисловія, одиннадцати главъ и заключенія. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ даетъ общую характеристику наличнаго состоянія нашей богословской науки—вообще и аскетической—въ частности въ цѣляхъ уясненія значенія личности епископа Игнатія, какъ представителя „опытно-живого и церковно-подвижническаго богословствованія“. Въ главахъ 1—7-й авторъ даетъ обстоятельную біографію епископа Игнатія. Главы 8—11, обнимающія собою болѣе 500 страницъ, подробно выясняютъ характеръ богословствованія этого выдающагося русскаго аскета. Въ заключеніи о. Игнатій дѣлаетъ обобщающую характеристику аскетической идеологіи преосвященнаго Игнатія.

Хотя имя епископа Игнатія (Брянчанинова) хорошо извѣстно не только православнымъ богословамъ, но и болѣе широкому кругу, однако его сочиненія доселѣ еще не имѣли надлежащей оцѣнки. И это понятно почему. Чтобы понимать общій характеръ его аскетическаго подвижническаго богословствованія, необходимо знать не только то, какъ мыслилъ

самъ преосвященный Игнатій, но и то, что клалъ онъ въ основу своего богословско-аскетическаго мышленія.

Студентъ іеродіаконъ Игнатій и взглянулъ на свою работу съ этой именно стороны. Онъ далъ въ ней не просто сводъ взглядовъ епископа Игнатія, но прослѣдилъ все то, что имѣло вліяніе на выработку міросозерцанія аскета-епископа. Для него всюду ясны первоисточники богословствованій послѣдняго, которые онъ указываетъ въ словъ Божіемъ и въ твореніяхъ отцовъ и подвижниковъ.

Біографія епископа Игнатія является у автора осмысленными и живыми пролегоменами къ характеристикѣ богословствованій епископа Игнатія. Этимъ объясняется похвальная цѣльность и обстоятельность рецензируемой нами работы, при которой, кстати замѣтимъ, авторъ не ограничивается наличными печатными произведеніями епископа Игнатія, но и пользуется еще и добытыми имъ, доселѣ неизвѣстными въ печати, письмами.

Правда, сочиненіе іеродіакона Игнатія не свободно отъ недостатковъ. И главный изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ далъ слишкомъ общую характеристику (въ предисловіи) наличнаго состоянія нашей богословской науки—вообще и—въ частности аскетической. Поэтому у него недостаточно ясно выражена общая сравнительная цѣнность богословско-аскетическаго міросозерцанія епископа Игнатія. Далѣе, о. Игнатій мало уяснилъ себѣ соотношеніе общаго міросозерцанія епископа Игнатія съ его аскетическими взглядами, выраженными имъ въ частныхъ письмахъ.

Но эти недостатки вполне искупаются крупными достоинствами: цѣльностью и тщательностью работы, внимательнымъ изученіемъ сочиненій и вообще всѣхъ писаній епископа Игнатія, живостью изложенія и глубокимъ пониманіемъ общаго духа и характера аскетическихъ богословствованій преосвященнаго Игнатія.

Видно, что авторомъ при его работѣ руководило искреннее желаніе понять психологію епископа Игнатія, какъ представителя цѣннаго опытно живого и церковно-подвижническаго богословствованія.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе іеродіакона Игнатія интересною и въ цѣломъ въ высшей степени обстоятельною кандидатскою работою“.

37) О сочиненіи студента *Семеновскаго Николая* на тему: „Отношеніе русскаго духовенства къ реформѣ Петра Великаго“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Однимъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ при изученіи реформы Петра В. является вопросъ объ отношеніи къ ней и объ участіи въ ней самого русскаго общества. Была ли реформа дѣломъ рукъ исключительно одного Петра, принужденнаго выдерживать героическую борьбу съ упорствомъ своего народа, или наоборотъ въ своей дѣятельности Петръ опирался на сочувствіе нѣкоторыхъ общественныхъ группъ? Все ли общество было одинаково враждебно настроено къ преобразованіямъ или въ немъ можно замѣтить различныя и, можетъ быть, даже противоположныя направленія? Своей работой авторъ оказываетъ содѣйствіе разрѣшенію этого вопроса. Онъ поставилъ своею задачей изслѣдовать отношеніе къ реформѣ современнаго Петру духовенства. И въ этомъ общественномъ классѣ онъ не нашелъ единства настроенія и отношенія къ новшествамъ. Подобно другимъ общественнымъ классамъ духовенство начала XVIII в. раскололось: въ его средѣ оказались элементы и того, и другого рода, и горячіе противники, и болѣе или менѣе сочувствовавшіе царю сторонники. Остановившись прежде всего на оппозиціонномъ отношеніи къ реформѣ среди духовенства, авторъ указываетъ тѣ преобразованія, которыми раздраженіе и недовольство среди духовенства вызывалось. То были: ломка въ области житейскихъ обычаевъ и церковной старины, нарушеніе матеріальныхъ интересовъ духовенства; возстановленіе монастырскаго приказа, раздражавшее черное духовенство, усиленные налоги и повинности, задѣвавшіе бѣдое духовенство; наконецъ новшества въ сферѣ самой церковной администраціи, отмѣна патриаршества, учрежденіе Синода, изданіе Регламента. Авторомъ собранъ и сосредоточенъ значительный, правда, и прежде небезызвѣстный матеріалъ преимущественно изъ бумагъ учреждений, вѣдавшихъ политическую полицію при Петрѣ, живо изображающій тѣ формы, въ какихъ оппозиціонное настроеніе духовенства выражалось.

Мы не можемъ не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія въ

характеристикъ, даваемой авторомъ предыдущей исторіографіи. „До послѣдняго времени“, пишетъ авторъ (Введ. стр. VII) признавалось аксіомой то положеніе, что духовенство, какъ высшее, такъ и низшее наиболѣе противодѣйствовало Петру въ реформахъ“. Но вѣдь сочувственное отношеніе къ Петру нѣсколькихъ виднѣйшихъ іерарховъ не могло быть не замѣчено предыдущей исторіографіей и давно уже ею оцѣнивалось. Такъ что очеркъ того сочувствія реформѣ среди духовенства, который мы находимъ во второй части труда, не представляется намъ столь новымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ прежними взглядами, какъ это можно подумать по цитированнымъ словамъ введенія. Но этотъ очеркъ очень цѣненъ тѣмъ, что онъ сводитъ воедино черты прежде разсѣянные. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ прекрасно написанныхъ характеристикъ представителей высшаго духовенства, содѣйствовавшихъ Преобразователю. По степени сочувствія къ реформѣ авторъ дѣлитъ ихъ на группы. Къ первой такой группѣ—архіереямъ западникамъ—онъ относитъ Теофана Прокоповича, Θεодосія Яновскаго, Гавріила Бужинскаго. Особенно цѣннымъ въ этой части работы мы считаемъ анализъ проповѣдей Теофана. Вторую группу составляютъ архіереи малороссы умѣренно-прогрессивнаго направленія: Стефанъ Яворскій—въ первый періодъ его дѣятельности, св. Дмитрій Ростовскій, Θεофилактъ Лопатинскій, Іоаннъ Максимовичъ. Наконецъ, къ третьей группѣ отнесены московскіе архіереи прогрессисты: Іовъ Новгородскій, св. Митрофанъ Воронежскій, Аѳанасій Холмогорскій. Авторъ обстоятельно характеризуетъ дѣятельность каждаго изъ нихъ, и эти характеристики показываютъ, какъ во многомъ іерархи современники Петра дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, какъ и царь, и не изъ желанія только обратить на себя вниманіе и выслужиться передъ царемъ, но съ искреннимъ и полнымъ убѣжденіемъ, потому что таково было направленіе лучшихъ умовъ времени. Въ частности авторъ особенно детально и подробно разбираетъ отношеніе названныхъ лицъ къ той сторонѣ преобразованій Петра, которая должна была особенно смущать духовенство—къ западнымъ элементамъ реформы. Эту часть работы надо признать особенно интересной.

Отдѣльныя характеристики, на которыя разбивается вторая часть сочиненія, не вредятъ цѣльности впечатлѣнія; онѣ

имѣютъ значеніе слагаемыхъ, изъ которыхъ составляется яркая, сильно говорящая сумма. Всѣ указанные положительныя качества сочиненія даютъ, по моему мнѣнію, автору право на полученіе искомой степени“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бяляева:

„Въ концѣ введенія г. Семеновскій заявляетъ, что по смыслу самой темы его сочиненіе должно имѣть двѣ части: „въ первой, говоритъ онъ, мы попытаемся очертить общими и краткими штрихами оппозиціонное отношеніе духовенства къ реформѣ Петра, а во второй—проявленія сочувствія царю со стороны прогрессивной половины духовенства“. Вторую часть своего труда онъ признаетъ главной; и, дѣйствительно, изъ 236 страницъ всего сочиненія она занимаетъ 157 страницъ, тогда какъ первая часть изложена на 69 страницахъ. Но объясненіе, почему вторая часть сочиненія должна быть главной, дано въ высшей степени странное. „Эта часть, говоритъ онъ, будетъ главная, поскольку въ ней постараемся дать болѣе соотвѣтствующее исторической правдѣ освѣщеніе вопроса объ отношеніи русскаго духовенства къ реформѣ Петра Великаго“. Выходитъ, какъ будто въ первой части онъ не старался или даже не считалъ нужнымъ стараться „дать болѣе соотвѣтствующее исторической правдѣ освѣщеніе вопроса“ и что на этомъ основаніи онъ и не признаетъ первую часть сочиненія главной. Если бы онъ преимущественное значеніе второй части предъ первой поставлялъ въ томъ, что во второй части описаны воззрѣнія и дѣятельность лицъ, сочувствовавшихъ реформамъ Петра, а въ первой—взгляды и дѣйствія лицъ, противодѣйствовавшихъ этимъ реформамъ, то и въ такомъ случаѣ предпочтеніе второй части предъ первой требовало бы поясненія, въ видѣ напр. заявленія, что вообще положительная дѣятельность, въ данномъ разѣ поддержка реформъ Петра, важнѣ отрицательной, оппозиціонной. Хотя и такое объясненіе можно оспаривать, такъ какъ составляетъ еще вопросъ, что болѣе заслуживаетъ наименованія дѣломъ положительнымъ, созидательнымъ, творческимъ и прогрессивнымъ—реформы-ли Петра, которыя въ сущности были очень разрушительны, или консервативная привязанность къ прежнему строю жизни противниковъ реформъ Петра; но по крайней мѣрѣ такое объясненіе имѣеть

смыслъ и вполнѣ понятно, чего нельзя сказать о приведенной г. Семеновскимъ мотивировкѣ.

Во введеніи есть и еще слова, съ которыми нельзя согласиться. „Мы не претендуемъ, говорить онъ, на всесторонность и полноту изслѣдованія: недостатокъ матеріаловъ и незначительность времени позволили сдѣлать только немного“. Мы, напротивъ, полагаемъ, что на недостатокъ матеріаловъ изучающій эпоху Петра жаловаться не можетъ. Да и изъ самаго сочиненія г. Семеновскаго видно, что онъ или вскользь ознакомился съ нѣкоторыми матеріалами, или прямо уклонился отъ изслѣдованія ихъ. Такъ, онъ самъ заявляетъ, что о Теофанѣ Прокоповичѣ онъ говоритъ больше по его проповѣдямъ, не касаясь его другихъ сочиненій и другихъ сторонъ его дѣятельности (101 стр.). Извѣство, что Теофанъ Прокоповичъ написалъ множество разнообразныхъ сочиненій, изъ которыхъ инныя и доселѣ остаются въ рукописи. Конечно, нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ, напр., его догматика, не имвють никакого отношенія къ темъ сочиненія г. Семеновскаго. Но многія другія его сочиненія содержатъ не мало матеріала по вопросу объ отношеніи ихъ автора къ реформамъ Петра Перваго. Что литературная, законодательная и церковно-практическая дѣятельность Теофана раскрыта въ сочиненіяхъ Самарина, Чистовича, Пекарскаго, Кедрова, Морозова, Рункевича и другихъ, это вовсе не давало г. Семеновскому права оцѣнивать отношеніе Прокоповича къ реформамъ Петра почти только по проповѣдямъ его. Источниковъ и пособій для изученія личности, воззрѣній и дѣятельности Прокоповича очень много, да притомъ это былъ изъ духовныхъ лицъ главный дѣтель въ эпоху Петра и даже въ ближайшіе годы по смерти его, а между тѣмъ г. Семеновскій написалъ о немъ всего только 20 страницъ. Скажутъ: не въ количествѣ, а въ качествѣ дѣло. Но и качество этого отдѣла не высоко. Напр., вопросъ, былъ ли Прокоповичъ льстецомъ предъ Петромъ Великимъ г. Семеновскій съ увѣренностію рѣшаетъ отрицательно, основываясь на сходствѣ протестантскихъ воззрѣній Прокоповича съ воззрѣніями и склонностями Петра. Такое рѣшеніе правдоподобно, но поверхностно. Кромѣ указаннаго соображенія, при помощи котораго нельзя рѣшить вопросъ съ полною несомнѣнностію, слѣдовало бы принять во вниманіе нравственный обликъ

Феофана. Талантливый человекъ, разносторонній ученый, плодовитый писатель, Феофанъ Прокоповичъ въ нравственности былъ не высокъ, или даже прямо низокъ. Для такого человека сходство въ образѣ мыслей съ Петромъ лишь облегчало дѣло лести, но не исключало лести.

И не одна глава о Феофанѣ Прокоповичѣ, а все сочиненіе г. Семеновскаго обнаруживаетъ наклонность автора описывать больше наружность, поверхностныя стороны лицъ, ихъ дѣятельности, словъ и событій.

Цитация не всегда полна и обстоятельна. Напр., онъ указываетъ сочиненія о Феофанѣ Прокоповичѣ Морозова, Чистовича, Самарина, но не отмѣчаетъ годовъ выхода ихъ въ свѣтъ (24, 29, 59, 60 стр.). При ссылкѣ на Самарина указываетъ томъ его сочиненій, не помѣщая заглавія сочиненія. На 123 стр. указываетъ журналъ, томъ журнала и фамилію автора статьи, а заглавія самой статьи не приводитъ. На 188-й страницѣ указанъ журналъ, годъ и томъ, но ни авторъ статьи, ни самая статья не упомянуты.

Но сочиненіе г. Семеновскаго имѣетъ и большія достоинства. Оно составлено на основаніи просмотра, прочтенія и изученія множества книгъ и статей разнообразнаго содержанія. Сюда относятся прежде всего проповѣди, письма, а также и нѣкоторыя сочиненія тѣхъ духовныхъ лицъ эпохи Петра, отношеніе которыхъ къ реформамъ Петра онъ раскрываетъ. Пришлось ему обращаться къ документальнымъ изданіямъ, какъ „Полное собраніе законовъ“, „Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода“, „Полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія“. Приводитъ онъ выдержки изъ курсовъ гражданской исторіи Соловьева и Трачевскаго и церковной Рункевича. А еще чаще ссылается на сочиненія ученыхъ, которые или написали исторію царствованія Петра Великаго, какъ Устряловъ, или писали о наукѣ и литературѣ его времени, какъ Пекарскій, или изслѣдовали судьбы раскола той эпохи, какъ Есиповъ, Щаповъ, или излагали біографіи духовныхъ дѣятелей временъ Петра, какъ Чистовичъ, Самаринъ, Морозовъ, Шляпкинъ, Верюжскій и др. Перечиталъ онъ и не мало журнальныхъ статей о разныхъ предметахъ, относящихся къ его темѣ.

Въ особенности намъ понравилось изложеніе сочиненія, чисто литературное, безыскусственное и стройное. Сочиненіе

читается легко и съ удовольствіемъ. Если дѣловое сочиненіе оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ нескучнымъ, занимательнымъ, это вѣрный признакъ достоинства сочиненія. Для при-сужденія автору его степени кандидата оно вполне удовле-творительно“.

38) О сочиненіи студента *Семенова Михаила* на тему: „Типы современныхъ оккультическихъ движеній въ Россіи (Анализъ и критическая ихъ оцѣнка)“.

а) И. д. доцента священника *П. А. Флоренскаго*:

„Оккультическія движенія, распространившись въ русскомъ обществѣ отчасти вмѣстѣ съ революціонными идеями, отчасти же послѣ нихъ, какъ ихъ необходимое исторически послѣдствіе, даютъ знать о себѣ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе. Если ранѣе приходилось заниматься „тайными науками“ предвидя наступающую ихъ силу въ широкихъ кругахъ, то теперь сама дѣйствительность заставляетъ считаться съ „мистикою“ этого рода. Блаженный Симеонъ Бессалоникійскій оставилъ, какъ бы нарочито для нашего времени, многозначительную справку: „Мы слышали отъ отцовъ,—говоритъ онъ,—что тѣ, которыхъ часто устрашаютъ привидѣнія, терпятъ это оттого, что крестившіе ихъ іереи не со вниманіемъ произносили заклинанія и другія священныя молитвы“. Принимая же въ расчетъ, что подъ „со вниманіемъ“ онъ разумѣетъ повтореніе ихъ по нѣскольку,—едва ли не до 9-ти разъ—, приходится признать, что большинство православныхъ окрещено „невнимательно“ и что этимъ обстоятельствомъ можетъ, — хотя бы отчасти —, объясняться успѣхъ спиритуалистическихъ, спиритическихъ и другихъ имъ подобныхъ движеній.

Но, такъ или иначе, а чрезвычайно быстрый ростъ оккультической мистики дѣлаетъ тему г. Семенова и своевременной, и важной. Правда, задача предложенная ему,—скромна по возможнымъ результатамъ и довольно неблагодарна. Вѣдь не изученіе оккультизма вообще—стояло предъ нимъ, а изученіе оккультическихъ движеній именно въ Россіи. Ознакомившись съ оккультизмомъ вообще, но лишь для лучшаго пониманія русскихъ теченій, г. Семеновъ долженъ былъ внимательно рассмотреть обильную, но пустую и не-

рѣдко шарлатанскую литературу, которою питается наша, просвѣщающаяся по части „мистики“, публика. Сюда должно еще присоединить, что литература эта крайне безтолкова, противорѣчива и далеко не откровенна, такъ что составить сводку ея—дѣло требующее терпѣнія и добросовѣстности. Г. Семеновъ внимательно перечелъ большинство повременныхъ изданій по вопросамъ оккультизма, особенно—г. Быкова и иже съ нимъ; многое ему приходилось покупать на свой счетъ. По моему приблизительному расчету онъ изучилъ никакъ не менѣе 15—20.000 страницъ и для своей темы извлекъ отсюда все то, что можно было извлечь. Повторяю, не его вина, если г.г. спиритуалисты и проч. недостаточно искренни, чтобы раскрыть истинное положеніе вещей, но и не достаточно сдержанны, чтобы не пробалтываться о своихъ дѣлахъ, противорѣча себѣ и прикрывая скверную ересь обрывками священныхъ словъ. Г. Семеновъ, оставаясь вѣренъ документамъ, не могъ изобразить спиритуалистическаго сумбура въ видѣ стройной и послѣдовательной системы. Напротивъ, то и хорошо, что онъ сумѣлъ сколько-нибудь систематизировать и въ маломъ размѣрѣ представить документы, которые, послѣ него, едва ли у кого будетъ охота перечитывать снова.

Планъ разбираемой работы несложенъ. Послѣ небольшого „вступленія“ (стр. 1—5), въ которомъ устанавливается и разъясняется связь оккультистическихъ движеній съ революціей, авторъ указываетъ „причины появленія и распространенія оккультизма“ (стр. 6—16), планъ своей диссертациі (стр. 17—19) и краткій очеркъ „исторіи оккультизма и спиритуализма въ Россіи въ связи съ ихъ исторіей на Западѣ“ (стр. 19—49). Таковы предварительныя главы. Далѣе изучается „организація спиритуалистическихъ кружковъ“ (стр. 50—100), т. е. практическая часть спиритуализма, и „спиритуализмъ, какъ религіозно-философская доктрина“, т. е. теоретическое его ученіе. Въ этой главѣ, въ частности, разсматриваются вопросы: „о Богѣ“, „о матеріи“, „космологія“, „космогонія“, „антропологическія представленія“, „ученіе о духахъ“ и „объ искушеніи“. Наконецъ, въ послѣдней главѣ разбирается „спиритуализмъ, христіанство и Православная Церковь въ ихъ взаимоотношеніи“.

Планъ г. Семенова настолько естественъ, что не нуждается въ обсужденіи. Но уже изъ него видна особенность.

всей работы, которая выгодно отличает работу г. Семенова от других, на тему объ оккультической мистикѣ. Въдь большинство изслѣдователей не отдають себѣ отчета, что оккультическая мистика вовсе не есть только ученіе, а есть прежде всего *дѣяніе*, дѣйство, практика; теорія же вырастаетъ уже на почвѣ практики. Вотъ почему, будучи слабой и ничтожной въ своемъ ученіи, этого рода мистика заразительна, сильна и опасна *какъ непосредственное переживаніе*. Вотъ почему г.г. спиритуалисты и пр. тщательно хороняють концы въ воду, когда дѣло идетъ о ихъ практикѣ, и бывають неумѣренно болтливы въ своемъ ученіи, которымъ, кстати сказать, вовсе особенно не дорожатъ. И вотъ почему попытка поставить въ основу изученія оккультической мистики именно практическую ея сторону, а не ученіе,—попытку проникнуть въ ту область, о которой г.г. „мистики“ считаютъ за лучшее молчать,—надо считать цѣнной, даже независимо отъ выполненія ея, за самую мысль. Впрочемъ, даже изъ того, сравнительно немногаго, чѣмъ обмалвливаются спиритуалисты и др. въ своихъ внѣшнихъ,—а таковыя только и публикуются,—писаніяхъ, и изъ того, что доступно взору непосвященнаго наблюдателя, явствуетъ съ несомнѣнностью, что спиритуалистическіе кружки (а равно и большинство другихъ толковъ оккультизма)—кружки *оргіастическіе*, что собранія ихъ—въ большей или меньшей степени *радѣнія*, что наукообразныя изслѣдованія, ведущіяся тамъ,—не болѣе какъ внѣшнее занятіе, предъ профанами (хотя даже и тутъ пробивается запахъ хлыстовства), что сами спиритуалисты разумѣють себя какъ членовъ „Церкви Духа Святого“, сходящаго на нихъ въ ихъ сеансахъ. Кошунственно-слащавый тонъ этихъ сеансовъ, панибратство съ Богомъ, самовольство въ отношеніи къ Церкви, нездоровыя возбужденія и т. д.—всѣ эти стороны доселѣ были изучены мало и даже почти не изучены; поэтому сдѣланный г. Семеновымъ подборъ матеріаловъ, поясняющихъ эту, оргіастически-сектантскую природу спиритуализма, безспорно новъ и цѣненъ.

Въ изученіи теоретической стороны спиритуализма г. Семеновъ опять таки не довольствуется общимъ изложеніемъ спиритуалистическихъ идей, часто не имѣющихъ къ нашему обществу никакого отношенія, но старается дать точную картину именно того, что дѣлается въ умахъ и сердцахъ

наших соотечественниковъ. Наконецъ, должно отмѣтить, что и въ историческомъ очеркѣ оккультизма, бѣгло обзоръ-вая исторію оккультизма за границею, г. Семеновъ опять таки приводитъ нѣкоторыя мало-извѣстныя и поучительныя справки изъ исторіи русскаго оккультизма. Конечно, это—мелкіе и частныя штрихи, да и вся работа состоитъ изъ таковыхъ; но, повторяю, иного и ждать отъ нея было нечего. Для занимающагося подобными изслѣдованіями мелочи г. Семенова могутъ быть нужными и значительными.

Главнымъ недостаткомъ разбираемой работы должно быть признано суженіе ея темы на спиритуализмѣ. Правда, наиболѣе популярными изъ оккультистовъ являются спиритуалисты; они же, къ тому, и наиболѣе самобытны у насъ. Но все же, не мѣшало бы, хотя бѣгло, обзорѣть и теософію.

Вторымъ недостаткомъ нужно отмѣтить неровность языка. Изложеніе порою прозрачно и изящно и идетъ почти безукоризненно, порою же языкъ дѣлается неправильнымъ и нескладнымъ, словно авторъ не можетъ выразить своей мысли. Обращаетъ вниманіе и нѣкоторый произволь въ употребленіи терминовъ. Затѣмъ, нельзя не указать недостаточнаго знакомства автора съ исторіей философіи и исторіей религіи. Этимъ объясняется нѣкоторая упрощенность пониманія излагаемыхъ ученій; чувствуется, что г. Семеновъ ихъ встрѣчаетъ впервые, тогда какъ, на дѣлѣ, это—не болѣе какъ обломки величественныхъ философскихъ системъ и религіозныхъ ученій. Точно также большее знаніе психологіи дало бы возможность углубить и сдѣлать болѣе значительными многія изъ тѣхъ явленій, которыя онъ описываетъ. Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, рецензентъ считаетъ работу г. Семенова потребовавшей отъ него не мало усилій, полезною и вполне заслуживающею степени кандидата“:

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе (186 стр.) г. Семенова не вполне отвѣчаетъ темѣ: характеристики типовъ русскихъ оккультическихъ движеній съ указаніемъ ихъ внѣшнихъ различій и съ объясненіемъ внутреннихъ причинъ этого различія у него нѣтъ. Но онъ толково и кратко изложилъ основныя элементы спиритическихъ возрѣвій и далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о преем-

ственности оккультическихъ фактовъ, что нѣсколько громко назвалъ исторію спиритизма и спиритуализма.

Хотя авторъ поставилъ своею задачею отнестись къ оккультизму „критически подъ угломъ зрѣнія христіанства“ (17 стр.) но дѣйствительной критики у него нѣтъ. Его сочиненіе для читателя можетъ имѣть значеніе лишь какъ введеніе въ изложеніе оккультическихъ ученій, введеніе, которое можетъ помочь приступающему къ изученію оккультизма ориентироваться въ изучаемомъ предметѣ.

Много у автора нескладныхъ, а иногда даже и непонятныхъ выраженій.

Такъ, на 32 стр. „съ увеличеніемъ спиритизма вширь, шло его увеличеніе и вглубь“. Въ оглавленіи, на 185 стр., жажда чловѣка высшаго трансцендентальнаго міра“. Непонятно, идетъ ли рѣчь о чловѣкѣ изъ трансцендентальнаго міра или о чловѣкѣ жаждущемъ трансцендентальнаго міра. Тамъ же далѣе: „проектъ поставляемой нами задачи въ нашей работѣ“. Это понятъ уже совсѣмъ мудрено.

Авторъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать (стр. 184). Рецензентъ болѣе высокаго мнѣнія объ авторѣ и думаетъ, что послѣдній могъ бы сдѣлать и болѣе. Но за всѣмъ тѣмъ должно признать, что недостатки сочиненія покрываются его положительными сторонами. Въ сочиненіи ясный планъ, оно обдуманно и обработано, точка зрѣнія на предметъ у автора правильная.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетвори-тельно.“

39) О сочиненіи студента *Смирнова Ивана* на тему: „Святѣй Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь-учитель“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„И самыя творенія Великаго Святителя и обширная литература о немъ, особенно умножившаяся ко дню его 1500-лѣтняго юбилея, представляютъ громаднѣйшій матеріалъ и требуютъ напряженной и усердной работы отъ всякаго, желающаго сказать что-нибудь серьезное и солидное о Великомъ Святителѣ. Авторъ настоящаго сочиненія поставилъ себѣ задачей обрисовать обликъ Святителя—какъ пастыря - учителя по преимуществу. Желаніе автора намъ понятно, поскольку

извѣстны его собственные порывы къ пастырству, постановка центромъ работы учительства Святителя вполне естественна, такъ какъ вѣдь это главное богатство, которое мы имѣемъ отъ Златоуста и теперь; это и главное дѣло его пастырскаго служенія.

Автору удалось, такъ сказать, удержать ту позицію, на которой онъ сталъ въ отношеніи къ предпринятому труду, и взять изъ громаднаго матеріала только то, что относилось къ его задачѣ; удалось сохранить и самостоятельность мысли и взгляда по тѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ личностью Великаго Отца, которые затрогивались ходомъ его работы, напр. о причинахъ его низверженія, о состояніи общества Антиохійскаго того времени и пр.; удалось, кажется, въ личности и дѣятельности Златоуста найти подтвержденіе и какъ бы воплощеніе своихъ идеаловъ пастырства и мыслей о немъ. Автору удалось счастливо избѣжать и того, что портитъ работы подобныя настоящей: увлеченія біографіей и вообще придаточными сторонами работы. Авторъ объ этомъ говоритъ кратко, поскольку требовалось существомъ дѣла и опредѣляло въ полнотѣ работу. Вотъ почему у него и предисловіе и введеніе сравнительно не велики (57 стр.) и представляютъ вполне естественное преддверіе къ работѣ. Пожалуй можно признать естественнымъ то дѣленіе на два главныхъ отдѣла, которое вноситъ авторъ въ свою работу: особо рассматриваетъ періодъ Антиохійскаго служенія и особо періодъ Константинопольскаго, въ зависимости отъ особыхъ условій, въ которыхъ приходилось служить Златоусту. Это значительно облегчало работу автора и по существу конечно опредѣлялось не только хронологіей, а самымъ содержаніемъ учительства Златоуста въ тотъ и другой періодъ его жизни. Намъ только думается, что это раздѣленіе должно бы быть связано въ ходѣ работы какой-нибудь опредѣленной идеей въ приложеніи къ выясненію пастырско-учительной дѣятельности Златоуста. Вѣдь автору нужно было указать не только одну форму и проявленіе учительной дѣятельности Златоуста примѣнительно къ обстоятельствамъ служенія, но и создать *типъ*, выяснить цѣльный внутренній *идеальный обликъ* Златоуста, какъ пастыря-учителя. Тутъ хронологія, раздѣляющая какъ бы личность, не особенно должна имѣться въ виду, а даже должна отходить на задній планъ предъ живымъ, цѣльнымъ

обликомъ, который типиченъ и своеобразенъ во всякое время. Мы не говоримъ, что авторъ этого не сдѣлалъ, а отмѣчаемъ только, что у него внѣшняя конструкція какъ бы доминируетъ надъ внутренней непрерывностью раскрывающагося типа дѣятельности пастыря-учителя. Идеаль пастыря-учителя, какъ его понималъ самъ Златоустъ, очерченъ и авторомъ хотя кратко, но вполне опредѣленно и ясно и по преимуществу словами самого Св. Отца (гл. 2, стр. 76—92).

Слабѣ раскрыть имъ пожалуй и уясненъ нравственно-соціальный идеаль І. Златоуста; а это было бы интересно, особенно въ виду попытокъ нѣкоторыхъ легковѣсныхъ писателей, каковъ напр. г. Кудрявцевъ. (Бог. В. 1907), приписать І. Златоусту идеи современнаго социализма и одѣть его въ одежду современныхъ демагоговъ и освободителей. За то авторъ такъ всесторонне характеризуетъ проповѣди І. Златоуста, указываетъ не только ихъ предметъ, поводъ, достоинства и недостатки, но даже и настроеніе самого проповѣдника, что обликъ Златоуста съ этой стороны дѣлается вполне ясенъ. Замѣтно только, что работа автора къ концу, именно во 2-й части—о дѣятельности Златоуста въ Константинополѣ—блѣднѣе, нежели въ 1-й части, когда авторъ описываетъ пастырство Златоуста въ Антиохіи. Думается, причиной тутъ и недостатокъ времени, а можетъ быть и то, что въ существѣ своего внутренняго типа эта дѣятельность та-же, что и въ Антиохіи. Чувствуется въ сочиненіи автора искреннее одушевленіе и отношеніе его къ Златоусту, какъ идеалу, которому хотѣлъ бы подражать и авторъ.

Степени кандидата богословія за сочиненіе свое авторъ достоинъ“.

б) Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шосткина*:

„Уже изъ длиннаго перечня источниковъ и пособій, представленнаго на первыхъ пяти страницахъ, а еще болѣе изъ обильныхъ цитатъ въ самомъ сочиненіи, во-очію выясняется, какъ усердно потрудился его авторъ, какъ полно и тщательно изучилъ онъ громадный матеріаль, чтобы обрисовать возможно ярче и живѣе личность и дѣятельность Златословеснаго пастыря. И должно признать, что это хорошо удалось г-ну Смирнову, особенно въ отношеніи къ Антиохійскому періоду пастырской дѣятельности святаго Іоанна Златоуста.

Многія страницы въ этой части сочиненія написаны съ такой полнотой и картинностію, что личность идеальнаго пастыря является предъ нами какъ-бы живою. Къ сожалѣнію, въ описаніи Константинопольскаго періода пастырскаго служенія святителя авторъ (быть можетъ, вслѣдствіе недостатка времени) былъ болѣе кратокъ и сухъ... А въ заключеніи своего труда (стр. 383—441), выясняя причины преждевременной гибели великаго Златоуста, онъ съ горячимъ одушевленіемъ развиваетъ мысль о пастырствѣ, какъ „постоянномъ подвигѣ мученичества за правду Христову“. Вся жизнь и служеніе св. Златоуста представляетъ прекрасную иллюстрацію этой глубоко-непреложной истины.

Для степени кандидата богословія изслѣдованіе г-на Смирнова весьма достаточно“.

40) О сочиненіи студента священника *Смирнова Иоанна* на тему: „Синайскій патерикъ въ славяно-русскомъ переводѣ“.

а) И. д. доцента Академіи *Н. Л. Тулицкаго*:

„Памятникъ изслѣдованію котораго посвященъ трудъ о. Смирнова, заслуживаетъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ: филологическомъ и историко-литературномъ. По сложившемуся въ наукѣ убѣжденію, онъ былъ переведенъ на ц.-славянскій языкъ еще въ древнѣйшую пору славянской письменности,—и языкъ его перевода заключаетъ въ себѣ массу въ высшей степени цѣннаго матеріала. Въ историко-литературномъ отношеніи онъ интересенъ по своему вліянію на древне-русскую, преимущественно житійную, литературу. Однако въ наукѣ до сихъ поръ еще нѣтъ цѣльнаго изслѣдованія славянскаго перевода патерика ни со стороны его языка, ни со стороны историко-литературной.

Изъ двухъ задачъ, которыя, такимъ образомъ, стояли передъ авторомъ, онъ остановилъ свое вниманіе преимущественно на первой,—болѣе трудной, увлекшей его въ специальную область палеографіи и лингвистики,—удѣливъ, впрочемъ, и литературному освѣщенію памятника одну главу.

Приемы изслѣдованія, отношеніе къ источникамъ и обработка матеріала подсказаны автору лучшими научными трудами, посвященными переводнымъ памятникамъ аналогичнаго характера. Онъ послѣдовательно характеризуетъ въ

хронологическомъ порядкѣ переводы патерика (стрр. 1—26), приводить въ извѣстность списки его, попутно распредѣляя ихъ по редакціямъ и сообщая свѣдѣнія о греческихъ изданіяхъ (27—52), и, выдѣливъ изъ числа прочихъ славянскихъ списковъ, какъ основную, рукопись Синод. библ. XI—XII в. (№ 551), посвящаетъ цѣлыхъ двѣ главы (53—167) ея подробной характеристикѣ со стороны палеографическихъ и лингвистическихъ ея особенностей. На основаніи анализа текста этой рукописи и лексическихъ данныхъ, заключающихся въ ней, онъ относитъ переводъ патерика къ вѣку царя Симеона и высказываетъ предположеніе о принадлежности его Клименту Величскому (168—300). Въ послѣдней главѣ, не выходя, къ сожалѣнію, за предѣлы уже извѣстныхъ литературныхъ фактовъ, онъ говоритъ о вліяніи Синайскаго патерика на Кіево-печерскій (300—359). Въ приложеніи даны словарь перевода и нѣсколько снимковъ съ рукописи Синод. библ.

Методъ, которымъ орудуетъ въ своемъ изслѣдованіи о. Смирновъ, стоитъ на подобающей научной высотѣ. Принятый планъ онъ развилъ очень стройно и обработалъ талантливо. Синодальный списокъ патерика, привлечшій къ себѣ преимущественное вниманіе автора, описанъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Особенную цѣнность представляютъ наблюденія его надъ лексическимъ матеріаломъ памятника. Трудъ въ общемъ настолько серьезный и основательный, что, въ интересахъ автора и съ полнымъ доброжелательствомъ въ отношеніи къ нему, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу отдѣльныхъ вопросовъ и положеній, имѣя въ виду, что эти замѣчанія могутъ пригодиться ему для продолженія и усовершенствованія сочиненія.

1. Взаимное отношеніе древнихъ переводовъ патерика авторомъ не выяснено до такой степени, чтобы можно было изъ его сочиненія получить ясное представленіе о нихъ. Переводъ Досиоея, сдѣланный по порученію митр. Макарія, онъ считаетъ „переложеніемъ (=переводомъ) съ старо-славянскаго текста на общеупотребительный“ тогда литературный языкъ, но тутъ же строить гипотезу, что Досиоею былъ извѣстенъ и греческій подлинникъ. При отсутствіи внѣшнихъ данныхъ для сужденія объ отдѣльныхъ переводахъ или пере-

ложеніяхъ патерика вопросъ объ ихъ отношеніи можно рѣшить только путемъ тщательнаго сличенія ихъ съ древнимъ церковно-славянскимъ текстомъ и греческимъ оригиналомъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько послѣдній доступенъ по изданіямъ.

2. Въ первой главѣ дается перечень рукописныхъ патериковъ, при чемъ ихъ насчитывается въ разныхъ библіотекахъ только 14. На самомъ дѣлѣ, на основаніи описаній разныхъ книгохранилищъ, ихъ можно насчитать больше. Назову, напр., бумажныя рукописи Имп. Публ. библ. № 397 или № 1207 (послѣдняя изъ собр. Савvaitова) и мн. др.

3. Характеристика орографическихъ и лингвистическихъ особенностей знаменитой Синод. рукописи въ общемъ выполнена весьма успѣшно. Въ особенную заслугу нужно поставить автору его точный, мѣстами статистическій, методъ. Однакожь, констатируя иногда безцвѣтныя явленія языка, онъ упускаетъ изъ виду такія достопримѣчательности, какъ *родо-сь* и др.

4. По вопросу о времени перевода патерика онъ строитъ гипотезу о принадлежности его Клименту, подтверждая ее иногда довольно мѣткими лексическими параллелями, взятыми изъ текста патерика и дѣйствительныхъ или приписываемыхъ Клименту сочиненій. Но, во-1-хъ, онъ самъ подкапывается подъ свою гипотезу, сближая, на мой взглядъ, неосновательно, языкъ переводчика съ говоромъ солунскихъ славянъ, тогда какъ Климентъ стоялъ во главѣ Охридской школы. Во 2-хъ, словарь акад. Стояновича, которымъ пользуется авторъ, требуетъ къ себѣ крайне критическаго отношенія, такъ какъ въ его основѣ лежатъ едва-ли всѣ сочиненія, дѣйствительно, принадлежащія Клименту.

5. Разборъ лексическаго матеріала страдаетъ нѣкоторыми неточностями. Такъ, авторъ цѣлую группу словъ считаетъ „выдуманными“ переводчиками (271 стр.). Но стоитъ только внимательнѣе заглянуть въ словарь Миклошича, чтобы увидѣть, что значительная часть ихъ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ ц.-славянскаго языка, слѣдовательно, не можетъ быть отнесена на счетъ личнаго творчества переводчика.

6. Какъ извѣстно, греческій текстъ патерика до сихъ поръ въ полномъ видѣ не изданъ, и это лишило возможности

автора охарактеризовать славянской переводъ со стороны техники, достоинствъ и недостатковъ. Однако, нельзя не поставить автору въ вину, что онъ не воспользовался для этой цѣли по крайней мѣрѣ отрывочнымъ греческимъ текстомъ, изданнымъ у Миня и использованнымъ авторомъ вполне успешно при разборѣ лексики. Едва-ли должно заслуживать сочувствія правило при рѣшеніи трудныхъ научныхъ вопросовъ: если, вслѣдствіе отсутствія изданія, нельзя сдѣлать *всего* для рѣшенія вопроса, то не надо дѣлать *ничего*. Если же авторъ пожелалъ бы и дальше стоять на такой точкѣ зрѣнія, то я очень совѣтовалъ бы ему заняться разысканіемъ полнаго греческаго текста патерика. Мнѣ пришлось видѣть въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ прекрасные греческіе кодексы патерика, о которыхъ свѣдѣнія въ науку, кажется, еще не проникли. Использовать ихъ для изученія славянскаго перевода было бы очень плодотворно.

При всемъ томъ нельзя не признать сочиненіе о. Смирнова достойнымъ самой высокой оцѣнки. Дѣло въ томъ, что онъ работалъ въ трудной области, требующей основательной специальной подготовки, притомъ въ сферѣ вопросовъ, еще неразработанныхъ. Ему пришлось пробивать себѣ на новой дорогѣ путь своими собственными руками, одновременно изслѣдуя памятники и изучая разные курсы по палеографіи и лингвистикѣ. Затрудненія усугублялись отсутствіемъ подъ руками у него основной рукописи, которая не была выслана Синодальной бібліотекой въ академію. И однакожъ, онъ успешно преодолѣлъ все эти затрудненія. Его сочиненіе обнаруживаетъ и большую освѣдомленность въ области славянской филологіи, и талантливость, и любовь къ серьезному труду. Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ, какъ заслуживаетъ и особеннаго вниманія со стороны Совѣта Академіи“.

б) Экстрасрдинарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа—отличная. Авторъ изслѣдуетъ выбранный имъ памятникъ почти всесторонне: тутъ мы находимъ и подробное палеографическое описаніе его (даже съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ рукописи), и изслѣдованіе языка его въ разныхъ отношеніяхъ (приложенъ даже краткій словарикъ славяно-греческій къ разбираемому памят-

нику); цѣлая глава посвящена и изслѣдованію о вліяніи Синайскаго патерика на литературу русскихъ Житій. Литературу предмета, прямо или косвенно касающуюся его темы, овѣ, повидимому, изучилъ тоже хорошо: объ этомъ свидѣтельствуесть множество ссылокъ въ примѣчаніяхъ. Но работа эта—не компиляція: автору пришлось имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ и самостоятельно изслѣдовать его. Существеннымъ пробѣломъ въ этой работѣ является отсутствіе изслѣдованія объ отношеніи славянскаго перевода патерика къ его греческому оригиналу. Авторъ и самъ сознаесть этотъ недостатокъ (стр. 298), но оправдываетъ его тѣмъ, что Миневскій текстъ для такого сравненія не годится. Вѣроятно, найдутся и другіе недостатки—въ конечныхъ выводахъ изслѣдованія, о которыхъ я, какъ не специалистъ въ этой области, судить не могу; но съ общей точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ эту работу, съ точки зрѣнія метода изслѣдованія, она мнѣ представляется, какъ я сказалъ, отличной“.

41) О сочиненіи студента священника *Смородина Валентина* на тему: „Димитрій (Муретовъ), архіеп. Херсонскій, какъ проповѣдникъ“.

а) И. д. доцента Академіи *В. П. Виноградова*:

„Работа о. Смородина представляетъ изъ себя попытку понять и изобразить проповѣдническое творчество преосв. Димитрія, какъ органической продуктъ его личности. Соответственно поставленной задачѣ, авторъ исходитъ изъ изображенія личности Херсонскаго витія (гл. II) и затѣмъ пытается вывести изъ свойствъ этой личности особенности ея проповѣдническаго творчества по содержанію (гл. III: общій характеръ проповѣдничества преосв. Димитрія въ отношеніи къ содержанію; гл. IV: отношеніе проповѣдничества преосв. Димитрія къ современности; гл. V: содержаніе проповѣдей преосв. Димитрія) и по формѣ и изложенію (гл. VI). Первая глава (хронологическій обзоръ проповѣднической дѣятельности преосв. Димитрія) устанавливаетъ историческую перспективу изслѣдованія, предисловіе (обозрѣніе періодической печати о пр. Димитріи)—методологическую. Заключение устанавливаетъ мѣсто пр. Димитрія въ исторіи русской проповѣди.

Поставленную задачу автору не удалось выполнить вполне удовлетворительно. Онъ изучилъ усердно всю біографическую литературу о преосв. Димитріи и изъ нея извлекъ и хорошо скомбинировалъ—для первой главы—всѣ данныя, говорящія о хронологической послѣдовательности проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія, для второй главы—всѣ данныя, рисующія личность преосвященнаго. Но во второй главѣ авторъ сдѣлалъ убійственную для своего сочиненія ошибку. Ему нужно было дать „характеристику“ личности, т. е. систематическое изображеніе, выдвигающее черты личности въ порядкѣ и степени ихъ значенія для послѣдующаго выясненія особенностей проповѣдническаго творчества пр. Димитрія. Авторъ же вмѣсто того далъ біографическій очеркъ жизни, въ которомъ нужныя для гомилетическаго изслѣдованія черты личности выступаютъ блѣдно, разсѣянно, скрываясь за фактами и не сливаясь въ единый, цѣлостный обликъ. Но біографія не могла для автора замѣнить характеристику. Характеристика должна была дать собранный рядъ тезисовъ психологическаго характера, на почву которыхъ и нужно было затѣмъ въ послѣдующемъ изложеніи свести тезисы, добытые изъ анализа проповѣдей преосв. Димитрія. Не давъ самостоятельной цѣльной характеристики, авторъ въ слѣдующихъ главахъ вынужденъ давать ее по частямъ по поводу тѣхъ или другихъ свойствъ проповѣдей изучаемаго вити (напр. стр. 46, 51, 58—59, 60, 62 и др.). Это обстоятельство повело къ двумъ печальнымъ явленіямъ. Во-первыхъ, біографическій очеркъ, данный во II главѣ, остается безъ всякаго примѣненія и пользы въ изслѣдованіи, а во-вторыхъ, отдѣльныя части характеристики личности, разбросанныя безъ органической связи между собою, не даютъ цѣльнаго, живого представленія личности и тѣмъ отнимаютъ возможность создать на ихъ почвѣ яркую и полную характеристику проповѣдническаго творчества. Въ результатъ у автора получается лишь нѣкоторое сближеніе особенностей проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія съ отдѣльными чертами личности послѣдняго, но не установка генезиса этого творчества изъ цѣльной личности.

Съ высоты проблемы историко-генетическаго свойства, авторъ, такимъ образомъ, спускается къ простому *описанію* проповѣдническаго творчества преосв. Димитрія. Описаніе

сдѣлано съ большимъ знаніемъ какъ первоисточника—полнаго собранія проповѣдей,—такъ и соприкасающейся научно-гомилетической литературы. Но здѣсь сочиненіе страдаетъ дефектами, обусловленными той же лежащей внѣ области личнаго вмѣненія причиной, которая указана мною въ отзывѣ о сочиненіи г. Ястремскаго, именно—несовершенствами общаго гомилетическаго міросозерцанія. Авторъ, напримѣръ, не представляетъ себѣ ясно и путаетъ содержаніе понятій и терминовъ: догматическое направленіе, практическое направленіе, полемическое (стр. 57—58 и др.), современность (61—62), слово и бесѣда (129), рѣчь (130) и чрезъ то по мѣстамъ лишаетъ свое описаніе достаточной опредѣленности, точности, логической послѣдовательности или же дѣлаетъ странныя утвержденія (напр. стр. 129). Но что особенно характерно здѣсь для сочиненія о. Смородина,—такъ это то, что онъ оказался не въ состояніи найти надлежащаго мѣста для цѣлаго отдѣла, посвященнаго изображенію „пастырско-проповѣдническаго идеала преосв. Димитрія“! Нашъ авторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ помѣстить указанный отдѣлъ безъ всякой связи въ самый конецъ сочиненія, въ заключеніе, посвященное „исторической оцѣнкѣ преосв. Димитрія“. И въ то же время отдѣльныя свѣдѣнія (и при томъ характернѣйшія), относящіяся къ 3-ему отдѣлу, онъ рассыпаетъ по всему сочиненію, начиная съ третьей главы.

Наконецъ въ недостатокъ автору долженъ поставить довольно частое пользованіе словами пособій безъ цитации (напр. стр. 11, 28, 32, 62 и др.).

Достоинства автора—тщательное изученіе источниковъ и пособій и умѣнье пользоваться ими. Авторъ настолько хорошо изучилъ проповѣдничество преосв. Димитрія, что въ заключеніи сочиненія могъ дать чрезвычайно-цѣнные критическія замѣчанія на одну недавно появившуюся, по случаю юбилея, статью, принадлежащую специальному представителю гомилетической науки.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) *Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:*

„Авторъ въ совершенствѣ исполнилъ свою задачу. Онъ собралъ все, что касается личности преосв. Димитрія,—свѣдѣнія, сохранившіяся о немъ въ русской литературѣ, біогра-

фическія данныя, составъ его проповѣдей, и соединилъ въ одно гармоническое цѣлое. Проповѣдническая дѣятельность пр. Димитрія изслѣдована имъ во всей полнотѣ, въ ея общихъ направленіяхъ и частныхъ проявленіяхъ. И та характеристика, какую даетъ авторъ его проповѣдничеству, можетъ быть признана вполне отвѣчающей дѣлу. „Это былъ чловѣкъ сердца,—пишетъ онъ на стр. 50,—и живого, впечатлительнаго чувства. Сердечная, чувствующая сторона его духа была развита въ немъ на счетъ другихъ сторонъ и давала тонъ и направленіе всей его душевной дѣятельности“... „онъ, такъ сказать, износилъ предъ слушателями все богатство своей внутренней индивидуальной нравственной мощи, дѣйствующей на внутренній духовный міръ слушателей, ихъ нравственныя состоянія и сердечныя движенія“¹⁾. Проповѣдникъ—моралистъ, вся внутренняя жизнь котораго сосредоточена была на нравственномъ самоусовершеніи, преосв. Димитрій и въ своихъ поученіяхъ проводилъ лишь одну мораль, имѣлъ предъ собой нравственное существо чловѣка со всѣми его пороками и добродѣтелями,—безотносительно къ тому, къмъ былъ его слушатель и въ какихъ житейскихъ условіяхъ онъ находился. И поэтому всѣ попытки автора уловить какую-либо современность въ проповѣдяхъ пр. Димитрія (гл. IV) оказываются неудачными. Такая фраза, какъ напр. „наше общественное мнѣніе“ (стр. 73) еще не создаютъ того признака, какой соединяется съ понятіемъ современности, т. е. полного соотвѣтствія опредѣленному историческому факту, да и самъ авторъ, приступая къ изложенію содержанія проповѣдей пр. Димитрія, совершенно правильно заявляетъ, что онъ „чаще всего проповѣдовалъ по побужденіямъ внутренняго характера, а внѣшніе мотивы могли имѣть значеніе лишь косвенное“ (стр. 93).

Авторъ обсуждаетъ какъ личность преосв. Димитрія, такъ и успѣхи его проповѣднической дѣятельности съ замѣтнымъ увлеченіемъ, по мѣстамъ даже въ панегирическомъ тонѣ (см. стр. 14 слл.), но такая постановка дѣла отчасти объясняется тѣми свѣдѣніями, какія находились въ распоряженіи автора и исходили изъ-подъ пера людей, расположенныхъ къ пр. Димитрію; объективнаго критерія онъ не имѣлъ. Въ

¹⁾ Последняя фраза ваята у Заведеева (см. цитату у автора стр. 52).

концѣ своего сочиненія авторъ даетъ историческую оцѣнку пр. Дмитрія, какъ проповѣдника,—въ общемъ правильную; сравнивая его съ Филаретомъ Московскимъ и извѣстнымъ ораторомъ Иннокентіемъ Херсонскимъ; „современность“ послѣдняго слѣдовало бы выставить ярче въ противоположность Дмитрію“.

42) О сочиненіи студента *іеромонаха Кирилла (Соколова)* на тему: „Хозяйственное устройство старообрядческихъ общинъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Работа о. Кирилла вызываетъ прежде всего упреки стороны языка, которымъ она написана. Правильность языка, соблюденіе хотя бы основныхъ правилъ грамматики—необходимое требованіе, предъявляемое ко всякой научной работѣ. Какъ бы ни была велика глубина мысли ученаго изслѣдованія, какъ бы ни были цѣнны его результаты—это не избавляетъ автора отъ обязанности считаться съ грамматикой, и пренебреженіе къ ней вредитъ и мысли и результатамъ изслѣдованія. Что нашъ упрекъ о. Кириллу не голословенъ, приведемъ выписки изъ его сочиненія, показывающія его манеру выражаться:

Стр. V. „Игнорируя остальными условіями“.

7. „Кромѣ этого типа общинъ, который назовемъ исключительно религіознаго характера и происхожденія, по нашему мнѣнію, существовалъ еще другой типъ“.

7—8. „Не только они нападали и грабили по лѣсамъ и на дорогамъ на встрѣчающихся имъ путниковъ“.

10. Жизнь... „предъявляетъ свои требованія и *трактуетъ* условія, а не подчиняется“ и т. д.

11. „Мы уже сказали, что эти общинники для изысканія пропитанія промышляли грабежомъ; также и въ отношеніи нравственномъ жизнь ихъ не была безукоризненна“—какъ будто занятіе грабежомъ, хотя бы и въ XVII в., нельзя разсматривать въ отношеніи нравственномъ.

21. „Живя въ пустынь, знакомясь съ раскольниками... у Денисова родилась мысль устроить“ и т. д.

55. „Даніиль Викулинъ званіе настоятеля носилъ какъ *causa honoris*“.

Наша духовная школа всегда ревностно стояла на

стражѣ чистоты и красоты русскаго языка. Вотъ почему мы считаемъ себя особенно обязанными рѣшительно протестовать противъ такого пренебреженія къ языку въ сочиненіи студента, оканчивающаго духовную, притомъ высшую духовную школу. Впрочемъ надо сказать, что начиная съ III главы первой части слогъ автора, благодаря можетъ быть тому, что онъ приобретаетъ навыкъ и входитъ въ технику писанія,—значительно улучшается.

Обращаясь къ содержанію работы, мы видимъ, что авторъ послѣ нѣсколькихъ неясныхъ заявленій въ предисловіи дѣлитъ ее на двѣ части. Въ первой изъ нихъ онъ даетъ очеркъ происхожденія Выгорѣцкихъ старообрядческихъ общинъ и описаніе ихъ управленія и отношенія къ нимъ правительства. Вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе ихъ хозяйственнаго устройства.

Первая, историческая часть сочиненія, можетъ вызвать немало возраженій. Авторъ исходитъ изъ вѣрной мысли, что устройство Выгорѣцкаго общежитія сложилось подъ двумя вліяніями: сѣвернаго монастыря и сѣвернаго земскаго міра. Но эта вѣрно высказанная мысль какъ бы брошена и не обставлена достаточными доказательствами. Въ исторической части авторъ совсѣмъ не проявляетъ критическаго отношенія къ той литературѣ, изъ которой онъ почерпаетъ свѣдѣнія. Онъ вписываетъ вычитанные факты въ свою работу безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Онъ прочелъ напр., что князья Мышецкіе, изъ рода которыхъ происходили Денисовы, были новгородскіе князья, которые будто бы „нѣкогда играли немалую роль въ борьбѣ Новгорода съ московскимъ правительствомъ за свободу и сохраненіе самобытныхъ началъ самоуправленія“ (17)—и ему не приходитъ на мысль, что на самомъ дѣлѣ князья Мышецкіе были скромными новгородскими помѣщиками, что они испомѣщены были московскимъ же правительствомъ въ Новгородскомъ уѣздѣ уже въ концѣ 90-хъ г.г. XV вѣка, т. е. уже значительное время спустя послѣ паденія самостоятельности Новгорода и именно для того, чтобы служить оплотомъ Московскому правительству среди новгородскаго общества. Въ историческій разсказъ авторъ вноситъ слишкомъ большой элементъ фантазіи. Полна фантазіи характеристика Андрея Денисова, у котораго будто бы „фамильныя преданія о славѣ

и знаменитости предковъ, пробуждавшія униженную боярскую гордость, способствовали не только развитію ненависти, но даже и стремленія отомстить родовому врагу“, т. е. московскому правительству. Князья Мышецкіе были издавна захудалымъ родомъ, въ которомъ едва ли сохранялись какія-либо преданія о славі и знаменитости предковъ; по крайней мѣрѣ. Мышецкіе временъ Андрея Денисова столѣтій за шесть до XVIII в. такихъ знаменитыхъ предковъ указать очень бы затруднились. *Боярской* гордости у потерявшихъ титулъ потомковъ этого рода въ XVIII в. едва ли могло быть много, такъ какъ Мышецкіе и не бывали боярами. Издавна неважные провинціальныя помѣщики, почему они стали бы питать ненависть къ московскому правительству, снабдившему ихъ помѣстьями, да еще какъ къ родовому врагу, да еще на протяженіи четырехъ столѣтій? Кажется, это срокъ достаточный для погашенія всякой ненависти и вражды, и примирились же съ Московскимъ правительствомъ потомки другихъ видныхъ княжескихъ фамилій, дѣйствительно когда то лишенныхъ Москвою ихъ самостоятельности и владѣній. Совершенно уже невѣроятнымъ кажется намъ объясненіе чувства мести къ правительству у Андрея Денисова изъ родовыхъ воспоминаній. Все это чистая фантазія, вычитанная авторомъ у другихъ и безъ всякой критики переносимая въ его трудъ. Можно указать далѣе случаи, когда собственное воображеніе автора разрисовываетъ заимствованныя извѣстія и преувеличиваетъ ихъ до неузнаваемости. Прочтя въ нашей книгѣ „Земское Самоуправленіе“ I, 102—103 о томъ, что „княгиня Анна Кирилловна Мышецкая происходила изъ знаменитаго коммерческаго рода Босыхъ, имѣвшаго большія владѣнія въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, и сдѣлала видную для нея партію, выйдя за князя Данилу Ефимовича Мышецкаго, породнившись съ Босыми, по всей вѣроятности, ради поправленія своихъ обстоятельствъ, такъ какъ родъ Мышецкихъ и въ XVII в. былъ въ значительной мѣрѣ захудалымъ“, о Кириллѣ дѣлаетъ неожиданное заключеніе, что „нѣкоторые изъ нихъ (Мышецкихъ), чтобы существовать, вынуждены были позорно продать свой княжескій титулъ“. Здѣсь авторъ, во-первыхъ, единственный указанный случай брака размножилъ: вмѣсто одного кн. Данилы Ефимовича явились уже *нѣкоторые*, которые были вынуждены, а,

во-вторыхъ, совсѣмъ уже намъ непонятно, почему о Кириллѣ бракъ захудалаго князя съ представительницей богатой купеческой фамиліи считаетъ явленіемъ *позорнымъ*. Вооружаясь противъ неумѣренной фантазіи, мы также противъ слишкомъ общихъ мѣстъ въ характеристикахъ. Что напр. говорятъ такія слова автора, какъ „Андрей Денисовъ въ своемъ лицѣ представлялъ комплексъ всевозможныхъ идей“?

Къ числу неясностей относимъ и то краснорѣчивое описаніе состоянія источниковъ по исторіи Выгорѣцкихъ обществъ, которое дается въ предисловіи (VII) и которое объясняетъ, почему авторъ не могъ воспользоваться первоисточниками. „Приходо-расходныя книги“, пишетъ авторъ, „опись имущества и хозяйственные инвентари: живой и мертвый погибли безслѣдно“. Интересно, что авторъ подразумѣваетъ подъ живымъ инвентаремъ? Если то, что называется живымъ инвентаремъ въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. скотъ, то что же удивительнаго, что этотъ живой инвентарь XVIII вѣка не дожилъ до XX-го? Отмѣтимъ далѣе неточности, допускаемыя авторомъ. „Теперь“, читаемъ мы на стр. 122, „когда существованіе общины (послѣ указа 1705 г.) юридически было обезпечено, старообрядцы наравнѣ съ прочими подданными предъявляютъ правительству требованія“. Правительству Петра I никакіе подданные требованія предъявлять не смѣли, а тѣмъ болѣе не могли этого сдѣлать старообрядцы, только терпимые правительствомъ Петра. Авторъ не сказалъ бы того, что онъ сказалъ, если бы понималъ эпоху, о которой идетъ рѣчь.—На стр. 4 непонятно географическое опредѣленіе: общины „заняли пространство, лежащее между сѣвѣрною губою Онежскаго озера и Онежскою губою Бѣлаго моря, а на югѣ граничащее Выгозеромъ“. Если на югѣ границею было Выгозеро, то причѣмъ же здѣсь сѣвѣрная губа Онежскаго озера, находящаяся южнѣе Выгозера? „Къ концу XVII в.“, говоритъ авторъ (162), „почти весь Каргопольскій уѣздъ входилъ въ территорію владѣній Соловецкаго монастыря“. Это сильно преувеличено; въ Каргопольскомъ уѣздѣ было, дѣйствительно, не мало владѣній Соловецкаго монастыря, но этотъ уѣздъ „почти весь“ не былъ монастырскою территоріей. Главную массу его земель составляли черныя, государственныя земли.—Описывая торговлю Выгозерцевъ (230) авторъ утверждаетъ, что успѣхъ торговли ихъ съ Сибирью

былъ такъ великъ, что обратилъ на себя вниманіе правительства и вынудилъ его къ изданію строгихъ мѣръ, воспре-щающихъ эмиграцію въ Сибирь старообрядцевъ. Эмиграція онежскихъ старообрядцевъ въ Сибирь воспрещалась не вслѣд-ствие развитія ихъ торговли съ Сибирью, а изъ боязни опу-стѣнія Онежскаго края, мѣры къ заселенію котораго прини-мались еще правительствомъ XVII вѣка.

Вторую часть сочиненія мы считаемъ много болѣе удач-ной. Авторомъ, хотя и не изъ первыхъ рукъ, собрано значи-тельное количество фактовъ, рисующихъ разныя стороны хозяйственнаго быта выговскихъ общинъ, ихъ земледѣльче-скаго хозяйства, промысловъ, торговли и финансовъ. Въ ре-зультатѣ получается изобразительная картина экономическаго могущества общинъ и процвѣтанія вѣкогда пустыннаго сѣ-вернаго края, попавшаго въ трудолюбивыя руки.

Начитанность автора въ специальной литературѣ, проявлен-ная имъ трудоспособность и любовь къ избранной темѣ даютъ, по моему мнѣнію, ему право на полученіе степени кандидата“.

6) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Довольно интересная по содержанію работа страдаетъ крупными литературными недостатками. Затронутый авто-ромъ вопросъ объ отношеніи религіозной догматики къ обще-ственно-хозяйственному строю нисколько имъ не освѣщенъ. Впрочемъ сочиненіе свидѣтельствуетъ о немаломъ трудѣ автора. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

43) О сочиненіи студента *Сомова Николая* на тему: „Древне-еврейская семья по законамъ Пятикнижія Моисея и семей-ный бытъ по законамъ Гаммураби“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Ворон-цова*:

„Сочиненіе г. Сомова состоитъ изъ небольшого введенія и 3 главъ, распадающихся на параграфы. Во введеніи авторъ говоритъ о нравственно-дидактическомъ значеніи Библей-скихъ законовъ и фактовъ и сообщаетъ данныя объ откры-тіи и содержаніи законовъ Гаммураби. Въ первой главѣ своей работы авторъ занимается Библейскою терминологіею касательно различныхъ формъ specialнаго устройства, ана-

лизируетъ еврейскія выраженія, соответствующія понятіямъ: колѣно, племя, семейство. Установивъ дифференціально эти термины, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на понятіи „байтъ“—домъ, въ смыслѣ семейства, изучаетъ составъ семейства въ Библейской древности и основаніе семейнаго быта—солидарность семьи въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Во второй главѣ г. Сомовъ собираетъ опредѣленія и факты, иллюстрирующіе древне-еврейскій бракъ и правовое взаимоотношеніе супруговъ, причемъ много говоритъ о выдвигаемой въ послѣднее время теоріи первобытнаго матриархата, о предполагаемыхъ Библейскихъ матриархахъ и вообще о положеніи женщины въ древне-еврейской семьѣ, разбираетъ виды брака (моногамія, полигамія, эндогамія, экзогамія), указываетъ предполагаемыя въ Библейскомъ законодательствѣ препятствія къ браку, отмѣчаетъ и отчасти описываетъ способы заключенія брака и въ концѣ упоминаетъ о левиратномъ бракѣ. Въ третьей главѣ г. Сомовъ говоритъ о взаимоотношеніи членовъ семьи (подъотдѣлы: отецъ, мать, дѣти, воспитаніе дѣтей, сюда же отнесенъ вопросъ о разводѣ и наслѣдованіи). Сочиненіе имѣетъ заключительную часть, гдѣ авторъ пытается резюмировать данныя своего изслѣдованія и разсмотрѣть ихъ подъ угломъ вѣры въ моральное совершенствованіе человѣчества, особенно народа Божія подъ водительствомъ благодати. Таковъ планъ и общій конспектъ работы г. Сомова: по полнотѣ изслѣдованія предмета, подлежаващаго изученію, работа г. Сомова—выдающійся кандидатскій трудъ; онъ съ любовью останавливается на деталяхъ Библейскихъ повѣствованій и съ тщательностью приводитъ законы Пятикнижія, освѣщающія эти повѣствованія. Правда, автору можно сдѣлать упрекъ, что онъ болѣе удѣляетъ вниманія библейско-археологическому матеріалу, чѣмъ собственно текстуально-критическому изученію законовъ Пятикнижія, однако этотъ сдвигъ его работы былъ отчасти обусловленъ указаніями рецензента, привлекавшаго вниманіе писавшаго къ наиболѣе спорному и наименѣе изслѣдованному въ западной наукѣ. Г. Сомовъ прекрасно владѣетъ новыми и древними языками (особенно французскимъ), а потому онъ могъ ознакомиться съ западною Библейско-археологическою литературою по затронутому вопросу. Немалую услугу автору оказала монографія Levy.

La famille dans l' antiquité israélite, равно компетендіозная работа Buchholz. Die Familie in rechtlicher und moralischer Beziehung nach mosaisch-talmudischer Lehre. Въ отдѣлѣ о положеніи рабовъ г. Сомовъ пользовался книгою Tony André, L' esclavage chez les anciens hebreux. Подлежавшіе сравнительному изученію законы Гаммураби авторъ имѣлъ предъ собою въ транскрибированномъ подлинникѣ въ изданіи Мюллера (Вѣна 1903) и въ номо-экзегетическихъ работахъ Лягранжа и Гриммѣ. Въ сопоставленіи законовъ Гаммураби съ Библейскими нормами касательно семейнаго устройства и быта авторъ преслѣдовалъ апологетическую задачу—показать превосходство Моисеева законодательства и формъ еврейскаго быта сравнительно съ бывшимъ въ древней Вавилоніи и создавшимся подъ исключительнымъ воздѣйствіемъ земныхъ факторовъ.

Изъ частныхъ недостатковъ работы г. Сомова можно указать: 1) приведеніе еврейскихъ словъ и выраженій въ транскрипціи, что можетъ вызывать сомнительное чтеніе. Транскрипція понятна въ работахъ, предназначенныхъ къ напечатанію, по типографскимъ соображеніямъ, но врядъ ли умѣстна въ сочиненіи рукописномъ, представляющемъ опытъ монографіи, рецензируемой специалистомъ; 2) увлеченіе иностранными выраженіями и новообразованія словъ, напримѣръ: интегрируетъ, израилитизированіе и т. п.; 3) неудачные эпитеты по мѣстамъ (впрочемъ рѣдко), напримѣръ: осѣдлая монархія, молодая дѣвочка; 4) фактическія неточности, напримѣръ, а) предположеніе о существованіи у евреевъ древне-библейскихъ временъ кліентелы, обязательныхъ отношеній между освобожденными рабами и прежними владѣльцами, б) отсутствіе анализа понятія *геръ*, благодаря чему пришельцы включаются въ составъ еврейскихъ семействъ; с) нежеланіе справляться съ общимъ Библейско-моисеевымъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя общія явленія индивидуализируются, считаются характерными для положенія іудейскихъ прозелитовъ, напримѣръ, о пользованіи плодами полей и садовъ въ субботній годъ или о возвращеніи земли прежнему владѣльцу въ юбилей (*restitutio in integrum*). Однако наряду съ погрѣшностями въ сочиненіи попадаются и весьма солидные выводы, такова попытка установить генетическую близость понятій לָבָן и סֵן , отличить явленіе левирата отъ геулля לְבָנָא , точное раздѣльное представленіе

правъ семейной собственности и наслѣдованія. Какъ цѣлое, сочиненіе г. Сомова—вполнѣ солидная кандидатская работа, открывающая въ авторѣ хорошаго лингвиста и убѣжденнаго православнаго богослова“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Студентъ Николай Сомовъ въ 3-хъ главахъ своей работы путемъ сравнительнаго метода обслѣдуетъ вопросъ о семьѣ и объ особенностяхъ семейнаго быта древнихъ израильтянъ, сравнительно съ семейнымъ бытомъ вавилонянъ.

Что касается общаго рѣшенія вопроса, то въ этомъ отношеніи работу автора нужно признать безупречною. Авторъ, какъ библиенствъ-апологетъ, всюду отмѣчаетъ моральныя основанія, на которыхъ покоилась семейная жизнь древнихъ израильтянъ въ то время, какъ у древнихъ вавилонянъ и въ условіяхъ семейнаго быта всюду проглядываетъ экономическій принципъ. И эти общіе выводы авторъ дѣлаетъ послѣ знакомства съ пятокнижіемъ Моисея и послѣ тщательнаго анализа законовъ Гаммураби, съ которыми онъ познакомился по лучшимъ, хотя и небольшимъ по объему, пособіямъ, какъ, на примѣръ, Muller'a, Jeremias'a. Но безупречная въ цѣломъ, работа г. Сомова не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что, давая обобщенія по интересующимъ автора вопросамъ, онъ не всегда обосновываетъ ихъ на точныхъ данныхъ Библии. Специалистъ можетъ угадывать интересовавшія автора мѣста Библии, но фактическая и документальная обоснованность сужденій автора должна быть, конечно, налицо въ каждой научной работѣ. Это въ особенности нужно сказать о главахъ, гдѣ говорится о положеніи дѣтей въ семьѣ. Рѣшеніе вопроса о положеніи и значеніи матери въ семьѣ нужно признать нѣсколько поверхностнымъ. Обращаютъ на себя вниманіе также нѣкоторые стилистическіе недочеты, которые мы отмѣчали иногда на самомъ сочиненіи.

Но всѣ указанные нами недостатки сочиненія студента Сомова не такъ существенны, чтобы ими серьезно принижалась цѣнность добросовѣстной, выполненной съ пониманіемъ дѣла, серьезной богословско-апологетической работы. Степени кандидата студентъ Сомовъ вполнѣ достоинъ“.

44) О сочиненіи студента *Сперанскаго Алексыя* на тему: „Законодательство Императора Юстиніана по церковному управленію предъ судомъ источниковъ каноническаго права“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ предисловія (I—VIII), обзорнія источниковъ и пособій (IX—XXXIX), пяти главъ и заключенія.

Глава 1-я даетъ общую характеристику личности Юстиніана, его отношеніе къ христіанской церкви и общіе принципы его законодательства по вопросамъ церковнаго управленія (1—100).

Глава 2-я содержитъ характеристику законодательства, опредѣляющаго государственное положеніе церкви, въ частности—законовъ противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ и догматическихъ законовъ Юстиніана (101—200).

Глава 3-я характеризуетъ церковное устройство по законодательству Юстиніана, въ частности—патріаршее устройство и автокефальныя церкви; преимущества высшихъ іерарховъ сравнительно съ правами епархіальныхъ епископовъ (201—328).

Глава 4-я разсматриваетъ законодательство объ избраніи и поставленіи епископовъ: личныя качества кандидатовъ во епископы, избирательныя права клира и народа; утвержденіе новоизбраннаго и возраженія противъ правильности избранія; ставленныя пошлины (стр. 329—428).

Глава 5-я разсматриваетъ законодательство, опредѣляющее церковныя и гражданскія права и преимущества епископовъ, въ частности: личныя права епископовъ; имущественныя и наслѣдственныя права; права и обязанности по церковному управленію. Положеніе епископовъ въ администраціи государства. Гражданскія, административныя и полицейскія права и обязанности епископовъ (стр. 429—496).

Въ заключеніи авторъ заявляетъ, что представленная работа далеко не выполнила всего предначертаннаго плана, и даетъ краткій конспектъ главъ: VI-й (о клирикахъ), VII-й (о монашествующихъ и о монастыряхъ), VIII-й (о церковномъ имуществѣ) и IX-й (о церковномъ судѣ), матеріалъ для

которыхъ имъ собранъ, но по недостатку времени не приведенъ въ надлежавшей обработкѣ.

Рецензентъ не можетъ не довѣрять этому заявленію въ виду того, что этотъ матеріалъ въ большой массѣ содержится въ тѣхъ же законахъ Юстиніана, которые уже изучены были авторомъ при составленіи имъ законченныхъ и ботаничныхъ главъ разсматриваемаго сочиненія.

Что касается сочиненія въ данномъ его видѣ, то оно характеризуется слѣдующими свойствами:

а) Авторъ обнаруживаетъ замѣчательное усердіе въ собраніи и изученіи матеріала для сочиненія: объ этомъ свидѣтельствуетъ точный перечень тѣхъ первоисточниковъ и пособій русскихъ и иностранныхъ, каковыя использовалъ авторъ въ теченіи года и реестръ которыхъ (съ краткою ихъ характеристикою) представилъ въ началѣ своего сочиненія.

б) Авторъ положилъ много труда въ изученіи подлиннаго законодательства Юстиніана, для чего нужно владѣть не только знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, но и пользоваться специальными юридическими пособиями по византийско римскому праву. Какъ показываетъ сочиненіе, авторъ преодолѣлъ предстоявшія здѣсь затрудненія. Онъ вполне овладѣлъ языкомъ Юстиніанова законодательства.

Такое же усердіе авторъ приложилъ и къ изученію источниковъ и пособій каноническаго права по тѣмъ его отдѣламъ, какіе послужили предметомъ Юстиніанова законодательства.

в) Свои обширныя свѣдѣнія по данному предмету авторъ изложилъ въ формѣ стройной, вполне научной монографіи. Она начинается сжатой, мастерской характеристикой нравственной личности Юстиніана, какъ прекрасно образованнаго, талантливаго, необыкновенно дѣятельнаго и въ высшей степени тщеславнаго самодержца, цесаря, „благочестиваго, славнаго, счастливаго, побѣдоноснаго, августа“, завѣтной мечтой котораго было воплотить этотъ титулъ въ жизнь (стр. 19). Задавшись грандіозною цѣлью объединить все законодательство, всю жизнь подвластной ему имперіи въ одно цѣлое, Юстиніанъ не могъ, конечно, оставить безъ своего вниманія и Церковь, обнимавшую собою столь видную сферу общественной жизни. Но въ этомъ стремленіи онъ столкнулся съ роковой задачей—примирить непримири-

мое по существу:—объединить римское государственное право и христіанскій канонъ. Слить ихъ въ одно цѣлое было невозможно и потому явилась необходимость найти между ними точку соприкосновенія, установивъ въ то же время ихъ самостоятельность и независимость другъ отъ друга въ собственной сферѣ каждаго изъ нихъ. Надо отдать справедливость генію Юстиніана: формально онъ дѣйствительно точно и всесторонне опредѣлилъ взаимоотношеніе закона и канона (стр. 44—45).

Признавъ торжественно не только равенство церковнаго канона съ государственнымъ закономъ, но даже и преимущество предъ послѣднимъ, Юстиніанъ формально во всемъ своемъ законодательствѣ по церковнымъ дѣламъ опирается на первый. Его конституціи и новеллы этого рода весьма тщательно цитируютъ и тексты Св. Писанія, и каноны соборовъ, и правила и творенія св. отцовъ. Но соответствуетъ ли этому формальному согласію дѣйствительное содержаніе Юстиніанова законодательства?—вотъ достойный глубокаго вниманія вопросъ. Разрѣшеніе этого вопроса и составляетъ крайнюю задачу изслѣдованія автора. Стремленіе рѣшить его основательно, тщательнымъ анализомъ параллельнаго законодательства—церковнаго, каноническаго и собственно юстиніановскаго и составляетъ мотивъ, воодушевлявшій автора въ его трудѣ изученія.

Сославшись на дов. распространенное мнѣніе въ западной и отечественной наукѣ о строгомъ соответствіи Юстиніанова законодательства церковнымъ канонамъ, авторъ говоритъ: „намъ кажется, что говорить о строгомъ согласіи или, наоборотъ, о несоответствіи государственныхъ законовъ и каноновъ церкви можно лишь послѣ того, какъ будетъ произведено самое подробное, послѣдовательное и тщательное сопоставленіе всѣхъ узаконеній Юстиніана по вопросамъ церковнаго управленія съ основными источниками каноническаго права“ (стр. 94). „Къ такому именно подробному, сравнительному анализу закона и канона мы и переходимъ теперь и только этотъ анализъ поможетъ намъ дать надлежащій отвѣтъ на вопросъ: насколько соответствуетъ законодательство императора Юстиніана канону церкви Христовой?“ (стр. 96).

Слѣдующія за введеніемъ главы II, III, IV и V-я дѣйствительно и содержатъ такой канонико-юридическій анализъ

Юстинианова законодательства. Анализ—весьма удовлетворительный.

Авторъ далеко не окончилъ всего сочиненія; но и то, что онъ успѣлъ сдѣлать; даетъ ему полное право отвѣчать на вопросъ темы слѣдующимъ категорическимъ заключеніемъ. „Послѣдовательное изученіе и сопоставленіе законодательства Юстиниана съ источниками каноническаго права католической церкви показываетъ, что утвержденія нѣкоторыхъ ученыхъ „о полномъ и строгомъ согласіи“ закона и канона нельзя признать вполне точными“.

„Въ дѣйствительности между государственными и каноническими узаконеніями оказывается слишкомъ много нероднаго и даже противорѣчиваго и притомъ не только по буквѣ, но главнымъ образомъ по духу... Если въ началѣ почти каждаго указа стояла фраза: узаконяемъ, во всемъ послѣдуя божественнымъ канонамъ,—то на практикѣ выдвигался принципъ, высказанный императоромъ представителю церкви—папѣ Агапиту: „держись моего мнѣнія, или я тебя сошлю“. Это мнѣніе — идея всеобъемлющаго государства, имѣющаго началомъ и концомъ личность императора самодержца, все объединяющаго въ себѣ самомъ и направляющаго всѣ стороны жизни къ собственной цѣли. Не государство склонялось предъ универсальностью церкви, а церковь вводилась въ государство въ качествѣ лишь одной изъ составныхъ частей; канонъ церковный становился также лишь частью общегосударственнаго закона и, какъ часть, долженъ былъ приспособляться къ основнымъ принципамъ цѣлаго“ (стр. 503—504).

Признаю сочиненіе не только вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени, но и вполне пригоднымъ, при условіи его окончанія въ томъ же духѣ, для соисканія магистерской степени.“

б) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Разсмотрѣвъ сочиненіе А. Сперанскаго, я нахожу его выдающимся по своимъ достоинствамъ и выражаю свое полное согласіе какъ съ отзывомъ проф. Н. Заозерскаго, такъ и съ отмѣченнымъ на сочиненіи балломъ“.

45) О сочиненіи студента священника Струминскаго *Мартина* на тему: „Сущность жизни. Біологическая проблема въ специально-научномъ и религіозно-философскомъ освѣщеніи“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„О. Струминскій расположилъ свое сочиненіе по такому плану: *Введение*, въ которомъ онъ говоритъ о задачахъ труда и даетъ исторію вопроса (стр. 1—68); *Часть первая—жизнь*, какъ научная проблема (стр. 71—226); *Часть вторая—жизнь*, какъ религіозно-философская проблема (стр. 229—426), и *Заключеніе* (стр. 427—445).

Планъ, какъ видимъ, естественный, такъ какъ вытекаетъ изъ существа задачи, опредѣляемой темою, и вполне ясный. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о детальномъ подраздѣленіи частей сочиненія. Въ первой части авторъ пытается установить специально - научное понятіе о жизни и, справедливо отклоняя отъ себя задачу дать *формулу исчерпывающаго опредѣленія жизни*, раскрываетъ понятіе о ней путемъ перечисленія и разъясненія существенныхъ *признаковъ*, по которымъ мы отличаемъ живое отъ безжизненнаго, и сообразно съ этимъ подраздѣляетъ первую часть сочиненія такъ: организациа, размноженіе, питаніе, ростъ, регенерація, развитіе, наслѣдственность, смерть. Во второй части, прежде чѣмъ переставитъ вопросъ на общую религіозно - философскую почву, онъ говоритъ опять о *признакахъ*, отличающихъ живое отъ безжизненнаго и, съ этою цѣлю, разсматриваетъ организмы со стороны ихъ вещественнаго состава, формы („морфологія организма“), происхожденія („генетическія особенности организма“) и цѣлесообразности („органическая телеологія“), на основаніи чего затѣмъ и устанавливаетъ свои основныя тезисы о самостоятельности начала органической жизни и безспорныхъ преимуществахъ витализма предъ механизмомъ. Не трудно замѣтить, что, при такомъ подраздѣленіи частей сочиненія, автору не легко было избѣжать повтореній. На дѣлѣ такъ оно и есть. Въ сущности, и во второй части своего труда онъ стоитъ на специально - біологической, а не на общей религіозно-философской точкѣ зрѣнія. Правда, попутно онъ вплетаетъ въ канву сочиненія и соображенія этого послѣдняго порядка, но, именно вслѣдствіе этого самаго, они выступаютъ не отчетливо и блѣдно:

спеціально-научный элементъ рѣшительно подавляетъ элементъ религіозно-философскій, въ явный ущербъ требованіямъ темы. Было бы несравненно лучше, если бы, согласно со своимъ собственнымъ основнымъ дѣленіемъ сочиненія, онъ наполнилъ каждую часть только свойственнымъ ей содержаніемъ.

Это первый недостатокъ труда о Струминскаго.

Вторымъ его недостаткомъ, — менѣе существеннымъ, но все же достаточно оцѣтительнымъ, — слѣдуетъ признать неравномѣрность его обработки. Первая часть написана очень хорошо: хотя и здѣсь встрѣчаются иногда досадные недосмотры и неточности, однако, очевидно, на этой части сочиненія авторъ сосредоточилъ главное свое вниманіе. Но вторая часть обработана значительно слабѣе, а къ концу и совсѣмъ слабо: изложеніе растянута и лишено не только надлежащей экспрессіи, но на иныхъ страницахъ и достаточной отчетливости, хотя въ самомъ концѣ сочиненія („Заключеніе“) авторъ опять поднимается на характеризующую первую часть его труда высоту отчетливой логики и убѣдительности. Введеніе же, — собственно исторія вопроса, — оставляетъ желать очень и очень многого: исторія вопроса изложена по вторымъ источникамъ и притомъ довольно безсистемно. Въ частности, съ Аристотелемъ дѣло обстоитъ у автора уже и совсѣмъ печально: мысль философа намѣчена отрывочно и неясно, — что, очевидно, зависѣло отъ обработки вопроса по вторымъ источникамъ (по Шнейдеру).

Таковы недостатки сочиненія. Изъ достоинствъ главное — очень большая освѣдомленность автора въ литературѣ вопроса: онъ перечиталъ массу сочиненій, — на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, — видимо съ большимъ вниманіемъ, и пользуется ими умѣло и разборчиво. Онъ обладаетъ недюжиннымъ критическимъ умомъ и тактомъ, внимательно взвѣшиваетъ прочитанное и, хотя сравнительно лишь очень рѣдко вступаетъ въ полемику со взглядами, которыхъ не раздѣляетъ, но свою линію ведетъ твердо и, когда тому или иному теоретику возражаетъ, то возражаетъ съ вѣсомъ. Основная религіозно-философская точка зрѣнія автора, — теистическая и, частію, апологетическая, — намѣчена опредѣленно и правильно, хотя, какъ было сказано выше, ея обоснованіе оставляетъ многого желать. Обусловлено это, повидному, отчасти тѣмъ, что авторъ затратилъ очень много времени и силъ

на ознакомленіе со спеціальной литературой вопроса, въ которой, какъ всѣ питомцы духовной школы, чувствовалъ себя новичкомъ, такъ что у него оставалось уже сравнительно мало времени и силъ на обработку философіи вопроса, отчасти же, конечно, и—чрезвычайною трудностію предмета, предъ которымъ останавливались въ изнеможеніи и несравненно болѣе ученые и опытные изслѣдователи—теоретики. Сочиненіе написано съ любовію къ дѣлу и съ большимъ усердіемъ, хорошимъ, почти безукоризненнымъ языкомъ,—строго и стильно, безъ декламационнаго пафоса, столь нерѣдкаго въ разсужденіяхъ этого рода. Одно развѣ лишь можно поставить автору въ вину, когда рѣчь идетъ о формально-литературной обработкѣ сочиненія,—неисправность греческихъ цитатъ (авторъ, на примѣръ, съ непостижимымъ упорствомъ игнорируетъ ударенія надъ греческими словами) и иногда,—рѣдко, впрочемъ,—неточность перевода съ нѣмецкаго (на примѣръ, на стр. 376 терминъ Systemkräfte авторъ переводитъ: „системы силъ“, тогда какъ слѣдовало перевести: „системныя силы“, т. е. силы организующія).

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе о. Струминскаго болѣе, чѣмъ удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„О. Струминскій въ своемъ изслѣдованіи (445 стр., первыхъ двухъ страницъ не существуетъ) устанавливаетъ невозможность объяснить явленія жизни при помощи однихъ физико-химическихъ факторовъ и необходимость познанія особаго нематеріальнаго начала, производящаго органическую жизнь. Онъ характеризуетъ жизнь признакомъ телеологичности и дѣлаетъ отсюда самъ и отчасти подсказываетъ рядъ религіозно-апологетическихъ доводовъ.

Въ своемъ сочиненіи онъ даетъ исторію вопроса и знакомитъ съ современною литературою о немъ, главнымъ образомъ—русскою и отчасти нѣмецкою.

Въ работѣ о. Струминскаго подкупаютъ интересъ и любовь, проявляемые имъ къ его темѣ. Вопросъ, видно, захватилъ его, онъ не могъ быть широко подготовленъ къ критическому обсужденію его съ естественно-научной стороны, но тѣмъ болѣе должно быть поставлено ему въ заслугу, что

онъ не растерялся, не разбросался среди безчисленнаго множества разныхъ книгъ и статей, онъ ознакомился съ существенно нужнымъ, систематизировалъ и суммировалъ изученное и далъ довольно хорошо обоснованные выводы, которые апологетъ можетъ только привѣтствовать.

Но недостатокъ подготовки и недостатокъ времени для ея восполненія, разумѣется, не могли не сказаться на его трудѣ. О. Струминскій недостаточно освоился съ естественно-научной терминологіей и естественно-научными фактами. Если бы онъ пожелалъ напечатать свое сочиненіе, то ему предварительно нужно было бы еще прокорректировать свой текстъ.

Я укажу нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіи, нуждающіяся въ поправкахъ.

На 15 стр. о. Струминскій отождествляетъ потенциалъ (= потенциальную функцію) съ потенциальной энергіей. Это—ошибочно.

На 254 стр. о. Струминскій пишетъ: „для кристалловъ характерны съ морфологической стороны ребра, углы, канты и строго геометрическія фигуры“. Этотъ тезисъ съ нѣкоторыми вариациями повторяется у него неоднократно (см. 251 стр.), но смыслъ его теменъ. Что такое „канты“? Несомнѣнно, это оставленное авторомъ безъ перевода *kante* (отсюда русскій кантъ)—линія пересѣченія двухъ плоскостей въ многогранникѣ (ребро) и вмѣстѣ съ тѣмъ двухгранный уголъ. Оно повидимому затруднило автора: углы, а потомъ опять—углы; ребра, но ребра у него тоже были, онъ и оставилъ это слово безъ перевода, но въ многогранникахъ, каковыми являются кристаллы, существуетъ три типа угловъ (тѣлесные, двухгранные и плоскіе). Эту дифференціацію угловъ авторъ не принялъ во вниманіе и у него получилось нѣчто неудобовразумительное. Неоднократно и настойчиво повторяемый авторомъ тезисъ, что кристаллы характеризуются строго геометрической фигурой, непонятенъ. И трехосный эллипсоидъ имѣетъ строго геометрическую фигуру, но эллипсоидныхъ кристалловъ нѣтъ. Кристаллы характеризуются тѣмъ, что они имѣютъ простѣйшую геометрическую фигуру, ихъ поверхности плоски, и аналитическая геометрія оперируетъ съ ними при помощи уравненій первой степени. Многимъ характеризуются кристаллы, но характеристика нашего автора ихъ не характеризуетъ.

Странныя рѣчи идутъ у автора и дальше. Онъ отрицаетъ, что форма является чѣмъ то существеннымъ для кристалла. Но это слѣдуетъ изъ самого понятія кристалла, можетъ быть впрочемъ авторомъ здѣсь допущенъ просто lapsus: поставилъ „кристалла“ вмѣсто „неорганическаго тѣла“. Но дальше онъ опять пишетъ нѣчто неладное: „сѣра существуетъ и въ видѣ кристалловъ и въ видѣ твердомъ или расплавленномъ“. Но во 1) существованіе въ видѣ кристалловъ и есть существованіе въ видѣ твердомъ (Лемановскіе жидкіе кристаллы— особая вещь), во 2) въ расплавленный, т. е. жидкій видъ можно привести всѣ тѣла, но отсюда ничего не слѣдуетъ относительно ихъ формъ въ твердомъ видѣ.

Подобныя неудачныя выраженія, представляющія собою искаженія дѣльной мысли, указываютъ, что сочиненіе нуждается въ исправленіяхъ. Хотя авторъ перечисляетъ литературу конца XIX и начала XX-го вѣка, я всетаки скажу, не ставя ему этого въ упрекъ, что онъ пользуется литературой нѣсколько устарѣвшей. Гдѣ у него разсужденіе объ опытахъ Бёрке, объ опытахъ Ледюка? Почему онъ не остановилъ вниманія на теоріи, что можетъ быть аморфнаго состоянія тѣлъ не существуетъ, а что аморфными являются тѣла, состоящія изъ микроскопическихъ кристалловъ (напр., стекло).

Повидимому безсознательно для себя авторъ нѣсколько шаржируетъ доводы противъ механизма и въ защиту витализма. Если бы дѣло обстояло такъ, какъ представляетъ онъ, механистовъ бы не было.

Но недостатки сочиненія объясняются краткостью времени, которымъ располагалъ авторъ, и характеромъ изслѣдованія, требующаго знаній, отстоящихъ далеко отъ обычныхъ академическихъ занятій. Достоинства сочиненія находятъ себѣ объясненіе въ способностяхъ автора и въ проявленной имъ любви къ изслѣдуемому вопросу. Въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе утверждаетъ читателя въ мысли, что авторъ изучилъ и сдѣлалъ много полезнаго для себя, а качества проявляемья авторомъ заставляютъ надѣяться, что въ переработанномъ и обработанномъ видѣ его сочиненіе можетъ стать полезнымъ вкладомъ въ русскую философскую и апологетическую литературу.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

46) О сочиненіи студента *Толгскаго Николая* на тему: „Надгробныя проповѣди у важнѣйшихъ представителей русскаго проповѣдничества XVIII и XIX вѣковъ“.

а) И. д. доцента Академіи *В. П. Виноградова*:

„Въ ряду различныхъ видовъ проповѣдническаго творчества надгробная проповѣдь имѣетъ печальную привиллегію: ея *raison d'être* въ гомилетической наукѣ оспаривается весьма много и чрезвычайно настойчиво. Г. Толгскому поставлена была задача—изучить всѣ доводы за и противъ надгробной проповѣди, выдвинутые въ русской и западной гомилетической литературѣ,—съ одной стороны, и изслѣдовать степень ихъ состоятельности на основаніе анализа надгробныхъ проповѣдей выдающихся отечественныхъ проповѣдниковъ XVIII—XIX в.в.—съ другой.

Соотвѣтственно двумъ сторонамъ задачи г. Толгскій и сочиненіе свое раздѣляетъ на двѣ части.

Въ первой части своего труда авторъ знакомитъ съ результатами своего изученія русской и западной гомилетической литературы. Эта часть заключаетъ четыре главы, содержаніе которыхъ опредѣляется довольно точно ихъ оглавленіями. 1 глава: Мнѣнія русскихъ проповѣдниковъ и представителей гомилетической науки по вопросу о надгробныхъ проповѣдяхъ. 2-я: Воззрѣнія протестантской гомилетической науки на проповѣдь вообще и надгробныя проповѣди въ частности. 3-я: Воззрѣнія католической гомилетической науки по тѣмъ же вопросамъ. 4-я: Общія выводы изъ анализа мнѣній западной гомилетической науки католическаго и протестантскаго направленій и опредѣленіе точекъ зрѣнія для научно-гомилетическаго изслѣдованія вопроса о надгробныхъ проповѣдяхъ. Поставленная здѣсь авторомъ часть задачи выполнена съ самой похвальной добросовѣстностью и достаточнымъ успѣхомъ. Авторъ чрезвычайно тщательно собралъ и проанализировалъ все то случайное и отрывочное, что когда либо было высказано о надгробныхъ проповѣдяхъ въ русской гомилетической литературѣ. Не менѣе тщательно онъ ознакомился со взглядами на надгробную проповѣдь въ западной наукѣ, въ двухъ ея главнѣйшихъ развѣтвленіяхъ—протестантскомъ и католическомъ. Для этой цѣли ему были указаны мною соотвѣтствующіе отдѣлы въ

трудахъ Palmer'a, Christlieb'a, Krauss'a, Bassermann'a, Niebergall'a, Hettinger'a, Kunze и нѣкоторыхъ другихъ. Но авторъ не удовольствовался изученіемъ лишь указанныхъ ему отдѣловъ; онъ постарался изучить взгляды иностранныхъ гомилетовъ на надгробную проповѣдь въ органической связи съ общимъ духомъ и цѣлымъ строемъ ихъ гомилетическихъ системъ, опредѣляемыхъ конфессіональными началами. Правда, авторъ разбирается здѣсь не всегда достаточно хорошо, но большаго и несправедливо было бы требовать отъ человѣка, впервые очутившагося среди разнообразныхъ теченій западной научно-гомилетической мысли. Результаты своего изученія авторъ изложилъ достаточно основательно и въ методологическомъ отношеніи довольно удачно. Всѣ доводы за и противъ надгробной проповѣди авторъ свелъ къ пяти основнымъ пунктамъ: тема проповѣди, утѣшительный элементъ, воспоминательно-личный, религиозно-этический, публицистическій. Эти пять пунктовъ онъ затѣмъ во второй части въ соответствующихъ пяти главахъ и ставитъ объектами научнаго интереса при изученіи надгробныхъ проповѣдей русскихъ проповѣдниковъ. Онъ разсматриваетъ, какъ, въ какомъ видѣ каждый изъ этихъ элементовъ выступаетъ въ надгробныхъ проповѣдяхъ различныхъ проповѣдниковъ различныхъ эпохъ, различныхъ направленій, равно какъ и у одного и того же проповѣдника и затѣмъ устанавливаетъ, насколько уродливыя, съ точки зрѣнія гомилетической теории, формы, въ которыхъ по временамъ выступаютъ указанные элементы, и на наличности которыхъ строятся всѣ возраженія противъ надгробной проповѣди, являются устойчивыми и слѣдовательно неизбѣжными въ надгробной проповѣди. Авторъ всюду приходитъ къ выводу, что уродливыя формы, хотя и часты, но не неизбѣжны и потому не вытекаютъ изъ самой природы надгробной проповѣди и ея не характеризуютъ и, слѣдовательно, отнюдь не должны служить къ оспариванію *raison d'être* надгробной проповѣди. Надгробная проповѣдь есть несомнѣнно труднѣйшая и наиболѣе скользкая область проповѣдническаго творчества, но однако и любопытнѣйшая въ научномъ отношеніи, плодотворнѣйшая — въ практическомъ, область, гдѣ творчество уходитъ своими психологическими корнями и дѣйствіемъ въ самыя интимныя глубины вѣрующей христіанской лич-

ности. — Выводы автора исторически-документально обоснованы и вполне правильны: онъ удачно, сознательно—методично оперируетъ надъ длиннѣйшимъ рядомъ проповѣдей около двадцати лучшихъ проповѣдниковъ XVIII—XIX в.в. Въ серьезный упрекъ автору могу поставить лишь нѣкоторую, по временамъ сильно дающую себя чувствовать, небрежность изложенія. Правда, лично я далеко не совѣмъ согласенъ съ его опредѣленіемъ точекъ зрѣнія для анализа надгробныхъ проповѣдей, особенно съ принятой для нихъ терминологіей, но во всякомъ случаѣ авторъ, съ своей стороны, для своего опредѣленія и терминологіи имѣлъ достаточныя основанія въ изученной имъ отечественной и западной го-милетической литературѣ.

За свой трудъ, выполненный добросовѣстно, въ общемъ успѣшно и съ любовію (посвященъ памяти почившаго отца), авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе читается съ интересомъ. Авторъ много потрудился для изслѣдованія вопроса о надгробныхъ проповѣдяхъ, мало разработаннаго въ русской литературѣ, въ виду чего ему пришлось обратиться къ литературѣ западной и прослѣдить рѣшеніе этого вопроса у католическихъ и протестантскихъ ученыхъ. Въ сочиненіи, мнѣ кажется, можно отмѣтить одинъ пробѣлъ: автору слѣдовало бы прослѣдить рѣшеніе этого вопроса, хоть вкратцѣ, у древнихъ отцовъ церкви, а пожалуй даже и у языческихъ риторовъ. Правда, онъ пишетъ о проповѣдяхъ XVIII и XIX вѣковъ; но если вспомнить, что и новая христіанская наука имѣетъ въ своемъ основаніи древнюю, то, можетъ быть, теоріи древнихъ риторовъ и основанныя на этихъ теоріяхъ надгробныя слова древнихъ отцовъ церкви (напр. св. Григорія Богослова) объяснили бы кое-что и въ проповѣдяхъ новаго времени. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе—очень хорошее“.

47) О сочиненіи студента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)* на тему: „Антропология преподобнаго Симеона Новаго Богослова“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ прекрасно справился съ задачей своего труда.

Въ виду почти полнаго отсутствія въ нашей русской богословской литературѣ (есть только изслѣдованіе Мартынова „Ученіе св. Григорія Нисскаго о природѣ человѣка“) работъ по святоотеческой антропологии, автору приходилось вполне самостоятельно вырабатывать какъ планъ своей работы, такъ и выяснять сложные вопросы, относящіеся къ области антропологии, напр. о составѣ человѣка, о душѣ и ея свойствахъ, объ образѣ Божіемъ, о характерѣ жизни первозданнаго человѣка въ невинномъ состояніи, о грѣхѣ въ его проявленіяхъ и воздѣйствіи на внутреннюю природу человѣка и проч. Правда, авторъ самъ говоритъ еще о двухъ монографіяхъ по антропологии, которыя у него были подъ руками: *Клебоа*: „Антропология св. Иринея“ и *Фоверштайна*: „Антропология Таціана“; но самъ же онъ вполне опредѣленно и, по нашему мнѣнію, вполне основательно указываетъ и недостатки ихъ. Поэтому и заимствовать изъ нихъ что-либо полезное и руководящее къ его собственной работѣ, исключая развѣ общей схемы построенія работы, онъ не могъ. Если-же принять во вниманіе, что литературы о самомъ преп. Симеонѣ почти совсѣмъ нѣтъ, ни у насъ, ни на западѣ (на западѣ можно указать развѣ только на сочиненіе Голль'я: *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum*, Leipzig 1895; Крумбахера: *Geschichte der byzantinischen Litteratur*“, München 1897; но эти сочиненія, какъ видно, общаго характера, а не специально по изслѣдованію писаній преп. Симеона), то *самостоятельность работы* автора должна быть особенно оцѣнена и указана въ качествѣ главнаго достоинства его работы. Кто знакомъ съ трудами св. отцовъ, въ частности съ писаніями аскетовъ, полныхъ индивидуальной своеобразности въ пониманіи вопросовъ и пунктовъ христіанскаго міровоззрѣнія; отличающихся почти всегда отсутствіемъ послѣдовательности въ раскрытіи основныхъ положеній, тотъ можетъ оцѣнить трудъ о. Пантелеимова и понять, какъ нелегко было ему и уяснить, и привести въ систему мысли преп. Симеона въ его ученіи о человѣкѣ. Это и потому особенно, что вѣдь антропология, какъ у всѣхъ почти св. подвижниковъ-писателей, такъ и у преп. Симеона, не выдѣлена въ писаніяхъ, какъ особый предметъ изслѣдованія, а раскрыта въ общей массѣ писаній по разнымъ вопросамъ и подвижнической жизни, и богословія вообще, и хринологіи

въ частности, и проч. Автору пришлось неоднократно перечитывать и выбирать изъ твореній преп. Симеона то, что относилось-бы къ темѣ. А кто знаетъ писанія преп. Симеона, тотъ пойметъ, какъ труденъ онъ для пониманія—недаромъ же онъ и названъ „Новымъ Богословомъ“,—какъ своеобразенъ и необыченъ въ сужденіяхъ о вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, въ силу особенной глубины личнаго духовнаго опыта и уразумѣнія, открываемаго только духовнымъ сезерцаніемъ. Авторъ преодолѣлъ не только эти трудности, но сдѣлалъ еще больше: поставилъ въ связь богословствованіе преп. Симеона съ данными предшествующей святоотеческой мысли, почти во всѣхъ пунктахъ, которыхъ онъ касался въ своемъ сочиненіи; указалъ соотношеніе съ философіей древности и съ психологіей современности. Текстъ твореній преп. Симеона въ русскомъ переводѣ авторъ постоянно повѣряетъ по латинскому подлиннику, какъ онъ изданъ у Migne'я. Повторяемъ: со стороны серьезности, научной добросовѣстности и самостоятельности сочиненіе о. Пантелеимона производитъ прекрасное впечатлѣніе. Тонъ сочиненія спокойный, говорящій самъ за себя въ смыслѣ серьезности научнаго анализа и увѣренности автора въ томъ, что онъ обдумалъ и говоритъ, и перспектива работы широкая. Во Введеніи намъ, напр., очень понравилось самое объясненіе плана работы и установка самаго термина „Антропологія“ (стр. 51—55), съ критической оцѣнкой упомянутыхъ нами сочиненій въ области святоотеческой антропологіи. Правда, употребляемые имъ на стр. 55 соч. термины „библейская“ и „христіанская“ антропологія требовали-бы бѣльшаго раскрытія или вѣрнѣе бѣльшей осторожности въ виду возможнаго неправильнаго пониманія ихъ. Все сочиненіе о. Пантелеимона состоитъ изъ 5 отдѣловъ, съ подраздѣленіемъ каждой на части—(всего съ Введеніемъ и Заключеніемъ 287 стр.), и въ смыслѣ плана вполне цѣлесообразно, обнимая всѣ пункты антропологіи въ ихъ органической связи и преемственности.

Особенно хороши у автора первые 3 отдѣла, по полнотѣ и основательности раскрытія вопроса: о составѣ природы человѣка, о содержаніи жизни человѣческой до грѣхопаденія, о самомъ грѣхопаденіи и слѣдствіяхъ его какъ для природы человѣка, такъ и вообще для его жизни. Намъ кажется, что

автору удалось особенно хорошо уяснить этот неясный вопрос о составѣ природы человѣка: трехчастенъ или двухчастенъ человѣкъ? Авторъ, на основаніи твореній преп. Симеона и снесенія его ученія съ ученіемъ св. отцовъ древнѣйшихъ, признаетъ послѣднее, отлично выясняя термины „духъ“ и „душа“ въ ихъ сравнительномъ значеніи; очень хорошо раскрываетъ и понятіе образа Божія въ человѣкѣ. Для человѣка мало знакомаго съ вопросами антропологии вообще и святоотеческой въ частности въ сочиненіи о. Пантелеимона дано прекрасное, научное и въ то же время простое раскрытіе трудныхъ пунктовъ въ этой области, и вся святоотеческая мысль выражена очень выпукло и опредѣленно, съ указаніемъ ея разнообразныхъ направленій.

Во 2 и 3 отдѣлахъ данъ хорошій психологическій анализъ и характеристика внутреннего міра человѣческой личности до грѣха и послѣ грѣха, вполне объясняющій тѣ особенности въ ученіи христіанства о жизни человѣческой, которыя кажутся многимъ странными; разумѣемъ своеобразность, съ мірской точки зрѣнія, христіанскихъ нравственныхъ требованій, необходимость подвижничества и пр.

Слабѣе другихъ отдѣловъ намъ представляется отдѣлъ 4-й гдѣ изображается „облагодатствованный“ человѣкъ. Авторъ здѣсь касается вопроса объ аскетизмѣ и, думается, не достаточно выпукло отгвѣнилъ ту мысль, что аскетизмъ долженъ разсматриваться какъ часть антропологии, именно той части въ ней, которую онъ называетъ „христіанской“. Скажемъ даже, что эта часть „христіанской антропологии“ (аскетизмъ) должна быть выдвинута на особое мѣсто и ей удѣлено больше вниманія, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ. Онъ ограничился только, можно сказать, описательнымъ изображеніемъ „облагодатствованнаго“ человѣка, а самаго процесса „облагодатствованія“ и не раскрылъ. Авторъ, напр., не говоритъ: чѣмъ и какъ очищается у человѣка *умъ, воля и сердце*. Нужно бы еще опредѣленнѣе уяснить: тождественны ли понятія „благодать Св. Духа“ и „Духъ Святой“, которые вселяются „въ облагодатствованнаго“ человѣка. Эту нецелоту 4-го отдѣла мы указываемъ не съ цѣлю умалить цѣнность и достоинство работы, а съ тѣмъ, чтобы этотъ пробѣлъ авторъ восполнилъ. Быть можетъ, онъ самъ и иначе смотритъ на отношеніе вопроса объ аскетизмѣ въ системѣ антропологии, но намъ

кажется, что этотъ вопросъ долженъ войти особымъ отдѣломъ въ общую антропологическую работу и придать ей полноту и интересъ и ту своеобразность, которою христіанская антропология должна отличаться отъ всякой другой, какъ христіанская жизнь рѣшительно отличается отъ всякой другой нравственной жизни. Если автору удастся также хорошо ввести въ свое сочиненіе и раскрыть вопросъ о подвижничествѣ, какъ это онъ сдѣлалъ съ другими вопросами своей работы, то изъ его настоящей работы получится прекрасная магистерская диссертация и онъ внесетъ цѣнный вкладъ въ богословскую литературу, восполнивъ ея пробѣлъ по части святоотеческой антропологии. Въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе о. Пантелеимона не только достойно степени кандидата богословія, но и заслуживаетъ особой похвалы“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Талантливая работа студента іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго), посвященная мало обслѣдованному въ нашей богословской литературѣ вопросу, предваряется обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ, въ связи съ данными біографіи выдающагося оригинальнаго мистика греческой церкви, выясняется сущность антропологии и значеніе ея для теологии, этики, философіи и другихъ наукъ. Въ слѣдующихъ, затѣмъ, пяти отдѣлахъ авторъ въ строгой связи и послѣдовательности излагаетъ взгляды преподобнаго Симеона на духовно-тѣлесную природу человѣка вообще, на состояніе первозданнаго человѣка до грѣхопаденія и послѣ него, на состояніе благодатно-возрожденнаго человѣка и на его посмертное состояніе и воскресеніе. Въ краткомъ заключеніи авторъ резюмируетъ взгляды преподобнаго Симеона на человѣка, „какъ тварно-ограниченнаго, но разумно-свободнаго существа“.

Несомнѣнно, что антропология „Новаго Богослова“ представляетъ особый интересъ, какъ антропология мистика-подвижника, всегда хранившаго „резвѣнное самоуглубленіе“ и потому даващаго цѣнные богословскія сужденія особенно по вопросу о внутренней природѣ человѣка и его духовной христіанской жизни.

Разумѣется, что для полнаго пониманія всей высоты духовнаго созерцанія преподобнаго Симеона нужно обладать

способностию къ психологическому анализу, нужно, далѣе, знать творенія отцовъ церкви и подвижниковъ, которыхъ часто цитируетъ и еще чаще просто имѣетъ въ виду преподобный Симеонъ. Таковы, на примѣръ, Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Лѣствичникъ. И авторъ въ своей работѣ всюду является знатокомъ святоотеческой литературы по вопросамъ антропологии. Уже это одно заставляетъ признать въ авторѣ убѣжденнаго и опытнаго богослова-работника, который, очевидно, опредѣлилъ для себя выборъ темы не случайными обстоятельствами, а достаточной подготовкой къ рѣшенію поставленнаго въ ней вопроса.

Впрочемъ, тема о Пантелеимона расширяла задачу его работы: онъ долженъ былъ не только излагать взгляды преподобнаго по его твореніямъ, но предварительно собрать нужный ему матеріалъ и опредѣлить относительную цѣнность русскихъ переводовъ отдѣльныхъ произведеній преподобнаго Симеона сравнительно съ собранными твореніями, на примѣръ, въ патрологии Migne'я. Авторъ и въ этой части своего труда остается серьезнымъ работникомъ, который всюду умѣетъ извлекать наиболѣе цѣнное для него.

Съ должнымъ вниманіемъ отнесся авторъ и къ очень небогатой, правда, русской литературѣ, касающейся вопросовъ антропологии (къ сочиненіямъ этого рода относится едва ли не единственное сочиненіе Мартынова „Ученіе св. Григорія еп. Нисскаго о природѣ человѣка“) и къ не особенно богатой западной. Авторъ обнаружилъ обстоятельное знакомство какъ съ русскою, такъ и съ западною литературою, дающею и характеристику личности преподобнаго Симеона.

Правда, глубокое мистическое богословствованіе преподобнаго Симеона иногда недостаточно, какъ будто, усваивалось авторомъ и вызывало у него нѣкоторое колебаніе при систематизаціи взглядовъ Новаго Богослова. Это замѣтно, на примѣръ, при уясненіи имъ духовныхъ способностей человѣка (въ 1-мъ отдѣлѣ). Но мы думаемъ, что при незначительной дополнительной обработкѣ своего сочиненія авторъ дастъ твердые положительные выводы и относительно тѣхъ пунктовъ богословствованія преподобнаго Симеона, по которымъ не дано пока опредѣленнаго рѣшенія.— и тѣмъ самымъ восполнить небольшіе недочеты своей прекрасной въ цѣломъ кандидатской работы.

Въ виду сказаннаго, мы признаемъ сочиненіе о. Пантелеимона не только заслуживающимъ степени кандидата богословія, но и особаго одобренія“.

48) О сочиненіи студента *священника Филипповскаго Бориса* на тему: „Историческія судьбы народовъ Палестины до завоеванія ея евреями“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сравнительно небольшое по объему (252 стр.) сочиненіе о. Филипповскаго состоитъ изъ девяти главъ съ приложеніемъ указателя источниковъ и пособій, нѣсколькихъ снимковъ съ древнихъ памятниковъ и родословнаго дерева древнихъ народностей востока. Въ 1-й главѣ авторъ предпосылаетъ сочиненію предварительныя замѣчанія, выясняющія общій характеръ и библейско-апологетическую задачу его изслѣдованія, географическій объемъ термина „Палестина“ и вопросы хронологіи. Во 2-й главѣ говорится о вліяніи географіи и топографіи Палестины на судьбу древнихъ народовъ, населявшихъ ее. Въ 3-й главѣ, на основаніи данныхъ Библии, преданій народовъ и новѣйшихъ открытій въ области ориэнтологии, дѣлаются замѣчанія о Палестинѣ въ допотопныя времена. Въ главахъ 4—8 авторъ обслѣдуетъ историческую судьбу древнихъ народовъ Палестины: рефаимовъ, хананеянъ, аммореевъ, хеттеевъ, филистимлянъ и др. Сочиненіе заканчивается (9-я глава) общимъ замѣчаніемъ о Божественномъ Промыслѣ въ судьбахъ древнихъ народовъ Палестины.

Въ цѣломъ сочиненіе о. Филипповскаго представляетъ изъ себя опытъ серьезной научной разработки очень сложнаго, мало обслѣдованнаго въ русской библейско-богословской литературѣ, вопроса. Нужно замѣтить, что вопросъ о древнихъ народахъ Палестины давно уже интересуетъ видныхъ представителей западной богословской науки. Такъ, въ послѣднее время тамъ появились труды, относящіяся къ указанному вопросу, такихъ видныхъ ученыхъ, какъ, напри- мѣръ, Sayce, Meyer, Müller. Между тѣмъ, наша библейско-богословская литература очень бѣдна изслѣдованіями подобнаго рода, которыя тѣмъ необходимѣе, что русскому

библейсту-богослову приходится довѣрять авторитету западныхъ ученыхъ, нерѣдко дающихъ тенденціозное освѣщеніе вопросу о расселеніи народностей древней Палестины. Сочиненіе о. Филипповскаго и даетъ критическую оцѣнку различныхъ взглядовъ на исторію народовъ древнѣйшей Палестины. Онъ привлекаетъ въ свое изслѣдованіе въ качествѣ аргументаціи не только данныя основного первоисточника— Библии, но и—новѣйшія данныя оріентологии. Онъ умѣло разбирается въ деталяхъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, въ вопросѣ о „хеттеяхъ“, о „хабири“ и т. п. Рецензенту приходится пожалѣть только о томъ, что авторъ не могъ, по незнанію англійскаго языка, ознакомиться съ библейско-историческою литературою британскихъ ученыхъ. Но за то онъ хорошо знакомъ съ лучшими работами, уясняющими его вопросъ, нѣмецкихъ ученыхъ, напр., Ebers'a, Kohler'a, Dupcker'a, Müller'a и др. Сочиненіе о. Филипповскаго обнаруживаетъ обстоятельное знакомство его не только съ монографіями русскихъ богослововъ (напр. изслѣд. іером., нынѣ архіеп., *Платона*, *Древній Востокъ*), но и съ журнальными статьями.

Имѣются, конечно, въ сочиненіи о. Филипповскаго и недостатки. Такъ, говоря о судьбахъ древнихъ народовъ Палестины, онъ главнымъ образомъ останавливаетъ свое вниманіе на начальной исторіи этихъ народовъ, пытается отмѣчать преимущественно первые моменты ихъ появленія въ исторіи и мало интересуется ихъ историческою судьбою, что онъ обязанъ былъ сдѣлать какъ библеистъ. Его общее замѣчаніе о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи древнихъ народовъ является довольно поверхностнымъ. Нельзя согласиться также съ его разграниченіемъ вліянія на судьбу древнихъ народовъ сначала Вавилона и потомъ Египта (стр. 37 и дал.). Современные панвавилонисты говорятъ объ исключительномъ и постоянномъ вліяніи на палестинскіе народы однихъ только вавилонянъ, тогда какъ болѣе безпристрастные историки устанавливаютъ фактъ одновременнаго вліянія на народы древней Палестины какъ Вавилона, такъ и Египта. Его заключеніе о томъ, что Телль—амарнская клинопись (стр. 177) говоритъ о безусловномъ вліяніи на народы древняго міра Вавилонянъ, можетъ быть оспариваемо на томъ основаніи, что языкъ дипломатическихъ сношеній не всегда ручается

за культурное преобладаніе народа, языкъ котораго принять дипломатами.

Но отмѣченные нами недочеты, въ виду указанныхъ ранѣе достоинствъ сочиненія о. Филипповскаго, который всегда является въ своей работѣ убѣжденнымъ и вдумчивымъ богословомъ-апологетомъ, не могутъ быть поставлены ему въ серьезную вину. Его трудолюбіе и способность къ ориентировкѣ въ сложныхъ вопросахъ даютъ основаніе надѣяться, что онъ работалъ не только ради степени кандидата богословія, которую онъ вполне заслужилъ, но и ради нашей богословской науки. Ради этого же онъ долженъ приложить и новое усердіе, чтобы его трудъ, послѣ обработки и дополненій, появился въ печати“.

6) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Предварительныя замѣчанія о методѣ и планѣ сочиненія, географическое значеніе термина „Палестина“ и невозможность точной хронологіи по первоисторіи человѣчества (глава первая, стр. 1—21),—вліяніе географическаго положенія Палестины на исторію ея народовъ (глава вторая, стр. 22—40),—допотопная Палестина (глава третья, стр. 41—74),—Палестина послѣпотопная: Рефаимы (глава четвертая, стр. 75—106), Хананеи (главы пятая и шестая, стр. 107—208), Хеттеи (глава седьмая, стр. 209—221) и Филистимляне (глава восьмая, стр. 222—241)—на основаніи Библии, данныхъ археологіи и свидѣтельствъ исторіи: таково содержаніе сочиненія о. Филипповскаго, добытое путемъ тщательнаго изученія многочисленныхъ, иностранныхъ и русскихъ, трудовъ, относящихся къ данному предмету (въ приложеніи къ тетради авторомъ названы 52 пособия). Опредѣленіе расъ Палестины до завоеванія ея Евреями,—раскопки и археологическіе остатки каменныхъ издѣлій,—сходство облика Аккадянъ съ Хеттеями по египетскимъ и аккадскимъ изображеніямъ,—сравненіе китайскаго языка съ древне-аккадскимъ и сближеніе русскаго „китаецъ“ съ древнимъ „хеттей“,—египетскіе папирусы, іероглифы, клинописи и др. многое въ томъ же родѣ: все это такія области научныя, въ конхъ трудно быть пол-

нымъ хозяиномъ-спеціалистомъ даже для заматорѣлыхъ мужей науки, а для студента—хотя бы даже грамотно-ученымъ начетчикомъ. Такимъ образомъ нашему автору, какъ еще только начинающему дѣло ученому работнику, предстояла здѣсь печальная участь потеряться въ безконечномъ компилированіи или переписываніи чужихъ словъ, не только безъ провѣрки ихъ по первоисточникамъ, но даже и безъ самостоятельно-научнаго ихъ усвоенія и сознательной обработки. Но отъ этой опасности спасла нашего автора усвоенное имъ и строго проведенное библейско-церковное воззрѣніе на судьбы человѣчества вообще и на исторію Палестины въ частности. Это дало автору надежную путеводную нить въ лабиринтъ многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ науки по излагаемому имъ предмету. Проницательнымъ взоромъ отмѣчаетъ онъ въ массѣ бывшаго у него матеріала и умѣлою рукою отбираетъ все, служащее здѣсь къ установу и раскрытію той непреложной истины, что ведущій человѣчество ко спасенію Промыслъ явно руководилъ и историческими судьбами народовъ Палестины до завоеванія ея Евреями, постепенно подготавливая святую землю для исторіи богоизбраннаго народа, пока не возсіялъ изъ него Свѣтъ людей. Освѣщая и одухотворяя этой идеей свои частныя разсужденія во всѣхъ восьми главахъ, авторъ отдѣльно и подробно раскрываетъ ее въ послѣдней заключительной главѣ (девятой, стр. 242--252), чѣмъ сообщаетъ всему разсужденію своему стройность и законченность. Кромѣ этой общезнакомой идеи, авторъ сумѣлъ извлечь изъ изученнаго имъ матеріала многочисленныя частныя доказательства исторической достовѣрности всѣхъ, содержащихся въ Библии, датъ относительно историческихъ судьбъ народовъ Палестины до завоеванія ея Евреями и тѣмъ содѣйствовалъ посильному съ своей стороны уясненію безусловной неизблемости авторитета Библии, какъ богооткровеннаго Писанія. Благодаря этому, а также ясному и отчетливому изложенію, сочиненіе о Филипповскаго читается съ большимъ интересомъ и представляетъ строго-научный историко-апологетическій трудъ, не только вполне достойный ученой степени кандидата богословія, но и заслуживающій поощренія для дальнѣйшей разработки“.

49) О сочиненіи студента священника *Четверухина Ильи* на тему: „Аскетическое міровоззрѣніе преп. Исаака Сирина“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Сочиненіе производитъ весьма хорошее впечатлѣніе удачнымъ сочетаніемъ научности съ простотой, качества обычно весьма рѣдкаго въ студенческихъ работахъ. Подъ первымъ мы разумѣемъ весьма основательное изученіе авторомъ твореній преп. Исаака Сирина какъ по русскому переводу его въ разныхъ изданіяхъ (т. е. Московской Академіи и Петербургской), такъ и по славянскому и по имѣющимся иностраннымъ изданіямъ. Подъ послѣдними мы главнымъ образомъ разумѣемъ книжку французскаго ученаго сиріолога аббата Chabot, подъ заглавіемъ „De s. Isaaci Ninivitae vita, scriptis et doctrina“, которая дала, вмѣстѣ съ другимъ изданіемъ этого ученаго француза (изданіе творенія сирскаго историка VIII в. Іезудены, еп. Басры), автору богатый матеріалъ какъ для біографіи преподобнаго, такъ и для изученія текста его твореній.

Достаточно упомянуть или вѣрнѣе отмѣтить въ сочиненіи автора хотя то весьма цѣнное качество, что многія мѣста твореній преп. Исаака въ русскомъ переводѣ сравнены и исправлены по Chabot, таковы на стр.: 112, 142, 144, 147, 150, 151, 158, 170, 185, 188, 194, 199. Къ крупнымъ научнымъ достоинствамъ работы свящ. Четверухина нужно особенно отнести прекрасно составленную біографію преп. Исаака. У насъ въ русской богословской литературѣ почти совсѣмъ нѣтъ трудовъ объ Исаакѣ Сиринѣ, за исключеніемъ небольшой книжки Еп. Іустина подъ заглавіемъ: „Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина“; а біографіи этого преп. отца, болѣе или менѣе полно и научно составленной, и совсѣмъ нѣтъ; его даже смѣшиваютъ съ другимъ Исаакомъ. Авторъ прекрасно восполнилъ этотъ пробѣлъ и даетъ біографію, основанную на серьезномъ изученіи западной литературы объ Исаакѣ Сиринѣ. Несомнѣнно весьма и весьма многіе даже не знаютъ, что въ отношеніи къ личности преп. Исаака можетъ быть поставленъ вопросъ даже объ его православіи. На Западѣ такъ и рѣшенъ вопросъ о православіи преп. Исаака въ отрицательномъ смыслѣ. На основаніи свѣдѣній, которыя даетъ Сирскій историкъ Іезудена у Chabot, тамъ окончательно рѣшено, что преп. Исаакъ Сиринъ—весторіа-

нинъ. Нашъ авторъ прекрасно рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу православія преп. Исаака Сирина. Повторяемъ, что въ смыслѣ основательнаго знакомства съ иностранной и скудной русской литературой о преп. Исаакѣ и его трудахъ авторъ сталъ на высоту своей задачи.

Второе достоинство сочиненія—простота, нисколько не затушевывающая его научныхъ достоинствъ, состоитъ въ томъ, что авторъ съумѣлъ въ весьма естественномъ планѣ, въ ясныхъ и опредѣленныхъ понятіяхъ, въ краткой и сжатой рѣчи выразить мысли философа подвижника, приблизить его къ обычному пониманію настолько, что сочиненіе можетъ быть популярнымъ настолько же, насколько и научнымъ. Обычное для студенческихъ работъ пристрастіе къ философской фразеологіи и высокому стилю, къ громаднымъ выдержкамъ, совершенно отсутствуетъ у автора. Сочиненіе просто, ясно и потому легко читается; это конечно плодъ серьезной продуманности и глубокаго уразумѣнія глубокой подвижнической философіи преп. Исаака. Все это, отмѣченное нами въ качествѣ главныхъ и существенныхъ достоинствъ сочиненія, не умаляется и тѣми недочетами, кои свойственны всякой студенческой работѣ по силѣ краткости самаго времени для работы.

У автора все сочиненіе состоитъ: изъ Введенія (1—41 стр.), 4 главъ (41—196) и заключенія (197—201).

Во введеніи авторъ даетъ намъ біографію преп. Исаака и свѣдѣнія по литературѣ предмета; все, что здѣсь говоритъ авторъ, прекрасно и очень цѣнно въ научномъ отношеніи. 1-я глава у него озаглавляется: „Основы и задачи христіанскаго подвижничества по Исааку“. Здѣсь можно указать слѣдующіе недочеты: основное положеніе автора объ основаніи христіанскаго подвижничества по Исааку въ *самой природѣ челоювка* (стр. 42) нужно-бы сразу-же подтвердить цитатой изъ Исаака Сирина, а потомъ уже и раскрывать его изложеніемъ антропологии по Исааку. И въ дальнѣйшемъ у автора недостаетъ весьма важной цитаты, какую можно было взять у преп. Исаака (сл. 3), касающейся опредѣленія понятія „страсти“ (стр. 42). У автора сужено понятіе „страсти“ и не дано достаточнаго различія естественной страсти (потребности) отъ неестественной и не выясненъ переходъ первой (естественной страсти) въ неестественную (стр. 42—48 соч.). Вотъ по-

чему и получается нѣкоторая неясность въ раскрытіи той мысли Исаака, что „страсти вложены“ какъ будто на пользу Богомъ въ природу человѣка и что они-то и вредятъ ему.

Вторую (2) главу: „Условія существованія и успѣха христіанскаго подвижничества“, въ зависимости отъ содержанія ея лучше бы, думается, озаглавить такъ: „Исходное начало и условія осуществленія подвижничества“, о чемъ собственно и говоритъ авторъ, и нужно-бы для планомѣрности поставить дѣленія: 1) средства къ осуществленію подвижничества со стороны самого человѣка и 2) средства со стороны Бога и Его благодати; этой выдержанности дѣленія у автора въ строгомъ смыслѣ нѣтъ. У него нѣтъ опредѣленія по существу благодати, какъ внутренне дѣйствующей въ подвизающемся силы Божіей; терпѣніе и смиренномудріе раскрыты болѣе описательно, чѣмъ психологически, при чемъ нѣтъ уясненія различія *смиренія* отъ *смиренномудрія*, тогда какъ у преп. Исаака это различіе прямо указывается в. опредѣленно (см. стр. Исаака Сир. 184, 237, 238) и въ томъ смыслѣ, что смиренномудріе только у совершенныхъ. Авторъ не разъясняетъ этого различія, а ограничивается только выдержками (см. 97 стр. его соч.), не вводя своего психологическаго анализа.

3 глава сочиненія „О подвижническомъ дѣланіи“ и 4 гл. „Конецъ и вѣнецъ христіанскаго подвижничества—духовное вѣдѣніе“; обѣ выполнены очень хорошо, не смотря на то, что матеріаль послѣдней главы касается самаго труднаго для уясненія пункта въ ученіи преп. Исаака—ученія о „вѣдѣніяхъ“.

Главное, что здѣсь въ 4-й главѣ можно поставить въ упрекъ автору, это суженіе или ограниченіе понятія „естественное вѣдѣніе“, которое у преп. Исаака обозначаетъ общую способность познанія и извѣстнаго жизнеопредѣленія, въ зависимости отъ того, какъ раскрывается это познаніе (см. Ис. Сир. стр. 135, 130, 131). „Вѣдѣніе есть Божіе даяніе естеству разумныхъ тварей, данное въ началѣ при ихъ созданіи, и оно по природѣ своей просто и недѣлимо какъ солнечный свѣтъ, но сообразно съ дѣланіемъ своимъ пріобрѣтаетъ измѣненія и дѣленія“ (стр. 131). Эти измѣненія и дѣленія формируются по ученію Исаака Сир. въ трехъ типахъ: вѣдѣніе тѣлесное, душевное и духовное, и каждое изъ нихъ выражаетъ цѣльное жизнепониманіе и жизнеопредѣленіе, а не только гносеоблогическую формулу (особ. ясно изъ слова преп.

Исаака 26). У автора-же опускается изъ вниманія это широкое понятіе „вѣдѣнія“ и подѣ „естественнымъ вѣдѣніемъ“ онъ разумѣеть уже „душевное вѣдѣніе“ (2-й типъ вѣдѣнія), способность различать добро и зло (см. стр. соч. 172 и слѣд.).

Вотъ почему быть можетъ у автора замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, когда онъ говоритъ, что подвижничество ведетъ какъ будто человѣка къ возвращенію къ естественному вѣдѣнію (177 стр.) и въ то же время какъ будто ведетъ къ новому вѣдѣнію и къ вѣрѣ (178 стр.), а естественное только помогаетъ.

Авторъ почему-то говоритъ „что вѣдѣніе противно вѣрѣ“ (стр. 181), что уже противорѣчитъ словамъ на 178 стр., гдѣ сказано, что подвижничество ведетъ къ вѣрѣ, къ новому духовному вѣдѣнію... т. е. вѣра и духовное вѣдѣніе какъ бы отождествляются. На самомъ дѣлѣ нужно въ данномъ случаѣ къ слову вѣдѣніе прибавить слово „естественное“ какъ у автора дальше и раскрывается, а о вѣрѣ и *духовномъ вѣдѣніи* сказать, что вѣра и духовное вѣдѣніе не тождественны, что можно думать по словамъ автора (178 стр.). У преп. Исаака прямо говорится, что духовное вѣдѣніе раждаетъ „вѣру истиннаго созерцанія“ (см. стр. 397 Ис. Сир.). „Духовное вѣдѣніе—ощущеніе сокровеннаго“ (394 стр. Ис. Сир.); „отъ него раждается „вѣра вторая“—созерцательная“. Вотъ это различіе въ понятіи „вѣрѣ“—вѣра „вторая“ и вѣра „первая“ (стр. 394) и опущено изъ вниманія авторомъ. А между тѣмъ это-бы могло ему въ ясности изложенія самаго ученія о „вѣдѣніяхъ“. Онъ бы понялъ, почему „вѣдѣніе“ противно „вѣрѣ“ и какое вѣдѣніе и какой вѣрѣ противно. Мысль преп. Исаака въ общемъ та, что вѣра есть актъ познанія и воспріятія цѣльный, простой—она есть зрѣніе; а вѣдѣніе *есть процессъ* познавательный—*сложный* (см. 125 стр. Ис. Сир.). Впрочемъ спѣшимъ оговориться, что все сказанное авторомъ въ этой 4 гл. о „вѣдѣніяхъ“ по существу не искажаетъ мыслей преп. Исаака; оно не исчерпываетъ всего предмета въ деталяхъ, а въ общемъ ходѣ работы прекрасно заканчиваетъ общее выясненіе аскетическаго міровоззрѣнія преп. Исаака, одного изъ глубокомысленнѣйшихъ отцовъ-аскетовъ Востока.

Сочиненіе послѣ небольшой обработки могло бы быть съ пользой для читателей издано и въ печатномъ видѣ. Степени кандидата богословія авторъ сочиненія вполне достоинъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Сочиненіе это содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе мыслей преп. Исаака, по б. ч. его же собственными словами, искусно собранными изъ разныхъ мѣстъ его твореній. Изъ этой работы получается ясное представленіе о міровоззрѣніи св. Отца. Несмотря на серьезность темы, сочиненіе это читается чрезвычайно легко. Во введеніи излагается житіе преподобнаго и свѣдѣнія о его писаніяхъ; тутъ авторъ высказываетъ свои собственныя соображенія о православіи Исаака; если бы этотъ вопросъ на основаніи какихъ-нибудь новыхъ данныхъ и былъ рѣшенъ иначе, во всякомъ случаѣ выводы о Четверухина на основаніи того матеріала, который въ настоящее время извѣстенъ, сдѣланы вполне логично. Оцѣниваю работу балломъ 5.“

50) О сочиненіи студента *Ястремскаго Николая* на тему: „Высокопреосвященный Никаноръ, архіеп. Херсонскій, какъ проповѣдникъ“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Ястремскаго—плодъ обстоятельнаго изученія литературы, такъ или иначе связанной съ проповѣднической дѣятельностью преосв. Никанора. Основной первоисточникъ—пятитомное собраніе проповѣдей—со стороны буквы изученъ имъ до самыхъ мелкихъ деталей. Изъ другихъ произведеній Никанора ни одно не оставлено имъ внѣ поля изслѣдованія, особенно тѣ, которыя имѣютъ автобіографическій характеръ. Авторомъ собраны и изучены всѣ вообще брошюры, статьи и замѣтки, посвященныя жизнедѣятельности знаменитаго Херсонскаго витія. Изученъ затѣмъ рядъ трудовъ, характеризующихъ эпоху жизни и дѣятельности преосв. Никанора. Ознакомился, наконецъ, авторъ, отчасти по первоисточникамъ, отчасти по научнымъ пособіямъ съ проповѣдническимъ творчествомъ родственныхъ преосв. Никанору по направленію или же просто современныхъ ему отечественныхъ проповѣдниковъ—Иоанна еп. Смоленскаго, Амвросія архіеп. Харьковскаго, Иннокентія архіеп. Херсонскаго (и нѣкоторыхъ другихъ), и даже западныхъ въ лицѣ французскаго проповѣд-

ника Евгенія Берсье. Для обезпеченія себѣ возможности научно-гомилетически оперировать надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ авторъ ознакомился съ лучшими у насъ трудами по теоріи и исторіи (русской) проповѣди. Въ результатѣ изученія всей этой обширной литературы получился довольно солидный по размѣрамъ трудъ, построенный по такому плану. Глава I. Біографическія свѣдѣнія о преосв. Никанорѣ (стр. 1—112); II. Пастырско-проповѣдническій идеаль и гомилетическая теорія преосв. Никанора (стр. 113—170); III. Характеристика проповѣдей преосв. Никанора со стороны изложенія (171—214). IV. Обзоръ содержанія проповѣдей преосв. Никанора (241—390). V. Характеристика преосв. Никанора какъ проповѣдника—публициста (391—476): § 1 Эпоха преосв. Никанора; § 2 Современность проповѣдей преосв. Никанора; § 3 Вліяніе славянофильскихъ идей на преосв. Никанора; § 4 Преосв. Никаноръ въ отношеніи къ другимъ русскимъ проповѣдникамъ—публицистамъ—преосв. Іоанну еп. Смоленскому и преосв. Амвросію Харьковскому; точки соприкосновенія съ Иннокентіемъ архіеп. Херсонскимъ; § 5 Отношеніе проповѣдей преосв. Никанора къ проповѣдямъ Е. Берсье. Построенный по этому широкому плану трудъ автора серьезень, основателень, изложенъ въ общемъ хорошимъ литературнымъ языкомъ. По проявленной здѣсь эрудиціи и научной работоспособности г. Ястремскій, по моему мнѣнію, вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія.

Недостатки сочиненія обусловливаются главнымъ образомъ общимъ печальнымъ состояніемъ русской гомилетической науки. Чтобы плодотворно изучить того или другого проповѣдника, необходимо подходить къ нему съ какимъ нибудь опредѣленнымъ цѣлостнымъ научно-гомилетическимъ міровоззрѣніемъ, принимаемымъ по крайней мѣрѣ въ качествѣ рабочей гипотезы. Но наличная русская гомилетическая литература такого міросозерцанія дать не можетъ. Мы не имѣемъ доселѣ ни одного *полнаго* опыта *цѣльной* научно-гомилетической теоріи, не говорю уже—дѣльнаго, стоящаго на высотѣ научнаго построенія учебника гомилетики. Для человѣка впервые входящаго въ область научно-гомилетическихъ изысканій такое положеніе вещей прямо таки убійственно. По прочтеніи всей наличной отечественной гомилетической литературы у него образуется въ головѣ полнѣйшая пу-

танница понятій, отнимающая всякую охоту работать въ научно-гомилетической сферѣ. „Да что же такое, наконецъ, „проповѣдь“ и что же значить изучать и изображать кого либо „какъ проповѣдника“?—въ полнѣйшемъ недоумѣніи спрашиваетъ онъ себя. Нужно много усилій, самыхъ настойчивыхъ усилій, чтобы самостоятельно, хотя *какъ нибудь*, разобраться въ этой путаницѣ и набросать хоть какую нибудь гомилетическую теорію, прежде чѣмъ приступать къ темѣ, подобной той, которую разрабатывалъ г. Ястремскій. И напѣ авторъ не убоился этой трудной *предварительной* задачи, попытался рѣшить ее *для себя*, построить для себя необходимую рабочую гомилетическую теорію. И нѣтъ ничего удивительнаго, если его усилія не дали здѣсь вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Его гомилетическое міросозерцаніе имѣетъ серьезные дефекты, какъ въ идейномъ, такъ особенно формально-логическомъ отношеніяхъ. Эти дефекты и лишили автора возможности оперировать надъ подлежащимъ его изученію матеріаломъ въ той же мѣрѣ въ научно-гомилетическомъ отношеніи удачно, въ какой усердно, широко и детально этотъ матеріалъ былъ имъ изученъ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ обширную біографію преосв. Никанора. Біографія, составленная съ большимъ знаніемъ источниковъ, говоря безотносительно, превосходна. Но въ то же время она построена такъ, что ее одинаково хорошо безъ всякихъ измѣненій можно было бы помѣстить и въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ всей жизнедѣятельности преосв. Никанора и всякой стороны ея въ отдѣльности. Очевидное дѣло, что строить такого рода біографическіе очерки—задача историка церкви, или кого угодно, только не гомилета. Одно изъ двухъ: или специальная біографія въ гомилетическихъ изслѣдованіяхъ вовсе не должна имѣть мѣста, или она должна быть построена подъ особымъ угломъ зрѣнія. Подъ какимъ именно—это авторъ лишь очень смутно чувствуетъ, но не представляетъ такъ ясно, чтобы находить здѣсь опредѣленный руководящій критерій для опредѣленія того, какія именно черты жизнедѣятельности должны быть центральнымъ пунктомъ вниманія гомилета и какія второстепенными или же оставаться вовсе внѣ поля зрѣнія. Въ результатъ біографической очеркъ у нашего автора интересенъ, обстоятеленъ, научно-документаленъ, но во многихъ мѣстахъ

таковъ, что гомилетическая цѣнность его не оправдывается послѣдующимъ изложеніемъ.

Вторую главу авторъ посвящаетъ „пастырско-проповѣдническому идеалу и гомилетической теоріи преосв. Никонора“. Уже самое заглавіе свидѣтельствуетъ, что авторъ не представляетъ вполне ясно, что именно онъ хочетъ излагать. Заглавіе обѣщаетъ дать двѣ вещи: пастырско-проповѣдническій идеалъ и гомилетическую теорію, но это обѣщаніе не оправдывается ни дѣленіемъ второй главы, ни какими либо принципиальными авторскими разъясненіями. Въ дѣйствительности, авторъ просто затруднился, какое заглавіе болѣе подходитъ къ его второй главѣ: „пастырско-проповѣдническій идеалъ“ или же „гомилетическая теорія“. Не представляя себѣ ясно настоящаго взаимоотношенія этихъ терминовъ, онъ рѣшилъ выдти изъ затрудненія самымъ простымъ способомъ: поставилъ оба термина рядомъ, связавъ ихъ соединительнымъ союзомъ. Горе автора въ томъ, что онъ не отличаетъ ясно пастырологической и чисто гомилетической точекъ зрѣнія. Благодаря этому онъ вноситъ во вторую главу многое такое, что входитъ въ теорію собственно пастырства, а не проповѣди. Но онъ все же чувствуетъ различіе того и другого элемента, и вотъ, чтобы такъ или иначе оправдать наличность элемента не собственно гомилетическаго, ставить заразъ два заглавія, изъ которыхъ одно отгѣняетъ пастырологическій моментъ, другое—гомилетическій.

Спутавъ пастырологическую и гомилетическую точки зрѣнія, авторъ естественно оказался не въ состояніи ни органически связать вторую главу съ послѣдующими, ни выполнить ихъ съ надлежащей научной методичностью. То, что говорится о преосв. Никанорѣ во второй главѣ, не имѣетъ у автора никакого примѣненія въ послѣдующихъ. Какъ во второй, такъ и въ послѣдующихъ главахъ проблемы и отдѣлы связываются не столько органически, сколько внѣшне—механически („прежде всего остановимся (стр. 172)... перейдемъ теперь (стр. 174)... отмѣтимъ еще одну особенность (стр. 176)... далѣе, отличительной чертой проповѣдей преосв. Никанора является (187)... рассмотримъ частяѣ (189)... остановимся теперь (214)... въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ писалъ свои проповѣди пр. Никаноръ (239)... и т. под.).

Четвертая глава излагаетъ выраженный въ проповѣдяхъ взгляды преосв. Никанора по различнымъ вопросамъ вѣры и жизни. Систематизація взглядовъ сдѣлана очень удачно, послѣдовательно, интересно. Но для какой цѣли нужно все это въ гомилетическомъ изслѣдованіи? Авторъ самъ заявляетъ, что дѣлаетъ это для того, чтобы доказать тезисъ, что „проповѣди преосв. Никанора являются отображеніемъ своего времени, представляютъ какъ бы исторію, въ которой не только описываются современныя явленія общественной жизни, но и дѣлается ихъ оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія“ (стр. 243). Однако, если бы авторъ дѣлалъ систематизацію взглядовъ преосв. Никанора именно для указанной имъ цѣли, то онъ долженъ былъ бы помѣстить эту систематизацію не въ особую, а въ ту же пятую главу, посвященную характеристикѣ преосв. Никанора, какъ проповѣдника—публициста. Послѣдняя выясняла бы тезисъ о принадлежности Никанора къ ряду проповѣдниковъ-публицистовъ двумя неразрывными путями: обзоромъ содержанія проповѣдей—съ одной стороны, и исторической справкой о полнотѣ, точности и вѣрности изображенія затронутыхъ въ нихъ современныхъ явленій—съ другой (что авторъ собственно и дѣлаетъ въ §§ 1 и 2 пятой главы). Между тѣмъ авторъ поступаетъ иначе, конечно потому, что, вопреки собственному утвержденію, чувствуетъ, что обзоръ содержанія проповѣдей нуженъ далеко не для указанной только имъ цѣли, а для болѣе широкой. Но для какой?—въ этомъ авторъ не даетъ себѣ яснаго отчета.

§ 3 пятой главы посвященъ характеристикѣ отношенія преосв. Никанора къ славянофильству. Характеристика документально обоснованная и вѣрная, но, опять таки, спрашивается: зачѣмъ она здѣсь? Авторъ поступилъ, какъ было ему мною рекомендовано, но значенія рекомендованнаго ему шага не понялъ ясно. Закончивъ предшествующій параграфъ повтореніемъ уже приведеннаго мною тезиса о томъ, что проповѣди преосв. Никанора служатъ какъ бы отображеніемъ своего времени, „представляютъ какъ бы исторію..“, авторъ начинаетъ § 3-й такими словами: „проповѣди преосв. Никанора являются отображеніемъ эпохи и въ другомъ отношеніи“... Желая, такимъ образомъ, опредѣлить содержаніе новаго параграфа въ противоположность содержанію предше-

ствующаго, авторъ безсиленъ дать болѣе точное опредѣленіе, чѣмъ самую общую фразу о „другомъ отношеніи“. Въ дѣйствительности авторъ дѣлаетъ здѣсь самый цѣнный шагъ: переходитъ отъ описательнаго момента своего изслѣдованія къ установкѣ генезиса проповѣдническаго творчества преосв. Никанора. Послѣдній моментъ авторомъ лишь затронуть, но не выполненъ.

О другихъ недостаткахъ такого же происхожденія не буду говорить. Всѣ они—вина не столько нашего автора, сколько русской гомилетической науки. Г. Ястремскій потрудился съ честью, сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать въ предѣлахъ даннаго ему времени, и не можетъ быть осуждаемъ за то, что наличнымъ состояніемъ гомилетической науки вынужденъ былъ приступить къ изслѣдованію съ несовершеннымъ научнымъ аппаратомъ. Уже одна попытка автора широкаго примѣненія въ гомилетической области сравнительнаго метода изслѣдованія, незамыкающагося въ границахъ русской только проповѣди, но захватывающаго и западную, искупаетъ всѣ указанные дефекты труда г. Ястремскаго и дѣлаетъ ему честь“.

б) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Работа—очень обстоятельная, основанная на широкомъ и внимательномъ изученіи какъ самыхъ проповѣдей архіеп. Никанора, такъ и относящейся къ вопросу объ его личности и проповѣдничествѣ литературы. Авторъ выясняетъ вѣшнія (формальныя) и внутреннія (матеріальныя) черты проповѣднической дѣятельности арх. Никанора въ связи съ его общимъ нравственно-пастырскимъ обликомъ,—съ историческими условіями и запросами той эпохи, когда жилъ проповѣдникъ,—и сопоставляетъ проповѣди архіеп. Никанора съ проповѣдями близкихъ ему по духу и времени русскихъ и иностранныхъ витій (Иннокентія Херсонскаго, Іоанна Смоленскаго, Амвросія Харьковскаго, Берсье). Нѣкоторыя подробности въ біографіи архіеп. Никанора, относящіяся къ его педагогической и административной дѣятельности, и не имѣющія никакого отношенія къ вопросу объ архіеп. Никадорѣ, какъ проповѣдникѣ, лучше было бы опустить (ср. въ особенности стр. 44—45). Изложеніе въ общемъ—литературное. Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 31 іюля 1910 года за № 10299, между прочимъ, постановлено было: „Разрѣшить съ студентами, перешедшими нынѣ на IV курсъ, закончить учебныя занятія на началахъ стараго устава, разъяснивъ, однако, Совѣтамъ академій, что и на семь курсъ желательно введеніе хотя бы по нѣкоторымъ предметамъ практическихъ занятій, насколько то окажется возможнымъ, по ближайшему усмотрѣнію Совѣтовъ (въ Московской Духовной Академіи практическія занятія съ студентами настоящаго IV курса велись въ 1910—1911 учебномъ году по двумъ предметамъ—догматическому богословію и нравственному богословію).

2) Устава духовныхъ академій 1884 года §§ 132, 135—138.

3) Определеніемъ Святѣйшаго Синода, отъ 8—20 января 1911 года за № 93, между прочимъ, постановлено: „Совѣты духовныхъ академій по окончаніи учебнаго года: 1) препровождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 іюля требуемыя, определеніемъ Святѣйшаго Синода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академій съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; 2) вмѣстѣ съ сими списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую кафедру и на какую вообще должность въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ Совѣтъ академіи cadaго изъ окончившихъ курсъ духовной академіи, какъ обязанныхъ службою по духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ ¹⁾, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую

¹⁾ *Примѣчаніе.* До сего времени изложенныя свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ воспитанникахъ Академіи, *имѣющихъ священный санъ*, доставлялись Совѣтомъ Академіи, согласно определенію Святѣйшаго Синода отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, непосредственно (въ уставовленномъ академическимъ уставомъ порядкѣ) *въ Святѣйшій Синодъ.*

должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи".—Упомянутыя здѣсь (п. 3) „заявленія“ поступили въ Совѣтъ Академіи отъ 39 воспитанниковъ, оканчивающихъ нынѣ академическій курсъ.

4) Циркулярнымъ указомъ отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3 Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій,—установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ на казенномъ содержаніи, а равно воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но по окончаніи академическаго курса заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступаютъ въ вѣдѣніе Центрального Управленія сего вѣдомства. 2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временныя виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родоприсхожденіи и др., а также взятые у нихъ точные адреса ихъ мѣстожителства,—препровожаются Совѣтами академій вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожителства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету“.

5) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи не пользовались казеннымъ содержаніемъ ни въ Семинаріи, ни въ Академіи священники—*Колескиченко* Александръ,

Никольскій Александръ, *Орловъ* Сергій и *Кудржинскій* Антоній.—Изъ нихъ первые трое заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, а священникъ *Кудржинскій* пожелалъ получить документы на руки.

6) По § 110 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій 1910 года „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) *Иером. Пантелеимона (Успенскаго),*
Сперанскаго Алексѣя,
Протасова Николая,
Свящ. Виноградова Николая,
- 5) *Свящ. Смирнова Іоанна,*
Смирнова Ивана,
Свящ. Горохова Іакова,
Свящ. Филипповскаго Бориса,
Свящ. Медвѣдкова Пантелеимона,
- 10) *Кочетова Сергѣя,*
Орлова Алексѣя,
Свящ. Миловскаго Николая,
Мурашева Алексѣя.
Ястремскаго Николая,
- 15) *Ильинскаго Владиміра,*
Свящ. Лебедева Димитрія,
Владиславлева Владиміра,
Иером. Варлаама (Цикалова),
Гіацинтова Василия,
- 20) *Мальшева Николая,*
Свящ. Струминскаго Мартина,
Свящ. Четверухина Илью,
Иеродіак. Игнатія (Садковскаго),
Свящ. Лаврова Тихона,
- 25) *Семеновскаго Николая,*
Сомова Николая,
Свящ. Новикова Константина,
Толгскаго Николая,

Каширенинова Владиміра,

30) Лебедева Александра и

31) Іером. Николая (Могилевскаго)—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ предоставленіемъ имъ права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній;

Свящ. Невскаго Петра,

Свящ. Борисова Василия,

Свящ. Никольскаго Александра,

35) Житникова Сергѣя,

Іеродіак. Симеона (Нарбекова),

Семенова Михаила,

Парія Андрея,

Свящ. Орлова Сергія,

40) Свящ. Смородина Валентина,

Плѣшанова Павла,

Венустова Александра,

Павловскаго Ивана,

Іером. Кирилла (Соколова),

45) Гиляревскаго Андрея,

Свящ. Колесниченко Александра,

Купріянова Николая,

Свящ. Кудржинскаго Антонія,

Іером. Теофила (Богоявленскаго) и

50) Дубчука Владиміра—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ правомъ на получение степени магистра богословія по выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по коимъ они не оказали успѣховъ, соответствующихъ сей степени, и предоставленіи новаго сочиненія;

Вавресюка Ивана,

Давидовича Владиміра,

Покровскаго Александра,

Скворцова Владиміра и

55) Шума Андрея—

удостоить званія *дѣйствительнаго студента* Академіи, съ предоставленіемъ имъ права на получение степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій,—какое постановленіе и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Въ случаѣ утверждѣнія Его Высокопреосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. 1-мъ,—

2) Препроводить въ Учебный Комитетъ списокъ *всѣхъ* окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 Марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложеніемъ подлинныхъ заявленій 39 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) Независимо отъ сего, особый списокъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ, *имѣющихъ священный санъ*, съ такими же свѣдѣніями и отзывами о нихъ, представить, установленнымъ порядкомъ, на благоусмотрѣніе *Святѣйшаго Синода*.

4) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента,—препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ всѣ документы казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству; священнику же *Губржинскому* Антонію выдать документы на руки подъ собственноручную росписку.

5) Подвергнувъ разсмотрѣнію *и* оцѣнкѣ успѣхи окончивающихъ курсъ студентовъ, Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то, какъ рѣзко по своимъ успѣхамъ выдѣляются между студентами семейные священнослужители: изъ 31 студентовъ, окончившихъ магистрантами,—11, т. е. болѣе трети, являются лицами изъ бѣлаго духовенства. Въ прошедшемъ году 3-мъ и 4-мъ кончили семейные священники; Совѣтъ имѣлъ ихъ въ виду для подготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ; одинъ изъ нихъ (священникъ Георгій Добронравовъ) уже защитилъ диссертацию на степень магистра; въ текущемъ году одинъ изъ окончившихъ курсъ (священникъ Іоаннъ Смирновъ) избранъ единогласно на кафедру по исторіи румынской и славянскихъ церквей. Въ общемъ Совѣтъ относительно студентовъ изъ бѣлаго духовенства обязанъ установить слѣдующее:

а) Они выдѣляются среди студентовъ по успѣхамъ, усер-

дію, заботливому отношенію къ дѣлу. Въ ихъ работахъ нерѣдко обнаруживается глубокая любознательность, серьезный интересъ и способность къ научнымъ занятіямъ. Они аккуратны и исполнительны. Это и естественно. Они поступаютъ въ Академію уже дисциплинированными жизнію, давшими себѣ отчетъ въ своихъ силахъ и въ своемъ призваніи. Они оставляютъ свои мѣста и ѣдутъ въ Академію на тяжелый трудъ, отрекаясь на цѣлые годы отъ житейскихъ удобствъ, отъ свободы и самостоятельности.

б) По своему поведенію они являются образцомъ для студенчества. Они живутъ скромною и тихою семейною жизнію, проводя ее въ занятіяхъ. Понятно, что къ двадцатилѣтнимъ юношамъ, поступающимъ въ Академію прямо со школьной скамьи, нельзя и предъявлять тѣхъ требованій, исполненіе которыхъ для пастыря является дѣломъ обязательнымъ и естественнымъ.

в) Вотъ почему Совѣтъ долженъ констатировать, что студентъ изъ семейныхъ дьяконовъ и священниковъ оказываетъ благотворное вліяніе на студенчество какъ въ области научной, такъ и дисциплинарной. Усердно занимаясь, они привлекаютъ къ занятіямъ и своихъ свѣтскихъ товарищей, даже принуждаютъ ихъ къ этому, въ виду ежегоднаго конкурса на стипендіи.—Подчиняясь дисциплинѣ, они удерживаютъ и другихъ отъ ея нарушенія. Они создаютъ въ академіи тихую и вмѣстѣ свѣтлую атмосферу религіозной и научной жизни, далекую отъ эксцессовъ, знающую лишь тихія радости, молитву и любимый трудъ. А своимъ постояннымъ участіемъ въ службахъ при академическомъ храмѣ и проповѣданіемъ слова Божія они, много содѣйствуя благолѣбію академическаго богослуженія, въ то же время воздѣйствуютъ благотворно въ религіозномъ отношеніи на все населеніе Сергіева посада, массами стекающаго въ академическій храмъ.

Устанавливая все это и принимая во вниманіе, что на-сущною задачею Академіи является приготовленіе лицъ къ служенію на пастырскомъ поприщѣ, Совѣтъ Академіи считаетъ себя обязаннымъ вновь просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о дозволѣніи *принимать семейныхъ священнослужителей* въ число студентовъ и *Московской Духовной Академіи*.

III. Предложеніе Пресвященнаго Ректора Академіи:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи воспользоваться предоставляемымъ ему академическимъ уставомъ правомъ оставленія при Академіи на годичный срокъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи 1910 года—а) § 73: „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи“; б) § 75: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленномъ штатомъ размѣрѣ“ (нынѣ, за 3%—нымъ вычетомъ на пенсію,—по 679 рублей въ годъ каждый); в) § 76: „Сверхъ того, въ каждой Академіи имѣются двѣ вакансіи профессорскихъ стипендіатовъ, предвзначенныя исключительно для замѣщенія наиболѣе даровитыми, окончившими образованіе въ Академіи по первому разряду, монахами. Замѣщеніе этихъ вакансій предоставляется мѣстному Епархіальному Архіерею по представленіямъ Ректора Академіи. Монахи—стипендіаты, пользуясь отъ Академіи содержаніемъ и столомъ, получаютъ пособие изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода.—*Примѣчаніе.* Совѣтъ, если признаетъ справедливымъ, можетъ замѣстить монахами и указанныя въ § 73 вакансіи профессорскихъ стипендіатовъ наравнѣ со свѣтскими и на тѣхъ же условіяхъ, но съ обязательствомъ жить въ зданіи Академіи или въ монастырѣ, съ платою за содержаніе и столъ“.— 2) По § 110 лит. б. п. 3 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Оставить при Академіи на 1911—1912 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окон-

чившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи іеромонаха *Пантелеимона* (Успенскаго) и *Алексѣя Сперанскаго*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго 1911 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому и съ возложеніемъ на іеромонаха *Пантелеимона* обязательства жить въ зданіи Академіи.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. Занимались составленіемъ *рописанія повѣрочныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1911 года для поступленія въ составъ новаго (LXX) академическаго курса.

Справка: По § 110 лит. б. п. 8 устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ комиссій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Проектъ *рописанія повѣрочныхъ испытаній* представить при журналѣ настоящаго собранія на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Іюня 21. Читано и утверждается“.

7 іюня 1911 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Теодора*, *Епископа Волоколамскаго*,—*Инспекторъ Академіи*—и. д. ординарнаго профессора *А. П. Шостынь*; сверхштатные заслуженные ординарные профессора—*А. Д. Бѣляевъ* и *М. Д. Муретовъ*, ординарные профессора—*А. П. Голубцовъ*, *А. И. Введенскій*, *С. С. Глаголевъ*, *А. А. Спасскій* и *М. М. Тарѣевъ*; экстраординарные профессора—*И. В. Поповъ*, *С. И. Смирновъ*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій* и *А. П. Орловъ*.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *Н. А. Заозерскій*; экстраординарные профессора—*С. И. Соболевскій*, *П. П. Соколовъ* и *М. М. Богословскій*.

Имѣли сужденіе о замѣщеніи кафедры „исторіи Славянскихъ церквей и Румынской“ вновь открываемой по уставу духовныхъ академіи 1910 года, причемъ были выслушаны:

а) Заявленіе *Пресвященнаго Ректора Академіи*:

„Честь имѣю представить при семъ въ Совѣтъ Академіи переданную мнѣ и. д. доцента Н. Л. Туницкимъ рекомендацію его кандидатовъ на свободную кафедру Исторіи Славянскихъ церквей“.

б) Предложеніе и. д. доцента Академіи по кафедрѣ церковно-славянскаго языка, съ палеографіей, и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Въ виду предстоящаго обсужденія Совѣтомъ Академіи вопроса о замѣщеніи новой кафедры исторіи славянскихъ и румынской церквей я позволяю себѣ почтительно просить Совѣтъ Академіи обратить вниманіе на окончившихъ въ этомъ году академію—священника *Іоанна Смирнова* и *Сергѣя Кочетова*, какъ на правоспособныхъ и, на мой взглядъ, желательныхъ кандидатовъ на эту кафедру.

Въ будущемъ историкъ славянскихъ и румынской церкви желательно совмѣщеніе такихъ данныхъ, которыя бы дѣлали его способнымъ столько же къ историческому синтезу, сколько и къ разнообразнымъ приемамъ филологическаго анализа и самостоятельной интерпретаціи источниковъ. Тотъ матеріалъ, на основаніи котораго онъ долженъ строить свое идеальное зданіе, довольно разнообразенъ и еще сравнительно мало изученъ. Чтобы овладѣть имъ всецѣло и использовать его для своихъ построеній, историкъ церкви неминуемо долженъ быть и филологомъ-славистомъ,—палеографомъ и лингвистомъ.

Свящ. Смирновъ и г. Кочетовъ въ этомъ отношеніи обладаютъ не только солидной методологической подготовкой, но и значительной и многообъщающей эрудиціей. Кандидатское сочиненіе перваго изъ нихъ посвящено древне-славянскому переводу Синайскаго патерика, а втораго—древне-славянскому переводу огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго, т. е. памятникамъ, имѣвшимъ столь же важное значеніе въ исторіи духовнаго просвѣщенія южныхъ славянъ, какъ и древней Руси. Оба эти

сочиненія обладаютъ очень цѣнными качествами. Они обнаруживаютъ въ авторахъ, рядомъ съ способностью къ самостоятельнымъ построениямъ, широкія познанія въ области славянской палеографіи и лингвистики, а также въ южнославянской исторіи древнѣйшей эпохи. Оба автора обращаются съ рукописнымъ матеріаломъ умѣло и пользуются имъ въ высшей степени продуктивно. Оба они не только хорошо знакомы съ историческимъ развитіемъ сербскаго и болгарскаго языковъ, но во время своей работы, попутно, въ цѣляхъ основательнаго изслѣдованія взятыхъ ими тематическихъ вопросовъ, они должны были изучить также новые славянскіе языки,—болгарскій и чешскій,—настолько, что могли воспользоваться нѣсколькими научными трудами, написанными на этихъ языкахъ.

Характеръ и достоинства научныхъ склонностей о. Смирнова и г. Кочетова, проявившихся въ ихъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, извѣстны мнѣ также и на основаніи личнаго обращенія съ ними. Если при этомъ принять въ соображеніе ихъ трудоспособность и любовь къ серьезнымъ занятіямъ, то можно питать надежду, что если бы Совѣту угодно было избрать кого либо изъ нихъ на кафедру исторіи славянскихъ церквей и румынской, то избранный могъ бы успѣшно и плодотворно работать въ этой области.

Считая своимъ нравственнымъ долгомъ доложить Совѣту о достоинствахъ сочиненій обоихъ названныхъ кандидатовъ, я позволю себѣ прибавить, что самъ лично нахожу болѣе подходящимъ для кафедры исторіи славянскихъ церквей свящ. Смирнова, какъ обнаружившаго въ своемъ сочиненіи болѣе наклонностей къ построениямъ общаго, принципиальнаго значенія, чѣмъ Кочетовъ, основные интересы котораго лежать преимущественно въ области славянской лингвистики“.

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи отъ 15 сентября 1910 года, резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 24 числа того же мѣсяца кафедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской разрѣшено было замѣстить посредствомъ *конкурса*, вслѣдствіе чего Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 6-го октября 1910 года выработалъ условія конкурса и постановилъ объявить ихъ во всеобщее извѣстіе

чрезъ напечатаніе въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и разсылку по высшимъ учебнымъ заведеніямъ и Правленіямъ духовныхъ семинарій. — Последнимъ срокомъ для представленія заявленій о желаніи занять каѳедру назначено было 15-е декабря 1910 года, къ каковому сроку въ Совѣтъ Академіи и поступило *единственное* заявленіе правщика Московской Синодальной типографіи, магистра богословія, Николая *Серебрянскаго*.—2) Вновь обсудивъ данный вопросъ въ собраніи своемъ 26 января 1911 года, Совѣтъ Академіи постановилъ: „Въ виду того, что къ соисканію каѳедры исторіи Славянскихъ церквей и Румынской явилось только одно лицо, печатные труды котораго хотя и обнаруживаютъ въ авторѣ добросовѣстнаго работника, хорошо освѣдомленнаго въ древне-русской письменности, особенно агіографическаго характера, но не имѣютъ никакого отношенія къ предмету каѳедры, — признать конкурсъ несостоявшимся и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи избрать кандидата на помянутую каѳедру посредствомъ *рекомендаціи*“.—На журналѣ сего собранія Совѣта Академіи послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Февр. 14. По ст. I. Разрѣшается избрать кандидата на каѳедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской посредствомъ рекомендаціи“.—3) Въ настоящемъ собраніи Совѣтомъ Академіи, въ виду предложенія *Н. Л. Тунницкаго*, были выслушаны также и отзывы его, *г. Тунницкаго*, и экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Соболевскаго* о кандидатскихъ сочиненіяхъ оканчивающихъ академическій курсъ—священника Іоанна *Смирнова* (на тему: „Синайскій патерикъ въ славяно-русскомъ переводѣ“) и Сергѣя *Жочетова* (на тему: „Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго въ славяно-русской письменности“).—4) При открытомъ голосованіи *всѣ* присутствовавшіе въ собраніи члены Совѣта, за исключеніемъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. Д. Бѣляева* и ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*, воздержавшихся отъ подачи голоса, высказались за избраніе на вакантную каѳедру исторіи Славянскихъ церквей и Румынской оканчивающаго нынѣ академическій курсъ со степенью кандидата богословія священника, *Іоанна Смирнова*.—5) Устава духовныхъ академій § 82: „Лица

желающія занять въ Академіи должность преподавателя, но неизвѣстныя Совѣту своими преподавательскими способностями, должны, прежде окончательнаго избранія, прочитать въ присутствіи Совѣта Академіи двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, другую—по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: 1) На кафедре исторіи Славянскихъ церквей и Румынской пригласить оканчивающаго нынѣ академическій курсъ и удостоеннаго Совѣтомъ Академіи степени кандидата богословія *священника Иоанна Смирнова*, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, прочесть въ началѣ будущаго 1911—1912 учебнаго года, въ присутствіи Совѣта, установленныя § 82 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть окончательное сужденіе объ избраніи его на кафедру.— 2) Тему для второй пробной лекціи поручить дать и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкому*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Юня 21. Смотрѣно“.

31 августа 1911 года.

№ 16.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ и. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, и. д. инспектора—ординарный профессоръ А. И. Введенскій; ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, М. М. Богословскій, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ; исправляющіе должность доцента Академіи и лекторъ англійскаго языка (послѣдніе—съ правомъ совѣщательнаго голоса).

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ и экстраординарный профессоръ С. И. Соболевскій.

Слушали: I. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на рапортъ Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Теодора*, отъ 23 августа за № 421, о постиг-

шей его болѣзни: „1911 г. Авг. 25. На время болѣзни Преосвященнаго Ректора исправленіе его обязанностей поручается Инспектору Академіи профессору Шостыну, а обязанностей инспектора профессору Ал. Введенскому“.

Справка: Резолюція Его Высокопреосвященства, немедленно по полученіи, объявлена была поименованнымъ въ ней лицамъ, которыя и вступили уже въ отправленіе возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 7. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи къ руководству и исполненію“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4 августа за № 10415:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 29 іюля сего года № 7519, о томъ, что Его Императорскому Величеству Государю Императору на всеподданнѣйшемъ его, Г. Оберъ-Прокурора, докладѣ опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 20—26 іюля сего года за № 5478, о предположенныхъ Высочайше учрежденной Комиссіей по выработкѣ новаго устава духовно-учебныхъ заведеній измѣненій въ учебной части дѣйствующаго нынѣ устава духовныхъ Академій благоугодно было, въ 29-й день того-же іюля, Собственноручно начертать: „Согласенъ“. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи послать Вашему Преосвященству указъ, препроводивъ при ономъ, кромѣ означенныхъ измѣненій, для руководства Совѣту духовной академіи, примѣрное распределеніе учебныхъ предметовъ по курсамъ и примѣрное росписаніе лекцій въ академіяхъ“.

б) Высочайше одобренныя въ 29 день іюля сего года *измѣненія въ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій:*

§ 130: Науки, изучаемыя всѣми студентами, распределяются по 17 каедамъ. Сюда относятся:

1. *Св. Писаніе Ветхаго Завета* (при *двухъ* преподавателяхъ и десяти лекціяхъ).

2. *Св. Писаніе Новаго Завета* (при *двухъ* преподавателяхъ и десяти лекціяхъ).

3. *Патрологія* (при *двухъ* преподавателяхъ и десяти лекціяхъ, при чемъ первый преподаватель имѣетъ своимъ предметомъ творенія святыхъ отцовъ до V-го вѣка, а второй—отъ V-го вѣка).

4. *Основное богословіе* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

5. *Догматическое богословіе* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

6. *Нравственное богословіе* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

7. а) *Пастырское богословіе съ аскетикой* и б) *Гомилетика* (при одномъ преподавателѣ и *восьми* лекціяхъ, изъ коихъ четыре назначаются на пастырское богословіе съ аскетикой въ одинъ годъ и четыре на гомилетику въ другой годъ).

8. *Литургика* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

9. *Церковная археологія въ связи съ исторіей христіанскаго искусства* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

10. *Исторія и обличеніе русскаго раскола* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

11. *Исторія и обличеніе русскаго сектантства* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

12. *Исторія древней церкви* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

13. *Исторія русской церкви* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

14. *Церковное право* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

15. а) *Систематическая философія* и б) *логика* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

16. *Психологія* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

17. *Древній языкъ: Греческій*—въ академіяхъ С.-Петербургской и Московской и *латинскій*—въ Казанской и Кіевской.

§ 131. Науки, изучаемыя по выбору частію студентовъ.

А. 1. *Исторія философіи* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

2. *Педагогика* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

Студенты обяаны выбрать изъ этихъ двухъ предметовъ для изученія одинъ.

Б. Изъ прочихъ наукъ академическаго обученія составляютъ четыре группы, изъ которыхъ для каждаго студента обязательна одна.

Къ **первой** группѣ, при 2-хъ каеэдрахъ, а для С.-Петербургской и Кіевской академіи при 3-хъ, относятся:

1. *Русская гражданская исторія* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

2. *Исторія греко-восточной церкви со времени отпаденія западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени*,—въ Кіевской, Московской и Казанской академіяхъ—въ связи съ исторіей славянскихъ церквей и *Румынской*, и въ С.-Петербургской—въ связи съ исторіей церквей Грузинской и Армянской и другихъ восточныхъ церквей (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

3. Въ С.-Петербургской академіи еще преподается исторія славянскихъ церквей (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ), а въ Кіевской—исторія западно-русской церкви (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

Ко **второй** группѣ, въ Московской, Кіевской и Казанской академіяхъ при 2-хъ каеэдрахъ, относятся:

1. *Библейская исторія въ связи съ исторіей дрезняго міра* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

2. *Еврейскій языкъ съ библейской археологіей* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

Въ С.-Петербургской академіи тѣ же предметы при одномъ преподавателѣ и десяти лекціяхъ въ два года.

Къ **третьей** группѣ, при 2-хъ каеэдрахъ, относятся:

1. *Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

2. *Исторія русской литературы* (при одномъ преподавателѣ и пяти лекціяхъ).

Къ **четвертой** группѣ, при одной каеэдрѣ, относится:

Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени (при одномъ преподавателѣ и десяти лекціяхъ въ два года).

Сверхъ сего въ академіи преподаются для желающихъ новые языки.

§ 132. Въ Казанской академіи къ ряду наукъ, перечисленныхъ выше, присоединяется, согласно съ первоначальной цѣлю учрежденія сей академіи, группа предметовъ, относящихся до внѣшней миссіи, параллельная вышеозначеннымъ группамъ и раздѣляющаяся на два отдѣла:

- А) татарскій
и Б) монгольскій.

Къ *татарскому* отдѣлу относятся:

а) Исторія и обличеніе магометанства. б) Этнографія татаръ, киргизовъ, башкиръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы. в) Исторія распространенія христіанства между означенными инородческими племенами. г) Арабскій и татарскій языки, съ общимъ филологическимъ обзоромъ языковъ и нарѣчій означенныхъ племенъ.	При трехъ преподавателейъ, изъ которыхъ каждый имѣеть по шести лекцій.

Къ *монгольскому* отдѣлу относятся:

а) Исторія и обличеніе ламаѣства. б) Этнографія монголовъ, бурятъ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ, чукчей, тунгузовъ, манжуръ, корейцевъ, гольдовъ, гилякъ въ, коряковъ и другихъ. в) Исторія распространенія христіанства между означенными племенами. г) Монгольскій языкъ и его нарѣчія бурятское и калмыцкое. д) Тибетскій языкъ.	При трехъ преподавателейъ, изъ которыхъ каждый имѣеть по шести лекцій.

§ 133. Студенты Казанской академіи, избравшіе, съ одобренія Совѣта, какой либо изъ этихъ отдѣловъ, освобождаются отъ изученія наукъ, входящихъ въ составъ четырехъ вышепоименованныхъ группъ и отъ слѣдующихъ общеобязательныхъ предметовъ: 1) Исторія и обличенія русскаго раскола; 2) Исторія и обличенія русскаго сектантства; 3) Исторія философіи или педагогики; 4) Систематической философіи и логики, и 5) древняго языка.

Примѣчаніе къ § 137: Въ видъ опыта (впредь до усмотрѣнія Св. Синода) на миссіонерское отдѣленіе Казанской Академіи

допускаются: 1) по экзамену—окончившіе курсъ семинаріи по второму разряду и 2) безъ экзамена, по особому каждый разъ ходатайству Епархіальныхъ архіереевъ—духовныя лица, окончившія курсъ семинаріи по первому и второму разряду. Означенныя въ п.п. 1 и 2 лица не имѣютъ права переходить на другія отдѣленія академіи.

§ 156. Практическія занятія состоятъ въ томъ, что студенты подъ руководствомъ преподавателей изучаютъ источники науки и ученыя пособія, дѣлаютъ разборъ важнѣйшихъ сочиненій изъ литературы предмета, знакомятся съ учебниками и учебными пособіями къ преподаванію извѣстныхъ наукъ въ семинаріи и пр. Преподаватели могутъ часть времени, назначеннаго на практическія занятія, посвящать разбору студенческихъ третныхъ сочиненій; но не должны возлагать на студентовъ составленія особыхъ рефератовъ на заданныя темы. По кафедрѣ пастырскаго богословія и гомилетики, кромѣ изученія и разбора важнѣйшихъ патрологическихъ и гомилетическихъ произведеній, преподаватель руководитъ студентовъ въ практическомъ проповѣдываніи, въ особенности приучаетъ ихъ къ хорошему произнесенію проповѣдей, упражняетъ ихъ въ сказываніи заранее приготовленныхъ проповѣдей на память и въ произнесеніи экспромптовъ.

Примѣчаніе къ § 158: Студенты миссіонерскаго отдѣленія Казанской Академіи пишутъ два сочиненія по миссіонерскимъ предметамъ и одно—по общеобязательнымъ богословскимъ.

Примѣчаніе къ § 159: Студенты миссіонерскаго отдѣленія Казанской Академіи пишутъ курсовое сочиненіе на темы, назначаемыя наставниками миссіонерскаго отдѣленія.

в) *Примѣрное распрежденіе учебныхъ предметовъ по курсамъ.*

1 курсъ.

Священное Писаніе Ветхаго Завета	5 лекцій.
Основное богословіе	5 „
Исторія древней церкви	5 „
Систематическая философія и логика	5 „
Исторія философіи	} 5 „
Педагогика	

Греческій языкъ—для Московской	}	2 лекціи
Латинскій языкъ—для Казанской		
1-й групповой		4 „
Всего		32 лекціи

Въ Петербургской академіи греческій языкъ и въ Кіевской—латинскій		4 „
Всего		34 лекціи.

II курсъ.

Священное Писаніе Ветхаго Завѣта		5 лекцій
Патрологія		5 „
Исторія русской церкви		5 „
Исторія и обличеніе раскола		5 „
Психологія		5 „
Греческій языкъ для Московской	}	2 „
Латинскій языкъ для Казанской		
2-й групповой		5 „
Всего		32 лекціи

Въ Петербургской и Кіевской академіяхъ, вмѣ- сто древняго языка, 3-й групповой пред- метъ (1 группа)		5 лекцій
Всего		35 лекцій.

III курсъ.

Священное Писаніе Новаго Завѣта		5 лекцій.
Догматическое богословіе		5 „
Пастырское богословіе		4 „
Патрологія		5 „
Исторія и обличеніе сектантства		5 „
Литургика		5 „
Всего		29 лекцій.

IV курсъ.

Священное Писаніе Новаго Завѣта		5 лекцій.
Гомилетика		4 „
Церковное право		5 „
Церковная археологія		5 „
Нравственное богословіе		5 „
Всего		24 лекціи.

ИТОГО: въ Московской и Казанской—117 лекцій
въ С. - П. - Б. и Кіевской—126 „

г) *Прилѣжное расписаніе академическихъ лекцій*, изъ котораго видно, что:

1) Въ отмѣну дѣйствующаго порядка,—продолжительность каждой лекціи опредѣляется нынѣ лишь въ 50 минутъ;

2) Въ зависимости отъ сего утренніе учебные часы (отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ дня) распредѣляются на всѣхъ курсахъ (вмѣсто 5 часовыхъ) на 6 лекцій, безъ промежутковъ между ними (1-я лекція—съ 9 часовъ до 9 ч. 50 мин.; 2-я лекція—съ 9 ч. 50 м. до 10 ч. 40 м.; 3-я лекція—съ 10 ч. 40 м. до 11 ч. 30 м.; 4-я лекція—съ 11 ч. 30 м. до 12 ч. 20 м.; 5-я лекція—съ 12 ч. 20 м. до 1 ч. 10 м.; 6-я лекція—съ 1 ч. 10 м. до 2 часовъ дня).

д) Заявленіе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ церковно-славянскаго языка, съ палеографіей, и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго*:

„Въ виду раздѣленія кафедры церковно-славянскаго языка съ палеографіей и исторіи русской литературы на двѣ самостоятельныя кафедры, имѣю честь заявить Совѣту Академіи, что мнѣ желательно оставить за собою преподаваніе исторіи русской литературы“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода за № 10415 со всѣми къ нему приложеніями принять къ руководству и исполненію.—2) За закрытіемъ въ Московскои Духовнои Академіи, въ силу произведенныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ, кафедръ *общей гражданской исторіи* и *латинскаго языка*, исправляющихъ должность доцента Академіи, кандидатовъ богословія, Александра *Мишина* и Сергѣя *Знаменскаго*, занимающихъ означенныя кафедры, считать съ 1-го сентября сего 1911 года состоящими за штатомъ.—3) За избраніемъ исправляющимъ должность доцента Академіи по кафедрѣ церковно-славянскаго языка, съ палеографіей, и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкимъ* преподаванія *исторіи русской литературы*,—вновь образованную кафедру *церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей* считать вакантною.—4) Принимая во вниманіе, что въ настоящее время въ Московскои Духовнои Академіи состоятъ вакантными семь преподавательскихъ кафедръ: Священнаго Писанія Ветхаго Завета (2-я кафедра), патрологіи (2-я ка-

оедра), церковной археологіи, литургіки, исторіи и обличенія русскаго раскола, исторіи и обличенія русскаго сектантства и церковно-славянскаго и русскаго языка съ палеографіей, вслѣдствіе чего студенты IV курса не имѣютъ возможности выслушать ряда курсовъ, по уставу 1910 года или совсѣмъ не читавшихся въ минувшемъ 1910-1911 учебномъ году или читавшихся небольшой части студентовъ въ качествѣ групповыхъ предметовъ (литургіка, церковная археологія, исторія и обличеніе русскаго раскола, исторія и обличеніе русскаго сектантства), а студенты III курса, при маломъ количествѣ лекцій въ текущемъ 1911—1912 учебномъ году, должны будутъ возмѣститъ опущенное усиленнымъ трудомъ въ слѣдующій годъ, что, несомѣнно, можетъ отразиться невыгоднымъ образомъ на качествѣ ихъ курсовыхъ сочиненій,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ: а) о дозволеніи примѣнить къ студентамъ настоящаго IV курса требованія, изложенныя въ новой редакціи §§ 130 и 131 академическаго устава, лишь частію, по мѣрѣ возможности, не обязывая ихъ изученіемъ *всѣхъ* предметовъ, только нынѣ признанныхъ общеобязательными, по уставу же 1910 года отнесенныхъ къ разряду групповыхъ, и б) о разрѣшеніи поручить преподавателямъ по 1-мъ кафедрамъ: *патрологіи*—экстраординарному профессору *И. В. Попову* и *Священнаго Писанія Ветхаго Завета*—и. д. доцента священнику *Д. В. Рождественскому* прочесть въ 1911—1912 учебномъ году студентамъ III курса вторыя половины курсовъ по означеннымъ предметамъ (взамѣнъ отсутствующихъ преподавателей по 2-мъ кафедрамъ), съ назначеніемъ имъ трехъ лекцій въ недѣлю и производствомъ, на основаніи § 87 устава духовныхъ академій, дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ жалованья доцента Академіи.—5) Въ виду новаго примѣрнаго распредѣленія учебныхъ предметовъ по курсамъ, предложить и. д. Ректора Академіи—профессору *А. П. Шостыну* и и. д. доцента священнику *П. А. Флоренскому* прочесть параллельные курсы *педагогіки* и *исторіи философіи* совмѣстно студентамъ I и II курсовъ; ординарному профессору *А. А. Спасскому*—курсъ *исторіи древней церкви* совмѣстно студентамъ I и III курсовъ; экстраординарному профессору *И. В. Попову*—курсъ *патрологіи* (по 1-ой кафедрѣ)—совмѣстно сту-

дентамъ II и III курсовъ, и. д. доцента *священнику Д. В. Рождественскому*—курсъ *Священнаго Писанія Ветхаго Завета* (по 1-й кафедрѣ)—совмѣстно студентамъ I и II курсовъ и и. д. доцента *А. М. Туберовскому*—курсъ *догматическаго богословія*—совмѣстно студентамъ III и IV курсовъ.—6) Принимая во вниманіе, что студенты IV курса, согласно примѣрному распредѣленію предметовъ, приложенному къ уставу духовныхъ академій 1910 года, уже выслушали въ минувшемъ учебномъ году курсъ *церковнаго права*, новымъ распредѣленіемъ отнесенный на четвертый годъ академическаго образованія,—оставить на 1911—1912 учебный годъ преподаваніе этого предмета на томъ же III курсѣ.

III. Прошенія:

а) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Д. И. Введенскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ, на основаніи § 85 Устава (примѣчаніе), какъ преподающему въ Академіи менѣе трехъ лѣтъ, на предстоящій учебный годъ общее число лекцій до *трехъ* (двѣ теоретическихъ и одинъ часъ практическихъ занятій). Къ сему имѣю долгъ присоединить, что съ минувшаго учебнаго года моя наука изучается въ новой постановкѣ—въ связи съ исторіей древняго міра“.

б) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орлова*:

„Высочайше утвержденными отъ 29-го іюля сего года дополненіями по учебной части къ академическому Уставу преподававшаяся мною въ минувшемъ году при пяти лекціонныхъ часахъ наука исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій и русскаго сектантства—реформирована въ науку исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій (въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени), съ обязательствомъ преподавать ее въ теченіе двухъ-годичнаго курса (10 лекціонныхъ часовъ) по пяти часовъ ежегодно. Такое измѣненіе въ характерѣ и объемѣ моего

учебнаго предмета вызываетъ меня къ значительному дополненію и переработкѣ курса лекцій. Если въ прошломъ году я удѣлялъ приблизительно по $\frac{1}{3}$ части своего курса вопросамъ о католичествѣ, протестантствѣ и русскомъ сектанствѣ, то въ нынѣшнемъ году я вынуждаюсь весь свой курсъ посвятить исключительно исторіи и обличенію католичества (оставляя вопросы о прочихъ западныхъ исповѣданіяхъ до будущаго года). Выполнить такую переработку курса въ нынѣшнемъ году при пяти часовыхъ лекціяхъ я крайне затрудняюсь, а посему, имѣя въ виду, что въ прошломъ учебномъ году Совѣтъ Академіи счелъ возможнымъ уменьшить число лекціонныхъ часовъ преподавателямъ, находившимся въ аналогичныхъ условіяхъ, прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи мнѣ читать въ нынѣшнемъ году по 4 лекціи въ недѣлю (2 часа теоретическихъ лекцій и 2 часа практическихъ занятій)“.

в) И. д. доцента по кафедрѣ исторіи русской литературы
Н. Л. Туницкаго:

„Вслѣдствіе выдѣленія исторіи русской литературы въ самостоятельную кафедру, я имѣю все количество лекціонныхъ часовъ посвящать преподаванію курса, которому раньше, при соединеніи исторіи литературы съ церковно-славянскимъ языкомъ, приходилось посвящать только половину ихъ. Находя для себя затруднительнымъ перейти съ двухъ лекціонныхъ часовъ по исторіи русской литературы сразу на пять, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ общее число лекціонныхъ часовъ *на одинъ*, такъ, чтобы я могъ удѣлять *два* часа систематическому изложенію предмета и *два* часа практическимъ занятіямъ“.

г) И. д. доцента по кафедрѣ исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской, *Ө. М. Россейкина:*

„Въ виду значительнаго расширенія, по измѣненному академическому уставу, преподаваемаго мною предмета, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ имѣть въ наступающемъ учебномъ году *два* теоретическихъ

лекцій и *одинъ* часъ практическихъ занятій, примѣнительно къ § 85 устава, примѣчаніе“.

д) И. д. доцента по кафедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. П. Виноградова*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, на основаніи § 85 академическаго Устава, назначить мнѣ въ настоящемъ учебномъ году *два* теоретическихъ лекціи и *одну* практическую (одночасовую)“.

е) И. д. доцента по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *священника В. Н. Страхова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, какъ начинающему преподавателю, на основаніи примѣчанія къ § 85-му Устава Духовныхъ Академій, вмѣсто слѣдующихъ недѣльныхъ трехъ теоретическихъ лекцій и двухчасовой практической читать *два* теоретическихъ лекціи и *одночасовую* практическую“.

ж) И. д. доцента по кафедрѣ догматическаго богословія *А. М. Туберовскаго*:

„Имѣю крайнюю нужду почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи о назначеніи мнѣ, на основаніи примѣчанія къ § 85 Академическаго Устава, минимальнаго, въ предѣлахъ возможности, количества лекцій въ наступающемъ учебномъ году.

Просить такъ меня побуждаетъ двойной размѣръ работы, возложенной на меня, какъ начинающаго преподавателя Академіи (чтеніе лекцій и представленіе магистерскаго сочиненія), каковой размѣръ, въ связи съ неустойчивымъ здоровьемъ и понятнымъ желаніемъ успѣшнѣйшаго выполненія своей работы, становится особенно чувствительнымъ“.

з) И. д. доцента по кафедрѣ церковнаго права *Н. Д. Кузнецова*:

„Въ виду примѣчанія къ § 85 Устава Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ читать по церковному праву не болѣе *трехъ* лекцій въ недѣлю“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій 1910 года § 85, *примѣчаніе:* „Начинающимъ преподавателямъ Совѣтъ можетъ разрѣшить читать въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ и меньшее число лекцій“ (сравнительно съ нормою, каковою признается пять лекцій въ недѣлю, а по пастырскому богословію, гомилетикѣ и греческому языку—четыре лекціи.—2) Экстраординарный профессоръ *Д. И. Введенскій* состоитъ преподавателемъ Академіи съ 25 октября 1909 года, экстраординарный профессоръ *А. П. Орловъ*—съ 27 сентября 1905 года, исправляющіе должность доцента: *Н. Л. Туницкій*—съ 16 августа 1905 года, *Ө. М. Россейкинъ*—съ 17 сентября 1906 года, *В. П. Виноградовъ*—съ 16 августа 1910 года, священникъ *В. Н. Страховъ*, *А. М. Туберовскій* и *Н. Д. Кузнецовъ*—съ 16 августа 1911 года.—3) По § 110 лит. б п. 4 устава „опредѣленіе количества лекцій для начинающихъ преподавателей (прим. къ § 85)“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Признавая просьбы экстраординарныхъ профессоровъ *Д. И. Введенскаго* и *А. П. Орлова*, исправляющихъ должность доцента Академіи—*Н. Л. Туницкаго*, *Ө. М. Россейкина*, *В. П. Виноградова*, священника *В. Н. Страхова*, *А. М. Туберовскаго* и *Н. Д. Кузнецова* заслуживающими уваженія,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на 1911—1912 учебный годъ: экстраординарному профессору *А. П. Орлову* и и. д. доцента *Н. Л. Туницкому* по четыре лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и два часа на практическія занятія), а экстраординарному профессору *Д. И. Введенскому* и исправляющимъ должность доцента—*Ө. М. Россейкину*, *В. П. Виноградову*, священнику *В. Н. Страхову*, *А. М. Туберовскому* и *Н. Д. Кузнецову*—по три часа въ недѣлю (2 часа на теоретическія лекціи и 1 часъ на практическія занятія).

IV. Предложеніе И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостына:*

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ программы преподаваемыхъ ими наукъ и соображенія о предполагаемомъ ходѣ

практическихъ занятій на 1911—1912 учебный годъ. — На основаніи § 110 лит. а п. 4 устава духовныхъ академій, предлагаю эти программы и соображенія на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академій“.

Опредѣлили: Признавая представленныя г.г. наставниками Академій программы преподаванія на 1911 — 1912 учебный годъ соответствующими указаніямъ, преподаваемымъ на сей предметъ Святѣйшимъ Синодомъ въ объяснительной запискѣ къ уставу духовныхъ академій 1910 года, и научной постановкѣ предметовъ,—программы эти утвердить.

V. Разсуждали: *О распредѣленіи лекцій и практическихъ занятій въ Академіи на 1911—1912 учебный годъ.*

Справка: По § 110 лит. и п. 10 устава духовныхъ академій „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Въ случаѣ утвержденія постановленій и удовлетворенія ходатайствъ, изложенныхъ въ опредѣленіяхъ по стт. II и III настоящаго журнала, распредѣлить лекціи и практическія занятія въ Академіи въ 1911—1912 учебномъ году по слѣдующей таблицѣ ¹⁾:

¹⁾ При печатачии внесены въ росписаніе лекцій и позднѣйшія измѣненія.

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Московской Дух. Академіи на 1911—1912 учебный годъ.**

дни.	ч а с ы.	Первый курсъ.
Понедѣль никъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Новые языки Новые языки Основное богословіе Основное богословіе 1-й групповой предметъ *) (1, 2, 4) 1-й групповой предметъ (1, 2, 4)
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	1-й групповой предметъ (1) 1-й групповой предметъ (пр. зан.) (1, 2, 4) 1-й групповой предметъ (пр. зан.) (1, 4) Основное богословіе Основное богословіе (пр. зан.) Основное богословіе (пр. зан.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Греческій языкъ Греческій языкъ Новые языки Новые языки Исторія философіи Педагогика Исторія философіи Педагогика
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія философіи Педагогика Ист. ф-ія (пр. зан.) Педагогика (пр. зан.) Ист. ф-ія (пр. зан.) Педагогика (пр. зан.) Систематическая философія и логика Систем. ф-ія и логика (пр. зан.) Систем. ф-ія и логика (пр. зан.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Систематическая философія и логика Систематическая философія и логика Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Исторія древней церкви Исторія древней церкви
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I (пр. зан.) Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I (пр. зан.) Исторія древней церкви Исторія древней церкви (пр. зан.) Исторія древней церкви (пр. зан.)

*) 1. Русская гражданская исторія.—2. Библейская исторія, въ связи съ исторіей древняго міра.—3. Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Московской Дух. Академіи на 1911—1912 учебный годъ.**

дни	ч а с ы.	Второй курсъ.
Понедѣль- никъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II (пр. зан.) 2-й групповой предметъ **) (1, 2, 3) 2-й групповой предметъ (1, 2, 3)
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	2-й групповой предметъ (2) 2-й групп. предметъ (пр. зан.) (1, 2, 3) 2-й групп. предметъ (пр. зан.) (2, 3) Психологія Психологія (пр. зан.) Психологія (пр. зан.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Психологія Психологія Греческій языкъ Греческій языкъ Исторія философіи Педагогика Исторія философіи Педагогика
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія философіи Педагогика. Ист. ф.и (пр. зан.) Педагогика (пр. зан.) Ист. ф.и (пр. зан.) Педагогика (пр. зан.) Патрологія I Патрологія I (пр. зан.) Патрологія I (пр. зан.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія I Патрологія I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Исторія русской церкви Исторія русской церкви
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I (пр. зан.) Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта I (пр. зан.) Исторія русской церкви Исторія русской церкви (пр. зан.) Исторія русской церкви (пр. зан.)

**) 1. Исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей.—2. Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.—3. Исторія русской литературы.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Московской Дух. Академіи на 1911—1912 учебный годъ.**

дни	ч а с ы.	Третій курсъ
Понедѣльникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свѣц. Писаніе Ветхаго Завета II Свѣц. Писаніе Ветхаго Завета II Свѣц. Писаніе Ветхаго Завета II (пр. зан.) Групповые предметы Групповые предметы
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Групповые предметы Групповые предметы (пр. зан.) Групповые предметы (пр. зан.) Догматическое богословіе Догматическое богословіе (пр. зан.) Гомилетика (пр. зан.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія II Патрологія II Патрологія II (пр. зан.) Догматическое богословіе Педагогика Педагогика
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Педагогика Педагогика (пр. зан.) Педагогика (пр. зан.) Патрологія I Патрологія I (пр. зан.) Патрологія I (пр. зан.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія I Патрологія I Гомилетика Гомилетика Исторія древней церкви Исторія древней церкви
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Церковное право Церковное право Церковное право (пр. зан.) Исторія древней церкви Исторія древней церкви (пр. зан.) Исторія древней церкви (пр. зан.)

Распределение лекцій и практическихъ занятій въ Московской Дух. Академіи на 1911—1912 учебный годъ.

дни.	ч а с ы.	Четвертый курсъ.
Понедѣльникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Догматическое богословіе Догматическое богословіе (пр. зан.) Гомилетика (пр. зан.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II Догматическое богословіе Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II Свящ. Писаніе Нов. Заѣ. II (пр. зан.)
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Нравственное богословіе Нравственное богословіе Гомилетика Гомилетика Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II (М. Д. М.)
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Нравственное богословіе (пр. зан.) Нравственное богословіе (пр. зан.) Нравственное богословіе

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Войти съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ. По ст. III. Разрѣшается постановленіе Совѣта привести въ исполненіе. Прочее смотрѣно“.

31 августа 1911 года.

№ 17.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ и. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, и. д. инспектора—ординарный профессоръ А. И. Введенскій; ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, М. М. Богословскій, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ; исправляющіе должность доцента Академіи и лекторъ англійскаго языка (послѣдніе съ правомъ совѣщательнаго голоса).

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: сверхштатные заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій и М. Д. Муретовъ и экстраординарный профессоръ С. И. Соболевскій.

Слушали: I. а) Славный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Юля 11. Въ Совѣтъ Московскои Духовнои Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 6 іюля за № 20:

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 18 іюня сего года за № 1552, журналъ Учебнаго Комитета, № 256, о *вызвъ въ составъ новообразуемыхъ въ текущемъ году курсовъ духовныхъ академій воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій*. Приказали: Рассмотрѣвъ предложенія академическихъ Совѣтовъ относительно вызова на казенный счетъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ перваго курса духовныхъ академій въ наступающемъ академическомъ году и донесенія епархіальныхъ и семинарскихъ начальствъ о числѣ воспитанниковъ, признанныхъ благонадежными для отправленія въ академію, Святѣйшій Синодъ

опредѣляетъ: 1) въ соотвѣтствіе количеству имѣющихся въ духовныхъ академіяхъ казеннокоштныхъ вакансій, числу рекомендуемыхъ къ поступленію въ академіи воспитанниковъ духовныхъ семинарій и сравнительному количеству окончивающихъ нынѣ въ послѣднихъ курсѣ ученія и всѣхъ обучающихся въ семинаріяхъ воспитанниковъ, вызвать изъ рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами къ поступленію въ духовныя академіи 199 лицъ, къ надлежащему въ текущемъ году сроку, для зачисленія въ составъ перваго курса академій, на основаніи § 140-го Высочайше утвержденнаго 2 апрѣля 1910 г. Уст. прав. дух. академій, безъ экзаменовъ, съ содержаніемъ на синодальныя средства, 73 воспитанника, а именно: а) въ С.-Петербургскую академію—15, по одному воспитаннику изъ семинарій: Литовской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Витебской, Тверской, Подольской, Одесской, Вологодской, Костромской, Тамбовской, и Ярославской, двухъ воспитанниковъ изъ С.-Петербургской семинаріи и окончившаго курсъ Томской семинаріи въ 1910 году Тихонова, какъ уже подвергавшагося испытаніямъ въ академію въ 1910 году, за исключеніемъ древнихъ языковъ и нынѣ выдержавшаго экзамены по симъ предметамъ; б) въ Кіевскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Могилевской, Новгородской, Тверской, Волынской, Воронежской, Курской, Полтавской, Тифлисской, Харьковской, Владимірской, Вологодской, Калужской, Костромской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской и двухъ воспитанниковъ изъ Кіевской семинаріи; в) въ Московскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: *Минской, Рижской, Волынской, Воронежской, Донской, Екатеринославской, Кишиневской, Курской, Подольской, Ставропольской, Таврической, Черниговской, Владимірской, Калужской, Виоанской, Орловской, Рязанской и Тульской* и двухъ воспитанниковъ изъ *Московской* семинаріи; и г) въ Казанскую академію—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Тверской, Полтавской, Владимірской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Астраханской, Вятской, Александровской, Иркутской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Тобольской, Томской, Уфимской и Якутской: 2) остальные казеннокоштыя вакансіи на первомъ курсѣ духовныхъ академій предоставитъ лучшимъ изъ имѣющихся

явиться къ пріемнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ духовныхъ Академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новообразованныхъ курсовъ, съ указаніемъ принятыхъ въ число студентовъ этихъ курсовъ какъ по вызову изъ духовныхъ семинарій, безъ экзаменовъ, такъ и на основаніи повѣрочныхъ испытаній; и 4) поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они а) неуклонно исполняли, при представленіи воспитанниковъ для вызова въ духовныя академіи, всѣ требованія, изложенныя въ указахъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго представленія относящихся къ сему свѣдѣній, такъ и полноты послѣднихъ, касательно общаго числа учащихся въ семинаріяхъ и въ VI классѣ, а также и успѣховъ рекомендуемыхъ воспитанниковъ, въ среднемъ выводѣ по наукамъ за первые 5 классовъ и въ годовомъ баллѣ за VI классѣ, б) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ для поступленія въ академіи какъ по способностямъ, успѣхамъ и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, в) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія—отъ вступленія на духовно-учебную службу, г) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ, и д) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 5 мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для зависящаго исполненія вышеизложеннаго опредѣленія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій, послать Преосвящен-

нымъ Митрополитамъ Московскому и Кіевскому, Архіепіскопу Казанскому и Епископу Нарвскому, временно управляющему С.-Петербургскою епархією, печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочіихъ епархіальныхъ Преосвященныхъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 5. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 августа за № 10293:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали: прошеніе болгарскаго подданнаго, студента Софійскаго университета *Стояна Петкова* о принятіи его въ число студентовъ Московской духовной академіи на стипендію Святѣйшаго Синода. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи допустить въ текущемъ году къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ академію болгарскаго подданнаго, студента Софійскаго университета *Стояна Петкова*, съ назначеніемъ ему, въ случаѣ выдержанія испытаній, стипендіи изъ синодальныхъ средствъ, въ суммѣ двухсотъ пятидесяти руб. въ годъ, на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. I § 2 специальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

в) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью „1911 г. Авг. 11. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа за № 10592:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 іюля сего года за № 2106, журналъ Учебнаго Комитета, № 378, а) по ходатайству Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Григорія, Патриарха Антиохійскаго, о принятіи въ Кіевскую духовную академію окончившаго въ 1911 г. Московскую духовную семинарію уроженца г. Дамаска сиро—араба *Алексанора Яреда*, и б) по прошенію самого Яреда о разрѣшеніи ему поступить въ Московскую духовную академію, наиболѣе соотвѣтствующую по условіямъ своего мѣстонахожденія состоянію здо-

ровья его, Яреда. Приказали: Имѣя въ виду очень хорошіе успѣхи и отличное поведеніе окончившаго курсъ богословскихъ наукъ въ Московской духовной семинаріи уроженца г. Дамаска, сиро—араба Александра Яреда, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи допустить упомянутаго Яреда къ пріемнымъ испытаніямъ для поступления въ число студентовъ академіи; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ и увѣдомить Патріарха Антіохійскаго“.

г) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: 1911 г. Авг. 12. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 августа за № 10682:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 29 Юля сего года № 24063, по ходатайствамъ: 1) Его Блаженства, Патріарха Антіохіи и всего Востока Григерія о принятіи въ I классъ одной изъ духовныхъ семинарій шести сиро-арабовъ: Михаила Хури, Ивана Захаріи, Абдо Устфана, Николая Дмитрія, Дмитрія Басила и Юсифа Хури, съ назначеніемъ на содержаніе ихъ стипендій изъ суммъ Святѣйшаго Синода, 2) Преосвященнаго Митрополита Черногорскаго Митрофана о принятіи окончившаго 2 классъ реальной гимназіи въ Бѣлградѣ, черногорскаго подданнаго Іоанна Машковича въ семинарію на синодальную стипендію, 3) по сообщеннымъ Первымъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ поступившимъ въ Императорскую Миссію въ Румыніи ходатайствамъ: а) Митрополита Молдавскаго Пимена о принятіи румынско-подданныхъ Георгія Іонеско и Дмитрія Николаеску стипендіатами въ Кіевскую духовную академію, и б) Епископа Никодима, викарія Ясской Митрополіи, о принятіи стипендіатомъ въ ту же академію румынско-подданнаго Константина Мунтяна, также на синодальную стипендію, и 4) сирійскаго уроженца *Александра Яреда*, прослушавшаго курсъ 5 и 6 классовъ Московской духовной семинаріи, о принятіи его въ число воспитанниковъ Московской духовной академіи, съ предоставленіемъ ему, въ случаѣ поступленія въ академію, синодаль-

ной стипендіи. II, по справкѣ, Приказали: 1) Разрѣшить Правленіямъ Кишиневской и Полтавской духовныхъ семинарій принять въ первую—сиро—арабовъ Михаила и Іосифа Хури, Ивана Захарію и Абдо Устфана, и во вторую—сиро—арабовъ Николая Дмитрія, Дмитрія Басила и черногорскаго подданнаго Іоанна Машковича въ соотвѣтствующій ихъ познаніямъ классъ, съ назначеніемъ имъ въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ синодальныхъ стипендій изъ основнаго духовно-учебнаго капитала, 2) разрѣшить Совѣту Кіевской духовной академіи допустить румынско-подданныхъ Георгія Іонеско, Дмитрія Николаеску и Константина Мунтява къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи, съ назначеніемъ имъ, въ случаѣ выдержанія испытаній, въ установленномъ размѣрѣ синодальныхъ стипендій изъ основнаго духовно-учебнаго капитала, и 3) назначить допущенному по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 3—4 августа сего года, къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи сирійскому уроженцу *Александру Яреду*, въ случаѣ выдержанія имъ испытаній, синодальную стипендію въ установленномъ размѣрѣ изъ означеннаго источника; о чемъ послать Митрополиту Кіевскому, Вашему Преосвященству, Архіепископу Полтавскому и Епископу Аккерманскому, временно управляющему Кишиневскою епархією, указы“.

д) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 августа за № 11045:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 13 сего Августа за № 7876, о томъ, что Его Императорскому Величеству Государю Императору на всеподданнѣйшемъ его, Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, докладѣ опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 11 сего Августа за № 5937, о разрѣшеніи штабсъ-капитану запаса Инженерныхъ войскъ Николаю *Бляеву* и поручику *Симанскому* держать экзамены для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи, благоугодно было, въ 12 день сего Августа, въ Пе-

тергофѣ, Собственноручно начертать: „Согласенъ“. Справка: Определеіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 Августа 1911 г. за № 5937, предоставлено Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе штабсъ-капитану запаса Инженернаго войска Николаю Бѣляеву, окончившему курсъ Николаевскаго Инженернаго училища и офицерской военной электротехнической школы, и поручику Симанскому, окончившему курсъ Александровскаго военнаго училища, держать экзамены для поступления въ число студентовъ Московской духовной академіи, съ освобожденіемъ перваго изъ нихъ отъ экзамена по древнимъ языкамъ. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи послать, для надлежащаго исполненія, Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Болгарскій подданный Стоянъ Николовъ *Петковъ*, сирійскій уроженецъ Александръ *Яредъ* и штабсъ-капитанъ запаса инженерныхъ войскъ Николай *Бѣляевъ* явились въ Академію къ началу повѣрочныхъ испытаній и подвергались онымъ наравнѣ съ прибывшими къ испытаніямъ воспитанниками духовныхъ семинарій.—Поручикъ Андрей *Симанскій* прибылъ въ Академію по окончаніи повѣрочныхъ испытаній и представилъ въ Совѣтъ Академіи особое прошеніе, изложенное въ ст. IV настоящаго журнала.

.. е) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 10. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 5 августа за № 10515:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 25 Іюля сего года № 7374, о томъ, 1) что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 1—6 Іюля сего года за № 4974, онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, имѣлъ счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе въ *Московскую* духовную академію, съ особаго каждый разъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ изъятіе изъ § 142 академическаго устава, *лицъ бѣлаго духовенства, имѣющихъ женъ*, если они удовлетворяютъ тре-

бованіямъ §§ 141 и 144 означеннаго устава, и 2) что Его Императорскому Величеству на всеподданнѣйшемъ докладѣ его, Г. Оберъ-Прокурора, по сему вопросу благоугодно было, въ 18-й день Іюля, Собственноручно начертать: „Согласенъ“. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

ж) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 11. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа за № 10593:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 13 Іюля сего года за № 1869, журналъ Учебнаго Комитета, № 311, о выработанныхъ Совѣтами духовныхъ академій *правилахъ зачисленія въ студенты академій лицъ, подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ при академіяхъ*. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: въ разъясненіе § 144 Уст. дух. акад., по которому изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ академію только тѣ, кто выдержалъ оныя уснѣшно, установить слѣдующія правила: 1., въ академію принимаются получившіе по всѣмъ устнымъ испытаніямъ и сочиненіямъ не менѣе трехъ; 2., могутъ быть, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, зачисляемы въ студенты академіи получившіе неудовлетворительный баллъ не виже 2 по одному изъ предметовъ устнаго испытанія, если они имѣютъ баллъ по каждому сочиненію не менѣе 3 и средній баллъ по всѣмъ устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $3\frac{3}{4}$ и 3., получившіе на приѣмныхъ испытаніяхъ двѣ двойки или одну единицу не могутъ быть принимаемы въ академію; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

з) Отношенія 19-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXX) академическаго курса воспитанниковъ:

Внѣанской—Михаила Введенскаго,
Владимірской—Николая Бѣльчикова,
Волынской—Ивана Ленчинскаго,
Воронежской—Петра Алферова,
Донской—Петра Архишова,
Екатеринославской—Николая Гераскевича,
Калужской—Сергѣя Георгіевскаго,
Кишиневской—Виктора Матвѣевича,
Курской—Сергѣя Иванова,
Минской—Михаила Вахаева,
Московской—Сергѣя Колосова и Николая Троицкаго,
Орловской—Михаила Голубцова,
Подольской—Петра Пясецкаго,
Рижской—Александра Щукина,
Рязанской—Евгенія Арбекова,
Ставропольской—Антонія Орлова,
Таврической—Михаила Олейника,
Тульской—Николая Драчева и
Черниговской—Николая Колчицкаго.—

и) Заявленіе и. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина* о томъ, что, согласно вышеизложеннымъ указамъ Святѣйшаго Синода и правиламъ о приѣмѣ учащихся въ Академію (§ 136—139, 141—142 устава духовныхъ академій 1910 года), въ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступления въ Академію Преосвященнымъ Ректоромъ допущено было 46 лицъ: 43 студента духовныхъ семинарій (въ числѣ ихъ два священника, имѣющіе женъ), сирійскій уроженецъ Александръ *Яредъ*, болгарскій подданный Стоянъ *Николовъ Петковъ* и штабсъ-капитанъ запаса инженерныхъ войскъ Николай *Бѣляевъ*.—Повѣрочныя испытанія, согласно § 143 академическаго устава, произведены были, въ объемѣ курса духовныхъ семинарій: *устныя*—по Священному Писанію Новаго Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до 1054 г.) и одному изъ древнихъ языковъ, по выбору экзаменуемыхъ (отъ послѣдняго испытанія освобождены были лишь, согласно вышеприведенному указу Святѣйшаго Синода за № 11045, штабсъ-капитанъ запаса Николай *Бѣляевъ*); *письменныя*—по нравственному богословію, психологіи и со-

ставленію поученія.—Одинъ студентъ выбылъ изъ Академіи до окончанія испытаній.

і) Рапортъ врача Академіи *А. В. Танина*:

„Имѣю честь довести до свѣдѣнія Московской Духовной Академіи, что 16 августа мною былъ произведенъ медицинскій осмотръ студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, желающихъ держать повѣрочныя испытанія для поступленія на первый курсъ Академіи, причемъ у студента Калужской духовной семинаріи *Смирнова* Александра и у студента Псковской духовной семинаріи *Цвинева* Ивана мною найдено предрасположеніе къ заболѣванію легочнымъ туберкулезомъ. Я съ своей стороны полагаю бы возможнымъ принять ихъ въ Академію, но нахожу болѣе удобнымъ для нихъ жить не въ общежитіи, а на частной квартирѣ.—Состояніе здоровья всѣхъ остальныхъ найдено мною удовлетворительнымъ“.

Справка: Въ отношеніи О. Ректора Псковской духовной семинаріи, отъ 22 августа сего года за № 385, съ удостовѣреніемъ о благонадежности къ принятію въ Академію студента названной семинаріи Ивана *Цвинева*, между прочимъ, значится слѣдующее: „Къ вышеизложенному считаю долгомъ присовокупить, что, не смотря на свой физическій недостатокъ и вообще слабую физическую организацію, Цвиневъ въ теченіе семинарскаго курса отличался удовлетворительнымъ здоровьемъ и исправно посѣщалъ уроки“.

к) Донесенія экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXX академическаго курса по собственному желанію, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:

А) Донесеніе комиссія, производившей испытанія по *Священному Писанію Новаго Завѣта*:

„Экзамень по Священному Писанію Новаго Завѣта держали 43 студента духовныхъ семинарій (изъ нихъ 12 окончили курсъ раньше текущаго года), болгаринъ, окончившій курсъ.

Софійской духовной семинаріи, и штабсъ-капитанъ запаса Инженерныхъ войскъ, окончившій курсъ Николаевского Инженернаго Училища и Военной Электротехнической школы.

Результатъ испытаній, если судить по поставленнымъ балламъ, можетъ быть названъ хорошимъ, такъ какъ средній баллъ, полученный всѣми экзаменовавшимися, почти равенъ четыремъ ($3^{8/9}$). 20 экзаменовавшихся получили баллы удовлетворительные (3, 3+, $3^{1/2}$) 18—хорошіе и очень хорошіе (4—, 4, 4+, $4^{1/2}$) и 7—отличныя (5—, 5). 18 студентовъ Московской семинаріи имѣютъ средній баллъ нѣсколько выше $3^{1/2}$ (3, 57); 8 виаанскихъ $3^{3/4}$; четверо калужскихъ почти 4 ($3^{15/16}$) и двое тульскихъ $4^{3/4}$; изъ другихъ семинарій было лишь по одному студенту. Но подъ этими высокими цифровыми данными скрываются не совсѣмъ утѣшительныя конкретныя факты. Правда, написанныя на билетахъ безъ цитата тексты находили всѣ экзаменовавшіеся за немногими исключеніями (Ряз.—свящ., Одесск. и 2 Моск., изъ которыхъ одинъ, кромѣ того, повѣствованіе о рожденіи Претечи хотѣлъ искать сначала у ев. Іоанна, потомъ у Матѳея и, наконецъ ужъ, назвалъ Луку—), понимали ихъ внѣшне-вербальный смыслъ, болѣе или менѣе легко указывали параллельныя мѣста и обнаруживали нѣкоторыя, хотя элементарныя и смутныя, познанія въ области евангельской исагогики, но мало было замѣтно освоенности съ новозавѣтнымъ священнымъ текстомъ, нѣтъ начитанности въ Священномъ Писаніи; отсутствовалъ навыкъ мыслить и выражаться по новозавѣтному. Ясно было, что средняя духовная школа совсѣмъ не подобна тому блаженному мужу, который поучается въ законѣ Господнемъ день и ночь. Слабо и даже болѣе чѣмъ слабо представляли себѣ экзаменовавшіеся идейно-богословское содержаніе толкуемыхъ отдѣловъ. Особенно безсодержательны были отвѣты по изъясненію самаго содержательнаго посланія ап. Павла къ римлянамъ. Богословскія созерцанія великаго апостола языковъ, оказывается, стоятъ совершенно внѣ богословскаго горизонта студентовъ духовныхъ семинарій. Кромѣ того, экзаменовавшіеся были безсильны при установленіи даже и вербальнаго-то смысла наиболѣе затруднительныхъ мѣстъ, какъ напр., Мѳ. 24, 28 и Лк. 17, 37, сопоставленіе Мѳ. 5, 48 съ Лев. 19, 2, Іак. 2, 26, Рим. 1, 17, 1 Тим. 2, 15; 3, 16, Еф. 1, 23, Евр. 11, 1. 4 (жертву *лучшую*).

19 (въ притчѣ пріять). 21. Много разъ эти и подобныя мѣста указывались въ отзывахъ и раньше, однако ничуть не замѣтно, чтобы на указаніе это было обращено надлежащее вниманіе. Съ особеннымъ прискорбіемъ и съ нѣкоторой тревогой за будущее академическое изученіе Новаго Завѣта коммиссія наблюдала тотъ печальнѣйшій фактъ, что для желающихъ поступить въ высшую богословскую школу подлинный греческій текстъ священныхъ книгъ являлся чѣмъ-то вродѣ китайской грамоты. Незнакомство съ греческой новозавѣтной терминологіей и синонимикой, кажется, совершенно не имѣло никакихъ границъ. Не могли различить *εἶνος* отъ *καθαρὸς* (Орл.), *ἄγιος* отъ *τέλειος* (Моск.), *πρεῖμα* и *ψηχή* (Моск.), *ἀγαπᾶω* и *φιλέω* (Моск.), *πρωτός* и *πῆνς* (Калужск.), *πορεία* и *μοιχία* въ МѠ. 5, 32 (Калужск.), *θέλημα* и *ἐπιθυμία*, *σῶμα* и *σάρξ*, причѣмъ слово *σάρξ* оказывалось совершенно неизвѣстнымъ (Моск.). Незвѣстно было и слово *κένωσις* (Костр.). Студентъ Московской семинаріи, не зная и не повимая слова *τέλος*, не могъ согласить Рим. 10, 4 (*кончина* закона Христосъ) съ МѠ. 5, 17 (не приидохъ разорити, но *исполнити*). По той же малограмотности и даже безграмотности въ греческомъ языкѣ экзаменовавшіеся за немногими исключениями (ВиѠ.—Рим. 3, 25, Тульск.—Іак. 5, 12) оказывались совершенно безпомощными, когда имъ предлагалось объяснить различіе между славянскимъ и русскимъ текстами или отдать предпочтеніе одному изъ нихъ въ такихъ, напр., мѣстахъ, какъ—Іоан. 6, 27—слав.: дѣлайте, руск.: старайтесь, греч.: *ἐργάζεσθε* (Ряз.), Іоанн. 12, 17 (Моск.—смѣшивалъ значеніе *ὅτι* и *ὅτε*), Лк. 16, 1—слав.: оклеветанъ бысть, русск.: донесено было (ВиѠ.), Іак. 2, 18—слав.: *отъ* дѣлъ, русск. *безъ* дѣлъ (ВиѠ.), 2 Кор. 12, 7—слав.: пакостникъ плоти, русск.: жало въ плоть, греч.: *σκόλοψ τῇ σαρκί* (ВиѠ.), Еф. 4, 16—слав.: всяцѣмъ осязаніемъ подаванія, русск.: посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, греч.: *διὰ πάσης ἀγῆς τῆς ἐπιχορηγίας* (Орлов.).

Всѣ отмѣченные недостатки почти въ равной мѣрѣ свойственны были всѣмъ выслушаннымъ отвѣтамъ. Не смотря на это, коммиссія нашла возможнымъ дѣлать сравнительно высокую балловую оцѣнку, имѣя въ виду не столько запасъ знаній экзаменовавшихся, сколько степень обнаруженной ими вдумчивости, сообразительности и вообще способности самостоятельно мыслить и рассуждать.

Лучшіе отвѣты принадлежать студентамъ семинарій: ка-
лужской и тульской (5), виѣанской, московской и смолен-
ской (5—). Высшимъ же балломъ (5) отмѣчены и выдаю-
щіеся прекрасные отвѣты болгарина г. Петкова и штабсъ-
капитана г. Бѣляева. Нѣсколько наиболѣе слабыхъ отвѣтовъ
дали студенты столичной семинаріи, но это, конечно, объ-
ясняется тѣмъ, что изъ названной семинаріи къ экзаменамъ
явились 13 студентовъ выпуска текущаго года и 5 изъ преж-
нихъ выпусковъ (4—1910 г. и одинъ 1909 г.) и въ этомъ
числѣ могли оказаться лица, подготовленные сравнительно
слабѣе“.

В) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по
догматическому богословію:

„Комиссія, экзаменовавшая по Догматическому богосло-
вію, имѣетъ честь сообщить: всѣхъ подвергавшихся экза-
мену волонтеровъ было 45; изъ нихъ одинъ штабсъ капи-
танъ запаса Инженерныхъ войскъ, окончившій курсъ Нико-
лаевского Инженернаго Училища и военной электротехни-
ческой школы; одинъ болгаринъ, изъ Софійской духовной
семинаріи; остальные—студенты русскихъ духовныхъ семи-
нарій (въ томъ числѣ два священника и одинъ сиріецъ).
Особенно богато были представлены семинаріи: Московская
(18 студд.) и Виѣанская (8 студд.), въ общей сложности давшія
большую часть экзаменовавшихся.

Средній экзаменскій балль—4, 1. Частіе:

четыре	5;	} Высшіе баллы поставлены представителямъ семинарій: Костромской, Виѣанской, Смолен- ской и Московской.
шесть	5—;	
девять	4 ^{1/2} ;	
пять	4+;	
шесть	4;	
шесть	4—;	
четыре	3 ^{1/2} ;	} Низшій балль получилъ студентъ Московской семинаріи.
одна	3;	
три	3—;	
одна	2 ^{1/2} .	

Фундаментальную часть отвѣта составляло послѣдователь-
ное изложеніе учебника. Кромѣ того, экзаменовавшіеся
должны были отвѣчать и „на вопросы“, которые ставились
не только въ предѣлахъ программы, но и послѣднихъ цир-

кулярныхъ требованій относительно жизненно-синтетическаго и историческаго усвоенія догматовъ.

Къ положительной сторонѣ полученныхъ отвѣтовъ нужно отнести догматическую ортодоксальность и знаніе учебника. Не менѣе, если не болѣе, удачны отвѣты, дававшіеся по преподавательскимъ запискамъ. Въ частности, отвѣты священниковъ, не смотря на относительную запоздалость въ смыслѣ поступленія въ высшую школу и затруднительность подготовки, были не менѣе успѣшны, чѣмъ отвѣты только что окончившихъ студентовъ. То же самое слѣдуетъ повторить относительно военнаго электротехника-инженера, съ духовной школой ранѣе дѣла не имѣвшаго, равно какъ и двухъ иностранцевъ.

Къ болѣе общимъ недостаткамъ могутъ быть отнесены: наклонность отвѣчать изъ смежныхъ билетовъ, незнаніе догматическихъ формулъ и сравнительно слабое усвоеніе послѣдняго, эсхатологическаго, отдѣла курса.

Изъ особенно неудачныхъ и притомъ частныхъ отвѣтовъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: 1) о Протестантствѣ свѣдѣній *не имѣется* (у студ. Тульск. сем.); 2) ученія о предопредѣленіи въ Православной Церкви *нѣтъ* (онъ же); 3) освященіе понимается, какъ *только* обращеніе (онъ же); 4) Посланіе Восточныхъ патріарховъ составлено *Петромъ Могилой* и отправлено *Павлу Самосатскому* (Москвичъ); 5) Писаніе *отожествляется* съ Евангеліемъ (онъ же) 6) О Св. Духѣ *нѣтъ* ученія въ Ветхомъ Завѣтѣ (Виван.); 7) о „пресуществленіи“ ничего *не извѣстно* (отвѣчавшій склоненъ былъ на записки своего преподавателя, въ которыхъ онъ о „пресуществленіи“ ничего не нашелъ, сослаться, какъ на норму, или своего рода программу, по которой должно спрашивать на приѣмномъ академическомъ экзаменѣ); 8) Реформатство отъ Лютеранства *не отличается* (Москв.); 9) Благодать сообщается *впервые* въ мѣропомазаніи (онъ же).

Общее впечатлѣніе, вынесенное комиссіей отъ экзамена, впрочемъ, очень хорошее, о чемъ позволяетъ судить и средній балль“.

В) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по всеобщей церковной исторіи*:

„Въ настоящемъ году экзаменаціоннымъ испытаніямъ по

древней церковной исторіи подвергалось 46 волонтеровъ. Общій результатъ экзаменовъ выразился въ суммѣ 3, 83 и можетъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ. Лучшіе отвѣты (5, 5—) дали 4 Москов., 1 Виѳан., 1 Орлов., 1 Смолен., Рязан. и Псковской. Изъ 19 Московскихъ 9 получили высшіе (5, 5—, 4^{1/2}, 4+, 4) баллы, а также и всѣ восемь Виѳанской семинаріи.

Такъ какъ требованія къ экзаменуемымъ не превышали семинарской программы и не выходили за предѣлы церковно-историческаго матеріала, содержащагося въ принятомъ учебникѣ Е. Смирнова, то всѣ достоинства и недостатки сводились къ болѣе или менѣе точному и сознательному усвоенію учебника. Вообще, въ послѣдніе годы совсѣмъ не наблюдается того явленія, которое было нерѣдкимъ въ прежніе годы, чтобы воспитанникъ семинаріи, даже лучшій, обладалъ какими-нибудь церковно-историческими познаніями, независимыми отъ учебника. Обычныя ошибки—хронологія; географическія познанія почти совершенно отсутствуютъ. Наболѣе слабо усвояются отдѣлы: а) продолженіе арианской ереси послѣ Никейскаго собора и б) упорство монофизитовъ и монофизитскія секты. Отдѣлы: 1) взаимныя отношенія между церковью и государствомъ въ IV—XI вѣкахъ и участіе императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ; права и преимущества, предоставленныя церкви государствомъ; вліяніе церкви на государство, его управление и законодательство какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ; 2) церковное управленіе: учрежденіе патріархатовъ; права и преимущества патріарховъ; возвышеніе Константинопольскаго патріарха; высшая форма церковнаго управленія соборнаго—или совсѣмъ опускаются преподавателями семинарій или усвоятся такъ плохо, что рѣдкій экзаменующійся можетъ дать обстоятельный отвѣтъ, и когда экзаменуемому предлагается вопросъ изъ этой области, комиссія заранее можетъ знать, что онъ провалится. Таковы общіе недостатки, которые комиссія считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить“.

Г) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *греческому языку*:

„Экзамену по греческому языку подвергались 8 человекъ: 1 Самарской, 4 Московской (1 сирійскій уроженецъ), 1 Ви-

ванской, 1 Холмской (священник Делекторскій) и 1 Софійской духовной семинаріи (последній—болгарскій уроженецъ). Лучшіе отвѣты были даны 1 воспитанникомъ Московской семинаріи и 1 Виѣанской (балль пять). Всѣ отвѣты были не ниже средняго. Отвѣчающіе обнаружили достаточное знакомство съ грамматикою (вопросы предлагались преимущественно изъ этимологіи и морфологіи глагола) и нѣкоторую освѣдомленность въ греческомъ вокабулярѣ“.

Д) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по латинскому языку*:

„Экзаменующимся по латинскому языку былъ предложенъ для перевода трактатъ Цицерона: De senectute. Выдающихся въ смыслѣ знанія отвѣтовъ не было, а было скорѣе не мало отвѣтовъ, выдающихся по незнакомству и по полному неумѣнью братья за переводъ.

Одинъ не зналъ значенія словъ: cedo, nascor, pietas, turba, sumque. Другой не могъ сказать, что значатъ слова: persuadeo, celer, possum, teneo, sic. Третьему невѣдомы были по своему смыслу такія слова, какъ dubito, universus, mens, immortalitas, demonstro, supremus.

Даже, когда значеніе словъ было подсказано при разборѣ, оно тотчасъ же забывалось экзаменующимся, когда доходила очередь до перевода. Среди удовлетворительныхъ въ общемъ отвѣтовъ проскальзывали иногда такіе недочеты, какъ забвеніе того, что значить autem, или crimen, или roma. Слову navis приписывали значеніе: морякъ, слову careo—любить, а слово vixit одинъ экзаменующійся почему-то вздумалъ переводить словомъ: убѣжалъ“.

Е) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія *по нравственному богословію*:

„Данная тема—„Что говоритъ христіанство богатымъ и бѣднымъ объ ихъ взаимномъ отношеніи“—не могла ставить писавшихъ въ затрудненіе относительно общаго содержанія требуемаго отвѣта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она давала широкій просторъ для обнаруженія степени и характера интеллектуальной подготовленности испытуемыхъ. Лишь немногіе изъ нихъ поставили свой отвѣтъ въ связь съ современнымъ социальнымъ вопросомъ; большинство, повидимому, не имѣетъ

никакихъ свѣдѣній о социальномъ-экономическомъ движеніи нашихъ дней. Наиболѣе освѣдомленнымъ, по крайней мѣрѣ, въ терминахъ и лозунгахъ, носящихся нынѣ въ воздухъ, оказался воспитанникъ болгарской семинаріи, и это подчеркиваетъ отчужденность нашихъ семинарій отъ литературы и жизни, ихъ замкнутость въ узкой сферѣ. Однако и въ области собственно богословскаго трактованія вопроса писавшіе обнаружили значительное разнообразіе. Нѣкоторыя сочиненія написаны въ видѣ богословско-философскихъ разсужденій, и это вмѣстѣ съ тѣмъ лучшія работы въ формальномъ отношеніи. Большая же часть сочиненій, страдающихъ къ тому же безграмотностью и безсвязностью изложенія, написана въ проповѣдническомъ тонѣ. Авторы этихъ назидательныхъ тетрадокъ, очевидно, понятія не имѣютъ о томъ, что обсуждать богословскую тему не значитъ изливать чувства и трогать сердца читателей или слушателей. И проповѣди эти не сдерживаются границами данной темы, предполагающей наличность социальнаго антагонизма: авторы ихъ проповѣдуютъ о тлѣнности земныхъ благъ, мысль о которой устраняетъ самую проблему взаимнаго отношенія богатыхъ и бѣдныхъ, дѣлаетъ ее простымъ недоразумѣніемъ.

Можно сдѣлать нѣкоторыя групповыя наблюденія. Среди державшихъ испытанія—8 изъ Виенской семинаріи и 18 изъ Московской, не считая одного сирійскаго уроженца. Виенцы наклонны къ дисциплинированному мышленію и показываютъ нѣкоторую начитанность въ богословской литературѣ. Сочиненіямъ столичныхъ семинаристовъ свойственно, наряду съ безграмотностью, риторическое пустословіе“.

И) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по психологii:

„Пріемныя сочиненія по психологii были писаны на тему: „Вліяніе привычки на умственное и нравственное развитіе человека“. Изъ представленныхъ 46 сочиненій комиссія не нашла ни одного, которое ее вполне удовлетворило бы. Средній уровень ихъ былъ несомнѣнно ниже, чѣмъ это наблюдалось въ прежніе годы, когда конкурсному испытанію подвергались не только волонтеры, но и присланные. Общимъ недостаткомъ большинства сочиненій является скудость содержанія и бѣдность мысли. Нѣкоторые авторы не

могли сказать на заданную тему ничего иного, кромѣ того что привычки бываютъ хорошими и дурными, что первыя полезны для умственнаго и нравственнаго развитія, а вторыя вредны. Эта общая мысль, поясняемая незамысловатыми примѣрами, повторялась на разные лады и такими повтореніями иногда наполнялись цѣлыя страницы. Тамъ, гдѣ экзаменовавшіеся пытались нѣсколько выяснитъ вопросъ, ихъ отвѣты были обыкновенно очень шаблонны и не шли далѣе того, что можно было извлечь изъ семинарскихъ учебниковъ. Доказывались положенія, что привычка создаетъ экономію энергіи и открываетъ просторъ для умственной дѣятельности, что она отражается на методахъ мышленія, обуславливаетъ формальное развитіе ума и служитъ основой нравственнаго характера. Но никто (если не считать двухъ—трехъ слабыхъ намековъ) не догадался отмѣтить ея вліяніе на образованіе человѣческихъ вѣрованій, на складъ убѣжденій и формы міросозерцаній; никто не остановился на такихъ проявленіяхъ привычки, какъ рутина и консерватизмъ во взглядахъ и дѣйствіяхъ; никто не сдѣлалъ попытки ясно разграничить сферу привычки отъ актовъ свободы; наконецъ, лишь очень немногіе коснулись вопроса о педагогическомъ значеніи привычки и о способахъ ея воспитанія. Нѣкоторые авторы, сосредоточивая вниманіе на полезныхъ дѣйствіяхъ привычки, забывали выяснитъ ея вредныя стороны, а одинъ (Моск.), наоборотъ, старался доказать, что всякая привычка безусловно вредна. Самое понятіе привычки иногда опредѣлялось неточно и расширялось до такихъ предѣловъ, что утрачивало всякій опредѣленный смыслъ: въ него включались и упражненіе, и потребности, и настроенность, и память, и проявленія бессознательнаго автоматизма вообще. На ряду съ неясностью психологическихъ понятій наблюдалось и слабое знакомство съ исторіей философскихъ ученій. Наприм., одинъ изъ двухъ авторовъ (Калуж.), вспоминая ихъ (хотя и не особенно кстати) объ *idola* Бэкона, приписывалъ ихъ Локку. Слѣды какой-нибудь начитанности встрѣчались весьма рѣдко, да и въ этихъ случаяхъ авторы не умѣли распорядиться своими знаніями, какъ слѣдуетъ. По мыслямъ и способу ихъ аргументаціи нѣкоторыя сочиненія имѣли скорѣе богословскій, чѣмъ философскій складъ. Характерною чертой довольно многихъ сочиненій былъ свое-

образный гомилетическій паеосъ, дѣлавшій ихъ иногда болѣе похожими на проповѣди, чѣмъ на разсужденія. Конечно, этимъ дѣланнмъ паеосомъ отчасти прикрывалось просто неумѣнье логически разобратъся въ вопросѣ, но отчасти въ немъ сказывался и заученный литературный пріемъ. Писавшіе о привычкѣ въ этомъ случаѣ, очевидно, сами были во власти своего рода умственной привычки. Съ внѣшней стороны сочиненія производятъ болѣе благопріятное впечатлѣніе. Большинство авторовъ обладаетъ достаточнымъ навыкомъ къ связному изложенію мыслей. Грубыя грамматическія ошибки встрѣчались, но не особенно часто. Сравнительно лучшія изъ разсмотрѣнныхъ комиссіей сочиненій принадлежатъ экстерну, окончившему Николаевское Инженерное Училище (5—), священнику, учившемуся во Владимирской и Холмской семинаріяхъ (4^{1/2}), и студенту Виѣанской семинаріи (4^{1/2}); неудовлетворительными баллами (ниже 2^{1/2}) отмѣчены сочиненія одного студента Калужской семинаріи, одного Тульской и пяти Московской. Значительное число плохихъ балловъ у студентовъ Московской семинаріи объясняется, конечно, тѣмъ, что эта семинарія по обыквенію доставила наибольшій процентъ экзаменующихся (19 изъ 46)“.

3) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей *поученія*:

„Нѣтъ ничего труднѣе, какъ охарактеризовать большую часть нашихъ проповѣдей: до того онѣ безличны, безхарактерны, удивительно похожи одна на другую, какъ солдаты, выстроенные въ шеренгу и одѣтые въ однообразный мундиръ“—писалъ одинъ изъ нашихъ гомилетовъ лѣтъ тридцать назадъ (проф. Барсовъ „Историческіе, критическіе и полемическіе опыты“ СПб. 1879 г. стр. 410). О представленныхъ экзаменовавшимися въ настоящемъ году практическо-гомилетическихъ упражненіяхъ въ общемъ нужно сказать ту же горькую правду: безличны, безхарактерны, удивительно похожи одна на другую и по содержанію, и по формѣ.

Экзаменовавшимся предложено было написать проповѣдь „о самоубійствѣ, какъ духовномъ недугѣ нашего времени“. Для выполненія своей задачи экзаменовавшіеся должны были имѣть въ своемъ сознаніи два представленія: во-пер-

выхъ, о самоубійствѣ, какъ духовномъ недугѣ вообще, и вторыхъ, о самоубійствѣ, какъ недугѣ именно нашего времени. Первое представленіе есть элементъ науки нравственнаго богословія, который экзаменовавшіеся должны были усвоить при изученіи названной дисциплины; повѣрка степени усвоенія этого представленія не составляетъ собственной задачи экзаменаціоннаго практическо-гомілетическаго упражненія въ формѣ проповѣди. Второе представленіе писавшіе должны были сами создать путемъ анализа современной жизни, исходя изъ даннаго имъ наукой нравственнаго богословія представленія о самоубійствѣ, какъ духовномъ недугѣ вообще. Степень глубины и широты анализа и удачности синтеза данныхъ имъ элементовъ и есть собственный предметъ интереса при гомілетической оцѣнкѣ работъ подобнаго характера.

Но комиссіи не пришлось вовсе пользоваться указаннымъ критеріемъ... за полнымъ отсутствіемъ въ представленныхъ „проповѣдяхъ“ соответствующаго матеріала.

Экзаменовавшіеся исходили изъ представленія, что самоубійство есть преступленіе противъ воли Божіей, запрещающей насильственное лишеніе себя жизни и наказывающей за него загробными мученіями, а потому по психологической своей основѣ можетъ быть только невѣріемъ въ Бога. Пытаясь, затѣмъ, указать особенности самоубійства, какъ духовнаго недуга именно нашего времени, писавшіе стараются найти ихъ въ характерныхъ особенностяхъ современнаго состоянія вѣры. Такихъ особенностей указывается до трехъ: въ наше время ослабѣла въ чрезвычайной степени вѣра вообще, въ частности вѣра въ загробную жизнь и въ христіанскій идеалъ жизни. — Въ дѣйствительности слабость вѣры какъ вообще, такъ и въ указанныхъ ея видахъ одинаково характеризуетъ наше время, какъ и прошедшее, и утвержденіе объ „особенномъ упадкѣ вѣры въ наши дни“ есть лишь избитый трафаретъ проповѣдниковъ всѣхъ вѣковъ, обусловленный въ своей жизненности силою психологическаго закона: впечатлѣнія текущаго момента всегда сознаются интенсивнѣе таковыхъ же прошедшаго. На самомъ дѣлѣ чрезвычайная слабость вѣры есть постоянная особенность всякаго самоубійства, какъ духовнаго недуга, и указать на нее не значитъ еще дать характеристику современ-

наго вида этого недуга въ современномъ обществѣ. Наоборотъ, отсюда то, съ точки зрѣнія указанныхъ особенностей духовнаго недуга самоубійства, долженъ былъ еще только начаться анализъ современной жизни; нужно было попытаться установить, какія именно особыя жизненныя силы настоящаго времени вытѣсняють, парализуютъ дѣйствіе вѣры въ душѣ современнаго человѣка при опредѣленіи имъ путей и идеала своей жизнедѣятельности. Но, увы, только въ четырехъ работахъ (Загорскаго—Виѣ. сем., Садовскаго—Курск., Петкова, болгар. урож.—Софійской сем. и Успенскаго Владимира—Московск., вып. 1911 г.) чувствуются слабые слѣды попытокъ такого анализа. Всѣ остальные спокойно довольствуются поддѣлкой подъ требовавшійся отъ нихъ анализъ—механической установкой отвлеченной этической схемы недуга самоубійства въ рамки современности путемъ украшенія своихъ разсужденій многообъщующими фразами: „въ наше время, въ наши дни“. Въ результатѣ, писавшіе оказываются точной копіей тѣхъ проповѣдниковъ, которыхъ характеризовалъ 30 лѣтъ тому назадъ проф. Барсовъ: „Въ послѣднее время, правда, всѣ наши проповѣдники болѣе или менѣе живо сознають необходимость привнести въ свою проповѣдь элементъ современности; рѣдко въ настоящее время услышите „слово“, въ которомъ бы не упоминалось „настоящее время, когда“... и проч. Но болѣею частью это затрогиваніе современности оказывается риторической фигурой, прикрасой, невинной военной хитростью, для того, чтобы привлечь вниманіе слушателей къ своей проповѣди. Трактовать въ цѣломъ словѣ одинъ какой-нибудь современный общественный вопросъ оказывается болѣею частью не по силамъ нашимъ зауряднымъ проповѣдникамъ, и, кое-какъ прицѣпивъ къ своему „слову“ въ приступѣ, или въ заключеніи современность, „настоящее время, когда“... они затѣмъ безъ особаго труда обращаются исключительно къ какой-либо общей мысли нравоученія или догматики, или же даютъ такое незатѣйливое, избитое рѣшеніе поставленнаго въ началѣ проповѣди вопроса, что оно не удовлетворяетъ самыхъ непритязательныхъ слушателей“ (Историческіе, критическіе и полемическіе очерки, стр. 408). Дѣйствительно, болѣе незатѣйливое рѣшеніе вопроса о современномъ самоубійствѣ, чѣмъ дали писавшіе, подыскать трудно:

самоубійство—отъ недостатка вѣры, такъ будемъ же вѣрять, молиться, убѣждать... Такого рода отвлеченно—холодное рѣшеніе жизненнаго вопроса не только негодно для какого либо практическаго воздѣйствія на другихъ, но едва ли предохранить самихъ писавшихъ отъ искушенія—въ минуты тяжкихъ жизненныхъ ударовъ попытаться пустить себѣ пулю въ лобъ.

Сѣ стороны построенія проповѣди также стоятъ ниже поля серьезнаго вниманія гомилета. Писавшіе, за нѣсколькими исключеніями, повидимому, даже и не подозреваютъ, что одно простое логически—осмысленное изложеніе свѣдѣній по нравственному богословію не есть еще проповѣдь, а только, въ лучшемъ случаѣ,—толковый отвѣтъ по названной отрасли богословскаго вѣдѣнія. Нисколько не улучшаютъ дѣла ни восклицанія латетическаго или обличительнаго характера, ни личныя обращенія—„братіе“, ни начальный, не имѣющій въ экзаменаціонномъ упражненіи никакого *raison d' être* эпиграфъ—во имя Отца и т. д., ни, наконецъ, заключительный, механически прицѣпленный привѣсокъ „будемъ же“; все это—приемы фальшивой имитациі подъ проповѣдь, грубой выдѣлки фальшивой монеты, съ которой гомилету нечего дѣлать, въ которой нечѣмъ заинтересоваться, не на чемъ остановить взоръ, нечему порадоваться...

За отсутствіемъ въ представленныхъ работахъ чисто-гомилетическихъ достоинствъ, комиссія была принуждена дѣлать ихъ сравнительную оцѣнку лишь съ точки зрѣнія толковаго разсужденія по сравнительной степени правильности и обилія мыслей—съ одной стороны, и литературности изложенія—съ другой. Съ этой точки зрѣнія всѣ проповѣди были признаны удовлетворительными, а нѣкоторые даже и хорошими“.

л) Представленные экзаменаціонными комиссіями списки упомянутыхъ лицъ съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ ими на письменныхъ и устныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую таблицу сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій 1910 года §§ 137, 139—141, 143—147.—2) Вышеприведенный указъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа 1911 года за № 10593.—3) Согласно

утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленіе Совѣта Академіи отъ 7 іюня текущаго 1911 года, одна изъ 30-ти казенныхъ стипендій, полагающихся на первый курсъ, уже предоставлена Совѣтомъ на 1911—1912 учебный годъ принятому въ составъ I курса, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 12 октября 1910 года за № 14051, послѣ сдачи повѣрочнаго испытанія по греческому языку,—воспитаннику Егорьевской гимназіи Николаю *Бѣляеву* (нынѣ—іеродіакону Варнавъ).—4) По § 110 лит. б п. 7 устава „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Рекомендованныхъ, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 6 іюля 1911 года за № 20, Правленіями духовныхъ семинарій студентовъ:

- 1) Алферова Петра (Воронежской сем.),
Арбекова Евгенія (Рязан. сем.),
Архиппова Петра (Донск. сем.),
Бѣльчикова Николая (Владим. сем.),
- 5) Вахаева Михаила (Минск. сем.),
Введенскаго Михаила (Виѣан. сем.),
Георгіевскаго Сергѣя (Калуж. сем.),
Гераскевича Николая (Екатериносл. сем.),
Голубцова Михаила (Орлов. сем.),
- 10) Драчева Николая (Тульск. сем.),
Иванова Сергѣя (Курск. сем.),
Колосова Сергѣя (Моск. сем.),
Колчицкаго Николая (Черниг. сем.),
Ленчинскаго Ивана (Волын. сем.),
- 15) Матвѣевича Виктора (Кишин. сем.),
Олейника Михаила (Таврич. сем.),
Орлова Антонія (Ставроп. сем.),
Пясецкаго Петра (Подол. сем.),
Троицкаго Николая (Моск. сем.) и
- 20) Щукина Александра (Рижск. сем.)—

зачислить въ составъ I (LXX) академическаго курса, съ предоставленіемъ имъ казенныхъ стипендій.

2) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ остальными лицами, державшими повѣ-

рочныя испытанія, ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

- 1) Загорскаго Александра (студента Виѣанской сем.),
Свящ. Делекторскаго Θεодора (Влад.—Холм. сем.),
Бѣляева Николая, штабсъ-капитана запаса инжен. войскъ
(Никол. Инжен. Учил.)
Цвинева Ивана (Шковской сем.),
- 5) Садовскаго Евгенія (Курск. сем.),
Свящ. Архангельскаго Іоанна (Рязан. сем.),
Орлова Александра (Рязан. сем.),
Сапожникова Николая (Одесс. сем.),
Волскаго Харлампія (Костр. сем.),
- 10) Петкова Стояна (болг. урож., Соф. дух. сем.),
Десятова Александра (Виѣан. сем.),
Никольскаго Григорія (Калуж. сем.),
Никольскаго Николая (Калуж. сем.),
Сикова Максима (Моск. сем.),
- 15) Куханова Александра (Смоленск. сем.),
Херсонскаго Василя (Виѣан. сем.),
Покровскаго Гавріила (Виѣан. сем.),
Соколова Александра (Виѣан. сем.),
Пикунова Александра (Виѣан. сем.),
- 20) Добросердова Сергѣя (Орлов. сем.),
Аскалонова Стефана (Самар. сем.),
Прыткова Николая (Виѣан. сем.),
Успенскаго Владиміра (Моск. сем. вып. 1909 г.),
Орлова Николая (Моск. сем.),
- 25) Никольскаго Леовида (Моск. сем.),
Холмогорова Сергѣя (Моск. сем.),
Бажанова Василя (Моск. сем.),
Крылова Григорія (Моск. сем.) и
- 29) Соловьѣва Алексѣя (Моск. сем.),—

съ предоставленіемъ студентамъ, значащимся въ спискѣ подъ №№ 1—9 казенныхъ стипендій; причемъ, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 5 августа сего года за № 10515, о принятіи имѣющихъ женъ *священниковъ Θεодора Делекторскаго и Іоанна Архангельскаго*, съ дозволеніемъ имъ, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ По-

садъ и получать назначенныя имъ казенныя стипендіи на руки помѣсячно—представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

3) Студентовъ семинарій: Виѣанской—*Смирнова* Николая и Московской—*Любимова* Александра и *Петрова* Сергѣя, хотя и занявшихъ въ общемъ разрядномъ спискѣ лишь 32, 33 и 35 мѣста, но не получившихъ ни одного неудовлетворительнаго балла (ниже 3—),—признать удовлетворительно выдержавшими повѣрочныя испытанія, но въ приемѣ ихъ въ число студентовъ I курса Академіи отказать—за недостаткомъ помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ.—

4) Остальнымъ 13-ти студентамъ духовныхъ семинарій: *Пиуновскому* Николаю (Моск. сем.), *Яреду* Александру, сир. урож. (Моск. сем.), *Соколову* Николаю (Моск. сем.), *Ключареву* Георгію (Моск. сем.), *Успенскому* Николаю (Моск. сем.), *Смирнову* Алексѣю (Калуж. сем.), *Оеологову* Иннокентію (Тульск. сем.), *Троицкому* Михаилу (Тульск. сем.), *Успенскому* Владимиру (Моск. сем., вып. 1911 г.), *Егорову* Сергѣю (Симб. сем.), *Рождественскому* Борису (Моск. сем.), *Цѣткову* Алексѣю (Моск. сем.) и *Смирнову* Александру (Калуж. сем.), получившимъ на испытаніяхъ по одному (при среднемъ баллѣ ниже $3\frac{3}{4}$), по два и болѣе неудовлетворительныхъ балла,—отказать въ приемѣ по недостаточной подготовленности ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

5) За исключеніемъ семейныхъ священниковъ *Делекторскаго* и *Архангельскаго* и студента *Пихунова* Александра, родители котораго имѣютъ постоянное жительство въ Сергіевскомъ Посадѣ,—всѣхъ остальныхъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса,—помѣстить въ зданіяхъ Академіи.

6) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященствомъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ комиссій.

II. Прошение окончившаго въ 1911 году курсъ историко-филологическихъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ съ дипломомъ второй степени *Федора Вознесенскаго*:

„Прилагая при семъ нижеслѣдующіе документы: а) свидѣтельство отъ Управленія Московскаго Учебнаго Округа объ окончаніи курса въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, выдержаніи въ Историко-Филологической Испытательной Комиссіи при названномъ Университетѣ установленнаго испытанія и удостоеніи 28 мая 1911 года диплома второй степени за № 1170; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи изъ Уфимской Духовной Консисторіи за № 3772; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности отъ Московскаго Городскаго по воинской повинности Присутствія за № 365; г) свидѣтельство о благонадежности отъ Московскаго Градоначальника за № 7068,—имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство о принятіи меня въ число студентовъ вѣрренной Вамъ Академіи своекоштнымъ“.

Справка: Устава духовныхъ академій—а) § 141, *примѣчаніе*: „Лица, окончившія съ успѣхомъ курсъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, принимаются въ Академію безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштными, при желаніи же получить какую-либо стипендію подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ наравнѣ съ прочими“; б) § 147, *примѣчаніе*: „Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ прим. къ § 141“.—

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять окончившаго университетскій курсъ *Федора Вознесенскаго*, безъ повѣрочныхъ испытаній, въ число *своекоштныхъ* студентовъ I курса Академіи, съ разрѣшеніемъ ему, въ виду недостатка помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ, жить на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ.

III. а) Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 26 августа за № 1595:

„Препровождая при семъ присланное на имя Намѣстника

Лавры прошеніе съ документами Ивана *Владимірова*, Духовный Соборъ имѣетъ честь присовокупить, что если проситель можетъ быть принятъ въ Академію, то Соборъ, при приѣмѣ студентовъ на пособіе отъ Лавры, будетъ имѣть *Владимірова* въ виду въ качествѣ кандидата на означеное пособіе.

б) Прошеніе бывшаго студента Казанской Духовной Академіи, миссіонерскаго отдѣленія, *Ивана Владимірова*:

„Въ 1907 году за неимѣніемъ средствъ мнѣ пришлось уволиться изъ числа студентовъ Казанской Дух. Академіи. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 4-хъ лѣтъ; я успѣлъ побывать и на учительской и на псаломщицкой должности, но всѣ мои старанія скопить небольшую сумму денегъ для продолженія своего образованія не привели ни къ чему: послѣдніе три года были для меня непрерывнымъ рядомъ физическихъ страданій. Сначала ревматизмъ въ соединеніи съ сѣдалищнымъ невритомъ, а потомъ туберкулезъ бедражной кости лѣвой ноги чуть не свели меня въ могилу. Теперь здоровье мое улучшилось. На дняхъ заканчивается вытяженіе колѣннаго сустава, и мнѣ предстоитъ выйти изъ больницы. Поступить на духовно-учебную службу и надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности пока я не въ силахъ, вслѣдствіе слабости ноги, а найти частную должность въ моемъ положеніи весьма трудно.

Въ виду этого, чувствуя себя достаточно окрѣпшимъ для занятій науками въ Академіи и питая надежду на то, что начальство Лавры изъ милости предоставитъ мнѣ небольшой уголокъ, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ принять меня безъ экзамена на I курсъ или же, въ крайнемъ случаѣ, допустить меня къ слушанію лекцій въ качествѣ вольнослушателя.

При семъ прилагаю: 1) свидѣтельство, выданное изъ Правленія Казанской Духовной Академіи, 2) метрическое свидѣтельство и 3) свидѣтельство о выполненіи воинской повинности; остальные же документы обязуюсь представить по выходѣ изъ больницы“.

Справка: 1) Бывшій студентъ Казанской Духовной Академіи *Иванъ Владиміровъ* уже обращался въ 1907 - мѣ году къ Преосвященному Ректору Московской Духовной Академіи съ

просьбою о принятіи его въ число студентовъ II курса послѣдней, но, по надлежащемъ сношеніи съ начальствомъ Казанской Духовной Академіи о причинахъ выбытія г. Владимірова изъ оной, просьба эта, съ вѣдома Совѣта Академіи, была отклонена.— 2) По § 149, п. 2 нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій: „Студентъ, выывшій изъ Академіи болѣе одного года тому назадъ, принимается въ ту же или другую Академію не иначе, какъ по выдержаніи испытаній въ знаніи предметовъ тѣхъ курсовъ, какіе имъ были пройдены. При этомъ его прошеніе о принятіи въ другую Академію уважается не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи соотвѣтствующихъ академическихъ начальствъ о причинѣ его выбытія изъ Академіи, а также о поведеніи, направленіи и нравственной благонадежности его къ продолженію академическаго образованія“.— 3) По § 150 того же устава: „По усмотрѣнію мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, могутъ быть допущены къ слушанію академическихъ лекцій и постороннія лица, извѣстныя ему своею благонадежностью. Эти лица не пользуются, однако, правомъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ и репетиціяхъ студентовъ, подавать третныя сочиненія и представлять диссертациі для полученія академическихъ ученыхъ степеней или званія и подвергаться переходнымъ и выпускнымъ испытаніямъ“.

Опредѣлили: 1) Просьбу бывшаго студента Казанской Духовной Академіи Ивана Владимірова о принятіи его, безъ экзаменовъ, въ число студентовъ I курса Московской Духовной Академіи, въ виду изложеннаго въ п.п. 1 и 2 справки,— отклонить.— 2) Выраженное г. Владиміровымъ желаніе быть, въ крайнемъ случаѣ, допущеннымъ къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ посторонняго лица — представить, на основаніи § 150 академическаго устава, на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

IV. Прошеніе поручика Андрея Симанскаго:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи зачислить меня въ число студентовъ этой Академіи.

При семъ имѣю честь сообщить, что вступительные экзамены мною успѣшно выдержаны въ Казанской Академіи, близъ которой я, получивъ отпускъ, проживалъ.

Получивъ экстренно разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, основанное на Высочайшемъ соизволеніи, мнѣ держать экзамены, въ виду краткаго срока остававшагося до начала экзаменовъ я уже не счелъ возможнымъ возвращаться въ Москву и держалъ при Казанской Академіи, о чемъ послѣдняя, въ случаѣ необходимости, увѣдомитъ Московскую Академію. Считаю долгомъ присовокупить, что имѣю возможность содержать себя на личныя средства и даже жить въ Посадѣ у моихъ родителей, не обременяя всѣмъ этимъ Московскую Академію“.

Опредѣлили: Сужденіе по изложенному прошенію поручика Андрея Симаяскаго отложить до полученія свѣдѣній изъ Казанской Духовной Академіи о результатахъ сданныхъ имъ при названной Академіи повѣрочныхъ испытаній.

V. Сданное Его Высокопреосвященствомъ прошеніе окончившаго Казанскіе Миссіонерскіе Курсы и Учительскій Институтъ, псаломщика Свято-Троицкой церкви посада Дубовки, Саратовской епархіи, *Алексія Шишкина*:

„Имѣя нужду въ основательномъ изученіи исторіи и обличенія русскаго сектантства, а также догматическаго богословія и исторіи древней церкви, осмѣливаюсь смиреннѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не найдется ли возможнымъ разрѣшить мнѣ посѣщеніе лекцій по этимъ предметамъ въ Московской Духовной Академіи въ наступающемъ 1911—1912 учебномъ году.

Необходимые документы: 1) копію со свидѣтельства объ окончаніи Миссіонерскихъ курсовъ, 2) копію съ формулярнаго списка, 3) отзывъ Наблюдателя Миссіонерскихъ курсовъ и 4) удостовѣреніе о неимѣніи препятствій къ поступленію въ Академію со стороны Саратовскаго епархіальнаго начальства при семъ имѣю долгъ представить“.

На семъ прошеніи резолюція Его Высокопреосвященства за № 3926: „1911 г. Авг. 27. Разрѣшается допустить Шишкина къ слушанію академическихъ лекцій“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

VI. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью „1911 г. Авг. 28. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 августа за № 11595:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: полученное отъ преподавателя Вологодской духовной семинаріи протоіерея Александра Суровцова 25 Августа сего года прошеніе о разрѣшеніи сыну его *Владиміру Суровцову*, окончившему нынѣ курсъ Вологодской семинаріи по первому разряду, держать вступительные экзамены въ Московскую духовную академію въ Сентябрѣ текущаго года. Приказали: Принимая во вниманіе, что сынъ преподавателя Вологодской духовной семинаріи протоіерея Александра Суровцова, Владимиръ Суровцовъ, окончившій нынѣ курсъ Вологодской семинаріи по первому разряду, съ званіемъ студента, не могъ своевременно явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ академію по семейнымъ обстоятельствамъ, Святѣйшій Синодъ, не встрѣчая съ своей стороны препятствій къ разрѣшенію ему подвергнуться симъ испытаніямъ въ Сентябрѣ текущаго года, опредѣляетъ: настоящее прошеніе протоіерея Суровцова препроводить на усмотрѣніе Совѣта Московской духовной академіи; о чемъ Вашему Преосвященству послать указъ, съ приложеніемъ прошенія протоіерея Суровцова“.

б) Прошеніе, на имя Святѣйшаго Правительствующаго Синода, преподавателя Вологодской духовной семинаріи *протоіерея Александра Суровцова*:

„Сынъ мой Владимиръ Суровцовъ, кончившій нынѣ курсъ Вологодской семинаріи, по семейнымъ обстоятельствамъ опоздалъ явиться своевременно къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академію и, если не будетъ ему оказано милостиваго снисхожденія, въ нынѣшнемъ году подлежить отбыванію воинской повинности. Опасаясь, какъ бы это совѣзмъ не угасило въ немъ желанія служить въ Духовномъ Вѣдомствѣ, желанія въ настоящее время исполнѣ искренняго послѣ постигшаго его по волѣ Божіей вразумленія, я слезно прошу Святѣйшій Синодъ оказать отеческую милость—разрѣшить Совѣту Московской Духовной Академіи произвести сыну моему вступительные экзамены въ Сентябрѣ текущаго года.“

При семъ имѣю честь присовокупить, что сынъ мой числится среди рекомендованныхъ Правленіемъ семинаріи для принятія въ Академіи воспитанниковъ.

Прилагаю при семъ документы: аттестатъ за № 575, свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку за № 2730, и формулярный мой списокъ за № 5669-мъ“.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, Совѣтъ вынужденъ былъ отказать въ приѣмъ въ Академію, за недостаткомъ вакансій на I курсъ, тремъ студентамъ духовныхъ семинарій, своевременно явившимся къ повѣрочнымъ испытаніямъ и усѣшно сдавшимъ оныя, — почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ не находитъ возможнымъ удовлетворить просьбу протоіерея Суровцова о разрѣшеніи сыну его, студенту Вологодской духовной семинаріи *Владимиру Суровцову*, подвергнуться приемнымъ испытаніямъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Г. Вознесенскаго разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи безъ повѣрочныхъ испытаній, съ предоставленіемъ ему права жить на частной квартирѣ и на свои средства. По ст. III. Бывшаго студента Казанской Академіи Владимірова разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ посторонняго лица. Прочее читано“.

I сентября 1911 года.

№ 18.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, и. д. инспектора—ординарный профессоръ А. И. Введенскій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ; исправляющіе должность доцента Академіи и лекторъ англійскаго языка (последніе—съ правомъ совѣщательнаго голоса).

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: сверхштатные заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Имѣли сужденіе: I. *О назначеніи студентамъ письменныхъ работъ на 1911—1912 учебный годъ.*

Справка: Устава духовныхъ академій—а) § 157: „Въ теченіе года, на первыхъ трехъ курсахъ, студентамъ назначается по три сочиненія на каждый курсъ на темы, данныя преподавателями и одобренныя Ректоромъ Академіи. Кромѣ этихъ третнихъ сочиненій для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе проповѣдей въ томъ количествѣ, какое будетъ определено Совѣтомъ Академіи“.—б) § 158: „Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, изъ нихъ два сочиненія—по богословскимъ наукамъ и одно—по общеобразовательнымъ“.—в) § 159: „Студенты IV курса пишутъ курсовое сочиненіе для полученія степени кандидата богословія на тему богословскаго характера, одобренную ректоромъ и утвержденную Епархіальнымъ Архіереемъ. Совѣтъ Академіи озабочивается равномернымъ распределеніемъ труда по рассмотрѣнію сочиненій между отдѣльными преподавателями“.

Опредѣлили: 1) Назначить на 1911—1912 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсъ:

- а) По систематической философіи и логикѣ,
- б) По основному богословію,
- в) По первому групповому предмету ¹⁾.

Во II курсъ:

- а) По Свящ. Писанію Ветхаго Заветъа (I кафедра),
- б) По второму групповому предмету,
- в) По психологіи.

¹⁾ Въ случаѣ незамѣщенія ко второй половинѣ 1911—1912 учебнаго года вакантной кафедры *церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей*, студенты I курса, избравшіе для спеціального изученія этотъ предметъ, имѣютъ писать третье семестровое сочиненіе по *греческому языку*.

Въ III курсъ:

- а) По нравственному богословію,
- б) По исторіи древней церкви,
- в) По Свящ. Писанію Новаго Завѣта (I кафедра).

Примѣчаніе. Избранныя г.г. наставниками Академіи темы для означенныхъ сочиненій должны быть предварительно представляемы ими на одобреніе Преосвященнаго Ректора Академіи, или лица, исправляющаго его должность.

2) Для написанія третнихъ сочиненій назначить студентамъ I, II и III курсовъ слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ 9 сентября по 28 октября, для втораго—съ 1 ноября по 20 декабря 1911 года и для третьяго—съ 10 января по 10 марта 1912 года.

3) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи кандидатскихъ сочиненій назначить время съ 15 апрѣля по 1 мая 1912 года.—Въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсоваго сочиненія безъ уважительной причины, онъ выпускается изъ Академіи съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ (§ 170 устава).

4) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить *по одной проповѣди* и требовать, чтобы они представляли ихъ не позднѣе 10-ти дней до произнесенія.—Росписаніе проповѣдей на 1911—1912 учебный годъ имѣетъ быть дано, съ одобренія И. д. Ректора Академіи, преподавателемъ гомиластики—и. д. доцента В. П. Виноградовымъ.

5) Установленные въ 1910-мъ году Совѣтомъ Академіи правила относительно участія студентовъ *въ практическихъ занятіяхъ* оставить въ силѣ и на текущій учебный годъ.

6) Вышеизложенныя постановленія объявить студентамъ Академіи съ предупрежденіемъ по отношенію къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей по представленію письменныхъ работъ, участію въ практическихъ занятіяхъ и по сдачѣ устныхъ испытаній *къ 1-му юня 1912 года*, тотъ не можетъ уже рассчитывать на полученіе въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной стипендіи*.

II—О распределеніи между студентами Академіи на 1911—1912 учебный годъ казенныхъ и частныхъ стипендій.

Справка: Устава духовныхъ академіи § 109: „Для дѣль, требующихъ предварительнаго разсмотрѣнія, могутъ быть образуемы Совѣтомъ, какъ изъ членовъ онаго, такъ и изъ прочихъ преподавателей Академіи, комиссіи, которыя и представляютъ Совѣту свои соображенія и заключенія“.

Опредѣлили: Предварительное разсмотрѣніе вопроса о распределеніи между студентами Академіи казенныхъ и частныхъ стипендій на 1911—1912 учебный годъ поручить комиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостына*, изъ и. д. инспектора—ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*, ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* и экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*, съ тѣмъ, чтобы проектъ распределенія представленъ былъ ею къ ближайшему собранію Совѣта Академіи.

Слушали: III. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента Московской духовной семинаріи *Сергѣя Петрова*:

„Принятый согласно постановленію профессоровъ Московской Духовной Академіи отъ 31-го августа 1911 года за недостаткомъ мѣстъ въ общежитіи въ число кандидатовъ I-го курса означенной Академіи, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство занести меня въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи съ правомъ жительства на частной квартирѣ въ посадѣ у родственниковъ впредь до объявленія свободнаго мѣста въ общежитіи“.

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 минувшаго августа студентъ Петровъ признанъ былъ успѣшно выдержавшимъ повѣрочныя испытанія, но не принятъ въ составъ I курса по недостатку помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ.—2) Устава духовныхъ академіи § 147, *примѣчаніе*: „Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ прим. къ § 141“ (т. е. поступающихъ въ Академію по окончаніи курса въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи).

Опредѣлили: Въ виду изложеннаго въ п. 2-мъ справки,— просьбу студента Московской духовной семинаріи Сергѣя Петрова отклонить.

IV. а) Прошеніе студента Виѣанской духовной семинаріи *Николая Смирнова*:

„Постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 31 августа мнѣ отказано въ приѣмъ въ число студентовъ I курса Академіи за недостаткомъ помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ, хотя повѣрочныя испытанія и выдержаны мною успѣшно. Получивъ нынѣ отъ о. Ректора Виѣанской Духовной Семинаріи Архимандрита Филиппа милостивое разрѣшеніе жить въ его квартирѣ и подъ его наблюденіемъ, на что и Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи Епископомъ Теодоромъ, еще до испытаній, условно выражено было согласіе,—имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи зачислить меня въ составъ I курса“.

б) Отношеніе на имя И. д. Ректора Академіи о. Ректора Виѣанской духовной семинаріи *Архимандрита Филиппа*, отъ 1 сентября за № 1357:

„Симъ имѣю честь заявить Вашему Превосходительству, что бывшій воспитанникъ Виѣанской семинаріи Николай Смирновъ будетъ жить у меня, на что еще до болѣзни Преосвященнаго Теодора сей послѣдній словесно изъявилъ свое согласіе“.

Справка: Студентъ Смирновъ также, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 августа, признанъ былъ выдержавшимъ успѣшно повѣрочныя испытанія и не принятъ въ составъ I курса по той же причинѣ—недостатку помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ.

Опредѣлили: Признать, въ виду заявленія о. Ректора Виѣанской духовной семинаріи, просьбу студента названной семинаріи *Николая Смирнова* о принятіи его въ число студентовъ I курса Академіи заслуживающею уваженія, но, за отсутствіемъ у Совѣта Академіи формальныхъ основаній къ ея удовлетворенію,—представить оную на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Сент. 17. По ст. IV. Смирнова Николая разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи I-го курса съ дозволеніемъ ему жить у Ректора Виѣанской Семинаріи. Прочее смотрѣно и утверждается“.

1 сентября 1911 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостына, и. д. инспектора—профессоръ А. И. Введенскій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ, экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: сверхштатные заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Іюня 21. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи “—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 іюня за № 7648:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленные Вашимъ Преосвященствомъ, отъ 16 мая сего года за № 186, журналы Совѣта Московской духовной академіи, отъ 6 октября 1910 года № 19 и 3 мая 1911 г. № 7, о замѣщеніи I-й каѣдры Священнаго Писанія Новаго Завѣта въ Московской духовной академіи, имѣющей освободиться съ начала 1911—12 учебного года. Приказали: Согласно избранію Совѣта Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ, на основаніи §§ 12 и 67, примѣч., Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить профессорскаго стипендіата Московской духовной академіи, кандидата богословія, *Владимира Троицкаго* въ должности преподавателя названной академіи по I-й каѣдрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта въ званіи и. д. доцента

съ 16 августа сего года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Юня 30. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 юня за № 8669:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленные Вашимъ Преосвященствомъ, отъ 31 мая сего года за № 206, журналы Совѣта Московской духовной академіи, отъ 6 октября 1910 года № 20, и 24 мая 1911 года № 9, о замѣщеніи имѣющей освободиться съ начала 1911—12 учебнаго года каедрны догматическаго богословія въ названной академіи. Приказали: Согласно избранію Совѣта Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ, на основаніи §§ 12 и 67, примѣч., Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Александра Туберовскаго*, съ 16 августа 1911 года, въ должности преподавателя названной академіи по каедрѣ догматическаго богословія, въ званіи и. д. доцента; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Калужскаго указами“.

в) Отношеніе Правленія Калужской духовной семинаріи отъ 24 августа за № 647:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 18 августа сего 1911-го года за № 523, Правленіе Калужской Духовной Семинаріи честь имѣетъ препроводить при семь документы бывшаго преподавателя Калужской Духовной Семинаріи *Александра Туберовскаго*, нынѣ преподавателя Московской Духовной Академіи, въ званіи и. д. доцента, а именно: дипломъ за № 773, метрическое свидѣтельство о рожденіи за № 9938, два свидѣтельства о явкѣ къ исполненію воинской повинности за №№ 3539 и 3687 и послужной списокъ за № 645. О полученіи сихъ документовъ Правленіе Семинаріи проситъ увѣдомить“.

Опредѣлили: 1) Объ утвержденіи профессорскаго стипендіата Академіи Владиміра *Троицкаго* и преподавателя Калуж-

ской духовной семинаріи Александра *Туберовскаго*, съ 16 августа 1911 года, исправляющими должность доцента Академіи: перваго—по I-й кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, а втораго—по кафедрѣ догматическаго богословія—внести въ формулярные о службѣ ихъ списки и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.—2) Документы и. д. доцента *А. М. Туберовскаго* хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Іюля 17. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 іюля за № 9455:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Іюня сего года за № 252, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи кандидата богословія, священника Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви *Георгія Добронравова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Гоненіе Ирода Агриппы I-го на христіанъ.—Историческій комментарий къ XII главѣ кн. Дѣяній Апостольскихъ“, и 2) рапортъ присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Могилевскаго, отъ 5 Іюля сего года № 59, съ отзывомъ о названномъ сочиненіи. Приказали: Разсмотрѣвъ означенные представленіе Вашего Преосвященства и рапортъ Преосвященнаго Могилевскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: кандидата богословія, священника Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви *Георгія Добронравова*, на основаніи § 13 Высоч. утв. 2 Апрѣля 1910 г. Уст. дух. акад., утвердить въ степени магистра богословія за вышеупомянутое сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Іюля 27. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 іюля за № 9849:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шій Правительствующій Синодъ слушали: 1., представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Іюня с. г. за № 253, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи исправляющаго должность доцента сей академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта, кандидата богословія, священника *Димитрія Рождественскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Книга пророка Захаріи. Исагогическое изслѣдованіе. Выпускъ I. Введеніе. Писатель и его время. Анализъ содержанія книги“. и 2., отзывъ присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Волынскаго, отъ 16 Іюля сего года, о названномъ сочиненіи. Приказали: Разсмотрѣвъ означенные представленіе Вашего Преосвященства и отзывъ Преосвященнаго Волынскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: исправляющаго должность доцента Московской духовной академіи, кандидата богословія, священника *Димитрія Рождественскаго*, на основаніи § 13 Высочайше утвержденнаго 2 Апрѣля 1910 г. Уст. дух. акад., утвердить въ степени магистра богословія за вышеупомянутое сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

в) Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 24 августа за № 11451:

„Въ дополненіе къ указу Святѣйшаго Синода, отъ 25 Іюля сего года за № 9849, объ удостоеніи степени магистра богословія и. д. доцента Московской духовной академіи, священника *Д. Рождественскаго*, Первое Отдѣленіе Канцеляріи Святѣйшаго Синода имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской духовной Академіи копію отзыва Преосвященнаго Волынскаго отъ 16 Іюля с. г. за № 837, для свѣдѣнія“.

г) Копію доклада Святѣйшему Правительствующему Синоду Высокопреосвященнаго *Антонія*, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго, отъ 16 іюля сего года за № 837:

„Прочитавъ, согласно порученію Святѣйшаго Синода, диссертацию и. д. доцента Московской Духовной Академіи священника о. *Димитрія Рождественскаго*, имѣю честь доло-

жить свой краткій отзывъ въ дополненіе къ отзывамъ офіціальныхъ рецензентовъ—профессоровъ.

Диссертация озаглавляется такъ: „Книга пророка Захаріи. Исагогическое изслѣдованіе. Выпускъ первый. Писатель и его время. Анализъ содержанія книги“. Типъ исагогическихъ диссертаций извѣстенъ: авторъ книги, ея продолжительность, время и мѣсто ея написанія, цѣль послѣдняго; ея главная идея и содержаніе.—Уже изъ такого сопоставленія обычнаго типа исагогическихъ трактатовъ съ настоящимъ можно видѣть крайнюю неполноту послѣдняго. Неполнота эта не извиняется словами: „выпускъ первый“, какъ потому, что многолѣтній опытъ академической жизни сдѣлалъ ожиданія „вторыхъ выпусковъ“ совершенно безнадежными въ подобныхъ случаяхъ: такъ и по той причинѣ, что диссертация должна непременно имѣть извѣстную законченность содержанія, а здѣсь мы не видимъ даже законченной части трактата, а нѣсколько подотдѣловъ его, не составляющихъ опредѣленной группы таковыхъ, а болѣе подобныхъ *отрывку* ученой работы, которую автору пришлось приостановить по причинамъ внѣшнимъ, и немедленно напечатать. Такъ оно и было въ отношеніи къ нашему автору, явившемуся въ данномъ случаѣ рабомъ закона о двухлѣтнемъ срокѣ магистерства для начинающихъ преподавателей академій. Въ этомъ конечно и заключается единственное извиненіе столь незаконченному подбору главъ сочиненія.

Извиняться однако автору приходится и сверхъ того во многомъ. Трудъ его занимаетъ собою 236 страницъ, но 84 изъ нихъ составляютъ примѣчанія къ диссертации; далѣе, если отбросить 10 страницъ введенія и 52 страницы, отошедшія на главу: „Эпоха пророка Захаріи“, весьма мало связанную съ темою: то окажется, что на послѣднюю написана, строго говоря, только 90 страницъ, изъ коихъ 13 страницъ, составляющихъ главу: „Идеи, настроенія и надежды, господствовавшія въ іудейскомъ обществѣ даннаго времени“, тоже подлежатъ оспариванію съ данной точки зрѣнія, какъ мало связанная съ содержаніемъ пророчествъ Захаріи. Остаются двѣ главы: I-я „Личность пророка“ (10—34) и III-я „Анализъ содержанія книги пророка Захаріи“ (100—152 стр.), т. е. 77 страницъ, не содержащихъ въ себѣ ни открытій, ни блестящихъ талантливыхъ соображеній, а скорѣе простой пере-

сказъ пророческой книги и мало освѣщенное критикой собраніе преданій, іудейскихъ и христіанскихъ, о пророкѣ Божіемъ Захаріи. Вѣрнѣе было бы озаглавить диссертацію о Рождественскаго такъ: „Матеріалы для изученія книги пророка Захаріи“.—При такомъ назначеніи книга сохранила бы свой интересъ для изслѣдователей-спеціалистовъ. Они нашли бы здѣсь довольно полный указатель литературы предмета и сводку наиболѣе типичныхъ мнѣній святоотеческихъ и современныхъ, европейскихъ и еврейскихъ изслѣдователей священной книги. Правда этотъ матеріаль авторъ не расположилъ въ стройной системѣ. Подробныя и совершенно ненужныя свѣдѣнія о персидскихъ царяхъ и цѣлыхъ династіяхъ послѣднихъ авторъ помѣщаетъ въ текстъ, а существеннѣйшему вопросу о единствѣ и подлинности книги посвящаетъ 77-ое примѣчаніе позади текста. Затѣмъ онъ съ недостаточною разборчивостью беретъ на свою отвѣтственность, т. е. не процитовываетъ, нѣкоторые лютеранскіе предразсудки своихъ нѣмецкихъ руководителей, которые негодуютъ на іудеевъ за то, что они „приписывали нравственную цѣнность чисто обрядовому установленію поста“ (стр. 125 и 126); но вѣдь среди такихъ іудеевъ былъ и Господь Іисусъ Христосъ, повелѣвшій поститься тайно и присовокупившій „и Отець твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“; не объ обрядовомъ же только значеніи поста помышлялъ Онъ, когда сказалъ: „родъ же сей ничимъ же изгонится, токмо молитвою и постомъ“.—Впрочемъ, къ чести автора должно сказать, что это пожалуй единственная его обмолвка, задѣвающая принципъ ортодоксальности и притомъ зависѣвшая больше отъ невниманія къ циталогіи, чѣмъ отъ какого-либо скепсиса: во всѣхъ прочихъ столкновеніяхъ съ нецерковными мнѣніями изслѣдователей онъ крѣпко держится почвы церковной и всегда старается обосноваться на ней научно; такъ онъ поступаетъ въ отношеніи къ вопросу о подлинности книги пророка Захаріи, о богодухновенности всѣхъ ея изреченій, коимъ псевдо-раціоналисты подчасъ стараются приписать случайное происхожденіе и т. п. Но если трудно обвинить автора со стороны авторитета Священнаго Преданія, то нельзя его признать безупречнымъ со стороны науки Священнаго Писанія, частнѣе—со стороны принципа библейскаго параллелизма, къ коему авторъ почти не обра-

щается, излагая видѣнія и предсказанія пророка Захаріи почти тождественныя съ такими же откровеніями другихъ, пророковъ. Онъ не пожелалъ остановиться даже на томъ обстоятельстве, что весь Апокалипсисъ составленъ изъ образовъ и выраженій пророковъ Іезекиіля, Даниіла и особенно Захаріи, какъ бы изъ мозаики. Между тѣмъ такое разъясненіе гораздо болѣе требовалось бы темой (и въ частности содержащемъ III главы), чѣмъ изложеніе современныхъ ученыхъ споровъ о Камбизахъ, Кирахъ и Даріяхъ. Впрочемъ указанный пробѣлъ диссертаци въ значительной степени искупается обиліемъ и разнообразіемъ различныхъ исагогическихъ свѣдѣній по изучаемой имъ священной книгѣ, особенно изъ области еврейской филологіи, въ которой онъ видимо чувствуетъ себя хозяиномъ, а въ этомъ—замѣтимъ—заключается одно изъ главнѣйшихъ условий для успѣшнаго преподаванія науки Свящ. Писанія, которой посвятилъ авторъ свою жизнь въ ея преполовеніи (45 лѣтъ). Последнее обстоятельство окончательно укрѣпляетъ насъ въ готовности присоединиться къ рѣшенію Академіи объ увѣнчаніи его магистерскою степенью“.

д) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью; „1911 г. Авг. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 августа за № 11044:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшіи Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Іюня сего года за № 254, ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента сей академіи законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи священника *Владимира Страхова* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Второе посланіе Св. Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“ и въ должности доцента названной академіи, и 2) рапортъ присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Туркестанскаго, отъ 12 сего Августа за № 804, съ отзывомъ о названномъ сочиненіи. Приказали: Разсмотрѣвъ означенные представленіе Вашего Преосвященства и отзывъ Преосвященнаго Туркестан-

скаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ; и. д. доцента Московской духовной академіи законоучителя 2-ой Московской мужской гимназіи священника Владиміра Страхова, на основаніи §§ 12 и 13 Высочайше утв. 2 апрѣля 1910 г. Уст. дух. акад., утвердить въ степени магистра богословія за вышеупомянутое сочиненіе и въ должности доцента академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для священниковъ Георгія *Добронравова*, Дмитрія *Рождественскаго* и Владиміра *Страхова* установленные магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности. — 2) Объ утвержденіи исправляющихъ должность доцента Академіи: по 1-ой каедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта—священника Д. В. Рождественскаго и по 2-ой каедрѣ Священнаго Писанія Новаго Заѣта—священника В. Н. Страхова въ ученой степени магистра богословія, а священника Страхова—и въ должности доцента Академіи по названной каедрѣ—внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

III. Сланный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Авг. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 августа за № 11046:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Юня сего года за № 242, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи сверхштатному заслуженному ординарному профессору Московской духовной академіи *Митрофану Муретову* въ наступающемъ учебномъ году читать часть лекцій по освободившейся, съ увольненіемъ его отъ штатной службы, каедрѣ. И, по справкѣ, приказали: Принимая во вниманіе, что профессору Муретову, согласно § 91 Уст. дух. акад., разрѣшено было чтеніе лекцій по освободившейся съ его увольненіемъ отъ штатной службы каедрѣ лишь въ теченіе 1910—11 учебнаго года, разрѣшеніе же названному профессору читать лекціи и въ наступающемъ учебномъ году противорѣчитъ означенному § Устава дух. акад., Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: изъясненное ходатайство Вашего Преосвященства относительно чтенія въ

1911—12 учебномъ году части лекцій профессору Муретову отклонить; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 31 мая, № 10: „1911 г. Юня 16. Ходатайствовать“.

б) 3 юня, № 11: „1911 г. Юня 16. Согласенъ ходатайствовать“.

в) 6 юня, № 12: „1911 г. Юня 16. Согласенъ ходатайствовать“.

г) 7 юня, № 13: „1911 г. Юня 21. По ст. XVI и XVII. Вольнослушателя Академіи Николая Бѣляева и отставного Титулярнаго Совѣтника Николая Дабича разрѣшается принять въ число студентовъ на изложенныхъ условіяхъ. Прочее читано и утверждается“.

д) 7 юня, № 14: „1911 г. Юня 21. Читано и утверждается“.

е) 7 юня, № 15: „1911 г. Юня 21. Смотрѣно“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. Отзывъ о сочиненіи преподавателя Волынской духовной семинаріи *Федора Владимірскаго* подъ заглавіемъ: „Антропология и космология Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи, предшествующей и послѣдующей патристической литературѣ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патрологии *И. В. Попова*:

„Обширное сочиненіе г. Владимірскаго посвящено всестороннему изслѣдованію трактата Немезія „De natura hominis“.

Вступленіемъ къ его сочиненію служитъ переводъ на русскій языкъ трактата Немезія, представляющій собою весьма цѣнный вкладъ въ собраніе патристическихъ переводовъ, изданныхъ до настоящаго времени. Вполнѣ удовлетворительному переводу текста авторъ предпосылаетъ изслѣдованіе о

личности Немезія, характеръ его труда и его значенія въ исторіи патристической литературы. Не малую научную цѣнность составляютъ обильныя примѣчанія къ тексту памятника и приложенный въ концѣ перевода словарь философскихъ, медицинскихъ и анатомическихъ терминовъ, встречающихся въ трактатѣ Немезія. Въ этихъ примѣчаніяхъ и словарь читатель найдетъ обширный сырой матеріалъ для выясненія зависимости ученія Немезія отъ внѣцерковной литературы соответствующаго содержанія и вліянія его на послѣдующихъ церковныхъ писателей.

Первая часть изслѣдованія посвящена анализу трактата Немезія и выясненію вопроса объ отношеніи его къ древней философіи. Послѣ вступительныхъ свѣдѣній о личности и сочиненіи Немезія авторъ излагаетъ въ первомъ отдѣлѣ космологію емескаго епископа, а во второмъ его антропологию. Въ заключительной главѣ второго отдѣла, озаглавленной: „Этико-теологическіе выводы изъ антропологическихъ положеній Немезія“, авторъ устанавливаетъ ту связь, въ которой антропология Немезія, всегда имѣющая для древняго христіанскаго писателя лишь второстепенный и прикладной интересъ, стоитъ къ его богословскимъ воззрѣніямъ.

Вторая часть диссертации трактуетъ объ отношеніи космологическихъ и главнымъ образомъ антропологическихъ взглядовъ Немезія къ литературѣ его церковныхъ предшественниковъ и современниковъ, а также къ сочиненіямъ церковныхъ писателей послѣдующей эпохи. Изъ предшественниковъ Немезія авторъ подробно останавливается на космологіи и антропологии св. Иринея, Климента Александрійскаго, Оригена, Тертулліана. Въ качествѣ современныхъ Немезію писателей онъ разсматриваетъ Аванасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго. Наконецъ, онъ подробно выясняетъ вліяніе трактата Немезія на послѣдующихъ церковныхъ писателей — Іоанна Филопона, Ілію Критскаго, Іоанна Дамаскина, Мелетія Монаха. Громадный томъ второй части диссертации представляетъ собою какъ бы патристическую энциклопедію по вопросамъ космологии и антропологии.

При ближайшемъ знакомствѣ съ диссертацией г. Владимірскаго очень скоро убѣждаешься, что она есть плодъ многолѣтняго упорнаго труда автора. Широкая постановка во-

проса, о которой съ достаточной ясностью говорить только что законченный нами обзоръ содержанія диссертациі, требовала отъ автора большихъ познаній и тщательнаго изученія литературы и источниковъ. Трудъ автора основанъ на непосредственномъ знакомствѣ съ источниками. Уже одинъ переводъ трактата Немезія предполагаетъ детальное и вдумчивое изученіе этого памятника. Его анализъ и сопоставленіе съ различными философскими теченіями того времени еще болѣе углубили это изученіе. Но кромѣ этого авторъ проштудировалъ не мало святоотеческихъ твореній, собирая матеріалъ для второй части своей диссертациі. Если по космологіи и антропологіи христіанскихъ писателей, относимыхъ авторомъ къ числу предшественниковъ и современниковъ Немезія, существуетъ значительная литература, облегчавшая работу автора, то писателей третьей категоріи г. Владимірскій изучалъ исключительно по ихъ твореніямъ, и какъ разъ этотъ отдѣлъ второй части его диссертациі вышелъ наиболѣе интереснымъ и важнымъ. Въ достаточной мѣрѣ авторъ использовалъ литературу не только относящуюся непосредственно къ Немезію—здѣсь отъ него ускользнули лишь такія сочиненія, которыхъ нельзя было достать по условіямъ книжнаго рынка,—но и имѣющую для него косвенное значеніе. Но при этомъ г. Владимірскій остался независимъ отъ своихъ пособій и въ высшей степени точенъ въ цитатахъ. Анализъ и изложеніе ученія Немезія равно какъ и другихъ церковныхъ писателей въ общемъ не вызываютъ серьезныхъ возраженій. Вотъ почему мы считаемъ болѣе удобнымъ теперь же со всею рѣшительностью заявить, что представленное г. Владимірскимъ сочиненіе даетъ автору его полное право на полученіе степени магистра богословія. Ниже мы укажемъ не мало болѣе или менѣе досадныхъ погрѣшностей отчасти въ видахъ безпристрастной оцѣнки рецензируемаго труда, отчасти же въ интересахъ самого автора. Намъ хотѣлось бы, чтобы его трудъ былъ отпечатанъ въ болѣе совершенномъ видѣ, а большинство послѣдующихъ замѣчаній легко устранимы при окончательной корректурѣ рукописи для печати.

Даже при бѣгломъ знакомствѣ съ трактатомъ Немезія читателя поражаетъ эрудиція этого церковнаго писателя. Обыкновенно, переходя къ новому отдѣлу, онъ даетъ краткое и

иногда очень сжатое обозрѣніе мнѣній греческихъ философовъ по затронутому вопросу, болѣе подробно останавливается на теоріяхъ крупныхъ мыслителей, часто для критики одного изъ нихъ пользуется аргументаціей другого, рѣдко обнаруживаетъ оригинальные взгляды и по большей части ограничивается тѣмъ, что примыкаетъ къ одному изъ существующихъ уже рѣшеній данной проблемы. Такимъ образомъ, эклектизмъ Немезія очевиденъ, а это уже само собою опредѣляетъ задачу изслѣдованія и выдвигаетъ цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ: какими источниками пользовался изучаемый авторъ? Что служило принципомъ для его эклектизма, т. е. какимъ интересомъ онъ руководился, отдавая предпочтеніе одному мыслителю предъ другимъ? Черпалъ ли онъ матеріалы непосредственно изъ сокровищницы внѣцерковной науки или слѣдовалъ въ этомъ отношеніи патристическимъ образцамъ предшествующаго времени? Всѣ эти вопросы совершенно правильно и законно ставить и нашъ авторъ. Свое преимущественное вниманіе онъ направляетъ на изслѣдованіе отношенія трактата Немезія къ классической философіи и патристической литературѣ. Такъ какъ основнымъ интересомъ, создавшимъ всю церковную литературу, служить интересъ религіозный или, точнѣе, догматическій, то для изслѣдователя было совершенно естественно спросить себя, къ какой связи христіанскія заимствованія изъ научной антропологической литературы стояли къ догматическому ученію церкви или, другими словами, какія догматическія и религіозныя проблемы нуждались для своего раскрытія въ этомъ ученомъ матеріалѣ. Вотъ почему можно только привѣтствовать стремленіе автора всюду отмѣчать тѣ догматическіе выводы, къ которымъ склоняли мысль усвоенныя антропологическія теоріи. Но признавая постановку изслѣдованія совершенно правильной, позволено спросить, стоитъ ли самое выполненіе хорошо намѣченной задачи на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, нельзя отвѣтить утвердительно.

Отношеніе трактата Немезія къ древней философіи можно было выяснять съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ неодинаковою степенью углубленности. 1. Въ силу единства чело-вѣческой природы и сходства внѣшнихъ условій, въ кото-

рыхъ живутъ всѣ люди, стоящіе на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ развитія, въ литературѣ и жизни мы зачастую встречаемся съ аналогичными идеями, возникающими тамъ и здѣсь совершенно независимо другъ отъ друга. Поэтому и въ вопросѣ объ отношеніи Немезія къ греческой философіи можно ограничиться указаніемъ совпаденій между отдѣльными тезисами христіанскаго сочиненія и соотвѣтствующими положеніями греческихъ философскихъ системъ, обходя вопросъ объ исторической связи и соприкосновеніи этихъ сходныхъ явленій.

2. Очень часто въ литературѣ любого народа можно наблюдать, какъ мысль, высказанная впервые однимъ писателемъ, очень скоро завоевываетъ всеобщее признаніе и становится достояніемъ cadaго индивидуальнаго сознанія. Въ подобныхъ случаяхъ легко указать автора идеи, но совершенно невозможно прослѣдить пути, по которому она перешла къ данному лицу.

3. Наконецъ, можно поставить вопросъ, чрезъ какія посредства была усвоена та или другая идея извѣстнымъ писателемъ отъ другого. Совершенно очевидно, что въ сочиненіи историко-литературнаго характера должна преобладать эта третья точка зрѣнія, а эклектичeskій характеръ трактата Немезія дѣлаетъ необходимость такой постановки вопроса тѣмъ очевиднѣе. Въ своемъ изслѣдованіи г. Владимірскій отмѣчаетъ вліяніе на Немезія Платона, Аристотеля, стоиковъ, неоплатониковъ, Гиппократъ, Галена, Плутарха. Но платоническіе элементы могли быть заимствованы какъ изъ діалоговъ основателя Академіи, такъ и изъ сочиненій его позднѣйшихъ послѣдователей и почитателей — неоплатониковъ. Стоическія идеи также могли быть усвоены чрезъ неоплатоническія системы, впитавшія въ себя не мало положеній, характерныхъ для стоицизма. Антропология Аристотеля могла служить для Немезія предметомъ самостоятельнаго изученія, но могла быть ему извѣстна и изъ сочиненій Галена. Если бы авторъ попытался разобраться въ непосредственныхъ источникахъ Немезія, то можетъ быть ему удалось бы свести повидимому столь обширную эрудицію этого писателя къ сравнительно небольшому числу сочиненій первоклассныхъ ученыхъ древности, извѣстныхъ ему изъ первыхъ рукъ. Но можно было бы пойти еще дальше и по-

смотрѣть, не черпалъ ли Немезій, если не всю, то по крайней мѣрѣ значительную долю своей богатой эрудиціи изъ широко распространенной тогда литературы энциклопедій, философскихъ сборниковъ и апофеегмъ, этихъ прототиповъ христіанскихъ Строматъ, догматическихъ сборниковъ, достопамятныхъ сказаній, аскетическихъ апофеегмъ.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Владимірскій болѣе всего говоритъ объ источникахъ Немезія и тѣмъ не менѣе, дочитавъ послѣднюю страницу его диссертаци, не выносишь объ этомъ опредѣленнаго мнѣнія. Это потому, что авторъ колеблется между различными точками зрѣнія, съ которыхъ, какъ было сказано, можно разсматривать этотъ вопросъ. По большей части онъ отмѣчаетъ лишь параллели между ученіемъ Немезія и главнѣйшими теоріями древности, не давая имъ объясненія. Таковы всѣ подстрочники перевода, заключительныя части отдѣловъ первой части, сопоставленія трактата Немезія съ другими патристическими сочиненіями подобнаго рода во второй части. Въ другихъ случаяхъ авторъ высказываетъ мысль о необходимости выясненія непосредственныхъ источниковъ Немезія, хотя эта мысль и остается неиспользованной и не отражается существенно на характерѣ изслѣдованія. Повидимому мысль эта возникла у автора не сразу, а только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго изученія памятника. Въ предисловіи къ переводу Немезія авторъ очень рѣшительно заявляетъ: „Платонъ и Аристотель—эти корифеи античной философской мысли—являются ближайшими *непосредственными* учителями Немезія и замѣтно господствуютъ въ умѣ нашего писателя“ (XXV—XXVI). Иначе и гораздо вѣрнѣе разсуждаетъ онъ на стр. 128 первой части: „Если при выясненіи генезиса этихъ воззрѣній можно говорить о вліяніи на Немезія идей античной философіи, то въ данномъ случаѣ вѣрнѣе было бы допустить непосредственное вліяніе на нашего философа со стороны Филона, нежели стоической философіи. Необходимо замѣтить вообще, что религіозно-философская система Филона оказала значительное вліяніе на антропологическое ученіе церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ и часто служила непосредственнымъ проводникомъ платоническихъ и стоическихъ идей въ ихъ христіанское міровоззрѣніе, подобно тому, какъ нѣкоторые пункты философіи Аристотеля проникали

сюда чрезъ посредство неоплатонизма.“ Соответственно этому совершенно правильному взгляду на отношеніе христіанскихъ писателей къ философской литературѣ авторъ иногда ведетъ и свое изслѣдованіе. Таковы страницы объ источникахъ соматологіи Немезія (ч. I стр. 140—150, 152—153).

Такимъ образомъ въ весьма важномъ вопросѣ о философскихъ и патристическихъ источникахъ воззрѣній Немезія авторъ не имѣетъ единой и увѣренной точки зрѣнія, а потому и рѣшеніе его, не смотря на выдающуюся эрудицію и массу затраченнаго труда, не является ни опредѣленнымъ, ни исчерпывающимъ. Однако мы не рѣшаемся рекомендовать автору, чтобы онъ пересмотрѣлъ свою диссертацию соответственно вышеизложеннымъ разъясненіямъ, такъ какъ это потребовало бы отъ него слишкомъ много труда и времени. Но дальнѣйшее должно быть непременно исправлено.

1. Прежде всего въ сочиненіи иногда страдаетъ хронологія. На стр. XI предисловія къ переводу читаемъ: „извѣстно, что *выродившійся изъ неоплатонизма* гностицизмъ представлялъ собою грубую смѣсь извращенныхъ христіанскихъ понятій съ древними философскими идеями“. Но неоплатонизмъ возникаетъ въ первой половинѣ третьяго вѣка, а гностицизмъ къ этому времени достигаетъ уже своего разцвѣта. Характеризуя космологію раннихъ восточныхъ и западныхъ церковныхъ писателей, начиная съ апологетовъ, авторъ объясняетъ различіе въ общемъ направленіи тѣхъ и другихъ влияніемъ на западныхъ писателей стоицизма, а на восточныхъ неоплатонизма (ч. II, 24). Такое объясненіе не можетъ касаться апологетовъ, св. Иринея, Климента Александрійскаго, которые жили и писали ранѣе Аммонія Саккаса, основателя неоплатонической школы. Къ этой же категоріи хронологическихъ неточностей нужно отнести странный порядокъ, въ которомъ авторъ иногда располагаетъ памятники патристической литературы, излагая развитіе той или другой догматической идеи. Такъ на стр. 38—40 II-й части, трактуя о твореніи изъ ничего, онъ начинается св. Иринеємъ, потомъ переходитъ къ Теофілу Антиохійскому, затѣмъ къ Іустину Мученику и наконецъ къ Клименту Александрійскому. На стр. 80—83 ч. II-й излагается сначала ученіе Климента Александрійскаго, потомъ Филона, далѣе Оригена и наконецъ св. Иринея. На стр. 85—99 ч. II-й опять аполо-

геты излагаются послѣ Климента и Оригена, а послѣ апологетовъ св. Ириней и Тертуліанъ.

2. Во-вторыхъ, авторъ, отчасти вводимый въ заблужденіе устарѣвшей литературой, иногда относитъ памятники не къ тому времени и приписываетъ не тѣмъ лицамъ, которымъ они въ дѣйствительности принадлежатъ. Такъ ученіе св. Іустина Мученика онъ излагаетъ между прочимъ и по отрывку *De resurrectione* (II, 110 прим. 2; II, 114 прим. 3). Сочиненіе это не считается принадлежащимъ св. Іустину. Со словъ *Degerando* (*Histoire comparée des systemes de philosophie*. 1823 г.) авторъ относитъ трактатъ *Confutatio dogmatum Aristotelis*, издаваемый обыкновенно вмѣстѣ съ сочиненіями Іустина Мученика, къ первымъ вѣкамъ христіанства, тогда какъ онъ несомнѣнно составленъ однимъ изъ представителей Антиохійской школы, а можетъ быть даже самимъ Діодоромъ Тарсійскимъ, и во всякомъ случаѣ относится ко второй половинѣ IV в. (См. А. Harnack. *Diodor von Tarsus. Texte und Untersuch.* XXI, 4). Между тѣмъ эта ошибка совершенно измѣняетъ историческую перспективу и ведетъ къ ложнымъ представленіямъ о судьбѣ перипатетизма въ христіанской литературѣ. Въ подобныхъ случаяхъ автору слѣдовало бы дѣлать справки въ новѣйшихъ курсахъ патрологіи, напр. въ курсѣ Барденгевера.

3. Въ-третьихъ, нуждаются въ исправленіи ошибки, относящіяся къ исторіи философіи и исторіи патристическихъ идей.

На стр. 51 I-й части авторъ смѣло, но въ полномъ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью, приписываетъ Плотину ученіе о самобытности матеріи. Во II-й части стр. 25 онъ колеблется: „мы не можемъ категорически утверждать, говорить онъ, что онтологія Плотина носитъ на себѣ характеръ безусловнаго монизма, такъ какъ Плотинъ не даетъ прямого и яснаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи матеріи“... А на стр. 26, II авторъ уже отрицаетъ то, что утверждалъ въ I-й части стр. 51. „Есть не мало данныхъ за то, говоритъ онъ, что Плотинъ не считалъ матерію самобытной“.

Основателемъ неоплатонической школы авторъ называетъ Плотина, а не Аммонія Саккаса. II, 27.

По мнѣнію автора (II, 1) антропология служила предметомъ изученія преимущественно въ восточной церкви. Въ

дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, со времени трактата Тертуллиана *De anima* вопросы антропологии занимаютъ преимущественно западную церковную мысль и составляютъ слабѣйшій пунктъ восточнаго богословія.

Различіе между восточными и западными церковными писателями въ рѣшеніи космологическихъ вопросовъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что западные писатели стояли подъ вліяніемъ стоицизма, а восточные—неоплатонизма (II, 24). Но изъ западныхъ писателей сильному вліянію стоицизма подвергался только Тертуллианъ—явленіе исключительное не только въ патристической литературѣ вообще, но даже и въ западной.

Всѣмъ безъ исключенія гностикамъ авторъ приписываетъ ученіе о самобытной матеріи и безусловное отрицаніе свободы воли (II, 32. 56). Тезисъ въ такой категорической формѣ не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ гностическихъ системахъ, какъ напр. системѣ Валентина, матерія является произведеніемъ духовнаго начала, свобода же отрицается только по отношенію къ пневматикамъ и иликамъ, но признается по отношенію къ психикамъ.

По мнѣнію автора, много разъ повторенному, ученіе о Единомъ Творцѣ всѣхъ вещей есть выводъ изъ идеи творенія изъ ничего (II, 45. 212—213). Въ дѣйствительности отношеніе между этими понятіями обратное. Истина единства Божія ясно была дана въ Свящ. Писаніи и въ первоначальной апостольской проповѣди, а ученіе о твореніи изъ ничего выяснилось въ патристической литературѣ не сразу и не безъ колебаній у отдѣльныхъ церковныхъ писателей: оно представляетъ выводъ изъ признанія единства и абсолютности Первоначала міра.

II, 46 прим. 7 читаемъ: „Мы рѣшительно констатируемъ наличность омоусіанскихъ идей въ сочиненіяхъ Оригена на слѣдующихъ основаніяхъ: во-1-хъ, многія мѣста сочиненія О началахъ, на которыя обыкновенно ссылаются въ доказательство Оригеновскаго субординаціонизма, въ переводѣ Руфина содержатъ совершенно противоположныя мысли по сравненію съ изложеніемъ ихъ въ письмахъ Юстиніана (къ патр. Минѣ) и бл. Иеронима (къ Авиту) и не даютъ никакого намека на субординаціонизмъ, въ которомъ столь ревностно

обвиняет Оригена Иеронимъ, вообще предубѣжденный противъ знаменитаго Александрійскаго учителя "... Опираясь на подобнаго рода аргументы можно только не имѣя яснаго представленія о спорѣ Иеронима съ Руфиномъ, о свойствахъ и тенденціяхъ Руфиновскихъ переводовъ и о правилѣ, которымъ принято руководиться при критической оцѣнкѣ свидѣтельствъ Руфина объ Оригенѣ.

II, 50 авторъ говоритъ объ „александрійскомъ гностикѣ“, Гермогенѣ, учившемъ „о матеріи по природѣ злой“. Но Гермогенъ и не александріецъ, такъ какъ родился въ Сиріи или Финикии, и не гностикъ, такъ какъ его ученіе существенными чертами отличается отъ гностическаго, и матерія въ его космологіи является не злой, а нейтральной.

Нѣкоторымъ церковнымъ писателямъ было свойственно ученіе о созданіи тѣла человѣка по образу Божію. Это ученіе авторъ объясняетъ двояко. II, 97 онъ говоритъ: „вслѣдствіе неразрывной внутренней связи тѣла съ душой, для которой оно служитъ приличнымъ жилищемъ и органомъ, образъ Божій, заключающійся собственно въ одной душѣ, въ нѣкоторой степени отражается и на тѣлѣ“. Объясненіе неправильное. Гораздо вѣрнѣе авторъ объясняетъ это ученіе на II, 107 въ словахъ: „образъ Божій заключается не только въ душѣ, но и въ тѣлѣ человѣка... поскольку человѣкъ въ цѣломъ составѣ своей природы является той формой или образомъ, въ которомъ надлежало явиться на землѣ воплощенному Логосу“...

II, 106. Доказывая, что въ ученіи о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ Тертуллианъ не выдержалъ стоической схемы *mixta*, но незамѣтно для себя перешелъ на схему *σύχυσις*, авторъ прибавляетъ: „такъ напр. Тертуллианъ утверждаетъ, что во Христѣ,—нѣчто среднее, или, вѣрнѣе, третье изъ обоихъ слитое (*confusum—σύχυσις*), одна (новая?) субстанція изъ плоти и духа, какъ нѣкоторая смѣсь, подобная янтарию, изъ золота и серебра, такъ что уже не такъ ясны проявленія той и другой субстанціи“... Эта выдержка показываетъ, что авторъ или вовсе не читалъ 27 гл. сочиненія Тертуллиана Противъ Праксея, на которую ссылается и которую излагаетъ, или читалъ ее очень плохо и потому написалъ нѣчто совершенно противоположное тому, что хотѣлъ сказать Тертуллианъ. Въ этой главѣ Тертуллианъ въ совершенно

ясныхъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ отрицаетъ каждое изъ частныхъ положеній, приписанныхъ ему авторомъ, и намъ совершенно не понятно, какимъ образомъ г. Владимірскій могъ превратить отрицательную рѣчь Тертулліана въ утвердительную.

II, 132, прим. 3. „Какъ видно изъ хода разсужденій Тертулліана, говоритъ авторъ, онъ настаиваетъ на тѣлесности души, защищая догматъ воплощенія Сына Божія противъ докетизма; въ этомъ отношеніи онъ находитъ въ своихъ онтологическихъ понятіяхъ, заимствованныхъ у стоиковъ, оружіе противъ еретиковъ“...—мысль не обоснованная и не ясная.

II, 218. 221 авторъ утверждаетъ, что манихеи усвоили древне-платоновское мнѣніе о вѣчности матеріи. Это положеніе было бы очень трудно доказать, потому что манихейство возникло на востокъ изъ мѣстныхъ дуалистическихъ культовъ и въ всякой связи съ платонизмомъ. Въ частности манихейское ученіе о матеріи не имѣетъ ничего общаго съ платоническимъ.

II, 279. Ученіе Григорія Нисскаго о совершенствѣ первоизданной природы человѣка авторъ объясняетъ вліяніемъ Оригена. Въ дѣйствительности оно сложилось не подъ вліяніемъ александрійскаго ученаго, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ Филона.

4. Чрезвычайно неприятное впечатлѣніе производитъ на читателя постоянное стремленіе автора заключить мысль древнихъ въ терминологию современныхъ философскихъ ученій, но такъ какъ между той и другой въ дѣйствительности нѣтъ никакого соотвѣтствія, то получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ шеголяетъ философской терминологіей безъ достаточнаго ея пониманія.

Ученіе Аристотеля о непрерывности въ постепенномъ восхожденіи природы отъ бытія менѣе совершеннаго и простаго къ болѣе совершенному и сложному авторъ характеризуетъ, какъ „строго постепенную эволюцію въ образованіи органическихъ видовъ и существъ“ (I, 41, 44, 46, 47; II, 213) или называетъ „своего рода эволюціей въ происхожденіи или устроеніи міроваго бытія, завершаемой человѣкомъ“ (II, 209). Но это ученіе слишкомъ модернизируется терминомъ эволюція, потому что въ немъ отсутствуетъ самый характерный при-

знакъ теоріи эволюціи—идея происхожденія одной формы жизни изъ другой путемъ ихъ развитія. У Аристотеля же и христіанскихъ писателей формы бытія, безъ скачковъ слѣдующія другъ за другомъ въ порядкѣ большаго или меньшаго совершенства, происходятъ не другъ отъ друга, а всѣ вмѣстѣ и каждая въ отдѣльности отъ творческаго начала. Иногда авторъ называетъ эту непрерывную цѣпь совершенствъ „восходящей прогрессіей, въ которой человѣкъ занимаетъ среднюю дистанцію“ (I, 126).

Возстановленіе нормальнаго соотношенія органическихъ качествъ или стихій, нарушеннаго болѣзнію, въ чемъ Немезій полагаетъ сущность медицинскаго воздѣйствія на больной организмъ, авторъ называетъ „искусственной префформацией“ (I, 135). Терминъ „префформация“, обозначающій биологическую теорію, по которой въ сѣмени животныхъ заключается будущій организмъ только въ очень уменьшенномъ видѣ, къ данному ученію не имѣетъ никакого отношенія.

Тѣсное взаимодѣйствіе души и тѣла, при чемъ первая пользуется вторымъ какъ своимъ органомъ, но и второе можетъ содѣйствовать душѣ или стѣснять ее, у автора получаетъ наименованіе „параллелизма физическихъ и психическихъ явленій“. Въ данномъ случаѣ авторъ пользуется терминомъ, въ которомъ какъ разъ отрицается всякое взаимодѣйствіе души и тѣла, а допускается лишь соотвѣтствіе двухъ параллельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга рядовъ.

I, 183 читаемъ: „душа сама по себѣ непространственна, но по ассоціаціи съ тѣмъ, въ чемъ она находится и что имѣетъ тройное измѣреніе, и она представляется трояко измѣряемой“. Такъ онъ переводитъ *κατὰ συνβεβηχός* и почему-то полагаетъ, что „на языкѣ современной психологіи это значило бы: по ассоціаціи“ (Переводъ стр. 55, прим. 74). Въ дѣйствительности было бы гораздо проще и правильнѣе сказать—по связи или въ силу соединенія съ тѣломъ.

Ученіе Аристотеля о томъ, что душа проявляется въ своихъ многообразныхъ функціяхъ, въ глазахъ автора есть „психологическій феноменализмъ“ (I, 230), а въ трихотоміи отцовъ церкви онъ видитъ даже „психологическій аллегоризмъ“ (II, 12)—что это значитъ,—понять трудно.

Далѣе авторъ употребляетъ „космологическій“ вмѣсто кос-

мическій (II, 55), „аффектаціи“ вмѣсто аффекты (II, 133), „трансцендентальный“ вмѣсто трансцендентный (II, 207). Въ чрезвычайно странныхъ сочетаніяхъ встрѣчается также слово тенденція. Напр. „Аристотелевская тенденція о Перводвижателѣ міра“ (I, 110 ср. 123 прим., 276) или „тенденція Немезія о строго-логической градаціи органическихъ видовъ“ (I, 235).

5. Вторая часть диссертации, особенно въ первомъ и второмъ отдѣлахъ, нуждается въ большомъ сокращеніи. Собранный здѣсь матеріалъ до такой степени обширенъ и такъ растянуто изложенъ, что основная мысль автора, а вмѣстѣ съ ней и Немезій, совершенно тонуть въ подробностяхъ. Изъ нихъ слѣдуетъ удержать лишь то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ Немезію, и изложить въ возможно сжатомъ видѣ.

Если г. Владимірскій произведетъ въ своей диссертации рекомендуема исправленія, для чего не потребуется даже слишкомъ много усилій, то его книга будетъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей богословской литературы. Повторяемъ, что рассмотрѣнное сочиненіе вполне достаточно для присужденія его автору степени магистра богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ психологіи *П. П. Соколова*:

„Г. Владимірскій избралъ предметомъ своего изученія одного изъ второстепенныхъ церковныхъ писателей IV—V в., Немезія, епископа Емесскаго. Немезій не участвовалъ въ догматическихъ движеніяхъ своего времени и не связалъ своего имени ни съ однимъ изъ тогдашнихъ церковныхъ событій; но онъ оставилъ послѣ себя интересный литературный памятникъ, трактатъ „О природѣ челоуѣка“ (*Περὶ φύσεως ἀνθρώπου*). Это одинъ изъ наиболѣе древнихъ учебниковъ психологіи, въ которомъ на ряду съ философскимъ ученіемъ о душѣ и подробнымъ описаніемъ ея состояній и тѣлесныхъ условій содержится также не мало иныхъ, метафизическихъ, этическихъ и богословскихъ размышленій. Компилятивный по методу, не вездѣ связанный по изложенію и не совсѣмъ законченный по формѣ, трактатъ Немезія тѣмъ не менѣе даетъ намъ довольно полную картину психологи-

ческихъ знаній и философскихъ идей того времени. Съ другой стороны, какъ первая попытка систематически изложить ученія античной психологіи и примирить ихъ съ христіанскимъ міровозрѣніемъ, онъ не остался безъ вліянія на позднѣйшую богословскую мысль и изъ него черпали свои антропологическія и психологическія свѣдѣнія даже выдающіеся церковные ученые, какъ напр. св. Іоаннъ Дамаскинъ. Такой литературный памятникъ несомнѣнно вполне заслуживалъ изученія, и г. Владимірскій задался цѣлью изучить его всесторонне. Прежде всего онъ опубликовалъ русскій переводъ труда Немезія, съ собственнымъ введеніемъ, издательскими предисловіями, примѣчаніями и словаремъ. Затѣмъ имъ было предпринято обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Антропология и космология Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи, предшествующей и послѣдующей патристической литературѣ“, въ двухъ частяхъ, гдѣ онъ подвергъ трактатъ „О природѣ человѣка“ подробному анализу и попытался опредѣлить его мѣсто въ исторіи христіанской мысли. Вотъ это-то изслѣдованіе авторъ и представилъ въ рукописи Совѣту Московской духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія, присоединивъ къ нему „въ качествѣ общаго введенія и приложения“ свой переводъ сочиненія финикійскаго епископа.

Уже общее предварительное ознакомленіе съ этими работами г. Владимірскаго убѣждаетъ, какія широкія задачи онъ себѣ поставилъ и какъ много труда вложилъ въ ихъ выполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы г. Владимірскій ограничился даже только однимъ своимъ переводомъ трактата „О природѣ человѣка“, то и это былъ бы значительный трудъ. Онъ сдѣлалъ этотъ переводъ по Галльскому изданію *Matthaei*, наиболѣе удовлетворительному изъ существующихъ, и взялъ оттуда все, что тамъ собрано цѣннаго,—біографическія данныя о Немезіи и библиографическія свѣдѣнія о его трудѣ, предисловія разныхъ издателей, варианты и примѣчанія къ тексту, объясненія терминовъ и указатель встрѣчающихся въ трактатѣ именъ. Не довольствуясь примѣчаніями Маттэи и Оксфордскаго издателя, авторъ добавилъ къ нимъ рядъ своихъ, почерпнутыхъ изъ той обширной философской, богословской и исторической литературы, которую ему пришлось изучать. Компендіумъ Немезія написанъ популярно

и пониманіе его въ общемъ не представляетъ трудностей; но въ немъ встрѣчается немало специальныхъ терминовъ, философскихъ, психологическихъ и медицинскихъ, для которыхъ не всегда легко найти подходящее русское выраженіе. Это обстоятельство значительно усложняло трудъ переводчика, и приложенный имъ къ переводу пояснительный словарь такихъ терминовъ самъ по себѣ представляетъ извѣстную научную цѣнность.

Но еще болѣе сложную работу г. Владимірскій выполнилъ въ своей диссертаци. Это два объемистыхъ тома, заключающихъ въ себѣ въ общей сложности болѣе 1000 страницъ большого почтового формата. Первый томъ содержитъ небольшое предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ о своихъ источникахъ и пособіяхъ; болѣе значительное „вступленіе“, гдѣ онъ дополняетъ тѣ свѣдѣнія о Немезіи и его трактатѣ, которыя были изложены имъ во введеніи къ переводу, и первую, главную часть изслѣдованія. Эта часть, посвященная анализу сочиненія Емесскаго епископа и характеристикѣ его космологическихъ и антропологическихъ воззрѣній, въ свою очередь распадается на два отдѣла. Въ отдѣлѣ о космологіи Немезіи авторъ сначала указываетъ ея основную идею (I гл.), затѣмъ разсматриваетъ въ двухъ главахъ ея содержаніе, объединяя тѣ отрывочныя мысли объ устройствѣ міра и Божественномъ управленіи имъ, которыя высказываются этимъ писателемъ въ связи съ ученіемъ о природѣ и назначеніи человѣка (II—III гл.), наконецъ, дѣлаетъ „этико-теологическіе выводы“ изъ его космологическихъ положеній (IV гл.). Второй отдѣлъ, объ антропологии Немезіи, излагается по тому же самому плану. Въ I главѣ г. Владимірскій опредѣляетъ основную идею антропологии Немезіи; во II разсматриваетъ его „соматическую антропологию“, т. е. ученіе о тѣлесной природѣ человѣка и о соединеніи души съ тѣломъ; въ III изслѣдуетъ его „психическую антропологию“,—ученіе о субстанціальной природѣ, происхожденіи и послѣднихъ судьбахъ души, о „разумной“ душѣ и ея способностяхъ: ощущеніи и представленіи, мышленіи, памяти, внутреннемъ и произносимомъ словѣ, волѣ и свободѣ, и о „неразумной“ душѣ и ея функціяхъ, эмоціональныхъ и біологическихъ; наконецъ, въ IV главѣ

онъ формулируетъ „этико-теологическіе выводы“, вытекающіе изъ антропологическихъ воззрѣній Немезія. Вторая часть, занимающая весь второй томъ изслѣдованія, имѣетъ своимъ предметомъ отношеніе космологическихъ и антропологическихъ воззрѣній Немезія къ остальной патристической литературѣ въ связи съ общимъ вопросомъ о влияніи патристической антропологии на развитіе догматическихъ и нравственныхъ ученій. Послѣ общихъ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ древне-христіанской антропологии, эта часть распадается на три обширныхъ главы. Въ I главѣ г. Владимірскій говоритъ о воззрѣніяхъ предшественниковъ Немезія: Иринея, Климента Александрійскаго, Оригена и Тертулліана; во II онъ изучаетъ его современниковъ, Аеннасія Александрійскаго, Василия Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго; въ III онъ рассматриваетъ взгляды и сочиненія позднѣйшихъ писателей, Іоанна Филопона, Ильи Критскаго, Іоанна Дамаскина, Мелетія Монаха, Максима Исповѣдника, Леонтія Византійскаго, и др. Изложеніе этихъ главъ построено по той же схемѣ, какъ и анализъ трактата Немезія: каждая глава дѣлится на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ посвящается космологии рассматриваемыхъ въ ней церковныхъ писателей, другой—ихъ антропологии. Изслѣдуя ту или иную группу космологическихъ и антропологическихъ ученій, авторъ сначала намѣчаетъ ихъ основную идею, затѣмъ подробно передаетъ ихъ содержаніе. Въ заключеніи этой части г. Владимірскій подводитъ итоги своей работы.

Анализируя трактатъ Немезія, авторъ не только пытается систематизировать его идеи и выяснить ихъ характеръ, но и ставитъ своею задачей разыскать ихъ источники. Эта задача требовала широкаго научнаго кругозора и большихъ философскихъ и историческихъ знаній. Въ какой мѣрѣ г. Владимірскій справился съ нею, это мы увидимъ ниже; но во всякомъ случаѣ должно признать, что онъ обнаруживаетъ весьма значительную начитанность. Онъ цитируетъ по подлинникамъ Платона, Аристотеля, Плотина, Галена, Филона, Діогена Лаэртія, Стобея, Плутарха; онъ приводитъ изъ ихъ сочиненій цѣлый рядъ мѣстъ, параллельныхъ Немезію, и эти сопоставленія дѣлаются имъ не только по указаніямъ пособій, но и на основаніи собственныхъ справокъ. Извѣстна ему и литература по исторіи греческой философіи. Онъ поль-

зуются трудами Целлера, Виндельбанда, Риттера и Преллера, Штэкла, Зибека, Шенье, Ожеро, Вашро, Дежерандо и др. Главнымъ его пособіемъ была прекрасная книга Доманьскаго „Die Psychologie des Nemesius (Münster, 1900), въ которой психологическія воззрѣнія Емесскаго епископа изслѣдованы настолько основательно, что новый трудъ по этому вопросу является въ сущности не нужнымъ. Но авторъ не слѣдовалъ рабски нѣмецкому ученому и работалъ по собственному плану. Притомъ онъ ознакомился съ этою книгой повидимому послѣ того, какъ его работа была уже въ значительной степени подготовлена (см. ч. I, стр. 111, сравн. предисл. къ перев., стр. XXXIV), и этимъ, можетъ быть, нужно отчасти объяснить то обстоятельство, что имъ не вполне использованъ тотъ цѣнный историческій и критическій матеріалъ, который собранъ у Доманьскаго въ примѣчаніяхъ.

Разсматривая въ связи съ Немезіемъ космологическія и антропологическія ученія другихъ церковныхъ писателей, г. Владимірскій уже не вдается въ систематическій анализъ заключающихся въ ихъ сочиненіяхъ элементовъ эллинизма и указываетъ ихъ языческіе источники лишь въ отдѣльных случаяхъ. Онъ сосредоточивается преимущественно на подробномъ изложеніи, общей характеристикѣ и сравнительной оцѣнкѣ ихъ воззрѣній. Этимъ задача изслѣдователя конечно значительно упрощалась, но широкой планъ, по которому авторъ раскинулъ свою работу, создавалъ для него иного рода трудности. Чтобы дать представленіе о космологіи и антропологіи предшественниковъ, современниковъ и преемниковъ Немезія, онъ долженъ былъ просмотрѣть святоотеческую литературу за весь патристическій періодъ отъ II до VIII вѣка и даже позднѣе. И дѣйствительно, его знакомство съ святоотеческими твореніями весьма обширно. Онъ читалъ въ переводахъ и въ подлинникѣ не только всѣхъ перечисленныхъ выше церковныхъ писателей, но и многихъ другихъ, наприм. Іоанна Златоуста, Макарія Египетскаго, Епифанія Кипрскаго, Нила Синайскаго, Исидора Пелусіота, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Евагрія Понтійскаго, Іоанна Кассіана. Гораздо менѣе извѣстны ему научныя изслѣдованія по патрологіи и церковной исторіи. Новѣйшая иностранная литература въ этой области имъ почти не затронута. Онъ пользовался пре-

имуущественно трудами русскихъ ученыхъ, и эти труды въ большинствѣ случаевъ проштудированы имъ внимательно.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ большою работою. Диссертация г. Владимірскаго свидѣтельствуетъ и объ обширности его замысловъ, и о выдающемся его трудолюбіи. Трактатъ Немезія изучается въ ней въ такихъ широкихъ историческихъ рамкахъ, въ какихъ не изучались у насъ даже гораздо болѣе важные памятники древне-христіанской литературы.

Теперь приходится спросить, насколько удовлетворительно г. Владимірскій разрѣшилъ свою сложную задачу? Соответствуютъ ли достигнутые имъ результаты тому количеству труда, которое онъ на нихъ потратилъ? Даже болѣе того: приходится задаться вопросомъ, исполнѣ ли правильна та своеобразно широкая постановка, какую авторъ далъ своей проблемѣ? Оправдывается ли она самымъ предметомъ его изслѣдованія?

Я не буду въ отдѣльности разсматривать изданный г. Владимірскимъ переводъ сочиненія „О природѣ человѣка“, такъ какъ онъ въ существенномъ вошелъ въ его диссертацию. Воззрѣнія Немезія излагаются тамъ очень близко къ тексту трактата; историко-критическія примѣчанія, которыми сопровождается текстъ, воспроизводятся въ историческомъ, комментарий этихъ воззрѣній; наконецъ, предисловіе къ переводу отчасти повторяется во „вступленіи“ къ диссертации. Ограничусь лишь слѣдующими общими замѣчаніями. Переводъ Немезія, г. Владимірскій не прибѣгалъ къ критикѣ текста. Онъ не воспользовался ни опубликованными въ новѣйшее время Буркгардомъ критическими матеріалами къ тексту Немезія, ни изданными Гольцингеромъ и тѣмъ же Буркгардомъ старыми латинскими переводами Альфануса и Бургундіо. Переводчикъ воспроизвелъ только то, что содержится въ устарѣвшемъ изданіи Маттѣи (котораго, кстати сказать, онъ почему-то вездѣ называетъ *Маттеемъ*). Самый переводъ далеко нельзя назвать безукоризненнымъ. Хотя онъ и сдѣланъ съ греческаго, но въ немъ иногда чувствуется бѣльшая близость къ латинскому переводу, помѣщенному у Маттѣи, чѣмъ къ греческому тексту. Въ немъ много слишкомъ вольныхъ оборотовъ и описательныхъ выраженій, не исполнѣ точно передающихъ мысль Немезія. Онъ изобилуетъ пояснительными

вставками переводчика, которыя затрудняютъ чтеніе и часто не столько поясняютъ, сколько запутываютъ мысль. Наконецъ, какъ будетъ видно изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, онъ иногда прямо не вѣренъ. И тѣмъ не менѣе этотъ переводъ есть лучшее, что сдѣлано г. Владимірскимъ. Хотя для занимающихся¹ Немезіемъ онъ и не устранитъ необходимости обращаться къ подлинному тексту, но онъ существенно облегчитъ изученіе этого писателя. Переводовъ трактата Немезія нѣтъ ни въ одной современной литературѣ, и русская наука должна сказать г. Владимірскому за этотъ трудъ спасибо. Перейду къ диссертациі. Какъ мы видѣли, главный предметъ изслѣдованія г. Владимірскаго, космологическое и антропологическое ученіе Немезія, разсматривается въ первой части его работы. На этой части я и постараюсь сосредоточить преимущественное вниманіе.

Изучая космологію и антропологию Немезія, г. Владимірскій ставитъ себѣ, какъ было замѣчено выше, двѣ главныхъ задачи: выяснитъ характеръ возрѣвній этого писателя и найти его источники. Чтобы рѣшить первый вопросъ, онъ сближаетъ идеи Немезія съ другими философскими и научными теоріями, древними и современными. Самъ по себѣ этотъ приѣмъ является конечно единственно правильнымъ и научнымъ, но авторъ пользуется имъ чрезвычайно неудачно. Систематическаго изложенія космологіи у Немезія не существуетъ. То, что авторъ называетъ этимъ громкимъ именемъ, исчерпывается разбросанными по различнымъ частямъ трактата общими размышленіями о твореніи міра и о совершенствѣ его устройства, о цѣлесообразности природы и восходящемъ рядѣ живыхъ существъ, о Промыслѣ и міровомъ злѣ, да ученіемъ о стихіяхъ. Казалось бы, что теистическій смыслъ этой „космологіи“ достаточно ясенъ и связь ея съ библейскимъ ученіемъ и съ натурфилософскими теоріями древности не подлежитъ сомнѣнію. Но авторъ не довольствуется такою точкой зрѣнія. Стремясь возможно болѣе модернизировать взгляды Немезія и расширить ихъ скромныя рамки, онъ открываетъ у него „онтологическій монизмъ“, „эволюціонизмъ“ и опредѣленную „философію исторіи“. Онтологическій монизмъ Немезія онъ усматриваетъ въ его ученіи о Богѣ, какъ единомъ Творцѣ міра, создавшемъ все изъ ничего и призвавшемъ къ бытію не только формы вещей, но

и самую матерію. Такъ какъ это ученіе вполне совпадаетъ съ библейскимъ, то и библейское міровоззрѣніе онъ называетъ онтологическимъ монизмомъ (ч. I, стр. 77 и др.). Наконецъ, въ такомъ же смыслѣ онъ истолковываетъ потомъ и космологію остальныхъ церковныхъ писателей и отцовъ (II, 23—30, и др.). Вообще эта точка зрѣнія упорно проводится имъ во всей диссертациі. Такой взглядъ на христіанское ученіе о мірѣ конечно не только необыченъ, но и совершенно невѣренъ. Онтологическимъ монизмомъ называется ученіе не о единомъ *происхожденіи* вещей, а о единомъ *бытіи* ихъ. О немъ можно говорить только тамъ, гдѣ Божество не отдѣляется отъ міра и все бытіе представляется модификаціей одного метафизическаго начала, матеріальнаго, идеальнаго или средняго, идеально-реальнаго. Онтологическій монизмъ обыкновенно совпадаетъ съ пантеизмомъ. Между тѣмъ ни въ библейскомъ ученіи, ни въ космологіи Немезія ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь безконечное Божество противоплагается конечной твари, а духъ и матерія мыслятся какъ два по существу разнородныхъ принципа. Другими словами, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ монизмомъ, а съ *теизмомъ*, который никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ монистическимъ міровоззрѣніемъ, какъ почему-то дѣлаетъ авторъ. Подъ эволюціонизмомъ Немезія г. Владимірскій разумѣетъ его ученіе объ іерархической градаціи живыхъ существъ, восходящихъ въ преемствѣ творенія и въ порядкѣ совершенства отъ безжизненной матеріи къ вѣнцу мірозданія, человѣку. Тождество этого ученія съ эволюціонною доктриной представляется ему настолько безспорнымъ, что слова „эволюція“ и „градація существъ“ онъ употребляетъ какъ равнозначущія выраженія и поясняетъ ихъ одно другимъ: „эволюція (логическая градація)“, „градація (эволюція)“. Болѣе того, онъ считаетъ возможнымъ совершенно серьезно говорить объ отношеніи „эволюціонной теоріи Немезія“ къ теоріямъ Дарвина, Спенсера и ихъ послѣдователей, отдавая первой все преимущество предъ послѣдними (стр. 57—61). Какъ авторъ могъ придти къ подобной точкѣ зрѣнія, я затрудняюсь понять. Въ ученіи Немезія нѣтъ никакихъ элементовъ эволюціонизма, нѣтъ ни малѣйшаго намека на саморазвитіе и трансформацію живыхъ существъ. Все мірозданіе онъ рассматриваетъ какъ непосредственное дѣло Творца и

видитъ въ его постепенности только мудрость творческаго плаца. Хотя г. Владимірскій имѣетъ объ эволюціонизмѣ, повидимому, довольно смутное представленіе, хотя онъ не различаетъ его отъ теоріи типовъ (58) и понимаетъ принципъ естественнаго отбора совершенно неправильно (60), но уже тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ на основаніи сравненія взглядовъ Немезія съ теоріями Дарвина и Спенсера, могли бы показать ему, что между ними явно нѣтъ ничего общаго. Наконецъ, философій исторіи Немезія авторъ называетъ его ученіе о Промыслѣ и міровомъ злѣ. Подъ тѣмъ же названіемъ онъ разсматриваетъ это ученіе и у всѣхъ другихъ церковныхъ писателей. Конечно, идея Промысла и христіанская теодицея могутъ быть основой философскаго пониманія исторіи, но однихъ ихъ для философіи исторіи мало. Подъ философій исторіи разумѣется теорія историческаго процесса, объясняющая изъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ началъ всю совокупность конкретныхъ событій, пережитыхъ народомъ или цѣлымъ челоуѣчествомъ на пути ихъ развитія. Такой теоріи у Немезія не существуетъ. У него есть общій провиденціалистическій взглядъ на міровую жизнь и общіе принципы христіанской теодицеи, но у него нѣтъ философіи исторіи. Все это, конечно, очень элементарныя вещи, но тѣмъ досаднѣе разъяснять ихъ лицу, пишущему диссертацию на степень магистра богословія.

Если г. Владимірскій склоненъ приписывать Немезію воззрѣнія и теоріи, которыхъ у него нѣтъ, то онъ не замѣчаетъ одной важной идеи, которая у него дѣйствительно находится, идеи, не совсѣмъ согласной съ христіанскимъ теизмомъ, но очень характерной для этого писателя. Я разумѣю его мысль о вѣчности міра. Разбирая во второй главѣ своего трактата взглядъ Евномія, что міръ погибнетъ, когда исполнится совершенства, Немезій отвергаетъ возможность такой катастрофы, какъ недостойную мудрости Творца. „Что можетъ быть болѣе безразсуднаго, — говоритъ онъ, — какъ утверждать, будто міръ уничтожится, когда достигнетъ совершенства? Вѣдь это было бы совершенно похоже на игру малолѣтнихъ дѣтей въ песокъ, когда они тотчасъ по окончаніи рассыпаютъ то, что изъ него соорудили“ (De nat. hom. с. II р. 46; ср. также его ученіе о вѣчности стихій, сар. V, р. 70). Исслѣдователь космологіи Не-

незизя не долхенъ былъ бы преглядѣть такой своеобразной мысли. И это тѣмъ болѣе, что она имѣетъ не маловажное значеніе для оцѣнки ортодоксальности богословскихъ взглядовъ этого писателя, на которой г. Владимірскій почему-то сильно настаиваетъ.

Такія же неудачи преслѣдуютъ автора и при истолкованіи антропологическихъ воззрѣній Немезіа. Излагая его ученіе о взаимодѣйствіи души и тѣла, г. Владимірскій отождествляетъ это ученіе съ теоріей психофизическаго параллелизма. Выраженія: „взаимодѣйствіе“ и „параллелизмъ“ кажутся ему такими же равнозначущими, какъ „эволюція“ и „градація“, и онъ всюду употребляетъ ихъ одно вмѣсто другого или ставитъ рядомъ для поясненія (стр. 163 и слѣд.; ср. ч. II, стр. 301: „идея Немезіа о тѣсномъ взаимодѣйствіи души съ тѣломъ или о такъ называемомъ психофизическомъ параллелизмѣ“; тоже стр. 588 и слѣд. и предисл. къ перев., стр. XXVII). Это странное недоразумѣніе опять создаетъ для рецензента необходимость разъяснить г. Владимірскому элементарныя понятія. Ученіе о психофизическомъ взаимодѣйствіи и теорія психофизическаго параллелизма не только не тождественны между собой, а прямо исключаютъ другъ друга. Ученіе о взаимодѣйствіи допускаетъ причинную зависимость тѣла отъ духа и духа отъ тѣла; между тѣмъ теорія параллелизма рассматриваетъ ихъ какъ два параллельныхъ ряда явленій, между которыми нѣтъ причинной связи, а существуетъ лишь функціональное отношеніе, т. е. одновременность или послѣдовательность ихъ измѣненія (какъ у математическихъ переменныхъ). Немезій стоялъ всецѣло на первой точкѣ зрѣнія. Современной идеи параллелизма онъ не зналъ, какъ не знала ея и остальная древность. Если среди античныхъ представленій можно найти нѣкоторую аналогію для этой идеи, то такую аналогіей могла бы быть развѣ лишь та гипотеза „смежности“ (*παράθεσις*) души и тѣла, которая разбирается Хризиппомъ. Но Немезій, какъ извѣстно автору, отвергаетъ эту гипотезу. Въ такой же мѣрѣ неосновательно приписывать этому древне-христіанскому ученому и современную теорію „специфическихъ энергій“ (I, 277), которую, — кстати замѣтить, — авторъ находитъ и у Григорія Нисскаго (II, 351—352). Эта теорія состоитъ не въ томъ, что органы чувствъ приспособлены къ различнымъ видамъ раздраженій,

а въ томъ, что они специфически реагируютъ на всякія раздраженія. Такой мысли нѣтъ ни у Немезія, ни у Аристотеля, которому Немезій слѣдоваль въ своей психологіи ощущеній.

Вообще попытки г. Владимірскаго сблизить ученія Немезія съ современными научными идеями являются какимъ-то сплошнымъ недоразумѣніемъ. Такъ, наприм., на стр. 215 первой части онъ открываетъ, что ученіе Немезія о способностяхъ души близко къ современной наукѣ, въ которой также „различаются и категорически обособляются тѣ или другія душевныя способности или силы, лежащія въ основѣ различныхъ психическихъ процессовъ“. Но вѣдь это явный вздоръ. Въ томъ-то именно и дѣло, что современная наука не различаетъ и, тѣмъ болѣе, не обособляетъ никакихъ душевныхъ способностей и силъ. Желая найти аналогію для психологическихъ представленій Немезія въ этой наукѣ, авторъ ее самое представляетъ по аналогіи съ наукой Немезія. Другое не менѣе удивительное открытіе въ „современной наукѣ“ онъ дѣлаетъ на стр. 335, примѣч. 1. Касаясь ученія Немезія о локализациі эмоцій въ сердцѣ и печени, авторъ сопоставляетъ его съ теперешними научными воззрѣніями и говоритъ: „Современная психологія локализируетъ эмоціональные процессы (вообще—чувствованія), большею частію въ продолговатомъ мозгу (Hall), или же въ зрительныхъ буграхъ (Карпенстеръ), или въ среднемъ мозгу (субкортикальные центры—Todd), или, наконецъ, въ мозговыхъ полушаріяхъ (Clarke)“. Откуда онъ взялъ эту премудрость, остается неизвѣстнымъ. Я не могу даже догадаться, какого психолога онъ разумѣетъ подъ именемъ Hall'я. Единственный современный психологъ съ этимъ именемъ, Stanley Hall, сюда не подходитъ. Если авторъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду френолога Gall'я, усердно занимавшагося такими локализациями, то его можно было назвать „современнымъ“ только въ началѣ прошлаго столѣтія. Равнымъ образомъ, среди современныхъ „психологовъ“ нѣтъ ни Todd'a, ни Clarke'a. Но самое главное въ томъ, что современные психологи вовсе не локализируютъ эмоцій. Они иногда допускаютъ спеціальныя мозговые центры для ощущеній, движеній, образовъ, процессовъ ассоціаціи и функцій рѣчи, но особыхъ субстратовъ для чувствованій никто изъ нихъ даже не пытается указывать. Эти явленія въ настоящее время ставятся въ связь не

съ центральными процессами, а съ периферическими измѣненіями, вазомоторными, дыхательными, выдѣлительными, мышечными и абдоминальными.

Отыскивая сходство между Немезіемъ и современною психологіей тамъ, гдѣ его нѣтъ, авторъ зато опять не замѣчаетъ его тамъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ. Ученіе Немезія о физиологической природѣ страстей, его взглядъ на аффекты, какъ на „ощущаемое волненіе“ (*ἰσθητὴ κίνησις*), его стремленіе связать эмоціи съ измѣненіемъ пульса, нарушеніемъ сердцебиенія, приливомъ и отливомъ крови, невольно напоминаютъ теорію эмоцій Джемса-Ланге. Конечно, эти представленія Немезія, какъ и вся его психологія, не оригинальны: они были заимствованы имъ у старыхъ греческихъ мыслителей и врачей, у Гиппократа, Платона, Аристотеля, Галена; но это не лишаетъ ихъ историческаго интереса. Не приписывая Немезію открытія физиологической теоріи чувствованій, авторъ былъ бы въ правѣ разсматривать этого христіанскаго епископа, какъ одного изъ ея предшественниковъ. Интересно было бы также отмѣтить, что, судя по описаніямъ Немезія, старые греческіе анатомы уже догадывались о существованіи чувствительныхъ нервовъ въ мышечной ткани, присутствіе которыхъ, какъ извѣстно, было съ точностью обнаружено только въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Келликеромъ и Заксомъ.

Если г. Владимірскій неправильно понимаетъ отношеніе взглядовъ Немезія къ современной наукѣ, то онъ не всегда вѣрно оцѣниваетъ и ихъ отношеніе къ научнымъ теоріямъ древности. Такъ, онъ находитъ, что ученіе Немезія о стихіяхъ „довидимому, очень близко подходитъ къ такъ называемой атомистической теоріи“ (69). На этомъ основаніи онъ даже упрекаетъ Немезія въ нѣкоторомъ противорѣчій библейскому ученію. Но эта „видимость“ для него, вѣроятно, исчезла бы, если бы онъ постарался лучше уяснить себѣ понятія стихія и атома у древнихъ. Какъ извѣстно, греческая натурфилософія понимала подъ стихіями не атомы, а *элементы*, не количественно различныя, недѣлимыя и недоступныя внѣшнимъ чувствамъ частицы матеріи, а *качественно разнородныя и чувственно воспринимаемые виды вещества*, смѣшивающіяся по законамъ своего внутренняго строенія въ конкретныхъ вещахъ. Такъ именно учили о стихіяхъ Платонъ

и Аристотель, у которых Немезій заимствовали свою стихіологію; такъ же представлялъ себя и Эмпедокль, впервые создавшій теорію четырехъ элементовъ. Насколько неясны у автора представленія объ атомизмъ, объ этомъ можно судить впрочемъ уже по тому, что на ряду съ Демокритомъ онъ зачисляетъ въ атомисты и Эмпедокла, и Анаксагора (76). Подобныя недоразумѣнія не должны имѣть мѣста въ серьезной научной работѣ. Если въ химическихъ концепціяхъ Эмпедокла и въ ученіи Анаксагора о *элементата* и можно видѣть зачатки молекулярной теоріи, то вѣдь молекулы не то же, что атомы.

Перехожу къ вопросу объ источникахъ Немезія. Эклектикъ, лишенный оригинальныхъ мыслей, Немезій заимствовалъ всѣ свои философскія идеи и психологическія знанія у древнегреческихъ мыслителей и ученыхъ. Его источниками были Платонъ, Аристотель, Галенъ, стоики и неоплатоники. Какъ уже замѣчено выше, г. Владимірскій изучаетъ эти источники довольно внимательно и указываетъ ихъ съ значительною полнотой. Но въ его историко-критической работѣ нужно отмѣтить два дефекта: рассматривая идеи греческихъ философовъ, онъ не совсѣмъ вѣрно оцѣниваетъ ихъ общее значеніе для Немезія и не всегда правильно понимаетъ ихъ смыслъ. Въ изображеніи г. Владимірскаго Немезій является преимущественно платонистомъ. Открыто тяготея къ Платону, онъ заимствовалъ у него свои руководящіе взгляды и въ ученіи о мірѣ, и въ изслѣдованіи природы человѣка. Напротивъ, Аристотель имѣлъ для него сравнительно второстепенное значеніе. Широко пользуясь его трудами, Немезій относился къ нимъ строго критически и бралъ изъ нихъ только то, что было согласно съ Платоновскою философіей и христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Этотъ, обычно принятый, взглядъ, мнѣ кажется, нужно въ настоящее время существенно измѣнить. Если въ космологическихъ представленіяхъ Немезія дѣйствительно много элементовъ платонизма и особенно неоплатонизма, то не меньше отразилось на нихъ и вліяніе Аристотеля. Его ученіе объ устройствѣ міра и элементахъ вещей, о вѣчности космоса и круговоротѣ вселенной, о цѣлесообразности природы и о восходящей градаціи живыхъ формъ полно Аристотелевскихъ мыслей и наблюденій. То же самое видимъ мы въ его соматической антропологіи,—въ ученіи

объ устройствѣ человеческого тѣла, о соотношеніи его частей, о гармонической связи его функций, о тѣсномъ взаимодействіи психическихъ процессовъ съ физиологическими. Какъ ни враждебно относился Немезій къ Аристотелевскому понятію энтелехія, но и оно не осталось безъ вліянія на складъ его біологическихъ и психофизиологическихъ воззрѣній, и этотъ фактъ отмѣчается самимъ авторомъ (169—170). Что же касается его психической антропологии или психологии въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то она почти цѣликомъ основана на Аристотелѣ. Ученіе о видахъ, частяхъ и способностяхъ души, о соотношеніи ея разумныхъ и неразумныхъ функций, о чувственномъ воспріятіи и представленіи, объ ощущеніяхъ пяти внѣшнихъ чувствъ, о способности мышленія и памяти, о пожелательной способности и аффектахъ, о движеніи и элементахъ воли, о произвольныхъ и непроизвольныхъ дѣйствіяхъ, о выборѣ и обсужденіи, о самоопредѣленіи и свободѣ,—все это извлечено Немезіемъ главнымъ образомъ изъ Аристотелевскихъ сочиненій. Даже тѣ историческіе обзоры различныхъ ученій, которые занимаютъ въ трактатѣ Немезія такъ много мѣста, составлены имъ, повидимому, не безъ заимствованій у этого мыслителя. Правда, съ внѣшней стороны Немезій дѣйствительно относится къ Аристотелю совершенно иначе, чѣмъ къ Платону. Открыто примыкая къ воззрѣніямъ послѣдняго, онъ дѣлаетъ Аристотелевскія теоріи предметомъ ожесточенной полемики. Часто ссылаясь на Платона въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, онъ упоминаетъ объ Аристотелѣ только тамъ, гдѣ опровергаетъ его мнѣнія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заимствуетъ у Аристотеля цѣлыя отдѣлы (напр., въ ученіи о волѣ), онъ за исключеніемъ одного случая позабываетъ указывать свой источникъ. Но это своеобразное отношеніе не должно вводить въ заблужденіе историка. Какъ справедливо догадывается Доманскій, оно объясняется тѣмъ, что христіанскій епископъ не хотѣлъ компрометировать себя открытою близостью къ философу, котораго тогдашніе православные богословы считали идейнымъ вдохновителемъ аріанства и евноміанства. Эту мысль повторяетъ въ одномъ мѣстѣ (I, 322) и г. Владимірскій (хотя почему-то и безъ ссылки на источникъ). Но было бы лучше, если-бы онъ не только повторилъ ее, но и послѣдовательно провелъ въ своей диссертации. Тогда философскій обликъ Немезія предсталъ бы

предъ нами въ значительно новомъ свѣтѣ: мы видѣли бы предъ собой одного изъ наиболѣе раннихъ христіанскихъ аристотеликовъ.

Но если Немезій былъ скорѣе аристотеликомъ, чѣмъ платоникомъ, то это не значитъ, чтобы онъ стоялъ на высотѣ полного пониманія Аристотелевскихъ идей. И въ своихъ заимствованіяхъ у Аристотеля, и въ своей полемикѣ съ нимъ онъ относился къ этому мыслителю (какъ, впрочемъ и къ Платону) довольно поверхностно. Примѣромъ такого поверхностнаго отношенія можетъ служить его критика Аристотелевскаго ученія о душѣ, какъ энтелехіи тѣла. Опираясь на слова Аристотеля, что душа, какъ энтелехія, принадлежитъ опредѣленному тѣлу и безъ него существовать не можетъ, онъ дѣлалъ отсюда выводъ, что, стало быть, сама по себѣ душа, по Аристотелю, не существуетъ, а является простымъ качествомъ тѣла. При этомъ онъ забывалъ только-что разъясненныя имъ самимъ положенія, что съ точки зрѣнія Аристотеля матерія тѣла есть лишь потенція, простая возможность дѣйствительности (*δύναμις*) и что свое актуальное бытіе она получаетъ только благодаря формирующей дѣятельности души, что, слѣдовательно, „сама по себѣ“ существуетъ, по мнѣнію этого философа, именно душа, а не тѣло; кромѣ того онъ опускалъ изъ виду, что на ряду съ чувствительными и органическими функціями, нераздѣльно слитыми съ тѣлесною жизнью, Аристотель признавалъ въ человѣческой душѣ еще высшую силу, которая уже не зависитъ отъ тѣла,—разумъ (*νοῦς*). Казалось бы, что изслѣдователь Немезія долженъ былъ отмѣтить и разъяснить подобное недоразумѣніе. Но не такъ думаетъ г. Владимірскій. Онъ относится къ заявленіямъ изучаемаго имъ писателя безъ малѣйшей критики и, воплія соглашаясь съ его взглядомъ, обвиняетъ Аристотеля въ матеріализмѣ. „Собственно говоря, замѣчаетъ онъ, ученіемъ объ энтелехіи Аристотель материализуетъ душу: великій философъ въ этомъ случаѣ оказался въ противорѣчьи съ самимъ собой: полемизируя противъ материалистическихъ теорій, онъ не замѣтилъ того, что, называя душу энтелехіей тѣла, или— что то же—видообразующей сущностью его, самъ впалъ въ матеріализмъ“ (222; сравн. предисл. къ перев., XXVII). Очевидно, отецъ позднѣйшаго спиритуализма долженъ былъ быть очень близорукимъ, чтобы не замѣтить того, что само-

собою бросилось въ глаза г. Владимірскому. Но если г. Владимірскій такъ легко замѣтилъ у Аристотеля это „противорѣчіе“, то ему слѣдовало бы замѣтить и то, что приведенныя сейчасъ слова совершенно противорѣчатъ тому, что онъ самъ же говоритъ объ Аристотелѣ страницей раньше (220—221) и нѣсколькими страницами позже (231), гдѣ этотъ мыслитель характеризуется какъ самый обыкновенный спиритуалистъ. Равнымъ образомъ ему нужно было бы вспомнить и о томъ, что во второмъ параграфѣ предшествующей главы онъ призналъ Аристотелевское ученіе объ энтелехіи однимъ изъ элементовъ ученія Немезія о взаимодействіи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ, въ которомъ, вѣроятно, уже нѣтъ материалистическихъ идей. Подобную же путаницу находимъ у него и въ оцѣнкѣ ученія Аристотеля о душевныхъ способностяхъ. На стр. 230 онъ называетъ это ученіе „феноменализмомъ“, отрицающимъ субстанціальность души, а на 231 стр. соглашается съ мнѣніемъ Шенъе, который открываетъ въ основѣ Аристотелевскихъ способностей „единство субстанціи“. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ писалъ различныя страницы своей работы разными руками и его правая рука не вѣдала, что дѣлаетъ лѣвая.

Кромѣ Платона и Аристотеля, Немезій много заимствовалъ у неоплатониковъ и стоиковъ. Вліяніе неоплатонизма главнымъ образомъ сказалось на его эклектическомъ ученіи о связи души и тѣла, о Промыслѣ, о нравственномъ значеніи зла и о свободѣ, а идеи стоиковъ преимущественно отразились въ его ученіи о „внутреннемъ“ и „произносимомъ“ словѣ (*λόγος ἐνδιάθετος* и *λόγος προφορικός*) и въ разработкѣ ученія о страстяхъ. Г. Владимірскій излагаетъ и разбираетъ воззрѣнія этихъ двухъ школъ нѣсколько разъ, и въ первой, и во второй части своей работы; но, судя по его изложеніямъ и характеристикамъ, онъ имѣетъ о нихъ такое же неясное и противорѣчивое представленіе, какъ и о философіи Аристотеля. Вотъ, напр., какъ характеризуетъ онъ неоплатоническое ученіе о Божествѣ и мірѣ: „Согласно пантеистическому міровоззрѣнію неоплатонической школы, міръ есть результатъ необходимаго развитія Первоединого (*τὸ Ἐν*) и потому въ немъ все естественно и необходимо. Имманентное міру Божество, точнѣе—мировая душа, есть всеобщій и неизбѣжный законъ всего бытія, необходимо подчиняющій

себѣ все существующее; въ этомъ смыслѣ она есть неизмѣнный божественный промыслъ. Отсюда—человѣкъ, какъ членъ міра, тоже подчиненъ въ своей жизнедѣятельности этому закону безусловной необходимости; а слѣдовательно, свободная человѣческая личность, какъ факторъ міровой исторіи (согласно христіанскому міровоззрѣнію), не имѣетъ здѣсь никакого мѣста: идея свободы и цѣлесообразности въ процессѣ историческаго развитія и въ дѣйствіяхъ человѣческихъ индивидуумовъ совершенно чужда неоплатонизму“ (I, 101). Тутъ что ни слово, то ошибка. Какимъ образомъ можно называть пантеистическимъ міровоззрѣніе философской школы, для которой „Единое“ было *ἐπέκεινα τῆς οὐσίας, ἐπέκεινα νοῦσεως*? Какъ можно говорить объ имманентности Божества міру въ метафизической системѣ, которая самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркивала его трансцендентность? Какой смыслъ могутъ имѣть слова о „развитіи“ Первоединого въ мірѣ, если міръ, по ученію неоплатониковъ, есть только эманация, излученіе, отблескъ (*ἐκλαμπς*) Божества, слабый отблескъ, подобный отраженію замирающихъ солнечныхъ лучей въ далекомъ пространствѣ? Утверждать, что Божество неоплатониковъ есть „точнѣе“ міровая душа, а міровая душа— „всеобщій и неизбѣжный законъ всего бытія“, значить не имѣть понятія ни о томъ, ни о другой. Представлять себѣ неоплатоническій Промыслъ чѣмъ-то въ родѣ классическаго Рока и думать, что человѣческая личность въ неоплатонизмѣ подчинена „закону безусловной необходимости“, можно только при недостаточномъ знакомствѣ съ этою философскою системою. Наконецъ, заключительный аккордъ всей этой тирады,—заявленіе, будто христіанская идея цѣлесообразности въ мірѣ и свободы въ человѣческихъ дѣйствіяхъ „совершенно чужда неоплатонизму“,—приведетъ въ недоумѣніе всякаго, кто сопоставитъ съ этими словами восторженный гимнъ Плотина красотѣ и гармоніи космоса, кто вспомнитъ его ученіе о провиденціальномъ планѣ въ жизни вселенной и дастъ себѣ отчетъ въ томъ, что, перенося моментъ человѣческой свободы изъ сферы внѣшнихъ дѣйствій во внутренній міръ разума и нравственныхъ добродѣтелей, Плотинъ дѣлалъ въ сущности то же, что дѣлало и христіанство. Но всего изумительнѣе то, что на другихъ страницахъ своей диссертации авторъ признаетъ эту „пантеистическую“ и детерминистиче-

скую философію. основой тѣхъ онтологическихъ и космологическихъ представлений, которыя отличаютъ Немезія и остальныхъ восточныхъ учителей Церкви отъ западныхъ писателей (II, 23—30). Въ ученіи Немезія о Промыслѣ онъ находитъ такое сходство съ ученіемъ Плотина, что пускается въ размышленія объ историческихъ причинахъ подобнаго совпаденія идей (I, 115—116). Теодицея Немезія находится, по его собственнымъ словамъ, „въ особенно близкой связи“ съ теодицеей неоплатониковъ (115). Ученіе Плотина о связи разума и воли могло послужить, по его мнѣнію, „непосредственнымъ первоисточникомъ“ для такого же воззрѣнія Немезія (290). Въ „сильномъ удареніи Немезія на свободѣ воли“ онъ склоненъ видѣть „неоплатоническій элементъ“ (326)... Такія поразительныя недоразумѣнія и противорѣчія свидѣтельствуя въ одинаковой мѣрѣ и о недостаткѣ вдумчивости, и о недостаткѣ знаній. Какъ всѣ несамостоятельные писатели, авторъ судитъ о воззрѣніяхъ излагаемыхъ имъ мыслителей или съ чужихъ словъ, или по какому-то смутному, безотчетному впечатлѣнію, не пытаясь серьезно и послѣдовательно разобраться въ вопросѣ.

Указывая неоплатоническіе и стоическіе источники Немезія, г. Владиміръскій, къ сожалѣнію, не останавливается на обратной сторонѣ этой задачи, на оцѣнкѣ трактата Немезія, какъ источника нашихъ свѣдѣній о неоплатоническихъ и стоическихъ доктринахъ. При изложеніи и разборѣ ученій стоиковъ и неоплатониковъ Немезій пользовался нѣкоторыми не дошедшими до насъ сочиненіями и у него упоминаются такія подробности этихъ ученій, которыя изъ другихъ источниковъ намъ неизвѣстны. Таковы, напр., нѣкоторыя любопытныя частности стоическаго ученія о „круговращеніи времени“, излагаемаго Немезіемъ въ концѣ XXXVIII главы его трактата; таковы двѣ его ссылки на Аммонія Саккаса во II и III гл., и др. Особенно важны и загадочны двѣ послѣднихъ цитаты. Въ одной изъ нихъ приводится въ качествѣ аргумента противъ матеріализма мнѣніе Аммонія и пифагорейца Нуменія о душѣ, какъ принципѣ органическаго объединенія тѣлесныхъ элементовъ (De nat. hom. c. II, p. 29); въ другой Аммонію приписывается неоплатоническое ученіе объ энергетической связи души и тѣла, которое Немезій пытался примѣнить къ объясненію соединенія двухъ природъ

во Христѣ (с. III, р. 56—59). Какъ извѣстно, Аммоній ничего не писалъ, и историковъ очень интересуетъ вопросъ, откуда Немезій взялъ свои свѣдѣнія объ ученіи этого неоплатоника. Г. Владимірскій немножко затрагиваетъ этотъ вопросъ только по поводу первой изъ названныхъ цитатъ, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 182 первой части, гдѣ онъ кратко упоминаетъ со словъ Доманьскаго о мнѣніяхъ Целлера, Вапро и Тединги. Что же касается второй, самой важной и очень длинной, цитаты, то съ нею онъ поступаетъ такъ: за исключеніемъ первыхъ словъ, гдѣ называется имя Аммонія, онъ излагаетъ все ея содержаніе какъ аргументацію самого Немезія, приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сходныя съ нею мѣста изъ Плотина (I, 158—163; сравн. II, 300—301 примѣч., гдѣ отрывки изъ этой цитаты воспроизводятся также, какъ собственныя слова Немезія). Однако такая постановка дѣла неправильна и ненаучна. Въ настоящее время уже достаточно выяснено, что эту цитату нельзя считать ни точнымъ воспроизведеніемъ мыслей Аммонія, ни простымъ извлеченіемъ изъ Эннеадъ Плотина. По всей вѣроятности Немезій заимствовалъ ее изъ какого-нибудь болѣе поздняго, но не дошедшаго до насъ неоплатоническаго сочиненія или сборника. Конечно, вопросъ о происхожденіи обѣихъ этихъ цитатъ очень труденъ и разрѣшить его самостоятельно для автора было бы непосильною задачей; но онъ могъ по крайней мѣрѣ болѣе основательно и полно изложить то, что сдѣлано для разъясненія этой загадки историками, какъ вышеупомянутыми, такъ и другими, напр. фонъ Арнимомъ. Разобраться до нѣкоторой степени въ данномъ вопросѣ было бы для г. Владимірскаго важно и въ томъ отношеніи, что съ нимъ стоитъ въ связи другой вопросъ, — о времени жизни и дѣятельности самого Немезія. Если бы можно было признать вѣроятнымъ, что Немезій взялъ эти цитаты у Герокла, какъ думаетъ Целлеръ, то время его жизни уже нельзя было бы относить къ IV-му вѣку.

Наконецъ, однимъ изъ писателей, оказавшихъ большое вліяніе на Немезія, былъ Галенъ, служившій ему главнымъ авторитетомъ по вопросамъ анатоміи и фізіологіи. Для ознакомленія съ научными и философскими идеями этого знаменитаго врача г. Владимірскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи небольшое, но полезное пособіе въ видѣ диссертации

Евангелидеса „Zwei Kapitel aus einer Monographie über Nemesius und seine Quellen“ (Berlin, 1882), гдѣ вопросъ о зависимости Немезія отъ Галена разсматривается съ особенною подробностью. Къ сожалѣнію, авторъ не вполне исчерпалъ собранный въ этой работѣ матеріалъ и пользовался ею не всегда удачно. Такъ, на стр. 153 первой части у него встрѣчается слѣдующее недоразумѣніе. Упомянувъ о сочиненіи Аристотеля „De partibus animalium“ и о трактатѣ Галена „De usu partium“, онъ говоритъ: „Два вышеупомянутыя сочиненія (Аристотеля и Галена) Немезій, по замѣчанію Evangelides'a, какъ ἱερὸς λόγος и ἕνος ἀληθινός—направляетъ противъ ослѣпленныхъ софистовъ своего времени“. Г. Владимірскій слишкомъ хорошо знаетъ трактатъ Немезія и прежде, чѣмъ написать эту не совсѣмъ удобопонятную фразу, ему было бы естественно спросить себя: гдѣ же именно Немезій „направляетъ“ сочиненія Аристотеля и Галена „противъ софистовъ своего времени“ и гдѣ называетъ ихъ λόγος ἱερὸς и ἕνος ἀληθινός? Ничего такого въ трактатѣ „О природѣ человѣка“ нѣтъ и все это недоразумѣніе объясняется только тѣмъ, что авторъ не понялъ „замѣчанія“ Евангелидеса: „Seine wissenschaftlichen Leistungen richtet er (Galenus!) als einen ἱερὸς λόγος und ἕνος ἀληθινός gegen die verstockten und verblendeten Sophisten seiner Zeit“ etc. Смѣшавъ Немезія съ Галеномъ, онъ приписалъ первому то, что Евангелидесъ говоритъ о второмъ, и прибавилъ къ этому нѣкоторыя измышленія собственной фантазіи. Страницей раньше (152) г. Владимірскій пишетъ: „Галень, воспитанный—вѣроятно—въ традиціяхъ классической (платоновской) философіи, отводитъ“ и т. д. Очень мило это слово „вѣроятно“ объ эклектическомъ философѣ-натуралистѣ, комментаторѣ Платона, Аристотеля, Теофраста и Хризиппа! Цитируя сочиненія Галена, Немезій называетъ нѣкоторыя изъ нихъ иными именами, чѣмъ тѣ, подъ которыми они намъ извѣстны. Г. Владимірскій оставляетъ эти названія Немезія безъ объясненій и ограничивается только тѣмъ, что переводитъ ихъ съ греческаго на латинскій. Такъ, на стр. 190 онъ упоминаетъ о сочиненіи Галена „De demonstratione“, которое у Немезія цитируется подъ заглавіемъ Οἱ ἀποδεικτικοὶ λόγοι“. Но такого сочиненія у Галена нѣтъ. Къ какому изъ Галеновскихъ трактатовъ можетъ относиться эта цитата, выясняется у Доманьскаго (S. 9, Anm.). Слѣдовало бы

привести точное заглавіе и того сочиненія Галена, которое авторъ называетъ „Simplicia“ (191), а Немезій „Τὰ ἁπλά“. О зрѣніи Галенъ разсуждаетъ, по словамъ Немезія, не „въ 7-й Симфоніи“ (246; перев., 95), а „въ 7-й книгѣ Симфоніи“ (*ἐν τῇ ἐνδόμῳ τῆς Συμφωνίας*); подъ „Симфоніей“ же нужно разумѣть, какъ извѣстно автору, вѣроятно, трактатъ „De Hippocratis et Platonis decretis“.

На ряду съ Галеномъ у Немезія неоднократно упоминается и другой великій греческій врачъ, Гиппократъ. Но былъ ли Немезій непосредственно знакомъ съ его сочиненіями или зналъ о нихъ только по Галену, этотъ вопросъ у г. Владимірскаго не выясняется. Впрочемъ, г. Владимірскій имѣетъ, повидимому, не совсѣмъ ясное представленіе даже о самомъ времени жизни Гиппократа. Разсматривая принимаемое Немезіемъ ученіе о четырехъ „сокахъ“ или „влагахъ“, изъ которыхъ по представленіямъ древности слагались живыя тѣла, онъ пишетъ: „Такое ученіе о составѣ тѣла, по свидѣтельству Немезія, выработалось не сразу: вотъ его историческій генезисъ. Первоначально Аристотель думалъ, что тѣла животныхъ состоятъ непосредственно изъ одной крови... Но такъ какъ изъ одного и того же начала (элемента) казалось мало-вѣроятнымъ производить и твердыя кости, и мягкую плоть, и жиръ, то Гиппократъ предпочелъ признать составъ тѣлъ непосредственно изъ 4-хъ соковъ“ (131—132). Прочитавъ эту фразу, читатель съ недоумѣніемъ спроситъ: что же это за сверхъестественный „историческій генезисъ?“ Какимъ образомъ Аристотель могъ „первоначально“ думать то, о чемъ Гиппократъ въ виду несостоятельности Аристотелевскаго взгляда предпочелъ думать иначе, если Гиппократъ жилъ почти на 100 лѣтъ раньше Аристотеля? Неужели Немезій, „по свидѣтельству“ котораго все это произошло, былъ способенъ такъ перепутать хронологію и факты? Справляемся у Немезія и видимъ, что хронологію перепуталъ г. Владимірскій. Слова „первоначально“ у Немезія нѣтъ и ни о какомъ „историческомъ генезисѣ“ ученія о четырехъ сокахъ онъ не „свидѣтельствуеетъ“. Онъ только сравниваетъ взгляды Аристотеля съ взглядами Гиппократа, устанавливая въ концѣ концовъ ихъ принципиальное согласіе.

Къ числу мыслителей и ученыхъ, оказавшихъ вліяніе на Немезія, по мнѣнію г. Владимірскаго, нужно присоединить

еще Филона (I, 128—130, 292—293; сравн. II, 160, 166). Однако съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что имя Филона ни разу не упоминается въ трактатѣ „О природѣ человѣка“, ни откуда вообще не видно, чтобы Немезій былъ знакомъ съ его сочиненіями и усвоилъ себѣ какія-нибудь его идеи. Ссылки на „ученіе евреевъ“ въ I главѣ (р. 15 и 22) едва ли могутъ въ какой-нибудь мѣрѣ относиться къ александрійскому іудею: онѣ представляютъ собою скорѣе, какъ это думаетъ и авторъ, непосредственное изложеніе и истолкованіе библейскаго ученія. Что же касается предположенія, будто Немезій могъ заимствовать у Филона стоическіе взгляды на природу человѣка (I, 128), то оно явно несостоятельно. Ученія стоиковъ были Немезію хорошо извѣстны и заимствовать ихъ изъ вторыхъ рукъ ему не было надобности. Болѣе основаній допустить знакомство Немезія съ сочиненіями Плутарха и знаменитаго комментатора Аристотеля, Александра Афродизскаго; но въ какой мѣрѣ оно отразилось на его идеяхъ, этого вопроса г. Владимірскій не разъясняетъ.

Чтобы покончить съ первою частью работы г. Владимірскаго, я отмѣчу въ ней нѣсколько мелкихъ, хотя иногда и довольно предательскихъ ошибокъ и недоразумѣній. На стр. 339—342 авторъ усиливается доказать, что оспариваемая Немезіемъ теорія удовольствія, какъ *γενέσεως εἰς φύσιν αἰσθητήν*, не принадлежитъ киренцу Аристиппу. Но его аргументація является сплошнымъ недоразумѣніемъ, основаннымъ отчасти на неправильномъ переводѣ сейчасъ приведенной формулы, отчасти, повидимому, на недостаточномъ знакомствѣ съ ученіемъ главы киренской школы. Выраженіе: *γένεσις εἰς φύσιν αἰσθητήν* онъ переводитъ, или скорѣе объясняетъ, такъ: „происхождение, явленіе, бываніе, въ чувственной природѣ“ (339), „чувственный процессъ (явленіе) въ природѣ“ (Перев., 124). Понимаетъ ли авторъ смыслъ этихъ фразъ, не знаю; но, вѣроятно, онъ самъ согласится, что его переводъ грамматически невозможенъ. *Γένεσις εἰς φύσιν αἰσθητήν* значить по русски: „переходъ естественнаго влеченія въ состояніе ощущенія“. Между тѣмъ Аристиппъ такъ именно и училъ объ удовольствіи. Онъ опредѣлялъ его, какъ „легкое движеніе, переходящее въ ощущеніе“ (*λεῖτα κίνησις εἰς αἰσθησὶν ἐναδιδουμένη*, Diog. Laërt., II, 85—86). Само собою разумѣется,

что свѣдѣнія объ этой теоріи Немезій заимствовалъ не у Платона, а у Аристотеля. Г. Владимірскій ошибается, что приводимый имъ на стр. 183 аргументъ противъ матеріализма „построенъ Немезіемъ самостоятельно на почвѣ Платоновской идеи“: онъ взятъ у Платона буквально. Примѣръ, посредствомъ котораго Немезій поясняетъ ученіе Аристотеля объ энтелехіи, приводится авторомъ на 194 стр. въ искаженномъ видѣ. Сказать, что, съ точки зрѣнія Аристотеля, „ново-рожденный не одаренъ никакой энтелехіей“, значило бы уже совершенно не понимать этого философа. На самомъ дѣлѣ эти слова читаются у Немезія такъ: „только что родившійся щенокъ не имѣетъ ни той, ни другой (*οὐδέτερον*) энтелехіи“, т. е. ни первой энтелехіи *глаза*, способности видѣть, ни второй его энтелехіи, самаго акта зрѣнія (с. II, р. 40—41). Этотъ примѣръ не точно переданъ г. Владимірскимъ и въ переводѣ трактата (53). Приводя на той же 194 стр. цитируемыя Немезіемъ слова Аристотеля о нераздѣльной связи души и тѣла, авторъ включаетъ въ нихъ фразу: „сама же по себѣ она (душа) не существуетъ“. Эта фраза Аристотелю не принадлежитъ и принадлежать, конечно, не можетъ; она представляетъ собой выводъ, сдѣланный самимъ Немезіемъ изъ ученія Аристотеля. На стр. 208 цитируется такое замѣчаніе Немезія: „мнѣ кажется, что Ямвлихъ не только превзошелъ Платона, но даже предвосхитилъ самую истину“; а въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ перевода (стр. 63) даже говорится, что этотъ неоплатоникъ „предвосхитилъ“ и Платона! Въ дѣйствительности Немезій пишетъ: „И мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи онъ (Ямвлихъ) лучше другихъ постигъ (*κατεστοχῆσθαι*) не только мнѣніе Платона, но и самую истину“ (с. II, р. 51). Излагая ученіе Немезія объ оміомеріяхъ, г. Владимірскій говоритъ, что къ оміомеріямъ Немезій между прочимъ причислялъ „мозговую кору или оболочку“ (132). Ту же фразу находимъ въ переводѣ (стр. 79) и въ приложенномъ къ переводу объяснительномъ словарѣ, гдѣ слово *кора* даже подчеркивается (столб. 21). Но авторъ, по незнанію анатоміи мозга, путаеъ здѣсь совершенно различныя вещи. Впрочемъ, и филологически эта путаница ничѣмъ не оправдывается. Слово *μήρυξ*, которое онъ переводитъ вышеупомянутымъ выраженіемъ, вовсе не значитъ „мозговая кора“ (о ней древніе, повидимому, не имѣли еще и понятія), а значитъ именно

„мозговая оболочка“, *dura mater* и *pia mater* (см. напр. *Aristot.*, *Hist. animal.*, I, 16). Кстати, на той же 79 стр. перевода г. Владимірскаго поясняетъ слово „связки“ (*σύνδεσμοι*) словомъ „нервные узлы“, какъ будто связки и нервные узлы одно и то же! *Κατὰ συνδεσμῶν* значитъ не „по ассоціаціи“ (I, 261; перев. 109), а „косвенно“. Хотя Немезій и понималъ законъ ассоціаціи по смежности, но влагать въ его уста этотъ терминъ было бы неправильно. Выраженіе: *κατὰ τὰς ἑκατέρου δυνάμεις* нужно переводить не „по обѣимъ силамъ“ (362; перев., 76), а „по силамъ того и другого“ (Логоса и человѣческаго естества во Христѣ). Сочиненіе *Περὶ πνεύματος*, которое, по словамъ г. Владимірскаго, „обычно приписывается Аристотелю“ (150), на самомъ дѣлѣ обычно ему не приписывается и не можетъ приписываться: оно значительно болѣе поздняго происхожденія, хотя, повидимому, и вышло изъ перипатетической школы. То же самое нужно сказать и о трактатѣ *De mundo* (*Περὶ κόσμου*), который не разъ цитируется авторомъ среди Аристотелевскихъ сочиненій и въ диссертациі (I, 68, 80), и въ переводѣ (87). Подобно предыдущему сочиненію, этотъ трактатъ подложенъ: онъ принадлежитъ какому-нибудь позднѣйшему перипатетику, желавшему примирить идеи аристотелизма съ стоицизмомъ и жившему позднѣе Посидонія, т. е. не ранѣе второй половины I в. до Р. X. Цитата изъ Доманьскаго и Зибека на стр. 243 приведена неточно и переведена невѣрно: „das Bewusstwerden“ значитъ не „пробываніе въ сознаніи“, а „превращеніе въ сознательное состояніе“. Примѣч. 1 на стр. 184 есть плодъ недоразумѣнія: авторъ, очевидно, не понялъ разсужденій Доманьскаго и передалъ его мнѣніе о составѣ цитаты Немезія неправильно. Точно также невѣрна или, по крайней мѣрѣ, неясна ссылка на этого ученаго въ примѣч. на стр. 212. Зато на стр. 322 и 329, гдѣ авторъ заимствуетъ у Доманьскаго не только мысли, но и буквальныя выраженія, ссылокъ на него совершенно нѣтъ. Слѣдовало бы процитировать также на стр. 48, 49, 51 и 52 учебники Целлера и Виндельбанда.

Итакъ, мы видимъ, что первая часть диссертациі г. Владимірскаго страдаетъ многими и нерѣдко весьма важными недостатками. Однако, каковы бы ни были эти недостатки, они касаются въ концѣ концовъ не общаго плана его работы, а лишь отдѣльных ея сторонъ и подробностей, и устранить

ихъ, надѣюсь, не составитъ очень большого труда. Иное приходится сказать о второй части. Здѣсь существенные дефекты обнаруживаются уже не только въ разработкѣ отдѣльных вопросовъ, но и въ общей постановкѣ самой задачи. Какъ мы знаемъ, задача этой части состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ отношеніе космологическихъ и антропологическихъ воззрѣній Немезія къ предшествовавшей, современной ему и послѣдующей патристической литературѣ. Что же понимаетъ г. Владимірскій подъ этимъ „отношеніемъ“? Зависимость Немезія отъ предшествовавшихъ и современныхъ ему церковныхъ писателей? Его вліяніе на современную и позднѣйшую христіанскую мысль? Наконецъ, его особенную идейную близость къ однимъ христіанскимъ богословамъ и разномысліе съ другими? Нѣтъ. Онъ разумѣетъ всѣ точки соприкосновенія, какія вообще могутъ существовать между мыслями этого писателя и мыслями другихъ представителей патристической литературы, гдѣ бы эти точки соприкосновенія ни встрѣчались и въ чемъ бы онѣ ни состояли. Выяснитъ отношеніе воззрѣній Немезія къ остальной патристической литературѣ, по его мнѣнію, значитъ изложить космологическія, антропологическія и хриѳологическія ученія за весь патристическій періодъ и отмѣтитъ въ нихъ все, что находитъ для себя не только „полную аналогію“, но даже „хотя бы отдаленный отзвукъ въ философіи Немезія“ (II, 8). И онъ излагаетъ эти ученія, начиная съ эпохи апологетовъ и кончая писателями VIII, IX и даже X вѣка. Очень подробно, очень длинно и очень однообразно повѣствуетъ онъ о томъ, какъ рѣшались „предшественниками Немезія“ вопросы о происхожденіи и устройствѣ міра, о Промыслѣ, о превосходствѣ и достоинствѣ природы человѣка, о связи души и тѣла, о субстанціальности и невещественности души, о безсмертіи, о происхожденіи душъ, о душевныхъ способностяхъ, о разумѣ, о свободѣ, о первородномъ грѣхѣ, о страстяхъ и о борьбѣ съ ними, о Логосѣ, о Божественной и человѣческой природѣ Христа, объ искупленіи, о Троицѣ, о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка. По каждому изъ этихъ вопросовъ приводятся мнѣнія главнѣйшихъ представителей этого періода, Иринея Ліонскаго, Тертулліана, Климента Александрійскаго и Оригена, а въ связи съ ними цитируются и другіе писатели вѣка апологетовъ, Іустинъ Муче-

никъ, Теофилъ Антиохійскій, Аѳинагоръ, Таціанъ. Такимъ же образомъ излагаются космологическія, антропологическія, хринологическія, сотеріологическія и эсхатологическія воззрѣнія „современниковъ Немезія“, Аванасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, съ параллельными ссылками на Іоанна Златоуста, Епифанія Кипрскаго, Макарія Египетскаго, Нила Синайскаго, Іоанна Кассіана, Евагрія Понтійскаго и другихъ богослововъ этой эпохи, съ экскурсами въ исторію хринологическихъ споровъ, съ попутными замѣчаніями о борьбѣ Александрійской и Антиохійской школъ и съ подробнымъ анализомъ выдвинутыхъ этою борьбой богословскихъ формулъ и церковныхъ вѣроопредѣленій. Наконецъ, по той же схемѣ, но еще подробнѣе разсматриваются философскія ученія и богословскія системы позднѣйшихъ христіанскихъ писателей, Іоанна Филопона, Леонтія Византійскаго, Максима Исповѣдника, Іоанна Дамаскина, Мелетія Монаха и Ильи Критскаго. Только на долю Клавдіана Мамерта, Юліана Померійскаго, Анастасія Синаита и Моисея Барцефы приходятся краткія и общія замѣчанія, „за недостаткомъ отчасти свободнаго мѣста, а отчасти и опредѣленныхъ данныхъ“ (409). Но весь этотъ длинный рядъ ученій, системъ, теорій, мнѣній и идей является для автора только фономъ, на которомъ выступаютъ предъ его глазами, какъ узоры, мысли Немезія и аналогичныя имъ положенія. Эти мысли и ихъ близкіе или отдаленные „отзвуки“ онъ открываетъ повсюду. Вотъ, наприм., Немезій училъ о твореніи міра Богомъ изъ ничего (*ἐξ οὐκ ὄντων*). Оказывается, что эта мысль встрѣчается еще у апологетовъ: они также учили о твореніи міра изъ ничего. И что всего любопытнѣе, они выражали эту мысль тѣми же словами, какія употреблялъ и Немезій: *ἐξ οὐκ ὄντων* (*de nihilo*)“ (42 и друг.). Ту же мысль автору удается прослѣдить и у современниковъ Немезія, и у его преемниковъ, и вездѣ она выражается словами: „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ (213 слѣд., 217 слѣд., 428 слѣд., 441 слѣд.). Немезій училъ о гармоніи и совершенствѣ міра: и у апологетовъ, и у писателей IV вѣка, и у позднѣйшихъ богослововъ раскрывается то же самое ученіе, и раскрывается въ такомъ же духѣ и смыслѣ, какъ у него (31 слѣд., 205, 209 слѣд., 436 и др.). Сходство доходитъ до мелочей. Если у Немезія идея совершенства міра развивается на

почвъ неоплатонизма, то элементы неоплатонизма мы видимъ, напр., и въ ученіи о творческомъ Логосѣ и совершенствѣ міра у св. Аѳанасія (205—206). „Вообще, нужно сказать, что основная идея космологіи Немезія о совершенствѣ міра является общимъ достояніемъ патристической литературы“ (208, 30—31). Такое же историческое положеніе занимаетъ и его антропология. „Общая и основная мысль антропологии Немезія о превосходствѣ, достоинствахъ и высокомъ назначеніи природы человѣка довольно рельефно выдѣляется уже на общемъ фонѣ антропологическихъ воззрѣній предшественниковъ епископа Емесскаго и полагается ими какъ бы въ основу всѣхъ разсужденій о человѣкѣ, являясь въ то же время базисомъ для нѣкоторыхъ этико - теологическихъ выводовъ“ (76—77). Тѣмъ болѣе ярко выступаетъ эта мысль „на фонѣ“ позднѣйшихъ патристическихъ ученій: здѣсь она развивается „совершенно аналогично“ съ представленіями Немезія не только такими писателями, которые, какъ Мелетій Монахъ, дословно заимствовали у него цѣлыя страницы, но и великими богословами, писавшими, повидимому, независимо отъ его трактата, напр. Григоріемъ Нисскимъ (240, 243, 480—481, 488, 491 и др.). Но этого мало. Идея Немезія о совершенствѣ человѣческой природы и ея высокомъ назначеніи имѣетъ „обще-христіанскій и, такъ сказать, универсальный характеръ“ и ея значеніе „сказывается не только въ томъ, что мы ясно видимъ развитіе ея въ послѣдующей патристической литературѣ, но и въ томъ“, что она связана со всею культурною исторіей какъ древняго, такъ и современнаго міра. „Генетическій корень этой идеи надо искать въ древней философіи, въ такъ называемой *античной гуманности*, центральнымъ принципомъ которой была вѣра въ благородство человѣческой природы и основанное на этой вѣрѣ признаніе *совершенствуемости* человѣческаго существа. Этой идеѣ суждено было сыграть громадную роль не только въ культурно-соціальной жизни античнаго общества, но и въ послѣдующемъ процессѣ культурно-историческаго развитія человѣчества,—гдѣ она варьируется на разные лады, налагая свой отпечатокъ то на педагогическія теоріи воспитанія, то на обще-этическое міросозерцаніе“. „Отзвуки“ этой идеи авторъ находитъ и въ педагогическихъ ученіяхъ Платона и Аристотеля, и въ воспитательныхъ идеяхъ Квинтиль-

ліана, и въ теоріи „естественнаго воспитанія“ Руссо, и въ политическихъ идеалахъ Платонова „Государства“, и въ Аристотелевской идеѣ общественнаго „симбіоза“, и въ новѣйшихъ ученіяхъ „о прогрессѣ и счастіи, о цѣли и смыслѣ жизни, о матеріально-соціальному и духовному прогрессѣ“ и т. п. „Подобно Немезію, часто повторяющему, что „человѣкъ поставленъ на рубежѣ двухъ природъ“, и теперь сравниваютъ человѣка съ миѣическимъ деревомъ, корни котораго въ землѣ, а верхушки касаются неба (Генри Джорджъ,— „Прогрессъ и бѣдность“)“... (494—496, 502—503). Но эту „общехристіанскую и, такъ сказать, универсальную“ идею Немезія, конечно, не исчерпываетъ историческое значеніе его антропологии. Уже въ самомъ началѣ своего трактата Немезій „констатируетъ тотъ общепризнанный всѣми фактъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ различныхъ началъ, души и тѣла“; онъ подробно рассуждаетъ „о достоинствахъ и цѣлесообразномъ устройствѣ человѣческаго тѣла, какъ послушнаго органа („инструмента“) души“; онъ говоритъ „о значеніи его для душевной дѣятельности, о господствѣ души надъ тѣломъ“, о ихъ тѣсной взаимной связи. И что же? „Почти всѣ эти положенія, съ большею или меньшею послѣдовательностью и обстоятельностью, раскрываются и у предшественниковъ Немезія“, и у его современниковъ, и у его „послѣдователей“. Всѣ они согласно признаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; всѣ они рассуждаютъ о цѣлесообразномъ устройствѣ человѣческаго тѣла, о значеніи его для душевной дѣятельности, о взаимной связи этихъ двухъ началъ, и рассуждаютъ такъ же, какъ Немезій (84 слѣд., 253 слѣд., 503 слѣд., 565—566, и др.). „Высказанныя Немезіемъ идеи о составѣ человѣка... были, можно сказать, общимъ достояніемъ христіанской апологетической науки первыхъ вѣковъ“ (95). Его ученіе о тѣлѣ, какъ цѣлесообразномъ органѣ или орудіи души, „можетъ быть признано прототипомъ возрѣніи всѣхъ христіанскихъ писателей IV вѣка“ (269). Его мысль о превосходствѣ души и ея власти надъ тѣломъ нашла себѣ „широкое примѣненіе“ не только въ антропологию, но и въ этику его современниковъ, „опредѣляя ихъ точку зрѣнія на „нравственныя цѣнности“ жизни, на поведеніе и нравственную дѣятельность человѣка, и являясь такимъ образомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ исходнымъ пунктомъ или центромъ всей

системы христіанскаго правоученія“ (315). „Вообще, можно сказать, что Немезій въ своемъ рѣшеніи психофизической проблемы является весьма типичнымъ выразителемъ воззрѣній всѣхъ современныхъ ему христіанскихъ писателей, обсуждавшихъ эту проблему съ такой или иной стороны“ (288), равно какъ и всѣхъ позднѣйшихъ христіанскихъ ученыхъ (566 и др.). Немезій училъ о субстанціальности и невещественности души, доказывая эту идею посредствомъ критики материалистическихъ теорій. Такому же методу, какъ оказывается, слѣдовали и другіе христіанскіе антропологи: они также опровергали материализмъ, выдвигая противъ него аргументы „въ духѣ Немезія“ и приходя къ такимъ же выводамъ, какъ и онъ (318 слѣд., 549 слѣд.). Немезій говорилъ о разумности человѣческой души, и въ этомъ отношеніи онъ „опять-таки является весьма типичнымъ выразителемъ антропологическихъ идей своего времени“. Когда церковные учителя этой эпохи „хотѣли точнѣе и проще выразить понятіе о человѣческой природѣ въ отличіе ея отъ природы другихъ живыхъ существъ, они обыкновенно указывали, подобно Немезію, на признакъ разумности“. „Соотвѣтственно Немезію, опредѣлявшему человѣка, какъ „животное разумное, смертное, обладающее способностью ума и познанія“, Григорій Нисскій опредѣляетъ человѣка, какъ *λογικὸν ζῶον* или *λογικὸν καὶ διαλογικὸν ζῶον*; Іоаннъ Златоустъ приводитъ буквально опредѣленіе Немезія: *ζῶον λογικόν, θνητόν*,—какъ общепринятое у языческихъ философовъ“, и т. д. (267 — 268). Мысль о тѣсной связи разума и воли, „столь полно и удачно раскрытая въ трактатѣ Немезія“, является общей идеей всей патристической психологіи (334 слѣд., 602 слѣд.). „Тертуллианъ отчасти предвосхищаетъ мысль Немезія... о „гнѣвѣ“ (*θυμὸς*), какъ служебномъ орудіи разума (*δορυφορικὸν τοῦ λογισμοῦ*),—хотя эта мысль первоначально высказана Платономъ“ (166). Но эта, „предвосхищенная Тертуллианомъ, хотя первоначально и высказанная Платономъ“ мысль Немезія въ свою очередь „весьма типично характеризуетъ воззрѣнія современныхъ ему писателей по данному вопросу“, равно какъ и позднѣйшихъ представителей святоотеческой и аскетической литературы (386, 662 слѣд.). „Въ ученіи современниковъ Немезія о словѣ (*λόγος*) и о способности рѣчи встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, указанія на то, что рѣчь тѣсно

связана съ мыслительной дѣятельностью и служить выраженіемъ ея, что „слово“ есть необходимый органъ (орудіе) мысли, ея вѣстникъ и,—такъ сказать,—естественный продуктъ. Всѣ эти воззрѣнія свв. отцовъ стоятъ въ очень близкой связи съ ученіемъ Немезія „О словѣ внутреннемъ и произносимомъ“ (гл. 14)“, и это между прочимъ явствуетъ изъ того, что „Григорій Богословъ много разсуждаетъ о нравственно-психологическомъ значеніи слова“ (352—353). Ученіе Немезія о страстяхъ „настолько характерно для всей вообще патристической (въ частности—аскетической) психологіи, что можетъ быть разсматриваемо, какъ *общій типъ* воззрѣній, или аскетическаго міросозерцанія, всѣхъ почти христіанскихъ писателей, современныхъ нашему философу и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, т. е. жившихъ въ IV—V вѣкахъ, въ эпоху наивысшаго расцвѣта патристической и аскетической письменности“ (668—669). Уже на что, кажется, мало интересовались церковные писатели такими вопросами, какъ вопросы физиологіи и психологіи ощущеній, проблемы воображенія и памяти или ученіе о біологическихъ функціяхъ „неразумной души“; но и здѣсь между ними и Немезіемъ подчасъ оказывается близкая связь. Григорій Богословъ опредѣляетъ память такими словами, которыя очень сходны съ опредѣленіемъ Немезія (354); Григорій Нисскій „вполнѣ сходно съ Немезіемъ учить о претвореніи и измѣненіи пищевыхъ элементовъ“ (408); Филопонъ учить о функціяхъ органовъ чувствъ „согласно съ Немезіемъ, такъ какъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Аристотеля“ (607), и проч. Но нигдѣ точки соприкосновенія между Немезіемъ и другими церковными писателями не обнаруживаются такимъ удивительнымъ образомъ, какъ въ сферѣ богословскихъ вопросовъ. Самъ Немезій касался этихъ вопросовъ лишь мимоходомъ и „его система заключаетъ въ себѣ очень немного богословскаго элемента“ (440). Но въ тѣхъ немногихъ замѣчаніяхъ богословскаго характера, какія встрѣчаются въ его трактатѣ, автору удалось найти „полную аналогію“ или „отдаленные отзвуки“ почти для всѣхъ идей, волновавшихъ древне-христіанскую мысль на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій. Въ поискахъ за такими аналогіями и отзвуками онъ обнаруживаетъ неистощимое остроуміе и слѣдитъ за нитью его разсужденій во всѣхъ подробностяхъ я не буду.

Ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами. У Немезія нѣтъ ученія о Логосѣ, ни субординаціонистскаго, какъ напр. у Тертулліана и Оригена, ни православнаго, какъ у отцовъ IV вѣка; нѣтъ у него и вообще ученія о св. Троицѣ. Поэтому на первый взглядъ могло бы казаться, что въ этихъ вопросахъ никакой связи между нимъ и другими христіанскими писателями не существуетъ и говорить о такихъ предметахъ автору нѣтъ нужды. Однако на самомъ дѣлѣ это оказывается не такъ. Если у Немезія нѣтъ ученія о Логосѣ и о Троицѣ, то у него есть общее съ другими христіанскими богословами ученіе о твореніи міра, а у нихъ это ученіе „какъ-то особенно близко соприкасается и связывается съ догматическими вопросами, въ частности съ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ, Логосѣ“ (213). Конечно, Немезій не раздѣляетъ субординаціонистскихъ ученій Оригена и Тертулліана, но это вполнѣ понятно. „Усвояя космологическія и теологическія идеи своихъ предшественниковъ, онъ никогда не принимаетъ тѣхъ положеній и выводовъ, какіе считаетъ несогласными съ ученіемъ Церкви“. „Въ области космологіи Немезій всецѣло солидаренъ съ Оригеномъ только въ ученіи о цѣлесообразности, гармоніи и совершенствѣ міра и о твореніи изъ ничего“; но тѣ „догматическія положенія и теологическіе выводы, къ какимъ приходитъ Оригенъ въ своей космологіи, являются мало согласованными съ ученіемъ Церкви..., а потому, конечно, чуждыми послѣдующимъ христіанскимъ писателямъ и въ числѣ ихъ Немезію“, и т. д. „Будучи чуждъ крайностей оригенизма, онъ въ такой же мѣрѣ далекъ и отъ... заблужденій Тертулліана“; а къ числу такихъ заблужденій и принадлежитъ ученіе этого писателя о Логосѣ, какъ о подчиненномъ орудіи творенія, и проч. (45 слѣд., 57 слѣд.). Совсѣмъ иначе слагаются отношенія Немезія къ отцамъ IV вѣка. Съ ихъ ученіемъ о Логосѣ и о св. Троицѣ его сближаетъ какъ разъ именно то самое отсутствіе субординаціонистскихъ представленій, которое полагало такую рѣзкую грань между нимъ и писателями предшествующаго періода. „Коренное отличіе міросозерцанія современныхъ Немезію церковныхъ писателей (отъ ученія его предшественниковъ) состоитъ въ томъ, что въ ихъ логологіи (какъ и у самого Немезія) почти уже нѣтъ и слѣдовъ того субординаціонизма, какимъ характеризуются воззрѣнія апо-

логетовъ и вообще писателей первыхъ трехъ вѣковъ. При этомъ, и въ самой космологіи современниковъ Немезія раскрываются нѣкоторыя новыя положенія или незатронутые предшественниками принципы, въ корнѣ подрывающіе упомянутый субординаціонизмъ: это, во первыхъ, точное метафизическое разграниченіе понятій *твореніе* и *рожденіе*, и, во вторыхъ, идея объ участи всѣхъ лицъ св. Троицы въ дѣлѣ міротворенія“ (213—214). Отсюда становится, конечно, уже само собою понятнымъ, почему авторъ посвящаетъ этимъ двумъ идеямъ цѣлый рядъ страницъ. Съ другой стороны, между воззрѣніями Немезія и идеей Логоса у его предшественниковъ существовала и положительная связь. Ученія о Логосѣ у Немезія не было, но у него, какъ мы знаемъ, была „философія исторіи“. И вотъ, „въ нѣкоторыхъ чертахъ логологіи апологетовъ и вообще предшественниковъ Немезія можно усмотрѣть отдаленную аналогію съ философско-историческими воззрѣніями епископа Емесскаго“: понятіе о Логосѣ, „какъ о разумномъ началѣ, царствующемъ въ мірѣ, какъ о космическомъ разумѣ *sui generis*, направляющемъ весь міръ и культурно-историческій процессъ человѣчества къ извѣстной разумной цѣли“, занимало въ ихъ міросозерцаніи такое же положеніе, какое получила въ его космологіи идея Промысла (68 слѣд.). Вся хринологія Немезія умѣщается на трехъ страницахъ, примыкающихъ къ вышеупомянутой цитатѣ изъ Аммонія въ III главѣ трактата (с. III, р. 60—62). Она состоитъ только въ несовсѣмъ послѣдовательной и не особенно связанной попыткѣ примѣнить неоплатоническую теорію „неслитнаго“ (*ἀσβύχυτος*) соединенія души и тѣла по энергетическому и нравственному соотношенію ихъ (*σχεσίς, ζώνη, διάθεσις*) къ объясненію „неслитнаго“ и „неизмѣннаго“ соединенія (*ἀσβύχυτος, ἀτρέπτος ἐνωσις*) двухъ естествъ во Христѣ „по существу“, „по природѣ“ (*κατ' οὐσίαν, κατὰ φύσιν*). Но какъ бы ни была скромна и несовершенна эта попытка, ея историческое значеніе оказывается по истинѣ громаднымъ. „Ясное ученіе Немезія о *неслитномъ, неизмѣнномъ* и *нераздельномъ* соединеніи души съ тѣломъ (и по аналогіи—Боже-ства съ человѣчествомъ во Христѣ) имѣло вліяніе на послѣдующую хринологію церковныхъ писателей“ (567) и отразилось на разработкѣ догматическихъ проблемъ вообще. Тѣ хринологическіе выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этой

антропологической аналогии, „содержать въ себѣ много общаго не только съ христологическими воззрѣніями современниковъ нашего писателя, но и съ послѣдующими вѣроопредѣленіями церкви“ (296). „Неоплатоническая идея о свойствахъ умопостигаемой (*νοητή*) и безтѣлесной природы, всепроникающей и неизмѣняемой,—идея примѣненная Немезіемъ къ рѣшенію психофизической проблемы, а отсюда и къ христологіи,—находитъ себѣ подобное же примѣненіе у Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и Аѳанасія Александрійскаго, а св. Василій Великій пользуется ею при изложеніи ученія о свойствахъ и дѣйствіяхъ Духа Святаго... Наконецъ, антропологическая идея Немезія о тѣсномъ *взаимодѣйствіи* души съ тѣломъ или о такъ называемомъ психофизическомъ параллелизмѣ, какъ слѣдствіи *всецѣлаго* проникновенія тѣла душою и соединенія ея съ нимъ,—идея, не чуждая, какъ мы видѣли, и другимъ церковнымъ писателямъ IV вѣка,—приводила этихъ послѣднихъ къ ученію о слѣдствіяхъ ипостаснаго соединенія двухъ природъ въ лицѣ Иисуса Христа“, каковы, напр., „обоженіе“ (*θεωσις*) человеческой природы, искупленіе и спасеніе отъ грѣха *всего* чловѣка, и проч. (299—304). Въ христологической терминологіи Немезія „уже легко усматриваются основныя черты двухъ противоположныхъ догматическихъ направленій, александрійскаго и антиохійскаго, приведенныхъ въ стройное созвучіе лишь полвѣка спустя, на 4-мъ Вселенскомъ Соборѣ (451 г.)“. Его терминами: *ἀόβυχτος, ἀτρέπτος ἕνωσις, ἕνωσις κατ' οὐσίαν, κατὰ φύσιν, μίξις, κοίσις* и др. пользуются Григорій Нисскій, Григорій Богословъ, Аѳанасій Александрійскій, Кириллъ Александрійскій, св. Левъ папа, Халкидонскій Соборъ (304 слѣд.). „Въ этомъ отношеніи мы смѣло можемъ утверждать, что Немезій предвосхитилъ не только основную мысль Халкидонскаго ороса, но и важнѣйшія христологическія формулы богослововъ александрійскаго направленія“ (578—579, 698 и др.; сравн. I, 359 слѣд.)... Немезій не касается Оригеновскаго ученія объ *ἀλογατότατις*, какъ не касается и эсхатологическихъ проблемъ вообще. Однако было бы опять совершеннымъ недоразумѣніемъ думать, что у него нѣтъ никакой связи съ этою идеей, а у г. Владимірскаго нѣтъ никакихъ основаній говорить о ней: „мы скажемъ два слова объ этомъ ученіи, такъ какъ оно находится въ нѣкоторой связи съ

ученіемъ о свободѣ воли и мнѣніемъ Оригена о различныхъ степеняхъ душъ (о „восхожденіяхъ и нисхожденіяхъ“), о которомъ упоминаетъ Немезій, опровергая его, какъ несогласное съ Св. Писаніемъ (Nemes. с. 3)“ (195—196). Немезій не опровергалъ несторіанства и монофизитства; но Леонтій Византійскій, опровергая эти лжеученія, „вообще говоря, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Немезій“ (582), и проч. И вотъ такими разсужденіями наполняется цѣлый громадный томъ въ 712 страницъ, съ цѣлыми этажами цитатъ, съ безчисленнымъ множествомъ ученыхъ ссылокъ и кропотливыхъ справокъ. Даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о позднѣйшихъ писателяхъ, стоявшихъ дѣйствительно въ литературной зависимости отъ Немезія, его интересуетъ не столько эта конкретная зависимость, сколько вообще согласіе извѣстныхъ ученій съ идеями его „мыслителя“. Отмѣчая какъ-бы мимоходомъ многочисленныя буквальныя заимствованія изъ трактата „О природѣ человѣка“ у І. Дамаскина, Максима Исповѣдника, Мелетія Монаха, Ильи Критскаго, онъ тотчасъ же возвращается къ систематическому изложенію ихъ ученій, чтобы еще и еще разъ показать, насколько выступающія на фонѣ этихъ ученій мысли Немезія „типичны“ и „характерны“ для всей патристической литературы.

Въ результатъ получается по истинѣ парадоксальная картина. Предъ нами развертывается цѣлая исторія христіанской космологіи и антропологіи въ связи съ развитіемъ христологическихъ ученій и съ разработкой нѣкоторыхъ другихъ богословскихъ проблемъ. За нею видяются образы и идеи античнаго міра, на смѣну котораго она пришла, а впереди нея иногда открываются далекія перспективы современной культуры, которая въ свою очередь придетъ ей на смѣну. И по срединѣ всей этой многовѣковой исторіи стоитъ маленькая фигура финикійскаго епископа Немезія Емесскаго съ его компилятивнымъ учебникомъ христіанско-эллинистической психологіи. Къ этой фигурѣ сходятся, какъ радіусы къ центру, всѣ умственные теченія патристической эпохи, и отъ нея исходятъ, какъ лучи, тѣ идеи, которыя дали этой эпохѣ ея своеобразную и сложную духовную жизнь. Немезій, — „типичный выразитель“ космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ представленій чуть ли не всѣхъ церковныхъ писателей отъ II до X вѣка, и эти писа-

тели классифицируются, характеризуются и различиваются лишь по отношенію къ нему. Когда бы они ни жили и къ какой бы школѣ ни принадлежали, для нихъ существуетъ только одна историческая группировка: они или „предшественники“ Немезія, или его „современники“, или его „послѣдователи“. Если христіанскіе писатели заблуждались, то это значитъ, что ихъ воззрѣнія были чужды Немезію; если они учили правильно, то они учили „согласно съ Немезіемъ“ и „въ его духъ“. Мысли высказываемыя ими, это—„мысли Немезія“, слова и выраженія, которыя ими употреблялись, это—„его“ выраженія и слова. Откуда бы эти писатели ни заимствовали своихъ идей,—изъ Библіи или изъ греческой философіи,—это все равно „идеи космологіи и антропологіи Немезія“. Но если мы въ концѣ концовъ спросимъ: что же особеннаго сдѣлалъ этотъ Немезій?, то оказывается, что его историческое значеніе сводится къ нулю. Получается впечатлѣніе, какъ будто этотъ писатель говорилъ только банальности, констатировалъ общепризнанные факты, повторялъ избитыя и всѣмъ извѣстныя истины. Его главныя мысли были высказаны еще апологетами; его космологическія и антропологическія воззрѣнія были „общимъ достояніемъ патристической литературы“. Исторія проходила мимо него, а онъ лишь рабски копировалъ то, что она заносила на свои скрижали...

Такимъ образомъ, въ изображеніи г. Владимірскаго Немезій является одновременно и колоссальною историческою величиной, и полнымъ историческимъ ничтожествомъ. Дѣлая его фигурой въ исторіи патристической космологіи и антропологіи, авторъ чрезмѣрно переоцѣниваетъ его заслуги; старательно нивеллируетъ его идеи и безъ остатка растворяя ихъ въ общемъ потокѣ древне-христіанской мысли, онъ лишаетъ его всякаго значенія. И то, и другое, конечно, одинаково несправедливо. Несообразности, къ которымъ приводитъ автора крайняя переоцѣнка Немезія, прямо бросаются въ глаза. Ну, въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно дѣлать второстепеннаго или даже третьестепеннаго церковнаго писателя „выразителемъ“ космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ ученій цѣлой патристической эпохи? И развѣ правильно представлять эти ученія въ такомъ свѣтѣ, какъ будто великіе христіанскіе мыслители и богословы, ко-

торымъ они принадлежать, были только какими-то подражателями никому неизвѣстнаго Емесскаго епископа? Вѣдь, если взгляды Немезія на міръ и человѣческую природу въ существенныхъ чертахъ совпадали съ представленіями другихъ церковныхъ писателей, то отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы на эти представленія можно было наклеивать ярлыкъ съ его именемъ. Причина этого совпаденія заключалась въ томъ, что всѣ христіанскіе писатели черпали элементы своего міросозерцанія изъ одного общаго источника: изъ Библии, новозавѣтныхъ писаній, греческой философіи и общечеловѣческаго опыта. И если извѣстныя идеи встрѣчаются у всѣхъ нихъ, то это уже не „идеи Немезія“, а библейско-христіанскія, эллинистическія и общечеловѣческія идеи. Когда говорятъ о связи христіанской идеи совершенства человѣческой природы съ античной гуманностью и о ея вліяніи на культурные идеалы позднѣйшаго времени, то это имѣетъ свой смыслъ; но если мы прибавимъ, что это была „идея Немезія“, такія рѣчи будутъ звучать уже комично. Я полагаю, что самъ г. Владимірскій оцѣнитъ весь неподдѣльный юморъ такихъ изреченій, какъ заявленія, что извѣстная мысль антропологии Немезія рельефно выдѣлялась уже на фонѣ возрѣній его предшественниковъ и полагалась ими какъ-бы въ основу ихъ разсужденій о человѣкѣ, что другая его мысль была высказана еще Платономъ, что христіанскіе антропологи, опредѣляя понятіе человѣка, буквально приводили опредѣленіе Немезія, какъ общепринятое у языческихъ философовъ, что писатель, стоявшій на точкѣ зрѣнія Аристотеля, училъ согласно съ Немезіемъ, и т. п. Онъ не можетъ не почувствовать всей несообразности тѣхъ преувеличеній, какія заключаются въ словахъ, что мысль Немезія о превосходствѣ души и ея власти надъ тѣломъ опредѣлила точку зрѣнія ея современниковъ на нравственныя цѣнности жизни и стала центромъ всей системы христіанскаго правоученія, что усвоенное этимъ писателемъ аристотелевско-стоическое ученіе о страстяхъ выражало характеръ всей аскетической психологіи и даже было „общимъ типомъ“ аскетическаго міросозерцанія. Если среди современниковъ Немезія было распространено стоическое ученіе о внутреннемъ и произносимомъ словѣ, то какимъ образомъ оно могло стоять „въ очень близкой связи“ съ трактатомъ

„О природѣ человѣка“? Развѣ общіе эллинистическіе источники этого ученія не были одинаково открыты для всѣхъ христіанскихъ психологовъ? Быть можетъ, подѣ этой очень близкой связью авторъ разумѣетъ просто сходство одного ученія съ другимъ; но въ такомъ случаѣ лучше было бы сравнивать Немезія съ остальными церковными писателями, чѣмъ наоборотъ. А еще лучше было бы совсѣмъ не останавливаться на подобныхъ банальныхъ сравненіяхъ, ничего не объясняющихъ и ни для кого не характерныхъ. Вѣдь, идя такимъ путемъ, можно найти аналогію между Немезіемъ и его современниками даже въ томъ, что они писали на одинаковомъ съ нимъ греческомъ языкѣ.

Чрезмѣрно преувеличивая значеніе Немезія, какъ философа и психолога, г. Владимірскій еще болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него первокласснаго богослова. Но развѣ онъ знаетъ, что богословскій элементъ въ сочиненіи Немезія очень скуденъ, какъ мыслимо подобное предпріятіе? Возможно ли серьезно говорить объ отношеніи Немезія къ субординаціонистскому и православному ученію о Логосѣ, если у него самого нѣтъ ни того, ни другого? Можно ли считать фактомъ исторической важности его христологию, если вся она исчерпывается нѣсколькими мимоходомъ высказанными и по существу довольно неясными замѣчаніями, которыя, повидимому, даже не привлекли къ себѣ вниманія современниковъ? Вѣдь, „яснаго ученія о неслитномъ, неизмѣнномъ и нераздѣльномъ соединеніи души съ тѣломъ“ (567, 84) у Немезія не было и, конечно, не могло быть. Онъ признаетъ это соединеніе неслитнымъ, но о нераздѣльности безсмертной души и умирающаго тѣла онъ нигдѣ не говоритъ. Отсюда у него не было и ученія о нераздѣльномъ соединеніи двухъ природъ во Христѣ. Настоячиво подчеркивая „неслитность“ и „неизмѣнность“ этихъ природъ (*ἀσβυχτος, ἀτρέπτος ἕνωσις*), онъ не обмолвился ни однимъ словомъ о ихъ „нераздѣльности“. Даже въ своей полемикѣ противъ евноміанъ Немезій съ ясностью не выдвигаетъ этой мысли. Какимъ же образомъ онъ могъ предвосхитить не только Халкидонское вѣроопредѣленіе, но даже христологическія формулы александрійскихъ богослововъ, у которыхъ идея „нераздѣльнаго единенія“ (*ἀδιαίρετος ἕνωσις*) стояла на первомъ мѣстѣ? Конечно, увлеченіе предметомъ своего из-

слѣдованія и стремленіе преувеличивать его важность въ большей или меньшей мѣрѣ свойственны всякому автору; но и въ такихъ увлеченіяхъ нужно соблюдать извѣстное чувство мѣры. Вотъ такого-то чувства мѣры и недостаетъ г. Владимірскому. Всячески расширяя скромный кругъ идей Немезія, превращая небольшого писателя въ выдающуюся историческую величину, дѣлая центромъ исторіи то, что было только ея эпизодомъ, онъ не замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ искажается историческая дѣйствительность.

Но если г. Владимірскій чрезмѣрно переоцѣниваетъ Немезія, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не доцѣниваетъ его. Приписывая этому писателю несоответствующую дѣйствительности роль въ исторіи христіанской философіи и богословія, онъ почему-то затушевываетъ ту самую сторону его дѣятельности, съ которою именно и связано его настоящее историческое значеніе. Немезій былъ небольшой писатель, но это былъ писатель особаго типа, не встрѣчающагося болѣе въ патристической литературѣ: это былъ христіанскій психофизиологъ и психологъ-систематикъ. Церковные писатели не интересовались научною разработкой психологическихъ проблемъ самихъ по себѣ и касались ихъ лишь постольку, поскольку онѣ стояли въ связи съ догматическими и нравственными вопросами христіанскаго вѣровученія. Вотъ почему мы не находимъ у нихъ ни спеціальнаго изслѣдованія низшихъ психическихъ и психофизиологическихъ функцій, ни систематическаго изложенія психологіи вообще. Скромная заслуга Немезія въ томъ и состояла, что онъ до нѣкоторой степени заполнилъ этотъ пробѣлъ въ патристической антропологіи. Будучи знакомъ съ Аристотелевскою психологіей и Галеновскою физиологіей, какъ никто изъ его современниковъ, онъ подвергъ изслѣдованію не только важные для богослова и моралиста вопросы о природѣ души, объ ея отношеніи къ тѣлу, о страстяхъ, о волѣ, и проч., но и тѣ явленія душевной жизни, которыя не привлекали къ себѣ вниманія другихъ христіанскихъ антропологовъ: ощущенія, чувственныя воспріятія, представленія, воображеніе, память. Пользуясь физиологическимъ методомъ греческихъ психологовъ и врачей, онъ поставилъ въ связь изслѣдованіе психическихъ процессовъ съ изученіемъ ихъ тѣлесныхъ условій и далъ въ своемъ трактатѣ широкое мѣ-

сто анатоміи мозга, фізіології органівъ чувствъ и описанію біологическихъ функцій тѣла. Наконецъ,—и это самое главное,—онъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ видѣ цѣльнаго систематическаго курса, расположеннаго по такому же приблизительно плану, по какому психологическія проблемы изучаются и до сихъ поръ. Конечно, и у Немезія психологія тѣсно связана съ богословіемъ, и у него она служитъ апологетическимъ цѣлямъ; но не въ этомъ одномъ онъ видитъ ея значеніе. Какъ ни важны въ глазахъ Емесскаго епископа теоретическое обоснованіе и философская защита христіанскихъ истинъ, но изученіе человѣческой души имѣетъ для него интересъ и само по себѣ, какъ особая научная задача. Насколько ему удалось справиться съ этою задачей, это уже другой вопросъ. Какъ научное произведеніе, трактатъ Немезія не имѣетъ, конечно, особенной дѣятельности. Онъ не отличается ни значительностью внутренняго содержанія, ни литературною законченностью. Нѣкоторые важные вопросы (напр., вопросъ о мышленіи) въ немъ только намѣчены, другіе разработаны очень неравномѣрно. Его методъ не самостоятеленъ, его идеи не оригинальны и не глубоки, его изложеніе компилятивно и по мѣстамъ безсвязно, его вліяніе на позднѣйшую христіанскую психологію не велико. Хотя нѣкоторые позднѣйшіе церковные писатели и черпали изъ этой книги свои психологическія знанія, но въ томъ, что они могли изъ нея извлечь, не было ни одной научной и философской мысли, которой нельзя было бы найти у греческихъ мыслителей и ученыхъ. Однако, каковы бы ни были недостатки сочиненія Немезія, оно все-таки занимаетъ въ патристической литературѣ совсѣмъ особое мѣсто. Это единственный дошедшій до насъ отъ христіанской древности систематическій компендіумъ фізіологической психології, отличающійся отъ произведеній другихъ христіанскихъ антропологовъ и по своимъ задачамъ, и по своему методу, и по своей формѣ. Вотъ этими-то особенностями трактата „О природѣ человѣка“ и опредѣляется историческое значеніе Немезія. Это былъ не столько выдающійся психологъ, философъ и богословъ, сколько популяризаторъ античной науки, не столько выразитель извѣстныхъ идей, сколько подражатель извѣстнаго метода, не столько мыслитель, сколько систематизаторъ. Между тѣмъ, эти именно

черты литературнаго облика Немезія и не нашли себѣ у г. Владимірскаго надлежащей оцѣнки.

Итакъ, попытка опредѣлить отношеніе Немезія къ остальнымъ писателямъ патристической эпохи г. Владимірскому не удалась, и не удалась, безъ сомнѣнія, потому, что была неправильно задумана съ самаго начала. вмѣсто того, чтобы указать тѣ особенности, которыя отличаютъ Немезія отъ другихъ христіанскихъ антропологовъ, онъ старался всячески доказывать ихъ сходство; вмѣсто того, чтобы сравнивать ихъ прежде всего по задачамъ, методамъ и формѣ ихъ произведеній, онъ сосредоточивался исключительно на сравненіи ихъ идей; вмѣсто того, чтобы ограничиться сравнительно-характеристикою Немезія, какъ автора его трактата, онъ вздумалъ разсматривать его, какъ выразителя космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ ученій всей патристической литературы. Когда г. Владимірскій писалъ вторую часть своей диссертациі, онъ имѣлъ въ виду двоякую цѣль: съ одной стороны, онъ хотѣлъ создать историческій фонъ для изучаемаго имъ писателя, съ другой—онъ намѣревался написать исторію патристической космологіи и антропологіи въ связи съ примѣненіемъ психологическихъ понятій и схемъ къ рѣшенію догматическихъ вопросовъ. Но эти двѣ задачи были несоединимы и потому у него не вышло ни того, ни другого. Для простаго историческаго фона онъ взялъ слишкомъ широкій масштабъ. Чтобы пригнать Немезія къ рамкамъ цѣлой патристической литературы, ему пришлось, съ одной стороны, чрезмѣрно преувеличивать значеніе этого писателя, съ другой—по возможности стирать его литературную индивидуальность. Въ первомъ случаѣ фигура Немезія заслоняла собой ея историческій фонъ, во второмъ она сливалась съ этимъ фономъ и дѣлалась на немъ совершенно незамѣтной. Напротивъ, для исторіи патристическихъ ученій о мірѣ и человѣкѣ въ ея цѣломъ предѣлы изслѣдованія автора были слишкомъ узки. Не говоря уже о томъ, что его стремленіе связать эти ученія съ идеями и именемъ Немезія создавало для нихъ какую-то совершенно неестественную историческую ориентировку, самое изложеніе ихъ страдаетъ у него громадными пробѣлами. Даже тѣ космологическія и антропологическія системы, на которыхъ г. Владимірскій сосредоточиваетъ свое преимущественное вни-

маіе, изслѣдуются имъ далеко не полно и не научно. Нѣкоторыя ученія затрогиваются имъ лишь мимоходомъ: такова, напр., вся аскетическая психологія; другія совсѣмъ отсутствуютъ. Достаточно сказать, что среди „современниковъ Немезія“ у него нѣтъ самаго выдающагося, самаго глубокаго и самаго оригинальнаго психолога всей патристической эпохи, Блаж. Августина. Если стать на точку зрѣнія автора, то его невниманіе къ этому великому христіанскому мыслителю будетъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что именно у Августина мы находимъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ попытокъ примѣненія антропологическихъ аналогій къ раскрытію христіанскихъ истинъ, въ его знаменитой психологической теоріи Троичности. Въ концѣ концовъ вся вторая часть изслѣдованія г. Владимірскаго представляетъ собою, говоря прямо, непроизводительно потраченный трудъ. Изъ того громаднаго матеріала, которымъ она наполнена, можно было бы составить только двѣ главы для первой части, вступительную, — о состояніи христіанской антропологіи въ патристическую эпоху вообще, и заключительную, — о заимствованіяхъ изъ трактата Немезія, встрѣчающихся у позднѣйшихъ церковныхъ писателей.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ источникахъ, пособіяхъ и цитатахъ г. Владимірскаго. Какъ я уже говорилъ, авторъ обнаруживаетъ очень большую начитанность въ святоотеческихъ твореніяхъ. И тѣмъ не менѣе его ссылки на эти творенія имѣютъ подчасъ какой-то случайный и дилеттантскій характеръ. Одного и того же церковнаго писателя онъ цитируетъ и по патрологіи Миня, и по другимъ изданіямъ, и по подлиннику, и по переводамъ, и по его собственнымъ сочиненіямъ, и по различнымъ пособіямъ. Напр., приводя мысли и выраженія Климента Александрійскаго, онъ иногда ссылается на его произведенія, а иногда на книгу Дежерандо, откуда онъ отчасти беретъ свои цитаты¹⁾; слова Тертуллиана приводятся имъ то по подлиннымъ сочиненіямъ этого писателя, то по старинному историческому словарю Морери, и т. п. Такая хаотическая цитация противорѣчитъ самымъ элементарнымъ научнымъ требованіямъ и свидѣтельствуетъ о компилятивныхъ приѣмахъ работы. Хотя съ

¹⁾ Кстати, имя этого историка нужно писать не *de Gerando*, какъ иногда пишутъ авторъ, а *Degerando*.

литературой по исторіи греческой философіи и психологіи авторъ знакомъ довольно хорошо, но нѣкоторые для него полезные труды въ этой области остались все-таки ему неизвѣстны. Такъ, онъ не знаетъ великолѣпной книги Гомперца „Griechische Denker“, не справлялся съ извѣстными работами Тейхмюллера о Платонѣ и Аристотелѣ, не пользовался лучшимъ изслѣдованіемъ по исторіи стоической психологіи „Die Psychologie der Stoa“ Лудвига Штейна, и др. Книгу Целлера „Die Philosophie der Griechen“ онъ цитируетъ то по 2-му, то по 3-му изданіямъ, хотя въ настоящее время существуетъ уже четвертое, а для первыхъ томовъ и пятое. Въ списокѣ его пособій и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ значится сочиненіе: „Cousin, W. Manuel de l'histoire de la philosophie, traduit de l'allemand de Tennemann“. Не знаю, видалъ ли авторъ когда-нибудь эту книгу, но во всякомъ случаѣ для его свѣдѣнія нужно сообщить, что эта книга не Кузена, а Теннемана, и ея заглавіе слѣдуетъ писать такъ: „Tennemann, Manuel de l'histoire de la philosophie, traduit de l'allemand par V. Cousin“. О томъ, что г. Владимірскій почти совсѣмъ не знаетъ новѣйшей иностранной литературы по патрологіи и церковной исторіи, мы уже приходилось упоминать. Изъ его диссертациі не видно, чтобы ему были извѣстны даже знаменитые труды Гарнака. Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ русскими работами въ этой области; но и здѣсь у автора можно отмѣтить значительныя пробѣлы. Во вступленіи къ первой части онъ говоритъ, что въ русской литературѣ „можно указать одно только изслѣдованіе, которое специально посвящено раскрытію интереснаго вопроса о вліяніи древнегреческой, а затѣмъ патристической философіи и антропологии на христіанское богословіе, или—въ частности—на догматическія движенія въ первые четыре вѣка,—мы разумѣемъ ученый трудъ проф. А. Спасскаго („Исторія догматич. движеній въ эпоху Вселен. Соборовъ“), обнимающій пока лишь тринитарные споры; нельзя не упомянуть также объ ученой диссертациі покойнаго проф. А. П. Лебедева („Вселенскіе Соборы IV—V вв.“), которая, впрочемъ, хотя имѣетъ отношеніе къ указанному вопросу, но преслѣдуетъ больше интересы церковно-исторической науки“ (32). Хорошо, конечно, уже и то, что, по мнѣнію г. Владимірскаго, о диссертациі покойнаго профессора Лебедева по крайней мѣрѣ

„нельзя не упомянуть“; но если бы онъ нѣсколько тщательнѣе пересмотрѣлъ русскую литературу по интересующему его вопросу, ему, можетъ быть, удалось бы найти въ ней и еще кое-что, достойное его вниманія. Таковы, наприм., превосходныя работы покойнаго проф. Болотова, начиная съ его диссертациі объ Оригенѣ и кончая его недавно изданнымъ курсомъ церковной исторіи; такова извѣстная книга кн. С. Н. Трубецкаго, къ сожалѣнію, также покойнаго, о Логосѣ.

Я подвергъ работу г. Владимірскаго довольно подробному разбору и этотъ разборъ показываетъ, что она весьма несовершенна. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были признать ее лишенною всякаго научнаго значенія. Она настолько обширна и въ нее вложено такъ много труда, что за всѣми громадными ея недостатками въ ней все-таки остается немало цѣннаго. Въ самомъ дѣлѣ, если вторая часть этой работы неудовлетворительна по самому своему замыслу, то, какъ мы видѣли, этого нельзя сказать о первой, основной ея части. Здѣсь мы находимъ и правильную постановку задачъ, и достаточно научный методъ. Содержаніе трактата „О природѣ человѣка“ изложено авторомъ стройно и систематично, его источники указаны въ общемъ вѣрно и полно. Правда, при истолкованіи воззрѣній Немезія и при детальной оцѣнкѣ ихъ источниковъ онъ допускаетъ крупныя ошибки; но каковы бы ни были эти ошибки, въ конечномъ счетѣ нужно признать, что для изученія этого писателя имъ сдѣлано много. Да, наконецъ, и вторая часть, не смотря на всю искусственность и наивность ея построенія, все-таки заключаетъ въ себѣ кое-какіе цѣнные элементы. Такими цѣнными элементами являются, какъ я сказалъ, съ одной стороны, данныя для общей характеристики состоянія антропологии и психологии въ патристическій періодъ, съ другой—сопоставленія трактата „О природѣ человѣка“ съ произведеніями тѣхъ церковныхъ писателей, которые дѣлали изъ него буквальные заимствованія. Что же касается перевода трактата Немезія, то его цѣнность я уже отмѣтилъ: издавъ этотъ переводъ, г. Владимірскаго оказалъ несомнѣнную услугу русской наукѣ. Въ виду всего этого я полагаю бы, что Совѣтъ Академіи можетъ принять сочиненіе г. Владимірскаго въ качествѣ диссертациі на степень магистра богословія. Необходимо только, чтобы авторъ, прежде чѣмъ

печатать это сочиненіе, по возможности исправиль его недостатки. Для первой части эта редакціонная работа, какъ уже замѣчено, не будетъ особенно велика. Нѣкоторыя изъ указанныхъ выше ошибокъ можно было бы исправить даже въ корректурѣ. Гораздо труднѣе что-нибудь сдѣлать со второю частью. На коренную переработку ея (напр., въ формѣ двухъ дополнительныхъ главъ къ первой части) авторъ едва ли рѣшится, такъ какъ тогда ему пришлось бы пожертвовать большею частью собраннаго въ ней матеріала и выполнить въ значительной степени новый трудъ. Но если она останется даже въ теперешнемъ видѣ, въ нее можно и при этомъ условіи внести нѣкоторыя существенныя улучшенія. Для этого автору необходимо сдѣлать, по моему мнѣнію, слѣдующее. 1) Онъ долженъ все-таки сократить эту часть, выбросивъ изъ нея то, что не имѣетъ къ содержанію трактата Немезія никакого отношенія, ни логическаго, ни историческаго. Такія сокращенія ему придется произвести и въ изложеніи философскихъ воззрѣній разсматриваемыхъ имъ церковныхъ писателей, и еще болѣе въ изложеніи ихъ богословскихъ системъ. Соотвѣтственно своей задачѣ, его изслѣдованіе должно ограничиться по возможности сферой космологическихъ и антропологическихъ вопросовъ. 2) Онъ долженъ дать космологическимъ и антропологическимъ ученіямъ патристической эпохи болѣе объективную и болѣе соотвѣтствующую исторической дѣйствительности ориентировку, т. е. ставить ихъ въ связь не прямо съ воззрѣніями Немезія, а съ тѣми общими библейско-христіанскими и эллинистическими источниками, изъ которыхъ всѣ они одинаково истекали. Во всякомъ случаѣ эти ученія должны излагаться такъ, чтобы не получалось впечатлѣнія, будто между ними и трактатомъ Немезія существуетъ взаимная зависимость тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ея не было и даже не могло быть. 3) Сравнивая Немезія съ другими христіанскими антропологами, г. Владимірскій долженъ заботиться не только о томъ, чтобы отыскивать ихъ сходство, но и о томъ, чтобы подчеркнуть ихъ различія. Такія различія найдутся у нихъ и въ постановкѣ задачъ, и въ методахъ, и въ литературной формѣ, и въ самыхъ идеяхъ. 4) Указывая ихъ сходство, онъ долженъ въ одинаковой мѣрѣ избѣгать и слишкомъ общихъ аналогій, и слишкомъ искусственныхъ сопоставленій. Сличать мысли и выра-

женія, общія всѣмъ христіанскимъ писателямъ, съ такими же мыслями и выраженіями Немезія не имѣетъ смысла; еще менѣе смысла въ томъ, чтобы притягивать имя Емесскаго епископа къ ученіямъ и идеямъ, выходящимъ за предѣлы его кругозора. Если авторъ хочетъ выяснитъ типичныя черты Немезія, какъ церковнаго писателя, то это нужно сдѣлать не въ формѣ детальныхъ сопоставленій, а въ формѣ общей сравнительной характеристики. Наконецъ, 5),—и это самое главное,—г. Владимірскій долженъ измѣнить свою точку зрѣнія на Немезія и поставить его на надлежащее мѣсто. Ему слѣдуетъ отдать себѣ ясный отчетъ и въ скромности исторической роли этого писателя, и въ несовершенствахъ его труда. Но, избѣгая излишней переоцѣнки Немезія, онъ въ то же время долженъ дать правильное понятіе и о его дѣйствительныхъ заслугахъ. Конечно, автору придется исправить не мало и другихъ ошибокъ, какъ въ общемъ освѣщеніи патристическихъ ученій, такъ и въ самомъ изложеніи ихъ. Но эти ошибки имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе и я ихъ уже не касаюсь“.

Справка: 1) Преподаватель Волынской духовной семинаріи Федоръ *Владимірскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1899 году со степенью кандидата богословія и правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, изложенныхъ въ § 137 устава духовныхъ академій 1884 года, занявъ въ разрядномъ спискѣ первое мѣсто послѣ магистрантовъ.—2) Взамѣнъ не вполне удовлетворительнаго семестроваго сочиненія по церковному праву (отмѣчено балломъ 3½) преподавателемъ Владимірскимъ въ минувшемъ учебномъ году представлено было новое сочиненіе по тому же предмету на тему: „Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка“, которое разсмотрѣно сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. А. Заозерскимъ и отмѣчено высшимъ балломъ 5. 3) По § 110 лит. а п. 17 устава духовныхъ академій 1910 года „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя въ Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, признать представленное на соисканіи степени магистра богословія преподавателемъ Волынской духовной семинаріи Теодоромъ *Владимірскимъ* сочиненіе, на вышеуказанную тему, достаточнымъ для сей степени и одобрить оное къ напечатанію подѣ непремѣннымъ условіемъ устраненія всѣхъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ, недостатковъ.

VI. Прошеніе о. законоучителя Харьковской женской гимназіи, священника *Веніамина Платонова*:

„Честь имѣю почительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи возвратить мнѣ мое сочиненіе на тему „Прощеніе Господомъ женщины—прелюбодѣйцы“ (Іоан. VIII, 1—11) для напечатанія и представленія его потомъ въ печатномъ видѣ“.

Опредѣлили: Возвратить священнику Веніамину Платонову рукопись его магистерской диссертациі подѣ заглавіемъ: „Прощеніе Господомъ женщины—прелюбодѣйцы“ (Іоан. VIII, 1—11)“, переданной Совѣтомъ Академіи, по опредѣленію отъ 17 декабря 1910 года, на разсмотрѣніе сверхштатному за-служенному ординарному профессору М. Д. Муретову.

VII. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи отъ 23 іюня за № 11055:

„Г. Прокуроръ Московскаго Окружного Суда, при отношеніи отъ „9“-го Марта 1911-го года, за № 4140, препроводилъ въ Консисторію выписку изъ духовнаго завѣщанія Е. П. Румянцевой, умершей 6-го Декабря 1910-го года, утвержденнаго къ исполненію 13-го Января 1911-го года Московскимъ Окружнымъ Судомъ, между прочимъ, слѣдующаго содержанія: внести на учрежденіе стипендіи для воспитанія сиротъ духовнаго званія отъ имени моего мужа *протоіерея Никанора Андреевича Румянцева* въ Московскую Духовную Академію 5700 рублей. При этомъ Г. Прокуроръ увѣдомилъ, что душеприказчицей по сему завѣщанію состоитъ Юрьевская мѣщанка Марія Яковлевна Вегенеръ, жительство имѣетъ: въ г. Москвѣ, по 4 Ростовскому пер. д. Попова.

О вышеизложенномъ Московская Духовная Консисторія и имѣетъ честь сообщить“.

Справка: 1) Завѣщанная въ пользу Академіи вдовою протоіереемъ Елизаветою Петровною Румянцовой сумма (5700 рублей) поступила въ Правленіе Академіи отъ душеприказчицы по завѣщанію — Маріи Яковлевны Вегенеръ—въ четырехъ свидѣтельствахъ Государственной 4⁰/₀ ренты (одно за № 382—въ 5000 р., одно за № 477—въ 500 р. и два за №№ 9232 и 9437—по 100 р. каждое), съ купонами при нихъ на срокъ 1 іюня 1911 года.—2) Для того, чтобы проценты съ стипендіальнаго капитала обезпечивали, по крайней мѣрѣ, годичное содержаніе студента—полупансіонера, на что требуется не менѣе 220 р.,—Правленіемъ Академіи на проценты съ капитала за минувшую четверть года приобрѣтено и присоединено къ завѣщанной суммѣ еще одно свидѣтельство Государственной 4⁰/₀ ренты, за № 25466, во 100 р., вслѣдствіе чего стипендіальный капиталъ возросъ до 5800 рублей и имѣеть приносить въ годъ дохода—220 р. 40 к.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени *протоіерее Никанора Андреевича Румянцева* и объ утвержденіи нижеслѣдующаго проекта положенія объ оной:

§ 1.

На проценты съ капитала, поступившаго по духовному завѣщанію вдовы протоіереемъ Елизаветы Петровны Румянцовой и возросшаго нынѣ (отъ приращенія процентами) до 5800 рублей (свидѣтельствами Государственной 4⁰/₀ ренты), учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени мужа завѣщательницы—*протоіерее Никанора Андреевича Румянцева*.

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи въ началѣ каждаго учебнаго года одному изъ достойнѣйшихъ своекоштныхъ студентовъ Академіи—сиротѣ, духовнаго званія.

§ 4.

Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ этому послѣднему для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

VIII. Прошеніе доцента Академіи по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *священника В. Н. Страхова*:

„Въ виду того, что съ раздѣленіемъ Священнаго Писанія Новаго Завѣта на двѣ кафедры пользованіе книгами изъ академической библіотеки стало затруднительнымъ, въ особенности книгами общаго характера, напр. новозавѣтными введеніями, словарями, грамматиками и под., имѣющимися въ академической библіотекѣ по большей части въ одномъ экземплярѣ,—имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи мнѣ пользоваться книгами фундаментальной университетской библіотеки и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать университетскую читальню. А такъ какъ пользованіе книгами изъ университетской библіотеки возможно или подѣ условіемъ внесенія залога въ размѣрѣ 50 рублей или подѣ условіемъ поручительства Совѣта Академіи за цѣлость и сохранность книгъ, то я, не имѣя никакой возможности внести требуемый залогъ, осмѣливаюсь просить Совѣтъ Академіи дать за меня поручительство, при чемъ я, конечно, обѣщаюсь заботиться о цѣлости и сохранности имѣющихся находиться у меня на рукахъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Университета и о томъ, чтобы пропускъ въ университетскую библіотеку данъ былъ мнѣ, если это возможно, не на мѣсячный срокъ, какъ обыкновенно, а на бѣльшій срокъ, напр. на годовой, такъ какъ ежемѣсячный обмѣнъ такого пропуска сопряженъ съ нежелательной тратой времени“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Г. Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи

просьбы доцента священника В. Н. Страхова, съ присовокупленіемъ, что Совѣтъ Академіи принимаетъ на себя ручательство за цѣлость и сохранность выдаваемыхъ священнику Страхову книгъ.

IX. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи *Алекся Сперанскаго*:

„Избранный мною для спеціального изученія предметъ— каноническое право—требуешь систематическаго ознакомленія съ общимъ цикломъ юридическихъ наукъ. Въ виду этого честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи ходатайствовать предъ Совѣтомъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи мнѣ въ настоящемъ 1911—1912 учебномъ году слушать лекціи по Юридическому Факультету и пользоваться Университетскою библіотекой съ освобожденіемъ отъ уплаты установленнаго гонорара“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи просьбы профессорскаго стипендіата А. Сперанскаго.

X. Отношенія:

а) Совѣта Казанской Духовной Академіи, отъ 2 іюня за № 808, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Московской Духовной Академіи книги: „*Παρίδας. Κρίσις τοῦ Ἀλεξανδρείας ἀρχιεπίσκοποῦ. Λείψια. 1884*“.

б) Тобольской Духовной Консисторіи, отъ 11 іюня за № 9515, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращеннаго Совѣтомъ Академіи „дѣла“ Консисторіи за № 131, 1760 г.

в) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 28 іюня и 9 іюля, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей за №№ 739 („Обиходникъ столовый“), 12 („Сборникъ“ исх. XII или нач. XIII в.), 124 (1857) и 125 (1856).

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ отъ 28 іюня за № 1231, съ препровожденіемъ рукописей Лаврской библіотеки: 1) Златая Цѣпь XVI в. № 214 (1916), 2) Святцы XVI в. № 365 (1218), 3) Златая Цѣпь XVI в. № 11 (2025), 4) Требникъ № 233 (1001) и 5) Уст. Церк. скорописи исх. XVI в. № 247 (1525).

Справка: Означенныя въ послѣднемъ отношеніи рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользования ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Директора Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 7 іюля за № 84:

„По встрѣтившейся надобности, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ не отказать выслать, на весьма непродолжительный срокъ, рукопись XIX вѣка, 4^о, по времен. каталогу № 54, содержащую, между прочимъ, „Сказку попа Лазаря царю и патриарху“.

Справка: По распоряженію И. д. Ректора Академіи, рукопись за № 54 препровождена была Г. Директору Архивовъ при отношеніи отъ 16 іюля за № 317.—Въ полученіи ея имѣется увѣдомленіе отъ 25 іюля за № 89.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 18 августа за № 2388, съ препровожденіемъ аттестата *Владимира Архангельскаго* на званіе дѣйствительнаго студента Академіи за № 290 (замѣненнаго дипломомъ на степень кандидата богословія).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 11 августа за № 1526:

„Вслѣдствіе отношенія онаго Совѣта отъ 24 іюня сего года за № 296, Духовнымъ Соборомъ опредѣлено и Его Высокопреосвященство утвердилъ: Въ виду того, что студентъ 1-го курса *Константинъ Мещерскій* оставленъ на томъ же курсѣ на второй годъ и такъ какъ по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ распредѣленію приема студентовъ Академіи, въ 1911 году слѣдуетъ принять вновь трехъ человѣкъ, то для того, чтобы не было на 1-мъ курсѣ четырехъ человѣкъ, принять въ семь году на 1-й

курсъ двухъ человекъ и одного человекъ на 2-й курсъ, а именно принять на пособіе отъ Лавры студента 2-го курса іеромонаха *Іоанна (Маргіева)*, который обратился въ Св. Синодъ съ прошеніемъ о назначеніи ему Синодальной стипендіи, а Хозяйственное Управление при Св. Синодѣ, отношеніемъ отъ 11-го іюня за № 22197-мъ, просило Духовный Соборъ о предоставленіи іеромонаху Іоанну пособія отъ Лавры. О чемъ Духовный Соборъ и имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1911 года *Николая Протасова*:

„Имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе на тему: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы“—историко-экзегетическій анализъ Дѣян. гл. XXV—XXVI—въ диссертацию для соисканія ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 г. за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертации съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіального Архіерея“.—2) Кандидатское сочиненіе г. Протасова отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: Дозволить кандидату Николаю Протасову переработать его кандидатское сочиненіе на указанную тему въ магистерскую диссертацию.—2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Отзывъ экстраординарнаго профессора С. П. Смирнова о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Кобринна Николая* на тему: „Древне-русскіе пноческіе уставы“:

„Сочиненіе распадается на четыре главы: I—критико-библиографическій обзоръ научной литературы о древне-русскихъ

иноческихъ уставахъ, II—библіографическое обслѣдованіе устава преп. Евфросина Псковскаго, III—критико-библіографическій обзоръ аскетической переводной литературы до полов. XV в., IV—историко-литературный анализъ устава преп. Евфросина.

Начальная глава сочиненія является обстоятельнымъ критическимъ обзоромъ научной литературы о нашихъ древнихъ иноческихъ уставахъ. Но авторъ не взялъ на себя труда самостоятельно обслѣдовать всѣ ихъ. Назвавъ свое сочиненіе историко-литературнымъ изслѣдованіемъ, онъ сосредоточиваетъ главное вниманіе (гл. II и IV) на изученіи съ этой стороны одного устава преп. Евфросина Псковскаго. Извѣстно, что уставъ этотъ недавно обслѣдованъ въ книгѣ *Н. И. Серебрянскаго*, Очерки по исторіи монашеской жизни въ Псковской землѣ (М. 1908). Но г. Кобринъ, получившій свою тему еще въ 1903 году, совершенно самостоятельно его выбралъ изъ ряда древнихъ монашескихъ уставовъ и работалъ, можно сказать, параллельно съ г. Серебрянскимъ. Поэтому его анализъ устава не является повтореніемъ выводовъ г. Серебрянскаго, но даетъ много новаго и цѣннаго. Въ трудѣ г. Кобринъ текстъ Евфросинова устава разобранъ болѣе подробно и почти къ каждой фразѣ, за незначительными исключеніями, трудолюбиво подысканы параллели изъ древней письменности главнымъ образомъ аскетической, что значительно пополняетъ сопоставленія, сдѣланныя въ Очеркахъ г. Серебрянскаго.

Однако отрицать вліяніе названной книги на нашего автора нельзя, и въ иныхъ случаяхъ вліяніе это послужило къ ущербу для работы послѣдняго. Вопросъ объ исторической достовѣрности житійнаго разсказа объ участіи преп. Евфросина въ спорахъ объ аллилуйи г. Кобринъ рѣшаетъ по Серебрянскому, игнорируя мнѣніе академ. Голубинскаго и Соболевскаго и едва ли удачно. Анализируя очень важную для этого вопроса статью устава „о потребахъ“, въ частности слова о 12 кошницахъ въ Царьградѣ, нашъ авторъ не идетъ дальше „Очерковъ“ (см. 253—55 стр.), а между тѣмъ статья эта нуждается въ обстоятельномъ археологическомъ экскурсѣ о 12 кошницахъ, въ результатъ котораго, мы увѣрены, для г. Кобринъ получился бы убѣдительный выводъ, что преп. Евфросинъ не имѣлъ яснаго представленія о царьградскихъ

святыняхъ, писалъ вѣроятно по наслышкѣ, слѣдовательно въ Царьградѣ самъ не былъ, а это дѣлаетъ сомнительнымъ его участіе въ спорѣ объ аллилуіи и подрываетъ довѣріе къ знаменитому житію Евфросина Псковскаго.—По вопросу о томъ, представляетъ ли извѣстный теперь текстъ Евфросинова устава весь памятникъ или конца его мы не знаемъ, авторъ отвѣчаетъ въ положительномъ смыслѣ, но безъ достаточныхъ основаній (стр. 75).

Не смотря однако на отмѣченные недочеты, которые при томъ являются частностями, сочиненіе г. Кобринна надо признать очень обстоятельной кандидатской работой.

Справка: 1) Николай Кобринъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1904-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ Кобринъ имѣетъ баллъ 4 $\frac{1}{2}$.—3) По § 110 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.—

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи *Кобринна Николая* удостоить степени кандидата богословія съ представленіемъ ему права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.—

XVI. Славное Его Высокопреосвященствомъ прошеніе студента IV курса Академіи *Максимиліана Труфанова:*

„Во исполненіе словъ Спасителя: „просите и дано будетъ вамъ“, „стучите и отворятъ вамъ“, я, Ваше Высокопреосвященство, снова стучу въ двери Вашего сердца и снова осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ дать мнѣ возможность кончить Академію осенью настоящаго 1911 года“.

На семь прошеній резолюція Его Высокопреосвященства за № 2962: „1911 г. Іюня 27. За двукратнымъ обсужденіемъ этого вопроса въ Совѣтѣ М. Д. Академіи и отрицательнымъ рѣшеніемъ его, прошеніе это отклонить“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства объявить студенту Максимилиану Труфанову.

XVII. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина* о томъ, что студенты: III курса—*Ильинскій* Николай, *Максимовъ* Александръ, *Телятьевъ* Валеріанъ и II курса—*Ивановъ* Петръ сдали отложенныя имъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 7 іюня сего года, на послѣдканикулярное время устныя испытанія по одному или вѣсколькимъ предметамъ соответствующихъ курсовъ и получили удовлетворительныя отмѣтки.

Справка: По § 110 лит. а п. 15 устава духовныхъ академіи „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Студентовъ III курса — *Ильинскаго* Николая, *Максимова* Александра, *Телятьева* Валеріана и II курса—*Иванова* Петра перевести въ слѣдующіе курсы и дать соответствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Сент. 23. По ст. VII. Готовъ ходатайствовать. Прочее читано и утверждается“.

22 сентября 1911 года.

№ 20.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина*, и. д. Инспектора—ординарный профессоръ *А. И. Введенскій*, ординарные профессора *А. А. Спасскій* и *М. М. Таръевъ*, экстраординарные профессора—*С. И. Соболевскій*, *И. В. Поповъ*, *М. М. Богословскій*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, *Д. И. Введенскій* и *А. П. Орловъ*.

Отсутствовали: ординарный профессоръ *С. С. Глаголевъ*; экстраординарные профессора—*П. П. Соколовъ* и *С. И. Смирновъ*.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 6. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября за № 11867:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 26 Августа сего года № 8567, о томъ, что Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣшему докладу имъ, Г. Оберъ-Прокуроромъ, опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 22 Августа сего года за № 6383, благоудно было, въ 26 день того же Августа, въ Петергофѣ, Всемилостивѣйше утвердить составленный образованною съ Высочайшаго соизволенія при Святѣйшемъ Синодѣ Комиссіею для выработки проекта устава духовныхъ семинарій и училищъ и соотвѣтствующихъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи—*проектъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи*. Приказали: 1) Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи, для напечатанія во всеобщее извѣстіе, сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ, и въ редакціи Правительственнаго Вѣстника и Церковныхъ Вѣдомостей по принятому порядку, съ приложеніемъ Высочайше утвержденныхъ измѣненій въ Уставѣ духовныхъ академіи, а Ваше Преосвященство, Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго, Архіепископа Казанскаго и Епископа Нарвскаго увѣдомить указами, съ приложеніемъ означенныхъ измѣненій; 2) Высочайше утвержденныя 26 Августа сего года измѣненія въ Уставѣ духовныхъ Академіи ввести въ дѣйствіе со времени опубликованія настоящаго Высочайшаго соизволенія, пояснивъ при семъ: а) что примѣчаніе къ § 65 Устава духовныхъ академіи о томъ, что „въ священномъ санѣ должно состоять не менѣе половины всѣхъ членовъ Совѣта“ академіи не распространяется на состоящихъ уже въ настоящее время членами Совѣтовъ преподавателей духовныхъ академіи и б) что измѣненія, касающіяся пріема въ число студентовъ духовныхъ академіи, имѣютъ быть введены въ дѣйствіе съ 1912—1913 учебнаго года, и 3) поручить С.-Петербургской Синодальной Типографіи напечатать Уставъ духовныхъ академіи съ означенными измѣненіями, а равно съ измѣненіями, Высочайше одоб-

ренными 29 Юля сего года, въ количествѣ 600 экземпляровъ, изъ коихъ 100 представить въ Синодальную Канцелярію, а остальные пустить въ продажу“.

б) *Проектъ измѣненій въ Уставъ духовныхъ академій*, Высочайше утвержденный въ 26-й день Августа 1911 года (опубликованъ въ № 38-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“, отъ 17 сентября 1911 года).

Опредѣлили: Высочайше утвержденныя измѣненія въ дѣйствующемъ Уставѣ духовныхъ академій съ поясненіями, изложенными въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября сего года за № 11867,—принять къ исполненію и руководству.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 12. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 сентября за № 12186:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: отношеніе временно управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 7 текущаго Сентября за № 6000, по ходатайству Императорскаго Посланника въ Болгаріи о приемѣ въ настоящемъ учебномъ году въ Московскую духовную академію, на болгарскую стипендію, окончившаго Софійскую духовную семинарію и выдержавшаго конкурсное испытаніе для полученія означенной стипендіи болгарско-подданнаго *Дмитрія Дюлгерова*. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Дюлгерова въ академію безъ экзаменовъ, въ настоящемъ учебномъ году, на болгарскую стипендію; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 16 сентября за № 12511:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: два прошенія окончившаго курсъ Самарской духовной семинаріи и юридическій факультетъ Императорскаго Казанскаго университета младшаго кандидата на судебныя должности при

Уральскомъ Окружномъ Судѣ *Сергѣя Постникова* о принятіи его въ число студентовъ духовной академіи. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Постникова въ текущемъ учебномъ году въ число своекоштныхъ студентовъ академіи, согласно примѣч. къ § 137 Высочайше утвержд. 26 Августа сего года измѣненной Уст. дух. акад., съ тѣмъ, чтобы Постниковъ, въ виду обнаруженнаго у него врачомъ С.-Петербургской духовной академіи болѣзненнаго состоянія легкихъ, проживаль внѣ академіи; о чемъ и послать указъ Вашему Преосвященству“.

Опредѣлили: Указы Святейшаго Синода принять къ исполненію.

III. Предложеніе Его Высокопреосвященства отъ 2 сентября за № 370:

„Совѣту Московской Духовной Академіи, какъ мнѣ известно, предстоить избрать преподавателей на свободныя кафедры въ названной Академіи (по Патристикѣ, Археологіи, Литургикѣ, Церковно-слав. языку, Сектантству и Расколу), что является дѣломъ весьма серьезнымъ и отвѣтственнымъ, а между тѣмъ Преосвященному Ректору Академіи, вслѣдствіе серьезной болѣзни его, не представляется возможнымъ лично руководить дѣлами Совѣта.

Вслѣдствіе вышензложеннаго считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что я съ своей стороны признаю особенно необходимымъ, чтобы выборы преподавателей на свободныя кафедры при Академіи было отложено до вступленія Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Теодора, въ исполненіе имъ своихъ обязанностей“.

Опредѣлили: Предложеніе Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 31 августа, № 16: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Войти съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ. По ст. III. Разрѣшается постановленіе Совѣта привести въ исполненіе. Прочее смотрѣно“.

б) 31 августа, № 17: „1911 г. Сент. 17. По ст. II. Г. Воз-

несенскаго разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи безъ повѣрочныхъ испытаній, съ предоставленіемъ ему права жить на частной квартирѣ и на свои средства. По ст. III. Бывшаго студента Казанской Академіи Владимірова разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ посторонняго лица. Прочее читано“.

в) 1 сентября, № 18: „1911 г. Сент. 17. По ст. IV. Смирнова Николая разрѣшается принять въ число студентовъ Академіи I-го курса съ дозволеніемъ ему жить у Ректора Видавской Семинаріи. Прочее смотрѣно и утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 20 сентября за № 2865:

„Предсѣдатель Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія и Вице-Президентъ Практической Восточной Академіи вошелъ на имя Оберъ-Прокурора Св. Синода съ ходатайствомъ о ежегодномъ командированіи въ Практическую Восточную Академію того числа слушателей, какое будетъ признано полезнымъ Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія.

Эти стипендіаты могутъ или изучать лишь восточные языки или проходить полный академическій курсъ. Послѣднее было бы особенно желательно для тѣхъ дѣятелей Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, которые, по окончаніи курса духовной Академіи, будутъ предназначаться для руководительства дѣломъ духовнаго просвѣщенія въ восточныхъ епархіяхъ.

Въ виду сего Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи сообщить свое заключеніе по содержанию означеннаго ходатайства для доклада Св. Синоду.

При семъ прилагаются справочныи свѣдѣнія о Практической Восточной Академіи“.

Опредѣлили: Предложеніе г. Предсѣдателя Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія и Вице-Президента Практической Восточной Академіи передать на предварительное обсужденіе и заключеніе комиссіи изъ экстраординарныхъ профессоровъ Академіи С. И. Соболевскаго, И. В. Попова и священника Е. А. Воронцова.

VI. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Встѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что 9-го сентября текущаго 1911 года исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія на штатную преподавательскую должность при Московской Духовной Академіи нынѣ временно исполняющаго обязанности Ректора оной—Г. Инспектора Академіи исправляющаго должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Павловича *Шостына*“.

Справка: По § 88 устава духовныхъ академіи: „Профессоръ ординарный или экстраординарный, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности академическаго преподавателя, удостоивается званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ удостоеніи Инспектора Академіи, исправляющаго должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, магистра богословія, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *А. П. Шостына* званія заслуженнаго профессора Академіи.

VII. а) Прошеніе исправляющаго должность помощника бібліотекаря Академіи *Н. И. Боткина*, отъ 2-го сентября 1911 года:

„Представляя при семъ удостовѣреніе врача, свидѣтельствующаго о моей полной неспособности вслѣдствіе болѣзни продолжать службу, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи уволить меня отъ занимаемой мною должности и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи мнѣ единовременнаго пособія на леченіе“.

б) Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1911 года, нынѣ преподавателя Томской духовной семинаріи, *іеромонаха Игнатія (Садковскаго)*, отъ 31 августа 1911 года:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи назначить меня на должность помощника бібліотекаря, если таковая будетъ свободна“.

в) Прошеніе бывшаго студента IV курса Кіевской Духовной Академіи, нынѣ секретаря Епископа Рыльскаго, Курской епархіи, *іеродіакона Веніамина (Исупова)*, отъ 28 мая 1911 года:

„Если представится когда-либо возможность опредѣлить меня помощникомъ Библіотекаря Московской Духовной Академіи, то о семъ почтительнѣйше имѣю заявить и просить Совѣтъ Академіи.

Іеродиакономъ, какъ академистъ, я—восьмой годъ, а изъ Академіи Кіевской, согласно прошенію, выбылъ уже пятый годъ,—въ 1906 году.

По формуляру моя служба такова: былъ надзирателемъ духовнаго училища, жилъ въ монастырѣ, состоялъ преподавателемъ богословскихъ наукъ, теперь же—въ настоящей должности. Мнѣ всего 29 лѣтъ.

Дѣло книжное и дѣло литературное—мое любимое дѣло“.

Справка: 1) По § 110 лит. б п. 1 устава духовныхъ академій „избраніе кандидатовъ... на должности... библіотекаря и его помощника“ и „увольненіе отъ службы только что поименованныхъ должностныхъ лицъ“ значится въ числѣ дѣлъ *Совѣта* Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея; дѣла же о назначеніи пенсій и пособій служащимъ въ Академіи, по § 125 лит. в п. 6 прим. того же устава, представляются *Правленіемъ* Академіи Епархіальному Архіерею для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.—2) По § 96 академическаго устава: „Библіотекаръ и его помощникъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ—первый высшее богословское образованіе, а послѣдній образованіе не ниже средняго“.—3) Послѣ бывшихъ разсужденій, кандидатомъ на освобождающуюся должность помощника библіотекаря Академіи единогласно избранъ былъ *іеромонахъ Игнатій (Садковскій)*, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17—19 августа текущаго 1911 года за № 6131 назначенный на должность преподавателя гомиетики, литургіики и практическаго руководства для пастырей въ Томскую духовную семинарію, но, насколько извѣстно Совѣту, къ мѣсту службы, по болѣзни, еще не являвшійся и въ должность не вступавшій.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ увольненіи и. д. помощника библіотекаря Академіи Николая *Боткина*, согласно его прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности и о перемѣщеніи на должность помощника библіотекаря Академіи пре-

подавателя Томской духовной семинаріи, кандидата богословія, ієромонаха *Игнатія (Садковскаго)*.—2) Дѣло объ исходатайствованіи г. Боткину единовременнаго пособія на леченіе передать, по принадлежности, въ Правленіе Академіи.

VIII. Прошеніе преподавателя Астраханской духовной семинаріи, кандидата Академіи выпуска 1910 года, *Дмитрія Вышеславова*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать кандидатское сочиненіе на тему „Церковныя историки Сократъ и Созоменъ по ихъ сравнительной цѣнности для изученія церковно-историческихъ событій IV и первой половины V вѣка“ для представленія его на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертациі съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея“.—2) Кандидатское сочиненіе г. Вышеславова отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Дозволить кандидату Дмитрію *Вышеславову* переработать его кандидатское сочиненіе на указанную тему въ магистерскую диссертацию.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IX. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы; отъ 6 сентября за № 2371, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Московской Синодальной Библіотеки за № 114 („Огласительныя и тайноводственныя поученія Св. Кирилла Іерусалимскаго“).

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 19 сентября за № 1713, съ препровожденіемъ на 1911—1912 учебный годъ рукописи Лаврской бібліотеки „Опись 1642 г. № 1-й“ и просьбою объ особенно строгомъ наблюденіи за цѣлостью и сохранностью означенной рукописи, каковая, немедленно по полученіи, и сдана, для храненія и пользованія ею, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отношеніе Совѣта Рязанскаго епархіальнаго женскаго Училища, отъ 31 августа за № 641:

„Совѣтъ Рязанскаго Епархіальнаго Женскаго Училища ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ Московской Академіи о высылкѣ на опредѣленный срокъ въ Совѣтъ названнаго училища книги, хранящейся въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи за № по каталогу 155/315, Сергѣя Соловьева „Историко-литературныя этюды, выпускъ I къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ“ Харьковъ, 1895 г. Означенная книга нужна преподавателю Училища Петру Исаеву для научныхъ занятій. Въ указанный Академіей срокъ книга будетъ возвращена“.

Опредѣлили: Увѣдомить Совѣтъ Училища, что просимая книга находится въ пользованіи у сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи М. Д. Муретова и выслана быть не можетъ.

XI. Прошеніе студента IV курса Академіи *Павла Новгородскаго*:

„Въ научныхъ цѣляхъ мнѣ, какъ пишущему кандидатское сочиненіе на тему: „Хозяйство Троицкаго Сергіева монастыря предъ секуляризацией и послѣ нея“, необходимо ознакомиться съ актами и рукописями Лаврскаго архива и бібліотеки.

Прошу покорнѣйше Совѣтъ Академіи оказать мнѣ въ этомъ свое просвѣщенное содѣйствіе и дать мнѣ возможность безпрепятственно посѣщать бібліотеку Сергіева монастыря“.

На семь прошеніи надпись экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго*: „Имѣю честь удостовѣрить, что г. Новгородскій работаетъ подъ моимъ руководствомъ и что ознакомленіе съ актами Лаврскаго архива и бібліотеки для него необходимо“.

Опредѣлили: Просить Духовный Соборъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры не отказать студенту *Новгородскому* въ разрѣшеніи ознакомиться съ актами и рукописями Лаврскаго архива и бібліотеки, необходимыми ему при написаніи кандидатскаго сочиненія на вышеуказанную тему, въ тѣхъ пре-

дѣлахъ и при тѣхъ условіяхъ, какіе самъ Соборъ найдетъ болѣе удобными.

ИИ. а) Прошеніе студента IV курса Академіи *Іосифа Мацкевича*:

„Въ виду моего болѣзненнаго состоянія, требующаго условій жизни частной квартиры, покорнѣйше прошу, Ваше Преосвященство, позволить мнѣ и въ этомъ учебномъ году пользоваться частной квартирой. Медицинское свидѣтельство академическаго врача при семь прилагаю“.

б) Удостовереніе врача Академіи *А. В. Тамина*:

„Симъ удостоверяю, что студентъ IV курса Московской Духовной Академіи *Мацкевичъ Іосифъ* страдаетъ катарромъ желудка, неврастеніей и малокровіемъ, и что ему, въ виду слабости его здоровья, необходимо жить на частной квартирѣ“.

Справка: 1) Разрѣшеніе студенту *Мацкевичу*, въ виду его болѣзненнаго состоянія, засвидѣтельствованнаго академическимъ врачомъ, жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ, дано было Совѣтомъ Академіи, въ собраніи 17 марта 1910 года, на основаніи (примѣнительномъ) указа Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго *Флавіана*, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12 октября 1906 года за № 11174, коимъ Совѣту Кіевской Духовной Академіи предоставлено было „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящимъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, напримѣръ, болѣзни, нервнаго растройства, надлежаще удостоверенныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.—2) По § 147, примѣч. нынѣ дѣйствующаго устава духовныхъ академій: „Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ прим. къ § 141“ (нынѣ—къ § 137-му; т. е. поступившихъ въ Академію по окончаніи курса какого-либо высшаго учебнаго заведенія).

Опредѣлили: Признать, въ виду даннаго академическимъ врачомъ удостовѣренія, просьбу студента IV курса Юсифа *Мацкевича* о разрѣшеніи ему жить на частной квартирѣ за-служивающею уваженія, но, за отсутствіемъ у Совѣта Академіи формальныхъ основаній къ ея удовлетворенію, — представить оную на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

XIII. Прошеніе студента I курса Академіи *Петра Алферова*:

„Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ жить у своей матери, которая переселяется на постоянное мѣстожителство въ Сергіевъ Посадъ“.

Опредѣлили: На основаніи вышеизложеннаго (ст. XII, п. 2 справки) примѣчанія къ § 147 устава духовныхъ академій, — разрѣшить студенту I курса *Петру Алферову* жить у матери его, въ академическаго общежитія, съ выдачею названному студенту назначенной ему на 1911—1912 учебный годъ казенной стипендіи на руки помѣсячно:

XIV. Прошеніе бывшаго студента I курса Академіи *Николая Ильинскаго*:

„Въ 1910-мъ году, по выдержаніи пріемныхъ испытаній, я подъ № 15-мъ былъ зачисленъ студентомъ Московской Духовной Академіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1910 года, по свидѣтельству врача, я уѣхалъ въ отпускъ въ Томскую губернію, къ своему отцу, священнику с. Мазаловскаго, Томскаго уѣзда. Въ Октябрѣ подалъ прошеніе объ увольненіи меня изъ Академіи, за назначеніемъ на должность псаломщика, что было вызвано (увольненіе) недостаточностью средствъ въ уплату содержанія въ пансіонѣ Академіи. Имѣя въ настоящее время матеріальную возможность продолжать образованіе въ Академіи, я запросилъ предъ началомъ учебныхъ занятій, телеграфнымъ путемъ, Владыку Ректора Академіи о принятіи меня обратно въ Академію, но получилъ отвѣтъ, что поздно и курсъ переполненъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что иногда среди учебнаго года, за выходомъ кого-либо изъ студентовъ, оказываются свободными вакансіи, покорнѣйше и почтительнѣйше смѣю просить Совѣтъ зачислить меня студентомъ, если откроется таковая вакансія, на I-й курсъ, частнымъ пансіонеромъ“.

Опредѣлили: За совершеннымъ отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи,—просьбу бывшаго студента I курса Академіи Николая *Ильинскаго* объ обратномъ принятіи его въ Академію—отклонить.

XV. а) Прошеніе студента I курса Казанской Духовной Академіи *священника Константина Вышелтскаго*:

„Въ Іюль мѣсяцѣ сего года, когда еще не было разрѣшено семейнымъ священникамъ поступать въ Московскую Духовную Академію, я подалъ прошеніе о допущеніи меня къ приемнымъ испытаніямъ на поступленіе къ Казанскую Духовную Академію и въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ успѣшно сдалъ всѣ экзамены, получивъ слѣдующіе баллы: за проповѣдь 4, 75, за сочиненія—по философіи 3, 50 и по основному богословію 4 и по устнымъ предметамъ: священному писанію 3, 75, догматическому богословію 3, исторіи Церкви 4+и по латинскому языку 4, такъ что, въ виду этихъ балловъ, а равно и общаго балла по моему аттестату выше 4, я въ списокѣ принятыхъ въ Казанскую Академію по экзамену 59 лицъ занялъ одиннадцатое мѣсто. Но въ концѣ своего пребыванія въ Казани я заболѣлъ мѣстной болѣзью—маляріей, предрасположенность къ которой установлена была у меня врачомъ Академіи еще при медицинскомъ освидѣтельствованіи всѣхъ, прибывшихъ держать экзаменъ на поступленіе къ Академію.

Имѣя же въ виду, что, въ случаѣ дальнѣйшаго моего пребыванія въ Казани, малярія, какъ болѣзнь часто повторяющаяся, опять будетъ приносить существенный вредъ моему здоровью и немалый ущербъ моимъ занятіямъ, въ подтвержденіе чего при семъ прилагаю свидѣтельство врача Казанской Духовной Академіи, и что болѣзнь эта въ случаѣ моего перехода въ Московскую Академію, по отзывамъ врачей, совершенно оставитъ меня, въ виду перемѣны климата, усерднѣйше прошу Ваше Преосвященство принять меня въ число студентовъ вѣрнной Вамъ Академіи и если нельзя, за неимѣніемъ мѣста, опредѣлить меня въ общежитіе, то разрѣшить мнѣ проживать на квартирѣ.

Всѣ требующіеся для опредѣленія въ Академію документы мои находятся у Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи“.

б) Удостовереніе г. врача Казанской Духовной Академіи отъ 1 сентября с. г:

„Сіе дано священнику о. Константину Вышелѣскому въ томъ, что 16 Августа 1911 года при медицинскомъ освидѣтельствѣ лицъ, прибывшихъ держать экзаменъ на поступленіе въ Казанскую Духовную Академію, онъ, о. Вышелѣскій, признавъ мною былъ предрасположеннымъ къ заболѣванію маляріей и затѣмъ вскорѣ заболѣлъ маляріей и что ему въ виду его не вполнѣ крѣпкаго тѣлосложенія и предрасположенности къ маляріи вредно пребываніе въ г. Казани“.

в) Телеграмму Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи *Епископа Алексія* отъ 5 сентября за № 40:

„Вышелѣскій сдалъ экзамены вполнѣ удовлетворительно. Принять одиннадцатымъ, волонтеромъ“...

Опредѣлили: Признавая просьбу студента I курса Казанской Духовной Академіи *священника Константина Вышелѣскаго* заслуживающе уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о перемѣщеніи священника Вышелѣскаго въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Московской Духовной Академіи, съ разрѣшеніемъ ему, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействомъ на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ.

XVI. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостыина*:

„Какъ извѣстно Совѣту изъ указа Святѣйшаго Синода отъ 18 августа сего года за № 11045,—опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 августа 1911 года за № 5937, предоставлено было Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе штабсъ-капитану запаса инженерныхъ войскъ Николаю Бѣляеву, окончившему курсъ Николаевскаго Инженернаго училища и офицерской военной электротехнической школы, и поручнику Симанскому держать экзамены для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи, съ освобожденіемъ перваго изъ нихъ отъ экзамена по древнимъ языкамъ. — На всеподданнѣшемъ докладѣ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода означеннаго Синодальнаго опре-

дѣленія, отъ 11 августа сего года за № 5937, Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было, въ 12-й день Августа, въ Петергофѣ, Собственноручно начертать: „Согласень“.

Поручикъ *Симанскій* къ повѣрочнымъ испытаніямъ, бывшимъ въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1911 года, не явился, представивъ въ Совѣтъ Академіи прошеніе слѣдующаго содержания: „Честь имѣю просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи зачислить меня въ число студентовъ этой Академіи.—При семъ имѣю честь сообщить, что вступительные экзамены мною успѣшно выдержаны въ Казанской Академіи, близъ которой я, получивъ отпускъ, проживалъ.—Получивъ экстренно разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, основанное на Высочайшемъ соизволеніи, мнѣ держать экзамены, въ виду краткаго срока, оставшагося до начала экзаменовъ, я уже не счелъ возможнымъ возвращаться въ Москву и держалъ при Казанской Академіи, о чемъ послѣдняя, въ случаѣ необходимости, увѣдомить Московскую Академію. Считаю долгомъ присовокупить, что имѣю возможность содержать себя на личныя средства и даже жить въ Посадѣ у моихъ родителей, не обременяя всѣмъ этимъ Московскую Академію“.

По выслушаніи сего прошенія въ собраніи 31 августа 1911 года, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „Сужденіе по изложенному прошенію поручика Андрея Симанскаго отложить до полученія свѣдѣній изъ Казанской Духовной Академіи о результатахъ сданныхъ имъ при названной Академіи повѣрочныхъ испытаній“.

4-го и 5-го текущаго сентября ко мнѣ поступили отъ Ректора Казанской Духовной Академіи, Преосвященнаго Алексія, Епископа Чистопольскаго, двѣ телеграммы по этому дѣлу слѣдующаго содержания: 1) „Симанскій не изучалъ латинскаго; остальное тройки; вообще слабъ. Заявилъ (на) миссіонерское отдѣленіе. Сужденіе (о) принятіи (послѣ) отставки. Епископъ Алексій“; 2) ...„Симанскаго, полагаю, слѣдуетъ подвергнуть новымъ экзаменамъ. Епископъ Алексій“.

Долгомъ считаю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Предложить *поручику Андрею Симанскому*, въ случаѣ желанія поступить въ число студентовъ *Москов-*

ской Духовной Академіи, въ точности выполнить требованія, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 11 августа сего 1911 года за № 5937, и при *Московской* же Духовной Академіи сдать повѣрочныя испытанія по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ § 143 устава духовныхъ академіи 1910 года, не исключая и испытанія по одному изъ древнихъ языковъ.

XVII. Сданные Его Высокопреосвященствомъ:

а) Прошеніе на имя Его Высокопреосвященства Московской Духосошестввенской, что на Даниловскомъ кладбищѣ, церкви *священника Александра Піуновскаго*:

„Сынъ мой — студентъ Московской Духовной Семинаріи (выпуска 1910 года) *Николай Піуновскій* въ минувшемъ Августѣ мѣсяцѣ сего 1911 года держалъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Московскую Духовную Академію, но не былъ принятъ въ оную. Причиною этого послужило то обстоятельство, что онъ получилъ неудовлетворительную отмѣтку на сочиненіи по Нравственному Богословію (2^{1/2}), но при всемъ томъ общая сумма балловъ является у него болѣе высокой, чѣмъ у троихъ его товарищей, назначенныхъ кандидатами къ поступленію въ Академію, а именно у него 40, 75, а у нихъ 39 съ дробью. Соотвѣтственно среднему выводу балловъ, онъ, Піуновскій, помѣщенъ въ списокъ 30-мъ, т. е. первымъ послѣ 29 принятыхъ безусловно и, слѣдовательно, выше тѣхъ троихъ товарищей, о принятіи которыхъ ходатайствуетъ Совѣтъ Академіи. Полученная неудовлетворительная отмѣтка на сочиненіи, по моему мнѣнію, есть явленіе случайное, такъ какъ онъ во все время своего ученія, съ I-го класса училища и до конца Семинаріи, былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, тѣмъ не менѣе неудовлетворительный баллъ (2^{1/2}), по какимъ бы причинамъ онъ ни былъ поставленъ, ставить сына моего въ разрядъ невыдержавшихъ испытаній, и Совѣтъ Московской Академіи своею властью не можетъ его зачислить въ студенты Академіи.

Посему, припадая къ стопамъ Вашего Высокопреосвященства, осмѣливаюсь просить Васъ, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря, оказать мнѣ милость—принять моего сына Николая Піуновскаго въ число студентовъ Московской Духовной Академіи и тѣмъ дать ему возможность по-

лучить высшее духовное образованіе и послужить Церкви Божіей. Документы его находятся въ Канцеляріи Совѣта Академіи“.

б) Докладъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. И. Шостына, отъ 15 сентября за № 579:

„Возвращая при семъ прошеніе священника Александра Піуновскаго, имѣю честь почтительнѣйше доложить Вашему Высокопреосвященству, что сынъ его—студентъ Московской Духовной Семинаріи *Николай Піуновскій*—не былъ принятъ въ число студентовъ Академіи на точномъ основаніи правилъ, присланныхъ Совѣту Академіи изъ Святѣйшаго Синода (при указѣ отъ 9 августа с. г. за № 10593) для руководства. По этимъ правиламъ (§ 2), получившій баллъ ниже 3 на *письменныхъ экспромптахъ*, не можетъ считаться выдержавшимъ экзаменъ удовлетворительно (независимо отъ прочихъ балловъ и суммы ихъ).

Весьма возможно, что баллъ $2\frac{1}{2}$ на экспромптѣ по нравственному богословію явился у студента Піуновскаго случайностью. Но Совѣтъ Академіи не считаетъ себя вправѣ отступать отъ данныхъ ему руководственныхъ правилъ или измѣнять ихъ. И потому, въ случаѣ освобожденія мѣста въ академическомъ общежитіи, въ число студентовъ долженъ быть принятъ одинъ изъ троицъ, теперь не принятыхъ, но выдержавшихъ экзамены—по смыслу правилъ—вполнѣ удовлетворительно, хотя по суммѣ балловъ они стоятъ ниже Піуновскаго.

Изъ журнала Совѣта Академіи за № 17, сегодня представляемаго, и изъ таблицы балловъ, при немъ приложенной, Ваше Высокопреосвященство изволите усмотрѣть справедливость настоящаго доклада“.

На семъ докладѣ резолюція Его Высокопреосвященства за № 4399: „1911 г. Сент. 17. На основаніи сего отзыва просьбу о. Піуновскаго отклонить“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства сообщить священнику Александру Піуновскому.

XVIII. а) Прошенія студентовъ III курса Академіи Дмитрія *Августова*, Ивана *Веселова* и Анатолія *Курсина*—о разрѣшеніи имъ въ текущемъ учебномъ году, въ свободные (за выслушаніемъ положеннаго количества групповыхъ предметовъ на

предшествующихъ курсахъ) часы, отведенные по росписанію для групповыхъ предметовъ, прослушать курсъ *исторіи русской литературы*, принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ по этому предмету и сдать въ концѣ года экзамены по оному.

б) Прошенія студентовъ III курса Академіи Ивана Богдановича, Николая Бойкова, Сергѣя Виноградова и Андрея Семёнова о разрѣшеніи имъ, при тѣхъ же условіяхъ, прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ *русской гражданской исторіи*.

Опредѣлили: 1) Разрѣшить просителямъ въ текущемъ учебномъ году, въ свободные лекціонные часы, отведенные для групповыхъ предметовъ,—прослушать учебные курсы, участвовать въ практическихъ занятіяхъ и сдать въ концѣ года экзамены по указаннымъ въ ихъ прошеніяхъ предметамъ.—2) Въ разъясненіе возникшихъ недоразумѣній объявить студентамъ III курса, что изъ числа ихъ: 13 человекъ, изучавшіе въ минувшемъ учебномъ году (изъ групповыхъ предметовъ) церковно-славянскій языкъ съ палеографіей, — *обязаны* прослушать въ текущемъ 1911—1912 учебномъ году курсъ *исторіи русской литературы*; 8 человекъ, изучавшіе исторію и обличеніе русскаго раскола старообрядчества, — курсъ *исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій* и 1 студентъ, изучавшій исторію Греко-восточной церкви, — курсъ *русской гражданской исторіи*.

XIX. а) Прошеніе студента II курса Александра Вознесенскаго:

„Избравъ въ прошедшемъ академическомъ году для изученія первую группу предметовъ, я имѣлъ въ виду не только общую гражданскую исторію, но и русскую, которую и надѣялся слушать въ текущемъ году. Посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ слушать *русскую гражданскую исторію*, освободивъ отъ слушанія исторіи Греко-восточной, румынской и славянскихъ церквей, составлявшей въ прошломъ году самостоятельную группу“.

б) Прошенія студентовъ II курса Сергѣя Залѣскаго, Павла Кузнецова, Алексѣя Паргачевского, Александра Плотникова, Ивана Подлущаго, Тихона Попова, Михаила Руберовскаго,

Константина *Тихомирова* и Евгения *Ярошевича*—тождественнаго съ вышеизложеннымъ содержанія.

Справка: 1) По уставу духовныхъ академій 1910 года, студенты, избравшіе для спеціальнаго изученія *первую* группу предметовъ, обязаны были слушать: на I курсѣ—общую гражданскую исторію, на II курсѣ—русскую гражданскую исторію, что и принято было къ исполненію при распредѣленіи предметовъ по курсамъ въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году.—2) По Высочайше одобреннымъ въ 29 день іюля 1911 года измѣненіямъ въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ академій каѳедра общей гражданской исторіи въ академіяхъ была закрыта; въ *первую* же группу предметовъ спеціальнаго изученія вошли: русская гражданская исторія (на I курсѣ) и исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей (на II курсѣ).—3) При распредѣленіи, въ собраніи 31 августа текущаго 1911 года, лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія на 1911—1912 учебный годъ, Совѣтъ Академіи, имѣя въ виду, что вышепоименованные студенты II курса, первой группы, уже выслушали въ минувшемъ учебномъ году одинъ изъ групповыхъ предметовъ (общую гражданскую исторію), хотя и по закрытой нынѣ каѳедрѣ, постановилъ обязать ихъ въ текущемъ году прослушать курсъ *исторіи Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей*, отнесенный по новой редакціи § 130-го устава духовныхъ академій именно на второй годъ академическаго преподаванія.

Опредѣлили: Не усматривая основаній къ измѣненію постановленія отъ 31 августа текущаго 1911 года, просьбу вышепоименованныхъ десяти студентовъ II курса Академіи отклонить, разъяснивъ имъ, что курсъ русской гражданской исторіи они могутъ, въ случаѣ желанія, прослушать на одномъ изъ послѣдующихъ курсовъ (III или IV).

XX. Заявленіе И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі преподавателя Подольской духовной семинаріи, нынѣ Инспектора народныхъ училищъ Вологодскаго уѣзда, Алексѣя *Шаранова*, подъ заглавіемъ: „Вторая книга Ездры. Историко-критическое введеніе въ книгу“, онъ назначаетъ

(вмѣсто вышедшаго въ отставку экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*) члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Соболевскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Представленный, согласно порученію Совѣта Академіи отъ 1 сентября сего года, комиссією (подъ предсѣдательствомъ *И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шотыкина* и въ составѣ: ординарныхъ профессоровъ *А. И. Введенскаго* и *С. С. Глаголева* и экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*) проектъ распредѣленія на 1911—1912 учебный годъ между студентами Академіи *казенныхъ и частныхъ стипендій*.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что по заслуханному въ настоящемъ собраніи Высочайше утвержденному въ 26-й день августа сего года проекту измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ духовныхъ академій „распредѣленіе между студентами синодальныхъ и частныхъ стипендій“ отнесено къ дѣламъ академическаго Правленія, представляемымъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея,—представленный комиссією проектъ передать на разсмотрѣніе Правленія Академіи.

XXII. Имѣли сужденіе о выдачѣ студентамъ IV, III и II курсовъ, за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году, *денежныхъ наградъ* изъ процентовъ съ пожертвованныхъ на сей предметъ капиталовъ.

Справка: 1) По смѣтѣ доходовъ и расходовъ на содержаніе Московской Духовной Академіи въ 1911 году ассигновано, между прочимъ, на награды студентамъ изъ процентовъ съ благотворительныхъ капиталовъ—165 рублей.—2) По §§ 110 лит. б. п. 12 устава духовныхъ академій—„присужденіе студентамъ премій за сочиненія и другихъ наградъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Денежныя награды за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1910—1911 учебномъ году назначить слѣдующимъ студентамъ: IV курса: *иеродиакону Варооломею* (Ремову)—20 рублей, *Мигулину* Александру—

15 рублей, *Голованенко* Сергѣю и *Муратову* Василию—по 10 рублей каждому; III курса: *Андрееву* Ѳедору—20 рублей, священнику *Чернову* Іоанну—15 рублей, *Архангельскому* Алексѣю и *Кряжимскому* Александру—по 10 рублей каждому; II курса: *Садковскому* Георгію—20 рублей, *Плотникову* Александру—15 рублей, *Соколову* Михаилу (Моск.) и *Струмицкому* Михаилу—по 10 рублей каждому, всего—165 рублей.—2) Постановленіе сіе представитъ предварительно на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Окт. 8. По ст. VI. Ходатайствовать. По ст. VII. И. д. помощника библіотекаря *Боткинъ* увольняется, согласно его прошенію, отъ должности; объ іеромонахѣ *Игнатіи* заготовитъ представленіе въ Св. Синодъ.—По ст. VIII. Постановленіе Совѣта утверждается. XII. Въ виду болѣзненнаго состоянія студента *Мацкевича* разрѣшается ему жить на частной квартирѣ. По ст. XV. Ходатайствовать. Прочее смотрѣно и утверждается“.

22 сентября 1911 года.

№ 21.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, и. д. Инспектора—ординарный профессоръ А. И. Введенскій, ординарные профессора А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ, экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, М. М. Богословскій, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ.

Слушали: Предложеніе И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина:

„Въ виду приближающагося академическаго праздника честь имѣю предложить Совѣту Академіи войти въ разсужденіе объ избраніи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ Св. Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“.

Справка: 1) По § 10 устава духовныхъ академій—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава.—2) По § 110 лит. в. п. 1 того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи почетныхъ членовъ Академіи:

1) Высокопреосвященнаго *Инокентія*, Экзарха Грузіи, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, Члена Святѣйшаго Синода,—во уваженіе къ его просвѣщенной Архипастырской дѣятельности, учено-литургическимъ и проповѣдническимъ трудамъ;

2) Высокопреосвященнаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, Члена Святѣйшаго Синода,—во уваженіе къ его просвѣщенной Архипастырской и миссіонерской дѣятельности, плодотворному служенію на пользу духовнаго образованія и учено-богословскимъ трудамъ;

3) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Дмитріевича *Бѣляева*,—во уваженіе къ его тридцатипятилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области православной догматики и апологетики;

4) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Николая Александровича *Заозерскаго*,—во уваженіе къ его свыше-тридцатилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области православнаго церковнаго права;

5) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Митрофана Дмитріевича *Муретова*,—во уваженіе къ его свыше-тридцатилѣтней профессорской дѣятельности въ Академіи и къ ученымъ трудамъ въ области толкованія Священнаго Писанія и въ переводѣ святоотеческихъ твореній.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Окт. 8. Ходатайствовать“.

19 октября 1911 года.

№ 22.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостына, ординарные профессора—А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и священникъ Е. А. Воронцовъ.

Отсутствовали: ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, М. М. Богословскій, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 21. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 сентября за № 12553:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 2 Сентября сего года за № 2638, журналъ Учебнаго Комитета, № 511, по прошенію бывшаго студента IV курса Московской духовной академіи Максимилиана Труфанова о разрѣшеніи ему держать выпускные академическіе экзамены осенью 1911—12 учебнаго года. Приказали: Не усматривая оснований къ удовлетворенію изъясненнаго ходатайства бывшаго студента Московской духовной академіи Максимилиана Труфанова, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Труфанова въ число академическихъ студентовъ IV курса; о чемъ, для зависящихъ распоряженій и объявленія просителю, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Бывшій студентъ Максимилианъ Труфановъ принять обратно въ число студентовъ IV курса Академіи, съ начала 1911—1912 учебнаго года, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Академіи отъ 16 марта 1911 года.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 27. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября за № 12864:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 сентября сего года, № 352, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи принять въ число казеннокоштныхъ студентовъ I курса Московской духовной академіи успѣшно выдержавшихъ пріемныя испытанія имѣющихъ жевъ священниковъ *Іоанна Архангельскаго и Θεодора Делекторскаго*, съ предоставленіемъ имъ, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ и получать помѣсячно на руки казенныя стипендіи. Приказали: Признавая настоящее ходатайство Вашего Преосвященства заслуживающимъ удовлетворенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять священниковъ *Іоанна Архангельскаго и Θεодора Делекторскаго* въ текущемъ учебномъ году въ число казеннокоштныхъ студентовъ академіи, предоставивъ имъ проживать съ своими семействами, во время обученія въ академіи, на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ и получать на руки помѣсячно казенныя стипендіи; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 30. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 сентября за № 13023:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 21 Сентября сего года за № 2937, журналъ Учебнаго Комитета, № 592, по прошенію преподавателя Краснослободскаго духовнаго училища *Валентина Метал-*

лова о принятіи его въ число студентовъ Московской духовной академіи безъ экзамена. Приказали: Принимая во вниманіе, что студентъ Пензенской духовной семинаріи Валентинъ Металловъ въ 1893 году былъ рекомендованъ Правленіемъ названной семинаріи для поступленія въ число студентовъ академіи, и имѣя въ виду продолжительную усердную службу Металлова по духовному вѣдомству, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: примѣнительно къ § 140-му Высочайше утвержденнаго 2 Апрѣля 1910 года Устава духовныхъ академій, разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Металлова въ число студентовъ I курса академіи безъ экзамена; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Прошеніе учителя Краснослободскаго духовнаго училища, Пензенской епархіи, *Валентина Металлова*:

„Опредѣленіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 27-го Сентября сего 1911 года за № 7249, Совѣту Московской Духовной Академіи разрѣшено принять меня въ число студентовъ I курса безъ экзамена.

Въ виду постигшей меня болѣзни, требующей оперативнаго леченія, а послѣ—продолжительнаго режима (6—7 мѣсяцевъ), исключаящаго условія сидячаго образа жизни, смѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи о предоставленіи мнѣ права явиться къ занятіямъ въ Академію по выздоровленіи.

При семъ прилагаю медицинское свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи, выданное Краснослободскимъ Городскимъ Врачемъ г. Матвѣевымъ“.

в) Приложенное къ означенному прошенію свидѣтельство Краснослободскаго городского врача Ф. Матвѣева, отъ 4 октября 1911 года:

„По личной просьбѣ мною дано сіе свидѣтельство учителю Краснослободскаго духовнаго училища, Пензенской губерніи, Валентину Дмитріевичу Металлову въ удостовѣреніе того, что онъ обращался ко мнѣ за врачебною помощью, жалуясь на кашель, боли въ груди, одышку, частыя кровотечения изъ прямой кишки и общую слабость.

При объективномъ изслѣдованіи мною найдено у него слѣдующее: общее питаніе понижено, въ верхушкѣ праваго лег-

каго притупленіе и выдыхъ, рѣзкая возбудимость сердечной дѣятельности, общая нервная раздражительность и расширение вѣнъ прямой кишки, съ выхожденіемъ наружу шишекъ, изъ которыхъ бывають частыя и значительныя кровоте-ченія.

Въ виду вышеизложеннаго, я заключаю, что учитель В. Д. Металловъ страдаетъ катарромъ верхушки праваго легкаго, неврастеніей и геморроемъ; а потому нахожу, что ему необходимо подвергнуться оперативному леченію, послѣ котораго слѣдуетъ заняться возстановленіемъ организма режимомъ, діетой, лекарственными препаратами и избѣгать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ занятій, требующихъ сидячаго образа жизни“.

Опредѣлили: Въ виду постигшей учителя Краснослободскаго духовнаго училища *Валентина Металлова* болѣзни, требующей продолжительнаго леченія, зачислить г. Металлова, согласно указу Святѣйшаго Синода за № 13023, въ списки студентовъ I курса Академіи, безъ экзаменовъ, съ начала будущаго 1912—1913 учебнаго года.

IV. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью „1911 г. Окт. 8. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4 октября за № 13407:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 Сентября сего года № 351, съ ходатайствомъ а) о разрѣшеніи примѣнить къ студентамъ настоящаго IV курса Московской духовной академіи требованія, изложенныя въ новой редакціи §§ 130 и 131 академическаго устава, Высочайше одобренной 29 Іюля сего года, лишь частію, по мѣрѣ возможности, не обяывая ихъ изученіемъ всѣхъ предметовъ, только нынѣ признанныхъ общеобязательными, по уставу же 1910 года отнесенныхъ къ разряду групповыхъ, и б) о разрѣшеніи поручить преподавателямъ названной академіи по 1-мъ кафедрамъ: *патрологии*—экстраординарному профессору *Ивану Попозу* и *Священнаго Писанія Ветхаго Заветъа*—п. д. доцента священнику *Димитрію Рождественскому* прочесть въ 1911—12 учебномъ году студентамъ III курса вторья половины курсовъ по означен-

нымъ предметамъ (взамѣнъ отсутствующихъ преподавателей по вторымъ кафедрамъ), съ назначеніемъ имъ трехъ лекцій въ недѣлю и производствомъ, на основаніи § 87 устава духовныхъ академій, дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ жалованья доцента академіи. Приказали: Выслушавъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства и не встрѣчая препятствій къ удовлетворенію изъясненнаго въ ономъ ходатайства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи 1) примѣнить къ студентамъ настоящаго IV курса оной изложенныя въ новой, Высочайше одобренной 29 Іюля сего года, редакціи §§ 130 и 131 академическаго устава требованія лишь частію, по мѣрѣ возможности, не обязывая означенныхъ студентовъ къ изученію всѣхъ предметовъ, нынѣ признанныхъ общеобязательными, по уставу же 1910 года отнесенныхъ къ разряду групповыхъ, и 2) поручить профессору Ивану Попову и и. д. доцента священнику Димитрію Рождественскому прочитать въ 1911—12 учебномъ году студентамъ III курса Московской академіи вторыя половины курсовъ по патрологіи и Св. Писанію Ветхаго Завѣта на изъясненныхъ въ представленіи Вашего Преосвященства основаніяхъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

6) Представленныя, по предложенію И. д. Ректора Академіи—профессора А. Шостыина, экстраординарнымъ профессоромъ *И. В. Поповымъ* и и. д. доцента священникомъ *Д. В. Рождественскимъ* программы чтеній и практическихъ занятій на 1911—1912 учебный годъ по вторымъ половинамъ курсовъ патрологіи и Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ руководству и исполненію, сообщивъ содержаніе онаго, для зависящихъ распоряженій, — Правленію Академіи.—2) Представленныя временными преподавателями патрологіи и Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта—экстраординарнымъ профессоромъ *И. В. Поповымъ* и священникомъ *Д. В. Рождественскимъ*—программы чтеній и практическихъ занятій на 1911—1912 учебный годъ—утвердить къ исполненію.

V. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 1 сентября, № 19: „1911 г. Сент. 23. По ст. VII. Готовъ ходатайствовать. Прочее читано и утверждается“.

б) 22 сентября, № 20: „1911 г. Окт. 8. По ст. VI. Ходатайствовать. По ст. VII. И. д. помощника библиотекаря Боткинъ увольняется, согласно его прошенію, отъ должности; объ іеромонахѣ Игнатіи заготовить представленіе въ Св. Синодъ.—По ст. VIII. Постановление Совѣта утверждается. XII. Въ виду болѣзненнаго состоянія студента Мацкевича разрѣшается ему жить на частной квартирѣ. По ст. XV. Ходатайствовать. Прочее смотрѣно и утверждается“. —

в) 22 сентября, № 21: „1911 г. Окт. 8. Ходатайствовать“.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.—2) Объ увольненіи отъ службы при Академіи и. д. помощника библиотекаря Николая *Боткина* и разрѣшеніи жить на частной квартирѣ студенту IV курса Академіи *Іосифу Мацкевичу* сообщить, для зависящихъ распоряженій,—Правленію Академіи.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія:

а) на журналѣ собранія Правленія Академіи 15 сентября, № IX: „1911 г. Сент. 27. Студентовъ семинаріи: Любимова, Петрова и Смирнова разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій на основаніяхъ, изложенныхъ въ 150 § Академическаго Устава“.

б) на представленіи И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, отъ 29 сентября за № 601, по прошенію студента Московской духовной семинаріи Николая *Пиуновскаго*: „1911 г. Окт. 3. Разрѣшается допустить *Пиуновскаго* къ слушанію академическихъ лекцій въ качествѣ вольнослушателя“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

VII. а) Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Сент. 27. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 20 сентября за № 4879:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Высокопреосвященства отъ

10 сего сентября за № 342 честь имѣю сообщить слѣдующее по вопросу о зачисленіи поручика А. Симанскаго въ составъ студентовъ Московской Духовной Академіи.

Поручикъ А. Симанскій, окончившій курсъ, какъ видно изъ его документовъ, во 2-мъ Московскомъ Императора Николая I кадетскомъ корпусѣ и въ Александровскомъ военномъ училищѣ по 2-му разряду, былъ допущенъ къ приемнымъ испытаніямъ по телеграммѣ Высокопреосвященнаго Сергія, Архіепископа Финляндскаго, въ которой было сказано, что Св. Синодъ допустилъ Симанскаго къ приемнымъ экзаменамъ. На приемныхъ испытаніяхъ онъ получилъ слѣдующіе баллы:

а) на устныхъ: по Св. Писанію Новаго Завѣта 3 (3 и 3=), по догматическому богословію 3, по всеобщей церковной исторіи 3—, по латинскому языку 3=;

б) на письменныхъ: по основному богословію 3—, по литературѣ 3 и по поученію 3, 50.

Второе экзаменаціонное сочиненіе писалось на тему по исторіи философіи, Симанскому же, въ виду того, что онъ не изучалъ философскихъ предметовъ, для второго сочиненія была дана тема по исторіи литературы.

На повѣрочномъ экзаменѣ по латинскому языку поручикъ Симанскій заявилъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ онъ не изучалъ этого предмета, но отчасти знакомъ съ нимъ по домашней подготовкѣ; на испытаніи же по сему предмету оказалось, что Симанскій не зналъ ни склоненій, ни спряженій латинскихъ; экзаменаціонная коммиссія, въ составъ которой входили Ректоръ Академіи Епископъ Алексій, инспекторъ Архимандритъ Анастасій, проф. П. Пономаревъ и и. д. доцента П. Верещацкій, послѣ краткаго совѣщанія,—принявъ во вниманіе, что поручикъ Симанскій письменно заявилъ, что онъ желаетъ поступить на миссіонерское отдѣленіе Академіи, студенты какового отдѣленія освобождаются отъ изученія латинскаго языка, а также исторіи философіи, педагогики, систематической философіи, логики, исторіи и обличенія русскаго раскола и русскаго сектанства, и что на это отдѣленіе принимаются безъ экзамена лица въ священномъ санѣ, окончившія курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ даже по второму разряду,—нашла возможнымъ поставить Симанскому наименьшій удовлетво-

рительный балль—3=, чтобы не лишать его возможности поступить на миссіонерское отдѣленіе.

Справка: Поручикомъ А. Симанскимъ 25 Августа было сдѣлано письменно слѣдующее заявленіе: „Честь имѣю просить Совѣтъ Казанской Духовной Академіи въ случаѣ если я буду принять въ Академію зачислить меня на миссіонерское отдѣленіе“.

Совѣтъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго августа, по обсужденіи результатовъ приемныхъ испытаній, относительно поручика Симанскаго постановилъ: допустить его къ слушанію лекцій на миссіонерское отдѣленіе, въ сужденіе же о приемѣ его въ число студентовъ Академіи не входитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ отъ своего начальства приказа объ увольненіи его отъ службы“.

6) Прошеніе поручика Андрея *Симанскаго*:

„Не находя возможнымъ вторично въ этомъ году подвергать себя экзаменаціоннымъ испытаніямъ, имѣю честь просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи сохранить мнѣ и на будущій годъ право подвергнуться приемнымъ испытаніямъ на основаніи указа Святѣйшаго Синода“.

Справка: 1) Утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 22 сентября сего года поручику Андрею Симанскому предложено—„въ случаѣ желанія поступить въ число студентовъ *Московской Духовной Академіи*, въ точности выполнить требованія, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 11 августа сего 1911 года за № 5937, и при *Московской* же Духовной Академіи сдать повѣрочныя испытанія по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ § 143 устава духовныхъ академій 1910 года, не исключая и испытанія по одному изъ древнихъ языковъ“.—2) По § 137 устава духовныхъ академій (въ новой его редакціи) къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются, кромѣ студентовъ духовныхъ семинарій, также „имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищ“.

Опредѣлили: 1) Увѣдомить поручика Андрея *Симанскаго*, что, какъ окончившій курсъ военнаго училища (Александровскаго), онъ нынѣ имѣетъ право держать повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію на общихъ основаніяхъ

съ воспитанниками духовныхъ семинарій и гимназій, въ установленный академическимъ уставомъ срокъ (одинъ разъ въ году, предъ началомъ учебныхъ занятій).—2) Прочее принять къ свѣдѣнію.

VIII. Вѣдомость И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ сентябрь мѣсяцъ текущаго 1911 года, изъ которой видно, что—а) *по болѣзни*: и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій опустили 10 лекцій, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ—9 лекцій, экстраординарный профессоръ С. И. Соболевскій и и. д. доцента А. М. Туберовскій—по 4 лекціи; б) *по семейнымъ и домашнимъ обстоятельствамъ*: ординарный профессоръ А. А. Спасскій и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—по 5 лекцій и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—3 лекціи; в) *по служебнымъ обязанностямъ*: и. д. доцента Н. Д. Кузнецовъ—6 лекцій.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IX. Отношеніе Г. Директора Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія, отъ 14 октября за № 518: „5-го ноября сего года празднуется двадцатипятилѣтній юбилей Московскаго Синодальнаго училища какъ духовно-музыкальнаго учебнаго заведенія.

Училище льститъ себя надеждой, что Московская Духовная Академія не откажетъ принять участіе въ празднованіи этого знаменательнаго для Синодальнаго училища дня“.

Опредѣлили: Поручить И. д. Ректора Академіи—профессору А. П. Шостыину привѣтствовать Московское Синодальное училище церковнаго пѣнія, въ день празднованія его двадцатипятилѣтняго юбилея, телеграммою отъ имени Совѣта Академіи.

X. Отношеніе Г. Ректора Императорскаго Московскаго Университета, отъ 21 сентября за № 2993:

„Увѣдомляю Московскую Духовную Академію, что Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 4 сентября 1911 года, за № 66, приватъ-доцентъ Император-

скаго Московскаго Университета докторъ русской исторіи Михаилъ *Богословскій* назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ сего Университета, съ оставленіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи.

Опредѣлили: О состоявшемся назначеніи внести въ послужной списокъ экстраординарнаго профессора М. М. Богословскаго.

XI. Отношенія Правленія Императорскаго Московскаго Университета:

а) *Отъ 29 сентября за № 3399:* „Вслѣдствіе отношенія отъ 16 сего сентября за № 586, Правленіе Университета имѣетъ честь увѣдомить, что, по постановленію Правленія 22-го сентября, разрѣшено допустить окончившаго въ текущемъ году курсъ и оставленнаго при Академіи въ званіи профессорскаго стипендіата, кандидата богословія, Алексѣя *Сперанскаго* къ слушанію лекцій въ 1911—12 учебномъ году на юридическомъ факультетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, съ освобожденіемъ отъ платы въ пользу Университета, но съ обязательствомъ уплатить гонораръ въ пользу Профессоровъ, а также разрѣшено предоставить ему право пользованія книгами Университетской бібліотеки лишь въ читальномъ залѣ ея безъ отпуска книгъ на домъ“.

б) *Отъ 29 сентября за № 3400:* „Правленіе Университета имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, что, вслѣдствіе отношенія отъ 16 сентября сего года, за № 587, по постановленію Правленія 22 сего сентября, разрѣшено допустить доцента Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта священника Владиміра Николаевича *Страхова* къ пользованію книгами Университетской бібліотеки, въ виду поручительства Совѣта Академіи за цѣлость и сохранность книгъ, съ выдачею пропуска для входа въ бібліотеку срокомъ на полъ-года“.

Опредѣлили: Постановленія Правленія Императорскаго Московскаго Университета отъ 22 сентября сего года объявить (и объявлены) доценту Академіи священнику *В. Н. Страхову* и профессорскому стипендіату *А. А. Сперанскому*.

XII. Докладъ экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Соболевскаго* и лектора французскаго языка *А. К. Мишина*,

производившихъ ревизію кассы, приходо-расходныхъ книгъ и отчета редакціи академическаго журнала по изданію „Богословскаго Вѣстника“ и святоотеческихъ твореній за 1910-й годъ:

„Честь имѣемъ донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ порученія отъ 16 марта текушаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и нашли слѣдующее:

1) Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости.

2) Отчетъ за 1910 годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3) Приходо-расходныя, кассовыя и вспомогательныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5) На всѣ расходы, произведенныя редакціей, имѣются счета, росписки и другіе оправдательные документы“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Докладъ экстраординарныхъ профессоровъ Академіи: *С. И. Соболевскаго, И. В. Попова и священника Е. А. Воронцова:*

„Исполняя порученіе Совѣта Московской Духовной Академіи дать заключеніе о предложеніи Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 20 сентября 1911 года за № 2865 относительно ежегоднаго командированія въ Практическую Восточную Академію, для изученія восточныхъ языковъ, лицъ, окончившихъ курсъ Духовныхъ Академій,—лицъ, которыя будутъ предназначаться для руководительства дѣломъ духовнаго просвѣщенія въ восточныхъ епархіяхъ,—имѣемъ честь донести Совѣту Московской Духовной Академіи, что означенное предложеніе, по нашему мнѣнію, является весьма желательнымъ—какъ для указанныхъ выше лицъ, такъ еще и для тѣхъ профессорскихъ стипендіатовъ,

которые пожелаютъ посвятить себя изученію исторіи болгарской и сербской церкви, такъ какъ, на ряду съ другими восточными языками, въ Практической Восточной Академіи преподаются и языки болгарскій и сербскій“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ заключеніемъ экстраординарныхъ профессоровъ Академіи С. И. Соболевскаго, И. В. Попова и священника Е. А. Воронцова, сообщить оное Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ, впослѣдствіе отношенія Комитета отъ 20 сентября сего года за № 2865.

XIV. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *отчета о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1910—1911 учебномъ году.*

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ, отчетъ о состояніи Академіи въ 1910—1911 учебномъ году напечатать въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и, согласно § 121 академическаго устава, установленнымъ порядкомъ представить оный въ печатномъ видѣ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

XV. Прошеніе ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарѣва:*

„Имѣю честь просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи мнѣ пользоваться книгами фундаментальной университетской бібліотеки и посѣщать университетскую читальню,—съ освобожденіемъ меня отъ внесенія залога и съ поручительствомъ Совѣта за цѣлость и сохранность выданныхъ мнѣ книгъ“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи просьбы ординарнаго профессора М. М. Тарѣва, съ присокупленіемъ, что Совѣтъ Академіи принимаетъ на себя ручательство за цѣлость и сохранность книгъ, выдаваемыхъ профессору Тарѣву.

XVI. Прошеніе доцента Академіи по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта священника *В. Н. Страхова:*

„Студенты 4-го курса обратились ко мнѣ съ просьбой пере-

нести практическую мою лекцію съ четверга на среду. Хотя это для меня и не совсѣмъ удобно, но, принимая во вниманіе нѣкоторую основательность студенческой просьбы, я осмѣливаюсь просить Совѣтъ разрѣшить мнѣ всѣ три лекціи читать въ среду, причѣмъ 3 и 5 часъ я хотѣлъ бы читать теоретическія лекціи, а 6-й посвящать бы практическимъ занятіямъ“.

Справка: По § 110 лит. а. п. 10 устава духовныхъ академій „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Признавая просьбу доцента священника В. Н. Сграхова заслуживающею уваженія, перенести 3-ю лекцію по 2-й кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта съ четверга на среду (отъ 10 ч. 40 м. до 11 ч. 30 м. утра), о чемъ и объявить слушателямъ—студентамъ IV курса Академіи.

XVII. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 14 октября за № 2802, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Московской Синодальной Библіотеки подъ № 277 (Сборникъ XV в.—Чудовскаго собранія).

б) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 27 сентября за № 1361, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращеннаго Совѣтомъ Академіи журнала The jewich Quarterly Review за 1906 годъ (4 книги).

в) Совѣта Казанской Духовной Академіи, отъ 3 октября за № 1342, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей подъ №№ 412 (858) и 417 (682) (Кормчая сокращенная и Номоканонъ, называемый Зонара).

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 22 сентября за № 1745, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей лаврской библіотеки подъ №№ 214, 365, 11, 233 и 247 и препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій профессора С. И.

Смирнова, рукописей той же библиотеки подъ №№ 22, 399, 401 и 403.

д) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, отъ 3 октября за № 1048, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ рукописи „Статирь“ за № 411.

е) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 29 сентября за № 1369, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Н. Л. Туницкаго, журнала *Theologische Revue* за 1905 годъ.

ж) Г. Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ, отъ 15 октября за № 3526, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій профессора С. И. Смирнова, слѣдующихъ рукописей Библиотеки Академіи Наукъ: 1) Сборникъ богослужебный XVI и XVII в.в. № 21. 7. 16 (Сѣв. 730); 2) Требникъ XVII в. № 1. 2. 23 (Нов. 257) 3) Требникъ XVI в. № 16. 15. 1 (Осн. 1238) и 4) Сборникъ XVII в. (Ждановскій). № 1. 4. 1.

Справка: Означенныя въ п. п. г, д, е и ж рукописи и журналъ, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библиотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Представленіе *библіотечной комиссіи*, отъ 19 октября за № 981:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библиотечная Комиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библиотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 44 (Преосвященнаго Ректора Епископа Θεодора), 1111 (Проф. А. Д. Бѣляева), 312 (Проф. М. Д. Муретова), 39 и 327 (Проф. А. И. Введенскаго), 34, 38, 310, 322 и 328 (Проф. С. С. Глаголева), 1085 (Проф. М. М. Тарѣева), 324 (Проф. П. П. Соколова), 316 и 326 (Проф. Д. И. Введенскаго), 307, 309 и 323 (Проф. А. П. Орлова), 32, 33, 37, 318 и 991 (И. д. доцента Н. Л. Туницкаго), 308, 311, 313, 314 и 315 (И. д. доцента Θ. М. Россейкина), 40, 41, 306, 317, 320 и 329 (И. д. доцента священника Д. В. Рождественскаго),

35 (И. д. доцента священника П. А. Флоренскаго), 31 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 36, 213 и 219 (И. д. доцента В. П. Виноградова) и 319 (И. д. доцента В. А. Троицкаго)“.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической бібліотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIX. Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 18 октября за № 1910:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Московской Духовной Академіи, отъ 6-го сего октября за № 611, Духовный Соборъ, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, имѣетъ честь увѣдомить, что Соборъ не можетъ предоставить студенту 4-го курса *Павлу Новгородскому* ознакомиться съ рукописями и актами хранящимися въ Лаврскомъ архивѣ, но можетъ предоставить ему пользованіе только рукописями и актами Лаврской бібліотеки и то лишь посредствомъ передачи ихъ въ бібліотеку Академіи черезъ Совѣтъ оной на точно указанный срокъ“.

Опредѣлили: Содержаніе отношенія объявить студенту *Павлу Новгородскому*.

XX. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 29 сентября за № 3045:

„Вслѣдствіе отношенія, отъ 24-го сего Сентября за № 598, Учебный Комитетъ имѣетъ честь возвратить въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи 2 аттестата на званіе дѣйствительнаго студента окончившихъ названную Академію *Выше-славава Димитрія* и *Теплова Василія*, за №№ 345 и 353“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Отношеніе Совѣта Тифлискаго епархіальнаго Іоанніевскаго женскаго училища, отъ 13 октября за № 918:

„Совѣтъ Тифлискаго епархіальнаго женскаго училища покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи выслать на три мѣсяца изъ бібліотеки Академіи рукопись кандидатскаго сочиненія *М. Бѣляева* на тему: „Апокрифическіе элементы въ народной русской словесности“, поданнаго имъ въ 1909—10

году. Рукопись эта необходима Бѣляеву, какъ видно изъ прошенія, поданнаго имъ въ Совѣтъ училища, для дальнѣйшей обработки сочиненія. Въ случаѣ полученія рукописи Совѣтъ училища возвратить ее въ сохранности въ назначенный срокъ. М. В. Бѣляевъ состоитъ штатнымъ преподавателемъ Русскаго языка при училищѣ“.

Опредѣлили: Выслать въ Совѣтъ училища кандидатское сочиненіе М. Бѣяева на трехмѣсячный срокъ.

XXII. Прошеніе студента IV курса Академіи *Максимиліана Труфанова*:

„Честь имѣю покорнѣйше заявить Совѣту Академіи, что читаемый въ настоящемъ учебномъ году курсъ лекцій по предметамъ гомилетики и Священнаго Писанія Новаго Заѣвѣта я прослушалъ въ 1909—10 учебномъ году; причемъ по послѣднему предмету я слушалъ общій курсъ, въ программу котораго входилъ отдѣлъ и о Посланіяхъ Апостольскихъ (прошу справиться въ программу 1909—10 г. М. Д. Муретова). Къ тому же, въ томъ же 1909—10 году я прослушалъ исторію раскола и церковную археологію съ литургикой, каковыя предметы нынѣшній IV-й курсъ слушать не имѣлъ счастья. Принимая во вниманіе все это, я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи освободить меня отъ обязательства слушанія лекцій по предметамъ гомилетики и Священнаго Писанія Новаго Заѣвѣта. Въсто же означенныхъ предметовъ зачесть мнѣ прослушанный мною въ прошломъ году полъкурса предметъ пастырскаго богословія и въ концѣ года разрѣшить держать экзамень, въ виду того, что этотъ предметъ въ настоящемъ году не читается, между тѣмъ какъ обязательный предметъ, онъ долженъ быть для меня необходимымъ“.

Опредѣлили: Освободивъ студента IV курса Максимиліана Труфанова отъ слушанія лекцій по гомилетикѣ, обязать его прослушать курсъ лекцій по 2-ой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Заѣвѣта и разрѣшить ему сдать въ концѣ текущаго учебнаго года устное испытаніе по пастырскому богословію.

XXIII. Прошеніе студента II курса *Михаила Голобородько*:

„Въ прошломъ учебномъ году я избралъ для спеціального

изученія предметы 4 группы. Съ настоящаго же года сектовѣдѣніе и расколъ отнесены къ предметамъ общеобязательнымъ и, такимъ образомъ, я, какъ уже прослушавшій исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій, остался безъ группы.—Имѣя желаніе и возможность въ свободные часы слушать какой-либо групповой предметъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ въ текущемъ году слушать *русскую гражданскую исторію* съ тѣмъ, чтобы наравнѣ съ прочими слушателями этого предмета держать экзаменъ въ концѣ года и по нему же писать 2-е семестровое сочиненіе.

На этотъ предметъ я записался еще въ началѣ сентября и лекціи посѣщаль“.

Опредѣлили: Разрѣшить студенту II курса Михаилу Голобородько слушать лекціи и держать въ концѣ года экзаменъ по русской гражданской исторіи, но съ тѣмъ, чтобы второе семестровое сочиненіе было представлено имъ по предмету, назначенному опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 1 сентября сего года (исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій).

XXIV. Прошеніе студента I курса *Федора Вознесенскаго*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи объ освобожденіи меня отъ изученія ниже слѣдующихъ предметовъ, пройденныхъ мною въ Московскомъ Университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ: исторіи философіи, русской гражданской исторіи, греческаго и французскаго языковъ“.

Справка: По § 153 прим. 1 устава духовныхъ академій (въ новой редакціи): „Окончившіе курсъ высшихъ учебныхъ заведеній студенты Академій освобождаются въ Академіяхъ отъ изученія тѣхъ общеобязательныхъ предметовъ, кои ими уже пройдены до поступленія въ Академію“.

Опредѣлили: Освободить студента I курса Федора Вознесенскаго отъ изученія въ Академіи перечисленныхъ въ его прошеніи предметовъ, за исключеніемъ лишь *греческаго языка*, въ виду того, что съ введеніемъ новаго устава преподаваніе въ Академіяхъ классическихъ языковъ должно быть направляемо не къ ознакомленію съ грамматическими и лите-

ратурными формами древнихъ языковъ по лучшимъ классическимъ писателямъ, какъ въ университетѣ, а къ изученію лингвистическаго матеріала Новаго Завѣта, отцовъ церкви, уставныхъ пѣснопѣній—по произведеніямъ свято-отеческой письменности.

XXV. а) Прошеніе студента III курса Академіи *Сергѣя Олесевича*:

„Сильное разстройство здоровья, въ значительной степени обусловленное корпусной жизнью, вынуждаетъ меня обратиться въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшей просьбой—разрѣшить мнѣ жить на частной квартирѣ у одного изъ священниковъ—студентовъ. Дальнѣйшее пребываніе въ корпусѣ грозитъ мнѣ тяжелыми осложнениями въ области здоровья и, въ силу необходимости, сократить до минимума мои, и теперь уже сильно сокращенныя, студенческія занятія.

Свидѣтельство врача о моемъ здоровьи при семъ прилагаю“.

б) Удостовереніе врача Академіи *А. В. Тамина*, отъ 19 октября сего года:

„Дано сіе студенту III курса Московской Духовной Академіи *Олесевичу Сергѣю* въ томъ, что онъ страдаетъ катарромъ носоглоточной полости, разстройствомъ пищеваренія (диспепсія) и неврастеніей и нуждается въ чистомъ воздухѣ и тихой, спокойной домашней обстановкѣ и что поэтому я нахожу необходимымъ для него перейти на жительство на частную квартиру“.

Опредѣлили: Признать, въ виду даннаго академическимъ врачомъ удостовѣренія, просьбу студента III курса *Сергѣя Олесевича* о разрѣшеніи ему жить на частной квартирѣ заслуживающею уваженія, но, за отсутствіемъ у Совѣта Академіи формальныхъ основаній къ ея удовлетворенію,—представить оную на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

XXVI. Прошенія вольнослушателей Академіи:

а) *Александра Любимова*: „Въ виду освобожденія вакансіи въ общежитіи покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи зачислить меня дѣйствительнымъ студентомъ Академіи“.

б) *Сергья Петрова*: „Въ виду освобожденія вакансіи въ общежитіи Московской Духовной Академіи, покорнѣйше прошу зачислить меня дѣйствительнымъ студентомъ Академіи“.

Справка: Допущенные, по резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 27 сентября сего года, къ слушанію академическихъ лекцій студенты Московской духовной семинаріи—Александръ *Любимовъ* и Сергѣй *Петровъ*, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 августа текущаго 1911 года, признаны были удовлетворительно выдержавшими повѣрочныя испытанія, но не были приняты въ число студентовъ I курса Академіи—по недостатку помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ.—2) По § 110 лит. б п. 7 академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять вольнослушателей Академіи—студентовъ Московской духовной семинаріи Александра *Любимова* и Сергѣя *Петрова*, за освобожденіемъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи, въ число студентовъ I курса Академіи.

XXVII. Собственноручныя показанія: а) студентовъ I курса—о выборѣ ими для спеціального изученія въ теченіи академическаго курса групповыхъ предметовъ (по группамъ А и Б, намѣченнымъ въ новой редакціи § 131 академическаго устава), а также о желаніи изучать одинъ изъ новыхъ языковъ; б) студентовъ II курса—о выборѣ для изученія одного изъ предметовъ группы А (исторіи философіи или педагогики) и в) студентовъ III курса—о желаніи ихъ прослушать въ 1911—1912 учебномъ году, сверхъ прослушаннаго уже въ минувшемъ учебномъ году курса исторіи философіи,—и курсъ педагогики.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

а) Изъ студентовъ I курса:

А. *Исторію философіи:*

1. Алферовъ Петръ.

Свящ. Архангельскій Іоаннъ.

- Архишовъ Петръ.
Аскалоновъ Стефанъ.
5. Бѣльчиковъ Николай.
Іеродіак. Варнава (Бѣляевъ).
Бѣляевъ Николай.
Введенскій Михаилъ.
Вознесенскій Ѳеодоръ.
10. Волскій Харлампій.
Георгіевскій Сергій.
Гераскевичъ Николай.
Голубцовъ Михаилъ.
Іеродіак. Сергій (Дабичъ).
15. Свящ. Делекторскій Ѳеодоръ.
Десятовъ Александръ.
Добросердовъ Сергій.
Драчевъ Николай.
Дюлгеровъ Дмитрій, болг. ур.
20. Загорскій Александръ.
Кухановъ Александръ.
Ленчинскій Иванъ.
Любимовъ Александръ.
Матвѣвичъ Викторъ.
25. Мешерскій Константинъ.
Никольскій Григорій.
Никольскій Николай.
Олейникъ Михаилъ.
Орловъ Александръ.
30. Орловъ Антоній.
Орловъ Николай.
Петковъ Стоянъ, болг. ур.
Пикуновъ Александръ.
Покровскій Гавріиль.
35. Свящ. Поповичъ Димитрій, серб. ур.
Прытковъ Николай.
Пясецкій Петръ.
Садовскій Евгеній.
Сапожниковъ Николай.
40. Сиковъ Максимъ.
Соколовъ Александръ.
Троицкій Николай.

Успенскій Владиміръ.

Херсонскій Василій.

45. Цвиневъ Иванъ.

46. Щукинъ Александръ.

А. Педагогика:

1. Арбековъ Евгений.

Бажановъ Василій.

Вахаевъ Михаилъ.

Свящ. Вышелъссскій Константинъ.

5. Ивановъ Сергѣй.

Колосовъ Сергѣй.

Колчицкій Николай.

Крыловъ Григорій.

Никольскій Леонидъ.

10. Петровъ Сергѣй.

Покровскій Сергѣй.

Постниковъ Сергѣй (Самар.).

Постниковъ Сергѣй (Твер.).

Соловьевъ Алексѣй.

15. Холмогоровъ Сергѣй.

Б. Предметы первой группы.

(Русскую гражданскую исторію и Исторію Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской):

изъ языковъ:

1. Алферовъ Петръ	Нѣм.
Свящ. Архангельскій Іоаннъ	Нѣм.
Аскалоновъ Стефанъ	Нѣм.
Вознесенскій Ѳеодоръ	Франц.
5. Волскій Харлампій	Нѣм.
Свящ. Вышелъссскій Константинъ	Англ.
Добросердовъ Сергѣй	Нѣм.
Любимовъ Александръ	Нѣм.
Никольскій Григорій	Нѣм.
10. Никольскій Николай	Нѣм.
Петковъ Стоянъ, болг. ур.	Нѣм.

Пикуновъ Александръ	Нѣм.
Успенскій Владиміръ	Нѣм.
14. Цвиновъ Иванъ	Нѣм.

Б. Предметы второй группы.

(Библейскую исторію, въ связи съ исторіей древняго міра, и Еврейскій языкъ съ библейскою археологіей):

1. Бажановъ Василій	Нѣм.
Иеродіак. Варнава (Бѣляевъ)	Нѣм.
Бѣляевъ Николай	Франц.
Введенскій Михаилъ	Нѣм.
5. Иеродіак. Сергій (Дабичъ)	Нѣм.
Десятовъ Александръ	Нѣм.
Крыловъ Григорій	Нѣм.
Никольскій Леонидъ	Нѣм.
Петровъ Сергій	Франц.
10. Покровскій Гавріилъ	Франц.
Покровскій Сергій	Нѣм.
Постниковъ Сергій (Самар.)	Нѣм.
Прытковъ Николай	Нѣм.
Сиковъ Максимъ	Нѣм.
15. Соколовъ Александръ	Франц.
Соловьевъ Алексій	Нѣм.
Херсонскій Василій	Франц.
Холмогоровъ Сергій	Нѣм.
19. Щукинъ Александръ	Нѣм.

Б. Предметы третьей группы.

(Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей и Исторію русской литературы):

1. Арбековъ Евгеній	Нѣм.
Бѣльчиковъ Николай	Франц.
Вахаевъ Михаилъ	Франц.
Георгіевскій Сергій	Нѣм.
5. Гераскевичъ Николай	Франц.
Голубцовъ Михаилъ	Франц.
Драчевъ Николай	Нѣм.

	Загорскій Александръ	Нѣм.
	Ивановъ Сергѣй	Нѣм.
10.	Колосовъ Сергѣй	Нѣм.
	Колчицкій Николай	Англ.
	Кухановъ Александръ	Нѣм.
	Ленчинскій Иванъ	Нѣм.
	Матвѣвичъ Викторъ	Нѣм.
15.	Мещерскій Константинъ	—
	Орловъ Александръ	Франц.
	Орловъ Николай	Нѣм.
	Постниковъ Сергѣй (Твер.)	Нѣм.
	Пясецкій Петръ	Нѣм.
20.	Садовскій Евгений	Франц.
	Сапожниковъ Николай	Нѣм.
22.	Троицкій Николай	Нѣм.

Б. Предметъ четвертой группы.

(Исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени):

1.	Архищовъ Петръ	Франц.
	Свящ. Делекторскій Феодоръ	Англ.
	Дюлгеровъ Дмитрій, болг. ур.	Нѣм.
	Олейкинъ Михаилъ	Нѣм.
	Орловъ Антоній	Нѣм.
6.	Свящ. Поповичъ Димитрій, серб. ур.	Англ.

б) Изъ студентовъ II курса:

А. Исторію философіи:

1. Богоявленскій Николай.
Василевскій Иванъ.
Введенскій Пантелеимонъ.
Вознесенскій Александръ.
5. Глаголевъ Николай.
Добровъ Георгій.
Дьяковъ Святославъ.
Зыковъ Вячеславъ.
Ключаревъ Василій.
10. Козыревъ Сергѣй.

- Лебедевъ Александръ.
Лебедевъ Николай.
Левковскій Александръ.
Іером. Іоаннъ (Маргіевъ).
13. Оглоблинъ Аркадій.
Орловъ Василій.
Паргачевскій Алексѣй.
Плотниковъ Александръ.
Іеродіак. Максимъ (Руберовскій).
20. Садковскій Георгій.
Сергіевскій Николай.
Скворцовъ Константинъ.
Смоленскій Алексѣй.
Соболевъ Василій.
25. Соколовъ Михаилъ (Моск.).
Струмѣнскій Михаилъ.
Тихоміровъ Александръ.
Устиновъ Павель.
29. Цуймановъ Александръ,

А. Педагогику:

1. Авраменко Михаилъ.
Берниковъ Сергѣй.
Бѣляевъ Тихонъ.
Величкинъ Алексѣй.
5. Виноградовъ Николай.
Волковъ Борисъ.
Голобородько Михаилъ.
Залѣвскій Сергѣй.
Івановъ Александръ.
10. Крыловъ Дмитрій.
Кузнецовъ Павель.
Лилеевъ Константинъ.
Лобановъ Василій.
Лобовъ Гавріилъ.
15. Нечаевъ Тихонъ.
Подлуцкій Иванъ.
Поповъ Тихонъ.
Пятикостовскій Сергѣй.
Синевъ Николай.

20. Соколовъ Михаилъ (Вио).
Тихомировъ Константинъ.
Четыркинъ Иванъ.
Ярещенко Александръ.
24. Ярошевичъ Евгеній.

в) Изъ студентовъ III курса:

А. Педагогика:

1. Августовъ Дмитрій.
Богдановичъ Иванъ.
Бондаревъ Θεодотъ.
Веселовъ Иванъ.
5. Виноградовъ Павелъ.
Глинскій Иванъ.
Гражданскій Тихонъ.
Зыковъ Иванъ.
Ивановъ Петръ.
10. Кандаки Мелхиседекъ.
Кряжимскій Александръ.
Курсинъ Анатолій.
Левкоевъ Владиміръ.
Мальгинъ Павелъ.
15. Никольскій Николаѣ.
Олесевичъ Сергѣй.
Свящ. Прозоровъ Николаѣ.
Романовъ Александръ.
Семеновъ Андрей.
20. Свящ. Соколовъ Іоаннъ.
Соколовъ Николаѣ.
Свящ. Сокольскій Павелъ.
Тихомировъ Александръ.
Шмелевъ Василій.
25. Ясневъ Петръ.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ по группамъ, собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XXVIII. Прошеніе вольнослушателя Академіи *Алексея Шишкина:*

„Вслѣдствіе возможности совмѣщенія съ разрѣшеннымъ мнѣ посѣщеніемъ лекцій по догматическому богословію и исторіи древней церкви слушанія лекцій по церковному праву, исторіи и обличенію западныхъ вѣроисповѣданій, а также по систематической философіи и логикѣ, гомилетикѣ и исторіи философіи, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, не найдется ли возможнымъ разрѣшить мнѣ посѣщать лекціи въ текущемъ учебномъ году и по этимъ предметамъ“.

Опредѣлили: Разрѣшить вольнослушателю Академіи Алексѣю Шишкину посѣщать въ 1911—1912 учебномъ году лекціи по указаннымъ въ его прошеніи предметамъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Нояб. 5. По ст. XXVI. Вольнослушателей Любимова и Петрова разрѣшается принять въ число студентовъ I-го курса Академіи. Прочее читано“.

27 октября 1911 года.

№ 23.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: ординарные профессора—А. И. Введенскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—С. И. Соколевскій, П. П. Соколовъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 19. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 октября за № 14199:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 23 сентября сего года № 363, объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи *стипендіи имени умершаго протоіеря Никанора Андреевича Румянцова*. Приказали: 1) Учредить при Московской Духовной Академіи стипендію имени умершаго протоіеря Никанора Анд-

реевича Румянцева, на проценты съ поступившаго по духовному завѣщанію вдовы помянутаго протоіерея Елизаветы Румянцевой и за симъ возросшаго отъ приращенія процентами капитала, въ 5800 рублей, свидѣтельствами Государственной 4% ренты, и 2) утвердить положеніе о сей стипендіи въ представленномъ Вашимъ Преосвященствомъ видѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 21. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 октября за № 14238:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующій Синодъ слушали: 1) Представленіе Преосвященнаго Нарвскаго, временно управлявшаго С.-Петербургскою епархіей, отъ 13 Іюля сего года за № 786—6352, по ходатайству Совѣта С.-Петербургской духовной академіи объ утвержденіи доцента сей академіи Бориса Титлинова въ степени доктора церковной исторіи за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи“, и 2) отзывъ о семъ сочиненіи Преосвященнаго Волынскаго, отъ 12 сего октября. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее представленіе, въ связи съ отзывами о вышеназванной книгѣ Титлинова академическихъ рецензентовъ, ректора С.-Петербургской духовной академіи и Преосвященнаго Волынскаго Антонія, Святѣйшей Синодъ опредѣляетъ: предписать ректорамъ духовныхъ академіи не принимать отъ профессоровъ—рецензентовъ отзывы о диссертацияхъ безъ прямого и яснаго заключенія объ ихъ удовлетворительности или неудовлетворительности для полученія искомой ученой степени; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 14238 объявить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи.

III. Отношеніе Императорской Академіи Наукъ отъ 30 сентября за № 3188:

„8 ноября 1911 года исполняется двухсотлѣтіе со дня рожденія великаго русскаго ученаго *Михаила Васильевича Ломоносова*.

Конференція Императорской Академіи Наукъ, желая почтить память своего знаменитаго сочлена, назначила на 8 ноября особое торжественное публичное засѣданіе Академіи, въ которомъ будутъ произнесены приличествующія собранію рѣчи. На день 7 ноября назначена заупокойная обѣдня и панихида.

Убѣжденная, что Русскія ученныя учрежденія и ученныя общества пожелаютъ принять участіе въ этомъ торжествѣ Русской науки, Императорская Академія Наукъ позволяетъ себѣ пригласить Московскую Духовную Академію принять участіе въ юбилеѣ присылкою своихъ представителей. О составѣ депутаціи Академія проситъ извѣстить ее по возможности не позже 20 октября сего года.

Программа торжественнаго засѣданія будетъ послана дополнительно“.

Опредѣлили: Привѣтствовать Императорскую Академію Наукъ, по случаю исполняющагося 8 ноября сего года двухсотлѣтія со дня рожденія ея знаменитаго сочлена—**М. В. Ломоносова**, поднесеніемъ адреса отъ имени Московской Духовной Академіи чрезъ особую депутацію въ составѣ: И. д. Ректора Академіи—профессора *А. П. Шостына* и и. д. доцента по кафедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Тунницкаго*, которымъ и поручить составить предварительный проектъ текста адреса.

IV. Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 24 октября за № 1929:

„Студентъ II курса Московской Духовной Академіи *іеромонахъ Іоаннъ (Маргіевъ)*, зачисленный въ семь году на полученіе лаврскаго пособія, обратился въ Духовный Соборъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему состоять въ Академіи полупансіонеромъ, какъ онъ состоялъ на 1-мъ курсѣ въ прошломъ году. Духовный Соборъ, не въ примѣръ прочимъ, полагаетъ удовлетворить настоящее ходатайство, почему и имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи увѣдомить Соборъ, не встрѣчается ли со стороны онаго Совѣта

какихъ-либо препятствій къ удовлетворенію ходатайства іеромонаха Іоанна“.

Справка: Въ началѣ минувшаго 1910—1911 учебнаго года, по введеніи въ дѣйствіе новаго устава духовныхъ академій, § 147-мъ котораго впервые разрѣшалось своекоштнымъ студентамъ жить въ Академіи въ качествѣ *полупансіонеровъ*, студенты III курса Академіи—Борисъ *Прокоповичъ*, Михаилъ *Сперанскій* и Александръ *Хотовицкій*, получавшіе на свое содержаніе пособіе изъ суммъ Троице-Сергіевой Лавры (въ размѣрѣ взноса полного пансіонера, т. е. 300 р. въ годъ), обратились въ Правленіе Академіи съ просьбою о зачисленіи ихъ полупансіонерами.—На прошеніи ихъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи Епископомъ Θεодоромъ положена была такая резолюція: „29—X—1910. Спросить мнѣнія на сей предметъ Лаврскаго Собора“.—По этому поводу въ Правленіе Академіи поступило отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 30 сентября 1910 года за № 1892, слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе резолюціи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Θεодора, Ректора Академіи, отъ 29 сего Сентября, на прошеніи студентовъ 3-го курса Академіи: Прокоповича, Сперанскаго и Хотовицкаго, получающихъ на содержаніе въ Академіи пособіе отъ Лавры, коимъ прошеніемъ означенные студенты просятъ о зачисленіи ихъ полупансіонерами, съ правомъ вносить въ Академію изъ получаемыхъ отъ Лавры 300 р. въ годъ только 220 р., а 80 р. оставлять на обзаведеніе себѣ вещей, необходимыхъ по окончаніи Академіи, какъ на примѣръ, костюма, Духовный Соборъ имѣетъ честь симъ увѣдомить Правленіе Академіи, что Соборъ не находитъ возможнымъ предоставить студентамъ, пользующимся лаврскимъ пособіемъ, состоять въ Академіи полупансіонерами“.

Опредѣлили: На вышеизложенный запросъ о студентѣ II курса Академіи іеромонахѣ Іоаннѣ (Маргіевѣ) сообщить Духовному Собору Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, что какъ по экономическимъ, такъ и по дисциплинарнымъ соображеніямъ Совѣтъ Академіи признаетъ необходимымъ по вопросу о содержаніи въ Академіи лаврскихъ стипендіатовъ неуклонно держаться разъ принятаго порядка, установленнаго

къ тому же въ полномъ соотвѣтствіи съ желаніемъ самого Духовнаго Собора Лавры.

V. Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1910 года *Владимира Владиславлева*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Профессоровъ разрѣшить мнѣ исправить и дополнить мою кандидатскую работу: „Бесѣда Господа о хлѣбѣ жизни“ для представленія ея въ качествѣ диссертациі на соисканіе ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565.—2) Кандидатское сочиненіе г. Владиславлева отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Дозволить кандидату Владиміру Владиславлеву переработать его кандидатское сочиненіе на указанную тему въ магистерскую диссертацию.—2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1911 г. Нояб. 5. Читано и утверждается“.
